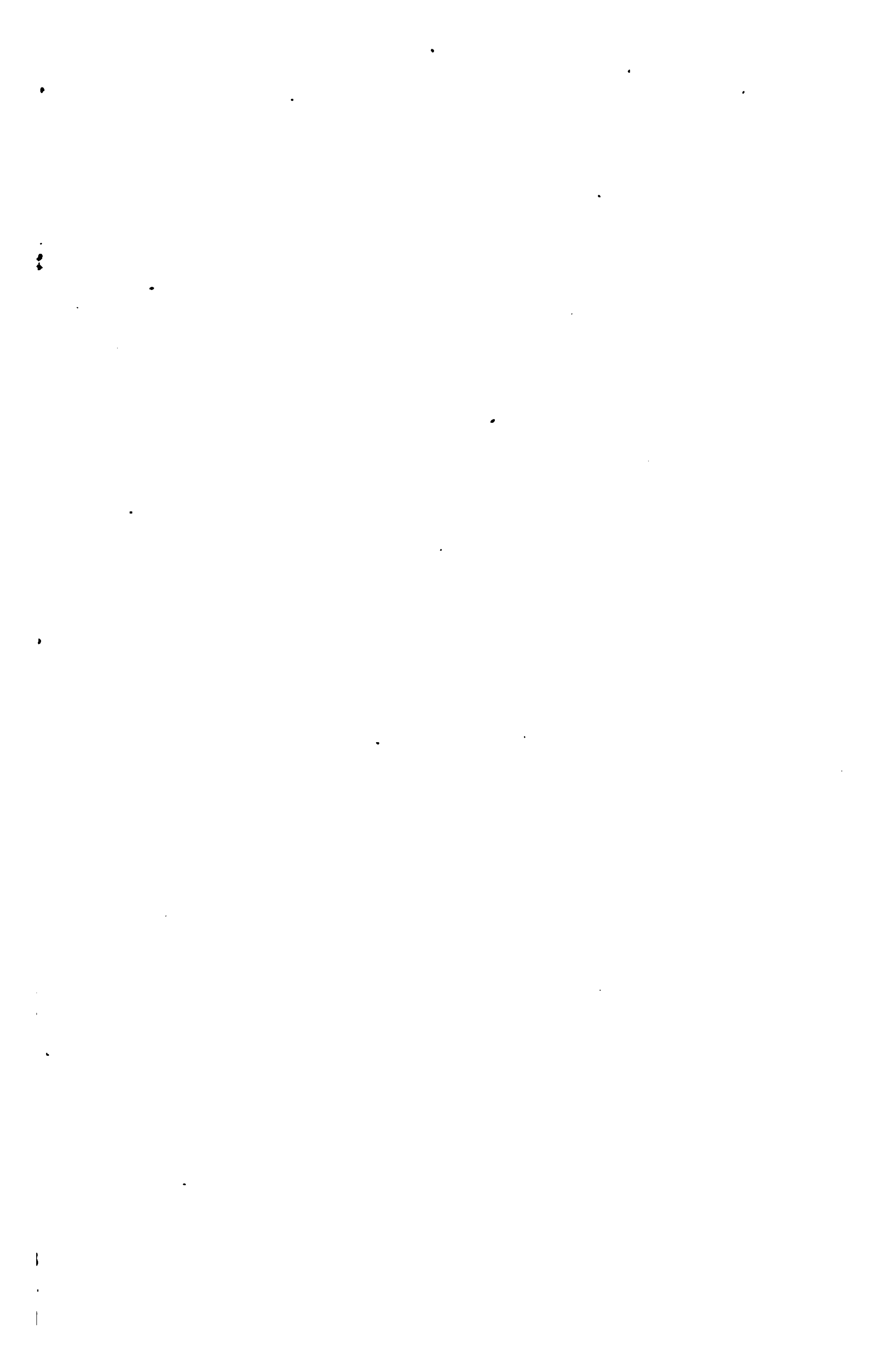
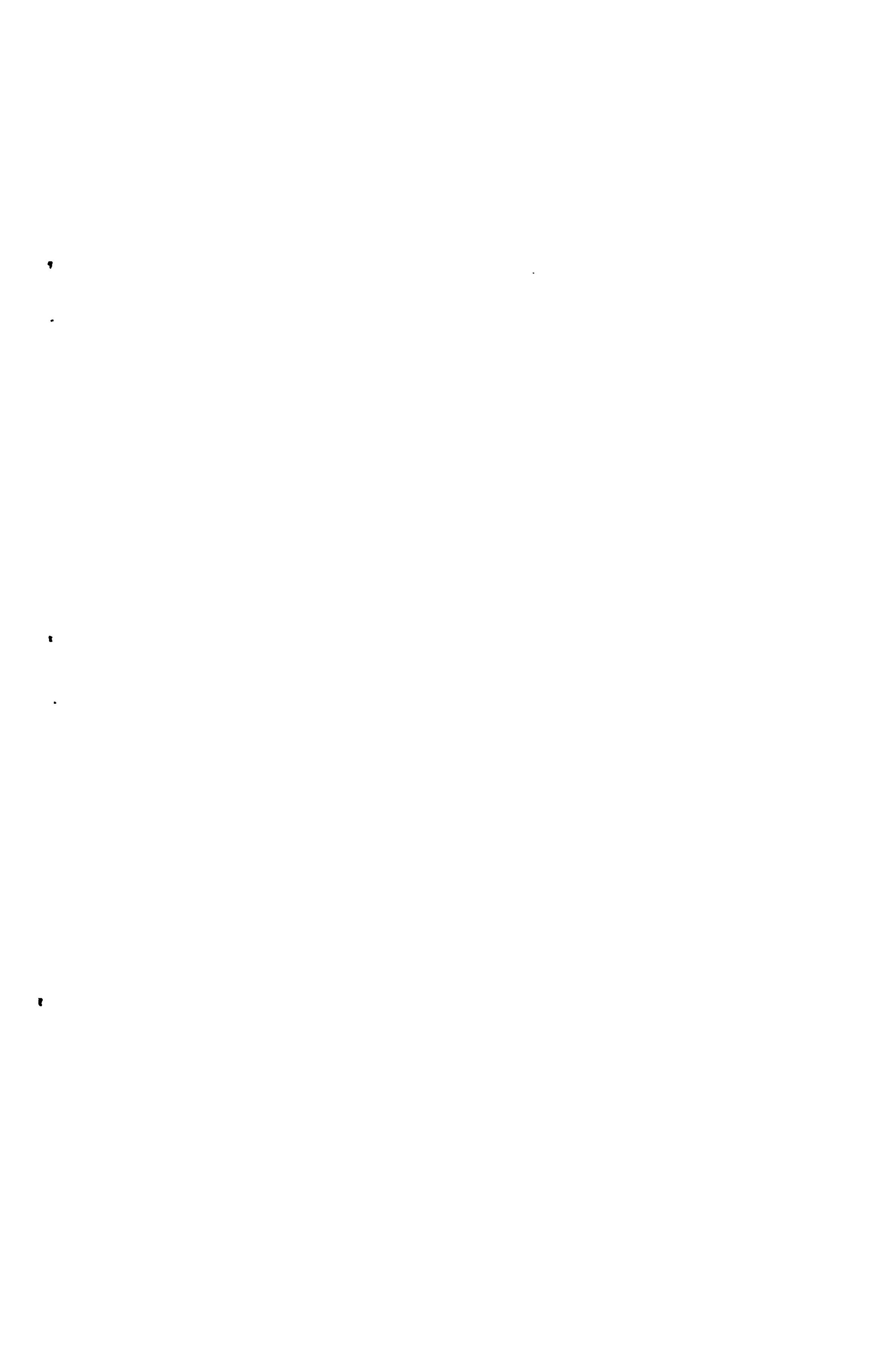
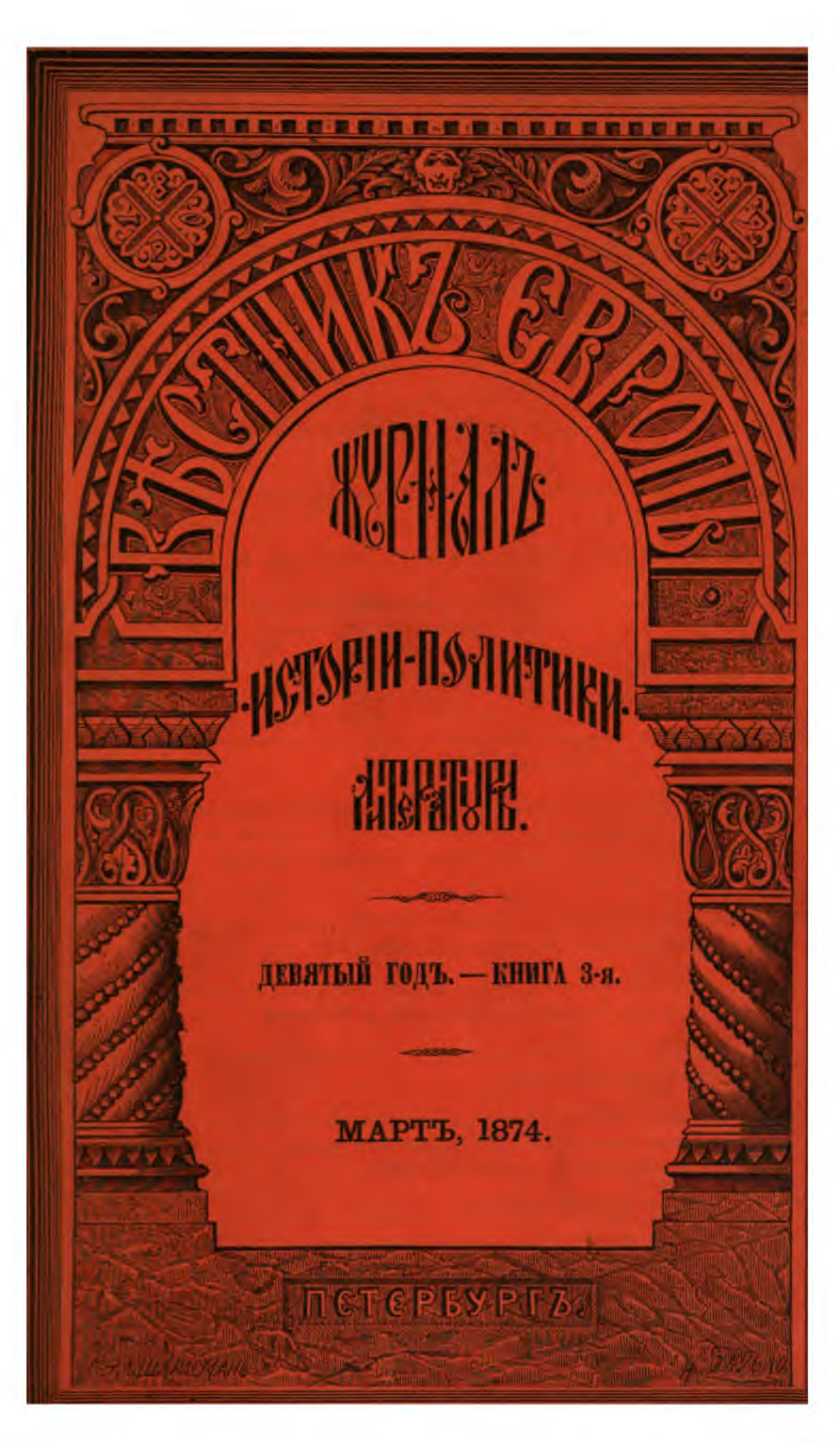

SIGILL : COLL : HARVARD : CANTAB : NOV : ANGL : 1650.
CHRISTO ET ECCLESIAE

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ.
ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 3-я.
МАРТЪ, 1874.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА,
ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 3-я. — МАРТЪ, 1874.

Стр.

I.—ПОЛЬСКАЯ КОЛОНИЗАЦІЯ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.—I-II.—**П. А. Кулиша** . . . 5

II.—ДЕВЯТЫЙ ВАЛЪ.—Романъ въ трехъ частяхъ. — Часть третья и послѣдняя.— **Г. П. Данилевскаго** . . . 56

III.—СОБСТВЕННЫЙ РОМАНЪ ЛИТЕРАТОРА.—Lettres à une inconnue, par Pr. Mérimée.—**А. Н—а** . . . 170

IV.—В. Г. БѢЛИНСКІЙ.—Опытъ біографіи. — I. Дѣтство и юношескіе годы.—**А. Н. Пыпина** . . . 205

V.—КУЙ ЖЕЛѢЗО, ПОКА ГОРЯЧО. — Новый англійскій романъ м-съ Брэддонъ.— XIII-XXI.—**А. Э.** . . . 231

VI.—ХРОНИКА.—НАШИ НЕОТВЕРЖДЕННЫЕ ДОЛГИ.—**Ил. Иг. Кауфмана** . . . 295

VII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Государственная роспись на 1874 г. — Отчетъ контроля за 1872 г.—Взглядъ на общее экономическое положеніе.—Вопросъ о бумажныхъ деньгахъ.—Металлическій фондъ. — Голодъ въ Самарской губерніи.—Выводы изъ фактовъ.—Облегченія обвиненнымъ въ государственныхъ преступленіяхъ . . . 334

VIII.—ОБЪЯСНЕНІЕ, по поводу „Отвѣтовъ“ на вопросы объ операціяхъ Государственнаго Банка.—**А. А. Головачова** . . . 355

IX.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Выборы въ германскій рейхстагъ.—Открытіе сессіи.—Военный законъ. — Рѣчь Рихтера.—Рѣчь Мольтке. — Предложеніе Тейтша.—Выборы въ Великобританіи.—Пораженіе Гладстона. — Новое правительство въ Англіи . . . 377

X.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА. —Политическая неурядица и литературныя новости: романъ В. Гюго.—**Н.** . . . 398

XI.—ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КРИТИКА.—Письма въ Редакцію по поводу „Замѣчаній“ и вопросовъ проф. Сѣченова.—I.—**К. Д. Кавелина** . . . 411

XII.—НЕКРОЛОГЪ. — М. А. Максимовичъ. — Его литературное и общественное значеніе.—**М. Драгоманова** . . . 442

XIII.—ИЗВѢСТІЯ.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.— II.—Уставъ Саратовскаго Общества вспомоществованія недостаточнымъ людямъ, стремящимся къ высшему образованію . . . 454

XIV.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I—VIII стр.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ГОДЪ XXXVIII — ТОМЪ CCXX. — 1/13 МАРТА 1874.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

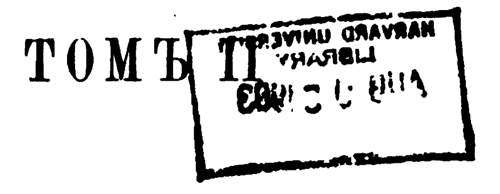
ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

СОРОКЪ-ШЕСТОЙ ТОМЪ

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ II.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Невскомъ просп., у Казанск. моста, № 30.

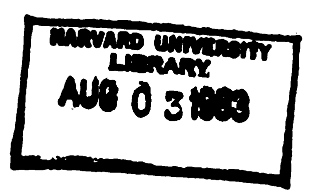
Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ, № 9.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1874.

(60)

ПОЛЬСКАЯ КОЛОНИЗАЦІЯ
ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

I.

Развитіе сельскаго хозяйства въ старой Польшѣ. — Стѣсненіе рабочаго класса.—Колонизація пустынныхъ мѣстностей.—Движеніе колонизаціи къ Днѣпру, Бугу, Днѣстру.—Плодородіе новозаселенныхъ земель.—Крупные землевладѣльцы.

Когда юго-западная Русь вошла въ составъ польско-литовской политической системы, она представляла безпорядочное собраніе пустошей, оставшихся послѣ татарскаго разгрома ея защитниковъ и послѣ татарскаго господства надъ остатками ея населенія. Задача дѣйствительнаго владѣнія и пользованія малолюдными, или вовсе безлюдными, землями, естественно, была и задачею сплошного заселенія этихъ земель. Но общаго плана колонизаціи окраинъ государства Польша тогда еще не имѣла. Онъ образовался въ шляхетской средѣ мало-по-малу, подъ вліяніемъ частныхъ интересовъ отдѣльныхъ домовъ и ихъ приверженцевъ.

Уступивъ крестоносцамъ Поморье, Польша заперла-было себѣ выходъ водянымъ путемъ въ западную Европу. Только во второй половинѣ XV вѣка удалось ей наконецъ подчинить себѣ крестоносцевъ и открыть свободный доступъ водою въ Балтійское море. Съ этого собственно времени начинается то движеніе въ экономическомъ ея развитіи, которое дало полякамъ возможность владѣть пустынными окраинами государства въ качествѣ хозяевъ, а не такъ, какъ владѣли ими татары и ихъ баскаки. Промыш-

ленная дѣятельность всей равнины Вислы быстро оживилась. Панскія имѣнія, пользовавшіяся привилегіями, стали приносить неслыханные до тѣхъ поръ доходы. Громадныя состоянія выростали въ короткое время; малыя хозяйства превращались въ обширныя, а накопленіе богатствъ способствовало распространенію въ панскомъ обществѣ образованности. Это общество, въ силу своихъ наслѣдственныхъ понятій, смотрѣло на городскую торговлю съ пренебреженіемъ, и только изъ земли считало для себя неунизительнымъ извлекать доходы. Превосходство богатства, образованности, политическихъ правъ—все было обращено на увеличеніе производительности панскихъ имѣній. Съ ущербомъ для промышленности городской, стало въ Польшѣ процвѣтать сельское хозяйство. Изъ отдаленныхъ странъ Европы—Франціи, Фландріи, Англіи, Шотландіи, Ирландіи, Швеціи, Норвегіи, Даніи и Германіи—въ Данцигскій и другіе порты приходило по пяти тысячъ кораблей за хлѣбомъ, деревомъ для постройки судовъ, поташомъ, льномъ, пенькою, шерстью, шкурами, воскомъ. Десятки тысячъ воловъ и многочисленные табуны лошадей отправлялись ежегодно въ Германію, Богемію, Моравію. Одного хлѣба отпускалось за границу каждый годъ на 9 милліоновъ талеровъ. И все это производилось большими хозяйствами, которыя еще въ XV вѣкѣ начали быстро выростать на счетъ малыхъ.

На изготовленіе такой массы продуктовъ требовалось множество рукъ, а между тѣмъ число свободныхъ работниковъ, заинтересованныхъ выгодами сельской жизни, не соотвѣтствовало страсти къ земледѣлію, овладѣвшей богатыми и просвѣщенными панами. Поэтому, въ законодательныхъ шляхетскихъ собраніяхъ изыскивались мѣры, стѣснявшія рабочій классъ общества въ пользу землевладѣльцевъ. Мало-по-малу чиншевая система хозяйства уступила мѣсто системѣ панщины, и положеніе земледѣльческаго населенія вообще ухудшилось до такой степени, что уже въ половинѣ XVI вѣка польскіе писатели начали предостерегать общество о грозившей ему отсюда опасности. Съ одной стороны, легкость пріобрѣтенія малыхъ имѣній богатыми помѣщиками, съ другой, все большее и большее дробленіе наслѣдственныхъ земель въ рукахъ мелкопомѣстной шляхты — увеличивали классъ привилегированныхъ, но необразованныхъ людей, именно такъ-называемую «загоновую» шляхту, которая вмѣсто того, чтобы составлять на сеймахъ противовѣсъ магнатамъ, дѣлалась безсознательнымъ орудіемъ ихъ частной и общей политики. Что касается до простолюдиновъ, то они еще въ концѣ XIV вѣка начали по закону терять право свободнаго перехода съ мѣста на мѣсто; потомъ

имъ запрещено во время жнивъ отправляться за границу, а наконецъ, не позволялось ходить на заработки даже въ польскіе города. Слѣдствіемъ этихъ мѣръ было обѣдненіе крестьянъ и повсемѣстное бѣгство ихъ изъ панскихъ имѣній. Колонизаторы пустынныхъ мѣстностей пользовались такимъ положеніемъ вещей и переманивали къ себѣ рабочій классъ обѣщаніемъ льготъ, а отъ строгости закона защищались политическимъ своимъ значеніемъ и надворными дружинами. Такимъ образомъ, общественный строй Польскаго государства подчинился силѣ сравнительно немногихъ лицъ, и начался порядокъ вещей, основанный на такъназываемомъ въ польской исторіи «можновладствѣ» (вельможествѣ).

Всѣ эти явленія общественной польской жизни повторялись, въ своей послѣдовательности, на польской Руси, которая окаймляла коренную Польшу съ юго-востока. По мѣрѣ того, какъ воинственная часть польскаго общества успѣвала въ преслѣдованіи татаръ, потомковъ первоначальныхъ опустошителей Руси и Польши, она открывала просторъ для польской цивилизаціи, со всѣми ея достоинствами и недостатками. На пространствѣ отъ Карпатъ до рѣки Нарева прибывали новоустроенные повѣты и воеводства. Вскорѣ по основаніи въ Галиціи Русскаго воеводства, въ 1462 году появилось воеводство Белзское, въ восточной части того же края. Тогда же населеніе русскаго берега Вислы у Сандомира увеличилось до такой степени, что надобно было, около 1471 года, заложить тамъ новое воеводство, Люблинское. Спустя немного времени, въ землѣ исчезнувшихъ ятвяговъ появилось воеводство Подляское. Въ 1563 году, «по причинѣ сгущенія рыцарской людности» въ землѣ Галицкой, признано было нужнымъ установить въ Галичѣ другой сеймикъ для Русскаго воеводства, а черезъ четыре года, по той же самой причинѣ, южная оконечность Волыни получила отдѣльное устройство, подъ названіемъ воеводства Брацлавскаго.

Страхъ татарскихъ набѣговъ сгущалъ хутора и села сперва у такихъ мѣстъ, которыя представляли больше защиты и убѣжища во время внезапной опасности. По этой причинѣ прежде всего дѣлались людными окрестности укрѣпленныхъ городовъ, каковы были: Баръ, Брацлавъ, Винница, Кіевъ. Но потомъ всего больше начала привлекать къ себѣ богатая травами черноземная мѣстность, лежавшая широкою пустынею ниже Канева и Бѣлой-Церкви, отъ Сулы и Днѣпра до Буга и далеко еще за Бугъ,— мѣстность, которую успѣли отстоять противъ половцевъ древніе русичи, и которую теперь потомкамъ ихъ приходилось отстаивать противъ татаръ. Сюда спѣшили изъ глубины внутреннихъ

областей предпріимчивые люди искать новаго счастья. Знатные паны выпрашивали себѣ здѣсь у короля обширныя украинскія старбства; мелкая шляхта добивалась должностей второстепеннаго, «не-городового» старосты, управлявшаго, подъ именемъ дозорцы, королевскимъ имѣніемъ, безъ права суда и расправы; простолюдиновъ манила льгота отъ всякихъ платежей и повинностей, которую основатели новыхъ «осадъ» давали поселенцамъ на много лѣтъ впередъ. Плодородіе земли украинской вознаграждало труды каждаго. Молва прославила эту землю, какъ обѣтованную, а современные польскіе публицисты печатали, для распространенія между сеймующими панами, брошюры о томъ, какъ слѣдовало бы распорядиться этимъ краемъ, для извлеченія изъ него наибольшихъ выгодъ. Одни совѣтовали завести на лѣвой сторонѣ Днѣпра рыцарскую школу, для которой образцомъ предполагалось избрать нѣмецкихъ крестоносцевъ; другіе находили удобнымъ раздѣлить всю порожнюю землю на Украинѣ между убогою шляхтою, и пророчили, что этимъ способомъ здѣсь образуется новая Рѣчь Посполитая, такъ какъ порожней земли считалось тогда въ Украйнѣ больше, нежели вся Великая и Малая Польша, взятыя вмѣстѣ. «Дивное дѣло», толковали паны на сеймахъ, «что лузитанцы и голландцы овладѣли антиподами и Новымъ Свѣтомъ, а мы до сихъ поръ не въ состояніи совершенно заселить такого близкаго и плодоноснаго края, который такъ легко намъ занять. Мы знаемъ этотъ край меньше, нежели голландцы Индію» [1]).

Въ самомъ дѣлѣ, не только польскимъ государственнымъ людямъ, но и московскимъ думнымъ дьякамъ не было тогда извѣстно, гдѣ оканчивается земля одного государства, и гдѣ начинается—другого. Поляки сознавались, что украинскія пустыни «еще не присоединены къ ихъ государству опредѣленными границами и не составляютъ ничьей собственности»; а царь Θеодоръ, въ 1592 году, называлъ «своимъ путивльскимъ рубежомъ» берега рѣки Сулы, гдѣ князь Вишневецкій заложилъ тогда, на старомъ пепелищѣ, городъ Лубны, уничтоженный нѣкогда татарскимъ нашествіемъ. Когда мысль о заселеніи украинскихъ «пустынь» начала занимать умы знатныхъ пановъ, никто не умѣлъ опредѣлить границъ, до которыхъ эти пустыни простирались, и даже самое положеніе жалованныхъ панамъ земель обозначалось

---

[1]) Весьма рѣдкая брошюра: „O nowych osadach i słobodach ukrainnych zdanie i rozsądek“, безъ означенія года и имени автора. По печати и правописанію, относится къ концу XVI вѣка.

въ актахъ весьма неясно. Въ 1590 году, князю Александру Вишневецкому, черкасскому старостѣ, пожалована «пустыня рѣки Сулы за Черкасами». Въ слѣдующемъ году, князь Николай Рожинскій получилъ во владѣніе «пустыню урочища надъ рѣками Сквирою, Раставицею, Упавою, Ольшанкою и Каменицею». Сеймовымъ постановленіемъ 1609 года, Валентію Александру Калиновскому отдана «извѣстная пустыня Умань, во всемъ объемѣ своихъ урочищъ».

Мысль, положенная въ основаніе такихъ, можно сказать, фантастическихъ пожалованій, выражена въ сеймовомъ постановленіи 1590 года, которое, отъ имени короля, гласитъ слѣдующее: «Государственныя сословія обратили наше вниманіе на то обстоятельство, что ни государство, ни частныя лица не извлекаютъ никакихъ доходовъ изъ обширныхъ лежащихъ впустѣ нашихъ владѣній на украинскомъ пограничьѣ за Бѣлою-Церковью. Дабы тамошнія земли не оставались пустыми и приносили какую-нибудь пользу, мы, на основаніи предоставленнаго намъ всѣми сословіями права, будемъ раздавать эти пустыни, по нашему усмотрѣнію, въ вѣчное владѣніе лицамъ шляхетскаго происхожденія за ихъ заслуги передъ нами и Рѣчью-Посполитою».

Легко вообразить, какъ послѣ этого заслуженные и незаслуженные люди принялись добиваться въ Украинѣ—или пожизненныхъ владѣній въ королевскихъ имѣніяхъ, или урочищъ для заложенія наслѣдственныхъ волостей, или арендъ въ новыхъ староствахъ.

Заводя новыя и новыя осады, паны нуждались въ рабочемъ народѣ и привлекали его къ себѣ разными заманчивыми средствами. На ярмаркахъ, въ корчмахъ и въ другихъ многолюдныхъ сборищахъ, панскіе агенты объявляли, что въ такомъ-то мѣстѣ основана слобода, и что, кто захочетъ въ ней поселиться, тотъ на столько-то лѣтъ будетъ свободенъ отъ всякихъ податей и повинностей въ пользу землевладѣльца. Соперничая одинъ съ другимъ въ предоставленіи новымъ поселенцамъ льготъ, паны доводили льготное время до двадцати, иногда до тридцати лѣтъ. Чтобы судить, до какой степени такая льгота была заманчива, надобно вспомнить, что въ глубинѣ королевства только въ XIII вѣкѣ, послѣ татарскаго нашествія, зазывались поселенцы съ обѣщаніемъ 30-лѣтней вольности, да и то въ лѣсахъ; на зарosляхъ обѣщалось только 12 лѣтъ воли, а на поляхъ 8. По истеченіи льготнаго срока, поселяне обязывались платить извѣстныя подати и отбывать нѣкоторыя повинности; но о панщинѣ на Украинѣ не было рѣчи. Кромѣ того, заохочивали народъ къ заселе-

нію новыхъ мѣстъ надеждою избѣжать отвѣтственности за проступки, сдѣланные въ другихъ мѣстахъ; а нѣкоторые прямо обѣщали защищать своихъ поселянъ отъ преслѣдованія закона, каковы бы ни были ихъ преступленія. Не только люди темные, но и такіе, какъ Янъ Замойскій, не считали для себя унизительнымъ прибѣгать къ этому способу для заселенія своихъ украинскихъ владѣній. Въ одномъ изъ современныхъ списковъ «экзорбитанцій, сдѣланныхъ Яномъ Замойскимъ», 36-ою экзорбитанціею помѣщено то, что онъ, зазывая къ себѣ на слободы народъ по мѣстечкамъ, «населялъ свои имѣнія бѣглецами и гультаями съ неслыханными вольностями. Даже такимъ негодяямъ, которые убивали отца, мать, родного брата, или пана, давалъ онъ у себя безопасное пристанище, лишь бы сдѣлать свои села многолюдными, не позволяя никому преслѣдовать ихъ законами» [1]).

Здѣсь надо вспомнить, что сельское хозяйство въ Польшѣ, къ концу XVI вѣка, окончательно перешло изъ мелкопомѣстнаго въ великопомѣстное, что система чиншевого дохода съ имѣній окончательно замѣнилась тамъ панщиною, и что, вслѣдствіе принужденій къ работѣ со стороны владѣльцевъ и ихъ прикащиковъ, усилились, болѣе нежели когда-либо, побѣги крестьянъ отъ помѣщиковъ. Что касается до Литвы, то Герберштейнъ говоритъ, что тамъ народъ, со временъ Витовта, находился въ полномъ распоряженіи панскихъ урядниковъ и доведенъ до крайней бѣдности; а Михалонъ Литвинъ, въ сочиненіи, писанномъ для Сигизмунда-Августа, сравниваетъ порабощеніе литовскихъ простолюдиновъ съ татарскою неволею, и упрекаетъ пановъ литовскихъ въ томъ, что они своихъ людей мучатъ, уродуютъ и убиваютъ безъ суда. Всѣ эти обстоятельства содѣйствовали движенію народонаселенія отъ береговъ Вислы и Нѣмана въ юговосточныя пустыни, которыя, подъ конецъ XVI вѣка, сдѣлались болѣе или менѣе безопасными, благодаря воинственности пограничныхъ жителей.

Такимъ образомъ, колонизаторы пространствъ, лежащихъ между Сулой, Днѣпромъ и Днѣстромъ, не имѣли недостатка въ поселеніяхъ. Слухи о плодородіи украинской почвы привлекали сюда хозяевъ, которые умѣли извлекать большіе доходы даже изъ

---

[1]) Въ этомъ и другихъ мѣстахъ своей монографіи, авторъ заимствовалъ свѣдѣнія о колонизаціи польской Руси изъ неоконченнаго сочиненія покойнаго Шайнохи: „Dwa lata dziejów naszych“, которое грѣшитъ игнорированіемъ русскаго элемента въ экономическомъ и политическомъ движеніи на древней русской территоріи въ XVI и XVII вѣкѣ, но къ статистическимъ и топографическимъ даннымъ относится съ надлежащимъ вниманіемъ.

песчаныхъ равнинъ недавно заселеннаго Подлясья. Здѣсь они находили неисчерпаемый источникъ обогащенія. То, чтó писано современниками объ этой землѣ, «текущей молокомъ и медомъ», представляется нынѣ невѣроятнымъ. Опалинскій говоритъ, что всякое зерно, брошенное въ землю, взрыхленную деревянной сохой, давало урожай баснословный; а Ржончинскій приводитъ одинъ случай, что изъ посѣва 50 корцевъ собрано жита 1500 копъ. Травы были такъ высоки, что огромные волы скрывались въ нихъ почти по самые рога; а плугъ, оставленный на полѣ, въ нѣсколько дней покрывался густою растительностію. По свидѣтельству того же писателя, плодородіе земли, душистость злаковъ и обиліе цвѣтовъ до такой степени благопріятствуютъ въ Украинѣ пчеловодству, что пчелы водятся не только въ лѣсахъ и деревьяхъ, но по берегамъ рѣкъ и даже просто въ землѣ; что тамъ поселяне истребляютъ скитающіеся рои пчелъ для защиты отъ нихъ роевъ осѣдлыхъ, и что образовавшіяся случайно въ землѣ ямы часто бываютъ наполнены медóмъ, такъ что огромные медвѣди, попавшись до него, околѣваютъ отъ обжорства. Въ окрестностяхъ Подольскаго Каменца Ржончинскій зналъ пасичника, у котораго 12 ульевъ дали въ одно лѣто 100 роевъ, изъ которыхъ 40 было сохранено, а остальные побиты, ради меду; а Опалинскій, говоря о обиліи пасикъ въ Червоной Руси, упоминаетъ объ одномъ землевладѣльцѣ, который собиралъ ежегодно по тысячѣ бочекъ медовой десятины. Подобнымъ образомъ, по словамъ Опалинскаго, одинъ изъ крупныхъ украинскихъ землевладѣльцевъ собралъ за одинъ разъ 10 тысячъ воловъ десятины со стадъ; а когда семилѣтній сборъ поволовщины замѣненъ былъ ежегоднымъ, ему каждый годъ приходилось по тысячѣ воловъ съ его имѣній.

Польскіе паны, видя богатства своихъ украинскихъ собратій въ короткое время удвоенными, утроенными, удесятеренными, принялись работать надъ колонизаціею пустынь съ какой-то лихорадочной поспѣшностію. Чѣмъ больше было опасности со стороны татарскихъ набѣговъ, тѣмъ бóльшею настойчивостію отличались и сами колонизаторы, и привлеченные ими поселяне. Съ своей стороны татары, направляемые турками, противодѣйствовали заселенію степныхъ мѣстъ, черезъ которыя они привыкли проходить внутрь края безъ всякой задержки. Набѣги ихъ сдѣлались чаще и опустошительнѣе. За каждымъ разомъ уводили они въ неволю тысячи новыхъ поселенцевъ. Но на мѣсто исчезнувшихъ жителей, на пепелищахъ ихъ осадъ, являлись новые выходцы изъ внутреннихъ областей, и этакъ одно и то же село возобновлялось по нѣскольку разъ. Движеніе извнутри государства въ

украинскимъ пустынямъ было такъ велико, что, по словамъ одного изъ современныхъ наблюдателей, «многолюдныя нѣкогда земли, мѣстечки и села серединныхъ областей совсѣмъ дѣлались пусты, а необитаемыя нѣкогда пространства украинныя наполнялись жителями, къ неисчислимому вреду ихъ прежнихъ помѣщиковъ».

Начало XVII-го вѣка было временемъ, когда экономическое богатство внутреннихъ польскихъ провинцій, достигнувъ размѣровъ, никогда уже не повторявшихся, начало клониться къ упадку. Обѣдненіе крестьянъ уменьшило производительность городской промышленности, а упадокъ городовъ отразился на внутренней торговлѣ. Богатые люди получали необходимыя для нихъ издѣлія отъ иноземныхъ купцовъ, которыхъ множество сновало по всей Польшѣ, а мѣстныя произведенія отправлялись за-границу въ сыромъ видѣ. Ремесленные цехи, которыхъ прежде насчитывалось до двадцати и болѣе во многихъ городахъ, исчезали съ каждымъ годомъ; городскія улицы пустѣли; каменныя зданія чаще и чаще превращались въ развалины; городскіе ремесленники такъ же, какъ и сельскіе хлѣборобы, оставляли старую Польшу и стремились на ея окраины. Приливъ жителей въ новыхъ поселеніяхъ, несмотря на татарскіе набѣги, былъ такъ ощутителенъ, что вокругъ нѣкоторыхъ укрѣпленныхъ мѣстечекъ ежегодно прибывало по семи новыхъ селъ; а одинъ землемѣръ, именно инженеръ Бопланъ, могъ въ короткое время заложить въ имѣніяхъ короннаго гетмана Конецпольскаго 50 большихъ слободъ, изъ которыхъ, во время его 17-ти-лѣтняго пребыванія въ польской службѣ, образовалось до 1,000 селъ. «Лишь только увидѣли богатѣйшіе магнаты», говоритъ современный лѣтописецъ Пясецкій, «что Украина будетъ защищена,—немедленно вывели туда безчисленныя колоніи и устроили въ удобнѣйшихъ мѣстахъ укрѣпленія. Прежде за Кіевомъ, Баромъ и Брацлавомъ лежали пустыни, въ которыхъ водились одни дикіе звѣри; въ короткое время онѣ наполнились многолюдными селами и городами».

Но въ эти города и села, подъ приманкою льготныхъ лѣтъ и прославленной украинской вольности, вносился тотъ же духъ вельможества, который въ глубинѣ государства, подъ-конецъ XVI-го вѣка, соединилъ почти всѣ свободныя солтыства въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, а мелкія шляхетскія имѣнія обременилъ разорительными повинностями. Напрасно на сеймахъ появлялись брошюры о раздѣленіи украинскихъ пустынь на малыя хозяйства. Государственный порядокъ, или лучше сказать безпорядокъ Рѣчи-Посполитой привелъ къ тому, что здѣсь, вмѣсто дроб-

ныхъ участковъ, образовались такъ-называемыя «волости», то-есть огромныя панскія имѣнія, заключавшія въ себѣ по нѣскольку «ключей», или по нѣскольку десятковъ селъ и мѣстечекъ. И такихъ волостей у каждаго украинскаго магната было по нѣскольку. Кромѣ того, многіе изъ нихъ владѣли тремя, четырьмя, пятью и болѣе староствами, съ которыхъ, подъ разными предлогами, платили въ королевскую казну весьма немного, а часто и совсѣмъ ничего не платили. Таковъ именно былъ въ числѣ прочихъ князь Константинъ Острожскій, который, владѣя четырьмя обширными староствами, на сеймѣ 1575 года выпрашивалъ денегъ на починку кіевскаго зàмка, къ соблазну пановъ, сравнительно небогатыхъ [1]). Кромѣ старостинскихъ городовъ и селъ, кромѣ другихъ имѣній князей Острожскихъ, въ одномъ майоратѣ, принадлежавшемъ этому дому, считалось 80 городовъ и мѣстечекъ, и 2760 селъ. По смерти князя Януша Острожскаго въ 1620 году, оказалось у него въ наличности 600,000 червонцевъ, 400,000 битыхъ талеровъ, на 29 милліоновъ злотыхъ разной монеты и 30 бочекъ ломаннаго серебра; сверхъ того, 50 цуговъ, 700 верховыхъ лошадей, 4000 кобылицъ, безчисленное множество рогатаго скота и овецъ. Такъ какъ Янушъ Острожскій умеръ бездѣтнымъ, то его майоратъ наслѣдовалъ князь Владиславъ Доминикъ Заславскій, и безъ того чрезвычайно богатый. Теперь его владѣнія обнимали такія громадныя пространства, что впослѣдствіи половина народа, сражавшагося подъ знаменами Богдана Хмельницкаго, считалась его подданными. Наслѣдники пресѣкшагося тогда же рода князей Збаражскихъ, князья Вишневецкіе владѣли на одной лѣвой сторонѣ Днѣпра десятками городовъ и мѣстечекъ съ тысячью селъ, а принадлежавшія имъ съ правой стороны имѣнія тянулись широкою полосою отъ Днѣпра черезъ воеводства кіевское, волынское, русское и сендомирское. На побережьяхъ нижняго Днѣстра живописнѣйшими и плодороднѣйшими пространствами, какія гдѣ-либо принадлежали Польшѣ, владѣли почти исключительно Потоцкіе и Конецпольскіе. Эти послѣдніе захватили въ свои руки столько староствъ и вотчинныхъ имѣній, что, путешествуя изъ своего родного гнѣзда, Конецполя, въ воеводствѣ сѣрадзскомъ, въ недавно основанное Новое Конецполе, на степяхъ прибугской Украины, они могли, отъ конца до конца

---

[1]) Въ 1597 году король Сигизмундъ III-й требовалъ отъ него со всѣхъ его земель подымнаго, котораго онъ не платилъ со времени присоединенія волынскаго воеводства къ коронѣ- и котораго накопилось за нимъ 4,000 копъ литовскихъ грошей (Рукоп. Императорской Публ. Библіот., отдѣлъ польскій, № 228, fol. IV).

государства, каждый ночлегъ проводить подъ собственнымъ кровомъ. На однихъ «татарскихъ шляхахъ» принадлежало имъ, передъ возстаніемъ Хмельницкаго, 170 городовъ и 740 селъ. Владѣнія Потоцкихъ также были очень обширны. Кромѣ нѣжинскаго староства на восточной сторонѣ Днѣпра, кромѣ Кременчуга, Потока и другихъ урочищъ, заселенныхъ въ ихъ пользу по Днѣпру, все Поднѣстріе такъ густо было занято ихъ владѣніями, что надднѣстрянскую шляхту называли въ Польшѣ «хлѣбоѣдцами Потоцкихъ». Вдоль всего Подолья широко разселились Калиновскіе, которымъ достались также многія имѣнія вокругъ Чернигова и Новгорода-Сѣверскаго, послѣ того, какъ Сѣверскій край былъ примежеванъ отъ Московскаго царства къ Польшѣ. Не менѣе обширныя владѣнія принадлежали также въ разныхъ мѣстахъ кіевскаго и волынскаго воеводствъ древнему роду князей Рожинскихъ, а по пресѣченіи этого рода, перешли къ Замойскимъ, Любомирскимъ и Даниловичамъ. Такимъ образомъ, кіевская, волынская, брацлавская и подольская Украина, а равно и Заднѣпріе, какъ называлась у поляковъ лѣвая сторона Днѣпра, мало-по-малу очутились въ рукахъ у нѣсколькихъ магнатовъ, которые имѣли тамъ собственныя крѣпости, артиллерію, войско, и которые, по отношенію къ своимъ «подданнымъ», то-есть жителямъ вотчинныхъ владѣній, пользовались *польскимъ* или *княжескимъ* правомъ, а по отношенію къ населенію владѣній помѣстныхъ, то-есть королевщинъ или старо́ствъ, назывались «королевскими руками» (brachia regalia). Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, князья Острожскіе, происходили отъ варяго-русскихъ и литовско-русскихъ князей. Короли жаловали имъ не только населенныя крестьянами земли, какъ панамъ, но и право надъ боярами, имѣвшими собственныя села, какъ государямъ. «Дали есмо», пишетъ Сигизмундъ I-й въ грамотѣ князю Константину Ивановичу Острожскому, «и вечне даровали и записали за̀мокъ Степань съ мѣстомъ и зъ ихъ бояры, и зъ слугами путными, и зъ мещаны, и зъ данники, людьми тяглыми, зъ селы боярскими, зо всимъ правомъ и панствомъ и власностью, ничего на насъ и на наши наслѣдники не оставляючи».

Не иначе и разумѣли себя владѣльцы громадныхъ королевщинъ и вотчинъ украинскихъ, какъ государями, уже по одному тому, что многіе изъ нихъ были богаче короля. Они не подписывались въ письменныхъ сношеніяхъ съ королемъ *подданными*, какъ прочая шляхта, а только «вѣрными совѣтниками». Они соперничали съ королями въ постройкѣ за̀мковъ и городо̀въ, которымъ давали такія вольности, что старые королевскіе города,

какъ, напримѣръ, Луцкъ, по словамъ самихъ королей, «пустѣли». Они заключали отдѣльные договоры съ крымскимъ ханомъ и совершенно отдѣльные мирные трактаты съ казаками. Они были до того самостоятельны, что заграничные льстецы величали польскихъ государей *королями королей*, что было похоже на иронію, а украинскій народъ и польская шляхта, съ досадою, прозвали магнатовъ *королятами*.

Въ старой Польшѣ вельможество, превращая государство въ независимыя панскія владѣнія, не встрѣчало препятствій ни въ массѣ мелкопомѣстной шляхты, ни въ мѣщанахъ, ни — всего меньше — въ хлопахъ. Колонизація русскихъ пустынь во имя магнатовъ и ихъ кліентовъ совершалась, до нѣкотораго времени, также невозбранно. Но когда новая Польша, устроенная на русской территоріи и населенная почти исключительно народомъ русскимъ, превзошла размѣрами, обиліемъ произведеній земли и количествомъ жителей метрополію польскаго, или, что все равно, панскаго права,—это право, кодифицированное сеймовыми постановленіями, пришло здѣсь въ столкновеніе съ пренебреженнымъ правомъ народной массы, и борьба между ними повлекла за собой рядъ событій, которыя мало-по-малу не только уничтожили всѣ плоды дѣятельности пановъ-колонизаторовъ, но и самую колыбель вельможества лишили прежней уютности.

II.

Появленіе казачества.—Мирныя отношенія славянскихъ кочевниковъ къ монгольскимъ. —Перемѣна въ политической жизни татаръ. —Русскія поселенія отодвинулись передъ ними. —Казаки прикрываютъ колонизацію сторожевыми линіями.—Казаки прикрываютъ рыбный и звѣриный промыслы вооруженными походами на днѣпровскій Низъ.—Казаки въ мѣщанскомъ быту.

Ратоборцами непризнаваемаго панами права народной массы явились люди, которые въ началѣ были необходимыми орудіями для успѣховъ колонизаціи украинскихъ пустынь, а потомъ очутились внѣ закона и стали въ упоръ всѣмъ стремленіямъ шляхты,—именно украинскіе казаки.

Это всѣмъ знакомое имя понимается многими такъ различно, что необходимо прослѣдить появленіе его въ историческихъ источникахъ, прежде чѣмъ приступимъ къ повѣствованію о напрасныхъ усиліяхъ пановъ-колонизаторовъ образовать изъ южной Руси новую Польшу.

Слово *казакъ* значило сперва то же самое, что вольный до-

бытчникъ; пожалуй, даже — грабитель и разбойникъ, вообще же на сѣверѣ и югѣ Московскаго царства, въ Польшѣ и Татаріи, человѣкъ бездомный и безземельный.

Когда южныя области варяжскихъ князей, послѣ татарскаго нашествія, залегли пустынями, въ виду этихъ пустынь расположился кочевой монгольскій міръ. Степи, отдѣлявшія поселенія славянскія отъ поселеній монгольскихъ, сперва не принадлежали никому. Татары смотрѣли на нихъ, какъ на естественную охрану своихъ кочевьевъ отъ покушеній со стороны данниковъ. Для русскаго міра онѣ долго были какъ-бы моремъ, въ которое выходить никто не отваживался. Но когда съ одной и съ другой стороны явилась потребность выдвинуться за предѣлы постоянныхъ займищъ, у татаръ и у русскихъ образовались товарищества предпріимчивыхъ людей, которые находили возможность держаться въ безлюдной степи, вдали отъ отеческихъ куреней своихъ. Такія товарищества имѣли видъ отдѣльной орды, которая въ спокойное время терялась между населеніемъ, послушнымъ общему управленію края, а во время войны или вольнаго похода на рыбные и звѣриные промыслы, устраивала избирательное начальство и дѣйствовала такъ или иначе въ интересахъ своей корпораціи. Эти полувоенныя, полупромышленныя сборища извѣстны издавна у татаръ подъ именемъ казаковъ; у русскихъ же и поляковъ казачество, по письменнымъ извѣстіямъ, появилось одновременно, въ разныхъ отдаленныхъ одна отъ другой мѣстностяхъ, не раньше XVI-го вѣка.

Польскіе лѣтописцы знали четыре татарскія орды, изъ которыхъ у каждой былъ свой ханъ, именно: заволжскую, астраханскую, казанскую и перекопскую. Къ этимъ четыремъ ордамъ иногда причисляютъ они и пятую—казацкую. Орда казацкая не признавала надъ собой власти никакого хана и, кочуя въ разныхъ мѣстахъ, считалась во всей Татарщинѣ самымъ отважнымъ народомъ. Со временъ московскаго великаго князя Іоанна III-го, въ русскихъ лѣтописяхъ упоминаются азовскіе татарскіе казаки, какъ злые разбойники. Они выдѣлялись изъ ослабѣвшей въ это время Золотой-орды, какъ самостоятельный народецъ, самый подвижной и самый смѣлый между татарами. Раскинувшись по степи между Крымомъ и московской Украиной, азовскіе казаки жили разбоемъ, иногда нападали небольшими купами на пограничные города, но въ особенности были вредны для сношеній между Крымомъ и Московскимъ государствомъ. «Поле не чисто отъ азовскихъ казаковъ», доносили послы князю московскому, поджидая въ Украинѣ безопаснаго проѣзда въ Крымъ, какъ у

моря погоды. Василій Іоанновичъ домогался отъ султана, чтобъ онъ запретилъ азовскимъ и бѣлогородскимъ казакамъ помогать Литвѣ противъ русскихъ; но подобныя домогательства были напрасны уже по одному тому, что казаки никогда не жили на одномъ и томъ же мѣстѣ. Когда русскій посолъ Коробовъ требовалъ, чтобы ему дали провожатыхъ изъ Азова, ему отвѣчали, что въ Азовѣ нѣтъ азовскихъ казаковъ.

До послѣдняго времени существованія Крымскаго ханства, казаками у татаръ назывался особый отдѣлъ войска, состоявшій изъ улановъ, князей и казаковъ. У московскихъ великихъ и удѣльныхъ князей также были служивые татары-казаки, которыхъ они употребляли для степныхъ дѣлъ, то какъ провожатыхъ, то какъ наѣздниковъ. Въ Перекопѣ, Бѣлгородѣ на Днѣстрѣ и вообще въ тамошнемъ Черноморьѣ издавна были извѣстны воины, называвшіеся казаками. Въ 1492 году Менгли-Гирей писалъ къ великому князю московскому Іоанну III-му, что войско его, возвращаясь изъ-подъ Кіева съ добычею, встрѣтилось на степи съ «ордынскими казаками» и было ими ограблено. Король Сигизмундъ I-й, въ 1510 году, предостерегалъ пограничныхъ своихъ пановъ окружнымъ листомъ о татарскомъ набѣгѣ, прибавляя, что опасность еще не велика, потому что идутъ одни перекопскіе казаки, да немного бѣлгородцевъ. Въ 1516 году крымскій ханъ Магометъ-Гирей оправдывался передъ Сигизмундомъ въ набѣгѣ бѣлогородскихъ казаковъ тѣмъ, что они не слушаются его приказаній, и выбрали себѣ предводителемъ враждебнаго ему царевича Алыка. Наконецъ, по документу 1560 года, бѣлогородскіе казаки, безъ вѣдома мѣстнаго санджака, нападали на украинскіе за̀мки тѣмъ же обычаемъ, какимъ украинскіе казаки хаживали на пограничные за̀мки турецко-татарскіе. По соглашенію съ крымскимъ ханомъ, король Сигизмундъ-Августъ зазывалъ этихъ казаковъ къ себѣ на службу одновременно съ казаками русскими, проживавшими въ низовьяхъ Днѣпра и посылалъ имъ сукно, что̀ дѣлалось и для казаковъ днѣпровскихъ.

Въ русскихъ лѣтописяхъ прежде всего являются извѣстія о казакахъ рязанскихъ, такъ какъ юго-восточная рязанская украина болѣе другихъ странъ подвергалась нападеніямъ степныхъ ордъ. На границахъ литовскихъ, въ княженіе Василія, упоминаются казаки смоленскіе. Король Сигизмундъ не разъ жаловался великому князю, что они нападали на литовскія владѣнія. Потомъ появились казаки путивльскіе и наконецъ—донскіе. Послѣдніе, въ сѣверной Руси, соотвѣтствовали, по своему удаленію отъ

населенныхъ мѣстъ, южно-русскимъ казакамъ, низовымъ или запорожскимъ.

Въ первыя, до-историческія времена южно-русскаго казачества, пастушеская жизнь въ «дикихъ поляхъ» была, какъ видно, развита у татаръ сильнѣе, нежели у русскихъ. Днѣпровскіе казаки позаимствовались отъ своихъ сосѣдей нѣсколькими терминами и навсегда усвоили ихъ своему быту. У татаръ, также, какъ и у днѣпровскихъ казаковъ, *чабанъ* значило пастухъ овецъ. Расторопнѣйшій изъ пастуховъ дѣлался у татаръ начальникомъ чабановъ своднаго стада и назывался *одаманъ*. Это — казацкое *отаманъ*. Сводное же стадо составляли десять соединенныхъ стадъ, въ каждомъ по тысячѣ овецъ, и называлось такое стадо *кхошъ*. Отсюда очевидно произошло казацкое слово *кошъ*, означавшее становище, сборное мѣсто, лагерь [1]). Наконецъ, самая манера носить чубы, прозванные «оселедцами», позаимствована казаками отъ татаръ (если не вспоминать о чубѣ Святославовомъ), у которыхъ воинственная молодежь, царьки и мурзы, не брили своей головы, какъ прочіе, а оставляли на макушкѣ чубы и закручивали ихъ вокругъ уха.

Въ политической жизни крымскихъ татаръ былъ періодъ мирныхъ промысловъ, способствовавшій сближенію ихъ съ сосѣдями. Періодъ этотъ предшествовалъ паденію Цареграда и распространенію турецкаго владычества вокругъ Чернаго моря. Истощивъ свои силы во внутреннихъ раздорахъ, татары обратились въ то состояніе, изъ котораго вывели ихъ предводители, вдохновленные мыслью объ опустошеніи всего не-монгольскаго. Пастушество сдѣлалось для татаръ идеаломъ счастливой жизни. Въ гонимомъ бурями усобицъ населеніи татарскомъ явилась потребность отдыха, который оно и нашло въ богатыхъ растительностію степныхъ мѣстностяхъ по-надъ Азовскимъ и Чернымъ морями и по берегамъ нижняго Днѣпра, Буга, Днѣстра. Если когда-либо, то преимущественно въ этотъ періодъ времени могло произойти сближеніе славянскихъ кочевниковъ съ монгольскими, когда и со стороны крымскаго хана, и со стороны молдавскаго господаря дѣла съ литовско-русскимъ княжествомъ и польскимъ королевствомъ были приведены въ спокойное состояніе.

У крымскихъ татаръ сохранилось преданіе, что литовскій выходецъ, по имени Гирей, воспиталъ одного изъ потомковъ Чингиза, тайно отъ враждовавшихъ между собою царьковъ, и что, когда этотъ питомецъ литвина Гирея (можетъ быть, литовскаго

---

[1]) Хартахай, *Историч. судьбы крымскихъ татаръ.*

русина [1]) былъ избранъ татарами на ханство, — онъ, въ благодарность къ Гирею, соединилъ свое имя съ его именемъ, и завѣщалъ своимъ потомкамъ дѣлать то же самое. Этимъ способомъ началась династія хановъ Гиреевъ. Первый изъ нихъ, Девлетъ-Гирей, названный впослѣдствіи, за путешествіе въ Мекку, Хаджи [2]) Девлетъ-Гиреемъ, старался пріучить татаръ къ осѣдлой жизни, къ мирнымъ занятіямъ, ремесламъ и торговлѣ. Его царствованіе, продолжавшееся 39 лѣтъ, было временемъ дружескихъ отношеній къ Россіи и мирнаго союза съ Польшею. Дѣйствуя на смягченіе татарскихъ нравовъ посредствомъ распространенія въ Крыму магометанства на мѣсто язычества, онъ въ то же время отличался вѣротерпимостію ко всѣмъ исповѣданіямъ, доходившею до величайшей кротости, и дѣлалъ вспомоществованіе даже христіанскимъ монастырямъ. При такомъ настроеніи хана, сношенія между ордою монгольскою съ одной—и ордою славянскою съ другой стороны ограничивались торговыми сдѣлками: воевать имъ было не за что.

Со вступленіемъ на ханство Менгли-Гирея, одного изъ восьми его сыновей, дѣла въ Крыму приняли противоположный ходъ. Этотъ ханъ возбуждалъ въ татарахъ дикій, воинственный духъ и безпрестанно водилъ ихъ въ русскія области за добычею. Поэтому кровавыя ссоры между татарами и русскими казаками могли начаться только въ концѣ XV вѣка.

Въ 1453 году турки завоевали Цареградъ. Черезъ 22 года Менгли-Гирей помогъ имъ овладѣть генуэзскимъ городомъ Кафою и уничтожить въ Крыму генуэзскую колонію. Рѣзня, произведенная татарами въ Кафѣ, и мусульманскій фанатизмъ, привитый турками татарамъ, вмѣстѣ съ повсемѣстными слухами о страданіяхъ христіанъ подъ игомъ невѣрныхъ, наступавшихъ на Европу съ востока, должны были поселить въ южно-русскихъ казакахъ враждебное чувство къ сосѣдямъ; а набѣги татаръ на кіевскую, брацлавскую и подольскую украину, начавшіеся съ воцареніемъ Менгли-Гирея, возбудили въ нихъ жажду мести къ невѣрнымъ. Если къ этому примѣшать еще сосѣдскія ссоры за пастбища, за стада, за звѣриные гоны и рыбные уходы, то въ днѣпровскихъ и днѣстровскихъ пустыняхъ должна была начаться постоянная борьба между выходцами изъ европейскихъ и выходцами изъ азіатскихъ поселеній.

Съ водвореніемъ турокъ въ греческой имперіи, понадобились

---

[1]) *Гиря* въ украинскомъ языкѣ значитъ стриженная голова.

[2]) *Хаджи* значитъ богомолецъ.

имъ толпы невольниковъ и невольницъ для служенія ихъ азіатской роскоши и нѣгѣ. Убогіе татары, находя поставку плѣнниковъ богатымъ туркамъ весьма выгодною, обратили набѣги въ постоянный промыселъ, и вывозили въ Крымъ изъ Червоной Руси, Польши и литовской Украины сотни и тысячи захваченныхъ врасплохъ людей. Съ каждымъ годомъ этотъ промыселъ принималъ болѣе широкіе размѣры, такъ что, по сказанію Михалона Литвина, относящемуся къ половинѣ XVI вѣка, корабли, приходившіе въ Крымъ изъ-за моря съ оружіемъ, одеждами и лошадьми, отплывали обратно, нагруженные невольниками. Это обстоятельство измѣнило не только отношенія между монгольскимъ и славянскимъ міромъ, но и самыя границы между ними.

До подчиненія султану крымскаго юрта, граница между владѣніями литовскими и землями, принадлежавшими перекопскимъ, очаковскимъ и бѣлгородскимъ татарамъ, а далѣе — молдавскому господарю, шла такимъ образомъ. Начиналась Литва отъ рѣчки Морахвы, впадающей въ Днѣстръ. Отсюда шла граница срединою Днѣстра мимо Тягини (Бендеръ) къ устью Днѣстра и къ морю. Далѣе шла она днѣпровскимъ Лиманомъ мимо Очакова, который стоялъ на литовской землѣ, и только въ 1492 году былъ отстроенъ крымцами на старомъ городищѣ; потомъ входила въ устье Днѣстра и шла ложемъ рѣки до острова Тавани. У Тавани были перевозы, съ которыхъ половина дохода принадлежала литовскому великому князю, а другая — крымскому хану. Начиная отъ Тавани, Днѣпръ принадлежалъ уже весь Литвѣ; граница поворачивала къ юго-востоку до Овечей-Воды, потомъ шла вверхъ по теченію этой рѣчки и по верховьямъ рѣкъ Самары и Оргея до Донца, а отъ Донца по Тихую Сосну, гдѣ литовскія владѣнія прикасались къ московскимъ. На эти границы послѣдній кіевскій князь Симеонъ Олельковичъ посылалъ своего черкасскаго намѣстника Свиридова, и тотъ, разъѣзжая по всему рубежу, обозначалъ предѣлы земли литовской отъ земли татарской, Бѣлгородчины и владѣній волошскихъ.

Въ устьѣ Днѣстра, повыше моря, по направленію къ городу Тягинѣ, на лѣвомъ берегу, находился встарину литовско-русскій портъ Кочубей (нынѣ Одесса), откуда доставлялся хлѣбъ въ незавоеванную еще турками Грецію. Длугошъ, современникъ Владислава Ягелла, подъ 1415 годомъ, говоритъ, что въ этомъ году прибыли цареградскіе послы къ Ягеллу съ просьбою о вспоможеніи хлѣбомъ ихъ столицѣ, тѣснимой турками, и что Ягелло назначилъ имъ въ Кочубеѣ мѣсто, куда для нихъ будетъ сплавленъ хлѣбъ. Невдалекѣ отъ Бѣлгорода и Очакова лежали зай-

мища русскихъ пановъ: Бучацкихъ, Язловецкихъ и Сѣнявскихъ. Сохранились акты граничныхъ споровъ между панами Язловецкими и королемъ Владиславомъ III о правѣ собственности на какія-то морскія насыпи. Еще король Сигизмундъ I договаривался съ султаномъ Солиманомъ, чтобы жители Бѣлгорода, лежавшаго на противоположномъ берегу Днѣстра, платили въ его казну ежегодную дань за пользованіе пастбищами восточнаго берега. Но уже и въ то время обладаніе черноморскимъ берегомъ сдѣлалось для литовско-польскаго правительства темнымъ преданіемъ, такъ что оно за справкою о бывшихъ границахъ со стороны татаръ обратилось къ кіевскимъ, каневскимъ и черкасскимъ старожиламъ; а спустя немного времени, королевскій ревизоръ пограничныхъ зáмковъ, Михалонъ Литвинъ, въ своемъ докладѣ королю Сигизмунду-Августу, смѣшалъ таванскіе перевозы на Днѣпрѣ съ древними развалинами на рѣкѣ Бугѣ, которыя были прозваны Витовтовою банею и въ которыхъ будто бы жили откупщики великаго княжества литовскаго, взимавшіе съ купцовъ пошлину. Но послѣ паденія Цареграда быстро отхлынуло промышленное населеніе русское къ сѣверо-западу. Торговля русскимъ хлѣбомъ уступила мѣсто торговлѣ русскими плѣнниками. Плодоносное междурѣчье нижняго Днѣпра, Буга, Днѣстра превратилось въ такую дикую пустыню, что во времена Стефана Баторія войско Самуила Зборовскаго, скитаясь вдоль Буга и Ингула, умирало съ голоду, а въ концѣ XVI вѣка казацкій гетманъ Наливайко писалъ къ Сигизмунду III, будто бы въ этой пустынѣ отъ сотворенія міра никто никогда не жилъ.

Утвердясь въ Царьградѣ, турки подчинили крымское ханство верховной власти своего султана, который владѣлъ Кафою, главнымъ рынкомъ тогдашняго Крыма, и содержалъ въ Козловѣ (Евпаторіи) гарнизонъ турецкій. По договору 1478 года, заключенному между султаномъ и ханомъ Менгли-Гиреемъ, султанъ, какъ верховный государь Крымскаго юрта, могъ вести хана съ его народомъ на войну, давая ему содержаніе; самъ же ханъ не имѣлъ права начинать войну и заключать миръ. Направляя орду то въ одну, то въ другую сторону, султаны скоро оттѣснили отъ Чернаго моря прежнихъ поселенцевъ и сдѣлали бѣлгородскія и очаковскія побережья путемъ сообщенія между Крымомъ и задунайскою Турціею. Вслѣдъ затѣмъ, подчинивъ своему господству Молдавію и Валахію, они распространили свои владѣнія до Днѣстра. Сынъ Казимира Ягеллона, Альбрехтъ, сражался съ ними уже въ собственныхъ предѣлахъ; внукъ Казимира, Людовикъ венгерскій, палъ въ битвѣ съ турками подъ

Могачемъ; а внука Казимира, Изабелла Запольская, отдала султану Солиману своего малолѣтнаго сына въ опеку съ половиною Венгріи. Вслѣдъ за осадою Вѣны, войска Солимана готовы были проложить себѣ путь къ завоеванію остальной Европы. Ужаснувшись турецкаго могущества, польское правительство согласилось на всѣ статьи мирнаго договора съ Турціей и, обѣщавъ платить ежегодную дань татарамъ, отказалось отъ устьевъ Днѣстра и Днѣпра.

Татарскіе набѣги во времена Менгли-Гирея были такъ опустошительны, что въ началѣ XVI-го вѣка Украина польскаго государства обозначалась пограничными крѣпостями Бускомъ и Галичемъ, а Баръ, Хмельникъ и Винница считались опасными форпостами, въ которыхъ могли держаться только отважнѣйшіе воины. Даже въ концѣ XVI-го вѣка польскій географъ Сарницкій писалъ, что зáмокъ Баръ построенъ при сáмомъ входѣ въ Татарію [1]; а турки и въ 1617 году не переставали утверждать, будто-бы зáмки: Бершадъ, Корсунь, Бѣлая-Церковь, Каневъ, Черкасы и Чигиринъ стоятъ на землѣ, принадлежащей султану. Впослѣдствіи сторожевая линія выдвинулась въ степи до Брацлава, который съ одной стороны посылалъ свои разъѣзды къ Подольскому Каменцу, а съ другой къ Бѣлой-Церкви. Бѣлоцерковскіе разъѣзды встрѣчались къ западу съ брацлавскими, а къ востоку съ кіевскими. По эту черту, до конца XVI-го вѣка, простиралась Украина, то-есть пограничная область Польско-Литовскаго государства; по эту черту обработывались тогда поля и виднѣлись между нихъ селы и хутора, съ пасиками, охраняемые сторожевыми могилами. На могилахъ стояли зáмковыя команды, готовыя подать условный знакъ, что татарскіе загоны близко. Мѣстами, на нихъ висѣли такъ-называемые королевскіе *дзвоны*; мѣстами зажигались бочки, облитыя смолою. Далѣе, тянулись къ Перекопу, на нѣсколько дней пути, необозримыя степи, или такъ-называемыя дикія поля, по которымъ бродили никѣмъ нетревожимыя стада сернъ, оленей, сугаковъ, дикихъ лошадей, буйволовъ. Словомъ, къ востоку отъ русскихъ подвижныхъ поселеній лежало тогда море степей, на которомъ лишь изрѣдка можно было встрѣтить слѣды былой человѣческой жизни.

Черезъ это степное море переправлялись татары въ Украину, которая не всегда могла защищаться отъ нихъ своими укрѣпленными мѣстами. Въ 1482 году, ханъ Менгли-Гирей сжегъ и заполонилъ весь Кіевъ, разграбилъ и Печерскій монастырь. Той

[1] Bar, arx munitissima... in ipso aditu Scythiae excitata.

же участи должны были ожидать и послѣдніе зàмки на Днѣпрѣ, Каневъ и Черкасы. Только неусыпная бдительность сторожевыхъ постовъ спасала ихъ отъ внезапнаго набѣга, а мужество русскихъ пограничныхъ дружинъ заставляло татаръ пробираться на добычу украдкою.

При такомъ положеніи края, днѣпровскій Низъ, богатый рыбами и звѣрями, былъ доступенъ однимъ промышленникамъ-воинамъ, которыхъ мы и встрѣчаемъ въ современныхъ актахъ подъ именемъ казаковъ. Предпріимчивые люди съ верхняго Днѣпра и «съ другихъ сторонъ» хаживали въ тѣ времена водою на Низъ, къ Черкасамъ и далѣе. Со всего, чтò тамъ добывали, они были обязаны давать кіевскому воеводѣ десятую часть; а когда сверху или снизу привозили въ Кіевъ просольную, вялую или свѣжую рыбу, то отъ бочки соленой рыбы воеводскій урядникъ, называвшійся осминикомъ, бралъ на городъ (то-есть на воеводскій зàмокъ) по шести грошей, а со свѣжей—десятую часть. Эти промышленники называются въ актѣ 1499 года казаками и различаются отъ купцовъ, которые, пріѣзжая въ Кіевъ, становились, такъ же какъ и казаки, на подворьяхъ у мѣщанъ. Пріѣзжій въ Кіевъ народъ предавался, вмѣстѣ съ мѣщанами, буйному разврату. Привычка «дѣлать непочестныя рѣчи съ бѣлыми головами» (женщинами) вкоренилась тогда въ Кіевѣ до такой степени, что пеня за это составляла одну изъ главныхъ статей дохода митрополита и воеводы. Но пеня за непочестныя рѣчи съ такъ-называемыхъ гостей, которыми въ тѣ времена были турки, татары и армяне, превышала взысканіе съ христіанъ въ 12 разъ.

Что казакъ былъ прежде всего отважный воинъ-добычникъ, это видно изъ появленія казаковъ славянскихъ въ противудѣйствіе разбоямъ казаковъ монгольскихъ. Что онъ былъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, такимъ же степнымъ чабаномъ, какъ и татаринъ, объ этомъ можно заключить изъ приведенныхъ выше кочевыхъ терминовъ, усвоенныхъ казацкому быту. Что, наконецъ, казаки, подобно древнимъ варяго-руссамъ, занимались торговлею въ перемежку съ войною, доказываютъ ихъ промышленные походы на Низъ, недоступный во времена Менгли-Гирея ни для кого, кромѣ людей военныхъ.

Въ польскихъ лѣтописяхъ извѣстіе о казакахъ-воинахъ встрѣчается впервые подъ 1508 годомъ. Децій, оканчивающій свои сказанія 1516 годомъ, упоминаетъ о «славномъ русскомъ воинѣ Полюсѣ», который, въ одно время съ княземъ Острожскимъ, побилъ татарскіе загоны, опустошившіе литовскую Русь. Бѣльскій называетъ этого Полюса «Русакомъ, славнымъ казакомъ», а

Стрыйковскій—«русскимъ славнымъ казакомъ и рыцаремъ». Въ позднѣйшихъ польскихъ лѣтописяхъ сохранилось преданіе, которое показываетъ, что старосты сторожевыхъ королевскихъ замковъ дѣлали набѣги въ татарскіе улусы такъ точно, какъ татары на украинскіе города и села. У тогдашнихъ пограничниковъ это называлось *ходить въ казаки.*

«Въ 1516 году», разсказываетъ Гваньинъ, «Менгли-Гирей, воспользовавшись войною короля Сигизмунда съ московскимъ царемъ, сдѣлалъ набѣгъ на украинскія земли, хотя получалъ подарки отъ обоихъ государей. Видя тогда наши, что татары ругаются надъ ними, не хотѣли больше вѣрить ихъ клятвѣ и начали содержать больше служилыхъ людей на пограничьѣ. Нѣсколько сотъ воиновъ, подъ предводительствомъ хмельницкаго старосты, Предислава Лянцкоронскаго, пошли въ казаки подъ Бѣлгородъ, заняли турецкія и татарскія стада и погнали домой; а когда татары и турки, догнавшіе ихъ у Овидіева озера, дали имъ битву, наши ихъ побѣдили и съ добычею возвратились къ своимъ. Съ того-то времени», продолжаетъ лѣтописецъ, «начались у насъ казаки, которые потомъ, что далѣе, то все больше успѣвая въ военномъ ремеслѣ, отплачивали татарамъ тѣмъ самимъ, что наши терпѣли отъ татаръ».

Выраженіе *ходить въ казаки* показываетъ, что казачество существовало сперва независимо отъ пограничной стражи, которою предводительствовали старосты. Они только приспособили свои средства къ обычаямъ казацкимъ, усвоили эти обычаи своей дружинѣ. Тѣмъ не менѣе походы ихъ на татаръ способствовали развитію казачества, какъ силы, противодѣйствовавшей азіатскому хищничеству. Упомянутый Гваньиномъ Предиславъ Лянцкоронскій происходилъ отъ древняго литовскаго рода Збигневовъ. Нѣсколько братьевъ его занимали важныя должности въ государствѣ. Онъ много путешествовалъ по Европѣ, изучая военное искусство, къ которому было направлено все тогдашнее образованіе; былъ въ Палестинѣ, и въ заключеніе пройденной имъ школы, пріобрѣлъ опытность въ отраженіи татарскихъ набѣговъ подъ руководствомъ знаменитаго коронного гетмана Константина Ивановича Острожскаго. Такова была личность, вокругъ которой собирались казаки и пограничные старосты для совмѣстнаго отраженія азіатскихъ наѣздниковъ.

Польскіе лѣтописцы вспоминаютъ о нѣсколькихъ удачныхъ походахъ Лянцкоронскаго на казацкій манеръ, и съ его именемъ постоянно соединяютъ другое громкое въ то время имя Остапа Дашковича, старосты черкасскаго и каневскаго. Дашко-

вичъ у лѣтописцевъ прослылъ простолюдиномъ, возвышеннымъ, за воинскія способности, до званія королевскаго старосты; но это опровергается родственными его связями съ панскими домами. Сестра Дашковича, Милохна, была замужемъ сперва за Борисомъ Тишкевичемъ, а потомъ за кіевскимъ воеводою Немиричемъ. Сверхъ того, извѣстно, что у него были наслѣдственныя по отцу и матери села на рѣчкѣ Раставицѣ, подъ кіевскимъ зàмкомъ и возлѣ Путивля. Въ 1503 году Дашковичъ вступилъ въ службу къ московскому царю, и когда польскій король требовалъ его выдачи, царь отвѣчалъ, что Дашковичъ у короля былъ «мѣтной» (знатный) человѣкъ, что онъ бывалъ отъ короля во многихъ мѣстахъ на Украинѣ воеводою и, по старому обычаю, перешелъ на службу отъ одного государя къ другому. Служба Дашковича у московскаго царя продолжалась лѣтъ пять, но въ чемъ именно она состояла, неизвѣстно. По ходатайству князя Острожскаго, король опять принялъ его къ себѣ и ввѣрилъ ему два украинскіе зàмка, Каневъ и Черкасы. Впослѣдствіи онъ получилъ въ пожизненное владѣніе еще три зàмка внутри литовской Украины, именно: Кричевъ, Чечерскъ и Пропойскъ.

Каневъ и Черкасы были тогда крайними сборными пунктами для днѣпровскихъ казаковъ. Татары, идучи на добычу, держались отъ нихъ какъ можно подальше. Когда ханъ шелъ на Москву въ помощь польскому королю, онъ просилъ короля удержать черкасскихъ и каневскихъ казаковъ отъ нападенія на его войско. Иногда онъ жаловался королю, что днѣпровскіе казаки ходятъ подъ его улусы вмѣстѣ съ казаками путивльскими, и обо всемъ, что̀ здѣсь узнаютъ, сообщаютъ въ Москву; что въ Черкасахъ королевскій староста держитъ на вѣстяхъ путивльскихъ казаковъ, и что, лишь только татары двинутся въ походъ, въ Москвѣ ужъ объ этомъ знаютъ. Очевидно, что такой пограничный староста, какъ Дашковичъ, могъ дѣйствовать почти такъ же самостоятельно, какъ удѣльный князь. Каждый изъ троихъ сосѣднихъ государей одинаково нуждался въ его усердіи; для каждаго онъ могъ быть одинаково опасенъ. Въ разгарѣ войнъ съ московскимъ царемъ, Дашковичъ оставляетъ короля и служитъ его непріятелю; но лишь только вздумалъ вернуться въ родной край, король ввѣряетъ ему два важные пограничные зàмка. Въ 1592 году, сражаясь на Днѣпрѣ съ татарами, Дашковичъ былъ захваченъ ими въ плѣнъ, но и тутъ его щадили, какъ знаменитаго воина. Воспользовавшись междоусобною войною въ Ордѣ, онъ ускользнулъ изъ плѣна и возвратился въ Черкасы невредимъ. Дружескія связи его съ Лянцкоронскимъ, а также съ вин-

ницкимъ и брацлавскимъ старостами, давали ему возможность предпринимать удачные походы въ самую глубь татарщины. Въ 1531 году Лянцкоронскій умеръ; Дашковичъ одинъ выдерживалъ напоръ татарской силы на пограничья. У короля между тѣмъ шли переговоры съ ханомъ о вѣчномъ мирѣ. Король, чрезъ своего посла Оникія Горностая, предлагалъ платить хану 7500 червонцевъ и на столько же присылать сукна за всякій годъ, въ который татары оставятъ его владѣнія въ покоѣ. Ханъ постоянно увѣрялъ короля въ своей дружбѣ, а татары между тѣмъ вторгались въ польскія владѣнія. Видя все это, Дашковичъ продолжалъ свое дѣло по старому. Казаки его промышляли рыбою и звѣриною ловлею по Днѣпру до самыхъ Пороговъ, или—что все равно—воевали съ татарами въ ихъ займищахъ. Когда татары шли на Московское царство, казаки отрѣзывали у нихъ отъ главнаго войска слабые отряды; когда татары возвращались въ свои улусы,—добыча попадала въ казацкія руки. Жалобы хана не имѣли никакихъ послѣдствій. Наконецъ, ханъ объявилъ королю, что, несмотря на ихъ дружескія отношенія, пойдетъ на Черкасы и Каневъ войною. Дѣйствительно, въ 1532 году, Саибъ-Гирей осадилъ Черкасы. По сказанію Бѣльскаго, въ татарскомъ войскѣ было 1500 янычаръ и 50 пушекъ. Но Дашковичъ тринадцать дней отражалъ приступы съ такимъ успѣхомъ, что наконецъ ханъ былъ вынужденъ примириться. Подружась за трапезою съ Дашковичемъ, Саибъ-Гирей отправилъ къ королю на Пётрковскій сеймъ посольство. Вмѣстѣ съ ханскими послами отправился и Дашковичъ въ Пётрковъ. У него созрѣлъ планъ защиты Украины посредствомъ устройства на Днѣпрѣ постоянной стражи въ 2000 человѣкъ, которая бы, разъѣзжая на челнахъ—чайкахъ, не давала татарамъ переправляться на правую сторону. Сверхъ того, надобно было содержать конный отрядъ въ нѣсколько сотенъ, для снабженія защитниковъ Днѣпра пищею.

На сеймѣ приняли Дашковича съ большими похвалами и осыпали подарками. Планъ его всѣмъ понравился. Были предположенія о постройкѣ на днѣпровскихъ островахъ крѣпостей и объ основаніи за Порогами рыцарской школы; но тѣмъ дѣло и кончилось. Дашковичъ послѣ того еще воевалъ противъ татаръ, потомъ вмѣстѣ съ татарами опустошалъ Московскую землю, въ отмщеніе за Литву; въ 1535 году онъ умеръ, бездѣтнымъ, какъ и Лянцкоронскій,—можетъ быть, даже и неженатымъ. Его родовыя села и движимое имущество, характеризующее казацкій бытъ: деньги, золото, серебро, драгоцѣнныя вещи, одежды, лошади съ збруей и оружіемъ, рогатый скотъ, овцы, свиньи и

пасики въ Черкасахъ и Каневѣ, достались въ наслѣдство его сестрѣ и племянницѣ.

Проектъ Остапа Дашковича объ устройствѣ на Днѣпрѣ постоянной стражи показываетъ, что опыты въ этомъ родѣ были уже дѣлаемы. Недоставало только помощи со стороны правительства, безъ которой не прочны были за Порогами займища черкасскихъ и каневскихъ казаковъ. Изъ актовъ того времени мы знаемъ, что ближайшіе къ Черкасамъ бобровые гоны, рыболовныя озера и другіе «уходы» принадлежали искони кіевскому Пустынскому монастырю Св. Николы. Остапъ Дашковичъ, по вступленіи на старбство, спрашивалъ черкасскихъ старожиловъ: бояръ, мѣщанъ и казаковъ, по какія именно урочища предоставлено Никольскому монастырю исключительно пользоваться правомъ звѣриной и рыбной ловли, и, по своей обязанности, утвердилъ за никольскими старцами это право, отстраняя отъ него казаковъ. Хотя казаки, по своему обычаю, вступались въ монастырскіе уходы и живились добычею на счетъ никольскихъ старцевъ, но далеко не удовлетворяли своихъ нуждъ,—тѣмъ болѣе, что старцы выпросили у короля подтвердительную грамоту. Казаки, вмѣстѣ съ мѣщанами, искали себѣ независимыхъ угодій въ низовьяхъ Днѣпра и, по праву перваго займа, владѣли сьобща Звонецкимъ порогомъ, то-есть всѣмъ прилегающимъ къ нему урочищемъ. Ссоры мѣщанъ и казаковъ съ преемниками Дашковича, оставившія слѣдъ свой въ современныхъ актахъ, даютъ понять, что одна и та же нужда въ средствахъ къ существованію дѣлала изъ казаковъ мѣщанъ и изъ мѣщанъ казаковъ, то-есть—или собирала ихъ въ городъ подъ послушаніе старосты, или гнала въ днѣпровскія пустыни для вольной добычи. Въ 1537 году, вскорѣ по смерти Дашковича, черкасцы и каневцы взбунтовались противъ своего старосты Василія Тишкевича. Причина бунта осталась неразъясненною, но можно догадываться изъ позднѣйшей жалобы черкасцевъ на другого старосту, Яна Пенька, что дѣло шло здѣсь о спорныхъ доходахъ и о предѣлахъ старостинской власти. Янъ Пенько хотѣлъ заставить мѣщанъ и посполъство стеречь зàмокъ, который до тѣхъ поръ охраняли особые «башники». По королевскому повелѣнію, кіевскій воевода Андрей Немировичъ, королевскій «дворный гетманъ», вникнувши въ дѣло на мѣстѣ, удовлетворилъ обѣ стороны такъ, какъ онѣ сами на то согласились,—именно: мѣщане и все посполъство, а также черкасскія вдовы, княжескіе и панскіе люди и духовенство, обязались давать старостѣ по два гроша съ каждаго человѣка, который кормится собственнымъ хлѣбомъ, а староста

долженъ на эти деньги нанимать зàмковую сторóжу. На мѣщанахъ лежала обязанность отбывать сторóжу только на урочищѣ Свирнѣ да у Остроговыхъ воротъ, но и то только лѣтомъ. Сверхъ того, по старому обычаю, мѣщане обязаны были содержать полевую и водяную сторожу, а также переѣзжать татарскіе шляхи вмѣстѣ съ старостинскими «служебниками».

Изъ этого видно, что на Украинѣ, не только зàмковой гарнизонъ, но и всѣ жившіе возлѣ зàмка участвовали въ его защитѣ. Мѣщане городовъ, лежавшихъ внутри края, были жители мирные; мѣщане «зàмковаго присуду», на пограничьѣ, были воины. Прежній, до-татарскій порядокъ вещей въ юго-восточной Руси измѣнился мало; на старыхъ обычаяхъ строилось новое казачество. Въ то же самое время, вокругъ старосты формировался здѣсь привилегированный классъ, родъ пограничной шляхты. Одни изъ мѣщанъ выпрашивали, то-есть покупали у самого короля, другіе у его дворнаго гетмана, кіевскаго воеводы, такъ-называемые «вызволенные листы», которые освобождали ихъ отъ общихъ съ мѣщанами повинностей и обязывали только нести конную службу при старостѣ да, по старинному обычаю, поддерживать въ порядкѣ зàмковыя укрѣпленія и давать на зàмковую сторожу каждый годъ по грошу и по четверти жита. Выходитъ, что эти зажиточные люди имѣли земледѣльческое хозяйство (роскошь на татарскомъ пограничьѣ), и потому изъ мѣщанскихъ «послужниковъ» они дѣлались служебниками старостинскими, наравнѣ съ пріѣзжими слугами, которыхъ старосты привлекали на пограничье, предоставляя имъ разныя льготы. За исключеніемъ этихъ избранныхъ, всѣ прочіе мѣщане относились къ старостѣ, какъ подданные къ пану. Онъ заставлялъ ихъ косить сѣно и доставлять въ зàмокъ дрова; не дозволялъ имъ возить медъ въ Кіевъ, а скупалъ самъ по установленной однажды навсегда цѣнѣ; съ бобровыхъ гоновъ на Днѣпрѣ бралъ цѣлую половину; безъ дозволенія старосты, не могли они ѣздить и ходить въ рыбные и бобровые уходы, не имѣли права продавать рыбу и промышлять какими бы то ни было «добычами»; половину, а иногда все имущество безсемейнаго казака послѣ его смерти, или—чтó было все равно—когда его возьмутъ татары, бралъ на себя староста, съ тѣмъ, чтобы цѣнныя вещи передать королю; наконецъ, увеличивалъ обычную съ мѣщанъ и казаковъ подать, коляду на рождественскихъ святкахъ, до произвольной цифры. Все вмѣстѣ обнаруживаетъ, что казацкую службу отбывали на пограничьѣ сперва всѣ вообще зàмковые мѣщане; но старосты нашли необходимымъ окружать себя пріѣзжими людьми

и богатѣйшими изъ мѣщанъ, чтобы держать остальныхъ въ рукахъ. По смыслу разбирательства, сдѣланнаго кіевскимъ воеводою въ Черкасахъ, высшій классъ населенія этой столицы днѣпровскаго казачества составляли старостинскіе слуги, подъ руководствомъ которыхъ мѣщане переѣзжали татарскіе шляхи, и въ составъ которыхъ входили бывшіе мѣщанскіе «потужники», выпросившіе себѣ у короля вызволенные листы; второй классъ составляли собственно мѣщане, а третій—такъ-называемое посполъство, въ томъ числѣ и казаки, то-есть люди, жившіе исключительно добычею и заработкомъ, люди большею частью безсемейные и неосѣдлые. Прочіе мѣщане только ходили въ казаки, то-есть бывали иногда казаками по роду занятій. Гонимые нуждою и увлекаемые жаждой вольности, казаки, наперекоръ разсчетамъ старосты, уходили въ днѣпровскія низовья, а оттуда иногда переходили въ Московскую землю на службу царю, съ которымъ воевалъ польскій король. Когда наступала зима, низовые добычники не смѣли показаться въ Черкасы, боясь королевскаго старосты; а старостѣ между тѣмъ былъ нуженъ боевой народъ. Чтобы привлечь своевольныхъ добычниковъ на зимовлю, онъ обѣщалъ бывало не смѣшивать ихъ съ тѣми, которые ушли въ Московщину, и въ доказательство посылалъ за Пороги охранную королевскую грамоту, или такъ-называемый «глейтовый листъ», какъ это случилось въ 1540 году.

Таково было положеніе Черкасъ во времена первыхъ извѣстныхъ намъ казацкихъ походовъ, послѣ которыхъ для высшихъ классовъ украинскаго населенія ходить въ казаки и даже называться казаками сдѣлалось дѣломъ почетнымъ. Надобно думать, что промышленное казачество, привлекаемое торговыми интересами въ Кіевъ, усвоивало себѣ военные обычаи въ Черкасахъ. Этотъ городъ отличался боевымъ характеромъ издавна. Когда Менгли-Гирей на приморскомъ городищѣ, принадлежавшемъ Литвѣ, основалъ, въ 1492 году, за́мокъ Очаковъ, изъ Черкасъ предпринятъ былъ противъ этого за́мка походъ. Черкасцы, съ помощію Менгли-Гиреева брата, взяли Очаковъ приступомъ и разрушили до основанія. Прежде нежели Запорожскій Низъ, сдѣлавшись постояннымъ пристановищемъ для казаковъ, далъ имъ новое названіе—*Низовцы*, днѣпровскіе казаки, въ отличіе отъ сѣверскихъ и донскихъ, назывались у сосѣдней Московской Руси *Черкасами*. Это названіе распространилось впослѣдствіи на весь южно-русскій народъ, хотя преимущественно выражало понятіе о людяхъ военныхъ. И дѣйствительно, городъ Черкасы, до временъ Хмельницкаго, былъ наиболѣе оказаченный городъ изъ всѣхъ городовъ

южнорусскихъ. По люстраціи 1622 года, мѣщанскихъ домовъ было въ немъ только 120, а казацкихъ болѣе тысячи.

Выше уже сказано, что послѣ паденія Греческаго царства, поддержанное турками хищничество татаръ оттѣснило русское населеніе отъ устьевъ Днѣпра къ сѣверо-западу. Это значитъ—къ западному Бугу и къ верховьямъ Днѣстра. Кіевъ едва держался на старомъ своемъ пепелищѣ и оставался иногда совершенно безлюднымъ. Васильковъ стоялъ до 1586 года пустымъ городищемъ. Бѣлая-Церковь, Каневъ и Черкасы были сборными пунктами для смѣльчаковъ, которыми предводительствовали королевскіе старосты. Населеніе края вообще состояло изъ хуторовъ и пасикъ, которые появлялись и исчезали по мѣрѣ большей или меньшей безопасности со стороны Крыма и нижняго Днѣстра, занятаго ногайцами и турками. Польское правительство не сознавало за собой довольно силы, чтобы устроить прочную защиту восточныхъ своихъ земель, и пришло къ убѣжденію въ необходимости откупаться отъ Орды ежегодною данью [1]). Но обитатели пограничныхъ русскихъ областей далеко не были ограждены этою данью отъ татарскихъ вторженій. Не всѣ татары повиновались ханамъ, да и сами ханы не очень ревностно удерживали свой кочевой народъ отъ набѣговъ. Пограничные старосты безпрестанно имѣли дѣло съ хищниками, а отразивъ ихъ, въ свою очередь нападали на татарскія кочевья. Всего лучше объяснено это въ реляціи, представленной, въ 1550 году, краковскому сейму Бернардомъ Претвичемъ, старостою новоустроенной крѣпости Бара.

Три орды кочевали тогда въ виду Польши у Чернаго моря, независимо отъ крымцевъ: болѣе отдаленная—въ Добруджѣ, двѣ ближайшія — при устьяхъ Буга и Днѣстра. Подъ стѣнами крѣпостей Очакова, Бѣлгорода и Киліи расположены были поселенія турецкихъ купцовъ. Эти купцы снабжали татаръ лошадьми и оружіемъ для вторженія въ Украину, съ тѣмъ, чтобы добычу дѣлить пополамъ; а многіе турки и сами хаживали съ татарами на добычу. Турецкое правительство извлекало изъ этой добычи свою пользу: на таможняхъ отъ уведеннаго изъ Украины скота

---

[1]) По Бѣльскому и Стрыйковскому, король Сигизмундъ I заплатилъ татарамъ jurgelt въ первый разъ въ 1511 году, съ условіемъ, чтобъ они, въ числѣ 30,000, ежегодно воевали противъ его враговъ, только бы не противъ турокъ. Татары называли этотъ jurgelt, *харачемъ* (данью), и, вмѣсто подчиненности польскому королю, въ слѣдующемъ же, 1512 году вторглись въ его владѣнія. Хотя князь Константинъ Ивановичъ Острожскій разбилъ многочисленную Орду у Вишневца надъ рѣчкою Горынью, но тѣмъ не менѣе Сигизмундъ I продолжалъ платить татарамъ дань.

и плѣнниковъ шла въ казну извѣстная плата. Поэтому турецкія власти смотрѣли сквозь пальцы на нарушеніе договорныхъ статей съ Польшею. Приведемъ болѣе важныя мѣста изъ сеймовой рѣчи и реляціи Претвича.

Когда панъ Краковскій (Янъ Тарновскій) принялъ должность короннаго гетмана, немедленно отправился онъ на пограничье и объѣхалъ всѣ украинные зáмки и зàмочки. Не только на границѣ вокругъ этихъ зàмковъ, но и около Львова, къ Люблину и Перемышлю, увидѣлъ онъ пустыни, которыхъ надѣлали татары и которыя теперь заселились, какъ около Львова, такъ и на самой границѣ, гдѣ много лѣтъ было безлюдье. Опустошеніе этой земли происходило оттого, что одна коронная стража стояла тамъ, гдѣ нынѣ Баръ, а другая тамъ, гдѣ воевода Белзскій (Синявскій) построилъ на Синеполѣ зàмокъ. Пока сторожевыя роты успѣвали дать знать о татарскомъ набѣгѣ въ зáмки и гетманамъ, татары, въ однѣ сутки, оставляли стражу въ 30 миляхъ позади себя и безопасно являлись подъ самимъ Опатовымъ. Они захватывали у костеловъ рыдваны съ панскими семействами, полонили простой народъ и исчезали съ своей добычею. Теперь (продолжаетъ Претвичъ) начали мы держать стражу въ 20-ти и болѣе миляхъ дальше прежнихъ сторожевыхъ мѣстъ. Народъ, узнавши заблаговременно, что идутъ татары, имѣетъ время сбѣжаться въ зàмки. Такимъ образомъ пустыни начали населяться, и населяются до сихъ поръ. Между тѣмъ наши гетманы два раза разбили наголову бѣлгородскихъ, очаковскихъ, добруджскихъ и килійскихъ татаръ, которые собирались ордою до тысячи человѣкъ, — одинъ разъ у Зѣнькова, въ другой—около Бара. Съ того времени татары начали малыми купами прокрадываться мимо нашихъ сторожъ: чаще всего по 200 по 300, а то и по 50, 60, по 40 по 30 даже и по 10 человѣкъ, потому что трудно открыть слѣды небольшой купы. Онѣ ходятъ каждая особнякомъ, а звѣря въ степяхъ вездѣ много, именно: дикихъ коней, зубровъ, оленей, которыхъ слѣды трудно различить отъ татарскихъ. Этимъ способомъ татары набѣгали разъ двадцать въ годъ и уводили множество плѣнниковъ изъ Украины. При такихъ обстоятельствахъ, пограничные воеводы снаряжали легкіе отряды, человѣкъ въ 200 или 300 изъ отважнѣйшихъ людей и посылали ихъ въ догонку за татарами. Эти отряды скакали по степямъ ночью, несмотря ни на какую темноту, а днемъ залегали въ какой-нибудь балкѣ (долинѣ), укрываясь такимъ образомъ отъ наблюденій татарскихъ сторожевыхъ разъѣздовъ. Иногда они отбивали у татаръ добычу, иногда заграждали имъ путь въ польскія пограничныя поселенія.

Такой способъ войны, по словамъ Претвича, назывался *залеганьемъ на поль* или *казакованьемъ*. Отъ Галича до Черкасъ раскинуты были сборные пункты казацкихъ дружинъ. Съ каждымъ почти годомъ они мѣняли свои становища, то выдвигаясь въ безлюдье, то подаваясь назадъ, къ тогдашней Украинѣ польскаго государства. Татары вторгались въ эту Украину тремя полосами, на которыхъ были удобныя переправы и которыя назывались *татарскими шляхами*. Самый сѣверный шляхъ, проходившій мимо Черкасъ, Корсуня, Кіева, Луцка, Сокаля ко Львову, назывался *Чернымъ*; средній—изъ Очакова черезъ степныя рѣчки: Саврань, Кодыму, Кучмань и мимо Бара также ко Львову, назывался *Кучманскимъ*; южный—по берегамъ Буга мимо Зѣнькова, черезъ Покутье и Бучачъ, назывался *Волошскимъ* или *Покутскимъ*. Между этими-то шляхами, подъ прикрытіемъ казацкихъ стоянокъ и разъѣздовъ, усиливались утвердиться вольныя поселенія, служившія казакамъ пристанищами и пополнявшія ихъ дружины. По нѣскольку разъ приходилось этимъ поселеніямъ исчезать безъ остатка. *Выбрать село*, то-есть заполонить всѣхъ жителей, было тогда для татаръ дѣломъ обыкновеннымъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ набѣга, снова на пепелищахъ появлялись кое-какъ слѣпленныя хаты, и снова у жителей начиналась борьба съ хищниками за свое существованіе. Изъ реляціи Претвича видно, что зàмки: Ровъ, Ольчидаевъ и Жванъ, были разорены въ его время волошскимъ господаремъ, а окружавшее ихъ населеніе переведено за Днѣстръ; когда же, на мѣсто стараго Рова, устроенъ былъ крѣпкій зàмокъ Баръ, вокругъ него снова появились хутора, и многіе изъ загнанныхъ въ Волощину вернулись на старыя свои займища. Такъ было по всей пограничной линіи, которая въ началѣ появленія казачества едва держалась между Галичемъ и Кіевомъ, а при Хмельницкомъ выдвинулась далеко на востокъ, за рѣку Ворсклу.

Но заселеніе украинскихъ пустынь, такъ же какъ и развитіе казачества, совершалось, можно сказать, противъ воли правительства. Реляція Претвича была не чтò иное, какъ оправданіе въ наѣздахъ, которые казаки дѣлали на татарскіе улусы. Съ одной стороны, онъ доказывалъ необходимость, съ другой — пользу казачества; но жалобы татарскаго хана все-таки заставили короля, въ 1552 году, удалить Претвича изъ Барскаго старóства на старòство Терембовльское. Король былъ убѣжденъ, что татары оставили бы его владѣнія въ покоѣ, еслибы старостинскіе служебники и казаки пограничныхъ зàмковъ: Кіева, Канева, Черкасъ, Бѣлой-Церкви, Брацлава и Винницы, не ходили въ поле под-

стерегать Орду и не угоняли татарскихъ стадъ. Еще и въ 1560 году настаивалъ онъ, чтобы пограничные старосты отнюдь не посылали своихъ служебниковъ и казаковъ на полевую службу. Между тѣмъ сила вещей брала свое. Казаки, тѣснимые нѣкоторыми старостами, находили по себѣ предводителей, которые, служа королю, давали полный просторъ своему разгулу.

Мы видѣли, что Дашковичъ переходилъ отъ одного государя къ другому; что онъ имѣлъ родовыя села подъ Путивлемъ, принадлежавшимъ царю московскому; что онъ соединялъ вокругъ себя казаковъ двухъ сосѣднихъ Украинъ, и служилъ въ одно и то же время двумъ государямъ. По его слѣдамъ пошелъ князь Димитрій Вишневецкій, сдѣлавшійся черкасскимъ и каневскимъ старостою около 1550 года. Когда король Сигизмундъ-Августъ отказалъ ему въ какомъ-то пожалованіи, онъ грозилъ, что перейдетъ на службу къ турецкому султану, или къ московскому царю; и дѣйствительно, въ 1553 году, простясь въ родномъ Вишневцѣ съ двумя братьями, пустился онъ степями въ туреччину, въ сопровожденіи преданныхъ ему казаковъ [1]). Король безпокоился о томъ, что турки пріобрѣтутъ въ Вишневецкомъ отличнаго полководца, и постарался опять привлечь его къ себѣ. Весною 1554 года, Вишневецкій получилъ королевскій охранный листъ и снова явился на Днѣпрѣ. Владѣя Черкасами и Каневомъ, онъ построилъ ниже Пороговъ, на островѣ Хортицѣ, крѣпость и, подобно Дашковичу, дѣйствовалъ противъ татаръ и турокъ соединенными силами московскихъ и польскихъ казаковъ. Въ 1556 году, путивльскіе казаки, подъ предводительствомъ дьяка Ржевскаго, пришли на рѣку Псёлъ, построили суда и поплыли Днѣпромъ подъ польскіе улусы. На Днѣпрѣ къ нимъ присоединились 300 каневскихъ казаковъ изъ дружины Вишневецкаго. Они вмѣстѣ разорили Очаковъ, побили татаръ и турокъ, и пошли обратно вверхъ по Днѣпру. Турки пустились за ними въ погоню, но казаки засѣли въ камышахъ и отразили нападеніе. У Исламъ-Керменя настигли казаковъ крымскіе татары всею своею ордою. Казаки укрѣпились на днѣпровскомъ островѣ, шесть дней перестрѣливались изъ пищалей съ ордою, ночью отогнали у татаръ конскіе табуны, переправили сперва на островъ, потомъ на западный берегъ Днѣпра, и возвратились благополучно восвояси. Въ томъ же году князь Вишневецкій взялъ приступомъ Исламъ-

---

[1]) Сигизмундъ-Августъ, отъ 15-го іюня 1553 года, писалъ о немъ къ Радзивилу Черному: „A ziechał ze wszystką rotą swą, to iest s tym swym wszystkim kozactwem a chłopstwem, które około siebie bawieł“.

Кермень, людей побилъ, а пушки перевезъ въ свой хортицкій зàмокъ. Въ январѣ 1557 года ханъ пришелъ къ Хортицѣ со всѣми своими силами, штурмовалъ зàмокъ 24 дня, но принужденъ былъ отступить съ большимъ урономъ. Черезъ нѣсколько времени онъ опять осадилъ Вишневецкаго на Хортицѣ, и уже вмѣстѣ съ турками. Вишневецкій долго выдерживалъ осаду; наконецъ, когда казаки съѣли своихъ коней, поплылъ къ Черкасамъ, а въ ноябрѣ того же года переѣхалъ на службу въ московское государство, гдѣ получилъ въ вотчину городъ Бѣлевъ, со всѣми волостями и селами, да въ другихъ областяхъ нѣсколько селъ. Царь Іоаннъ Грозный посылалъ его на Днѣпръ, гдѣ у него были старые пріятели казаки, готовые воевать противъ невѣрныхъ въ пользу царя московскаго такъ же усердно, какъ и въ пользу короля польскаго. Потомъ князь Вишневецкій былъ посланъ, вмѣстѣ съ московскими воеводами, въ помочь черкесамъ, которые въ то время воевали противъ крымцевъ. Оттуда, осенью 1561 года, Вишневецкій пришелъ съ окружавшими его казаками на Днѣпръ и, остановясь въ урочищѣ Монастырищѣ, между островомъ Хортицею и Черкасами, выпросилъ у короля Сигизмунда-Августа такъ-называемый глейтоватый или охранный листъ, по которому пріѣхалъ въ Краковъ. Здѣсь онъ вошелъ въ сношенія съ польскимъ магнатомъ Ляскимъ, который владѣлъ молдавскою крѣпостью Хотиномъ и надѣялся совсѣмъ присоединить Молдавію къ владѣніямъ польскаго короля. Ляскій предложилъ ему господарство молдавское. Вишневецкій, въ 1564 году, съ четырьмя тысячами казаковъ, явился на берегахъ Днѣстра. Въ это время въ Молдавіи между господаремъ Яковомъ Василидомъ, иначе Ираклидомъ, и бояриномъ Томзою шла борьба за господарскую булаву. Томза успѣлъ вооружить молдаванъ противъ Якова и уже осадилъ его въ сучавскомъ его дворцѣ, когда казаки явились оспаривать у него господарство въ пользу своего гетмана. Томза отправилъ къ Вишневецкому избранныхъ бояръ объявить, что онъ принялъ на себя господарскую власть только временно, и что молдаване желаютъ имѣть своимъ господаремъ храбраго предводителя казаковъ. Вишневецкій повѣрилъ и пошелъ съ казаками къ Сучавѣ; но Томза встрѣтилъ его на пути по-непріятельски, одолѣлъ его войско превосходствомъ силъ, захватилъ въ плѣнъ самого Вишневецкаго и отправилъ въ Цареградъ.

Много было примѣровъ, что турки, заставивъ своихъ плѣнниковъ принять магометанство, пріобрѣтали въ нихъ самыхъ ревностныхъ охранителей интересовъ оттоманской имперіи. Домогались они отступничества и отъ князя Вишневецкаго, но нашли

въ немъ непоколебимую твердость. Вишневецкій былъ казненъ въ Цареградѣ мучительною смертью. Его сбросили съ башни на желѣзные крючья; онъ зацѣпился ребромъ, повисъ на крюкѣ и трое сутокъ оставался живымъ. Сохранилось преданіе, что, находясь въ такомъ положеніи, Вишневецкій продолжалъ славить Христа и проклинать Магомета; наконецъ вывелъ мусульманъ изъ терпѣнія и былъ убитъ стрѣлой изъ лука.

Украинскіе кобзари воспѣли князя Вишневецкаго подъ именемъ казака Байды, и пѣсня о немъ дожила въ устахъ народа до нашего времени [1]). Въ этой пѣснѣ султанъ предлагаетъ казаку Байдѣ въ замужество свою дочь и господство надъ всей Украиной, если онъ приметъ магометанство. Байда осыпаетъ ругательствами султана и его вѣру. За это его вѣшаютъ ребромъ на крюкѣ. Байда велитъ своему оруженосцу подать себѣ лукъ со стрѣлами и, вися на крюкѣ, побиваетъ султана, его жену и дочку. Легенда о трагической кончинѣ Вишневецкаго, съ варіаціями, повторяется у многихъ современныхъ писателей. По одной версіи, Вишневецкій, провисѣвъ двое сутокъ, велѣлъ подать себѣ лукъ со стрѣлами и началъ избивать проходящихъ мимо турокъ. Султанъ Солиманъ пожелалъ видѣть столь необыкновеннаго витязя, и Вишневецкій обезсиленными руками направилъ въ него послѣднюю стрѣлу. Тогда султанъ велѣлъ добить Вишневецкаго. Турки разрѣзали на кусочки и съѣли его сердце, чтобы получить его мужество.

П. Кулишъ.

[1]) Существовали народныя пѣсни и о Дашковичѣ, но извѣстный Зоріанъ Ходаковскій захватилъ изъ устъ народа только отрывки ихъ, о чемъ сохранилось преданіе; см. въ Tygodniku illustrowanym, 1862, стр. 63.

ДЕВЯТЫЙ ВАЛЪ

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ *).

XXVII.

Въ Москвѣ.

Прошло болѣе трехъ лѣтъ. — Было начало осени 1871 года.

Погода стояла теплая и свѣтлая. Къ небольшому двухъэтажному домику, на Никитскомъ бульварѣ въ Москвѣ, едва стало смеркаться, подошелъ, съ портфелью подъ мышкой, озабоченный человѣкъ. Онъ дернулъ за звонокъ, спросилъ слугу, не заѣзжалъ ли кто-нибудь безъ него, и вошелъ въ дверь, на которой была прибита мѣдная дощечка съ надписью: «Ходатай по дѣламъ». Поднявшись на крыльцо, этотъ господинъ прошелъ въ небольшой, уютный кабинетъ, бросилъ портфель на этажерку, взялъ съ рабочаго стола пачку нераспечатанныхъ писемъ, подошелъ къ окну, сѣлъ въ кресло и задумался.

— «Одно и то же, размышлялъ онъ: старая, вѣчная пѣсня... Тѣхъ грабятъ чужіе, эти жалуются на своихъ; тѣ ищутъ потеряннаго, эти—новой прибыли; въ томъ мѣстѣ требуютъ приданаго, въ этомъ—развода; тѣхъ обидѣли, эти сами обижаютъ... Труда не мало. А время бѣжитъ и бѣжитъ...»

Человѣкъ, разсуждавшій такимъ образомъ, былъ Антонъ

---

*) См. выше: январь, 115; февраль, 589 стр.

Львовичъ Ветлугинъ. Но какъ онъ измѣнился: сухое и строгое лицо его стало еще суше и строже. Сѣдина пробивалась въ бородѣ и волосахъ. Глаза были также свѣтлы, но въ нихъ отражалась преждевременная усталость. Руки были блѣдны и худы; движенія угловаты.

Онъ прочелъ нѣкоторыя изъ писемъ и, не распечатывая остальныхъ, просидѣлъ въ креслѣ до поры, пока на дворѣ окончательно стемнѣло. Фонарей на улицѣ еще не зажигали. Ѣзды почти не было слышно. Комнаты мало-по-малу утонули въ потемкахъ и тишинѣ. Изъ маленькой пріемной, съ старой мебелью, потертымъ ковромъ и кучами газетъ и книгъ по окнамъ и столамъ, слышался мѣрный стукъ часового маятника. Одно изъ оконъ кабинета, уставленнаго книжными шкафами, этажерками и картонками съ дѣлами, выходило въ небольшой садъ. Надъ вершинами стемнѣвшихъ деревъ и надъ крышей сосѣдняго дома еще мерцала блѣдная полоска зари. Скоро и она погасла.

— «Пора зажигать лампу! пора за работу»! подумалъ, рѣшившись встать, Ветлугинъ: «надо приготовить дѣло къ завтрашней защитѣ; надо справиться съ судебнымъ уставомъ; а сколько писемъ писать...»

Но лампа не зажигалась, судебный уставъ не раскрывался, рука не бралась за перо. Ветлугинъ сидѣлъ, глядѣлъ на уголъ рабочаго стола, прислушивался къ стуку маятника въ гостиной, къ шагамъ прохожихъ за окномъ, и размышлялъ... Гдѣ были его мысли? И какими судьбами онъ очутился на жительствѣ въ Москвѣ?

Разставшись, три года назадъ, съ отцомъ, Ветлугинъ возвратился за Уралъ. Туда его звали дѣла его хозяевъ. А эти дѣла въ то время приняли весьма дурной оборотъ. Первостатейные московскіе купцы, на деньги которыхъ хозяева Ветлугина вели торговлю, въ томъ году совершенно неожиданно прекратили свои платежи. Стала носиться молва, что это банкротство, грозившее окончательнымъ разореніемъ нѣсколькимъ второстепеннымъ торговымъ домамъ, было умышленное.

Ветлугинъ съ довѣренностью отъ хозяевъ уѣхалъ въ Москву и повелъ переговоры съ ихъ компаньонами. Но на первыхъ же порахъ онъ убѣдился, что мировая невозможна, и рѣшился начать формальный процессъ. Много вытерпѣлъ онъ съ этимъ процессомъ: не разгибая спины, просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ надъ подборомъ необходимыхъ бумагъ и изученіемъ подходящихъ законовъ; совѣтовался съ опытными юристами, писалъ и подавалъ прошенія, разъясненія, и съ утра до вечера ѣздилъ по старымъ

и новымъ присутственнымъ мѣстамъ. Весь этотъ трудъ Ветлугинъ несъ, живя въ тѣсной конурѣ отдаленнаго подворья, и зачастую нуждался въ рублѣ.

Начавъ искъ противъ московскихъ тузовъ, Ветлугинъ наткнулся на цѣлый рядъ такихъ же точно процессовъ. Дѣло это тянулось около двухъ лѣтъ и кончилось побѣдой для Ветлугина. Онъ выигралъ его во всѣхъ инстанціяхъ, вызвалъ въ разсчету съ противниками своихъ хозяевъ, но ѣхать съ ними обратно за Уралъ отказался.

— Я, господа, вашъ слуга по прежнему, сказалъ онъ: но Москвы не оставлю. Ко мнѣ стали обращаться другіе, и мнѣ удалось имъ пособить также, какъ и вамъ. Дѣлъ теперь у меня, сверхъ ожиданія, столько, что не оберешься. Записываюсь окончательно въ адвокаты...

— Охъ, баринъ, берегись, говорили на это его хозяева: дѣло берешь трудное; съ нимъ либо рыбку ѣсть, либо на мель сѣсть.

— Не боюсь, господа, отвѣчалъ Ветлугинъ: время для судовъ настало иное. И комаръ лошадь свалитъ, коли волкъ пособитъ...

Ветлугинъ какъ рѣшилъ, такъ и сдѣлалъ: сталъ заниматься хожденіемъ по дѣламъ и на этомъ поприщѣ оказался далеко не изъ послѣднихъ. Имя его, впрочемъ, рѣдко попадалось на столбцахъ газетъ, отводящихъ мѣсто судебнымъ извѣстіямъ, и не было связано ни съ однимъ изъ тѣхъ, болѣе или менѣе громкихъ и знаменитыхъ, уголовныхъ процессовъ, которые за послѣдніе годы надѣлали столько шума въ столичныхъ и губернскихъ судебныхъ округахъ. Произошло это, вѣроятно, потому, что Ветлугинъ бралъ на себя ходатайство и публичную защиту только по такимъ дѣламъ, которыя онъ завѣдомо считалъ совершенно чистыми.

Въ первый годъ своего пребыванія въ Москвѣ, Ветлугинъ, для лучшаго ознакомленія съ судебнымъ міромъ, занялся въ качествѣ помощника при конторѣ одного изъ адвокатовъ по гражданскимъ дѣламъ. Въ срединѣ второго года московской жизни, онъ открылъ собственную адвокатскую контору, а въ началѣ третьяго года у него было уже столько дѣлъ, что онъ не зналъ, какъ съ ними справиться. Не всѣ процессы Ветлугинъ, какъ водится, выигрывалъ, за то ни по одному онъ не вызывалъ укоризнъ и проклятій своихъ довѣрителей. Значительную долю заработковъ онъ удѣлялъ на уплату отцовскихъ долговъ и отъ души обрадовался, когда ему удалось, частью на собственный заработокъ, частью займомъ, погасить послѣднее изъ обязательствъ, выданныхъ имъ за долги отца.

Это случилось въ концѣ третьяго года его пребыванія въ Москвѣ.

Ветлугинъ въ это время жилъ уже безъ тѣхъ лишеній, какія привелось ему испытать въ началѣ его переѣзда въ Москву, хотя его обстановка и теперь была далеко не такъ щеголевата, какъ у значительной доли его модныхъ товарищей по ремеслу.

Былъ у Ветлугина, для справокъ и переписки съ довѣрителями, и секретарь. Это мѣсто занялъ у него былой его учитель, а потомъ пріятель и товарищъ по университету, — Аввакумъ Андреичъ Столешниковъ.

Столешниковъ былъ изъ тѣхъ смертныхъ, происхожденіе которыхъ даже для близкихъ къ нимъ людей остается иногда всю жизнь загадкой. При появленіи его въ университетѣ, на вопросъ товарищей, откуда онъ и кто его родители, Столешниковъ отвѣчалъ, что обыватель онъ Голодалкиной волости, села Обнищухина, а что состоянія у его отца—тараканъ да жуколица, крестъ да пуговица, мѣшокъ да ряднó... Между студентами онъ былъ коноводомъ всѣхъ недовольныхъ, шумѣлъ и горячился на сходкахъ и слылъ за человѣка съ сильной волей, отважнаго и стойкаго, вообще бойца за правду. Учился онъ усердно, хотя не выдержалъ выпускного экзамена, единственно впрочемъ потому, что не имѣлъ приличнаго платья и почти не посѣщалъ въ послѣдніе полгода лекцій одного изъ самыхъ строгихъ профессоровъ. Ветлугинъ, на котораго Столешниковъ съ перваго же знакомства произвелъ глубокое впечатлѣніе, былъ лѣтъ на пять, на шесть моложе своего пріятеля. Университетская исторія, бросивъ Ветлугина за Уралъ, и Столешникова, одновременно съ нимъ, точно вѣтромъ сдула съ лица земли. Арестовали его, по поводу той же исторіи и еще изъ-за какихъ-то заграничныхъ воззваній, въ квартирѣ знакомаго ему фортепьяннаго подмастерья. Онъ исчезъ изъ университета и, какъ говорится, пера не оставилъ. Зналъ о немъ кое-что только Ветлугинъ. Они были въ перепискѣ и дружба ихъ въ долговременной разлукѣ не ослабѣвала. Попавъ на житье въ Архангельскъ, Столешниковъ терпѣлъ страшную бѣдность, голодалъ и, водясь съ чернымъ народомъ и съ мелкимъ чиновничествомъ, жилъ изъ милости сперва у какого-то отставленнаго за старостью отъ службы канцеляриста, а потомъ въ сырой землянкѣ у разстриги-попа, гдѣ заболѣлъ тифомъ и чуть не умеръ. Онъ не покидалъ любимаго своего занятія—чтенія, и то-и-дѣло умудрялся попадаться въ проступкахъ противъ мѣст-

ныхъ предержащихъ властей. За неуваженіе къ распоряженіямъ полиціи, онъ не разъ былъ отводимъ въ участокъ и сажаемъ подъ арестъ, а однажды былъ призванъ для внушеній, за смѣлыя и необдуманныя рѣчи, къ самому губернатору. Послѣдній, послѣ продолжительныхъ распеканій и наставленій, сказалъ ему слѣдующее: «Послушайте, Столешниковъ. За васъ меня просятъ. Но ваше положеніе измѣнится, и вы отсюда уѣдете только тогда, если окончательно и навсегда оставите вашу неумѣренную и ни къ чему неведущую, завирательную болтовню, и станете заниматься не баклушами, а какимъ-нибудь полезнымъ дѣломъ, ну, напримѣръ, хоть бы службой... Но если бы вы, паче чаянія, уѣхали отсюда не перемѣня нрава, то вѣрьте мнѣ, старому воробью, опять гдѣ-нибудь попадетесь: отъ своего хвоста не уйдешь...»

Въ маѣ 1868 года, Столешникову разрѣшили оставить мѣсто его ссылки. Онъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ въ какой-то купеческой семьѣ жила учительницей одна дальняя его родственница. При помощи ея, и онъ на первыхъ порахъ принялся давать уроки. Малый онъ съ виду былъ степенный, даже внушалъ къ себѣ своимъ большимъ ростомъ, басистымъ голосомъ и длинною рыжею бородой, нѣкоторое невольное уваженіе. Труду онъ отдавался, особенно вначалѣ, со всѣмъ пыломъ, имѣлъ крайне доброе сердце, трусилъ женщинъ и страстно любилъ дѣтей. А потому, въ качествѣ учителя и при помощи старушки-родственницы, нечаявшей въ немъ души,—ему такъ повезло, что вскорѣ онъ не только пріобрѣлъ множество выгодныхъ уроковъ, но и завелъ обширный кругъ знакомства, особенно между учащеюся молодежью. Часы, свободные отъ учительскихъ занятій, онъ посвящалъ посѣщенію публичныхъ лекцій и диспутовъ, съѣздамъ педагоговъ и засѣданіямъ различныхъ благотворительныхъ и воспитательныхъ комитетовъ. Голова его горѣла. Съ языка не сходили слова объ общемъ благѣ. Онъ опять ожилъ, переродился, не чувствовалъ подъ собой земли и, разумѣется, вскорѣ забылъ и свое недавнее пребываніе на сѣверѣ, и свои тяжкія невзгоды.

Ветлугинъ какъ обѣщалъ Столешникову въ письмѣ, такъ и сдѣлалъ: едва пріѣхалъ въ Москву, тотчасъ пустился его отыскивать. Онъ его засталъ на полномъ ходу его педагогической и ораторской дѣятельности. Жилъ въ это время Аввакумъ Андреичъ, въ качествѣ репетитора двухъ гимназистовъ, сыновъ какого-то торговаго туза, въ Плетешкахъ, у Денисовскихъ бань. Отсюда онъ ежедневно и большею частію пѣшкомъ дѣлалъ невѣроятные концы на другіе уроки: сегодня шелъ на Патріаршіе пруды,

завтра на Арбатъ или на Волхонку; послѣ завтра къ Спасу въ Оливкахъ, и въ тотъ же день иной разъ поспѣвалъ еще на засѣданіе какого-нибудь благотворительнаго комитета въ Лефортово или къ Покрову въ Лѣвшинѣ.

Оба пріятеля, при встрѣчѣ послѣ столь долгой разлуки, до того обрадовались другъ другу, что на первое время почти не разставались. Ветлугинъ болѣе недѣли прожилъ въ тѣсной, учительской каморкѣ Столешникова, чтобы только досыта наговориться съ былымъ другомъ и наглядѣться на него. Столешниковъ плѣнялъ и тѣшилъ его: несмотря на признаки довольства, добытаго учительскимъ усиленнымъ трудомъ, онъ по прежнему ходилъ нечесаный, въ старомъ потертомъ пальто, съ большою, какъ у древнихъ ревнителей благочестія, бородой и въ невыразимо-скрипучихъ и рѣдко-чищенныхъ сапогахъ. Онъ безпрестанно курилъ какія-то крѣпчайшія, бурыя папиросы, увѣряя, что табакъ достаетъ за невѣроятно-дешевую цѣну — по знакомству, первой масти и безъ бандеролей. Мнѣній о всемъ онъ держался, какъ и во время оно, совершенно крайнихъ. Съ Ветлугинымъ, съ первыхъ же дней ихъ новой встрѣчи, онъ сталъ спорить обо всемъ. Ветлугинъ отъ такого разговорнаго задора и споровъ съ пріятелемъ, сначала было даже сильно опѣшилъ. «Ужъ не отсталъ ли я отъ движенія общества за эти годы?» думалъ онъ: «не устарѣлъ ли я, наконецъ? Сколько пылу, сколько беззавѣтныхъ и чистыхъ вѣрованій въ этой душѣ! О! хоть бы капелька этихъ надеждъ и вѣрованій мнѣ...» Онъ съ особымъ вниманіемъ сталъ слѣдить за Столешниковымъ и за диспутами, которые иной разъ поднимались въ его комнатѣ, насквозь прокуренной крѣпчайшимъ безбандерольнымъ табакомъ.

Проберется бывало Ветлугинъ къ пріятелю и остановится на порогѣ. Въ дыму папиросъ и сигаръ, по стульямъ и по дивану, виднѣются разгорѣвшіяся лица его гостей, а самъ Столешниковъ, понурясь, сидитъ на постели, глядитъ себѣ подъ ноги и сурово ораторствуетъ. Рѣчи его, въ подобные часы, отзывались вдохновенною смѣлостью. Онъ забывалъ, что находится въ Москвѣ, въ Плетешкахъ, у денисовскихъ бань. Задачи педагогики отодвигались назадъ. Впередъ выступали иныя, болѣе, какъ онъ выражался, широкія и насущныя задачи.

И когда Ветлугинъ, вмѣшиваясь въ слова Столешникова, старался допытаться, какими же средствами онъ и его пріятели располагаютъ для выполненія своихъ задачъ, Аввакумъ Андреичъ восклицалъ: «О! успокойся, мирный скворецъ! Не воображай себѣ насъ безумцами, идущими въ воду, не спросясь броду...

Есть у насъ уже и осязательныя начинанія... Мы основываемъ свой печатный органъ,—пріобрѣтаемъ въ пользованіе на правахъ аренды одну здѣшнюю газету... Но этого мало: мы на-дняхъ покупаемъ типографію... Будемъ на складчину печатать дешевыя книги для народа... Да погоди-же, не вскакивай и слушай далѣе... Ты отсталъ отъ того времени, когда мы съ тобой изучали „Ueber die Freiheit des Willens" великаго Артура Шопенгауэра,—а я ему вѣренъ... И помяни ты мое слово, не пройдетъ и двухъ лѣтъ, какъ по нашимъ слѣдамъ двинутся новые дѣльцы...

— Все это такъ,—скрѣпя сердце, говорилъ иногда глазъ на глазъ своему другу Ветлугинъ:—но я замѣчаю, Аввакумъ, что ты начинаешь отставать отъ уроковъ... Ты же самъ передалъ мнѣ на дняхъ жалобу своихъ хозяевъ на то, что ты оставляешь безъ вниманія ихъ дѣтей.

— Э! объ этомъ я думаю менѣе всего, отвѣчалъ Столешниковъ: надо же кому-нибудь дѣйствовать. Погляди получше вкругъ себя. Неужели не видишь? Чтó передъ нашими глазами? Что? Совершенно уснувшее общество... Да и самъ-то ты о чемъ мнѣ писалъ, окунувшись на-короткѣ хоть бы въ благодатную жизнь твоей родины? А? Неужели забылъ? Ну, а я такъ помню... Отвѣчай: отчего погибъ въ вашей губернской трущобѣ этотъ бѣднякъ, этотъ вашъ земскій дѣятель—Милунчиковъ? И отчего торжествуетъ опять-таки хоть бы этотъ прощелыга, нашъ Клочковъ? Да, наконецъ, отчего... пошла въ монастырь... и эта... ну, не буду, не буду, Антонъ! молчу!.. Такъ подумай, дружище, получше, и тогда ты не скажешь: по силамъ ли я беру на себя мои новые труды?

XXVIII.

Отъ своего хвоста не уйдешь.

Заботы объ общемъ благѣ вскорѣ печально отозвались на Столешниковѣ. Не прошло и полугода, какъ онъ лишился большинства своихъ уроковъ. «Что-же? оборвалось на учительствѣ, вывезетъ литература!» подумалъ онъ. Но оказалось иное. Типографію, основанную по мысли Столешникова нѣкіимъ благотворительнымъ дамскимъ комитетомъ, для печатанія дешевыхъ учебниковъ для сельскихъ школъ,—за несоблюденіе какихъ-то важныхъ формальностей,—опечатали, а потомъ и закрыли. Это до такой сте-

пени озадачило Аввакума Андреича, что онъ совершенно растерялся: лишился сна и аппетита, сталъ бросаться къ встрѣчному и поперечному съ жалобами, написалъ нѣсколько ѣдкихъ обличительныхъ статей, и болѣе мѣсяца не имѣлъ присутствія духа явиться на глаза къ Ветлугину. Но одна бѣда, какъ всегда случается, вела за собою другую. Случилось новое горе. Въ одинъ сквернѣйшій, октябрьскій день, послѣ трехъ нежданныхъ и почти послѣдовательныхъ предостереженій, закрыли и ту преобразованную, по мысли Столешникова, и не лишенную простодушной злости газету, которую, съ такими усиліями и съ такими пылкими упованіями на лучшій ходъ дѣлъ, удалось взять въ аренду одному изъ зажиточныхъ москвичей. Раздраженіе Столешникова при этомъ достигло крайнихъ предѣловъ...

Во-первыхъ, объ этомъ онъ извѣстилъ Ветлугина не лично, а почему-то объемистымъ и полнымъ отчаянія письмомъ, по городской почтѣ; затѣмъ въ тотъ же день онъ ему назначилъ депешей свиданіе въ аллеѣ на Чистыхъ-Прудахъ. Явясь туда и ходя съ нимъ взадъ и впередъ, подъ намокшими отъ холоднаго дождя деревьями, онъ говорилъ о своемъ горѣ битый часъ и все-таки не успѣлъ, какъ бы того желалъ, излить другу всю горечь и злобу наболѣвшей души. Онъ жаловался на притѣсненія свыше, на трусость и измѣну товарищей. Наворачивая, отъ ливня и бури, на затылокъ воротникъ пальто, онъ увѣрялъ, что напрасно мѣшаютъ друзьямъ народа; что ихъ дѣло не умретъ, а будетъ развиваться, во что бы то ни стало, хотя бы нынѣшніе сподвижники этого дѣла погибли всѣ до единаго. Утаптывая мокрую дорожку бульвара и едва сдерживая, подъ порывами пронзительнаго вѣтра, шляпу и какой-то совершенно неправдоподобный зонтикъ, онъ озирался по сторонамъ тусклыми, помутившимися глазами и, крѣпко сжимая въ холодныхъ, костлявыхъ рукахъ дрожавшія отъ скорби и жалости къ нему руки Ветлугина, кричалъ ему на ухо: «Не сдавайся, и я не сдамся! все принесемъ въ жертву чести и общаго долга! все...»

Буря не унималась. Вѣтеръ шумѣлъ въ деревьяхъ. Дождь наискось, крупными каплями, хлесталъ по зонтику и по спинамъ пріятелей. Небо было сѣро и пасмурно. Зловѣщія облака низко неслись надъ кровлями потемнѣвшихъ домовъ.

— Слушай, Ветлугинъ! сказалъ на прощанье Столешниковъ: вотъ три недѣли я не сплю въ сутки болѣе трехъ-четырехъ часовъ. Видишь, какъ я обносился и похудѣлъ... Охъ, братъ, совѣстно сказать... я давно питаюсь чуть не подаяніемъ... Но я не унываю и надѣюсь, наше дѣло не погибнетъ... Слушай, братъ

Антонъ!.. Дай мнѣ въ займы,—погоди, не вынимай бумажника, сочту, сколько именно? — дай мнѣ пятьдесятъ, нѣтъ! сто цѣлковыхъ... Такъ видишь ли, у меня созрѣлъ такой планъ, такой,— ну, да увидишь тогда... На-дняхъ у насъ явились новые, нежданные пособники, да какіе! львы... До поры—никому, даже тебѣ, ни слова, молчу... Я нарочно на время скроюсь, такъ сказать, стушуюсь, но вскорѣ ты обо мнѣ услышишь... О, ты услышишь, и тогда рѣшишь, былъ ли я правъ? Прощай!

— Эй, Аввакумъ, лучше обожди. Вотъ тебѣ деньги; но послушай меня, дай пройти этимъ невзгодамъ, дай выясниться дѣлу. Лучше успокойся и хоть на время перейди жить ко мнѣ.

— Ни за что, ни за что, кричалъ изъ-подъ зонтика Столешниковъ: ты сталъ адвокатомъ, слѣдовательно, другомъ собственниковъ. И ты насъ не понимаешь, да и не можешь понять... Не я къ тебѣ, а ты ко мнѣ, любезный другъ, явишься съ поклономъ и съ повинной головой. И если мы, обладатели будущаго, пощадимъ тебя, то развѣ за то, что ты теперь мало на что пригодный инвалидъ, хотя былъ когда-то тоже ретивымъ служакой... Прощай, до новаго свиданія, при иномъ порядкѣ вещей,—у порога жилища, на которомъ будетъ написано: гражданская свобода и возстановленіе правъ человѣчества...

Снабженный пособіемъ Ветлугина, Столешниковъ исчезъ изъ Москвы.

Слухи о немъ замолкли. Даже его родственница ума не могла приложить, куда онъ дѣлся и увѣряла, что-либо его вагономъ гдѣ-нибудь раздавило, либо онъ ушелъ за-границу.

А между тѣмъ, черезъ полгода послѣ его исчезновенія, стали ходить слухи о смутахъ въ средѣ молодежи, о стычкахъ школьниковъ съ полиціей, о какихъ-то подметныхъ письмахъ и арестахъ,—то въ той губерніи, то въ этой, а наконецъ, и объ открытіи нѣкоей цѣлой подпольной организаціи. Сердце Ветлугина, что ни день, стало обливаться кровью. Онъ съ тайнымъ трепетомъ обращался къ каждому газетному листку, всякій разъ боясь, въ извѣстіяхъ о заварившейся кашѣ, натолкнуться на дорогое для него имя неугомоннаго и сердечно-любимаго имъ товарища.

«Гдѣ-то онъ теперь?» размышлялъ Антонъ Львовичъ: «въ какихъ мѣстахъ и въ какихъ слояхъ носится въ эти смутные, непригляддные дни, достойный лучшей участи, бѣднякъ Аввакумъ? Попался ли онъ, нераскаянный боецъ, въ какой-нибудь невѣроятной передрягѣ и сидитъ нынѣ гдѣ-нибудь подъ арестомъ, или его нѣтъ уже болѣе на свѣтѣ? Что значитъ его молчаніе и отчего онъ не подаетъ о себѣ вѣсти?»

Прошло болѣе года.—Подъѣхалъ какъ-то поздно вечеромъ къ своей квартирѣ Ветлугинъ и увидѣлъ, на выступѣ крыльца, высокаго, согнутаго, и какъ-бы дремлющаго отъ сильной усталости господина, въ смятой фуражкѣ, забрызганной грязью одеждѣ и обуви и съ дорожнымъ, какъ у богомольцевъ, мѣшкомъ черезъ плечо. Поднявшись на крыльцо, Ветлугинъ невольно его разбудилъ. Незнакомецъ всталъ, протянулъ руки... Антонъ Львовичъ остолбенѣлъ: передъ нимъ стоялъ Столешниковъ.

Нѣсколько мгновеній они молча глядѣли другъ на друга.

— Аввакумъ! Ты ли это?..

— Я самый и есть...

Пріятели обнялись. Ветлугинъ потащилъ Столешникова къ себѣ, усадилъ его, раздѣлъ, далъ ему умыться, облекъ его въ собственное чистое бѣлье, въ халатъ и въ туфли, накормилъ его, напоилъ чаемъ и сталъ разспрашивать.

— Ахъ, ты безпутный, столько времени не писалъ... Гдѣ же ты странствовалъ и откуда явился?

— Съ той стороны...

— Съ какой?

Столешниковъ пальцемъ показалъ за спину.

— Понимаешь? сказалъ онъ: да что и толковать.. Отъ своего хвоста, какъ видишь, не ушелъ... Или нѣтъ, врутъ дьяволы, подлецы! на зло имъ ушелъ... ну, да!.. спасся и въ зубы имъ не дался.

— Какъ спасся? Отъ кого? Развѣ ты въ чемъ-нибудь попадался? Разскажи...

— Эхъ, братъ, тяжело и разсказывать. Попасться-то я дѣйствительно попался, на первыхъ же порахъ, да переодѣтый ушелъ. А когда окончательно все подготовилось, въ самую что ни на есть роковую пору, ну, словомъ, понимаешь ли, когда наконецъ и мнѣ выпадала честная доля дѣйствовать, тутъ, какъ нарочно, нежданная судьба, роковое стеченіе обстоятельствъ... и умчали меня въ таръ-тарары...

— То-то, я нигдѣ не встрѣчалъ твоего имени.

— И мудрено было встрѣтить. Меня тамъ не было...

— Гдѣ же ты находился въ этихъ передрягахъ?

— На рóдинѣ былъ... у родителей,—отвернувшись, мрачно отвѣтилъ Аввакумъ Андреичъ.

— Какъ? развѣ у тебя и родители есть?

— Еще бы... Смѣшной вопросъ!.. Мать старуха при смерти въ то время была, ну, и захотѣла меня повидать; а отецъ и написалъ... Нельзя же, я поѣхалъ туда, да тамъ всю эту бурю,

больше двухъ мѣсяцевъ, и пробылъ. Ну, разумѣется, все и пропустилъ,—все пролетѣло мимо, и я, какъ видишь, цѣлъ...

Столешниковъ, ероша бороду, сердито смотрѣлъ себѣ подъ ноги.

— Да и отлично, что ты уцѣлѣлъ. Ахъ, ты чудакъ, чудакъ... Еще жалѣетъ. Но кто же твой отецъ? я право, извини, до сихъ поръ и не зналъ...

— Что извиняться! уныло отвѣтилъ Столешниковъ: срамъ и сказать... И ты этого, сдѣлай милость, не открывай никому... Мой родитель изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, и жилъ онъ постоянно управляющимъ то на винныхъ, то на лѣсныхъ заводахъ у разныхъ помѣщиковъ; ну, а съ недавняго времени не то, позоръ и сказать!—становымъ въ родномъ уѣздѣ служитъ... можетъ быть даже... и взятки беретъ! Самъ не видѣлъ, но спорить противъ того не буду!—опять отвернувшись и какъ-то дико улыбаясь, добавилъ Столешниковъ.

— Матушка же твоя, надѣюсь, выздоровѣла?

— Умерла, еще мрачнѣе отвѣтилъ Столешниковъ: умерла на моихъ рукахъ.

Пріятели замолчали. Имъ было тяжело смотрѣть другъ на друга. Ветлугинъ вспомнилъ о «жилищѣ гражданской свободы» у порога котораго Столешниковъ надѣялся съ нимъ встрѣтиться.

— Однако, братъ, у тебя уже и нѣкоторое благосостояніе? съ напускною усмѣшкой, замѣтилъ Аввакумъ Андреичъ, озираясь по сторонамъ: мягкая мебель, просторныя комнаты, даже зеркала и цвѣты... Ахъ, ты эстетикъ, эстетикъ. Былъ добродѣтельнымъ скворцомъ, имъ и умрешь. Не понимаю, какъ можно допускать у себя такой избытокъ, когда столько неимущихъ, приниженныхъ и гонимыхъ гибнетъ въ подвалахъ, не только безъ зеркалъ и цвѣтовъ, но даже безъ куска насущнаго хлѣба... Постепеновецъ! паинька! лежебока...

— Ну, перестань браниться, успокойся,—улыбнулся Ветлугинъ: нѣтъ худа безъ добра... Я счастливъ уже и тѣмъ, что могу наконецъ хоть бы тебѣ предложить опять раздѣлить со мной этотъ уголъ. Вѣдь ты, Аввакумъ, теперь тоже изъ числа неимущихъ... А отказываться не имѣешь права уже потому, что и я когда-то пользовался твоимъ гостепріимствомъ. Такъ идетъ? идетъ? Ты согласенъ? Мы станемъ жить вмѣстѣ... А чтобы тебѣ не тяжело было дѣлить со мной все, что я имѣю, будемъ вмѣстѣ трудиться. И ты увидишь, что моя адвокатская работа ничуть не ниже тѣхъ задачъ, о которыхъ мы съ тобой мечтали въ оны дни...

Столешниковъ искоса и робко взглянулъ на пріятеля. Ему показалось, что онъ ослышался.

— Какъ? Что ты сказалъ? спросилъ онъ, посматривая на Ветлугина: ты мнѣ предлагаешь у себя занятія, зовешь меня къ себѣ, послѣ всего, что было со мной, и не боишься... огласки?

— Я нуждаюсь въ добромъ помощникѣ,—ласково и искренно отвѣтилъ Ветлугинъ: и если ты, Аввакумъ, хочешь, если подаришь меня своими услугами, это мѣсто за тобой и на какихъ хочешь условіяхъ.

— Нѣтъ, братъ, что-то странно, не могу! дай подумать!—нерѣшительно отвѣтилъ Столешниковъ, взглядывая то на свои жилистыя въ туфляхъ ноги, то на свои загорѣлыя, потрескавшіяся отъ дороги руки: у тебя, чай, народъ не такой, какъ я, бываетъ, надо пріубраться, одёжой обзавестись — надо приличное обхожденіе; ну, а я—ты знаешь... не изъ бѣлоручекъ...

Пріятели поспорили, но скоро поладили.

Столешниковъ, въ качествѣ помощника, поселился у Ветлугина. И хотя, по прежнему, родъ жизни онъ велъ нѣсколько странный и подъ-часъ даже дикій, по недѣлямъ не позволялъ зимой топить въ своей печкѣ, спалъ не раздѣваясь, отказывался отъ вина, ѣзды на извощикахъ и даже отъ сигаръ, но за работу принялся усердно, а въ свободные отъ занятій дни, съ утра до вечера, не выходилъ изъ своей комнаты, шагалъ тамъ взадъ и впередъ, либо, заунывнымъ басомъ напѣвая бурлацкія пѣсни, писалъ какія-то замѣтки, рвалъ ихъ, снова писалъ и опять разрывалъ въ мелкіе клочки.

— Въ чемъ наше спасеніе? спросилъ онъ однажды Ветлугина.

— Въ насъ самихъ...

— Какъ такъ? даже привскочилъ Столешниковъ.

— Очень просто. Надо, чтобы всякъ изъ насъ и всѣ мы вмѣстѣ были готовы каждый мигъ встрѣтить лучшія времена. Надо, чтобъ обновленное будущее застигло насъ способными къ воспріятію его. Иначе это будущее станетъ такою же мертворожденною попыткой, какъ и многое бывшее у насъ... Согласись, еще далеко до увѣнчанія общественнаго зданія...

— Далеко? Что же мы-то въ немъ за припасы? спросилъ, усмѣхаясь, Столешниковъ.

— Мы сваи... отвѣтилъ Ветлугинъ.

— Сваи только? даже не кирпичи? Иначе—мы свайные люди?

— Именно. Развѣ не почтенное дѣло быть вогнаннымъ по маковку въ землю, въ сознаніи, что надъ тобою, на твоихъ плечахъ, со временемъ возведется счастье родины? Если бы не росли тѣ дубы да сосны, что болѣе полутора вѣковъ назадъ забивались

въ трясину подъ петровскія постройки, не было бы у насъ ни родного намъ съ тобою университета, ни академій.

— Свайные люди! не могъ успокоиться Столешниковъ: будущее счастье!.. Но гдѣ-же отрада для настоящаго?

— Въ семьѣ,—тихо отвѣтилъ Ветлугинъ.

Столешниковъ подумалъ: «Ужъ не затѣялъ ли онъ жениться на какой-нибудь купчихѣ? Такъ нѣтъ... сколько ни смотрю, ничего подобнаго не видно...»

— Такъ, по-твоему, отрада — только въ семьѣ? въ норѣ? спросилъ Столешниковъ: вотъ какъ! значитъ, вездѣ отбой? Значитъ, коли не удалось быть орлами, то всѣмъ, подобно тебѣ, стать трудолюбивыми, зерноядными скворцами? Не ожидалъ я этого отъ тебя.

— Кстати, впрочемъ, какъ поживаетъ твой отецъ? спросилъ онъ, перегодя, чтобы замять тяжелый разговоръ.

— Помаленьку... Сталъ, впрочемъ, въ послѣднее время, что-то ужъ часто похварывать.

— Лѣта подошли... Пора...

Настало молчаніе. Маятникъ уныло отзывался изъ гостиной.

— Разскажи, что вообще новаго на твоей родинѣ? спросилъ Столешниковъ: пишетъ ли тебѣ оттуда, какъ бишь его, Фокинъ, что ли?

— Какъ же; я съ нимъ въ постоянной перепискѣ. Онъ, какъ ты знаешь, три года назадъ женился на дочери Вечерѣевскаго священника, на Фросинькѣ, и имѣетъ отъ нея двухъ близнецовъ дѣтей. Да, я отъ души радъ, что онъ устроился, а главное—поселился въ одномъ городѣ съ моимъ отцомъ.

— Такъ и онъ туда переѣхалъ?

— Да, онъ служитъ кассиромъ въ одномъ изъ тамошнихъ банковъ; а жена его прослушала курсъ въ школѣ акушерокъ, основанной тамъ, какъ ты знаешь, по мысли покойнаго Милунчикова, и удачно практикуетъ по окрестнымъ волостямъ. Талищевъ болѣе не предводителемъ; сынки-же его не унываютъ: гусаръ, отбывъ арестъ за дуэль съ Милунчиковымъ, жуируетъ; не отстаетъ отъ него и Николушка—говорятъ, очень успѣшно выдаетъ векселя, и отецъ его уже не мало за него заплатилъ — дѣла ихъ вообще пошатнулись...

— Ну, а старикъ Вечерѣевъ?

— Онъ все еще въ помѣшательствѣ.

— На чьихъ-же рукахъ?

— Подъ вѣдѣніемъ своего опекуна, Клочкова.

— Ну, а сей великій мужъ?

— О, онъ, говорятъ, блаженствуетъ, — помочилъ носъ въ крупныхъ прибыляхъ на разныхъ спекуляціяхъ и теперь, слышно, чортъ ему не братъ.

— Ахъ ты, Петька треклятый, — не выдержавъ, крикнулъ Столешниковъ: свинчатка себялюбивая!

— Да, братецъ, онъ на второе трехлѣтіе избранъ въ предсѣдатели уѣздной управы и по прежнему, вообще, въ почетѣ и въ ходу... Да и что ему! теперь такіе-то только люди и торжествуютъ. Какъ тараканы выползаютъ изъ щелей и засиживаютъ недавно еще чистыя стѣны... На дняхъ, представь, я читалъ въ газетахъ его рѣчь, произнесенную имъ по случаю проѣзда черезъ тѣ мѣста какого-то сановника... Ужъ чего тамъ этотъ Худояръ-Ханъ ни наплелъ: выражалъ желаніе, чтобъ Россія была русскою, чтобъ царствовалъ вездѣ порядокъ, а въ сердцѣ каждаго—неукоснительность, неупустительность и, еще кажется, чувствительность, — чтобъ всѣ сидѣли подъ своими смоковницами и прочее... «Юрисдикція» у него, правда, исчезла. За то явилось новое слово: цѣлесообразность... Все у него должно быть цѣлесообразно: нужны деньги,—о развитіи силъ страны нечего думать, а увеличивай только подати и дѣло въ шляпѣ; нужны солдаты, — бери съ тысячи хоть по сту человѣкъ... Мы на все, говоритъ, готовы,—а потому и подносимъ хлѣбъ-соль... Это онъ запѣлъ, разумѣется, какъ все свое состояніе, по слухамъ, обратилъ въ капиталъ, и въ капиталъ что-то очень круглый и крупный...

— Ну, а дочь Вечерѣева? негромко и какъ-бы нехотя, спустя нѣсколько минутъ, спросилъ Столешниковъ.

Ветлугинъ въ это время перебиралъ бумаги на столѣ.

— Дочь Вечерѣева? спросилъ онъ, повидимому, совершенно спокойно.

— Ну, да... ты меня извини — я не изъ пустого любопытства... Вчужѣ жаль ее...

— Помилуй, я охотно,—отвѣтилъ, закуривая сигару, Ветлугинъ: но что тебѣ о ней сказать? Она по прежнему въ монастырѣ и не думаетъ изъ него выходить.

— Не думаетъ?

— А разумѣется... Изъ-за чего ей выходить? Тамъ постараются всячески ее удержать... Да что ты, чудакъ, такъ на меня смотришь? Развѣ узналъ о ней что-нибудь особенное?

— Я?.. ничего!.. Такъ просто, вспомнилась она мнѣ, я и спросилъ!—отвѣтилъ, искоса вглядываясь въ Антона Львовича, Столешниковъ.

Но какъ онъ ни глядѣлъ, ничего не прочелъ въ лицѣ Вет-

лугина. Послѣдній, при словахъ объ Аглаѣ, и бровью не повелъ. Онъ сидѣлъ совершенно спокойно и съ виду былъ даже въ духѣ: съ улыбкой смотрѣлъ на своего собесѣдника и мысленно радовался, что его пріятель, за это время жизни у него, не только оправился, пободрѣлъ и сталъ спокойнѣе, но даже, сверхъ всякаго чаянія, начиналъ оказывать нѣкоторое вниманіе къ своей одеждѣ и къ личной своей судьбѣ. Адвокатскими дѣлами, въ качествѣ помощника Ветлугина, онъ занимался до того усердно, что послѣдній сталъ даже стѣсняться въ порученіяхъ ему.

— Такъ твой отецъ похварываетъ? спросилъ Столешниковъ своего пріятеля.

— Да...

— Откуда ты это знаешь?

— Самъ онъ объ этомъ мнѣ не писалъ, но я это знаю отъ Фокина. Впрочемъ, что-то и Фокинъ, въ послѣднее время, не очень-то отзывается на мои вопросы объ отцѣ, и я нѣсколько теряюсь въ догадкахъ, что̀ бы это значило? Вотъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, не имѣю отъ него писемъ.

— Не удивляйся, другъ Антонъ. Видно и онъ также зерноядной птицей сталъ, скворцомъ тамъ или дятломъ. Долбитъ себѣ носомъ по мирнымъ дупламъ, усердно ищетъ червячковъ для дѣтокъ, да для супружницы; а о другихъ у него, надо полагать, и помысловъ нѣтъ.

— Ну, я этого не думаю.

— А я такъ думаю и весьма, возразилъ Столешниковъ: займешься собственной норою, вѣрь мнѣ, объ остальномъ вольномъ свѣтѣ, какъ разъ, и забудешь.

XXIX.

Опустѣлая усадьба.

Итакъ, поздно вечеромъ, въ началѣ осени 1871 года, Антонъ Львовичъ Ветлугинъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и тщетно собирался приняться за обычную работу. Мысли его были далеко, а именно на родинѣ, откуда до него, въ послѣднее время, доходило весьма мало вѣстей.

Наконецъ, онъ всталъ, зажегъ лампу, взглянулъ на часы, увидѣлъ, что скоро полночь, протянулъ руку къ коробкѣ съ бумагами и тутъ только разглядѣлъ, что на столѣ лежало еще одно, имъ незамѣченное, а потому нераспечатанное письмо. Онъ

по почерку угадалъ, отъ кого оно, дрогнувшею рукой распечаталъ его и сталъ читать. Письмо было отъ Фокина.

«Не гнѣвайтесь на меня, многоуважаемый Антонъ Львовичъ, писалъ Фокинъ: причина нѣкоторой остановки въ моей перепискѣ съ вами произошла оттого, что моя жена, любезная и несравненная моя Фросинька, снова за это время готовилась къ родамъ, и недавно—благополучно подарила мнѣ третьяго сына. Но что же я говорю о себѣ? Знаю, что вы не того ждете отъ меня...

«Вашъ отецъ—можетъ ли быть милѣе и достойнѣе человѣкъ?—болѣе и болѣе заставляетъ меня задумываться. Съ виду онъ какъ-будто и ничего: считаетъ даже себя совершенно благополучнымъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ вы (это онъ мнѣ сообщилъ по секрету) уплатили его послѣдніе долги и, казалось бы, окончательно обезпечили ему тихую и безмятежную жизнь. Онъ, по прежнему, возится съ садомъ, огородомъ и съ птицами. Одна изъ послѣднихъ, а именно каменный дроздъ (Petrocincla saxatilis), по милости какъ-то забравшейся въ клѣтку, знакомой вамъ, бѣлой кошки, ослѣпъ на оба глаза. Сколько ни хлопоталъ Левъ Саввичъ о возстановленіи его зрѣнія, ничто не помогло: дроздъ остался навсегда слѣпцомъ-Велисаріемъ. Но, представьте,—заботами вашего отца,—онъ доведенъ до того, что началъ пѣть по прежнему, и посторонній человѣкъ даже не догадается, что онъ слѣпой.

«Словомъ, съ виду вашъ батюшка какъ-будто и ничего: все у него кажется хорошо и благополучно. Онъ разговорчивъ, ласковъ и, разумѣется, не нахвалится вами; читаетъ высылаемыя на его имя книги и журналы, навѣщаетъ старыхъ друзей. А между тѣмъ, странное и казалось бы необъяснимое дѣло, онъ видимо и съ каждымъ днемъ хирѣетъ. Вы меня извините, — но я буду говорить совершенно откровенно, тѣмъ болѣе, что вы меня объ этомъ и просили...

«Сперва я думалъ, что онъ чѣмъ-нибудь боленъ. Вслѣдствіе того, я попытался послать къ нему, по вашему наставленію, одного изъ лучшихъ здѣшнихъ врачей. Тотъ осмотрѣлъ его, совершилъ надъ нимъ аускультацію и всякую перлюстрацію, и объявилъ мнѣ, что Левъ Саввичъ, по его мнѣнію, не боленъ ровно ничѣмъ. А когда я спросилъ медика: надеженъ ли вашъ отецъ? онъ отвѣтилъ: поручиться ни за что нельзя, — и опредѣлилъ причину постепеннаго упадка его силъ—отсутствіемъ, какъ онъ выразился, болѣе энергическаго импульса, а вслѣдствіе того, замѣтнымъ нарушеніемъ кровообращенія, дыханія, питанія и проч. Вспомня вашъ совѣтъ, я на-дняхъ, какъ-бы отъ себя, сказалъ

Льву Саввичу: не съѣздить ли ему къ вамъ, а не то, не переѣхать ли и вовсе на житье съ вами въ Москву? что тамъ-де и для умственной дѣятельности больше пищи, и кругозоръ столичный шире. Но онъ и слушать не захотѣлъ.—«Сынъ у меня занятой, работящій человѣкъ», сказалъ онъ: «и стѣснять его собою я не хочу».— А посему, если бы вы меня, Антонъ Львовичъ, спросили, что же вамъ въ такомъ случаѣ предпринять, я бы вамъ посовѣтовалъ одно: сами пріѣзжайте и взгляните на отца... Три года разлуки— тяжелы хоть бы и не для стараго человѣка. Вашъ пріѣздъ если окончательно и не спасетъ его отъ медленнаго угасанія, то хоть на время его оживитъ...»

Ветлугинъ дочиталъ послѣднія строки, уронилъ письмо на столъ, склонился на руки головой, задумался и, когда очнулся, часы пробили три часа ночи.

— «Если вашъ пріѣздъ окончательно его и не спасетъ, то хоть на время оживитъ», размышлялъ онъ, глядя на портретъ отца, висѣвшій надъ столомъ: «бѣднякъ, бѣднякъ! А я-то былъ за него покоенъ. Нѣтъ, такъ оставлять его нельзя... На-дняхъ же надо ѣхать къ старику. А тамъ, при свиданіи, мы вмѣстѣ придумаемъ, какъ устроить его на будущее время.»

Сборы Ветлугина не были велики.

Благодаря чугункѣ, соединившей за эти годы его родной городъ съ Москвой, онъ могъ доѣхать къ отцу съ небольшимъ въ сутки. А потому защиту ближайшихъ къ слушанію дѣлъ онъ передовѣрилъ товарищу по профессіи, а контору и текущую переписку поручилъ Столешникову, уложилъ въ дорожный мѣшокъ небольшой запасъ бѣлья, газетъ и сигаръ, и безотлагательно выѣхалъ.

Погода въ день его выѣзда стояла пасмурная и холодная. Накрапывалъ дождь.

Выѣхалъ Ветлугинъ вскорѣ послѣ обѣда. Сперва онъ читалъ и бесѣдовалъ кое-съ-кѣмъ изъ сосѣдей по вагону; но вскорѣ заснулъ. На утро вагонъ, гдѣ онъ сидѣлъ, почти опустѣлъ. Отъ скуки онъ опять принялся за газеты. Чтеніе, однако, не шло на умъ. Онъ сталъ курить и глядѣть въ окно. Скоро и это надоѣло. Нехотя онъ выходилъ къ завтраку и къ обѣду. Къ вечеру вагонъ опять наполнился. Гдѣ-то путники пересаживались въ другіе вагоны. Дождь усилился и безъ умолку, мелкими каплями, хлесталъ въ окна. Дорога шла сперва лѣсистыми холмами а потомъ потянулись обнаженныя, почти безжизненныя равнины. Звенѣли желѣзные мосты, мель-

вали станціи, телеграфные столбы и будки. Паровозъ пыхтѣлъ и разстилалъ облака дыма и пара. Проѣзжіе отваливали и опять приваливали. Кто-то ночью заспорилъ съ сосѣдомъ, потомъ сталъ препираться съ кондукторомъ. Кто-то тонкимъ, жалобнымъ голоскомъ разсказывалъ о падежѣ скота, о неурожаѣ хлѣба, о конокрадствѣ и поджогахъ окрестныхъ селъ. Какіе-то господа изъ военныхъ играли на чемоданѣ въ карты. А паровозъ гремѣлъ, пыхтѣлъ, свистѣлъ и въ непроглядной тьмѣ сыпалъ вороха вертѣвшихся и медленно-гаснихъ искръ. Ветлугинъ задремалъ на мысли: «Такъ блеснула и такъ же угасла и скрылась Аглая...»

Утро слѣдующаго дня было также пасмурно, но сухо. Въ воздухѣ потеплѣло.

Ветлугинъ проснулся. Поѣздъ, послѣ обычной стоянки, медленно отъѣзжалъ въ это время отъ какой-то станціи.

— Гдѣ мы? спросилъ Ветлугинъ проходившаго черезъ вагонъ кондуктора.

— Красный-Кутъ.

Что-то знакомое, далекое, забытое страстно мелькнуло и замерло въ его мысляхъ.

«Красный-Кутъ!» мыслилъ онъ: «ужъ не тотъ ли это монастырь, куда поступила Аглая?»

Онъ бросился къ окну, опустилъ стекла и, съ шибко забившимся сердцемъ, направо и налѣво сталъ высматривать знакомую картину: не мелькнетъ ли гдѣ въ сторонѣ высокій, обрывистый берегъ рѣки, сплошной лѣсъ по гребню издали-синѣющей горы, крыши келлій и золотыя церковныя главы надъ бѣлокаменной, монастырской стѣной? Ничего этого не было видно. Ветлугинъ снова отошелъ отъ окна.

Поѣздъ выбрался изъ цѣпи невысокихъ, зеленѣющихъ холмовъ, и несся по гладкому, изрѣзанному черными пахатями полю. Ни деревни, ни горы, ни лѣсистаго оврага. Кое-гдѣ только виднѣлись потемнѣвшіе отъ вѣтра стоги; вдали, по проселку, тащились возы; да съ молодыхъ озимей, отъ свиста и грохота набѣгавшаго паровоза, взлетали стаи галокъ и грачей.

Черезъ полчаса поѣздъ опять началъ уменьшать ходъ. Очевидно, приближалась другая станція. Вправо отъ дороги еще тянулась прежняя гладкая равнина. Съ лѣвой же стороны открылся довольно крутой, сбѣгавшій къ рѣкѣ косогоръ. Ветлугинъ опять подсѣлъ къ окну и, пользуясь тихимъ ходомъ поѣзда, въ разсѣянности началъ разглядывать картину чьей-то деревенской красивой и, какъ казалось, заброшенной усадьбы.

Прямо противъ холма, по гребню котораго двигался поѣздъ,

за небольшой рѣкой, обрисовался старый, обширный садъ, за садомъ бѣлый, двухъэтажный домъ, а за домомъ церковь. Правѣе, по берегу той же рѣки, обозначились избы села.

Ветлугинъ глядѣлъ на эту картину и то, что представилось ему въ это мгновеніе, казалось сномъ...

— Станція, крикнулъ кондукторъ на площадкѣ.

— Какая? спросилъ Ветлугинъ.

— Дубки.

Ветлугинъ выскочилъ изъ вагона.

— Долго ли стоитъ здѣсь поѣздъ? спросилъ онъ сторожа, бывшаго у звонка.

— Пять минутъ...

Ветлугинъ узналъ, что до города остается всего три станціи, разспросилъ, когда въ тотъ день опять идетъ туда поѣздъ, бросился въ вагонъ, взялъ дорожный мѣшокъ и когда раздался послѣдній звонокъ,—онъ уже былъ въ полѣ.

«Куда-жъ это я иду и зачѣмъ?» самъ себя спросилъ Ветлугинъ, по небольшой тропинкѣ, отъ станціи спускаясь къ рѣкѣ: «вотъ садъ, домъ, а вонъ и крыльцо, съ котораго когда-то былъ видѣнъ этотъ самый, тогда еще пустынный косогоръ... Ставни въ домѣ наглухо закрыты, значитъ, никто въ немъ, по прежнему, не живетъ»...

Ветлугинъ миновалъ лугъ, подошелъ къ рѣкѣ и не сразу, въ высокихъ, пожелтѣвшихъ отъ осени камышахъ, отыскалъ мѣсто, гдѣ на другой берегъ были перекинуты тѣ двѣ жердочки, по которымъ, въ первое утро его пріѣзда въ Дубки, прибѣжали къ купальнѣ Фросинька и Аглая...

Ветлугинъ прошелъ въ садъ, миновалъ знакомыя прибрежныя вербы и остановился. Купальни уже не было, и мѣсто, гдѣ она стояла, можно было узнать только по нѣсколькимъ, торчавшимъ изъ воды столбамъ.

«Гдѣ же бесѣдка, въ которой я тогда гостилъ?» размышлялъ Ветлугинъ: «она была не вдали отъ купальни».

Онъ пошелъ влѣво. Бесѣдка, по прежнему, стояла за липами. Но онъ ее не узналъ, такъ она обветшала и потемнѣла. Штукатурка на ней потрескалась и кое-гдѣ обвалилась. Окна были съ выбитыми стеклами; наружная дверь не заперта. Ветлугинъ ступилъ на крыльцо, вошелъ въ сѣни и взялся за знакомую дверную скобу. Сердце его сжалось.

Здѣсь онъ провелъ столько отрадныхъ и вмѣстѣ столько мучительныхъ часовъ. Здѣсь нѣкогда, между картинъ, изображавшихъ охоту въ горахъ Шотландіи, висѣлъ портретъ Аглаи; ря-

домъ была молельня, съ кіотомъ и съ постоянно-теплившейся лампадкой.

Ни охотничьихъ картинъ, ни портрета, ни молельни въ настоящее время здѣсь уже не было. Бесѣдка была пуста. Подъ потолкомъ лѣпились гнѣзда ласточекъ. Воздухъ свободно проникалъ въ разбитыя окна. Полъ, какъ ковромъ, былъ усланъ листьями сосѣднихъ деревъ.

Ветлугинъ постоялъ, вышелъ опять на крыльцо и углубился въ садъ, убранный послѣдними цвѣтами осени... Яблони стояли сизыя, клены и липы золотыя, рябины красныя. Разноцвѣтный листъ, въ тишинѣ, медленно сыпался съ деревъ... Пахло мхомъ и древесной корой. Паутина бѣлыми, длинными нитями неслась по воздуху, цѣпляясь за травы и за кусты.

Садъ былъ до того запущенъ, что Антонъ Львовичъ, на первыхъ порахъ, съ трудомъ распозналъ нѣсколько дорожекъ, когда-то расчищенныхъ и усыпанныхъ пескомъ.

Никѣмъ не сдержанныя вѣтви на привольи раскидывались во всѣ стороны. Древесный молоднякъ и высокія, разнообразныя травы дружно глушили поляны и просвѣты аллей. Это былъ не садъ, а дикій, полузаглохшій лѣсъ.

«Чудеса!» мыслилъ Ветлугинъ: «какъ мало нужно для разрушенія усилій человѣка! Прошло какихъ-нибудь три года, и какъ все здѣсь запустѣло... Отъ потраченныхъ когда-то усердныхъ трудовъ не сохранилось почти ни слѣда!.. Чтó же, за это время, сталось съ самимъ человѣкомъ, съ хозяиномъ этого сада и съ его судьбой?»

Ветлугинъ направился къ дому Кирилы Григорьича, причемъ каждый шагъ ему пришлось дѣлать съ немалымъ трудомъ. Колючія травы цѣплялись за его платье, вѣтви сбивали фуражку съ его головы. Въ одномъ мѣстѣ онъ въ силу пробился сквозь огромные, пожелтѣлые лопухи. Въ другомъ ему преградила дорогу поляна, заросшая сѣдымъ, съ красными шишками, репейникомъ.

Въ знакомыхъ ракитахъ, гдѣ была землянка Лукашки, онъ спугнулъ зайца. Вислоухій русакъ, заслыша его шаги, сдѣлалъ нѣсколько неуклюжихъ, лѣнивыхъ прыжковъ, присѣлъ на полянкѣ, поводилъ ушами и, не спѣша, тѣми же ковыляющими прыжками направился въ сосѣдніе кусты. Ветлугинъ пошелъ ко двору. Пестрый вальдшнепъ съ шумомъ вырвался изъ-подъ его ногъ и, беззвучно мелькая между деревъ, пронесся въ надрѣчный березнякъ. Ветлугину померещились чьи-то шаги... Онъ оглянулся, — по невысокой травѣ, у корней молодого осинни-

ка, суетливо разгребая влажную листву, топталась стайка диких куропатокъ. Передняя завидѣла Ветлугина и присѣла; за нею, наставя головки, присѣли и другія. Еще мгновеніе, стайка взвилась и, звеня крыльями, перелетѣла за ручей, въ другую такую же разноцвѣтную и пустынную часть сада...

Деревья рѣдѣли. Ветлугинъ вышелъ на поляну передъ домомъ. Вотъ балконъ, а вотъ и старая липа у окна Аглаи. Но ни скамьи, ни навѣса на крыльцѣ, ни цвѣтовъ на полянѣ не было. Бурьянъ, въ перемежку съ какимъ-то бойкимъ, кустарнымъ молодникомъ, густо застилалъ эту поляну.

Ветлугинъ присѣлъ на балконѣ. Ему вспомнились бесѣды съ Аглаей; вспомнилась и та тяжелая, послѣдняя ночь, когда онъ, возвратясь сюда и не найдя въ опустѣломъ домѣ никого, вышелъ на балконъ и съ рыданьемъ бросился на скамью. Тишина вокругъ дома и въ саду была и теперь такая же, какъ тогда.

—«Куда же и къ кому мнѣ теперь идти?» размышлялъ Ветлугинъ: «и зачѣмъ нескромными и безполезными разспросами нарушать этотъ покой и эту общую тишину? Чтó мнѣ могутъ сказать? И знаетъ ли могильщикъ то, чтó скрыто въ нѣдрахъ могилы? А домъ этотъ теперь — та же могила... Думала-ль въ тѣ часы Аглая и думалъ ли я самъ, что когда-нибудь, какъ въ это мгновеніе, я одинокимъ, случайнымъ пришельцемъ—буду стоять здѣсь, у двери этого, нѣкогда полнаго жизни дома, тщетно ожидая, что онъ снова проснется и снова оживетъ? Гдѣ-то бѣднякъ Вечерѣевъ и какъ ему живется подъ охраной столь заботливаго опекуна? Ужъ живъ ли онъ? Да и жива ли сама Аглая?»

Въ воздухѣ, надъ Ветлугинымъ, послышались серебристые звуки. Точно кто-нибудь, по близости, тронулъ струнный инструментъ, или вѣтромъ съ поля занесло чью-либо далекую пѣсню. Антонъ Львовичъ поднялъ голову...

Въ небѣ надъ садомъ тянулась чуть видная вереница дикихъ журавлей.

XXX.

Просители.

Ветлугинъ сошелъ съ балкона.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, глядя на улетавшихъ журавлей, чуть замѣтной тропинкой, межъ кустовъ, пробиралась отъ двора босоногая дѣвочка. Въ рукахъ у нея было лукошко. На видъ ей было лѣтъ девять-десять.

— Вамъ, дяденька, кого?—закидывая за уши русые волосы, обратилась дѣвочка къ Ветлугину?

— Священника, отца Адріана хотѣлъ бы я повидать, если онъ дома.

— Нѣту-ти. Третій день, какъ уѣхалъ. И изба его заперта.

— Куда же онъ уѣхалъ?

— Въ городъ, къ дочкѣ.

— Дѣдъ Лукашка живъ?

— Померъ.

— Кто же у васъ за домомъ тутъ смотритъ?

— Егоровна...

— Веди же меня къ ней,—сказалъ Ветлугинъ.

Худенькая, блѣдная Егоровна до того обрадовалась Ветлугину, что выронила заступъ, съ которымъ копалась на грядкѣ у своего жилья, и долго не знала, какъ и о чемъ съ нимъ заговорить. Сапоги ея были оборваны, черный каленкоровый шугайчикъ на плечахъ обносился, а робкіе добрые глаза смотрѣли испуганно.

— Ну, какъ же вамъ тутъ живется? спросилъ ее Ветлугинъ.

— Плохо, сударь; совсѣмъ насъ разорилъ опекунъ. Былъ у насъ прежде и хлѣбъ, и скотинка — а теперь на семь дворовъ одинъ топоръ... А тутъ дѣти. Хвороба на нихъ пошла. Я троешку похоронила, какъ мужъ померъ; одна Пашутка осталась. Ниоткуда ни совѣту, ни привѣту нѣтъ.

Долго жаловалась Егоровна.

— Можешь ли, милая, отпереть и показать мнѣ барскій домъ? спросилъ Ветлугинъ: хочется старое жилье вашихъ господъ посмотрѣть.

— Что же, отчего нельзя? можно.

Егоровна захватила ключи, при помощи дочки раскрыла кое-гдѣ ставни, отомкнула переднія сѣни и ввела гостя въ домъ.

Здѣсь все было на мѣстѣ. Только спертый, отзывавшійся погребомъ, воздухъ напоминалъ, что тутъ давно никто не жилъ; да пыль густымъ слоемъ лежала по полу, по мебели и рамамъ портретовъ и картинъ.

— Гдѣ же, милая, теперь вашъ старый баринъ? спросилъ Ветлугинъ, проходя съ Егоровной изъ залы въ гостинную.

— На рукахъ Франца Карлыча, лѣкаря, живетъ.

— А изъ прислуги кто къ нему приставленъ? Вѣрно, Филатъ?

— Когда бы Филатъ Иванычъ! Онъ бы его, сердечнаго, вотъ какъ жалѣлъ и доглядалъ... А то опекунъ выжилъ и Филю, а приставилъ, какъ есть, посторонняго, изъ тамошнихъ, что ли, фершаловъ. Ну, какая постороннему человѣку нужда съ умалишеннымъ возиться? Фершалъ же, притомъ, понятное дѣло, деньденьской по другимъ больнымъ занятъ и препоручилъ нашего барина своей супружницѣ; а та, сказываютъ, сдала его на руки сыну, парнишкѣ лѣтъ двѣнадцати... Ну, и слышимъ мы, сударь, что этотъ парнишка Кирилу Григорьича сильно обижаетъ; дразнитъ тамъ его и ему грубитъ, а не то—запретъ его, сорванецъ, въ комнатѣ, да и уйдетъ съ другими мальчишками въ бабки на улицу играть...

Ветлугинъ не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Что же вы не жалуетесь? спросилъ онъ.

— Кому?

— А хоть бы старой барынѣ...

— Богъ прибралъ,—отвѣтила, крестясь на образъ, Егоровна: еще въ запрошлую осень, на Покрова, она—голубушка наша—въ монастырѣ и померла...

Ветлугинъ задумался.—«А что же вы не жалуетесь вашей барышнѣ?» хотѣлъ онъ спросить. Но слова его не слушались.

— Барышня неодново навѣщала отца, да онъ ее сердечную не узнаетъ! прибавила Егоровна.

Ветлугинъ молча прошелъ изъ гостинной въ библіотеку. Здѣсь также все было по старому: шкафы съ книгами, кресло, на которомъ три года назадъ, при первомъ появленіи Ветлугина, сидѣла Ульяна Андреевна; скамеечка возлѣ кресла, столъ и высокіе, старинные подсвѣчники на столѣ. Прибавились только два объемистыхъ, наглухо заколоченныхъ, ящика.

— Что это? спросилъ, указывая на нихъ, Ветлугинъ.

— А это, сударь, Кирило Григорьичъ, еще до своей бо-

лѣзни, выписалъ изъ Петербурга какія-то книги. Только не удалось ему, сердечному, ихъ читать; книги привезли, какъ ужъ онъ ума лишился...

— Ну, а опекунъ видѣлъ эти книги? спросилъ Ветлугинъ.

— Показывала я ихъ опекуну; только тотъ толкнулъ ихъ этакъ-то ногою по ящику, да всего и проговорилъ: «и охота была старику выписывать эту дрянь?» Вонъ и слѣдъ отъ его сапога видѣнъ; тогда еще грязно было на дворѣ. А при господахъ на цыпочкахъ тутъ ходилъ, барина дяденькой звалъ, денегъ у него все просилъ, какъ еще не повздорились...

— Дурной же видно человѣкъ вашъ опекунъ, сказалъ Ветлугинъ, чувствуя, какъ краска бросилась ему въ лицо: не бережетъ чужого достоянія. А эти книги мнѣ хорошо извѣстны; ихъ Кирилло Григорьичъ выписалъ по моему совѣту. Да! жаль, отъ души жаль старика... Какъ все здѣсь безъ него пошатнулось и опустѣло...

— Отъ бѣды, батюшка-баринъ, ни на какомъ конѣ не уйти... А опекунъ одно толкуетъ, какъ наѣдетъ сюда: не смѣйте барышню тревожить ничѣмъ. О чемъ нужно, ко мнѣ, говоритъ, обращайтесь... Аки змѣй, драконъ лютый, такъ и рыкаетъ тутъ на всѣхъ...

—Ну, прощай же, Егоровна,—сказалъ, выходя опять въ садъ, Ветлугинъ.

— Куда же это, сударь, вы изволите путь держать? спросила Егоровна.

— Отца-старика ѣду навѣстить.

— А сами гдѣ нынче изволите жить?

— Въ Москвѣ.

— Служите?

— По судейскимъ дѣламъ хлопочу...

Егоровна стала вертѣть въ рукахъ платокъ. Ей пришла на умъ счастливая мысль.

— Какъ же вы, сударь, такъ-то, не закусивши, ѣхать отселева хотите? засуетилась она.

— Спасибо, голубушка, не могу. Доберусь засвѣтло до станціи и тамъ перекушу. Видишь сама, разгуливается вѣтеръ; дождь опять собирается, буря заходитъ...

— Ну, батюшка-баринъ, а вы ужъ меня, старуху, извините. Далеко ли тутъ до станціи? Рукой всего подать. У меня же хранится господскій самоваръ; да найдемъ чаю и сахару,—къ дьячку Пашутка сбѣгаетъ. Милости просимъ не отказать; хоть стаканчикъ на дорогу откушайте.

Ветлугинъ взглянулъ на часы и согласился. Егоровна про-

вела его къ своей каменкѣ, а сама у ея порога принялась вздувать самоваръ.

Каменка представляла небольшую, довольно опрятную комнату. Два окна ея были почти вровень съ землей. За печью были примощены нары для спанья. Подъ образами стоялъ столъ; вдоль оконъ тянулась скамья. Ветлугинъ снялъ пальто и присѣлъ на скамью.

На дворѣ начинало темнѣть. Ветлугинъ поднялъ глаза на стѣну, между оконъ, и невольно привсталъ. Рядомъ съ крошечнымъ зеркальцемъ, здѣсь висѣлъ тотъ самый портретъ Аглаи, которымъ онъ когда-то такъ любовался въ бесѣдкѣ. Ветлугинъ снялъ его, поднесъ къ окну, долго смотрѣлъ на него и со вздохомъ опять повѣсилъ на стѣнѣ. Глядя на него, онъ и не замѣтилъ, какъ вошла Егоровна, какъ она и чай ему подавала и о чемъ-то снова, съ причитаньями и со слезами, ему расказывала...

Съ надворья послышались голоса. Ветлугинъ глянулъ въ окно. У крыльца толпилась куча крестьянъ.

— Что это? спросилъ Егоровну Ветлугинъ.

— Здѣшніе старики къ вашей милости, съ поклономъ и съ просьбой, пришли; не откажите, выдьте къ нимъ...

Ветлугинъ вышелъ. Дымчатыя, клочковатыя тучи со всѣхъ сторонъ надвинулись надъ потемнѣвшимъ садомъ. Порывистый вѣтеръ, качая деревья, врывался на садовыя поляны и столбами кружилъ по нимъ засохшую листву.

— Что вамъ, братцы? спросилъ, отвѣчая поклономъ на поклоны крестьянъ, Ветлугинъ.

— Къ тебѣ, кормилецъ, пришли. Какъ, значитъ, наслышамшись про твою милость, что ты хлопочешь по судамъ. Не откажи, помоги и намъ на нашемъ сиротствѣ.

— Что же у васъ за дѣло?

— Оченно терпимъ отъ здѣшняго опекуна... Не человѣкъ онъ, сударь, йродъ треклятый, душегубъ...

— Но что же я, господа, могу для васъ сдѣлать? Я дѣйствительно хлопочу по судамъ. Но для вашихъ дѣлъ съ владѣльцами есть особыя власти. Къ нимъ обратитесь.

Крестьяне, однакоже, и слушать не хотѣли возраженій Ветлугина.—«Ты насъ разбери и защити», говорили они, выкладывая передъ нимъ цѣлый коробъ своихъ обидъ и огорченій.

— Перво-на-перво наши господа,—говорили они: намъ, а не другимъ, отдавали въ наймы залишнія земли; а опекунъ лѣтось роздалъ ихъ всѣ, на нѣсколько лѣтъ, захожимъ гуртовщикамъ... Потомъ и сюда погляди, каково оно: прежде мы поль-

зовались и лугами, и лѣсомъ, и рыбной ловлей; а нонѣ и это все отдано чужимъ... Ну, гдѣ же правда? Была намъ разсрочка и въ отбывкѣ издѣльной повинности, и подъ казенны подати раздавали намъ на отработокъ деньги. Опекунъ же, чтобъ ему не легко на томъ свѣтѣ дышалось, и это отмѣнилъ. Обѣдняли мы, кормилецъ, совсѣмъ. А штрафами насъ эти опекунскіе приказные ужъ такъ-то разоряютъ, что не токма коровёнкѣ, али тамъ овцѣ, курицѣ за межу нынче выдти нельзя... Ужъ коли твоей милости чего нельзя, то хоша прошеніе отъ насъ, куда слѣдъ напиши. Прежде-таки писывалъ за насъ эти просьбы батюшка, отецъ Адріянъ; а таперича и ему пути заказаны. Опекунъ намедни ему такъ пригрозилъ, что коли, говоритъ, батюшка, ты не уймешься, такъ я и архіерея на тебя подниму. Я, молъ, съ нимъ свой человѣкъ...

— Хорошо, отвѣтилъ Ветлугинъ: я найду, кого за васъ попросить. А теперь прощайте... Ѣхать мнѣ пора.

— Счастливаго пути, кормилецъ!

Ветлугинъ отправился къ станціи. Вѣтеръ не умолкалъ и до того шумѣлъ по саду и стучалъ запертыми ставнями и дверьми, что казалось хотѣлъ разрушить и домъ и садъ. При видѣ мгновенно склонявшихся древесныхъ вѣтвей и вершинъ, казалось, откуда-то налетали злые, крылатые духи и желѣзными когтями рвали съ оголённыхъ деревьевъ послѣдніе, поблёкшіе листы.

Ветлугинъ взобрался на гору, сѣлъ въ вагонъ и уѣхалъ, когда на дворѣ уже стояла непроглядная темнота.

На ближайшей станціи къ поѣзду подвалило нѣсколько новыхъ путниковъ. Эти господа очевидно были между собою знакомы и находились въ отличномъ расположеніи духа. Не смотря на другихъ путниковъ, они громко разговаривали, шутили и смѣялись.

Ветлугинъ не обратилъ-было на нихъ никакого вниманія. Но, когда одинъ изъ этихъ проѣзжихъ, бывшій очевидно душой и вожакомъ остальныхъ, заговорилъ о какой-то исторіи въ средѣ мѣстной молодежи и, неблагосклонно отзываясь о слабости новаго начальника губерніи, выразился: «Нѣтъ, тетенька, будь я губернаторомъ, я бы ихъ пробралъ»! — Ветлугинъ приподнялся изъ своего угла и, черезъ спинку скамьи, при свѣтѣ фонаря, въ господинѣ, недовольномъ властями, узналъ стараго своего знакомаго, Клочкова.

Петръ Иванычъ за это время, впрочемъ, нѣсколько измѣнился. Для большей представительности и благоприличія, онъ сбрилъ усы, но за то отпустилъ длинные, дипломатическіе бакены

и до того возмужалъ и раздобрѣлъ, что напоминалъ, если не штатскаго генерала, то банкира. На немъ была щегольская, на сибирскихъ куницахъ, шубка и боярская, соболиная шапочка. Онъ говорилъ еще круглѣе и полновѣснѣе, держалъ себя еще степеннѣе и осмотрительнѣе, а на шутки собесѣдниковъ посмѣивался ровнымъ, ласковымъ, но вмѣстѣ и внушительнымъ баскомъ.

— Да!—вдругъ сказалъ онъ, обращаясь къ кому-то изъ собесѣдниковъ: на счетъ акцій-то, на счетъ бракованныхъ... Ты, Романъ Павлычъ, вѣроятно помнишь, какъ, четыре года назадъ, я выразился Іосифу Димитричу, что не умру безъ того, чтобы не нажить пятисотъ тысячъ... Помнишь?..

— Помню, помню, отозвался Раша Талищевъ.

— Ну, такъ поздравь... Мои учредительскіе паи проданы—я вчера получилъ депешу—и эти пятьсотъ тысячъ я уже нажилъ...

— Значитъ, держи носъ по вѣтру? воскликнулъ и подобострастно захихикалъ Талищевъ.

— Именно, именно, отвѣтилъ, снисходительно улыбаясь, Клочковъ.

Когда поѣздъ, приближаясь къ городу, остановился и публика засуетилась у выходныхъ дверей, Талищевъ снова обратился къ Клочкову:

— Петръ Иванычъ, это твоя коляска?

— Моя.

— Не подвезешь ли меня?

— А тебѣ куда?

— Я тутъ по близости, десять шаговъ...

— Садись.

Талищеву было вовсе не по пути. Но онъ подобострастно шмыгнулъ въ коляску, лишь бы проѣхаться рядомъ съ Клочковымъ. А Петръ Иванычъ разсѣлся на упругихъ подушкахъ и, запахиваясь куницами, крикнулъ остальнымъ собесѣдникамъ:

— Господа, смотрите же, въ клубъ; сегодня суббота. Экономъ прислалъ мнѣ на встрѣчу депешу, что получена невѣроятной величины лососина и притомъ живая... не пропустите...

Клочковъ, какъ оказалось, не только — вмѣсто Осипъ Дмитричъ—говорилъ Іосифъ Димитричъ, но былъ уже сластунъ и объѣдало, и послѣднее качество ставилъ себѣ въ особую заслугу.

XXXI.

Счастливый мірокъ.

Проѣзжая мимо квартиры Фокиныхъ и видя въ ихъ окнахъ свѣтъ, Ветлугинъ подумалъ: «Заѣду я къ нимъ: родитель, пожалуй, уже спитъ. Посижу у нихъ, разспрошу о старикѣ и переночую въ гостинницѣ, а къ отцу лучше отправлюсь по-утру».

Былъ десятый часъ, когда Ветлугинъ вошелъ въ незапертыя сѣни и въ переднюю Фокиныхъ. Изъ-за двери направо, по всей вѣроятности въ небольшой залъ, неслись веселые дѣтскіе голоса; казалось, за этой дверью помѣщалась обширная и шумная дѣтская школа. Ветлугинъ остановился и нѣкоторое время не рѣшался туда войти.

Нѣсколько голосовъ напѣвали какую-то пѣсню. Ей вторилъ смѣхъ, звонъ погремушекъ, дробь барабана и пискъ оглушительной игрушечной дудки. «Да тише вы, тише! тише!» какъ-бы въ отчаяньи раздавался чей-то голосъ, тщетно пытаясь унять непокорное полчище рѣзвыхъ весельчаковъ.

Антонъ Львовичъ отворилъ дверь, но, вмѣсто школьной залы, очутился въ спальнѣ хозяевъ. Шумъ, оглушившій его, производили двое хозяйскихъ дѣтей, веселые и пузатые мальчуганы-близнецы, Ганя и Даня. Первый изъ нихъ, а именно Ганя, толстощекій и бѣлый, какъ пряничный генералъ, сидя верхомъ на игрушечномъ конѣ, дудѣлъ въ дудку и изъ всѣхъ силъ билъ кулакомъ въ барабанъ. Второй, кудрявый и черноглазый, какъ жукъ, Даня, въ отцовскомъ жилетѣ и въ матушкиномъ чепцѣ, сидѣлъ на полу, кричалъ и размахивалъ какой-то костяной, съ бубенчиками, погремушкой. Сама Фросинька, въ блузѣ и платкѣ на небрежно причесанныхъ волосахъ, держала третьяго мальчика, новорожденнаго Вовика. Вовикъ только-что проснулся и также слегка брыкался и кричалъ. Она его распеленала, подкормила грудью и, покачивая и осыпая его поцѣлуями, напѣвала пѣсню, отчего и не замѣтила, какъ вошелъ нежданный гость.

— Антонъ Львовичъ! Какими судьбами! Миша, Миша, сюда! закраснѣвшись, съ крикомъ бросилась въ сосѣднюю комнату Фросинька.

За дверью налѣво послышались тяжелые и торопливые шаги. Кто-то въ попыхахъ двинулъ стуломъ и уронилъ книгу.

Ветлугинъ думалъ обратиться вспять.

На порогѣ маленькаго, полуосвѣщеннаго кабинета, показался

совершенно квадратный, безъ галстуха, съ полуобнаженной мохнатой грудью и въ широчайшемъ сѣромъ пиджакѣ, русобородый, невысокій и добродушный господинъ. Глаза его улыбались, руки несмѣло и ласково были протянуты впередъ.

— Представьте, я васъ едва узналъ! здравствуйте! сказалъ Ветлугинъ, пожимая руку Фокина.

— А вы-то, какъ подарили! глазамъ не вѣрится! наконецъ-то! сюда же, сюда, ко мнѣ! засуетился Фокинъ, вводя гостя въ кабинетъ: что̀ это? саквояжъ съ вами? Угадываю... значитъ, у отца еще не были?.. И отлично... Ночуйте у насъ...

— Нѣтъ, благодарю, я къ вамъ на минуту; какъ здоровье отца?

— О, мы васъ не пустимъ. Отецъ здоровъ... Утромъ пойдемъ къ нему вмѣстѣ, — а теперь и его только потревожите, и сами не заснете до утра.

Дѣлать нечего, Ветлугинъ размыслилъ и сказалъ, что остается.

— Но гдѣ же вы меня положите? не лучше ли я пойду въ гостинницу?

— Слышишь, Фросинька, гдѣ мы его положимъ? въ гостинницу хочетъ! вотъ они, столичные-то,—Фавры!

— Полноте, Антонъ Львовичъ, обратилась къ Ветлугину подоспѣвшая хозяйка: вы такой рѣдкій гость; а у насъ и кабинетъ этотъ свободенъ и уго̀льная еще есть.

Фросинька пустилась хлопотать.

Она и въ спальню бѣгала, и съ кухаркой шепталась, и ключами гремѣла, и чуть не плакала отъ радости. Черезъ полчаса, на ярко освѣщенномъ и уставленномъ всякою снѣдью столѣ кабинета, пыхтѣлъ самоваръ. Пріодѣтая и раскраснѣвшаяся отъ суеты и удовольствія Фросинька, съ великими усиліями и даже угрозами, уложила дѣтей спать. Новорожденный скоро затихъ. За то близнецы долго еще не унимались, оглашая спальню смѣхомъ и криками, и то-и-дѣло просовывая краснощекія веселыя головки въ переднюю. Разъ, въ порывѣ неудержимаго любопытства и задора, они даже выскочили въ однѣхъ рубашонкахъ и босикомъ въ кабинетъ.

— Радуюсь вашему счастью, сказалъ Фокинымъ Ветлугинъ, когда все кругомъ угомонилось и затихло: радуюсь и сердечно васъ поздравляю...

— Но, вѣроятно, не завидуете? улыбнулся, поглядывая на жену, Фокинъ.

— Нѣтъ... и завидую... отъ всей души...

— Что̀ же? зачѣмъ дѣло стало? Мало ли на родинѣ не-

вѣсть? Приглядитесь-ка, да и сватайтесь. А ужъ какъ отца-старика этимъ утѣшили бы, да и съ нами, можетъ, въ такомъ случаѣ не разстались бы...

— Не по коню кормъ! отвѣтилъ со вздохомъ Ветлугинъ и заговорилъ о другомъ.

Фросинька влажными, искренно-сочувствующими глазами молча глядѣла на него, невольно переносясь мыслями за три года назадъ.—«Боже мой, Боже»! думала она: «да неужели же все это на самомъ дѣлѣ случилось? И можно ли повѣрить, можно ли допустить, чтобы теперь передо мной сидѣлъ тотъ самый Антонъ Львовичъ, который тогда, въ тѣ золотые дни, нежданно-негаданно явился въ Дубкахъ и такъ-было увлекъ Аглаю? Куда дѣлась эта, навѣкъ улетѣвшая пора? Куда дѣлись ихъ грёзы, свиданія, клятвы, любовь? И неужели, наконецъ, не сонъ и то, что Аглая, бѣдная Аглая, до сихъ поръ томится въ монастырѣ?»

Фросинька плохо спала эту ночь. Не очень спокойно провелъ ее на новомъ мѣстѣ и Ветлугинъ.

Давно невиданныя картины чужого, тихаго и полнаго счастья убаюкивали и вмѣстѣ раздражали его. Передъ нимъ, въ темнотѣ, не уходя отъ него, какъ живые, стояли волшебные и свѣтлые образы семейныхъ радостей, мерцали ласковые и теплые ихъ лучи. Что-то благоуханное, кроткое и нѣжное носилось и вѣяло надъ нимъ. Онъ прислушивался къ возгласамъ ребятишекъ, смѣявшихся и бредившихъ во-снѣ, и къ шопоту матери, осторожно унимавшей ихъ. Дѣтскій смѣхъ казался ему не смѣхомъ, а шелестомъ ручья, гдѣ-то бѣжавшаго въ затишьѣ деревъ. Дѣтскіе возгласы напоминали жужжаніе пчелъ по берегу этого ручья. Близнецы, Ганя и Даня, тащили его туда, въ сочную зелень спящихъ дубравъ, боролись съ нимъ, прятались отъ него и опять съ нимъ барахтались, теребя его за носъ и за бороду. А крохотный Вовикъ сидѣлъ у него на плечѣ и Ветлугинъ, придерживая его за голенькія полныя ножки, бѣгалъ съ нимъ гдѣ-то по ярко-освѣщеннымъ дорожкамъ и лужкамъ.

«Нѣтъ, нѣтъ, я вамъ не отдамъ этого карапузика, не отдамъ!» твердилъ Ветлугинъ, крѣпко ухватясь за простыню и не замѣчая, что никакого карапузика у него не было и что передъ нимъ, заливаясь хохотомъ и тщетно пытаясь его разбудить, давно, въ пунцовомъ, брачномъ халатѣ, стоялъ Фокинъ.

Ветлугинъ глянулъ во всѣ глаза и вскочилъ.

На дворѣ было ясное теплое утро. Комната была залита свѣтомъ, падавшимъ сквозь зелень стоявшихъ по окнамъ цвѣ-

товъ. Ветлугинъ одѣлся, напился чаю, поблагодарилъ хозяевъ за угощеніе и за ночлегъ, взялъ извощика и съ Фокинымъ отправился къ отцу.

— Нѣтъ, сказалъ Фокинъ, когда они подъѣхали къ калиткѣ: идите сами; не хочу мѣшать вашему свиданію. Зайду позднѣе; а не то, вы съ нимъ къ намъ пожалуйте вечеркомъ, условьтесь.

Отца Ветлугинъ засталъ еще въ спальнѣ, за утреннимъ кормленіемъ его пернатыхъ и четвероногихъ друзей. Старикъ сидѣлъ на постели, въ красной фуфайкѣ и въ бѣломъ вязаномъ колпакѣ. Передъ нимъ, ожидая обычной подачки, на заднихъ лапкахъ стояла вновь добытая собачка Шарикъ. На скамеечкѣ, мурлыча и шевеля хвостомъ, сидѣла бѣлая кошка—Машка. Въ окно заглядывалъ новый, ручной журавль. А на закраинѣ чайнаго столика, временно вынутый изъ клѣтки, нахохлившись, сидѣлъ слѣпой каменный дроздъ. Размоченный бѣлый хлѣбъ, крынка молока и остатки жаренаго помѣщались здѣсь же на столѣ.

Антонъ Львовичъ вошелъ въ то время, какъ Левъ Саввичъ дó-сыта накормилъ дрозда и, отливъ въ тарелку молока, только-что собирался подать его Шарику.

— Ахъ, ахъ! вскрикнулъ старикъ, завидя на порогѣ сына: ахъ, да чтó же это? чтó?..

Онъ хотѣлъ приподняться, хотѣлъ что-то сказать, но только развелъ руками, и, отмахиваясь ими, молча опустился на постель.

Антонъ Львовичъ смотрѣлъ на отца и не вѣрилъ глазамъ: такъ онъ снова перемѣнился за эти годы.

— Антонушка! Антоша! да ты ли это, въ самомъ дѣлѣ? вскрикнулъ, наконецъ, заливаясь радостными слезами, старикъ.

Онъ привсталъ, крѣпко обнялъ сына, цѣлуя, посадилъ его возлѣ себя, сдалъ на руки вбѣжавшей съ новыми возгласами и слезами Власьевнѣ кормленіе своихъ друзей и, стараясь быть какъ можно бодрѣе, принялся одѣваться.

Передъ Антономъ Львовичемъ, въ поношенной фуфайкѣ и въ сбившемся на затылокъ колпакѣ, суетливо топтался не прежній, жаждавшій трудиться, хотя помятый годами человѣкъ, а совершенно ослабѣвшій и упавшій духомъ старикъ. Съ погасшими глазами, улыбкой безъ жизни и съ выдавшимися еще болѣе лопатками плечъ, Левъ Саввичъ дрожащими невѣрными руками хватался то за одну вещь, то за другую, въ разсѣянности дер-

жалъ передъ собой подтяжки, запонки или шейный платокъ, и не зналъ, что съ ними дѣлать. Власьевна поспѣшила къ нему на выручку. Она ему дала умыться, одѣла его, застегнула и объявила, что поданъ самоваръ. Отецъ съ сыномъ перешли въ залъ.

— Ну, какъ же ты поживаешь и что̀ твои адвокатскіе успѣхи? спросилъ Левъ Саввичъ сына: слышалъ, слышалъ; не мало изъ вашей братіи подаютъ надежды. А сперва было-чуть не всѣ кинулись на это поприще, какъ на золотоносную розсыпь... Такъ ты доволенъ занятіями?

— Доволенъ.

— Дѣло по тебѣ?

— По мнѣ.

— Отрадно наполняетъ твою жизнь?

— Не могу пожаловаться.

Левъ Саввичъ обмочилъ кусокъ хлѣба въ чай, хотѣлъ его поднести ко рту и задумался.

— Пріятно слышать, сказалъ онъ: новая дорожка; и, пока она не заросла быліемъ да терніемъ, иди по ней смѣло. Ну, а намъ, педагогамъ, наставникамъ юнаго человѣчества, видно, зубы на полку класть.

— Какъ такъ? спросилъ Антонъ Львовичъ.

— Все кончено, Антонушка, все! какъ-то безнадежно-насмѣшливо поморщился Левъ Саввичъ: мы, учители стараго закала, свое отжили, стали ненужнымъ хламомъ, а потому и долой насъ со свѣта, безполезныхъ, долой... Другимъ мѣсто, лучшимъ насъ... такъ-то! Все новыя системы изобрѣтаютъ...

— Дѣло, о которомъ вы заговорили, — нахмурясь, отвѣтилъ Антонъ Львовичъ: настолько же важно и сложно, какъ вопросъ о совѣсти, о вѣрѣ... Легко его касаться нѣтъ пользы. Такіе вопросы по очереди всплываютъ въ человѣчествѣ, глубоко и порой страшно потрясая общество. Но они лучше всего рѣшаются въ жилищахъ, въ нѣдрахъ семействъ. Тамъ имъ подводится оцѣнка; тамъ они принимаются или отмѣняются. Время—лучшій судія...

— Такъ ты проповѣдуешь о сидѣньи, сложа руки, о выжиданіи у моря погодки? спасибо тебѣ... А знаешь ли ты пословицу?

— Какую?

— Пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ.

— Я не отвергаю частныхъ усилій.

— А! договорился-таки, договорился! такъ слушай же! по-

нижая голосъ и дергая сына за руку, сказалъ старикъ: помнишь мои мечты объ общеобразовательной школѣ? Помнишь? Чѣмъ кончилась тогда эта затѣя? чѣмъ? разлетѣлась дымомъ... Ну, а если бы она не разлетѣлась, я бы посмотрѣлъ, какъ легко далась бы нашимъ противникамъ съ нами борьба...

Вечеръ отецъ съ сыномъ провели у Фокиныхъ. Левъ Саввичъ возился съ дѣтьми. Ганя и Даня сперва носили и накладывали ему на колѣни свои игрушки, потомъ прятались отъ него, а его заставляли искать себя подъ стульями и диванами; наконецъ, запрягли его въ повозочку и до того, погоняя его, смѣялись и опять шумѣли, что Фросинька выбилась изъ силъ и заперла ихъ, а съ ними и Льва Саввича въ угольную, откуда, впрочемъ, шумъ и гамъ неслись еще въ большей степени.

— Премилая семья, чистѣйшая Аркадія! — сказалъ, уходя отъ Фокиныхъ и утирая лысину, старикъ: не разстался бы съ ними. Счастливый мірокъ... Какъ видишь, у нихъ только и отдыхаю.

— Позвольте узнать, — спросилъ сынъ: сколько потребовалось бы денегъ для устройства школы, подобной той, о которой вы когда-то думали?

Старикъ остановился. Они шли въ это время глухимъ переулкомъ.

— Странный вопросъ,—сказалъ Левъ Саввичъ: зачѣмъ тебѣ нужно это знать?

— Да такъ я спросилъ. О дѣтяхъ Фокина вы заговорили,— мнѣ и вспомнились ваши мечты о воспитаніи.

Левъ Саввичъ поглядѣлъ себѣ подъ ноги, двинулся далѣе и, приложа пальцы къ губамъ, нерѣшительно отвѣтилъ:

— Какъ тебѣ сказать? Да не мало; тысячи двѣ, а не то и болѣе потребуется на первое время. Все зависитъ оттого, какъ вести дѣло: самому или съ товарищемъ.

— Ну, положимъ, вы сами повели бы это дѣло. Есть ли у васъ помощники, есть ли надежные дѣльцы, чтобъ устроить и двинуть такое предпріятіе?

— Э! свиснулъ и головой покачалъ Левъ Саввичъ: о чемъ ты спрашиваешь! Есть ли знающіе и дѣльные люди? Да кабы только на нашу ниву да слетѣла бы такая благодѣтельная фея... А о пособникахъ, другъ ты мой, я и думать не буду...

Болѣе двухъ недѣль, въ этотъ пріѣздъ, прожилъ Антонъ Львовичъ у отца и не замѣтилъ, какъ мелькнуло это время. Объ Аглаѣ ни съ отцомъ, ни съ Фросинькой онъ заговорить не

рѣшался. Кое-что о ней узналъ онъ только вскользь отъ Власьевны. Но эти вѣсти были далеко не утѣшительны. — «Живетъ Аглая Кириловна безвыѣздно въ Красномъ-Кутѣ, говорила Власьевна: и ужъ такъ-то примѣрно, такъ примѣрно, что хоть бы и не такой молоденькой, да богатой. Барыня Фокина намедни ѣздила къ ней, такъ индо чуть не плакала, сказывая мнѣ... Стоитъ, говоритъ, вечерѣевская барышня на клиросѣ, — какъ свѣча негасимая теплится, молится... А ужъ блѣдна, да худа, — ну, въ гробъ краше кладутъ».

Въ эти дни Антону Львовичу довелось побывать въ засѣданіяхъ окружнаго суда и послушать двухъ знаменитостей изъ мѣстныхъ товарищей по профессіи. Одинъ изъ нихъ, защищая какого-то мѣщанина отъ обвиненій въ кражѣ тулупа и объясняя значеніе косвенныхъ уликъ, ссылался не только на Бентама, Стерки и Вильяма Уильза, но даже на какое-то девятое, филадельфійское или бостонское изданіе трактата объ уликахъ американца Симона Гринлея.

По пути изъ суда Антонъ Львовичъ посѣтилъ и земское собраніе. Но и оно оставило въ немъ не лучшее впечатлѣніе. Онъ забрался на хоры и сѣлъ, съ упорною рѣшимостью пробыть тамъ до конца засѣданія. Терпѣнія, однако, у него не хватило. Болѣе часа онъ просидѣть тамъ не могъ.

Пренія собранія велись до того вяло и непроходимо-скучно, что сами гласные дремали, а предсѣдатель, какой-то отставной, съ краснымъ носомъ, генералъ, и прямо заснулъ.

— Каковъ нашъ парламентъ! сказалъ, подсаживаясь къ нему на хоры, Фокинъ: подумаешь, столпы отечества! А у каждаго ноетъ мысль: батюшка, Сидоръ Ѳедоровичъ, когда же отпустишь насъ водочки выпить, да кулебяку клубную уплести?

— Всѣми дѣлами земства, продолжалъ Фокинъ: успѣшно и мирно заправляетъ у насъ секретарь губернской управы, нѣкій Агафоновъ, бывшій что-то долго секретаремъ закрытаго нынѣ приказа общественнаго призрѣнія. Онъ знаетъ всѣ ходы и выходы, и всѣ имъ тутъ довольны, а онъ ужъ и пуще того—второй домъ строитъ.

Случился какой-то праздникъ.

Возвращаясь отъ Фокиныхъ домой, Ветлугинъ у подъѣзда красиваго, новенькаго дома, замѣтилъ особую суету. Щегольскія кареты, коляски и пролётки то-и-дѣло высаживали у крыльца этого дома разныхъ чиновныхъ, торговыхъ и иныхъ тузовъ.

— Кто здѣсь живетъ? спросилъ Ветлугинъ одного изъ кучеровъ.

Кучеръ презрительно смѣрилъ его глазами и, вынувъ изо рта трубку, нехотя отвѣтилъ:

— Извѣстно кто... Петръ Иванычъ Клочковъ...

— Что-же это у него за съѣздъ?

Кучеръ на это уже ничего не сказалъ. Отвѣтилъ за него невзрачный и оборванный мужичёнка, дровосѣкъ сосѣдняго двора, подъ надзоромъ сердитаго и мрачнаго городового, за какую-то провинность, подметавшій цѣлую улицу.

— Вы про этотъ домъ? спросилъ онъ, косясь на плечи городового.

— Да, отвѣтилъ Ветлугинъ.

— Рожденіе грахва Клочковскаго, сказалъ мужикъ: красно-кутска игуменья, значитъ, купецство и самъ архирей теперича у ихъ сіятельства чай пьютъ.

«Вотъ оно, что значатъ пятьсотъ тысячъ!» подумалъ Ветлугинъ: «ужъ и графомъ его величаютъ.»

XXXII.

Тепличка.

Передъ отъѣздомъ отъ отца, Ветлугинъ сходилъ въ одну изъ банкирскихъ конторъ, куда по переводу изъ Москвы Столешниковъ выслалъ ему занятыя у кого-то изъ довѣрителей деньги.

— Гдѣ отецъ? спросилъ онъ Власьевну, возвратясь домой.

— Гдѣ? извѣстно—въ теплицѣ... цвѣты какіе-то затѣялъ еще съ утра пересаживать.

Антонъ Львовичъ вошелъ въ тепличку.

— Что это вы, папенька? спросилъ онъ: къ зимѣ готовитесь?

— Да, дружокъ, кое-что въ новую землю переношу. То вонъ гіацинты, нарцисы; а это—японская лилія; диво, братецъ, а не цвѣтокъ. Пять цѣлковыхъ нѣмцу въ Гагѣ заплатилъ, по почтѣ выписалъ.

— Я къ вамъ съ одной просьбой,—сказалъ, нѣсколько помолчавъ, сынъ.

— Съ какой? спросилъ, не переставая по локти возиться въ черной, какъ пухъ, рыхлой землѣ, отецъ.

— Оставьте эти мѣста и переѣзжайте жить со мной въ Москву.

— Это на какомъ основаніи?—сморщивъ брови, спросилъ старикъ.

— Видите-ли... Что такъ-то жить намъ все порознь? Право... Вспомните, въ ожиданіи успѣха отъ затѣянной вами конторы, я былъ когда-то готовъ поселиться въ этихъ мѣстахъ и работать вмѣстѣ съ вами. Контора не осуществилась. За то мнѣ удалось устроиться въ Москвѣ. Отчего бы вамъ теперь не жить и... не трудиться вмѣстѣ со мной? Повѣрьте, рядомъ съ моими занятіями, и вы могли бы предпринять какое-нибудь почтенное дѣло по душѣ...

— Напримѣръ? съ горькой усмѣшкой, спросилъ старикъ.

— Ну, вы бы могли заняться изданіемъ учебниковъ, пристроиться при какомъ-нибудь ученомъ учрежденіи, а не то и самимъ основать хоть-бы контору нотаріуса... Послѣднее занятіе даже было бы какъ разъ по васъ. Вы добраго, честнаго нрава, строго-образованы, трудолюбивы и точны въ словахъ и дѣлахъ. Нотаріальная контора, съ человѣкомъ, подобнымъ вамъ, во главѣ,—была бы находкой, кладомъ для всѣхъ.

Левъ Саввичъ отставилъ цвѣточный горшокъ.

Покашливая и крехтя, онъ пересѣлъ на выступъ изразцовой печурки, устроенный въ углу теплицы, а сына усадилъ на скамеечку, на которой самъ передъ тѣмъ сидѣлъ, и, отирая платкомъ землю съ рукъ и съ колѣнъ, съ нескрываемою досадой, сказалъ:

— Послушай, Антонъ... Ты видно мало меня знаешь... Я никогда, слышишь-ли?—никогда не оставлю этого города и этого угла... (Онъ указалъ пальцемъ на разсохшійся, запачканный пескомъ и перегноемъ, полъ теплички)... И ты, я тебя прошу, не возобновляй болѣе этого разговора... Я здѣсь состарѣлся... Каждый годъ, мѣсяцъ и часъ, каждое мгновеніе моей жизни связаны съ судьбами этихъ мѣстъ. Это первое... Во-вторыхъ—скажу откровенно—я не хочу тебя собой стѣснять.

— Но чѣмъ же, чѣмъ стѣснять? Что у васъ за нужды, которыя бы мнѣ трудно было удовлетворить? Годы ваши подходятъ такіе, гдѣ нуженъ глазъ и глазъ...

— Не поѣду я отсюда, сказалъ тебѣ, и отъ слова своего не отступлюсь...

Левъ Саввичъ замолчалъ.

Руки его безсильно упали на колѣни. Лицо приняло суровое, полное безнадежной тоски, выраженіе.

— Въ такомъ случаѣ, у меня другая къ вамъ, папенька,

просьба,—тихо и несмѣло подвигаясь къ отцу, сказалъ Антонъ Львовичъ.

— Говори! не глядя на сына, сухо отозвался старикъ.

— Ваша рѣшимость остаться здѣсь, вѣрьте, понятна мнѣ и дорога. Нельзя ее не цѣнить и не уважать... И я самъ бы... Ну, да что тутъ... О вашемъ переѣздѣ ко мнѣ я заговорилъ единственно потому, что насъ съ вами на свѣтѣ только двое... Притомъ же, трудъ вмѣстѣ... я думалъ, я хотѣлъ... И это еще можетъ осуществиться, по крайней мѣрѣ, я не теряю надежды...

Голосъ Антона Львовича дрогнулъ и оборвался.

— Словомъ, сказалъ онъ, подавляя слёзы: вотъ, па́пенька, деньги... Но это еще не все, не всё... Я вамъ вскорѣ еще вышлю, къ новому году вышлю или весной... Прошу принять это... И такъ какъ вы рѣшились остаться здѣсь, то теперь же и приступайте къ открытію задуманной вами общеобразовательной школы...

Левъ Саввичъ взглянулъ на сына и денегъ не взялъ. Но въ лицѣ Антона Львовича, въ это мгновеніе, выразилась такая любовь къ отцу и такая мольба о согласіи на его просьбу, что старикъ молча склонился къ сыну, припалъ головой на его плечо, и только тихія, горячія слезы, хлынувшія изъ глазъ отца, показывали, съ какимъ восторгомъ онъ принялъ нежданный и такъ кстати предложенный ему подарокъ.

— Ну, Антонушка, проговорилъ онъ, наконецъ, придя въ себя и громко, неестественно сморкаясь: спасибо тебѣ! Вотъ одолжилъ... Я теперь дважды родился: одинъ разъ, — тамъ давно, шестьдесятъ, что-ли, лѣтъ назадъ,—а другой разъ сегодня... Да, вотъ такъ сынъ у меня... да... Теперь ты, мой другъ, увидишь, что́ и какъ я сдѣлаю на этотъ капиталъ... А эта лилія надолго мнѣ будетъ дорога. Съ нею будутъ связаны лучшія мои о тебѣ воспоминанія...

Левъ Саввичъ всталъ, бережно отставилъ къ сторонѣ пересаженный цвѣтокъ, еще разъ крѣпко обнялъ сына и, повеселѣвшими глазами глядя вокругъ себя, бодро вышелъ съ нимъ изъ теплички.

Черезъ два дня у Льва Саввича былъ званый вечеръ.

Въ ярко-освѣщенномъ кабинетѣ сидѣли: кое-кто изъ духовенства (въ томъ числѣ разминувшійся съ Антономъ Львовичемъ и опять пріѣхавшій въ городъ отецъ Адріанъ), два-три сосѣднихъ домовладѣльца изъ купцовъ, Фокины и нѣсколько молодыхъ представителей мѣстнаго учебнаго міра.

Послѣ долгихъ преній и споровъ, на этомъ вечерѣ былъ обсуженъ и всѣми одобренъ составленный Львомъ Саввичемъ планъ начальной школы для приходящихъ бѣдныхъ дѣтей.

Антонъ Львовичъ, по просьбѣ отца, отсрочилъ свой отъѣздъ.

Разрѣшеніе на открытіе школы было получено не безъ затрудненій. Антонъ Львовичъ для этого ѣздилъ къ инспектору училищъ, къ полиціймейстеру и къ губернатору. Сносились для того почему-то депешами съ начальникомъ учебнаго округа и даже съ Петербургомъ.

Для школы въ ближней улицѣ было нанято опрятное, теплое, хотя и незатѣйливое помѣщеніе. «Храмина созидается, храмина!» радостно шепталъ Левъ Саввичъ сыну, возясь съ покупкой мебели, книгъ и прочаго.

Антонъ Львовичъ не раскаялся, что остался такъ долго у отца. Онъ имѣлъ удовольствіе присутствовать не только при основаніи, но и при самомъ открытіи школы.

Левъ Саввичъ былъ на верху блаженства и положительно ногъ подъ собою не чувствовалъ.

Куда дѣлась его старческая слабость, куда дѣлся пасмурный, ворчливый и угнетенный видъ. Онъ помолодѣлъ на десять-пятнадцать лѣтъ, ходилъ бодро, говорилъ съ жаромъ, суетился, ѣздилъ къ учителямъ, по начальству и въ лавки. Та же была обстановка въ домѣ, тѣ же стѣны, мебель, но другой человѣкъ жилъ теперь здѣсь, и будто все для него дышало и звучало новымъ.

— Увидишь, Антонушка, увидишь, — твердилъ онъ: одна-другая такая школа, и общество одумается, выйдетъ на настоящій путь... А ты еще сомнѣвался, глядя на меня!..

Устроивъ отца, Ветлугинъ, наконецъ, себѣ сказалъ, что ему болѣе здѣсь дѣлать нечего и черезъ день, черезъ два, рѣшилъ обратно ѣхать въ Москву.

Наканунѣ отъѣзда, онъ обѣдалъ у Фокиныхъ.

— Вы магъ, сказала ему, въ концѣ обѣда, Афросинья Адріановна: вашего отца положительно теперь не узнать.

— Магъ-то онъ, магъ, перебилъ жену Фокинъ: только отчего бы и самому Антону Львовичу не перенести сюда хоть бы и своей адвокатской дѣятельности?

— Что же, я не теряю надежды!—отвѣтилъ Ветлугинъ, окидывая радостнымъ взоромъ счастливыя, разгорѣвшіяся лица хозяевъ и миловидныя рожицы ѣхавшихъ тутъ же, верхами на стульяхъ, въ Москву, ихъ дѣтей: что и говорить... Ужъ какъ хотѣлось бы пожить съ отцомъ, на закатѣ его дней... Да и вообще здѣшній край... родина... Подыскивайте мнѣ дѣло. Попа-

дется въ этихъ мѣстахъ подходящій процессъ, давайте знать,—я охотно возьмусь за него. А тамъ, смотря по ходу дѣлъ, и совсѣмъ, можетъ быть, разобью здѣсь свою палатку...

«А объ Аглаѣ и не вспоминаетъ!» взглядывая на Ветлугина, подумала Фросинька: «неужели онъ ее забылъ?»

Фокину принесли изъ банка бумаги. Онъ извинился и ушелъ съ ними въ угольную.

— Афросинья Адріановна, тихо сказалъ, подсаживаясь ближе къ Фросинькѣ, Ветлугинъ: скажите, какъ поживаетъ?.. вы ее видѣли... какъ вы ее нашли?..

Фросинька обомлѣла. Широко раскрывъ изумленные, кротко-вопрошающіе глаза, она нѣсколько секундъ не могла проронить ни слова.

— Вы объ Аглаѣ? наконецъ проговорила она: такъ вы о ней помните, вамъ она по прежнему дорога?

— Фросинька, голубушка! милая!—не выдержавъ и совершенно забывъ, съ кѣмъ говорить, вскрикнулъ и двинулся къ ней Ветлугинъ: убейте меня, растерзайте, только скажите, увижу ли я ее и выйдетъ ли она когда-нибудь изъ монастыря?

— Что вы, что вы, успокойтесь! отшатнулась отъ него въ уголъ дивана Фросинька: какъ ей теперь выйти? Это невозможно... ее не выпустятъ...

— Ну, поѣзжайте къ ней, просите ее, молите, — пусть отдастъ все, что имѣетъ, монастырю, коли въ ней нуждаются! пусть только броситъ его и возвращается въ свѣтъ.

— Жаль мнѣ васъ, Антонъ Львовичъ; но повторяю, этому не бывать...

— Да отчего же? Развѣ души въ ней нѣтъ? Вѣдь гибнетъ она... Голубушка, Афросинья Адріановна... Извините, извините меня—я самъ не помню, что говорю... Я безумецъ...

Ветлугинъ еще хотѣлъ что-то сказать, но ухватился за голову, закрылъ лицо руками и молча выбѣжалъ изъ квартиры Фокиныхъ.

Вечеромъ онъ прислалъ Афросиньѣ Адріановнѣ письмо, извиняясь, что, подъ вліяніемъ предстоящей разлуки съ отцомъ, наговорилъ ей много лишняго, а отцу объявилъ, что утромъ окончательно уѣзжаетъ.

У Льва Саввича, въ началѣ того вечера, было нужное засѣданіе въ кругу его товарищей-педагоговъ. Антонъ Львовичъ тѣмъ временемъ принялся укладываться въ дорогу. Левъ Саввичъ изъ засѣданія предполагалъ возвратиться къ чаю, но опоздалъ и, войдя

къ сыну на вышку, засталъ его уже въ постели. Сынъ было всталъ.

— Нѣтъ, Антонушка, лучше спи, — сказалъ старикъ, посидѣвъ у кровати сына: поговоримъ на прощаньи, завтра по-утру... Я велю Власьевнѣ разбудить себя пораньше,—этакъ въ семь, а не то въ шесть часовъ. Поѣздъ отходитъ въ восемь. Напою тебя чаемъ и провожу на станцію. А теперь что-то разболѣлись старыя кости. Надо имъ дать отдохнуть.

— Вѣрно васъ опять чѣмъ-нибудь потревожили?

— Ничуть, ничуть; я теперь закаленная броня, боецъ.

Левъ Саввичъ спустился въ кабинетъ. Но пренія въ педагогическомъ кружкѣ, вѣроятно, были очень тревожны и близки сердцу старика, такъ какъ не прошло и получаса, наружная, крылечная дверь опять тихо скрипнула, отомкнутая калитка стукнула въ темнотѣ и за воротами раздался голосъ Власьевны, звавшей извощика.

Старыя кости, видно, не вытерпѣли: закаленный боецъ сообразилъ, что выспится и въ другой разъ, и тайкомъ отъ сына снова уѣхалъ на засѣданіе педагогическаго кружка.

Новое разставанье съ отцомъ и съ роднымъ краемъ сильно заботило Ветлугина.

«Всѣ счастливы по-своему, всѣ полны отрадной хлопотни, надеждъ на близкое или далекое счастье» думалъ онъ, облокотясь о подушку и вслушиваясь въ шумъ и гулъ городскихъ улицъ: «одинъ я все еще на распутьи; одинъ я не имѣю твердой почвы подъ ногами... Тѣ же тщетныя усилія, холодъ и сухость одинокихъ, ни съ однимъ горячимъ, близкимъ и любящимъ сердцемъ не раздѣленныхъ заботъ...»

Въ мысляхъ Ветлугина роились впечатлѣнія пережитаго, картины прежнихъ и теперешнихъ Дубковъ, образы Аглаи, Столешникова, Фокиныхъ и ихъ дѣтей.

«Да», повторялъ самъ себѣ Антонъ Львовичъ: «всѣ заняты по душѣ, всѣ копошатся, тащутъ пылинки, воображая ихъ бревнами... Одинъ я все еще—кимвалъ бряцающій, мѣдь звѣняща... Умру,—что пользы было въ моемъ существованіи? Милліоны Ветлугиныхъ, милліоны мошекъ рождаются и умираютъ безъ слѣда. А другіе—не Ветлугины? Чѣмъ они похвалятся?.. Нирвàна, Нирвàна—угасаніе, примиреніе всѣхъ и всего въ небытіи...»

Что-то робкое, молящее о жизни, о надеждахъ на жизнь, тихо прильнуло къ груди, къ сердцу Ветлугина. Онъ невольно вздрогнулъ, повелъ передъ собою руками. Никого... Мертвая тишина!.. Только слышно, какъ сердце мѣрно колотится въ груди.

Ветлугинъ всталъ, зажегъ лампу, взглянулъ на часы, взялъ перо и сѣлъ писать.

Первыя попытки ему не удавались. Онъ начиналъ и опять разрывалъ написанное. Прошло болѣе часа. Онъ принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Отворилъ форточку. Свѣтлое, звѣздное небо широко раскидывалось надъ стихшимъ городомъ. «Гдѣ-то она?» чуть слышно прошепталъ Ветлугинъ, глядя въ окно... На него повѣяло чѣмъ-то нѣжнымъ, опьяняющимъ, душистымъ... Онъ оглянулся: на столѣ стоялъ, незамѣченный имъ до того, горшокъ съ цвѣткомъ. Лилія, пересаженная Львомъ Саввичемъ, пышно разцвѣла за эти дни, и старикъ съ вечера перенесъ ее въ комнату сына. Ветлугину вспомнилась ночь на станціи, бесѣдка въ саду Дубковъ... Онъ опять сѣлъ, уронилъ голову на знакомый съ дѣтства, гимназическій столикъ, пробылъ въ полузабытьи съ четверть часа, схватилъ перо и, съ горькой усмѣшкой сказавъ себѣ: «Да! я любилъ эту странную дѣвушку, я вѣрилъ ей!» написалъ слѣдующее письмо:

«Аглая Кириловна! По всей вѣроятности, вы удивитесь, можетъ быть, останетесь даже недовольны, увидѣвъ, кто къ вамъ пишетъ это письмо? Что дѣлать... Иногда люди поступаютъ вопреки собственнымъ убѣжденіямъ и желаніямъ. Я же, сверхъ того, дѣйствую такъ теперь еще и подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ, совершенно случайныхъ и даже постороннихъ обстоятельствъ. Итакъ, къ дѣлу.—Три года назадъ мы съ вами встрѣтились и разстались навсегда. Я думалъ, что въ жизни мнѣ уже не представится случая съ вами говорить. Вышло иначе. Въ прошломъ мѣсяцѣ я прибылъ въ этой край, съ цѣлью провѣдать своего отца; но—каюсь—не утерпѣлъ и мимоѣздомъ заглянулъ въ Дубки. Не скрою отъ васъ: я вспоминалъ васъ тамъ на каждомъ шагу, вспоминалъ и — простите за откровенность—невольно осуждалъ. Чѣмъ были вы до выбора печальнаго жребія и чѣмъ стали теперь?.. До мгновенія, въ которое вы окончательно и безповоротно рѣшились выполнить, такъ рано и такъ опрометчиво, данный вами обѣтъ, — ваша совѣсть, ваши помыслы и всѣ ваши поступки были чисты, безъ упрека и безъ грѣха. Теперь вы грѣшница, мало того — вы теперь почти преступница... О! не бросайте этого письма, если оно васъ огорчитъ, прочтите его до конца и не старайтесь объяснить моихъ словъ безуміемъ, дерзостью или недостойнымъ желаніемъ васъ обидѣть. Противъ той, кого я такъ искренно и такъ сильно когда-то полюбилъ, не будешь ни дерзокъ, ни мстителенъ, ни золъ. Я могу вамъ сказать только правду, вылить передъ вами всю свою душу...

«Аглая Кириловна! Оглянитесь на себя и оцѣните, взвѣсьте

все, что вы сдѣлали за это время. Вашъ отецъ, до вашего поступленія въ монастырь, былъ по-своему спокоенъ и счастливъ. Онъ отрадно и тихо доживалъ мирный вѣкъ въ устроенномъ имъ, мирномъ углу. Вашъ поступокъ—смѣло выговариваю эти страшныя слова!—свелъ его съ ума, выгналъ изъ родного гнѣзда и, вдобавокъ ко всему, отдалъ его, больного и безсильнаго въ немощи старика, въ руки—кого же?—его недоброжелателя, скажу болѣе, его врага... Это ли тотъ высокій, нравственный подвигъ, которымъ вы мечтали заслужить искупленіе несуществовавшихъ тогда вашихъ грѣховъ?..

«Далѣе—ваша собственная жизнь... Не знаю, нашли ли вы, въ вашемъ тихомъ и запертомъ отъ вѣяній міра пристанищѣ, тотъ невозмутимый, тотъ душевный покой, котораго ищутъ всѣ, мечтающіе о подобныхъ мѣстахъ? Не стану спорить и о томъ, что обыденный, простой и скромный, мірской трудъ и простыя, житейскія заботы о близкихъ къ намъ и о ихъ насущныхъ, кровныхъ нуждахъ, по-моему, во сто кратъ выше иной, хотя бы самой искренней, молитвы о тѣхъ же близкихъ. Убѣжденія могутъ быть разныя... Но я не могу не передать вамъ, Аглая Кириловна, того, что я своими глазами увидѣлъ и своими ушами услышалъ въ дорогомъ мнѣ, по воспоминаніямъ, имѣніи вашего больного и всѣми,—боюсь прибавить,—даже и вами, забытаго отца.

«До вашего поступленія въ монастырь, имѣніе вашего отца, если не было въ особенно-цвѣтущемъ положеніи, то не было и разорено... Ваши былые крестьяне, по разнымъ причинамъ, если не видѣли полнаго обезпеченія тѣхъ или другихъ своихъ нуждъ, то не были и бездушно угнетаемы. Теперь ваше имѣніе—знаете ли вы это?—пустыня... Домъ и нѣкогда такъ взлелѣянный вашимъ отцомъ садъ—могила... Ваши былые крестьяне обѣднѣли. Скажу болѣе: они теперь почти нищіе. Вы, можетъ быть, не повѣрите,—но у нихъ нѣтъ къ наступающей зимѣ ни дровъ, ни сносной одежды, ни хлѣба дѣтямъ, ни корма для уцѣлѣвшаго отъ падежей скота. Договорю ли остальное?.. Вашъ опекунъ довелъ ихъ всевозможными притѣсненіями до того, что они,—случайно провѣдавъ о моемъ пребываніи въ Дубкахъ и о моемъ адвокатскомъ ремеслѣ,—явились ко мнѣ въ вашей усадьбѣ, съ просьбою взять ихъ защиту—противъ кого же?—противъ васъ... Я далъ имъ слово ходатайствовать за нихъ и выполняю этимъ письмомъ свое обѣщаніе... Это ли та награда, которую вы думали заслужить принятымъ на себя, никому не дорогимъ и никѣмъ не оцѣненнымъ, подвигомъ?

«Такимъ образомъ, вы нехотя нравственно убили отца, при-

вели въ запустѣніе вашъ родной уголъ и погубили собственную молодую жизнь. Кончаю еще однимъ и послѣднимъ, горькимъ признаніемъ... Судьба, вѣроятно, имѣла глубоко-разумные виды, если насъ съ вами—я ли это говорю?—вó-время тогда развела... Мы, надо думать, не были бы счастливы другъ другомъ, по разности нашихъ нравовъ и убѣжденій. Оно правда, жизнь для васъ и для меня—не наслажденіе, а подвигъ. Но я стою за подвигъ—во имя правъ и потребностей самой жизни. Вы же нашли подвигъ тамъ, гдѣ, по-моему, жизнь кончается и начинается царство смерти...

«Прощайте и не поминайте меня лихомъ. Простите меня великодушно за эти слова. Я долженъ былъ ихъ сказать и, еслибы ихъ не сказалъ, я не былъ бы достоинъ того вниманія, которымъ вы когда-то меня дарили». *Приписка*. «Еще хотѣлось мнѣ вамъ сказать нѣсколько словъ... Но для чего? Не все ли равно?.. Ахъ, Аглая, Аглая!.. Неужели?.. Нѣтъ, довольно... Прощайте. — А. Ветлугинъ».

Антонъ Львовичъ выѣхалъ, какъ и рѣшилъ, на другой же день. Провожали его отецъ и Фокины. Письмо къ Аглаѣ онъ думалъ переслать по почтѣ. Но, боясь, чтобы оно не пропало, онъ передалъ его на прощаньи Фросинькѣ, съ просьбою переслать его при случаѣ въ монастырь.

— Однако, загостился ты у своего Цинцинната! ворчалъ, встрѣчая Ветлугина на московской станціи, Столешниковъ: уѣхалъ на недѣлю, а пробылъ тамъ мѣсяцъ...

— Особаго ничего не случилось безъ меня; изъ-за чего же было торопиться?

— Какъ не случилось? Сколько выгодныхъ предложеній пропущено! Сколько блестящихъ рѣчей за тебя другіе сказали... Вонъ отъ одной, что Птицынъ произнесъ, до сихъ поръ газеты, какъ въ чаду...

— Пусть ихъ въ чаду. На нашу долю еще станетъ.

— Ну, а выгоды, выгоды? На-дняхъ одно дѣло предлагали, да какое! Я чуть волосъ не рвалъ съ досады, что тебя не было здѣсь. Потомъ съ родины тебя обогнала депеша...

— Отъ кого?

— Фокинъ телеграфируетъ... Двѣ нѣкія дѣвицы, какъ бишь ихъ?.. Да! Ченшины... Дѣло о злоупотребленіяхъ опеки, разорившей огромное имѣніе ихъ малолѣтнаго племянника. И Фокинъ непремѣнно совѣтуетъ тебѣ взять этотъ процессъ...

— Но противъ кого дѣло?

— О! ты не ожидаешь... звѣрь выслѣженъ красный... Представь — противъ Петра Иваныча Клочкова...

Ветлугина бросило въ холодъ и дрожь.

«Ужъ не о другѣ ли Вечерѣева, Ченшинѣ, идетъ дѣло?» подумалъ онъ.

XXXIII.

Тихое пристанище.

Часть высокой каменной стѣны, окружавшей церковь и кельи общежительнаго Краснокутскаго монастыря, одной стороной примыкала къ проѣзжей, нагорной дорогѣ, а другою къ оврагу, по которому съ шумомъ весной сбѣгали воды и за которымъ начинался сплошной, вѣнчавшій обительскую гору лѣсъ.

На площадкѣ, внутри стѣны и нѣсколько поодаль отъ другихъ домиковъ, была построена каменная, въ одинъ ярусъ, просторная и подъ желѣзомъ келья Ульяны Андреевны Вечерѣевой. Много труда и заботъ положила Ульяна Андреевна на построеніе этого, уютнаго и снабженнаго всякими удобствами, жилища. Здѣсь она думала, въ мирѣ, тишинѣ и молитвахъ, съ ненаглядною своею Алинькой, прожить долгіе годы, дождаться принятія дочерью «послѣдованія малыя схимы», то-есть, окончательнаго пострига, а тамъ—можетъ быть—и счастія, увидѣть Аглаю во главѣ обители, преемницей матери-игуменьи Измарагды.

Келью, три года назадъ, начали строить въ іюнѣ и кончили въ одно лѣто. Къ зимѣ Ульяна Андреевна уже поселилась въ ней, на своемъ собственномъ хозяйствѣ. Какъ игуменья, такъ и всѣ монахини наперерывъ старались угождать барынѣ и барышнѣ Вечерѣевымъ. Въ свободные часы, навѣщая ихъ и работая, или бесѣдуя съ ними, онѣ предупреждали малѣйшія ихъ желанія и не могли достаточно налюбоваться чистотой, опрятностью и убранствомъ ихъ небольшихъ, теплыхъ и свѣтлыхъ комнатъ.

«Сейчасъ видно барыню знатную, негордую и щедрую!» говорили объ Ульянѣ Андреевнѣ захожимъ богомольцамъ внимательныя инокини: «въ одно лѣто сударыня поставила экой домъ-отъ, и ничего на него, какъ есть, не пожалѣла... Цвѣтовъ изъ своихъ теплицъ навезла, мебели изъ деревенскаго дома, ковровъ, посуды и всякаго добра... Всю дочкину пчелу также сюда перевела—шутка-ли, до пол-тысячи колодокъ... Образницу въ своей спальнѣ устроила такую, что хоть бы въ часовнѣ ей быть не

стыдно... Въ обительскую казну вкладъ за себя и за дочку, по своимъ достаткамъ, вызвалась внести... А помрутъ, и домъ ихній и все навезенное сюда добро на обитель же, обѣщаютъ, останется...»—Богомольцы, крестясь и вздыхая, въ умиленіи поглядывали на новенькую вечерѣевскую келью и разносили о ея обитательницахъ хвалебныя вѣсти.

Поселясь съ матерью въ монастырѣ, Аглая мало-по-малу стала привыкать къ тяжелому, принятому на себя, новому роду жизни. Образы прошлаго незамѣтно поблѣднѣли, ушли въ темную даль. Душевная рана стала заживать. Строгіе, внутрь себя глядѣвшіе глаза—внимательнѣе и привѣтливѣе начали смотрѣть на окружающее. Только лицо ея подернулось желтизной и стало какъ-бы еще холоднѣе, осунулось и точно окаменѣло. Ни улыбки, ни упрека, ни малѣйшаго раздраженія не было видно на этомъ лицѣ. Одна твердая, спокойная и непреклонная рѣшимость выражалась на немъ. Безъ ропота и безъ мысли объ утомленіи, несмотря на слабость здоровья, отстаивала Аглая раннія утреннія и позднія ночныя бдѣнія: эктеніи съ каѳизмами, сѣдальными, поліелеемъ и катавассіями, литургіи съ антифонами, тропарями и кондаками, и вечерни съ пареміями и канонарханіемъ подобныхъ, самогласныхъ и богородичныхъ стихиръ.

Какъ рѣдкая не только изъ новоначальныхъ, но и давнишнихъ бѣлицъ, Аглая безпрекословно выполняла всѣ обительскіе уставы и послушанія: была уважительна къ старшимъ, ласкова и внимательна къ младшимъ. Идя зачѣмъ-либо къ матери игуменьѣ, она съ покорностію творила иконамъ, а потомъ и ей положенные поклоны, становилась у порога и, съ опущенными глазами, молча ожидала ея наставленій и приказаній.

Всѣ монастырскія власти, мать-игуменья и мать-казначея, мать-регентъ и мать-секретарь, съ соборными старицами, клирошанками и всякими обительскими подручницами, не знали, какъ нахвалиться Аглаей.—«Это не малосхимница, а великосхимница!» говорили объ Аглаѣ въ Красномъ-Кутѣ.

Собираясь къ Ульянѣ Андреевнѣ, утромъ въ праздники, или въ будніе вечера «посумерничать», да въ тихой бесѣдѣ испить дорогого и душистаго, барынинаго чайку, съ изюмомъ и мягкими, тминными булочками, а не то и съ винцомъ,—суровыя и постныя инокини, мало-по-малу оживляясь, откидывали съ сѣдыхъ лбовъ воскрылія камилавокъ — «платъ, еже имать покрывало, сирѣчь шлемъ надежды спасенія» — и утирая платочками вспотѣвшія и раскраснѣвшіяся лица, добрыми отзывами объ Аглаѣ утѣшали нѣжное сердце Ульяны Андреевны.

— Вотъ, сударыня - матушка, говорили онѣ, перебирая кипарисовыя, терновыя и янтарныя четки и большимъ мѣрнымъ крестомъ крестясь на богатую, серебромъ и золотомъ, въ опочивальнѣ Ульяны Андреевны, горѣвшую образницу: дочь-отъ у тебя всей нашей обители краса... Ни съ кѣмъ-то она, душевная, не споритъ, и ни съ кѣмъ-то не сварится. Послушлива къ старшимъ, не завистлива, не смутьяна и не злоязычна, — а ужъ кротка, кротка!—и о красѣ своей ничуть не думаетъ...

— Ну, гдѣ ужъ тамъ красота? неохотно открещивалась Ульяна Андреевна.

— Ахъ, нѣтъ! Не говори, матушка, не говори! хороша она, ахъ, какъ хороша... На молитву-ли станетъ, канонъ-ли Богородицѣ читаетъ, аки негасимая свѣща по покойнику, стоитъ, не оглянется. Въ рукодѣльной, али за трапезой,—словъ ея не слыхать, точно воробынька подъ дождемъ — непогодою, нахохлясь, сидитъ, перынькомъ не поведетъ... А какъ въ писаніи притомъ начитана, увы намъ, увы, да и полно!—даромъ, что молода.

— Много благодарны за похвалы, не стóитъ Аглаюшка!— съ притворнымъ смиреніемъ, кланялась Ульяна Андреевна.

— А голосъ-отъ каковъ у твоей дочери! не унимались инокини: запоетъ на клиросѣ херувимскую ли тебѣ, «свѣте - тихій» ли—«да исправится молитва моя» заведетъ, такъ куда тебѣ и мать Флавіана,—весь хоръ, какъ есть, соловушкой покрываетъ... Да вотъ еще: демѣственному, старо-греческому пѣнію обучена... И гдѣ ты, матушка, выхолила, выростила ее такимъ херувимчикомъ, въ какой тихости, да святости, середь грѣшнаго міра, такъ ее воспитала?

— У матушки Сусанны въ обители первый наказъ намъ дали! отвѣчала Вечерѣева.

— То-то, видно, что Богомъ хранимая тамъ обитель,—продолжали старицы: у насъ не то... Вонъ, и старше твоей дочушки, дѣвки наши — Варварушка, да Лушенька, а куда имъ! Міръ обуялъ... хи-хи, да ха-ха!.. барабаны въ головѣ... Намеднись матушка-игуменья ужъ ихъ, пучеглазыхъ-то, за нескромныя рѣчи, да за пересмѣшки, началила, началила, на поклоны обѣихъ черхвостницъ, за трапезой, при всѣхъ, въ который разъ ставила, стыдила... А твоя... точно манатейная... Ну, да что и говорить!.. Ужъ и грѣхъ-то любоваться земною красой, человѣчью персть при жизни возносить, — вотъ какой грѣхъ... А не утерпишь, не отгонишь искушенія, на твою-то, сударыня, касатку, на бѣлую лебедь—Аглаюшку глядючи... Ангелъ херувимскій, да и того ей мало...

— Помоги вамъ Господь, Мать-Царица небесная, за ваши привѣты, да за ласки! заключала эти отзывы Ульяна Андреевна: Аглая у меня дочь, надо правду сказать, добрая и покорная... Одного боюсь, матери, одного: слаба она что-то становится здоровьемъ; да и я вотъ сама, по грѣхамъ моимъ, все хвораю, хилѣю... Охъ, не долго мнѣ прожить съ нею, не долго радоваться на нее. А ужъ чтобъ дожить того счастья, какъ она совсѣмъ Христовою невѣстой станетъ, такъ я и не думаю. Сподобится же она этой божеской милости, и я за нею тутъ навѣки останусь...

— Молись, матушка-сударыня, молись; Господь праведныя молитвы услышитъ и сподобитъ тебя дождаться всего, чего ты себѣ и ей желаешь...

Такъ толковали сердобольныя инокини съ Ульяной Андреевной.

Но не сбылись ихъ утѣшенія. Ульяна Андреевна, перейдя въ новопостроенную келью, прожила въ ней зиму, весну и лѣто, а осенью, въ началѣ второго года своего пребыванія въ этомъ монастырѣ, простудилась подъ дождемъ и вѣтромъ, на похоронахъ игуменьиной тетки, глухой ключницы, старицы Платониды, заболѣла горячкой и, несмотря на всѣ старанія дочери, окрестныхъ врачей и всей обители, умерла...

Безропотная твердость и преданность волѣ Провидѣнія, съ какими дочь вынесла эту роковую, нежданную для всѣхъ потерю, еще болѣе возвысили Аглаю въ глазахъ цѣлаго монастыря. Здоровье ея, начинавшее слабѣть и безъ того, было теперь въ конецъ потрясено. Тѣмъ не менѣе она не упала духомъ, не сломилась. Блѣдная, съ выпрямленнымъ станомъ и крѣпко, въ похолодѣвшихъ рукахъ, сжимая поминальную свѣчу, Аглая—молча и безъ слезъ—выстояла послѣднія, погребальныя молитвы. Не спуская глазъ съ изможденнаго болѣзнью, суроваго и какъ-бы кому-то, даже изъ за-могильнаго міра, грозившаго лица покойной матери, она думала про себя: «Боже, какое горе, какой страшный ударъ! Но, вѣроятно, такъ надо; на то воля свыше...»

Дождавшись мгновенія, когда носильщики, при блескѣ свѣчъ, въ ладонномъ куреніи, собирались наглухо заколотить крышку чернаго гроба, Аглая тихо подошла къ усопшей родительницѣ, положила передъ нею послѣдніе, прощальные поклоны, обняла ее, вынула изъ кармана ножницы, захватила у себя рукой крупную косму пышныхъ, отроставшихъ волосъ, отрѣзала ее, положила на грудь матери, прошептала: «Видишь, видишь, родная? я...» хотѣла еще что-то сказать, но пошатнулась и безъ чувствъ упала на руки подоспѣвшихъ къ погребальному амвону монахинь.

Смерть матери не нарушила ничѣмъ обычнаго вниманія и

добрыхъ отношеній къ Аглаѣ обитательницъ Краснаго-Кута. Напротивъ, ласки игуменьи и остальныхъ инокинь къ ней, послѣ этого печальнаго событія, даже усилились, хотя она сама этого и не замѣчала. Да и не до наблюденій ей было теперь, въ полной новаго, неисходнаго горя, жизненной порѣ...

Вслѣдъ за похоронами матери, она сама такъ занемогла, что прохворала всю осень и часть зимы и окончательно оправилась только къ веснѣ третьяго года своего пребыванія въ монастырѣ.

Жила Аглая въ той-же, построенной матерью, кельѣ. Прислуживала ей, по выбору игуменьи, то-есть убирала ее и ея комнаты, немолодыхъ лѣтъ, бѣлица—изъ монастырскихъ чернорабочихъ. Эта служка была до крайности хлопотлива и добра, но въ высшей степени безпамятна и даже глупа. Для особой же охраны и для поддержанія въ Аглаѣ рѣшимости навсегда посвятить себя монастырю, вмѣстѣ съ нею, заботами матери Измарагды, была поселена одна изъ старѣйшихъ и смиреннѣйшихъ инокинь, особо чтимая за чистоту нрава, но страдавшая удушьемъ, мать Асенефа. Заходили, впрочемъ, навѣщать Аглаю, хотя урывками, за дѣломъ или въ праздники, и нѣкоторыя изъ послушницъ, въ томъ числѣ внучка матери Асенефы, Варварушка, и та самая Лушенька, которая когда-то отъ нея и отъ покойницы ея матери отнесла Ветлугину извѣстныя, отвѣтныя письма. Обѣ эти бѣлицы, Лушенька и Варварушка, были, какъ и Аглая, клирошанками, то-есть состояли въ хорѣ, а потому никому и не было въ удивленіе, что, переписывая ноты или разучивая новые канты, онѣ заходили къ Аглаѣ и порой по-долгу просиживали у нея.

Съ первымъ весеннимъ тепломъ силы Аглаи стали понемногу, но замѣтно возстановляться.

«Что такъ-то сидѣть, въ заперти?» разъ въ ясный мартовскій день, подумала она: «пойду, разомнусь».

Благословясь у матушки-игуменьи, она, какъ пчела, вынутая изъ душнаго погреба, несмѣлою поступью, пошатываясь, направилась въ безлистый и еще пустынный садъ, а оттуда въ рукодѣльную. Бѣлицы, давно не видѣвшія ее и, по обыкновенію, работавшія въ ту пору—кто восковые цвѣты, а кто фольговыя ризы на образа—встрѣтили ее ласковою, веселою улыбкой.

— Экъ, глазыньки-то у барышни подтянуло, туманомъ заволокло! говорили, приглядываясь къ ней, молодыя послушницы: а бѣлы рученки захудали, щоки осунулись, плечики—что у малаго ребенка—запали...

Аглая улыбалась на ласки сестеръ, силилась и съ своей стороны сказать имъ доброе слово, пыталась и сама взяться за общую работу. Но еще силъ не хватало, кружилась голова и работа падала изъ рукъ.

«Весеннимъ воздухомъ, что-ли, пахнуло на меня?» подумала она и, не спѣша, возвратилась къ себѣ въ келью.

«Добрыя онѣ какія!» разсуждала она, останавливаясь на крыльцѣ: «но всѣ ли онѣ добрыя? Можетъ быть и не всѣ... Да мнѣ-то какое дѣло? Но отчего же онѣ такъ ласкаются ко мнѣ, берегутъ меня, услуживаютъ мнѣ на расхватъ?»

Тутъ только, невольно для нея и необъяснимо почему, вспомнилось Аглаѣ, что когда она, сутки назадъ, впервые послѣ болѣзни, вошла къ игуменьѣ и, сотворивъ напередъ уставной поклонъ, подошла къ ея благословенію, въ строгихъ и до того времени всегда къ ней внимательныхъ глазахъ игуменьи блеснулъ какой-то странный и будто враждебный къ ней огонекъ... «Мнѣ такъ показалось!» подумала она тогда, тѣмъ болѣе, что мать Измарагда, вслѣдъ затѣмъ, какъ-бы одумалась и приняла ее отмѣнно-радушно и тепло.

На лицахъ двухъ-трехъ старицъ, подъ надзоромъ которыхъ въ рукодѣльной въ то утро работали обительскія послушницы, Аглая также примѣтила нѣкую особую, дотолѣ невиданную ею черту. Эти лица будто говорили: «Да, вотъ она, богатенькая!.. Какъ ее встрѣчаютъ и величаютъ... Посмотримъ, однако, долго-ли будутъ тебя пестовать, да чествовать?..»

И протянулось это дѣйствительно не долго.

При жизни матери, Аглая не знала, какъ отдѣлаться отъ общихъ, охотно-предлагавшихся ей услугъ Ей и шубку на плечи, при выходѣ отъ матушки Измарагды или съ церковной службы, накидывали; и теплыя сапожки надѣвали ей на ноги, во время великопостнаго, всенощнаго стоянія на холодномъ, церковномъ полу. Она видѣла эту заботливость и это вниманіе, и они ее не тяготили. Теперь было не то. Правда, хилой и слабой Аглаѣ приносили особо-изготовленныя кушанья; по два раза на день Лушенька и Варварушка забѣгали къ ней отъ игуменьи узнать о ея здоровьи; дворовыя служки усыпали у ея крыльца пескомъ,—и пушистый игуменьинъ коврикъ не разъ подстилался ей въ церкви на клиросѣ. Но во всемъ этомъ, невѣдомо ей самой—почему, сказывалось что-то подозрительное и неискреннее. — «Да вѣдь онѣ охотно-же все это дѣлаютъ!» упрекала она себя: «не онѣ, а я, неблагодарная, гордая, неискренна...»—И Аглая давала себѣ клятву: быть еще добрѣе и достойнѣе расточаемыхъ ей ласкъ.

— Ты, матушка-барышня, въ сорочкѣ видно родилась,— говорила ей ея сожительница, мать Асенефа: тобою здѣсь не надышутся, на тебя не наглядятся!—

И въ самомъ дѣлѣ: суровая купеческая вдова мать Анѳія несла ей крынку свѣжаго, густого молока отъ игуменьиной коровы; зубастая и всѣхъ бранившая, новая ключница, старица Еликонида несла лукошко грибовъ, кѣмъ-то подаренныхъ настоятельницѣ, или миску яицъ изъ-подъ собственныхъ Еликонидиныхъ хохлатокъ. Аглая щедро всѣхъ отдаривала; но тѣ отъ подарковъ ея отказывались.

«Что за притча!» думала она и не находила разгадки своимъ сомнѣніямъ.

— Отчего онѣ ничего отъ меня не берутъ? спросила она какъ-то свою прислужницу.

— Сама заказала!.. матушка игуменья! — простодушно отвѣтила работница.

— Но отчего же? развѣ я зачумленная какая?

— Махонькаго не возьмутъ, больше гляди стащутъ! — во весь ротъ осклабясь, сболтнула глупышъ-работница.

«Искушеніе! искушеніе!» творя крестныя знаменія, шептала Аглая: «вѣрно, такъ слѣдуетъ меня смущать... Надо покориться, надо терпѣть...» Она клала земные поклоны, усердно молилась и старалась не думать о томъ, что̀ видѣла и слышала.

Дни шли за днями. Силы Аглаи возстановлялись. Она понемногу опять вошла въ отправленіе положенныхъ уставовъ и обрядовъ. Но прежнее спокойствіе къ ней уже не возвращалось. Вопреки собственному желанію, она съ каждымъ днемъ пристальнѣе вглядывалась въ окружающее. «Да что-же это значитъ?» безпрестанно спрашивала она себя: «Господи! дай мнѣ силу побороть мои сомнѣнія, мои грѣшныя мечты!..»—Сомнѣнія и странныя, дикія грёзы то-и-дѣло приходили ей на умъ.

Стоя на клиросѣ или, поочереди, за трапезой, читая вслухъ положенный канонъ, она пугливо взглядывала по сторонамъ, тихо крестилась и старалась сообразить, гдѣ она и что̀ съ нею?... Да неужели она, въ самомъ дѣлѣ, находится въ этомъ монастырѣ? И неужели все то, что̀ говорилось, читалось и дѣлалось въ немъ, исполнялось по обѣту Господа, для врачеванія и спасенія души?..

«Царство мое не отъ міра сего...» раздавались въ ушахъ Аглаи слова Спасителя. А между тѣмъ эта, огражденная каменной стѣной, суровая и строгая обитель, это «тихое пристанище» немолчныхъ молитвъ, покаянія и поста, какъ убѣдилась Аглая,

былъ тотъ же міръ, то же поприще соблазновъ и всякой житейской суеты. Она глядѣла вокругъ себя и глазамъ своимъ не вѣрила; прислушивалась къ будничному говору и къ толкотнѣ обители, и не вѣрила своимъ ушамъ.

«Что пришла еси и чего ищешь здѣсь?» спрашивалъ, въ присутствіи Аглаи, вновь принимаемыхъ инокинь постригающій духовникъ. — «Житія смиреннаго и постнаго, спасенія отъ міра и грѣховъ его ищу!» отвѣчали постригаемыя черницы. Выходило же наоборотъ. Препоясавшія свои чресла силою высшей истины, во умерщвленіе грѣшной плоти, служили той же плоти, какъ и остальные міряне. Давшія тяжкій обѣтъ «злопострадати за Христа» и, какъ оные древніе подвижники, «алкати, жаждати и нагствовати, до послѣдняго часа, во имя Его»,—сытно ѣли, сладко пили и одѣвались не только въ теплыя, но даже и въ изысканныя одежды, не хуже прочихъ мірянъ.

Чтобъ не видѣть этого, Аглая, въ свободные часы, чаще и чаще запиралась въ своей кельѣ и молилась, либо читала вслухъ старицѣ Асенефѣ «Письма святогорца» или сказанія о подвигахъ Антонія великаго и Ѳеодосія Печерскаго. Но та же хворая, вѣчно-кашляющая мать Асенефа выслушаетъ ее, подопретъ лицо кулачкомъ и, зѣвнувъ, начинаетъ жаловаться на оскудѣніе достатковъ и доходовъ монастырской казны.—«Миновали красные годы! вымерли знатныя печальницы, да вкладчицы нашей честной обители!» причитываетъ, перебирая четки, старая Асенефа: «была генеральша Асавулова, да купчиха Караулова... Каждый годъ покойная настоятельница, мать Назарета, да по началу и нонѣшняя игуменья, получали въ даръ отъ нихъ то деньги, то цѣлые обозы со всякими припасами, съ хлѣбомъ, съ рыбою и съ бакалеей. А теперь, какъ померли тѣ радѣльницы, оскудѣла наша трапеза, божьими сиротами мы стали... Ни ухи со сняточками, да съ малосольной бѣлужинкой, ни зернистой икры, ни пироговъ съ вязигой, да съ осетровыми молоками... Ахти, хти!.. надоѣли, барышня, аладьи да грибки, охъ, надоѣли! когда-бъ рыбки намъ, али балычковъ!»

— Да вѣдь ты грѣшныя мысли мыслишь, говорила на это своей сожительницѣ Аглая: развѣ такъ жили отшельники въ старину? Ты-жъ сама говорила мнѣ, какъ ихъ тѣло, отъ глада, молитвъ и труда бдѣннаго, просвѣтило во тьмѣ...

— То, сударыня, было вона когда. Мы не египетски и не ливійски пустынники... До Харитонія Фарранскаго, да до Макарія Александрійскаго намъ далеко... А попрекать тебѣ меня,

старуху, и не слѣдовало бы. Вотъ что! Одно грѣхъ, а другое и стыдно. Я и сама, раба, знаю, какъ и что...

Разъ, былъ уже апрѣль на дворѣ—Аглая отворила окно въ садъ, съ цѣлью подышать свѣжимъ воздухомъ. А, на заваленкѣ, не вдали отъ ея спальни, сидѣли и не примѣтили ее двѣ строгія «манатейныя старицы», мать Евстолія и мать Эмерентіана. Онѣ спорили въ это время о томъ, сколько денегъ, въ послѣднюю дѣлежку, изъ кружекъ досталось на долю каждой изъ нихъ. И въ окно, противъ воли Аглаи, стали отчетливо долетать задорныя слова неподатливыхъ въ спорѣ старицъ.

— Я-жъ тебѣ говорю, что такъ! увѣряла, сердясь, мать Евстолія.

— А я говорю, вовсе не такъ! перебивала ее мать Эмерентіана.

— Да ты, матушка, ошалѣла, что-ли? сверкая злючими, бѣгавшими глазами, восклицала первая: вотъ я-те, грабительку, на весь міръ обнесу...

— Не я ошалѣла, а ты! задвигавшись по заваленкѣ и размахивая рукавами рясы, не отступала вторая: ты съ христопродавицей, съ прежней-то игуменьей, святымъ духомъ, что горохомъ, привыкла торговать. Оттого всѣ у тебя и грабительки, да утайщицы монастырской казны...

— Что? что?..

— А то, что ты будь довольна часовеннымъ, да колодезнымъ сборомъ, а лапищъ своихъ въ соборныя кружки не суй... Рыло не чисто... Была бы я игуменьей, задала бы тебѣ на орѣхи-то...

— И, матушка, — заключила Евстолія: не всякъ игуменъ, кто звонокъ, какъ бубенъ... И чортъ на старости въ монахи пошелъ, да, слышь, не приняли...

«Боже мой, Боже! я-ли это слышу? съ нами крестная сила! искушеніе!» крестясь и въ ужасѣ закрывая окно, шептала Аглая.

Искушеніе!... Но оно повторялось на каждомъ шагу, и во всемъ и всюду смущало и преслѣдовало Аглаю.

Сидѣла-ли она за трапезой и въ свой чередъ слушала чтеніе очередныхъ монахинь, отъ аналоя раздавались слова покаянія и отчужденія отъ грѣховъ, а сидѣвшія близъ нея бѣлицы весело шушукались, пересуживая старую и кровную распрю матери-казначеи съ продавицей свѣчъ, матерью Проклой, или разсказывая о смѣхотворной схваткѣ и даже объ обоюдномъ тасканіи за во-

лосы старшей садовницы, старицы Максимиллы и ея помощницы, румяной и дебелой бѣлицы Параньки.

Послѣ обѣда Аглая читала вслухъ матери Асенефѣ изреченія суровыхъ подвижниковъ, вѣщавшихъ своимъ ученикамъ: «Прошедшій съ женою поприще едино, отлучается на семь дней». А едва Асенефа, крестясь, зѣвая и охая, уходила на лежанку, въ свою боковушку, — къ Аглаѣ врывались Варварушка и Лушенька. Внося въ пахнувшія ладономъ комнаты запахъ свѣжаго весенняго вечера и ликованіе дышащихъ молодостью, румяныхъ лицъ,—вѣтренныя зубоскалки затягивали унылую пѣсню:

«Не спасибо те, игумну тебѣ,
«Не спасибо те, безсовѣстному,
«Молодешеньку въ монашеньки постригъ,
«Зеленешеньку посхимілъ мене...»

— Полно вамъ, полно! останавливала ихъ, покашливая изъ-за перегородки, Асенефа,—цыцъ вамъ, оглашенныя!

Но веселыя бѣлицы не унимались. Онѣ разсказывали Аглаѣ соблазнительный случай съ кѣмъ-то изъ мірянъ, посѣтившихъ въ послѣднее время монастырь, или о только-что перехваченномъ любовномъ письмѣ нѣкоей тихой и вѣчно-молчаливой послушницы Софьюшки.

— А еще инокинями, непутныя, зоветесь! стыдила ихъ изъ-за перегородки Асенефа: вотъ я матушкѣ Измарагдѣ разскажу.

— Пошла дѣвка въ монастырь, охъ! да много холостыхъ! вздыхала, уходя отъ Аглаи, рѣзвая и бойкая внучка той-же Асенефы: а вы, баунька, лучше молчите... курятинку ѣли въ Богородичномъ...

«Нѣтъ, этого быть не можетъ!» говорила себѣ Аглая: «онѣ шутятъ, клеплютъ на себя... Такъ невозможно... А если не шутятъ?»

Зашла какъ-то Аглая въ прачешную.

Тамъ въ это время, въ большихъ плетеныхъ корзинахъ, лежало вымытое и только-что выглаженное бѣлье щеголявшихъ одѣяніемъ, еще не старыхъ и нѣкогда красивыхъ, матери-казначеи и матери-регента. Цѣлые вороха тонкихъ, голландскихъ сорочекъ, обшитыхъ кружевами кофтъ, батистовыхъ платковъ и узорныхъ утиральниковъ красовались на столахъ, среди суетившихся и охавшихъ съ горячими утюгами, монастырскихъ прачекъ.

«Я новопоставленная, еще не совсѣмъ монахиня, да, наконецъ, имѣю и богатаго отца!» изумлялась Аглая: «а онѣ? онѣ, давшія обѣтъ опоясыванія вервіемъ и ношенія власяницы? Что же

это, въ самомъ дѣлѣ? И имѣю ли я право ихъ осуждать? Могу ли и смѣю ли видѣть то, чего нельзя не видѣть? И какъ забыть примѣръ мученицы Евгеніи, не принявшей принесенныхъ ей въ даръ на обитель серебряныхъ сосудовъ?»

Не мало Аглаю смущала и нѣкая полковница Молокитина, въ монашествѣ Агрипина. Высокая, худая, со впалыми щеками и плечами, страстная и блѣдная тридцатилѣтняя вдовушка, Молокитина безъ умолку бредила о любви. Молилась она по-русски, любовныя грёзы и сны разсказывала по-французски. Встрѣтить гдѣ-нибудь Аглаю, или зайдетъ къ ней, поправить ей прическу, одежду, страстно сожметъ ей руки и начинаетъ шептать жалобы. Чаще всего Агрипинѣ снился странный, глубоко волновавшій ее сонъ о какихъ-то пѣтухахъ. — «Придутъ это они, ма-шеръ», шептала она: «придутъ пятеро и смотрятъ съ порога... Въ яркихъ перьяхъ, огромные, и съ такими хвостами и глазами... Что вамъ нужно? молю ихъ: que voulez-vous?—А они смотрятъ и не отходятъ всю ночь, пока изною въ страхѣ и въ тоскѣ...»

Томимая сомнѣніями и печалью за слабый, грѣшный міръ, Аглая долго противилась искусу прямого обвиненія. — «То другія», разсуждала она: «не игуменья, не мать Измарагда! Мало ли какія вольности могутъ тайкомъ позволить себѣ лица подначальныя, вторыя? Она одна на высотѣ обѣта, одна, какъ перлъ, недосягаемо блистаетъ въ этой средѣ...» — Аглая вѣрила въ правдивую и гордую нравомъ настоятельницу, горячо любила ее и чтила. Но скоро и въ ней, строгой и гордой, она сильно разочаровалась.

Мать Аглаи успѣла сдержать только часть обѣщаній, данныхъ монастырю. На деньги, вырученныя отъ продажи ея приданой вотчины, с. Пряхина, она выстроила келью. Сверхъ того, по условію съ опекуномъ мужниная имѣнія, она обязалась ежегодно, на жизнь свою и дочери, вносить опредѣленную помощь и отъ доходовъ съ Дубковъ, что до ея смерти и выполнялось. Но, едва она умерла, Клочковъ сообщилъ игуменьѣ, что дѣла имъ опекаемыхъ пошатнулись, что доходовъ почти нѣтъ и что всѣ они тратятся на леченіе и на приличное содержаніе Кирилы Григорьича. Условныя пособія высылать онъ пересталъ, а если и высылалъ, такъ небольшими частями, да и то, когда ему вздумалось.

Аглаѣ этого не сообщали, зная, что, пока живъ ея отецъ, она здѣсь не при чемъ. Отъ нея, по возможности, даже скрывали безнадежное и тяжкое положеніе, въ которомъ находился Кирило Григорьичъ. Боялись, чтобъ она и остальныхъ средствъ,

высылаемыхъ опекой въ монастырь, не обратила на его излеченіе.— «Я теперь круглая сирота, размышляла она: что съ того, что живъ отецъ?.. Онъ, бѣдный, пока тотъ же покойникъ... Его сберегаютъ, лечатъ. Опекунъ пишетъ, что онъ ни въ чемъ не нуждается, что скоро поправится... И слава Богу... а я?»—Слезы душили Аглаю.—«Я дикая, неласковая и застѣнчивая,—кому я мила и дорога?.. Что, если меня разлюбитъ и игуменья? О! какъ я порочна и полна грѣховъ... Боже! дай мнѣ силы сохранить къ себѣ расположеніе этой высокой, этой достойной женщины!»

Какъ-то, въ концѣ апрѣля, вышла Аглая въ садъ. Ей хотѣлось взглянуть на выставленныхъ изъ погреба своихъ пчелъ. Сюда, на грядки огорода, была выслана гурьба обрадованныхъ теплу бѣлицъ. Надзиравшая за ними инокиня, мать Ангелина, прикрывъ отъ вѣтерка и солнца платочкомъ лицо, спала подъ заборомъ. Работницы также отдыхали. Сидя подъ гудѣвшею отъ пчелъ и только-что расцвѣтшею яблоней и не примѣтивъ появленія Аглаи, онѣ судачили о томъ-о-семъ, и, между прочимъ, почему такъ скучна съ недавняго времени матушка-игуменья?

— Какъ ей не печалиться, говорила одна изъ бѣлицъ, расчесывая у себя на колѣняхъ густые, русые волосы другой: приняли эту барышню-бѣлоручку, ждали отъ нея богатаго взноса въ обительскую казну, а та затесалась сюда, да и ухомъ не ведетъ...

— Что ты, что ты! остановила разсказщицу Варварушка.

— Какъ что? давеча мать игуменья твоей же старой — что отрѣзала? Долго ли, говоритъ, ты съ нею возжаться будешь? Пора и честь ей знать,—скажи, чтобъ вносила вкладъ...

«А! такъ вотъ что!... подумала, прячась въ калитку и сгорая отъ стыда, Аглая: вотъ разгадка ихъ ласкъ и вниманія. Завтра же пошлю за Клочковымъ и потребую отъ него присылки вклада».

Клочковъ по зову пріѣхалъ, насказалъ Аглаѣ съ три короба любезностей, снова утѣшилъ ее на счетъ отца, но въ деньгахъ отказалъ. «Вы, сеструнька, отреклись отъ міра, да и имѣніе не ваше, а вашего отца,—говорилъ Петръ Иванычъ; опека не признаетъ подобнаго расхода! Да и что я отвѣчу Кирилѣ Григорьичу, какъ онъ дастъ Богъ придетъ въ себя? Будьте вы на моемъ мѣстѣ, и вы бы такъ поступили...»

«Хорошо же, рѣшила Аглая: пусть меня осуждаютъ, пусть на меня клевещутъ! Я не поддамся и другимъ покажу примѣръ». Она такъ и поступила,—строго блюла всѣ монастырскіе уставы и, рядомъ съ послѣдними служками, не отставала отъ

общихъ обительскихъ работъ: лѣпила восковые цвѣты, переписывала крестьянамъ молитвы, кроила, гладила, шила и даже, подъчасъ, какъ послѣднія послушницы, носила въ келью игуменьи воду и дрова.

XXXIV.

Искушенія.

Въ прежнее время Аглая рада была въ свободное время подсѣсть къ окошку, или къ растопленной печи и помечтать о прошломъ, о быломъ. Теперь не то. Отрадныя, тихія грёзы перестали ее посѣщать. Она была не покойна. Да и гдѣ быть душевной тишинѣ? Къ Аглаѣ чаще и чаще начали доходить пересуды о ней самой. Досужіе языки, не стѣсняясь, распускали про нее разные слухи.

То говорили, будто она свѣтскія книги, какой-то романъ «Любовь мертвеца» читаетъ. Старица Асенефа, вѣроятно, по порученію игуменьи, въ отсутствіе ея, перерыла у ней всѣ шкафы, комоды и сундуки. А сама мать Измарагда, за трапезой, прочла всѣмъ послушницамъ, по этому случаю, строгое и назидательное внушеніе.

Потомъ кто-то пустилъ молву, что барышня Вечерѣева помадится и держитъ у себя, тайкомъ въ шкатулкѣ, дорогія притиранія и духи. Новый рядъ иносказательныхъ насмѣшекъ и новый, обидный и бросившій ее въ горькія слезы, обыскъ.

«Надо терпѣть, терпѣть! надо все, даже несправедливыя нападки, безропотно и твердо переносить! Мать-царица небесная, укрѣпи меня!» говорила себѣ Аглая, съ удвоенною силою кладя поклоны и ожидая, что вотъ-вотъ, впереди, для нея настанетъ нѣкое свѣтозарное утѣшеніе, и она будетъ вознаграждена за все...

Она старалась молиться. Это было ея единственнымъ утѣшеніемъ. Но и молитвенный жаръ вскорѣ сталъ ее покидать. Запершись въ спальнѣ, она, блѣдная, съ исхудалымъ лицомъ и съ заплаканными, покраснѣвшими отъ слезъ глазами, задергивала занавѣсы окна, зажигала передъ кіотомъ лампадку, опускалась на колѣни и шептала, шептала усердныя, неотступныя, отчаянныя молитвы.

Но что это?

Стучатъ въ наружную дверь. Видно мать Асенефа возвратилась отъ внучки изъ общихъ келлій. Надо ей отпирать. Нѣтъ,

это не Асенефа. Прикрывшись платкомъ, съ надворья вбѣгаетъ къ ней, дышащая здоровьемъ и силой, статная Лушенька. Что съ ней, быстроокой и пылкой? И что она, непутная, шепчетъ, бросаясь къ Аглаѣ на шею? Смѣется ли, плачетъ ли она? Горе или радость свою хочетъ ей излить?

— А ты, барышня, опять за слезами да за молитвой? раскраснѣвшись, затуманенными, страстными глазами, вскрикнула полногрудая Лушенька: брось милая, брось! а ты отдохни... Али и вправду, сударушка, страха ради іудейска, извести себя такъ-то, безъ толку, хочешь? Спохватился монахъ, анъ смерть въ головахъ...

— Говори, Лушенька, что тебѣ надо? нетерпѣливо, но дружески, запирая двери, спросила ее Аглая.

— Какъ что?... Нешто не въ примѣту, не видишь?... Весна проходитъ, маю скоро конецъ. Мать-Царица Господня! Весело таково... Изъ саду бы не вышла... Въ лѣсу дѣвки деревенски, парни пѣсни поютъ. Обозы на ярмонокъ, день-деньской, подъ горою идутъ—за воротами гомонъ подводчиковъ,—бубенцы звенятъ. А мы тутъ-то сиднемъ сидимъ, въ заперти вянемъ... Эхъ, дѣвка! Ѣшь съ голоду, люби съ молоду; любить не люблю, отказать не могу... Слушай, барышня: убѣжимъ..

— Куда? въ ужасѣ спросила Аглая.

— Жизнь распроклятая! скука анаѳемская! ахъ, да и скука же, скука!—колотясь головой о столъ и заливаясь слезами, вскрикнула Лушенька: что глядишь? Нешто не знаю, не помню, какъ твой-то ясный соколъ сюда налеталъ, какъ отъ него я тебѣ записку носила?

— Какой соколъ? что ты говоришь? не стыдно ли тебѣ!

— Мнѣ стыдно? мнѣ? сверкая блуждающими глазами, продолжала Лушенька: охъ! коли бы у меня въ мошнѣ да деньги, ни на что бы, кажись, я не поглядѣла. Ушла бы, какъ есть, въ слободку, наняла бы повозку у мужика, да и уѣхала бы къ нему...

— Къ кому?—мертвѣя отъ ужаса, спросила Аглая.

— Не къ твому, не къ твому, не бойся! Къ чиновнику Суркову... Что глядишь? Нешто не знаешь? Милъ да любъ, такъ и будетъ мнѣ другъ, вотъ что... Любящихъ, барышня, и Богъ любитъ... А ужъ красавецъ-то какой!... Видѣхъ его, сатану, аки молнію, съ небесъ спадша, видѣхъ! да лобжетъ мя, яко опали меня солнце! — въ забытьи шептала безумная Лушенька: только нѣтъ! видно, онъ обидчикъ... Божился, лоботрясъ треклятый!... Какъ только, говоритъ, получу мѣсто въ конторѣ, такъ и пріѣду,

и тебя, говоритъ, Луша, возьму... Что-жъ ты, анаѳема, не ѣдешь? Что-жъ, иродова душа твоя, вѣсточки о себѣ не подаешь? Лучше со львомъ али съ тигромъ жить, чѣмъ съ совратителемъ души... Ахъ, смерть-тоска!... Тошнёхонько, барышня, тошнёхонько... Изныло сердце, истомили горючія слезы... И прости ты меня, сударыня, за мои глупыя слова, да за искушеніе... А не сказать про то, не облегчить души, такъ лучше камень на шею, да въ воду...

Лушенька, однако, не утопилась.

Въ теплую и тихую, полную душистой мглы, іюньскую ночь, она неожиданно для всѣхъ исчезла изъ монастыря. Чиновникъ ли сдержалъ слово и за нею тайкомъ наѣзжалъ изъ города; сама ли она, списавшись съ нимъ, сбѣжала къ нему,—только, не задолго до разсвѣта, въ оврагѣ по взгорью мелькнула какая-то тѣнь, по камнямъ подъ обительской горой чуть слышно прогремѣли чьи-то колеса и шибко прозвучали копыта рѣзвыхъ лошадей. Игуменьиной келейницы, Лушеньки, въ обители не стало.

На утро бросились ее искать. Весь монастырь поднялся на ноги. Шарили по кельямъ, сараямъ, въ церкви и въ окрестномъ лѣсу. «Вѣрно, провальемъ ушла!» рѣшили въ обители, найдя кухонную лѣстницу за садомъ у монастырской стѣны. Смятенію игуменьи не было предѣловъ. Но вскорѣ матери Измарагдѣ суждено было испытать новую бѣду.

Вслѣдъ за бѣгствомъ Лушеньки, въ городѣ, въ какомъ-то трактирѣ, вышла исторія съ двумя рясофорными прислужницами, ходившими неразлучно по градамъ и весямъ для сбора на обитель. Въ монастырѣ передавали шепотомъ, что ихъ накрыли—страхъ и сказать!—въ иноческомъ одѣяніи, въ винной гульбѣ съ гусарами... А черезъ мѣсяцъ, неизвѣстно куда, исчезла молчаливая и тихая Софьюшка, о перехваченной любовной перепискѣ которой, передъ тѣмъ, толковали цѣлые полгода и отсутствія которой, на первыхъ порахъ, болѣе сутокъ, даже и не замѣтили. Монастырскія прачки, спустясь къ рѣкѣ, полоскать бѣлье, нашли у берега ея всплывшее тѣло. Софьюшка утопилась... Вѣрно такъ на роду ужъ ей было написано: при прежней игуменьѣ случилось несчастье и съ ея матерью. Ту, вмѣстѣ съ другою монахиней, съ которою мать Софьюшки возвращалась съ поѣздки за сборами по добрымъ людямъ, какіе-то бродяги въ лѣсу ограбили и зарѣзали...

Всѣ эти случаи навели такой переполохъ и такую огласку на обитель, что власти ея растерялись. Сперва щеголиха мать-казначея, за-просто парой, въ телѣжкѣ, а потомъ и сама мать Измарагда, въ скромной кибитчонкѣ монастырскаго попа, ѣздили

въ губернскій городъ, гдѣ объяснялись и отписывались и, какъ было слышно, едва-едва успѣли отвратить отъ обители сильный гнѣвъ грознаго и неослабнаго во взысканіяхъ начальства. Даже въ газетахъ что-то печаталось объ этомъ монастырѣ. А секретарь консисторіи, на вопросъ своей жены: «Отчего ты, Игнаша, такъ долго держишь матушку Измарагду? Пора и честь знать! сколько она, сердечная, намъ перетаскала?» — отвѣтилъ: «Держу? ну, пусть еще Бога милосерднаго благодаритъ... Другой бы и паллій, и парамандъ, и клобучецъ съ нея, за эти всѣ дѣла-то, стянулъ бы...»

Слушая тревожные толки матери Асенефы и другихъ инокинь объ этихъ происшествіяхъ, Аглая старалась скорѣе забыть объ этомъ и думать о другомъ. И никогда, ни прежде, ни послѣ, такъ горячо и такъ долго она не молилась, какъ въ тѣ дни, когда обитель ходенемъ ходила отъ нежданныхъ, падавшихъ на нее золъ и бѣдъ.

Молилась...

Но развѣ это были тѣ, давнишнія, такъ освѣжавшія и такъ поднимавшія ея душу молитвы? Что́ выражали теперь онѣ для нее? Кладя несчетные земные поклоны, и по нѣскольку мгновеній не отрываясь отъ полу и лежа на немъ крестомъ, она старалась взывать къ Богу о терпѣніи, о силахъ и твердости въ поднятыхъ ею, отшельническихъ трудахъ, — а ей вспоминался *онъ*... онъ, далекій, несравненный, правдивый и когда-то ею такъ желанный...

Она вставала, выпрямлялась, устремляла испуганные, отчаянные взоры на ярко-горѣвшіе, въ богатомъ кіотѣ, лики святителей, — а оттуда, изъ серебра и золота, сквозь стекло, на нее смотрѣли *его* ласковые, просящіе любви и отвѣта глаза, рисовалось *его*, обрамленное темнорусой бородкой, загорѣлое и мужественное лицо... Она шептала канонъ святителю Антонію отъ навожденія нечистыхъ помысловъ, отъ искушеній сатаны,—а ей сами собой припоминались стихи поэта:

> «Святымъ захочетъ ли молиться,
> «А сердце молится ему».

Ему и ему... Аглая гнала отъ себя набѣгавшія, страстныя воспоминанія и соблазнительныя, щемившія душу картины минувшаго,—изнемогала, боролась, томилась. Она клялась отречься отъ жизни, отъ души своей, а въ травѣ кишѣли муравьи, букашки, въ воздухѣ стонъ и звонъ стояли отъ птичьихъ криковъ

и пчелъ. И никому, ни одной душѣ она не открывала своихъ помысловъ, въ гордомъ одиночествѣ молча и безропотно перенося непрестанныя, терзавшія ее муки. Въ безсонныя, темныя ночи, въ слезахъ и въ безумной, отчаянной тоскѣ, она ломала руки, зарывала голову въ подушки и, тихо восклицая: «искушеніе! искушеніе! Боже, отжени его отъ меня!» на нѣсколько мгновеній забывалась чуткимъ, тревожнымъ сномъ.

Неотвязчивыя, палившія душу, дорогія черты уходили далеко... Но опять, точно звукъ трубы, раздавалось въ ея ушахъ: «встань и смотри...» Она вставала, въ томленіи и въ бреду, раскрывала испуганные, лихорадочно-блуждавшіе глаза, устремляла ихъ въ темноту, и тѣ же страстныя грёзы, тѣ же обаятельно-жгучія мечты проносились передъ нею, волновали, мучили и чаровали ее...

Она припоминала имена угодниковъ Божьихъ, мученицъ Ѳиваиду и Евфразію, свое дѣтство, бабушку Сусанну, совѣты матери,—ничто не помогало... Закрывала глаза, но опять...

«Во мракѣ ночи—
«Передъ нею прямо онъ сверкалъ,
«Неотразимый, какъ кинжалъ...»

— «Попрошусь у игуменьи въ Парасковеевъ скитъ; наши собираются туда», говорила себѣ Аглая.—А между тѣмъ, чтобы хоть нѣсколько избавиться отъ неотступныхъ, мутившихъ ея голову помышленій, она давала себѣ слово, въ наказаніе и ободреніе себя, не пропускать ни одной церковной службы и ежедневно, безъ ропота, до изнеможенія силъ, выстаивала всѣ раннія и позднія обительскія служенія. При молитвенныхъ возгласахъ «о сущихъ въ морѣ и далече» она старалась вспоминать не Ветлугина, а какую-нибудь изъ монахинь, странствовавшихъ въ то время за сборами на монастырь. Наконецъ, въ этомъ же третьемъ году своего пребыванія въ монастырѣ, Аглая, кромѣ великаго поста, говѣла еще въ петровки и въ спасовки, и готовилась снова говѣть осенью, въ филипповки.

Старица Асенефа ума не могла приложить, откуда у этой худенькой, блѣдной и неподатливой на слова, ея сожительницы набиралось столько подвижническаго рвенія? «Коли капиталомъ немного отъ барышни Вечерѣевой поживится наша обитель, говорила о ней игуменьѣ Асенефа: такъ примѣромъ своимъ она наверстаетъ... Глядючи на нее, и другимъ, матушка, по неволѣ, завидно будетъ; молода и такъ угодна Богу...»

Измарагду, впрочемъ, это не очень утѣшало.

Прошло лѣто и наступила новая осень. Кончилась вторая недѣля филипповокъ.

Особенно усердно молясь, простояла эти недѣли Аглая передъ чтимою иконой Покрова, на правомъ клиросѣ, и уже собиралась, улучивъ время, сходить къ матери Измарагдѣ и, сотворивъ передъ нею уставной поклонъ, испросить у нея благословеніе на приступъ къ новому, добровольно принятому подвигу говѣнія. Съ началомъ осени, Аглая стала какъ-то бодрѣе, лучше спала и вообще чувствовала себя нѣсколько спокойнѣе и легче... *Онъ*... Да! къ радости ея,—онъ уже болѣе мѣсяца не вспоминался ей ни на яву, ни во снѣ. Взглядывая иной разъ въ зеркало, она нехотя разсматривала свое исхудалое, вытянувшееся и, казалось ей, окончательно некрасивое лицо, на сухіе и строгіе глаза и была рада, что она подурнѣла. «Ну, теперь, если бы онъ и увидалъ какъ-нибудь меня», думала она: «то навѣрное бы отвернулся...»

Было ясное, еще безснѣжное, съ легкимъ морозцемъ ноябрьское утро. Пробило шесть часовъ. Мать-казначея только-что возвратилась съ покупками изъ города. Инокини и бѣлицы, выйдя отъ заутрени, оживленною гурьбой окружали ея подводу и наперерывъ разспрашивали ее о городскихъ новостяхъ.

— А къ тебѣ, матушка Максимилла, да еще къ барышнѣ Вечерѣевой, письма изъ города, сказала мать-казначея: гдѣ-ста она? Барыня Фокина, что ли, къ ней пишетъ... сама отдала письмо...

— Да вонъ она, указывая на Аглаю, отвѣтила одна изъ бѣлицъ.

«Какъ я рада, какъ рада», подумала Аглая: «больше двухъ мѣсяцевъ Фросинька молчала... Какъ-то имъ живется?».

Она распечатала письмо и чуть его не выронила. Все спуталось и закружилось передъ Аглаей: мать-казначея, Варварушка, мать Асенефа и Максимилла, ярко освѣщенный уголъ церкви, келья игуменьи и лица прочихъ инокинь и бѣлицъ, стоявшихъ въ углу двора.

Боясь оглянуться, какъ бы кто не замѣтилъ быстрой перемѣны въ ея лицѣ, она выдержала себя, нѣсколько мгновеній молча постояла въ толпѣ, опустила письмо въ карманъ рясы и не слыша подъ собою ногъ, сперва тихо, а потомъ, за угломъ церкви, почти бѣгомъ пустилась въ свою келью.

«Рука не Фросиньки, не ея...» пронеслось въ помутившейся головѣ Аглаи: «его, безумнаго, рука! его!.. я узнала!..»

Она страшно испугалась и вмѣстѣ съ тѣмъ обрадовалась. Асенефы въ это время не было въ ея кельѣ. Ветхая старица

«стомàха ради», еще стояла вмѣстѣ съ другими, у подводы матери-казначеи, любуясь кузовками да кадочками, ящиками да корзинами, со всякою навезенною на потребу обители снѣдью. Аглая наскоро, дрожащими руками, накинула на крылечную дверь желѣзный крюкъ, обѣжала всѣ комнаты, удостовѣрилась, что дѣйствительно въ то время въ ея кельѣ не было ни души, вошла въ спальню, сбросила клобукъ и, ухватясь за сильно-забившееся сердце, сѣла на постель.

Нѣсколько мгновеній Аглая была недвижима. Взглянувъ на кіотъ, она снова раскрыла письмо, безъ остановки, жадно-бѣгавшими глазами прочла первыя строки, остановилась, перевела дыханіе и до конца прочла то самое письмо, которое не задолго передъ тѣмъ написалъ и переслалъ ей черезъ Фокину Ветлугинъ.

«Какъ!..» вскрикнула она, дочитавъ и опять, въ другой и въ третій разъ, принимаясь читать это письмо:—«онъ рѣшился, осмѣлился обратиться ко мнѣ съ такими укоризнами, ко мнѣ, его забывшей и навсегда отказавшейся отъ него? Какое разсчитанное, какое глубокое и недостойное его оскорбленіе!»

Аглая плакала, ломала руки, падала головой на столъ и въ отчаяніи повторяла: «Боже мой, Боже! да за что же такія испытанія? за что эта новая, нежданная казнь?»

Болѣе часа просидѣла въ слезахъ Аглая. Старица Асенефа не возвращалась. И ни къ кому, въ эти мгновенія, Аглая не чувствовала такой ненависти, какъ къ Ветлугину; и никто ей, въ это же время, не казался такъ дорогъ, какъ тотъ же, такъ безпощадно осуждавшій ее, Ветлугинъ...

«Гдѣ-то онъ теперь, укоряющій, ненаглядный, далекій?» склонясь головой на руки, размышляла Аглая: «и зачѣмъ я о немъ, безумная, думаю? Зачѣмъ вызываю въ памяти то, чтó было и давно прошло? О, какъ я порочна и сколько во мнѣ пагубной, грѣшной суеты! Онъ вспомнилъ меня, не забылъ... Боже! одинъ человѣкъ на свѣтѣ, одинъ меня полюбилъ и могъ спасти, и тотъ теперь отрекся отъ меня... Иначе и быть не могло... Такому человѣку, какъ онъ, любить и въ то же время не уважать невозможно...»

«Да, невозможно!» громко повторяла, вскакивая, Аглая: «но что же дѣлать? Писать ему отвѣтъ? но что писать? Что я ему, ничтожная, жалкая, скажу?..»

Съ пылающимъ взоромъ и съ похолодѣлыми, за спину заложенными руками, она то принималась ходить по комнатѣ, то сади-

лась къ окну, упорно глядѣла на гряды бѣлыхъ, недальнимъ снѣгомъ и зимой дышавшихъ облаковъ.—«Все кончено, все!» тихо повторяла она, окаменѣвшимъ взоромъ вглядываясь въ очертанія дворовыхъ тропинокъ: «неужели я никогда его болѣе не увижу? И что значатъ слова въ его приписке: ахъ, Аглая, Аглая!.. Что онъ хотѣлъ ими сказать?» Эти слова жгучимъ звономъ немолчно отдавались въ ея ушахъ.

Прежде, въ часы раздумья, замкнутая въ себя, Аглая хоть Лушеньку иной разъ по душѣ отъ тоски слушала. Теперь и той близъ нея не было... И не чаяла Аглая, не гадала, чтобы у ней стало силъ долѣе вынести то, что она теперь испытывала. Старалась она опять думать о дѣтствѣ, объ отцѣ, о первой живни въ скитѣ у бабушки Сусанны, о дружбѣ съ Фросинькой... Мысли не слушались ея... Онъ и онъ былъ одинъ теперь передъ ея глазами.

Такъ прошла недѣля и другая. Аглая рѣшилась вызвать Клочкова на откровенныя объясненія. «Ко мнѣ доходятъ невѣроятные, печальные слухи о моемъ отцѣ», написала она ему: «меня извѣщаютъ и о не совсѣмъ утѣшительномъ положеніи нашего имѣнія. Не откажите меня навѣстить и успокоить по поводу этого всего. До объясненій съ вами я воздержусь отъ мѣръ, которыя иначе должна бы принять». Написала Аглая и къ Фросинькѣ, съ которой въ послѣдніе мѣсяцы не переписывалась. Ни отъ Клочкова, ни отъ Фокиной отвѣта не было.

На дворѣ, между тѣмъ, стало дружно и безъ перерыва морозить. Въ воздухѣ, точно пухъ или бѣлые яблонные лепестки, замелькали первыя, лохматыя порошинки снѣга. Сильнѣе и сильнѣе, густымъ ворохомъ, посыпались они. Забѣлѣли крыши келлій. Забѣлѣли дворъ и садъ.

На утро нельзя уже было узнать ни красноглинистой, въ обрывахъ, монастырской горы, ни свѣтлыхъ, какъ зеркало, у ея подножія извивовъ рѣки, ни синихъ лѣсовъ, ни бѣлопесчаныхъ холмовъ, вправо и влѣво бѣгущихъ въ туманную даль. Воды замерзли.

Снѣжный саванъ покрылъ рѣку, горы, лѣса и луга. Еще день, сорвался и завылъ по горѣ и по низамъ вѣтеръ. Поднялась мятель, и злая вьюга запорошила, сугробами занесла послѣднія дороги и тропинки къ монастырю...

XXXV.

Первый лучъ.

Была особенно злая и долгая мятель. Думали, что ей и конца не будетъ. Но вотъ она затихла, погода прояснилась, и монастырская прислуга принялась за рытье проходовъ къ церкви и по всему обительскому двору. Аглая сидѣла подъ окномъ своей кельи и соображала, чтó ей дѣлать, такъ какъ ея сожительница, мать-Асенефа, и безъ того постоянно страдавшая одышкой, сходивъ на тоню подъ гору за рыбой, сильно простудилась и вторую недѣлю не вставала съ койки въ монастырской больницѣ.

На дворѣ темнѣло.

Подъ заунывный церковный колоколъ, по узенькимъ дорожкамъ, то здѣсь, то тамъ, мелькали черныя мантіи, шапочки и клобуки инокинь. Обитель собиралась къ вечерни. «Надо и мнѣ идти», подумала Аглая.

Въ это время, по прорытой въ снѣгу тропинкѣ, показалась отъ воротъ, съ котомкой за плечами и съ палкой въ рукахъ, преклонныхъ лѣтъ, худенькая женщина. Въ стоптанныхъ валенкахъ и въ старой шубейкѣ, она шла, поглядывая по сторонамъ и отъ холода, а также отъ сильной усталости, едва передвигала ногами.—«Вѣрно нищая; сестры отъ трапезной ко мнѣ послали», сказала себѣ Аглая и поспѣшила отпереть наружную дверь. Вошедшая поклонилась и, охая, откинула съ головы намерзшій платокъ.

— Кормилица, голубушка! вскрикнула Аглая, бросаясь на шею Егоровнѣ и осыпая ее поцѣлуями: вотъ не ожидала. Сюда, ко мнѣ, въ спальню. Раздѣвайся, садись. Ахъ, родненькая, милая! Какъ я рада!

Она засуетилась.

— Къ лежанкѣ, сюда. Вотъ и дрова. Растопимъ печку, наставимъ самоваръ. Постой: булка у меня есть, молоко, медъ... Не хочешь ли? Да садись же, разсказывай. Я и къ вечерни не пойду. Откуда ты? Какъ меня вспомнила и какъ доплелася? Ахъ, какъ я рада, рада...

— Какъ вспомнила! ты лучше, матушка, скажи, какъ забыла насъ?

— Ну, раздѣвайся, раздѣвайся.

Егоровна, покряхтывая, раздѣлась, перекрестилась на образъ, присѣла на знакомый ей съ дѣтства барышнинъ сундучокъ, и,

пока Аглая хлопотала съ закуской и съ чаемъ, принялась растапливать печь.

— Какъ доплелася! ужъ и подлинно Богъ по грѣхамъ терпитъ! говорила Егоровна, подсовывая поленья въ ярко-запылавшій огонекъ: ужъ и была-жъ непогода, рѣзала—жгла. Совсѣмъ, думала, не дойду. Охъ, ноженьки разломило, костоньки ноютъ... Спрашиваешь, откуда я? Лучше и не спрашивай. Не одной мнѣ, а и всѣмъ намъ теперь, вотъ какъ плохо. Некому насъ, барышня, пожалѣть и некуда намъ, сиротамъ, голову приклонить.

— Что слышно объ отцѣ? спросила Аглая.

— Была я, матушка, у него намедни. Люди направили. Думала о нашихъ нуждушкахъ сердечному доложить. Куда! совсѣмъ онъ жалкій. Никого, какъ есть, не узнаетъ и ничего, точно дитя малое, не смыслитъ. А ужъ въ какомъ забросѣ, да несмотрѣньѣ, такъ кажись, лучше бы ему сразу помереть, чѣмъ такъ-то жить...

Острые ножи отъ этихъ словъ вонзались въ сердце Аглаи. «Правъ Ветлугинъ», думала она: «и во всемъ этомъ я, одна я виновата. Бѣдный отецъ, бѣдный!»

— Скажи, кормилица, гдѣ ты теперь живешь? спросила Аглая.

— Гдѣ живу? По милости матушки твоей,—царство ей небесное,—хоть померъ мой мужъ, въ каменкѣ, какъ и прежде, до этой поры проживала. А нынче, противъ зимы, выгналъ меня треклятый, прости Господи, опекунъ.

— За что?

— Осерчалъ вишь ли, какъ я смѣла этого-то барина, коли помнишь,—Ветлугина, пускать въ усадьбу?

Аглая поблѣднѣла.

— Почемъ же опекунъ узналъ о его заѣздѣ къ намъ? не поднимая глазъ, спросила она кормилицу.

— Какъ ему не узнать! Да онъ, аспидова душа, подъ землей на три аршина наскрозь все видитъ. Не безъ того, и изъ крестьянъ можетъ кто съ дуру сболтнулъ, что съ этимъ же бариномъ видѣлись. Со свѣту, сказалъ опекунъ, сгоню, кто хоть слово отнынѣ пронесетъ къ господамъ.

— Ты же, кормилица, не грѣхъ ли тебѣ, ни разу ко мнѣ не навѣдалась?

— Была бы, матушка-барышня, какъ не быть! Мужъ хворалъ, померъ, дѣти тоже болѣли, умирали. Писала я къ тебѣ сколько разъ, да знать письма не доходили.

— Писала письма? Неужели? всплеснула руками Аглая.

— Вотъ-те Христосъ, не лгу.

Аглая задумалась. Многое стало ей теперь понятно. Новыя мысли и предположенія зароились въ ея головѣ.

— Ну, кормилица-голубушка, сказала она въ тотъ же вечеръ: вотъ мое рѣшеніе... Оставайся здѣсь; я тебя отсюда болѣе не отпущу.

— Какъ не пустишь? что ты!

— Тебѣ негдѣ жить; живи у меня.

— Да какъ же такъ? здѣсь святость, монастырь; нешто я черница?

— Ничего, милая. Не все святыя живутъ и въ монастырѣ.

— А дочку Пашутку куда же я дѣну?

— Гдѣ она теперь у тебя?

— У племянника, у Филата Иваныча, пристроила я ее пока до весны.

— У Филата? Да развѣ онъ не въ городѣ при отцѣ?

— Былъ при старомъ баринѣ, только и его давно выжилъ Клочковъ.

— Чѣмъ же занимается теперь Филатъ?

— На чугункѣ лѣтось буфетъ держалъ съ товарищемъ, да проторговались; а ныньче постоялый снялъ въ Крючкахъ.

— Это недалеко отъ насъ?

— Именно такъ. До чугунки тамъ, коли помнишь, станція была почтовая.

Чуть не всю ночь на пролетъ проговорила Аглая съ Егоровной. А на утро она, неспѣша, одѣлась, выстояла раннее служеніе, пошла къ игуменьѣ и, поклонясь ей, объявила свою просьбу и желаніе, чтобы, впредь до выздоровленія матери Асенефы, съ ней благословили и дозволили жить ея кормилицѣ. Мать Измарагда сперва было озадачилась. Сѣрые ясные глаза ея сверкнули досадой и гнѣвомъ, что такъ или иначе обходили ея виды на будущее. Она собралась уже дать сильный и стойкій отпоръ. Но въ сдвинутыхъ бровяхъ и въ потупленныхъ взорахъ Аглаи Измарагда прочла такую нежданную рѣшимость и твердость, что, помолчавъ, объявила ей полное свое согласіе. А тутъ встрѣтилось еще обстоятельство. У Асенефы вскорѣ обозначились признаки воспаленія легкихъ. Она протянула недѣли двѣ и скончалась. Послѣ ея похоронъ, Аглая выпросила у игуменьи позволеніе взять къ себѣ и дочь кормилицы, Пашу.

— Зачѣмъ она тебѣ? спросила Измарагда.

— Буду учить ее грамотѣ; и мать не станетъ скучать.

Передъ рождественскими святками Егоровна наняла подводу, чтобъ ѣхать къ племяннику за своими вещами и за дочкой.

— Ахъ, я и забыла, родненькая, сказать тебѣ еще слово, обратилась къ ней при прощаньи Аглая.

— Чтó, лапушка-сударыня? приказывай.

— Если окажется мѣсто у тебя на саняхъ, не забудь поискать въ домѣ и привезти ящикъ съ бѣльемъ покойницы матушки. Какъ умерла она, я тебѣ же его переслала.

— Помню, помню,—въ кладовой стоитъ. На что тебѣ это бѣлье?

— Дѣтямъ Фросиньки за зиму перешьемъ; пусть носятъ.

— И вправду. Только какъ-бы опекунъ не увидѣлъ, да шеи мнѣ не накостылялъ.

— Скажи, что я приказала. Да вотъ тебѣ на всякій случай и записка къ прикащику.

Желаніе Аглаи было исполнено.

Кормилица дня черезъ два привезла свои вещи и дочку, а съ ними и увѣсистый, наглухо заколоченный ящикъ. На вопросъ монахинь: что это?—она отвѣтила: барышнино бѣлье. Когда ящикъ внесли въ келью Аглаи и Егоровна, управясь, его вскрыла, въ немъ оказались книги...

— Что это? спросила озадаченная Аглая.

— Ахъ я, глупая, ахъ я курья слѣпота! причитывала Егоровна: и гдѣ глаза мои были? Опекунъ, знать, велѣлъ выкинуть безъ меня питерски книги, чтó въ домѣ эти годы стояли. А я ихъ замѣсть бѣлья, прости, на санки-то и свалила...

— Какія питерскія книги? спросила Аглая.

— Ну, что для стараго барина этотъ же Ветлугинъ, что ли, тогда выписалъ. Племянникъ пріѣдетъ, отошлемъ назадъ.

— Нѣтъ, вспыхнувъ, рѣшила Аглая: не надо ихъ отсылать, пусть здѣсь останутся. Я можетъ что-нибудь... отъ скуки... изъ нихъ почитаю.

— Что ты, что ты! замахала на нее рукой Егоровна: еще игуменья увидитъ, осерчаетъ.

— Спрашивать игуменьи на это я не стану! сама знаю, чтó буду читать! гордо качнувъ головой, отвѣтила Аглая: я не безголовая какая, а отцовскія книги не ересь.

«Да! вонъ она кровь Вечерѣевыхъ!» радостно подумала Егоровна, глядя на свою барышню: «ишь губу-то вздула! Даромъ что клобучекъ на волосахъ, не всякому смерду наступить на ногу позволитъ...»

Такъ какъ Егоровна съ Пашей и за барышней своей и за

ея кельӗй стала смотрѣть, то Аглая вскорѣ объявила игуменьѣ, что ей особой монастырской прислужницы не нужно. Мать Измарагда подумала: «Кума пѣша, куму легче», и охотно согласилась на новую просьбу Аглаи.

Въ свободные отъ службъ и отъ посѣщенія общей рукодѣльной часы, Аглая теперь не скучала. У нея было два занятія: она учила Пашу грамотѣ и читала привезенныя книги. Сперва это чтеніе шло урывками. А потомъ Аглая его почти уже не покидала. Заперевъ наружную дверь на засовъ, она садила Егоровну или Пашу на-сторожѣ, а сама брала какую-либо изъ книгъ и читала-читала до изнеможенія силъ. Иной разъ утро заставало ее за чтеніемъ. Бо́льшую часть выписанныхъ когда-то по совѣту Ветлугина книгъ она прочла одну за другой, и новый міръ незамѣтно сталъ открываться передъ ней. Особенно поразили ее переводы нѣкоторыхъ изъ драмъ Шекспира, «Исповѣдь» Руссо и «Донъ-Жуанъ» Байрона.

Послѣдняя поэма взволновала и совершенно поглотила Аглаю. Мѣсто, гдѣ Донъ-Жуанъ, переодѣтый въ женское платье, по волѣ Гюльбеи, попадаетъ въ гаремъ, до того ее увлекло, что она спать не могла. Ей слышались слова султанши: «О, чужестранецъ, зналъ ли ты любовь»?—Сцена Донъ-Жуана съ Дуду́ бросила ее въ жаръ и холодъ. «Въ гаремѣ ночь, лампады стали гаснуть,— и вдругъ Дуду́ въ постели закричала...» — Аглая захлопнула книгу, въ страхѣ задула свѣчу и до зари, не сомкнувъ глазъ, лежала какъ въ лихорадкѣ.

Она и Егоровнѣ читала вслухъ нѣкоторыя изъ книгъ.

— И это все было? спрашивала кормилица Аглаю, когда та поясняла ей содержаніе прочитаннаго.

— Было, голубушка-кормилица, было! обнимая и цѣлуя Егоровну, отвѣчала Аглая: ты не понимаешь!

— Да гдѣ-жъ именно было? въ какомъ царствѣ-государствѣ?

— На свѣтѣ, кормилица, тамъ, гдѣ настоящая жизнь и гдѣ намъ съ тобою, видно, никогда уже не бывать...

— Ну, красавица, это ты напрасно! Мало ли чего не бываетъ! Нешто ты въ кабалу имъ себя отдала, али некому за тебя и заступиться? Напиши къ барынѣ Фокиной, ли къ отцу Адріяну, ли меня къ нимъ пошли: духомъ все обдѣлаемъ.

— Никого я просить не стану и никто мнѣ не указъ! Одна совѣсть людямъ законъ... И противъ совѣсти я во вѣки не пойду, что́ бы со мною ни сталось.

Дни шли за днями.

Вплоть до великаго поста, Аглая не отрывалась отъ приве-

зенныхъ книгъ. Великія созданія геніевъ продолжали ее потрясать до глубины души. Лишая ее спокойствія, пищи и сна, они какъ-бы твердили ей въ уши: «Да что же съ тобой? Или ты не сознаёшь, не видишь, куда ты попала? Вѣдь ты заживо погребена, на цѣпь прикована и замурована въ стѣнѣ... Взгляни вокругъ себя: за этою стѣной люди живутъ, съ ихъ скорбями и радостями, съ ихъ нуждами, тревогами и борьбой за жизнь, за счастье. И во всемъ—даже въ этихъ тревогахъ и въ этой борьбѣ—для нихъ отрада, такъ какъ все это—кровь отъ ихъ крови и плоть отъ плоти ихъ. А въ чемъ твоя жизнь? И гдѣ твое счастье? Было ли оно когда-нибудь и возвратится ли вновь? Кто его скосилъ, растопталъ и развѣялъ по вѣтру, какъ прахъ? Опомнись... Онъ говорилъ тебѣ: жизнь—трудный подвигъ, но подвигъ—во имя близкихъ намъ, рука объ руку съ ними, а не вдали отъ нихъ... Брось же свою преждевременную могилу, становись въ ряды бойцовъ за жизнь, за правду и добро...» — «Ахъ, Аглая, Аглая!» днемъ и ночью звучали ей слова приписки Ветлугина.

Она падала на постель, по цѣлымъ часамъ не отрывая отъ подушки лица. Садилась къ окну, пристальнымъ взоромъ вглядывалась въ прорытыя въ сугробахъ дорожки, и думала-думала, не мелькнетъ ли изъ-за монастырской стѣны *тотъ*, кого она столько лѣтъ не видѣла?.. Гдѣ семейныя радости, жизнь вдвоемъ? Гдѣ пріютъ тихаго счастья и любви?..

Дорожки были пусты... Что ни день, ихъ заносило новыми бурями и мятелями, да въ урочные часы, точно могильныя тѣни, по нимъ мелькали черныя мантіи, шапочки и клобуки шедшихъ къ церкви и изъ церкви инокинь.

Однажды,—это было въ концѣ марта,—Аглая, послѣ тревожной и полной раздумья, безсонной ночи, встала до зари.

Не будя кормилицы, она умылась, одѣлась, помолилась, написала какое-то письмо, и со свѣчой подошла къ постели Егоровны.

— Ты не спишь? тихо и особенно ласково спросила она.

— Давно, ласточка моя, не сплю. Давно думаю, на твою-то глядючи суету... Что съ тобой? Или опять забрала тоска? Или ты, соколикъ, разнемоглася?

— Вотъ что, милая,—глядя на свѣчу и стараясь быть какъ можно спокойнѣе, начала Аглая: надо всему этому положить конецъ.

Егоровна привстала.

Странный блескъ глазъ и озабоченность блѣднаго, измученнаго безсонницей лица Аглаи удивили ее.

— Что же ты, родная, думаешь дѣлать? приказывай! вскидывая на плечи платокъ и моргая недоумѣвающими глазами, сказала кормилица.

— Вотъ что, по прежнему глядя на свѣчу, твердымъ голосомъ отвѣтила Аглая: сегодня же, послѣ заутрени, я обо всемъ постараюсь переговорить съ матушкой-игуменьей... Ты же, кормилица, найми подводу и поѣзжай вотъ съ этимъ моимъ письмомъ въ Дубки. Если приказщикъ не дастъ тебѣ по моей просьбѣ денегъ, то вотъ возьми это (Аглая сняла съ шеи небольшой, обдѣланный алмазами, крестикъ) — поѣзжай къ Фокинымъ... Это благословеніе отца. Заложи его... Ну, словомъ, достань денегъ и пріѣзжай сюда съ Филатомъ. Скажи ему, что онъ мнѣ нуженъ. Я съ нимъ хочу навѣстить отца, а можетъ быть, проѣду и въ Дубки.

— Все будетъ, матушка барышня, исполнено. Душу за тебя отдадимъ! не помня себя отъ радости, отвѣтила Егоровна.

Аглая объяснилась съ Измарагдой. Та ей не противорѣчила. «Вѣрно, одумалась, разсуждала игуменья: о деньгахъ ѣдетъ хлопотать.»

Черезъ недѣлю настала дружная оттепель. Снѣгъ еще не вездѣ растаялъ, но холмы и поля кое-гдѣ уже обнажились, рѣка посинѣла и вздулась. Лѣса изъ черныхъ стали сизые.

Было туманное, теплое утро.

У крыльца кельи Аглаи стояла, запряженная четверней, старая деревенская карета. Филатъ, въ барашковой шапкѣ, въ чуйкѣ и въ высокихъ поверхъ брюкъ сапогахъ, суетился, таская на плечахъ и прилаживая чемоданы и всякіе узлы. На запяткахъ возсѣдала, въ новыхъ котахъ, обверченная платками, Паша. Двѣ-три монахини у подъѣзда разговаривали съ выбившеюся изъ силъ и также носившею разныя укладки, Егоровной. Аглаи здѣсь не было. Она сидѣла на чаѣ у игуменьи.

— Что же, Аглая Кириловна, на долго ли думаешь насъ покинуть? ласково и вѣжливо спросила мать Измарагда, опрокидывая на блюдечко большую, съ изображеніемъ Аѳонской горы, чашку и съ нѣкоторой тревогой поглядывая на опустившую глаза и спокойно сидѣвшую передъ нею Аглаю.

— Какъ вамъ сказать, матушка?.. Навѣщу отца; переговорю съ нимъ и съ докторами; съѣзжу въ деревню, потолкую съ приказщикомъ о дѣлахъ.

— Вотъ какъ! и о дѣлахъ? Что же, сударыня; дѣловъ зем-

ныхъ никогда не слѣдъ вовсе бросать. Пришельцы и переселенцы въ свѣтѣ есмы... Только, мать моя, не лишнее ли это тебѣ? Что о мірѣ великіе учители пишутъ? Ефремъ Сиринъ, Максимъ исповѣдникъ, Авва Дорофей и иные? Ты еще, смотри, какъ молода!.. Не все примѣтишь. Жизнь, сказано въ писаніяхъ, — море страстное, студъ и идолослуженіе... Еще обмануть... А у васъ, при томъ, есть и опекунъ... Его же какъ обойдешь?

— Предводитель пишетъ, что этотъ опекунъ сколько мѣсяцевъ въ безвѣстной отлучкѣ по собственнымъ дѣламъ; а потому и предлагаетъ мнѣ подать прошеніе о назначеніи другого опекуна...

Не ожидавшая такой новости, игуменья измѣнилась въ лицѣ, но удержала свое спокойствіе.

— Вотъ какъ! я про то не слышала! сказала игуменья: когда же ты получила отъ предводителя это письмо? продолжала она, тихо перебирая чотки.

— На-дняхъ.

— А мнѣ и не сообщила?

Аглая на это ничего не отвѣтила. Игуменья продолжала:

— Ну, какъ же ты думаешь съ этимъ теперь быть? на что рѣшаешься? Заранѣе скажу: опека, да и всякія дѣла, вещь не шуточная... Берегись лести людской. Берегись сплетеній міра. Какъ хочешь, а судьба отца! ты уже не ребенокъ... Да и имѣніе у васъ, скажу тебѣ прямо, большое... Первое—не совѣтую, зря, всякому вѣрить. А второе: скорѣе возвращайся и обо всемъ мнѣ сообщи... Я дамъ тебѣ тогда совѣтъ... Такъ ли?

— Что же, матушка, заранѣе говорить? отвѣтила Аглая: посмотрю, съ знающими людьми потолкую, подумаю; дѣло само и укажетъ, какъ быть. Черезъ недѣлю-другую, надѣюсь воротиться къ вамъ...

— Знающіе люди! гордость одна! судорожно одергивая воскрылія камилавки, сказала Измарагда: злохудожники! бѣсовская суета... А, впрочемъ, поѣзжай!.. Ты уже не ребенокъ... Мать пресвятая Богородица тебѣ попутчицей! Да озаритъ она тебя, свѣтоносная, свыше...

Принявъ благословеніе игуменьи, Аглая сотворила передъ нею уставный поклонъ, простилась и вышла. Не садясь въ карету, она сходила на обительское кладбище, помолилась на могилѣ матери, еще разъ, какъ-бы зачѣмъ забытымъ, возвратилась въ опустѣлыя, съ занавѣшенными окнами и задернутымъ кіотомъ, комнаты и сѣла съ Егоровной въ карету. Низко кланялись ей высыпавшія на крыльца и къ окнамъ инокини и бѣлицы. Веселой Варварушки только не было видно. Осиротѣвъ со смертью

Асенефы, она долго тосковала, плакала и выпросилась у игуменьи, съ другой монахиней постарше, въ сборщицы на обитель.

Аглая въ тотъ же день, еще засвѣтло, пріѣхала въ уѣздный городъ и, не входя на постоялый, отправилась къ отцу. Къ величайшему ея огорченію, старикъ не только по прежнему ее не узналъ, но даже принялъ ее еще съ бо́льшимъ неудовольствіемъ и даже враждебно. Онъ закричалъ на нее: «Оставь меня, оставь! мы садовники!..» Когда-жъ Аглая вздумала поцѣловать у него руку, онъ дико посмотрѣлъ на нее, спрятался за шкафъ и съ крикомъ: «Монашка, черничка! чернохвостница!.. въ монастырь иди! дорожка скатертью»!—скрылся за дверями...

Больше недѣли провела Аглая въ городѣ. Положеніе, въ которомъ она застала отца, дѣйствительно ее ужаснуло. Долго она толковала съ медикомъ, съ предводителемъ и другими властями; списалась и свидѣлась съ Фокиной; на счетъ же сдачи опеки другому попросила пріостановиться. — Съ шибко-забившимся отъ разныхъ ощущеній сердцемъ, въѣхала она наконецъ въ ворота запустѣлой усадьбы Дубковъ.

Двѣ комнаты въ домѣ, — спальня матери и библіотека,— были для нея Филатомъ заблаговременно очищены и протоплены. Новый прикащикъ, выписанный Аглаей по выбору и по совѣту Фокиныхъ, принялъ имѣніе также еще до пріѣзда Аглаи. Она вошла въ домъ. Не раздѣваясь, прошлась по всѣмъ комнатамъ, выслушала соображенія прикащика объ имѣніи, отдала нѣсколько, нетерпящихъ отлагательства, приказаній и пошла къ священнику. Тамъ она пила чай. Передъ вечеромъ съ отцомъ Адріаномъ посѣтила нѣкоторыхъ изъ знакомыхъ ей крестьянъ, разспрашивала о ихъ надобностяхъ, записывала имена болѣе нуждающихся и больныхъ, а по пути осмотрѣла садъ. Стало уже темнѣть, когда Филатъ ей доложилъ, что подано кушанье. За обѣдомъ она почти ни къ чему не касалась; спать легла рано.

— Не нужно ли тебѣ чего? можетъ, поужинала бы? спрашивала ее, располагаясь рядомъ съ ея комнатой и гордая новымъ своимъ назначеніемъ при барышнѣ, Егоровна.

— Нѣтъ, милая, ничего болѣе мнѣ не нужно, — съ своей давно немятой деревенской постели, изъ темноты отвѣтила Аглая: разбуди меня пораньше. А теперь, голубушка-кормилица, мнѣ такъ хорошо, такъ хорошо... будто я вновь на свѣтъ народилась...

На утро отецъ Адріанъ, съ намоченной квасомъ косичкой

и съ утиральникомъ въ рукахъ, только-что умылся, вышелъ по обычаю на крыльцо, взглянулъ на выгонъ, на церковь, на рѣку и на еще безлистый, тонувшій въ бѣломъ туманѣ, вечерѣевскій садъ,—и подумалъ: «Ну, дай же ей, Господи Боже, силы! дай, чтобъ она, аки лучъ солнца, пробудила и оживила эти ей родныя мѣста... Суета суетъ! Изъ чего люди бѣгаютъ отъ своего счастья?...»

Отецъ Адріанъ перекрестился, еще постоялъ и поглядѣлъ вокругъ себя. Онъ уже хотѣлъ идти обратно въ сѣни, какъ со стороны сада послышалось нѣсколько голосовъ. Точно кто-нибудь охотился съ гонцами, или людное общество шло вдоль рѣки... «Вѣрно гости у Аглаи Кириловны!» подумалъ священникъ; но, прислушавшись къ голосамъ, самъ себѣ сказалъ: «Нѣтъ, не гости... Вонъ Ѳедькинъ голосъ, Апронькинъ... Парамошка Кочетъ имъ откликается... Чтó за притча»?

Отецъ Адріанъ нáскоро накинулъ теплую рясу, взялъ шляпу и трость и, шлепая калошами по непросохшей еще землѣ, отправился къ саду. Канава опросталась отъ воды, и онъ черезъ нее перелѣзъ. Но не прошелъ священникъ и сотни шаговъ, какъ вправо и влѣво между деревьями, съ заступами, лопатами и метлами, увидѣлъ десятка два-три вечерѣевскихъ крестьянъ. Священникъ остановился. «Чтó это они»? разсуждалъ онъ, глядя издали.

Одни изъ крестьянъ расчищали заглохшія дорожки, другіе на лужайкахъ и полянахъ рубили не къ мѣсту выросшій молодникъ, третьи вывозили на тачкахъ и на телѣгахъ сгребаемый въ кучи валежникъ, сухія листья и всякій соръ. — «Насилу-то дождались мы нашей ласточки отлетной, нашей голубушки!» заговорили крестьяне, увидѣвъ священника: «вотъ ужъ, батюшка, праздникъ! вотъ обнова, спаси ее Господь»!

Отецъ Адріанъ степенно и ласково побесѣдовалъ съ крестьянами, даже заступъ бралъ и лѣнивому Парамошкѣ Кочету показывалъ, какъ слѣдуетъ работать. Потомъ онъ направился къ бесѣдкѣ, къ теплицамъ и въ паркъ. Вездѣ кипѣла усиленная работа...

А солнце поднималось выше и выше, и парило сквозь туманъ и росу, чуть не по-лѣтнему, сыпало яркими лучами. Къ обѣду Филатъ въ фартукѣ и безъ сюртука, стуча молоткомъ, раскрылъ балконныя двери, а къ вечеру выставилъ и настежъ распахнулъ въ домѣ всѣ окна. Отецъ Адріанъ издали видѣлъ, какъ хлопотала и распоряжалась Аглая, какъ она переходила изъ одной провѣтриваемой комнаты въ другую, появлялась съ

Егоровной и съ Филатомъ то на балконѣ, то у раскрытыхъ оконъ. «Пусть ее хлопочетъ; хорошее дѣло она затѣяла; не буду ей мѣшать»! думалъ, прогуливаясь по саду и скусывая съ вѣтвей душистыя липкія почки, священникъ: «шутка ли, отецъ какъ боленъ! кому же, какъ не ей, и позаботиться о его добрѣ»?

Не прошло двухъ недѣль, вечерѣевской усадьбы нельзя было и узнать.

XXXVI.

Пробужденіе.

Домъ былъ оправленъ и подновленъ. Садъ также вскорѣ пришелъ въ прежній видъ.

Благодаря наставшему теплу, Филатъ закупилъ и навезъ изъ сосѣднихъ владѣльческихъ теплицъ цѣлые возы экзотическихъ цвѣтовъ и кустарниковъ. Балконъ, при помощи Егоровны, убрала сама Аглая. Сюда, подъ парусинный навѣсъ, былъ принесенъ тотъ самый плетеный диванчикъ, на которомъ когда-то такъ любилъ посиживать Кирило Григорьичъ. А пока все это устраивалось, Аглая не знала покоя. Она за всѣмъ слѣдила, всѣмъ руководила и была впереди во всей этой суетѣ, litзнѣ и общихъ хлопотахъ, въ домѣ и въ саду. Слова письма Ветлугина: «Ахъ, Аглая, Аглая»! преслѣдовали ее и здѣсь.

А весна съ каждымъ днемъ становилась ближе и ближе.

Давно прошумѣли первые снѣговые ручьи. Рѣка вскрылась, вышла изъ береговъ и далеко затопила прибрежныя нивы и луга. Бѣлыя, ноздреватыя льдины, съ кучами зимняго сора, оторванными мостовинами и съ громко-каркающими грачами и галками, неслись по бурнымъ ликующимъ водамъ. Воздухъ былъ пропитанъ яркимъ раздражающимъ блескомъ солнца, журчаніемъ и грохотомъ бѣгущихъ по скатамъ и въ оврагахъ ручьевъ. Стало просыхать.

Обнаженныя отъ снѣга и воды поля подернулись первою красноватою травкой. Поднимая слой истлѣвшихъ листьевъ, вытянулись головки первыхъ цвѣтовъ. Потянулись стаи перелетныхъ птицъ. Отозвались жаворонки. Цапля мѣрнымъ шагомъ, высматривая играющую голубыми спинами рѣзвую рыбу, пошла по берегу рѣки. Щелкнулъ въ безлистомъ еще вишенникѣ первый соловей. За нимъ другой и третій. Солнце, воды и соловьи будто отзывались на мысли Аглаи, будто также кричали ей: «Ахъ, Аглая, Аглая»!..

За дружными теплыми днями настали теплыя, безъ вѣтра и заморозковъ ночи. Полная луна плыла въ свѣтозарной вышинѣ.

Аглаѣ давно была пора возвратиться въ монастырь. Но она медлила. Ей не хотѣлось разставаться съ этими, столько отрады напоминавшими ей, мѣстами. Здѣсь, въ этомъ воздухѣ и на этомъ просторѣ, царило когда-то ея счастье. Радужныя грёзы о немъ носились за Аглаей, манили ее, порхали у ея изголовья.

Въ комнатахъ все, до послѣдней вещицы, было разставлено на прежнихъ мѣстахъ. Въ кабинетѣ Кирилы Григорьича всѣ бумаги, книги и бездѣлушки были разложены такъ, какъ онѣ всегда здѣсь прежде лежали.

— Все кончено, все привела я въ порядокъ! — послѣ долгихъ хлопотъ, сказала Филату Аглая: теперь пора бы ужъ мнѣ отправляться и обратно.

— Эхъ, барышня, барышня! вздохнулъ на это Филатъ: давно собирался я вамъ доложить, да не смѣлъ.

— Чтó, Филатушка? говори.

— А то, барышня, что ужъ лучше бы вы и совсѣмъ отъ насъ не уѣзжали. Эхъ, милая вы наша, золотая! Бросьте-ка монастырь. Изъ-за чего вамъ тамъ жить? Помолились бы цѣлителю Пантелеймону... Знаете ли, покойный-то дѣдъ Лукашка?..

— Чтó же онъ?

— Передъ смертью,—царство ему небесное,—совсѣмъ онъ какъ малый ребенокъ сталъ, — у Апроньки-пастуха за дѣтьми смотрѣлъ, да какъ заснулъ въ саду у него подъ яблонью, такъ и не просыпался... Онъ совѣтывалъ: у кого, говоритъ, душа болитъ, молебенъ святому Пантелеймону слѣдуетъ отправить. Я какъ проторговался на буфетѣ при чугункѣ, помолился цѣлителю,—съ той самой минуты ни въ ротъ-съ.

— Такъ что же ты хотѣлъ сказать?

— Да все насчетъ вашего тятеньки. Помолились бы вы, не спасетъ ли Господь тятеньки? не признàетъ ли онъ васъ?

— Спасибо за совѣтъ. Я вотъ чтó рѣшила. Послѣ завтра, или нѣтъ,—не успѣю... Ну, дня черезъ три-четыре,—надо тутъ еще кое-что по хозяйству уладить съ прикащикомъ. Такъ я сперва поѣду въ монастырь. Надо туда навѣдаться. Тамъ, я думаю, ждутъ меня и, ужъ Богъ знаетъ, чего только обо мнѣ не наплели... А потомъ...

— Эхъ, барышня! да вамъ-то что до черницъ! — нахмуривъ кустоватыя брови, даже рукой махнулъ Филатъ: приняли имѣніе; принимайте, сударыня, и всѣ дѣла. Кажется, вотъ бы какъ всѣ

мы вамъ служили... Скажите только, я и всѣ остальныя вещи ваши оттуда перевезу...

— Нельзя, голубчикъ Филатъ, нельзя... Что ты! Боже меня сохрани и помилуй объ этомъ и думать... А ты лучше слушай, что я скажу. Я въ коляскѣ поѣду въ монастырь, а ты отправляйся къ папенькѣ. Возьми на всякій случай карету. Отвезешь мое письмо къ доктору и съ нимъ обо всемъ переговори. Передай ему, голубчикъ, мою просьбу—отпустить папеньку сюда хоть на недѣльку. Не все ли одно отцу жить подъ охраною здѣсь, что и въ городѣ? Приговори себѣ на случай въ помощь фельдшера. И какъ только докторъ позволитъ, готовься привезти папеньку сюда. Напишешь мнѣ, и я его здѣсь встрѣчу... Тутъ воздухъ, просторъ и всякія удобства... Онъ же, бѣдненькій, хоть и не помнитъ себя, а все-таки, Филатъ, — ну, понимаешь... дома! понимаешь? въ своемъ родномъ гнѣздѣ! Это не то, что на чужихъ рукахъ... А мы, скажи доктору, все приготовимъ папенькѣ, все... чтобъ онъ положился на насъ и не безпокоился...

Слезы не дали Аглаѣ говорить.

— Все, сударыня, сдѣлаемъ... Какъ намъ не понимать! исполнено будетъ все и въ акуратъ-съ! отвѣтилъ Филатъ.

Но и у него опять зашевелились брови и, дрогнувъ, нѣсколько на бокъ скривилась нижняя губа. Онъ сердито, будто грозя кому, глянулъ въ уголъ гостиной, гдѣ на ручкѣ кресла лежало кѣмъ-то забытое чайное полотенцо, и, громко покашливая и смаргивая непрошенныя слезы, странно пискливо сказалъ: «въ акуратъ-съ! это какъ же можно!»—еще покопался надъ чѣмъ-то и съ форсомъ быстро вышелъ въ садъ.

Филатъ шелъ и самъ не зналъ, куда и зачѣмъ идетъ. Онъ одергивалъ сертукъ, размахивалъ руками и что-то угрюмо и рѣшительно обдумывалъ.

Аглая уѣхала въ монастырь не черезъ два дня, а еще черезъ двѣ недѣли. Силъ у нея не хватало ранѣе разстаться съ роднымъ угломъ. Да и разныя новыя хлопоты по имѣнію, отрѣзка крестьянамъ полей и луговъ, задержали ее. Во многомъ ей помогалъ совѣтами отецъ Адріанъ. Въ день отъѣзда Аглаи, Филатъ съ ея письмомъ отправился въ городъ къ уѣздному врачу, Милунчикову второму, который три года назадъ, благодаря проискамъ Клочкова, чуть-было не пострадалъ за мнимыя сношенія съ эмиграціей. Онъ охотно согласился выполнить просьбу Аглаи, далъ всѣ необходимыя наставленія Филату и прибавилъ, что, по его

мнѣнію, такая прогулка Кирилы Григорьича въ деревню и нѣкоторый отдыхъ на просторѣ и свѣжемъ весеннемъ воздухѣ не только не повредятъ здоровью больного, но могутъ въ будущемъ принести ему немалую пользу.

Былъ поздній въ первыхъ числахъ мая вечеръ. Карета, на козлахъ которой возсѣдали фельдшеръ и озабоченный, до глубины души взволнованный Филатъ, подвезла Кирилу Григорьевича къ деревенскому, столько лѣтъ сиротѣвшему безъ него дому.

Вечерѣевъ не только при выѣздѣ изъ города, но и всю дорогу, сверхъ обыкновенія, былъ совершенно спокоенъ и тихъ. Онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на то, зачѣмъ его пріодѣли, зачѣмъ вывезли изъ городской, такъ примелькавшейся ему квартиры, для какой надобности усадили въ карету и куда повезли? Онъ озабоченно только пошарилъ у себя въ карманахъ, съ нимъ ли его сигарочница, молча взялъ лубочный сборникъ пѣсенъ, который онъ ежедневно, въ теченіе этихъ лѣтъ, держалъ въ рукахъ, дѣлая видъ, что читаетъ. Онъ и теперь, усѣвшись въ уголъ кареты, вперилъ пристальный взоръ въ раскрытый вверхъ ногами пѣсенникъ, и такъ сидѣлъ вплоть до деревни, лишь изрѣдка сердито взглядывая то на спину дремавшаго на козлахъ фельдшера, то въ окна—на зеленѣющіе холмы и поля.

Кирилу Григорьевича бережно высадили изъ кареты, ввели въ переднюю и помогли ему дойти до кабинета. Здѣсь его умыли, накормили ужиномъ, раздѣли и уложили въ постель. Прикащикъ и кое-кто изъ прежнихъ дворовыхъ, съ любопытствомъ и жалостью, заглядывали на больного. Фельдшеръ посовѣтовалъ Филату лечь спать у двери кабинета, а самъ ушелъ ужинать и ночевать къ прикащику. Здѣсь было рѣшено утромъ пораньше съ нарочнымъ извѣстить Аглаю Кирилловну о благополучномъ прибытіи ея родителя. И если бы ей самой теперь же нельзя было пожаловать, то спросить, какъ имъ быть далѣе, такъ какъ баринъ прибылъ въ деревню ранѣе ея.

Филатъ постлалъ у порога кабинета свою чуйку, помолился вслухъ, легъ и свернулся калачомъ. Но онъ долго не спалъ, прислушиваясь въ потемкахъ, не будетъ ли о чемъ говорить во снѣ баринъ. Баринъ, однако, какъ легъ, разъ только тихо прошепталъ: «О, Боже, Господи Боже»! вздохнулъ, повернулся къ стѣнѣ и крѣпко заснулъ.

Солнце давно взошло, а Кирило Григорьичъ все еще спалъ. Наконецъ, уже въ десятомъ часу, онъ очнулся, раскрылъ глаза и долго неподвижно лежалъ, глядя по сторонамъ и какъ-бы

соображая, гдѣ онъ? и неужели онъ опять въ своемъ старомъ деревенскомъ гнѣздѣ?

Да, кажется, онъ снова у себя дома...

Два знакомыхъ окна полузакрыты красными шелковыми занавѣсками. Солнечные лучи, дробясь по кресламъ, письменному столу и дивану, освѣщають зеленый, съ желтыми и синими разводами, коверъ. На каминѣ, держа другъ друга за руки, стоятъ знакомые гипсовые Шиллеръ и Гёте, и на второмъ изъ нихъ, точно со вчерашняго дня, накинута бѣлая вязаная ермолка. На стѣнѣ Наполеонъ, на конѣ, подъ Ватерлоо. На стулѣ у кровати сѣрый фланелевый халатъ. На коврѣ старыя, стоптанныя туфли... А это кто на постели? Онъ самъ, Кирило Григорьичъ... Вотъ его ноги, руки... но какъ онѣ пожелтѣли, захудали! Онъ съ презрѣніемъ отвернулся и вздохнулъ.

Вечерѣевъ медленно всталъ. Твердя: «Господи Боже! какъ поздно!» онъ накинулъ на плечи халатъ, вздѣлъ на ноги туфли, а на голову ермолку, и бережно отворивъ дверь, вышелъ въ залъ.

Филатъ не дождался пробужденія барина. Онъ ушелъ хлопотать для него о чаѣ и о завтракѣ, а на свое мѣсто, у двери кабинета, посадилъ Пашутку. Дѣвочка также, вѣроятно, соскучилась. Она, какъ сидѣла въ углу, обхвативъ колѣни худенькими ручонками, такъ и заснула. Кирило Григорьичъ сурово постоялъ передъ ней, потрогалъ ее по носу, сердито фыркнулъ: «Вотъ, вотъ... босая и нечесаная!..» и пошелъ къ двери въ гостиную. Мысли его опять стали путаться. Онъ глядѣлъ вкругъ по залѣ и не понималъ, гдѣ онъ и что съ нимъ. Рояль, портреты щеголей въ лентахъ, щеголихи въ пудрѣ. «Зачѣмъ это?» спросилъ онъ себя: «тамъ еще комната,—спальня жены. Она спитъ... А здѣсь корабль... или балконъ?.. Да! корабль... Нечесаная, босая! корабельный юнга! Срамники!» громко произнесъ онъ и, сердито качая головой, направился далѣе.

Изъ гостиной онъ вышелъ на балконъ. Заслоняя рукой отъ свѣта глаза, посмотрѣлъ на поляну, на взгорье и садъ, и боязливо опять отступилъ къ порогу. Онъ не узналъ мѣстности... Зеленое пустынное взгорье за рѣкой ожило. По гребню его тянулся рядъ телеграфныхъ столбовъ и сторожевыхъ будокъ, и ясно была видна новенькая, въ швейцарскомъ вкусѣ, станція. Рабочій поѣздъ собирался дѣлать маневры. Бѣлый дымокъ взлетывалъ надъ трубой пыхтѣвшаго паровоза. «Проспалъ! пора билеты брать!» засуетился Вечерѣевъ, изъ-подъ наставленной руки глядя на солнце: «одиннадцать! знатно выспался!» Бережно придерживая полы халата,

онъ сошелъ на поляну, поглядѣлъ на цвѣтники и быстро углубился въ садъ.

Ничего не подозрѣвавшій Филатъ, часа черезъ два, сказалъ себѣ: «Однако, пора будить барина; самоваръ потухъ опять». Онъ потихоньку отворилъ дверь, заглянулъ въ кабинетъ и съ ужасомъ увидѣлъ, что барина тамъ уже не было. «Гдѣ же онъ? гдѣ?»—Филатъ напустился на разбуженную Пашутку. Та протирала глаза и сама, послѣ сладкаго сна, не понимала, гдѣ она и что съ ней.

«Баринъ, видно, задумалъ купаться, пошелъ въ рѣкѣ и утонулъ!» пробѣжало въ головѣ Филата. Онъ безъ памяти кинулся на поиски Кирилы Григорьича, заглядывалъ во всѣ закоулки, въ бесѣдку, въ купальню и даже подъ мосты и, наконецъ, послѣ долгихъ стараній, нашелъ его въ паркѣ. Кирило Григорьичъ весьма смиренно сидѣлъ на каменной скамьѣ, бросая наломанныя вѣтки въ омутъ, прорытый послѣдними водопольями у свата крутизны.

— А? что? что? заторопился Вечерѣевъ, испуганно приподнимаясь на встрѣчу Филата: барыня встала? гости? зоветъ?

— Въ комнату, сударь, пожалуйте... Чай пора пить... а барыня, Ульяна Андреевна,—царство ей небесное!—давно померла...

— А! бр... бриться, вотъ!.. бриться надо! растерянно хватаясь за полы халата, заговорилъ Вечерѣевъ.

Привычно-услужливымъ, плывущимъ шагомъ, подошелъ Филатъ къ старику, бережно, точно стаканъ, полный до верху, взялъ его подъ руку и повелъ въ домъ.

— Бр... бриться надо... вотъ! сердито указывая на столъ, фыркнулъ Кирило Григорьичъ въ кабинетѣ: что же воды? а?

— Воды, сударь, не долго принести,—отвѣтилъ, вздыхая, Филатъ: только ужъ лучше я самъ васъ побрѣю... Вонъ у васъ какъ ручки дрожатъ...

— Самъ!.. закричалъ и затопалъ ногами Вечерѣевъ: самъ!..

«Отчего не принести?» подумалъ Филатъ: «побалую его... Не зарѣжется же онъ при мнѣ, такъ-то, въ одинъ махъ... На то у меня глаза...» Онъ, съ вывертомъ, въ одной рукѣ принесъ стаканъ горячей воды, а въ другой полотенцо и началъ точить бритвы.

— Самъ! повторилъ Вечерѣевъ: самъ! а ты стой на кра... на карулъ! и смотри...

Филатъ подалъ барину мыльницу, щеточку и бритвы. Ему

и забавно было съ старикомъ и жутко. «Ну, какъ махнетъ по горлу, какъ зарѣжется!» пробѣгало въ его головѣ.

Кирило Григорьичъ удивилъ Филата. Не торопясь и точно соображая, что онъ дѣлаетъ, Вечерѣевъ выбрилъ себѣ обѣ щеки, бороду и усы, вымылъ щеточку, самъ умылся и причесался, и, какъ-бы вспомнивъ еще нѣчто неизбѣжное, тревожно и упорно сталъ всматриваться въ уголъ, гдѣ стоялъ платьяный шкафъ. «А, понимаю! одѣться хочетъ...» подумалъ Филатъ. Онъ досталъ изъ шкафа и подалъ барину черный, еще новый сюртукъ.

— Ннѣ... ннѣ! обиженно, какъ малый ребенокъ, закричалъ и отвернулся въ сторону старикъ: бѣ... бѣлый гдѣ?

«Вотъ память!» нагибаясь снова къ шкафу, удивился Филатъ. Онъ вынулъ изъ ящика слежавшуюся, въ складкахъ, пикейную пару, встряхнулъ ее и съ усердіемъ помогъ барину одѣться.

Кирило Григорьичъ успокоился. Напившись чаю, онъ постоялъ передъ письменнымъ столомъ, порылся въ бумагахъ, взялъ съ этажерки, первую попавшуюся книгу, вышелъ на балконъ, усѣлся на диванѣ, закурилъ сигару и принялся читать. Такъ онъ просидѣлъ здѣсь до обѣда.

XXXVII.

Соловьи.

— Мнѣ, какъ значитъ, по моей препорціи, тутъ уже достаточно быть!—объявилъ, важничая передъ Филатомъ и прикащикомъ, красногщекій и толстый фельдшеръ Мосеичъ: ставьте на мое мѣсто-съ другого... Я его, выходитъ, сюда предоставилъ, и моя препорція, какъ есть, потому кончена-съ... А вы тѣмъ временемъ приготовьте мнѣ тройку, тарантасъ и благодарность...

— Благодарность, Иванъ Мосеичъ, вамъ не забудется; не такіе мы люди! уговаривалъ фельдшера прикащикъ: только вы ужъ сдѣлайте ваше одолженіе, обождите. Мы дали знать барышнѣ; не нынче,—завтра, она пріѣдетъ и все какъ быть тому должно порѣшитъ.

— Сколько-жъ чего прочаго намъ будетъ? трунилъ развязный медикусъ: тыща, али мелльонъ?

— Ну, мелльонъ—не мелльонъ, да и не тыща; а на счетъ всего прочаго будьте притомъ вполнѣ благонадежны... Вотъ и Филатъ Иванычъ поручится. Барышня завтра безпремѣнно будетъ.

— Будетъ—подтвердилъ и Филатъ.

Мосеичъ остался. Да и нельзя ему, впрочемъ, было не остаться. Онъ уже намѣтилъ глазомъ на улицѣ нѣсколько смазливыхъ дѣвокъ и бабъ, густо намаслилъ масломъ вихоръ и виски и, выпустивъ поверхъ мундирнаго ворота воротнички рубахи, не спѣша, съ тросточкой, отправился на село.

Обѣдалъ Вечерѣевъ съ особымъ и нескрываемымъ удовольствіемъ. Онъ выпилъ не только рюмку стараго, отысканнаго Филатомъ въ подвалѣ венгерскаго, но и чашку кофе, съ густыми сливками. «Сливы... братецъ, сливочки! хорошо!» весело ухмылялся старикъ, подмигивая стоявшему за его стуломъ Филату.

А послѣ обѣда Кирило Григорьичъ, какъ заснулъ съ книгой въ кабинетѣ, такъ и вечеръ наступилъ, совсѣмъ стемнѣло и мѣсяцъ вырѣзался надъ садомъ, а онъ все спалъ—тихо и такъ спокойно, будто никогда отсюда и не выѣзжалъ.

Глядя на барина, и Филатъ, послѣ добраго угощенья у приказщика, хотя и далъ себѣ слово не пить и сторожить Кирилу Григорьича въ оба, такъ сладко и крѣпко соснулъ на стулѣ у входа въ кабинетъ, что когда пробудился, на дворѣ было уже совершенно темно.

Онъ досталъ изъ жилета спичку, зажегъ ее, осторожно отворилъ дверь въ кабинетъ,—и еще болѣе испугался, чѣмъ утромъ: баринова постель опять была пуста. «Что за навожденіе!» подумалъ Филатъ, «и самъ теперь караулилъ, да не досмотрѣлъ... Пропали наши головы! гдѣ его теперь искать?» Онъ обошелъ всѣ комнаты, заглянулъ на крыльцо, во дворъ и на балконъ и со всѣхъ ногъ бросился опять въ садъ.

Кирило Григорьичъ проснулся передъ тѣмъ около часа. Не замѣтивъ Филата, спавшаго у дверей, онъ, при лунномъ свѣтѣ, заливавшемъ окна комнатъ, прошелъ въ библіотеку, оттуда въ корридоръ, постоялъ передъ дверью въ комнату покойной жены, вышелъ на цыпочкахъ на балконъ и сѣлъ на его ступенькахъ.

— Соловьи!.. прошепталъ Кирило Григорьичъ, съ забившимся сердцемъ, вслушиваясь въ звуки, то здѣсь, то тамъ рокотавшіе въ стемнѣвшемъ саду: соловьи!—повторилъ онъ, робко вглядываясь въ сумрачныя просѣки аллей.

Душистый свѣжій воздухъ ночи живительной волной хлынулъ въ грудь старика. Что-то какъ-бы охватило его, нѣжно обняло и стало баюкать... Онъ склонилъ голову на колѣни и тихо заплакалъ...

— Ге...Гендель! зашепталъ онъ, въ сладкомъ ужасѣ, идя на встрѣчу соловьиныхъ голосовъ: мистификація! мистификація...

Онъ миновалъ одну дорожку, другую, забрался въ глубину сада, прошелъ въ паркъ и опять возвратился на балконъ. Лицо его было блѣдно, встревожено. Въ глазахъ свѣтился странный огонь. Онъ бережно, точно ожидая чего-то рокового и неизбѣжнаго, вошелъ въ залъ, заглянулъ во всѣ его углы, постоялъ передъ рояломъ, вынесъ изъ кабинета длинный, китообразный ящикъ, вынулъ оттуда віолончель, сѣлъ съ нимъ подъ хорами, тронулъ его смычкомъ и, сердито и важно покачавъ головой, началъ его строить.

Прошло еще нѣсколько мгновеній...

Не найдя барина въ саду, Филатъ рѣшился снова поискать его въ домѣ. Запыхавшись, вбѣжалъ онъ на балконъ, взялся за ручку двери въ гостиную и остолбенѣлъ: изъ залы раздавались звуки музыки.

Волосы шевельнулись на головѣ Филата.—«Что, какъ это домовой?» подумалъ онъ, творя крестныя знаменія и чуть держась на ногахъ. Музыка не прекращалась. Филатъ вошелъ въ гостиную, опять перекрестился и заглянулъ въ залъ.

Тамъ подъ хорами, освѣщенный луной, въ бѣлой пикейной парѣ, сидѣлъ Кирило Григорьичъ. Ухвативъ худыми колѣнями віолончель, онъ робкою, дрожавшей отъ волненія рукой, водилъ по струнамъ и дико, сурово глядѣлъ передъ собой, не замѣчая крупныхъ, бѣжавшихъ по его лицу слезъ. Онъ игралъ любимую, торжественную и мрачную кантату Генделя...

Филатъ не зналъ, что́ ему дѣлать: слушать ли, не мѣшая барину? провалиться ли отъ страха сквозь землю? звать ли кого на помощь?

Въ это мгновеніе со двора ясно послышался стукъ колесъ и легкое погромыхиванье экипажа. Филатъ, чтобы не испугать барина и встрѣтить пріѣзжаго, выскочилъ на балконъ и черезъ садъ опрометью бросился къ дворовому крыльцу. Но онъ опоздалъ...

Кто-то уже быстро вошелъ въ переднюю, прислушался, тронулъ ручку двери въ залъ и, не отворяя ее, остановился.

Дверь скрипнула...

Кирило Григорьичъ перестал̀ъ играть. Онъ смутно разслышалъ шелестъ чьихъ-то, сперва робкихъ, потомъ торопливыхъ шаговъ. Что-то дорогое, забытое, точно нѣкій неземной духъ, въ сверкающемъ, какъ показалось Вечерѣеву, облакѣ и съ протянутыми впередъ руками, выступило на порогѣ прихожей, стремительно подбѣжало къ старику, склонилось къ его ногамъ и съ глухими, порывистыми рыданіями, страстно обхватило его колѣни.

— Аглая, Аличка! ты ли это? надорваннымъ, радостнымъ голосомъ, всхлипывая, вскрикнулъ старикъ.

Онъ всталъ, приподнялъ дочь, прижалъ её къ груди, не выпуская изъ объятій и пристально вглядываясь въ нее, прошепталъ: «Нѣтъ, не хорошо видно! сюда, сюда!» и, взявъ ее за руку, нѣжно увлекъ на балконъ.

— Такъ, такъ!—проговорилъ онъ, осыпая ее поцѣлуями и усаживая на ступенькахъ рядомъ съ собой: теперь вижу, это ты! моя! моя дорогая...

Аглая обезумѣла отъ восторга. Отецъ теперь ее узналъ. Она глядѣла на него и не имѣла силъ выговорить слово.

— Такъ это тебя, плутовка, тебя принесъ сюда этотъ... огненный, крылатый конь?—спросилъ старикъ, еще крѣпче притискивая къ груди дрожавшую въ его объятіяхъ Аглаю: смотри! смотри: вонъ онъ, вонъ, мечетъ пламя, мечетъ!—продолжалъ онъ, морщинистой, костлявой рукой указывая на тёмное взгорье, поверхъ котораго, въ то время, свистя, гремя и разсыпая въ небѣ вороха блестящихъ искръ, тянулся желѣзно-дорожный поѣздъ...

На утро, въ Дубки, на двойной подставѣ лошадей, былъ вызванъ докторъ Милунчиковъ. А черезъ день, эстафетами и телеграммами, Аглая изъ губернскаго города пригласила еще нѣсколько лучшихъ врачей. Былъ составленъ консиліумъ.

Медики освидѣтельствовали Кирилу Григорьича, разспросили о всѣхъ подробностяхъ его болѣзни и леченія и объявили Аглаѣ, что хотя ея отецъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его пріѣздъ въ деревню, и пришелъ въ себя, но это еще не все. Ему слѣдовало предпринять новый, продолжительный и нелегкій способъ леченія.

— Берегите его, какъ зеницу ока,—сказали Аглаѣ врачи: что-нибудь навѣрное рѣшить нельзя. Но, при вашихъ усиліяхъ, онъ можетъ значительно поправиться.

— Что же для этого надо сдѣлать? спросила Аглая.

— Везите его въ теплые края, напримѣръ, въ Швейцарію или въ Италію.

— На долго-ли?

— Этого опредѣлить нельзя. Можетъ случиться, что способъ леченія потребуетъ и постояннаго тамъ пребыванія вашего отца.

Аглая задумалась.

— Но можно ли надѣяться, можно ли предполагать, спросила она: чтобы отецъ могъ выздоровѣть окончательно?

— По словамъ Эскироля,—отвѣтилъ Аглаѣ Милунчиковъ: слѣдуетъ, какъ можно болѣе, стараться объ удлинненіи свѣтлыхъ промежутковъ въ состояніи ума душевно-больныхъ. У вашего отца явился такой промежутокъ. Онъ васъ узналъ, радъ вамъ, незамѣтно возвращается къ прежнимъ занятіямъ. Вамъ остается быть его охраной. Берегите его, не дайте безслѣдно погибнуть тому, чего вы теперь дождались. Временный лучъ свѣта можетъ снова и навсегда угаснуть...

Врачи еще потолковали и разъѣхались.

Въ помѣщеніи прикащика шли иныя разсужденія.

— Это я его, господа, вылечилъ,—утверждалъ нѣсколько подгулявшій на прощаньи фельдшеръ Мосеичъ: такъ было и съ другимъ бариномъ, въ одномъ полку. Помѣшался онъ, сказать, на томъ, что быдто проглотилъ семь возовъ съ сѣномъ, и все ждалъ, быдто ему лопнуть. Ну, я догадался, да этакъ сказать, подъ вечеръ и посадилъ его у окна, надъ воротами, а со двора велѣлъ выѣзжать заранье приготовленнымъ возамъ съ сѣномъ. Считалъ этотъ баринъ, считалъ, да какъ вздохнётъ: слава тебѣ Господи! говоритъ,—маленечко точно ослобонился...

XXXVIII.

Непогрѣшимые.

По возвращеніи въ Москву, Ветлугинъ не очень охотно принимался за прерванныя адвокатскія дѣла.

Столешниковъ передалъ ему содержаніе полученныхъ въ его отсутствіе бумагъ и торопилъ скорѣе браться за предлагаемый ему процессъ Ченшиныхъ противъ Клочкова.

— Дѣло о растратѣ большого капитала! горячился, уговаривая его, Столешниковъ: а ты медлишь... Ну, подумай,—этакіе процессы выпадаютъ рѣдко. Другой ухватился бы обѣими руками... Какой волкъ идетъ въ тенёта... Петька проклятый... Сколько потрудиться можно! сколько негодяевъ упечь въ тюрьму, а можетъ быть и въ каторгу... Какія рѣчи, наконецъ, можно произнести...

Ветлугинъ слушалъ товарища, разспрашивалъ о тѣхъ или другихъ, выяснившихся изъ переписки, частностяхъ дѣла, браться же за него еще не рѣшался.

— Да ты только подумай, убѣждалъ его Столешниковъ: дѣло противъ Клочкова! противъ господчика анаѳемскаго, котораго

давно пора разоблачить... А потомъ—сколько уголовщины, сколько навѣрное замѣшано другихъ подобныхъ тузовъ... Поддѣлка счетовъ, купленные свидѣтели,—да какіе!

— Вотъ потому именно, что противъ Клочкова, отвѣчалъ Ветлугинъ: я и боюсь, какъ бы не вдаться въ крайности, какъ бы не увлечься личною къ нему ненавистью и не проглядѣть изъ-за нея главной сути дѣла... А потомъ—что у тебя за страсть къ громкимъ уголовнымъ процессамъ? Неужели ты не замѣчалъ, что большинство ихъ у насъ кончается вообще ничѣмъ?

Ветлугинъ медлилъ съ принятіемъ предложеннаго ему процесса и еще по одной причинѣ.

Вслѣдъ за возвращеніемъ въ Москву, онъ получилъ отъ своихъ былыхъ хозяевъ-сибиряковъ, около двухъ лѣтъ почти не вспоминавшихъ его, такое дружеское письмо, что поневолѣ задумался и съ недоумѣніемъ сталъ поглядывать вокругъ себя. На него повѣяло иными, давно-забытыми впечатлѣніями, Востокомъ, Сыръ-Дарьей.

— «Ужъ не бросить ли Москву и ея развитые, толкущіе воду кружки, адвокатуру, слугъ спячки, слугъ Ваала, словомъ, все? разсуждалъ Ветлугинъ: и не возвратиться ли въ когда-то излюбленныя, суровыя и дикія, но полныя первобытной красоты мѣста?»

«Первѣе всего всенижающе» — писали Ветлугину его сибирскіе пріятели: «посылаемъ вамъ, досточтимый нами, названный братецъ, Антонъ Львовичъ, наше сугубое почитаніе и усерднѣйшій поклонъ. Молимся, да пошлётъ вамъ Христосъ Господь много лѣтъ жизни и всякое, по твоимъ добрымъ дѣламъ, счастіе. О себѣ скажемъ на-перво: не по грѣхамъ нашимъ попускаетъ намъ Господь. А дѣла наши, опять-таки, благодаря вамъ, таковы, что вошли въ кунпанію съ Суждальцевыми и уже полъ-ста верблюдовъ посылаемъ съ товарами въ Калганъ. Вернутся эвти съ барышемъ, готовимъ же и еще полъ-ста, а то и болѣ. Эй, Антонъ Львовичъ, батюшка! брось Москву и переѣзжай къ намъ же опять. Съ Китайцемъ тихо. Бухарецъ по низàмъ тоже потишàлъ; потишàлъ же и Коканецъ. Таперича, абы товаръ, рвутъ на расхватъ. Прохоровски ситцы, съ аленькими капидонцами, да съ древомъ ланбарданъ, куды супротивъ аглицкихъ имъ, азіятамъ, по душѣ! Больно ходки. Молчановски платки, съ драконами, да съ пукетцами, ходки-жа и не настачишься.—Братецъ Василей ѳнамедни опять пришёлъ съ низòвъ, отъ Яркеня, отъ Небесныхъ горъ. Что за климаты, сказываетъ, что за теплынь тамотко и всяка табѣ роскошь. Три ночи спать не давалъ, тѣ мѣста хвалючи... Брешетъ, былъ отъ аглицкой Индіи не боля, что отъ Танбова до

Москвы. Ай, мѣста, сказываетъ, мѣста!... Али лѣсовъ тебѣ, али всякаго жита. Травы, брешетъ, ростомъ по горбъ верблюжій. А горны-студены воды, а воздухъ, хоть-бы и въ раю. Стонетъ желтенька китайска голубица. Олени тожъ, фазаны, козы дивія, а напримѣръ даже львы. Есть, гдѣ нажить, а есть, гдѣ и поохотиться: это хоть-бы и твому благородію. Народъ, сказываетъ, добрѣющій, тихой такой. Высыплетъ это, аки стадо овецъ, изъ своихъ мазанокъ, глазѣетъ, щупаетъ-те за руки, за платья,—а товаръ ты ему только подавай. Вѣришь-ли, верблюдамъ наши молодцы чайны листья въ тѣхъ лѣсахъ въ кормъ давали. Эй, баринъ, пріѣзжай. Подождемъ вашего отвѣта до весны. Согласишься, новый караванъ, въ сто, а не то и въ два ста верблюдовъ, прямо подъ твое начало отдадимъ. Не выберешься къ веснѣ, пріѣзжай на лѣто, или хоша къ осени. И тому будемъ, передъ Богомъ, вотъ какъ рады.—Савва Уткинъ.»

Взволновало это письмо Ветлугина.

День и ночь думалъ онъ о немъ и, чтобы не смущать окончательно Столешникова, не сообщилъ ему его содержанія.

Все теперь стало въ Москвѣ казаться Ветлугину бѣднымъ, ничтожнымъ, блѣднымъ и даже какъ-бы чужимъ. Душа его рвалась къ дикимъ, пустыннымъ мѣстамъ, къ простымъ и неразвитымъ, отважнымъ товарищамъ его недавняго прошлаго.

— «Отца я устроилъ, думалъ онъ: съ родиною, съ *нею,* также все кончилъ. Что-же меня здѣсь еще привязываетъ? Кому и чему я особенно пригоденъ? Говоруновъ... ихъ не мало и безъ меня!.. Да что выходитъ изъ ихъ словъ? Негромкаго же, обыкновеннаго, но прочнаго и настоящаго дѣла, мнѣ нѣтъ здѣсь по душѣ... Кончено!.. Сдамъ дѣла Столешникову. Это будетъ по немъ. Не даромъ у него проявилось такое рвеніе къ судамъ, а въ особенности къ произнесенію защитительныхъ рѣчей. И говоритъ онъ, надо отдать ему справедливость, весьма складно, а подъ-часъ даже и отмѣнно зло... Пусть тѣшится...»

Не такъ объ этомъ предметѣ разсуждалъ Столешниковъ.

Видя, что Ветлугинъ, по возвращеніи отъ отца, замѣтно охладѣлъ къ своему ремеслу, Аввакумъ Андреичъ не могъ придти въ себя отъ досады и удивленія: метался, дулся, спорилъ, или, бѣшено и безъ всякаго уже удержу, ругался.

— Да ты что, наконецъ, думаешь о себѣ? восклицалъ Столешниковъ: ты крайнихъ мнѣній человѣкъ, такъ тебя и по головкѣ гладить?

— Я этого не прошу. Да и съ чего ты взялъ, что я крайнихъ мнѣній человѣкъ?

— Не то, не то! погоди и не горячись! — не слушая его, запальчиво кричалъ Столешниковъ: я тебя, братецъ, давно оцѣнилъ. Знаешь ли ты себѣ цѣну? а? знаешь-ли? Ты баба, свайка — или, какъ самъ же ты выразился, свайный человѣкъ... Ты измѣняешь своему долгу, совѣсти, призванію; начинаешь мириться съ средой... И ты полагаешь, послѣ этого, что я смолчу? Эхъ, братъ, не ожидалъ я отъ тебя... да что!...

Аввакумъ отвернулся и неуклюже вытеръ рукавомъ слезу.

— Если ты на себя одного, сказалъ онъ: не хочешь брать дѣла Ченшиныхъ противъ Клочкова... пусти туда меня... ужъ я бы, вѣрь, не сплоховалъ...

— «А что, въ самомъ дѣлѣ, пущу я въ этотъ процессъ Столешникова!» подумалъ Ветлугинъ: «малый онъ честный, въ дѣлѣ понаторѣлъ и не ударитъ лицомъ въ грязь.»

— Хорошо, сказалъ онъ: одному мнѣ съ этимъ сложнымъ дѣломъ не управиться. Если ты такъ добръ и самъ вызываешься, я охотно беру тебя въ долю...

Столешниковъ не вѣрилъ тому, что услышалъ.

— Какъ? обрадовался онъ и весь просіялъ: такъ ты не шутишь? ты въ самомъ дѣлѣ?

— Вовсе не шучу. Завтра же, если пошло на то, возьму довѣренность отъ наслѣдницъ Ченшиныхъ. А ты поѣзжай на мѣсто, собирай справки, разспрашивай свидѣтелей, выслѣди, изучи все по документамъ и привози данныя для начатія дѣла. Я составлю заявленіе прокурору, а когда утвердятъ обвинительный актъ и дѣло назначится къ слушанію въ судѣ, я, коли пожелаешь, охотно устрою тебѣ и возможность раздѣленія со мной защиты на судѣ, предоставлю участіе въ судоговореніи, въ рѣчахъ...

— Что же? или одинъ робѣешь? съ удивленіемъ покосился Аввакумъ на пріятеля.

— Нѣтъ, не робѣю. А ужъ ты слышалъ отъ меня: я не чувствую особаго призванія къ искусству твоего бога, Демосѳена.

Восторгу Столешникова не было предѣловъ.

Онъ, со всѣмъ усердіемъ и съ безграничной вѣрой въ успѣхъ, взялся за дѣло, которому корреспонденты газетъ и всѣ, знавшіе о немъ на мѣстѣ, пророчили славу одного изъ любопытнѣйшихъ уголовныхъ процессовъ.

Наслѣдницы дѣвицы Ченшины вручили Ветлугину довѣренность и возвратились въ Петербургъ, гдѣ одна изъ нихъ служила при телеграфѣ, а другая была учительницей въ женской

гимназіи. Столешниковъ, снабженный наставленіями и письмами Ветлугина, уѣхалъ изъ Москвы.

Это было въ концѣ декабря 1871 года.

Вплоть до весны 1872 года, Аввакумъ Андреичъ лишь изрѣдка подавалъ о себѣ вѣсти, безъ устали и втихомолку работая надъ собраніемъ предварительныхъ справокъ. Въ концѣ апрѣля онъ возвратился въ Москву. Въ началѣ мая Ветлугинъ составилъ прошеніе на имя прокурорскаго надзора. Искъ противъ Клочкова былъ начатъ. Слѣдствіе было поручено судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ, который весьма удачно спросилъ первыхъ указанныхъ ему свидѣтелей. Уликъ по дѣлу открылось не мало. Въ началѣ іюня Столешниковъ опять уѣхалъ на родину Ветлугина, такъ какъ въ это время слѣдователь сталъ подготовлять дѣло къ отсылкѣ на разсмотрѣніе и рѣшеніе прокурорскаго надзора.

Усердно слѣдя за ходомъ слѣдствія, Столешниковъ нигдѣ, кромѣ Льва Саввича, да семьи Фокиныхъ, не показывался, держалъ себя осторожно и трепеталъ за малѣйшіе недосмотры въ разслѣдованіи дѣла. Какъ онъ ни хлопоталъ о соблюденіи тайны, дѣло это, однако, стало получать общую извѣстность. Въ газетахъ начали появляться о немъ сперва краткіе намеки, а вскорѣ и цѣлыя статьи. Ветлугинъ читалъ ихъ и, невольно подозрѣвая въ ихъ сочинительствѣ нетерпѣливаго и не въ мѣру горячаго Столешникова, писалъ ему изъ Москвы строгія и назидательныя внушенія. Столешниковъ, въ отвѣтъ ему, клялся всѣми богами, что онъ тутъ ни при чемъ,—и, еще болѣе замыкаясь въ себя, старался быть осторожнымъ и сдержаннымъ.

Такъ прошло время до начала іюля.

На возобновившіяся съ лѣтомъ письма сибирскихъ друзей, Ветлугинъ отвѣчалъ одно: «Подождите, господа; дайте покончить главнѣйшія изъ довѣренныхъ мнѣ дѣлъ, и тогда ждите. Полагаю, что выѣду къ вамъ никакъ не далѣе наступающей осени.»

Объ отъѣздѣ Аглаи изъ монастыря и о счастливой перемѣнѣ въ состояніи здоровья ея отца, Антона Львовича никто не извѣщалъ. Это было условлено между Львомъ Саввичемъ и Фокиными, въ тѣхъ видахъ, чтобы Антонъ Львовичъ попусту не тратилъ своихъ чувствъ тамъ, гдѣ, по ихъ убѣжденію, не могло быть успѣха. Съ Столешникова, въ этомъ случаѣ, было взято слово молчать, и онъ это слово выполнялъ охотно.

Странная, между тѣмъ, и совершенно необъяснимая вѣсть дошла въ послѣднее время до свѣдѣнія Ветлугина.

Въ одномъ изъ писемъ къ Антону Львовичу, Фокинъ, толкуя о томъ, о семъ—о Львѣ Саввичѣ, о своихъ дѣлахъ и вообще о мѣстныхъ новостяхъ, обмолвился, между прочимъ, слѣдующими словами: «Все бы хорошо, только я сильно скучаю отъ продолжительнаго отсутствія моей жены.»

— «Что за странность! гдѣ же это его жена?» подумалъ Антонъ Львовичъ.

Мысли Ветлугина невольно опять улетѣли туда, гдѣ были отецъ Адріанъ, монастырь, она... Онъ сталъ разспрашивать пріѣзжихъ съ родины, но еще болѣе запутался въ догадкахъ: одни говорили, что старикъ Вечерѣевъ умеръ, другіе, что онъ окончательно выздоровѣлъ, но что его дочь сильно заболѣла и онъ ее куда-то увезъ. Какъ всегда, плелись всякія небылицы.

Вслѣдствіе того, первыми-же словами, въ ближайшемъ письмѣ Ветлугина къ отцу, была просьба о разъясненіи непонятныхъ словъ Фокина. Левъ Саввичъ увидѣлъ, что долѣе скрывать извѣстія объ отъѣздѣ Аглаи изъ монастыря было излишне. Онъ отвѣтилъ, что,—за нескончаемыми хлопотами со школой, которую въ первые же мѣсяцы ея существованія за что-то чуть не закрыли,—онъ давно не видѣлся съ Фокинымъ, а, навѣстивъ его, узналъ слѣдующее.

«Доктора» —писалъ сыну Левъ Саввичъ: «посовѣтовали Аглаѣ Кириловнѣ везти ея отца въ болѣе тёплые края. Она охотно на это согласилась. Въ сопровожденіи кормилицы, уѣзднаго врача Милунчикова — (очень хвалятъ молодого человѣка: онъ первый помогъ и Ченшинымъ въ раскрытіи продѣлокъ Клочкова)—и отпущенной мужемъ Афросиньи Адріановны Фокиной, — Аглая, въ концѣ минувшей весны, оставила здѣшнія мѣста и повезла Кириллу Григорьевича за границу. Были они на югѣ Франціи, были, кажется, и въ Италіи. Теперь, съ половины іюля, живутъ гдѣ-то въ Швейцаріи. Старикъ Вечерѣевъ, какъ говорятъ, окончательно пришелъ въ себя и начинаетъ замѣтно оправляться: гуляетъ, читаетъ. Его изрѣдка возятъ въ концерты и даже въ театры (послѣдніе, впрочемъ, онъ посѣщаетъ—въ сопровожденіи Фокиной, а не своей дочери). Вспомнилъ онъ и прежнее любимое занятіе—иногда играетъ на віолончели. Страдалъ онъ, правда, въ началѣ нѣкоторымъ отсутствіемъ памяти; но теперь, по словамъ Фокиной, и это прошло. Ай-да медицина. Вотъ ей и не вѣрь. Я и самъ думаю прибѣгнуть къ врачамъ: три зуба только сохранились; хочу вставить новые. Кстати о нашихъ

друзьяхъ. Фокинъ сначала охотно отпустилъ въ такой дальній путь свою жену. А теперь тоскуетъ, проситъ ее, чтобы она скорѣе возвращалась, и жалуется, что ничего не подѣлаетъ съ дѣтишками. Знакомые тебѣ близнецы—Ганя и Даня—не слушаютъ его и рѣшительно не даютъ ему покоя. На-дняхъ, представь, они изрѣзали въ клочки забытую Фокинымъ, счетную банковую книгу; устроили изъ ея обрѣзковъ костёръ, гдѣ-то достали спичекъ и зажгли его. Банковыя дѣла, впрочемъ, у насъ идутъ такъ, что и всѣ бы ихъ книги слѣдовало пожечь. Но при этомъ чуть не сгорѣла квартира Фокина, а съ нею и все его добро. Онъ мнѣ самъ это все со страхомъ и презабавно разсказывалъ, и усердно кланяется тебѣ.»

— «Такъ вотъ гдѣ теперь Аглая! подумалъ Ветлугинъ: отчего-же мнѣ объ этомъ, въ свое время, никто не сообщилъ? Ужъ не больна-ли сама Аглая?»

Антонъ Львовичъ въ тотъ-же день написалъ Фокину, умоляя его объяснить ему подробно все происшедшее въ семействѣ Вечерѣевыхъ. Фокинъ на это письмо не отвѣчалъ ему болѣе недѣли. Наконецъ онъ прислалъ пространный отвѣтъ. Въ подтвержденіе же своихъ словъ, приложилъ и нѣкоторыя изъ писемъ жены, прося Ветлугина возвратить ихъ, по прочтеніи того, что въ нихъ было очеркнуто карандашемъ.

Фокинъ писалъ слѣдующее:

«Тысячу разъ извиняюсь, передъ вами, многоуважаемый Антонъ Львовичъ, что оставлялъ васъ такъ долго въ невѣдѣніи всего, что произошло, за это время, въ семействѣ Вечерѣевыхъ. Но, если вы узнаете причину моего на этотъ счетъ молчанія, то—нѣтъ сомнѣнія—хотя отчасти меня оправдаете. Письмо мое будетъ обширно. За то я въ немъ изложу все до мелочей.

«Дѣло въ томъ, что Аглая Кириловна, увезя своего отца за-границу, дѣйствительно сдѣлала доброе дѣло. Отецъ, вѣроятно, будетъ обязанъ ей своимъ окончательнымъ выздоровленіемъ. Что же касается до нея самой, то здѣсь рѣчь другая. Я всегда опасался, что въ чужихъ краяхъ она можетъ подвергнуться тѣмъ же роковымъ вліяніямъ, которыя чуть не безвозвратно погубили ее въ Россіи. Это-то обстоятельство и было причиной тому, что я не спѣшилъ васъ увѣдомлять объ оставленіи Аглаей Кириловной монастыря и объ отъѣздѣ ея изъ нашихъ мѣстъ. Я ждалъ вѣстей отъ жены. Но эти вѣсти таковы, что васъ порадовать не могутъ... Кому же охота прибавлять уважаемымъ людямъ новую горечь къ старой?

«Начну съ того, что мнѣ сообщила жена, съ третьяго же,

если даже не со второго своего письма. Странники наши въ то время оставили Біаррицъ и, по преподанному имъ плану парижскихъ докторовъ, для развлеченія больного, черезъ Марсель, моремъ уѣхали въ Италію. Какъ Германію, такъ и Францію, Аглая Кириловна проѣхала почти равнодушно. Съ вашего позволенія я вдамся здѣсь въ небольшой разборъ ея душевныхъ впечатлѣній. Въ Берлинѣ, Мюнхенѣ и Вѣнѣ, она останавливалась, для совѣщаній съ знаменитыми психіатрами, но не прочь была и отъ нѣкоторыхъ развлеченій: каталась съ моей женой, посѣщала картинныя галлереи, музеи, окрестности. Парижъ ей не понравился. Шумъ его, блескъ и суета раздражали ее. Она съѣздила только въ церкви Богоматери и Св. Евстафія, да на могилу епископа, разстрѣляннаго въ послѣднюю осаду Парижа, и болѣе ни на что не хотѣла и взглянуть. За то, съ первымъ шагомъ на почву Италіи, она точно переродилась. Римъ произвелъ на нее сильное и глубокое впечатлѣніе. Она, съ отцомъ и съ моей женой, а потомъ и сама, въ сопровожденіи Егоровны и коммиссіонера, стала усердно посѣщать храмы и развалины вѣчнаго города. Базилика Петра, недоконченный соборъ Павла и церкви нѣкоторыхъ изъ монастырей поразили ее своимъ величіемъ и красотой. Изъ Ватикана она не выходила по цѣлымъ утрамъ, просиживая передъ произведеніями Рафаэля, Тиціана и да-Винчи. Жена пишетъ, что католическое богослуженіе, съ искусной, артистической игрой на исполинскихъ органахъ, серебряными трубами оглашающихъ своды римскихъ храмовъ, потрясло Аглаю Кириловну до глубины души.—«Боже мой», шептала она моей женѣ, вся умиленная и взволнованная: «слышишь, Фросинька, слышишь? Развѣ это похоже,—прости Господи,—на пѣніе тамъ, въ нашихъ въ церквахъ?..» Во время одного изъ такихъ служеній, въ уединенной церкви монастыря обсервантовъ или босоногихъ кармелитовъ, Аглая Кириловна была особенно поражена... Проповѣдь ли служившаго патера, пѣніе ли оборванныхъ, косматыхъ обсервантовъ, мрачный ли хоралъ, въ клубахъ кадильнаго дыма, исполненный на органѣ какимъ-то замѣчательнымъ, случайно приглашеннымъ въ эту церковь артистомъ, или собственное настроеніе Аглаи такъ подѣйствовали на нее... Только она, сперва порывисто, шопотомъ, что-то всё восклицала, похолодѣвшими руками хватаясь за руки моей жены. Потомъ стала рыдать и, наконецъ, почти безъ памяти, въ обморокѣ, была увезена женою моею изъ этой церкви домой. Римъ и на Кирилу Григорьича произвелъ глубокое впечатлѣніе. У него даже возвратились было припадки безсонницы и тоски. Милунчиковъ настоялъ на вы-

ѣздѣ Вечерѣевыхъ изъ Рима. Это нѣсколько успокоило и понравило Аглаю Кириловну. А жизнь въ Швейцаріи могла бы и окончательно пророчить ей успокоеніе и излеченіе. Но, къ сожалѣнію, и тамъ Аглаю Кириловну встрѣтили впечатлѣнія, далеко не утѣшительнаго свойства.

«А именно, едва они поселились на берегу Женевскаго озера, сперва въ Лозаннѣ, потомъ въ Монтрё, какъ откуда ни взялись у нихъ знакомства и съ католическими монахинями и съ католическими аббатами. Монахинь моя жена и Милунчиковъ успѣли кое-какъ вначалѣ же сплавить. За то одинъ аббатъ, какой-то перъ Жакъ, пріѣхавъ за ними по слѣдамъ изъ самаго Рима, поселился не только въ томъ же Монтрё, но и въ ближайшемъ къ нимъ пансіонѣ Лебедя. Съ первыхъ же дней перъ Жакъ началъ носить Кирилѣ Григорьичу ноты для віолончеля, а Аглаѣ Кириловнѣ духовныя католическія книги. Потомъ сталъ онъ у нихъ по вечерамъ играть на флейтѣ, а передъ завтракомъ съ Кириломъ Григорьичемъ садился за шахматы; приносилъ имъ и читалъ Штофельсовъ «Новый апокалипсисъ», «Исторію одной души» аббата Женуда, «Страданія сестры Эммерихъ» и пр. и пр. Не преминулъ онъ ознакомить своихъ новыхъ друзей и съ современными гоненіями на ватиканскій престолъ, равно какъ и съ послѣдними аллокуціями святого отца. Словомъ, этотъ аббатъ вскорѣ у Вечерѣевыхъ сталъ почти домашнимъ человѣкомъ. Явной опасности отъ него жена моя еще не видитъ. Но она пишетъ, что чуть не всякій день совѣтуетъ Аглаѣ Кириловнѣ устранить посѣщенія назойливаго аббата; а въ послѣдній разъ даже объявила, что если та её не послушаетъ, жена моя броситъ ихъ и уѣдетъ обратно въ Россію. Докторъ Милунчиковъ поступилъ энергичнѣе. Открыто разсорясь съ аббатомъ, въ какомъ-то спорѣ о Россіи, онъ сдалъ Кирилу Григорьича на руки другому, мѣстному врачу—(усердному и честному, какъ пишетъ жена, нѣмцу Фоссу)—а самъ поспѣшилъ въ наши мѣста, куда благополучно и прибылъ уже болѣе двухъ недѣль назадъ».

Ветлугинъ съ большимъ вниманіемъ дочиталъ письмо Фокина и наскоро сталъ просматривать отмѣченныя послѣднимъ мѣста въ письмахъ его жены.

Эти отрывки состояли въ слѣдующемъ:

«10 (22) іюля. *Монтрё*. Pension Suisse.—Сегодня вечеромъ опять сидѣлъ у насъ этотъ французикъ, перъ Жакъ, раздушенный, въ батистовыхъ манжетахъ и бѣлѣйшемъ воротничкѣ. Глядя на голубыя горы и заходящее солнце, онъ сперва толковалъ о

паденіи человѣчества вообще и о новомъ искупленіи его молитвами Ватиканскаго Намѣстника Христа, въ особенности. Потомъ перешелъ въ обрисовкѣ, какъ онъ выражался, созданной изъ плача, вздоховъ и любви, неземной личности самого Спасителя. Говорилъ онъ плавно, вкрадчиво, краснорѣчиво. Глаза его горѣли. «Не чувствуете ли вы», тихо и грустно обратился блѣдный аббатъ къ Аглаѣ, сидѣвшей съ работой въ полу-освѣщенномъ углу: «не чувствуете ли вы на себѣ,—когда остаетесь однѣ въ пустомъ, молчаливомъ храмѣ, — грѣющихъ лучей божественныхъ глазъ Христа»? Тутъ, полузакрывъ черные, лучистые глаза, онъ вздохнулъ и началъ сперва робко, потомъ огненными, смѣлыми красками объяснять вліяніе на человѣческое сердце образа Спасителя. «Вотъ — блѣдныя, нѣжныя руки, которыя вѣчно бы я цѣловалъ», — говорилъ перъ Жакъ, робко простирая передъ собой красивыя, почти женской бѣлизны, въ тончайшемъ батистѣ, раздушенныя руки. «Вотъ — кроткій, задумчивый, изможденный невыразимыми страданіями, но полный вѣчной, всепобѣждающей красоты, ликъ, который обожать и передъ которымъ въ трепетѣ благоговѣть я готовъ день и ночь», груднымъ, страстнымъ голосомъ шепталъ онъ, вглядываясь въ лицо потрясенной и безмолвно-внимавшей ему Аглаи.—Можешь себѣ представить, какое впечатлѣніе этотъ аббатъ произвелъ сегодня на нее, да отчасти и на всѣхъ насъ»...

«15 (27) іюля. Отецъ Жакъ вчера былъ у насъ снова. Кирило Григорьичъ игралъ на віолончели; аббатъ, по обыкновенію, вторилъ ему на флейтѣ. Потомъ всѣ мы катались на лодкѣ по озеру. Аббатъ, со слезами на глазахъ, разсказывалъ о злодѣяхъ, ведущихъ войну противъ бѣднаго «нищаго», противъ «Ватиканскаго плѣнника», и представь — ни съ того, ни съ сего—началъ увѣрять, что католичество—тоже православіе... Какъ я ни слаба въ догматахъ, но я вспомнила уроки батюшки и рѣзко ему возразила. Тогда онъ передалъ извѣстіе о патерѣ Гіацинтѣ, который, какъ ты знаешь, всенародно объявилъ о своемъ вступленіи въ бракъ съ любимою женщиной. «У васъ сказалъ онъ: изстари для духовенства допускаются браки; то же вскорѣ будетъ и у насъ. Мы въ недальнемъ будущемъ сольемся съ вами во всемъ. Вѣдь русскіе — это французы Востока»...— Перейдя къ сравненію монастырскихъ уставовъ русскихъ и католическихъ, отецъ Жакъ, впрочемъ, отдалъ предпочтеніе послѣднимъ, такъ какъ они содѣйствуютъ образованію народа. «Переѣзжайте на зиму снова въ Римъ»,—сказалъ онъ на прощаньи Кирилѣ Григорьичу: «я тоже буду тамъ зимовать и покажу вамъ,

сколько наши монастыри трудятся на пользу просвѣщенія всѣхъ и каждаго».

«18 (30) іюля. Вчера почти весь день Аглая не выходила изъ своей комнаты. Сегодня утромъ я вошла къ ней невзначай и застала ее за чтеніемъ, принесенныхъ аббатомъ, послѣднихъ брошюръ извѣстнаго мистика и спирита Аллана Кардека. Оказывается, что перъ-Жакъ не только аббатъ, но еще спиритъ и духовидецъ. Это меня взорвало. Я спросила Аглаю, зачѣмъ ей подобныя книги и неужели ее занимаетъ все эта непроходимая и обидная—для всякаго неглупаго человѣка—чепуха? Она отложила брошюры, молча подошла къ окну и долго смотрѣла на горы и на озеро. Потомъ также молча она вышла въ общую комнату, гдѣ въ это время Кирило Григорьичъ доигрывалъ партію въ шахматы съ аббатомъ. Я пошла вслѣдъ за Аглаей. Рядомъ съ аббатомъ, сидѣлъ еще какой-то «непогрѣшимый» свѣтскій, длинный и молчаливый, съ тусклыми, безжизненными глазами. Это былъ мосье Серизьé, какъ я узнала потомъ, изгнанный изъ Германіи іезуитъ. Насъ начинаютъ, по чьему-то незримому распоряженію, окружать, точно изъ-подъ земли растущія, фигуры разныхъ мистическихъ проходимцевъ. Аглая иногда, кажется, и понимаетъ ихъ намеки и подходы. Два дня назадъ она даже нервно расхохоталась, вспомнивъ, въ разговорѣ со мной, одно изъ таинственныхъ и вмѣстѣ пошлыхъ признаній перъ-Жака о томъ, что въ домѣ его матери, гдѣ-то въ Перигё, на его глазахъ, плясали кастрюли и до потолка поднимался кухонный столъ. По его словамъ, онъ зачастую слышитъ голоса духовъ. А недавно, ночью, здѣсь уже, въ Монтрё, сама собой будто бы въ его комнатѣ заиграла его флейта и кто-то, въ бѣлой мантіи, въ потьмахъ, подошелъ къ его столу, развернулъ всегда лежащее у его изголовья евангеліе; и на утро онъ, перъ-Жакъ, увидѣлъ, что эта книга была раскрыта на изреченіи Спасителя: «Оставь отца твоего и матерь твою, и гряди вслѣдъ за мною».—«Шарлатанство! богохульники»! шептала, вспоминая эти откровенности аббата, Аглая. — Иной же разъ, послѣ подобныхъ бесѣдъ съ перъ-Жакомъ, она кажется совершенно какъ-бы внѣ себя: тоскуетъ, плачетъ, не ѣстъ, не пьетъ, не спитъ по цѣлымъ ночамъ, и все пишетъ, тутъ же разрывая въ клочки, какія-то письма. Аглая меня рѣшительно не слушаетъ и, кажется, болѣе мнѣ уже не довѣряетъ ни въ чемъ... Вѣришь ли, обидно и горько на нихъ и смотрѣть. Кирило Григорьичъ сталъ опять похварывать. Несмотря на совѣты доктора Фосса (старушка его мать тоже у насъ бываетъ)

онъ, вмѣсто прогулокъ, — болѣе сидитъ съ отцомъ Жакомъ и слушаетъ его розсказни. Аббатъ у насъ уже сдѣлалъ нѣсколько опытовъ съ верченіемъ столовъ; а на-дняхъ обѣщалъ привести нѣкоего третьяго «непогрѣшимаго» — духовидца, мосье Луи, у котораго въ потьмахъ по воздуху будетъ летать играющая гитара и всѣ на своихъ лицахъ ощутятъ какъ-бы прикосновеніе мягкихъ, благоуханныхъ волосъ или нѣжныхъ, неземныхъ перстовъ... и пр. и пр.»

— «Кончена исторія!.. подведенъ жизненный итогъ!» — съ горечью сказалъ себѣ, дочитавъ эти отрывки, Ветлугинъ: «нѣтъ! въ Самаркандъ, въ Кульджу! на родинѣ вѣроятно мнѣ ужъ нечего болѣе дѣлать... Скорѣе бы, скорѣе летѣло время... Не нынче, завтра, отъ Аввакума должно подойти окончательное, рѣшительное извѣстіе. Съѣзжу, покончу дѣло... И тогда — прощай, милая родина».

XXXIX.

Масличная вѣтвь.

Ветлугинъ возвратилъ Фокину письма его жены, съ мыслью поскорѣе забыть обо всемъ, что̀, между тѣмъ, противъ его воли снова начало его томить и волновать. Дѣла свои Ветлугинъ подготовлялъ такъ, чтобы черезъ мѣсяцъ — черезъ два — имѣть возможность уѣхать за Уралъ.

Черезъ недѣлю послѣ отсылки писемъ Фокину, Ветлугинъ получилъ отъ него телеграмму. Послѣдній извѣщалъ, что его жена пользуясь возвращеніемъ на родину одной московской дамы, оставила Швейцарію и, проѣздомъ домой, скоро будетъ въ Москвѣ. Фокинъ сообщилъ Антону Львовичу адресъ, прося отыскать Афросинью Адріановну и, въ случаѣ надобности, оказать ей содѣйствіе въ благополучной отправкѣ домой.

Въ назначенный Фокинымъ срокъ, Ветлугинъ отправился по указанному адресу. Афросинья Адріановна была уже въ Москвѣ.

Небольшой деревянный домикъ, куда она въ то утро пріѣхала съ знакомой дамой, былъ гдѣ-то, въ глухомъ и узкомъ переулкѣ, возлѣ Сухаревой башни.

Ветлугинъ освѣдомился о ней. — «Пожалуйте», сказала румяная, рябая стряпуха, что-то полоскавшая въ корытѣ на крыльцѣ. Изъ полуосвѣщенной, заставленной всякимъ хламомъ прихожей, Ветлугинъ вошелъ въ крошечную и опрятную комору, очевидно

принадлежавшую бѣдной швеѣ. По деревянному, некрашенному столу были разбросаны обрѣзки холста и ситца. Здѣсь же помѣщалась сильно-потертая, ручная швейная машина. Надъ окномъ висѣла клѣтка съ снигиремъ. У печурки были разставлены утюги. За дверью въ сосѣднюю комнату раздавались оживленные, радостные голоса. Дверь отворилась. Оттуда вышла Фокина.

— Вы какими судьбами? всплеснувъ руками, вскрикнула она.

Ветлугинъ объяснилъ ей причину своего пріѣзда.

— Какъ же я рада! садитесь. Вотъ неожиданность. Я только что пріѣхала.

— Съ кѣмъ вы это? спросилъ Ветлугинъ, усаживаясь у окна.

— Исторія поучительная и любопытная.

— Вы пріѣхали съ больною дамой?

— Сейчасъ чуть не разревѣлась... Охъ, и теперь слезы просятся. Представьте, три здѣшнихъ бѣднѣйшихъ квартирантки, вдова цвѣточника Братцева и двѣ дѣвицы, — гувернантка и швея,— Кучеровы, сложились на послѣднія, скопленныя ими деньжонки, даже заложили кое-что изъ вещей, и отправили за границу свою, заболѣвшую одышкой и водяной, старушку-мать. И, можете вообразить, эта старушка, благодаря имъ, провела годъ въ Ниццѣ и годъ въ Швейцаріи; лѣчилась у лучшихъ докторовъ и теперь возвратилась со мною совсѣмъ здоровая. Довольно сказать, что мы съ нею отъ вокзала дошли сюда пѣшкомъ, такъ какъ ни у нея, ни у меня... ну... словомъ не было вовсе поклажи... Восторгу этихъ милѣйшихъ особъ нѣтъ предѣловъ... Я вотъ это все время тутъ на нихъ любовалась... Ахъ, отчего у меня нѣтъ такой же маленькой, доброй старушки-матери! Вѣрите ли, Антонъ Львовичъ, личико, какъ у дитяти, — кроткое, ласковое, а сама при этомъ смотритъ такъ строго и важно... Ну, совсѣмъ, какъ святая,—бѣленькая, сухенькая, вся съ комочекъ,—а проворна, какъ мышь... И ужъ какъ она рада, что оправилась и возвратилась! И тѣ память потеряли,—сидятъ, да все глядятъ на нее, задаютъ смѣшные вопросы о чужихъ краяхъ; а она такъ тихо и по порядку все разсказываетъ... И главное—кто же? бѣднѣйшіе люди,—гувернантка, цвѣточница, швея... Вотъ примѣръ! вотъ утѣшительное явленіе...

Фокина прижала платокъ къ лицу.

— Ну, а?.. началъ и остановился Ветлугинъ: а наши? какъ здоровье... что съ Аглаей?

Фокина взглянула на него. Съ обвѣтренными лицомъ и раскраснѣвшимися отъ волненія и отъ слезъ глазами, она напомнила

Ветлугину ту Фросиньку, которая когда-то, въ роковое утро, провожала его изъ Дубковъ.

— Такъ вы все еще не забыли, вспоминаете?—кутаясь въ синій, дорожный платокъ, спросила она: ахъ, дорого бы я дала, чтобы вы теперь, хотя на одинъ мигъ, повидались съ Аглаей. Можетъ быть... Да нѣтъ! отчего вы тогда, въ бытность у насъ, годъ назадъ, не съѣздили въ монастырь, не попытались вновь повліять на Аглаю? Отчего?..

— Скажите,—перебилъ, не отвѣчая на вопросъ Фокиной, Ветлугинъ: что съ нею? Мнѣ писалъ вашъ мужъ; онъ сообщилъ и содержаніе нѣкоторыхъ изъ вашихъ писемъ...

Фокина потупилась.

— Слѣдовательно, вы все знаете, отвѣтила она: охъ, тяжело и вспоминать. Скажу вамъ, Антонъ Львовичъ, одно; да нѣтъ... Отвѣтьте мнѣ прежде: писалъ вамъ мужъ объ аббатѣ, объ отцѣ Жакѣ?

— Писалъ.

— Ну-съ, мои опасенія сбылись. Этотъ аббатъ оказался ловкимъ пройдохой. Онъ разыгралъ съ Вечерѣевыми невѣроятную штуку...

— Въ чемъ дѣло?

— А вотъ въ чемъ... При посредствѣ судившагося за кражу, бѣглаго зуава Луи и іезуита Серизьè, онъ, подъ благовиднымъ предлогомъ помощи какой-то духовно-учебной корпораціи въ Римѣ, выманилъ у Кирилы Григорьича форменное обязательство на весьма крупную сумму. Да-съ! Ни я, ни Аглая ничего этого не знали. Отецъ Жакъ клялся, что это обязательство ему нужно лишь для кредита и что деньги по немъ онъ будетъ ждать не менѣе трехъ лѣтъ. Между тѣмъ, документъ этотъ онъ продалъ другому, подставному лицу, а это лицо немедленно предъявило его ко взысканію. Кирилѣ Григорьичу грозятъ большія непріятности. Съ него взяли подписку о невыѣздѣ. Всѣ вещи Вечерѣевыхъ описаны и находятся подъ запрещеніемъ. Аглая увидѣла свою оплошность. Она простить себѣ не можетъ, что подобныя личности проникли въ общество ея отца.

— Вы же, Афросинья Адріановна, почему ихъ оставили?

— Аглая нѣсколько дней плакала, наконецъ придумала, чтобъ я ѣхала домой и приготовила все къ продажѣ ихъ послѣдняго лѣса. Иначе имъ трудно раздѣлаться по иску съ Кирилы Григорьича.

— Бѣдная Аглая Кириловна, какъ мнѣ ее жаль! сказалъ Ветлугинъ: но скажите, что ея настроеніе теперь? Въ чемъ ея

помыслы о будущемъ и ждетъ ли она чего-нибудь отъ жизни, отъ себя?

— Вы знаете, Антонъ Львовичъ, какъ я ее люблю, отвѣтила Фокина: а, между тѣмъ, я могу вамъ дать одинъ совѣтъ— забудьте ее... Этотъ урокъ — Боже мой! другая бы... Или я ее не понимаю, или она не достойна ни вашихъ чувствъ, ни вашей памяти о ней... Люди, люди!..

Фросинька еще хотѣла что-то сказать, но не договорила. Она закрыла руками лицо, упала головой на окно, и только судорожное движенье полныхъ плечъ ея, покрытыхъ синимъ дорожнымъ платкомъ, показывало, что она сильно и неудержимо рыдала.

Былъ жаркій, несмотря на начало августа, даже душный день.

Ветлугинъ, утомленный хлопотами по дѣлу, которое онъ въ то утро защищалъ въ судѣ, возвратился домой голодный и раздосадованный. Припоминая судебныя пренія, свою строго-обдуманную рѣчь и злыя и мѣткія нападки противника, изъ-за которыхъ онъ это пустое въ сущности дѣло чуть не проигралъ,— Антонъ Львовичъ нехотя пообѣдалъ и легъ отдохнуть. Ему не спалось. Онъ позвалъ слугу, спросилъ чаю, взялъ пачку новыхъ газетъ, сѣлъ съ сигарой у раскрытаго окна и сталъ читать.

Вечерѣло. Прошелъ небольшой дождь.

Ближнія улицы затихали; дальнія еще отзывались шумомъ городской ѣзды. Съ бульвара потянуло свѣжестью и запахомъ омытыхъ дождемъ деревъ. Ветлугинъ пробѣжалъ одну газету— другую, и перенесся мыслями на родину.

— «Что-то отецъ?» разсуждалъ онъ: «какъ его школа? Да что это молчитъ, уже столько дней, и Столешниковъ?» Объ Аглаѣ въ послѣднее время Ветлугинъ старался не думать. Ея образъ въ мысляхъ его начиналъ порасать, какъ дорогое, но далеко и невозвратно улетѣвшее сновидѣніе.

Въ прихожей раздался звонокъ.

Слуга подалъ Антону Львовичу два письма. Почеркъ на одномъ изъ нихъ Ветлугинъ узналъ сразу: то было письмо отъ Столешникова. Аввакумъ Андреичъ извѣщалъ, что его хлопотамъ, кажется, суждено вскорѣ увѣнчаться полнымъ успѣхомъ. Слѣдствіе по дѣлу Клочкова было кончено. Злоупотребленія опеки подтверждались цѣлымъ рядомъ важныхъ свидѣтельскихъ показаній. И если самъ Клочковъ былъ еще пока на свободѣ, за то всѣ его товарищи, уланъ Подсыпанинъ, братъ послѣдняго, юн-

керъ Мотя, какой-то мѣщанинъ Очковъ и младшій сынъ Талищева, Николушка, слѣдователемъ были уже арестованы. «Если все пойдетъ такъ, какъ шло до сихъ поръ» — писалъ Столешниковъ: «то публичное засѣданіе по этому дѣлу будетъ назначено, вѣроятно, въ концѣ августа и никакъ не далѣе начала сентября». Столешниковъ совѣтовалъ Ветлугину самому поспѣшить на мѣсто и, не теряя времени, настоять на арестованіи Клочкова, такъ какъ иначе, находясь на свободѣ, Клочковъ можетъ сильно повредить слѣдствію, въ чемъ отчасти уже и успѣваетъ: снова подкупилъ одного изъ важныхъ свидѣтелей, играетъ въ клубѣ въ карты съ прокуроромъ и другими властями, и пр. и пр.

— «Странно», сказалъ себѣ Ветлугинъ, дочитавъ письмо Столешникова: «положимъ, Клочковъ еще въ началѣ слѣдствія долженъ былъ выдти въ отставку изъ управы и далъ подписку о невыѣздѣ изъ губерніи и о явкѣ къ суду. Но вѣдь онъ коноводъ всего дѣла; какъ же его до сихъ поръ не арестовали?»

Краска бросилась въ лицо Ветлугина.

— «Я въ этомъ виноватъ!» прибавилъ мысленно Ветлугинъ: «нельзя было такой важный шагъ возлагать на одного Столешникова. Надо немедленно туда ѣхать. Клочковъ дѣйствительно можетъ сильно напортить. Или лично противъ него такъ мало уликъ?..»

Съ этими мыслями Ветлугинъ взглянулъ на другое письмо. Штемпель и марка на послѣднемъ были заграничные.

— «Отъ кого бы это?» не вскрывая письма, старался припомнить Ветлугинъ: «кто изъ моихъ довѣрителей, или ихъ родственниковъ теперь въ чужихъ краяхъ? Ченшины?.. Но онѣ въ Петербургѣ, и я на-дняхъ еще получилъ оттуда ихъ письмо...»

Антонъ Львовичъ снова взглянулъ на штемпель. На почтовомъ конвертѣ, нѣсколько неясно, было оттиснуто слово: Montreux.

Письмо дрогнуло въ рукѣ Ветлугина.

— «Отъ Кирилы Григорьича!» мелькнуло въ его головѣ: «онъ вѣроятно обращается, по старой памяти, ко мнѣ, прося моего совѣта или иной, болѣе существенной помощи, по его дѣлу съ аббатомъ. А можетъ быть и кто другой, видя безпомощное положеніе Вечерѣевыхъ, пишетъ ко мнѣ, напримѣръ, Егоровна... Она же кстати разъ ко мнѣ ужъ и обращалась. Наконецъ, съ Кириломъ Григорьичемъ могло случиться несчастье. Что, если онъ умеръ? Могъ повториться ударъ. Въ такомъ случаѣ, Аглая — нѣтъ сомнѣнія — окончательно подпадетъ вліянію разныхъ аббатовъ... А тамъ, съ благословенія папы, поступитъ въ какой-либо, извѣстный особой строгостью уставовъ, католическій монастырь;

отцовскія земли, воды и лѣса продасть и все, вмѣстѣ съ собой, принесетъ, въ видѣ лепты, Ватиканскому нищему...»

Ветлугинъ вскрылъ письмо.

Сперва нѣсколько разсѣянно, потомъ внимательнѣе онъ прочелъ первыя строки, протеръ глаза и кинулся ближе къ окну. Онъ взглянулъ на подпись въ концѣ послѣдней страницы, ухватился за сердце и, чуть не вскрикнувъ, опрокинулся на спинку стула. Что-то давно подавленное, глубоко-спрятанное на днѣ души мгновенно пробудилось и зазвучало.

Письмо было отъ Аглаи.

— Она ли это? она ли, дорогая, далекая? подумалъ Ветлугинъ, помутившимся, радостнымъ взоромъ вглядываясь въ бѣгавшія передъ нимъ строки письма: да! она!.. ея почеркъ!.. Но что со мной? не вижу ничего...

Онъ бросился въ кабинетъ, заперъ дверь на ключъ, распахнулъ окно, выходившее въ садъ и, при яркихъ, послѣднихъ лучахъ зари, прочелъ слѣдующія строки:

«Швейцарія. Монтрё, 2/14 августа. Вы, Антонъ Львовичъ, по всей вѣроятности, сильно удивитесь, увидѣвъ, откуда и кто вамъ пишетъ это письмо? Я не хочу быть предъ вами въ долгу. Около года назадъ, вы мнѣ высказали въ письмѣ столько горькой, поражающей и дорогой правды... Тогда я вамъ не могла и не рѣшалась отвѣчать. Я была въ то время тамъ, за чертой, въ другомъ, особомъ мірѣ,—откуда—клянусь вамъ — я никогда не надѣялась возвратиться. А между тѣмъ, вы видите, я возвратилась... И всѣмъ этимъ я обязана вамъ, вамъ однимъ, незабвенный, далекій и — позвольте такъ выразиться — дорогой мой другъ. Вы меня вспомнили въ такую пору, когда я менѣе всего могла разсчитывать на вашу память и—скажу прямо—на ваше снисхожденіе. Не нахожу словъ, чтобы выразить вамъ горячую, безпредѣльную благодарность, какъ за ваши тогдашнія напоминанія, такъ и за ваши горькія, но безцѣнныя для меня укоризны. Отнынѣ,—клянусь вамъ — хотя вы имѣете полное право мнѣ болѣе не вѣрить, — пока я буду жить, мыслить и чувствовать, во мнѣ никогда не умреть благодарность къ вамъ за все и, прежде всего, за то, что вы дали мнѣ возможность спасти моего отца. До вашего письма, я не могла даже подозрѣвать того положенія, въ которомъ онъ находился. Теперь отецъ возвращенъ къ жизни и, благодаря Бога, скоро вѣроятно будетъ внѣ всякой опасности. Когда онъ узналъ, кому онъ этимъ обязанъ, — я ему это недавно сказала, — восторгу его не было предѣловъ. Потомъ, я вамъ признательна и за себя. Съ моихъ

глазъ окончательно упала завѣса, изъ-за которой мнѣ все казалось въ иномъ, не настоящемъ свѣтѣ. Но обо мнѣ лично рѣчь впереди. Да и станете ли вы теперь слушать подобныя рѣчи? Если судьбѣ угодно, чтобъ мы когда-нибудь,—о чемъ, впрочемъ, я не смѣю и думать, — снова съ вами встрѣтились, и если бы вы, при этомъ, захотѣли меня выслушать, я бы вамъ объяснила всѣ тѣ невыразимыя, душевныя муки и всю ту нравственную пытку, которыя я выдержала въ эти годы. Я искала въ монастырѣ высшей истины и ее тамъ не нашла. И я убѣждена, вы не осудите, — можетъ быть даже простите меня, — какъ за мои ошибки, такъ и за тѣ огорченія, которыя я могла невольно вамъ причинить. Вотъ, добрый и дорогой мой другъ, все что́ было у меня на душѣ и что я теперь хотѣла вамъ передать. Времени нашего возврата въ Россію опредѣлить еще нельзя. Зимовать мы, во всякомъ случаѣ, вѣроятно, останемся въ Ниццѣ или въ Неаполѣ. Если мои письма вамъ не наскучатъ и вы расположены на нихъ хотя изрѣдка отвѣчать, пишите: это будетъ лучшимъ и единственнымъ моимъ утѣшеніемъ, вдали отъ родины.—Аглая».

Въ концѣ письма, какъ видно, прибавленная, спустя нѣкоторое время, другимъ, болѣе торопливымъ и вмѣстѣ несмѣлымъ почеркомъ, была сдѣлана слѣдующая приписка:

«P. S. Не имѣю силъ не сказать вамъ еще нѣсколько словъ... Что со мной? сама не знаю... Одно слово вашего *того* письма—вѣчно передо мной. Я долго колебалась, прежде чѣмъ рѣшилась отправить къ вамъ эти строки. Въ нихъ не все сказано... Сердце мое слишкомъ полно въ это мгновеніе... Я васъ просила тогда, при моемъ отъѣздѣ въ монастырь, забыть меня. Но я тамъ же писала: до васъ я не любила никого и, если бы когда-нибудь оставила монастырь, я, не задумавшись, вышла бы только за васъ... Другъ мой! Я теперь свободна. Пріѣзжай... Твоя навсегда.—Аглая».

Ветлугинъ вскочилъ и опять бросился къ окну. Не помня себя, онъ еще разъ прочелъ письмо и приписку къ нему. Мысли отказывались ему служить.

На дворѣ стемнѣло. Ясно было только поверхъ сосѣднихъ, еще освѣщенныхъ домовъ.

Невыразимая, тихая, давно-небывалая радость осѣнила душу Ветлугина, и все въ немъ заговорило, просіяло. Онъ закрылъ глаза. Золотой міръ улетѣвшихъ картинъ не отходилъ теперь отъ него, звалъ и манилъ его въ чудную даль.

Онъ схватилъ шляпу и выбѣжалъ на опустѣлый, покрывавшійся ночными тѣнями бульваръ.

— Извощикъ! крикнулъ онъ случайно-подвернувшемуся лихачу.

— Куда вашей милости?

— Ступай...

Лихачъ покатилъ. Съ громомъ пролетѣлъ рѣзвый, сѣрый съ подпалинами рысакъ одну улицу, другую, понесся переулками, чуть не задѣлъ кого-то и, фыркая, выскочилъ на обширную, застроенную лавчонками площадь.

— Да куда же вамъ, сударь? обернулся, приподнимая шапку, лихачъ.

— Куда хочешь...

Лихачъ понесся опять.

«Шутникъ», подумалъ извощикъ, косясь на барина: «а можетъ выпивши...»

Въ тотъ же вечеръ Ветлугинъ попалъ въ какой-то ярко-освѣщенный трактиръ. Гремѣлъ органъ. Половые, въ бѣлыхъ рубахахъ, сновали, ухарски размахивая тарелками. Ветлугину тоже что-то подавали. Его узналъ и подсѣлъ къ нему одинъ изъ его довѣрителей. Послѣдній былъ заика. «Досто-чти-чтимый, Ан-Антонъ Львовичъ, разсказывалъ ему свое дѣло довѣритель: „пред-пред-представьте... подлецы-то...» Ветлугинъ, улыбаясь, слушалъ его, слушалъ и вдругъ вскочилъ. Онъ черезъ столъ обнялъ его, расцѣловалъ въ озабоченное, потѣшно-изумленное лицо, и со словами: «извините меня, вы совершенно правы! притомъ вы отличный человѣкъ!» бросилъ половому деньги и выскочилъ на улицу.

Какъ въ ту же ночь Ветлугинъ очутился на дворцовой площадкѣ въ Кремлѣ, онъ тоже не могъ себѣ объяснить.

Полный мѣсяцъ высоко плылъ въ ясномъ, звѣздномъ небѣ, голубымъ, таинственнымъ блескомъ пронизывая мерцающую даль. Безчисленныя главы церквей, стѣны домовъ, чуть видные въ туманной мглѣ окрестные холмы и лѣса, яркіе просвѣты улицъ, съ вереницами фонарныхъ огоньковъ, и темный изгибъ рѣки, съ изрѣдка-гремѣвшими отъ ѣзды мостами, — все это казалось Ветлугину чѣмъ-то сказочнымъ. На Спасской башнѣ прозвонили часы.

«Одно слово моего письма какъ отозвалось въ ея душѣ!» размышлялъ Ветлугинъ: «а я сомнѣвался въ силѣ человѣческаго слова... Всѣ наши дѣла иногда не стоютъ одной мысли, брошен-

ной во-время въ міръ... Дорогая, далекая! Сколько ты страдала! сколько вынесла...»

Ветлугинъ опустилъ руку въ карманъ. Онъ боялся, съ нимъ ли письмо Аглаи, и не сонъ ли было это письмо?

Долго стоялъ, опершись о перилы площадки, Ветлугинъ. Ночь затихала надъ городомъ. Мглистая даль мерцала въ лунныхъ лучахъ. Тамъ, за этой далью, была дорога на родину Ветлугина. Тамъ онъ узналъ первое счастье, узналъ ее...

Въ три часа ночи Ветлугинъ возвратился къ себѣ, зажегъ лампу, сѣлъ къ столу и написалъ отвѣтъ Аглаѣ:

«Ты поймешь, съ какимъ восторгомъ я прочелъ твое письмо. Боюсь теперь одного: стóю ли я этого счастья, стóю ли тебя? Если бы не одно дѣло, связанное съ судьбою другихъ, я, ни минуты не медля, полетѣлъ бы къ тебѣ. Душа моя полна. Многое хочется тебѣ сказать. Но — будемъ терпѣливы. Подождемъ, чтобы съ нашимъ счастьемъ слилось и счастье тѣхъ, чьи радости составятъ наше лучшее утѣшеніе. На моихъ рукахъ важный процессъ, и я съ минуты на минуту жду, что меня вызовутъ на родину. Дѣло трудное. Противникъ силенъ. Не хочу упоминать, въ эти мгновенія, его темнаго имени. О, если-бъ ты знала, съ какимъ нетерпѣніемъ я буду ждать минуты, когда явлюсь въ Монтрё и переступлю твой порогъ. Я разсуждаю, самъ себѣ даю совѣты, но не ручаюсь: хватитъ ли у меня силъ вытерпѣть, — не запереть на ключъ контору и не полетѣть къ тебѣ? Жди во всякомъ случаѣ депеши. Твой — А. В».

Утромъ Ветлугинъ самъ отвезъ это письмо на почту. Черезъ день онъ послалъ телеграмму Столешникову, съ вызовомъ его въ Москву. А когда Аввакумъ Андреичъ пріѣхалъ и сообщилъ, что докладъ по дѣлу черезъ недѣлю, черезъ двѣ будетъ готовъ, онъ ему передовѣрилъ всѣ свои дѣла и, — не посылая депеши, — выѣхалъ въ Москвы.

XL.

Опять на родинѣ.

Вмѣсто двухъ-трехъ дней, Ветлугинъ жилъ въ родной губерніи третью недѣлю и, какъ это его ни огорчало, все еще не видѣлъ особенно благопріятнаго исхода въ дѣлѣ съ Клочковымъ. Большинство свидѣтельскихъ показаній клонилось къ обвиненію второстепенныхъ подсудимыхъ, почти не касаясь главнаго изъ нихъ. Вслѣдствіе того, Клочковъ былъ на свободѣ и, какъ казалось, совершенно спокойно и смѣло ждалъ близкой развязки дѣла. Ни-чуть не измѣнивъ образа жизни, онъ будто сталъ еще беззаботнѣе и веселѣе: посѣщалъ знакомыхъ, театръ, клубъ, игралъ въ карты и сыпалъ деньгами. Комнаты его, съ утра до ночи, были полны разнымъ дѣловымъ людомъ: предпринимателями новыхъ банковыхъ и торговыхъ оборотовъ, газоваго освѣщенія, водопроводовъ и даже асфальтовыхъ тротуаровъ и мостовыхъ. Нѣсколько разъ Петръ Иванычъ, какъ-бы случайно, промчался въ коляскѣ, на чистокровныхъ рысакахъ, мимо дома Льва Саввича, гдѣ, какъ всѣ въ городѣ знали, жилъ въ это время его противникъ по дѣлу.

Въ арестѣ Клочкова Антону Львовичу было отказано. Ветлугинъ пропустилъ время: въ ту пору въ городъ уже пріѣхалъ главный защитникъ Клочкова. Это былъ одинъ изъ первыхъ столичныхъ адвокатовъ, извѣстный какъ своимъ краснорѣчіемъ, такъ и тѣмъ, что брался за всякое дѣло, насколько бы неприглядно съ виду оно ни было. «Адвокатъ тотъ же врачъ, а врачъ развѣ имѣетъ право разбирать, къ кому изъ больныхъ ему идти, или не идти»? говорилъ этотъ адвокатъ. Онъ забывалъ, впрочемъ, въ этомъ случаѣ, главное правило врачей. А именно, прежде чѣмъ идти на зовъ кліентовъ, онъ обыкновенно выговаривалъ впередъ,—и притомъ письменнымъ условіемъ — за свою помощь такіе куши, о какихъ рѣдко кто изъ врачей и во снѣ грезилъ.

До дня судебнаго разбирательства по дѣлу оставалось не болѣе недѣли. «Уѣзжать нельзя, — рѣшилъ Ветлугинъ, опасно!... Пробуду здѣсь, покончу съ защитой и тогда уѣду, не связанный ничѣмъ». Ему совѣтовали побывать у прокурора, у предсѣдателя суда. Онъ не былъ ни у кого. Изрѣдка навѣщалъ только Фокиныхъ, а остальное время проводилъ съ отцомъ. Аглаѣ онъ не давалъ знать о своихъ предположеніяхъ касательно выѣзда, чтобъ еще болѣе обрадовать ее неожиданностью свиданія.

Клочковъ эти дни не дремалъ.

Его защитникъ, подъ благовидными предлогами, объѣздилъ не только всѣхъ крупныхъ представителей суда, но посѣтилъ губернатора, вице-губернатора, предводителя и даже полиціймейстера. Онъ ежедневно обѣдалъ въ клубѣ, нѣсколько разъ появлялся на гуляньяхъ и настоялъ передъ судомъ о вызовѣ множества вліятельныхъ и извѣстныхъ связями и богатствомъ лицъ. Эти господа приняли на себя благосклонный трудъ свидѣтельствовать передъ присяжными засѣдателями о добропорядочности, честности, человѣколюбіи и прочихъ гражданскихъ доблестяхъ Петра Иваныча, въ томъ числѣ даже о его уваженіи и любви къ наукамъ и искусствамъ. Были подъ рукой, къ сроку доклада, пущены, отъ лица какъ-бы случайныхъ корреспондентовъ, и весьма ловкія сообщенія въ нѣкоторыя изъ столичныхъ газетъ. Въ этихъ статьяхъ Клочковъ выставлялся неповинной жертвой неблагонадежныхъ пройдохъ. Упоминались низкія, противуобщественныя страсти, зависть черни къ высшимъ сословіямъ и даже интернаціоналка. Привезены были и собственные, нарочно подготовленные защитникомъ, стенографы—для записыванія преній, въ тѣхъ именно краскахъ и съ тѣми оттѣнками, какія было угодно придать этому дѣлу со стороны усердной защиты. Для избраннаго же общества Клочковымъ даны были два вечера, на которыхъ были условлены нѣкоторыя особыя со стороны гражданъ дѣйствія: составленіе на всякій случай адресса отъ города, оваціи на судѣ и послѣ суда и проч.

Все, казалось, шло хорошо. Друзья Клочкова не унывали.

Одинъ Клочковъ былъ не совсѣмъ спокоенъ. Что-то зловѣщее, темное и безобразное, мимо его воли, вставало и шевелилось въ его душѣ. Его грызъ внутренній, невидимый ни для кого, злой и неугомонный червь. Тяжелое, ѣдкое и неисходное сомнѣніе день и ночь терзало его. Тревожнымъ взоромъ всматривался онъ вдаль и не видалъ тамъ ничего утѣшительнаго.

— «Что, какъ?» думалъ онъ, замирая наединѣ и несмѣлыми, торопливыми шагами принимаясь ходить взадъ и впередъ по кабинету: «что, какъ оборвётся? Что тогда?.. И гдѣ этотъ дьявольскій, черновой набросокъ? Гдѣ эта распроклятая, забытая мною бумага? Неужели она цѣла и я ее не уничтожилъ?»

Запершись на ключъ, Петръ Иванычъ до того шагалъ по комнатѣ, что лампа звенѣла на столѣ и статуэтка Бисмарка чуть не падала, колыхаясь на книжномъ шкафѣ.

— «И кому могъ понадобиться этотъ обрывокъ? куда—сто тысячъ чертей бы тебѣ въ глотку!—куда я его запропастилъ? Разорвалъ

ли я его, засунулъ ли куда-нибудь? Вотъ и презрѣніе къ бумажному хламу до чего довело... Нѣтъ, нѣтъ! не можетъ быть! Этой бумаги у меня нѣтъ... Слѣдователь, въ мое отсутствіе, шнырялъ здѣсь вездѣ, обнюхалъ и осмотрѣлъ всякую щель и всякую пылинку. Въ печахъ, въ трубахъ, даже подъ обоями онъ искалъ и ничего не нашелъ. Все, что я вспомнилъ, уничтожено заблаговременно и со вниманіемъ. Но объ этомъ обрывкѣ я забылъ, и онъ долженъ быть цѣлъ, не истребленъ. Гдѣ онъ? И что, если эта бумага попадетъ въ руки суда? А, тётенька? какова штучка?.. О! скорѣе лети, распроклятое время! Скорѣе отбыть судебное слѣдствіе, выслушать глупыя, обвинительныя рѣчи, видѣть ослиныя рожи присяжныхъ... Митрóхинцы, просившіе по улицамъ милостыню, гдѣ вы? Идите судить Петра Ивановича Клочкова...»

Бумага, такъ волновавшая Петра Иваныча, была хорошо памятный ему, собственноручный, черновой набросокъ одного изъ срочныхъ его отчетовъ по опекѣ надъ имѣніемъ Ченшиныхъ. Этотъ набросокъ ловко составленныхъ, но, разумѣется, вымышленныхъ цифръ былъ имъ, въ концѣ минувшаго отчетнаго года, посланъ по почтѣ управителю Ченшинскихъ имѣній. Послѣдній, однако, тогда же его извѣстилъ, что имъ былъ полученъ пустой конвертъ. Клочковъ въ то время не обратилъ какъ-то на это должнаго вниманія. Теперь же это обстоятельство бросало его въ холодъ и въ жаръ. Либо состряпанный имъ набросокъ въ ту пору кѣмъ-нибудь изъ конверта былъ вынутъ, либо самъ Петръ Иванычъ, по разсѣянности, забылъ его туда вложить. Но куда-жъ онъ дѣлся? И какъ это случилось? Столько разъ онъ пересылалъ, такимъ же способомъ состряпанные, черновые наброски, и бывшій съ нимъ въ стачкѣ управитель постоянно, по минованіи надобности, возвращалъ ему ихъ для истребленія.

Подозрѣвать управителя?

Но самъ же этотъ управитель былъ не только привлеченъ къ слѣдствію и къ суду, а даже арестованъ и, сидя въ острогѣ, всячески выгораживалъ изъ дѣла какъ себя, такъ — въ равной степени—и Клочкова. Снестись же съ нимъ объ этомъ, для болѣе точныхъ развѣдокъ, не было уже теперь никакой возможности.

Петръ Иванычъ, скрѣпя сердце, до послѣднихъ мелочей пересмотрѣлъ и прочелъ всю свою переписку, справлялся на почтѣ и подсылалъ довѣренное лицо къ женѣ Ченшинскаго управителя. Это лицо у послѣдней также перерыло весь бабій хламъ, лазило на крышу и въ колодезь, даже срывало половицы и ночью коегдѣ копало землю. Желаемая бумага не отыскалась.

Толки въ городѣ, передъ докладомъ дѣла Клочкова, дошли до сильной степени напряженія. Ветлугина, разумѣется, въ высшихъ слояхъ осуждали. «Начать такое вопіющее, несправедливое дѣло!» говорили о немъ мѣстные тузы: «да кто же послѣ этого изъ насъ безопасенъ?» Сочувствовали Ветлугину пока немногіе изъ горожанъ. За два, за три дня до доклада дѣла (такъ это было нарочно устроено), изъ столицъ стали подходить газеты, со статьями, писанными рукой друзей Клочкова. Въ одной изъ этихъ статей объ Антонѣ Львовичѣ вскользь говорилось, какъ о человѣкѣ во всякомъ случаѣ недобронадежномъ, вслѣдствіе того, что онъ, за свой образъ мыслей, былъ посылаемъ нѣкогда прогуляться за Уралъ. Въ другой намекалось на то, что и его отецъ когда-то, за опасныя мнѣнія, былъ принужденъ оставить мѣсто учителя гимназіи. Въ концѣ же концовъ друзья Петра Иваныча постарались Антону Львовичу нанести ударъ еще и съ той стороны, откуда онъ менѣе всего могъ этого ожидать.

Предсѣдатель училищнаго совѣта, въ угоду нѣкоторымъ изъ вліятельнѣйшихъ тузовъ, придрался къ неловкому отвѣту изъ закона Божія одного изъ учениковъ школы Льва Саввича. Не успѣлъ Левъ Саввичъ дать объясненій, какъ инспекція, черезъ подлежащее начальство, сдѣлала ему строгій выговоръ, да кстати при этомъ отрѣшила и лучшаго изъ учителей школы, а именно— преподавателя математики, Коребякина. А когда Левъ Саввичъ гдѣ-то позволилъ себѣ выразиться, что такъ нельзя, что это насиліе и беззаконіе, ему замѣтили, что если дѣла въ его училищѣ пойдутъ и далѣе, какъ шли до сихъ поръ, то оно, безъ замедленія, будетъ и вовсе закрыто.

Левъ Саввичъ этими передрягами былъ глубоко взволнованъ и огорченъ.

— Какъ? меня подозрѣвать въ сѣяніи плевелъ? говорилъ онъ: о, я имъ покажу, какъ меня трогать! Къ начальнику учебнаго округа, въ департаментъ, къ министру напишу... И если не возьмутъ назадъ несправедливаго выговора мнѣ, я сниму вывѣску со школы и самъ ее, безъ нихъ, закрою... Пусть бѣдные мальчики и дѣвочки, вмѣсто занятій грамотой, шляются—по колѣни въ грязи — по улицамъ, отцамъ водку изъ кабаковъ таскаютъ, воруютъ. Пусть эти дѣти переполняютъ пріюты несовершеннолѣтнихъ преступниковъ и всякихъ извращенныхъ шелопаевъ. Довольно терпѣть! Ѣду къ инспектору училищъ... Власьевна, кликни извощика...

— Полноте, папенька, оставьте,—успокоивалъ отца Антонъ Львовичъ: охота вамъ такъ волноваться отъ всякихъ кляузъ?..

Дѣлайте свое дѣло честно и тихо, и вѣрьте, все перемелется, мука будетъ...

— Какъ? и ты за этихъ слѣпорожденныхъ? Коребякина, лучшаго моего учителя, надежду юныхъ педагоговъ, отрѣшили, а я, сложа руки, буду все это сносить? Нѣтъ, шутишь...

— Жаль Коребякина, что и говорить! но онъ молодъ и не пропадетъ... На мѣсто его явятся другіе... А вы у меня... у всѣхъ... одинъ...

— Нѣтъ, закрываю школу! Не уважають моихъ трудовъ,— столько лѣтъ я о ней мечталъ и хлопоталъ,—спекулянтомъ изъ-за нея чуть не сдѣлался... А какой-нибудь скверный, выгнанный изъ старыхъ канцелярскихъ трущобъ, секретаришка подсунулъ обо мнѣ лживый докладъ, и его подписали?.. Не надо школы... Кабакъ на ея мѣстѣ устрою; за прилавкомъ самъ подлою свѣтланой стану торговать... Или кафе-шантанъ заведу, гдѣ наемныя, безстыдныя дѣвицы канканъ будутъ танцовать... Ѣду...

— Да погодите же, куда вы? скоро ночь! Инспекторъ живетъ на дачѣ, за городомъ. Дорога идетъ лѣсомъ... Отложите поѣздку на завтра... выслушайте хоть слово...

Но Левъ Саввичъ былъ неумолимъ.

Онъ схватилъ шляпу, объявилъ, что возвратится еще засвѣтлю, къ чаю, и уѣхалъ.

Засвѣтло, однако же, Левъ Саввичъ домой не возвратился. Стемнѣло.

Антонъ Львовичъ поднялся на вышку. Его тревожило это долговременное отсутствіе отца. Но онъ успокоился, сообразивъ, что смежно съ дачей инспектора училищъ былъ и загородный домишко одного изъ сослуживцевъ отца по гимназіи. Левъ Саввичъ, въ случаѣ запозданія, могъ найти у этого товарища теплый пріютъ. А потому, не дожидаясь отца къ чаю, Ветлугинъ принялся за окончательную провѣрку данныхъ для судебной рѣчи. Это навело его на цѣлый рядъ тяжелыхъ и грустныхъ мыслей, какъ о дѣлѣ, занимавшемъ его теперь, такъ и о той печальной общественной средѣ, въ которой оно возникло и созрѣло. Собирался онъ писать и нѣкоторыя письма, въ томъ числѣ къ своимъ довѣрительницамъ Ченшинымъ, закидывавшимъ его кучей вопросовъ по процессу.

Вечеръ былъ уже на исходѣ.

Пробило девять часовъ. Ветлугинъ сидѣлъ передъ столомъ, заваленнымъ грудою дѣловыхъ бумагъ. Изрѣдка взглядывалъ онъ на полки съ книгами, на портретъ Ломоносова, висѣвшій на

стѣнѣ, прислушивался къ свисту машины на желѣзнодорожной станціи, къ гулу уличной ѣзды.

— «Вотъ и поѣздъ курьерскій пришелъ»,—размышлялъ онъ: «значитъ, скоро ужъ и десять часовъ. Надо сказать Власьевнѣ, чтобъ ложилась спать. Отецъ навѣрное остался ночевать на дачѣ у пріятеля. Такая темь... Да и мнѣ пора. Завтра свиданіе со вновь-подъѣхавшими свидѣтелями. Какая-то купчиха Лутошникова съ сестрой тоже искала видѣть меня съ утра; противъ мужа искъ за невѣрность затѣваетъ...»

Ветлугинъ взялъ лампу и хотѣлъ уже спуститься внизъ, какъ на лѣстницѣ послышались знакомые шаги. На порогѣ показалось недовольное и заспанное лицо Власьевны.

— Тамъ къ тебѣ какія-то двѣ принцесы пришли! — сказала она, зѣвая въ руку: времени, вишь, днемъ мало; но ночамъ еще шилохвостницы ходятъ...

— Кто такія? Лутошниковы?

— Каки Лутошниковы?

— Да что утромъ спрашивали? съ сестрой приходила...

— Не знаю. Должно, не онѣ.

— Такъ вѣрно къ отцу. Спроси, не на счетъ ли школы?

— Экъ, зарядилъ! говорятъ, что къ тебѣ. Одна съ виду барыня, а другая такъ быдто нікономка, али горничная. Шутъ ихъ разберетъ!—опять зѣвая, сердито добавила Власьевна.

— Такъ вотъ что: скажи имъ, няня, что меня дома нѣтъ, чтобъ завтра пришли.

— Ну, ужъ этого нельзя. Пальто твое и шляпа въ передней; онѣ увидѣли, и я сказала, что ты дома. Опять же онѣ говорятъ—безпремѣнно нужно тебя видѣть.

«Ужъ не Ченшины ли подъѣхали?» пришло въ голову Ветлугину.

— Въ такомъ случаѣ, няня, проси,—сказалъ онъ: только не надолго; скажи, очень молъ занятъ и усталъ. Введи ихъ и ступай спать. Я и самъ за ними дверь затворю. Есть въ залѣ лампа?

— А ты думаешь, такъ-то ихъ держу, въ потьмахъ? разумѣется, зажгла!—спускаясь съ лѣстницы, ворчала Власьевна.

Она передала посѣтительницамъ отвѣтъ барина и отправилась восвояси. Спустя нѣсколько минутъ по ея уходѣ, оставилъ вышку и Ветлугинъ.

Недоумѣвая, кто бы могъ его спрашивать въ такую пору, онъ пріостановился и изъ прохода подъ лѣстницей заглянулъ въ залъ. Въ полу-освѣщенной прихожей, съ дорожнымъ мѣшкомъ

въ рукахъ, сидѣла, закутанная платкомъ, какая-то старушка. Не видя ея спутницы, Ветлугинъ вошелъ въ залъ и взглянулъ передъ собой...

Съ дивана, стоявшаго вправо, у двери въ кабинетъ, на встрѣчу Ветлугину встала и робко ступила нѣсколько шаговъ сухощавая, стройная особа, въ темномъ пальто и съ вуалью на лицѣ... Изъ-подъ шляпки падали пряди густыхъ, недлинныхъ волосъ. Сквозь сѣтку вуаля глядѣли черные, какъ-бы усталые глаза...

«А! младшая изъ Ченшиныхъ!» подумалъ Ветлугинъ. — Но устремленные на него ласковые, ожидающіе глаза говорили другое...

Что-то близкое, дорогое, съ упрекомъ и съ мольбой, кротко смотрѣло этими глазами.

— Вы меня не ждали?—тихо спросила, не двигаясь съ мѣста, стройная особа...

XLI.

Гостья.

— Аглая!.. васъ-ли?.. тебя-ли вижу?—обезумѣвъ отъ радости, вскрикнулъ Ветлугинъ.

Онъ бросился къ Аглаѣ.

— Какими судьбами? какъ и когда ты пріѣхала?

— Какъ видишь, прямо съ желѣзной дороги. Поѣздъ только что пришелъ...

— Но съ кѣмъ ты? гдѣ твой отецъ? здоровъ ли онъ? да садись же, садись.

Аглая сѣла на стулъ.

— Охъ, дай опомниться, сказала она: видишь-ли... Отецъ, слава Богу, совершенно оправился... Но у насъ встрѣтилось одно непріятное дѣло. Впрочемъ, пустяки... Сверхъ того, надо было побывать въ имѣніи. Сперва было мы все поручили Фокиной. Но гдѣ же ей возиться съ подобными дѣлами? Вотъ я... то-есть, отецъ и посовѣтовалъ... Я рѣшилась сама съѣздить въ имѣніе и, не успѣвъ о томъ предупредить Фокиныхъ, съѣздила...

— Съ кѣмъ?

— Съ Егоровной... съ ней и къ тебѣ теперь заѣхала...

Комната, лампа, дверь въ кабинетъ, дверь въ корридоръ—все заколыхалось въ глазахъ Ветлугина.

— Милая! дорогая! вотъ подарила! вотъ не ожидалъ! вскрик-

нулъ онъ, сжимая и цѣлуя блѣдныя, худыя руки Аглаи: и я считалъ мгновенія, и я... Но ты меня предупредила...

— Еще до деревни хотѣла я тебя извѣстить въ Москву. Да узнала, что ты здѣсь — о тебѣ всѣ говорятъ... толкують о процессѣ... Я покончила съ хлопотами— и вотъ...

— Нѣтъ, это невозможно! это сонъ! повторялъ Ветлугинъ: да сними же вуаль, пальто... Какъ ты поправилась, возмужала, даже будто подросла!.. А глаза, глаза... тѣ же...

Аглая покраснѣла, отвернулась.

— Разсказывай, слушаю! жадно вглядываясь въ пылавшее отъ дороги, смущенное лицо Аглаи, продолжалъ Ветлугинъ: сюда, къ столу.

Они пересѣли на диванъ, заговорили о прошломъ,—о страданіяхъ и сомнѣніяхъ другъ друга,—перешли къ надеждамъ на будущее. Восторгу ихъ обоихъ не было конца.

— Но позволь, у меня къ тебѣ и дѣло есть, — отстраняясь отъ объятій Ветлугина, сказала Аглая.

— Никакихъ дѣлъ мнѣ теперь не нужно, повторялъ онъ: и я знать ничего, кромѣ тебя, теперь не хочу...

— То, что я скажу тебѣ, касается не тебя одного. Будешь слушать?

— Говори,—не спуская глазъ съ Аглаи, нехотя согласился Ветлугинъ.

— По пути въ деревню, на желѣзной дорогѣ, нѣсколько разъ при мнѣ произносили твое имя. Тебя хвалили... Можешь себѣ представить, какъ это отозвалось во мнѣ! Шли толки о предстоящемъ процессѣ противъ Клочкова... Тутъ только я поняла намекъ въ твоемъ письмѣ о трудномъ дѣлѣ, которое тебя заботило. Я сознавала, сколько тебя огорчало опасеніе за счастливый исходъ дѣла. Эта мысль не выходила у меня изъ головы. Тутъ я и вспомнила твое выраженіе: — помнишь, еще тогда, у насъ?—одинъ человѣкъ не сможетъ, смогутъ двое... И все я думала, какъ бы и чѣмъ тебѣ помочь... Вотъ, подготовляя въ деревнѣ купчую на лѣсъ, я стала разсматривать съ прикащикомъ бумаги и случайно наткнулась на два черновыхъ наброска... Оба они писаны рукой Клочкова... Я его руку знаю хорошо, — памятна мнѣ она...

Аглая изъ кармана пальто достала связку бумагъ, и, съ судорожной торопливостью, стала ихъ раскладывать по столу.

— Это счеты, письма, черновыя прошеній; а на этихъ двухъ надпись прежняго нашего прикащика—видишь? «присланы по ошибкѣ—отправить обратно...» Прикащикъ тотъ разсчитанъ—и

бумаги остались не отправленными. Такъ какъ въ нихъ упоминается имѣніе Ченшинныхъ, то я и подумала, не пригодятся ли онѣ тебѣ?

Ветлугинъ сталъ наскоро пробѣгать поданныя ему бумаги.

— Что, годятся? годятся?—лихорадочно-горѣвшимъ взоромъ, заглядывая въ лицо Ветлугину, допрашивала Аглая.

— Глазамъ своимъ не вѣрю! вскрикнулъ Ветлугинъ: не только годятся, въ нихъ теперь весь мой успѣхъ, вся побѣда...

— Что-же въ нихъ?—облокотясь головой на руки, съ тою-же напряженностью, допрашивала Аглая: я неученая; мнѣ такъ представилось... Съ отцомъ Адріаномъ я совѣтовалась, и онъ одобрилъ мысль объ отдачѣ этихъ набросковъ тебѣ.

Просмотрѣвъ бумаги, Ветлугинъ главныя изъ нихъ отложилъ къ сторонѣ и, съ замирающимъ сердцемъ, обернулся къ Аглаѣ. Онъ посмотрѣлъ на нее съ такою любовью, съ такой ласково-нѣжной улыбкой, что Аглая снова вспыхнула и невольно опустила глаза.

— Ты хочешь знать, что въ этихъ бумагахъ? спросилъ Ветлугинъ: это черновой сговоръ Клочкова съ его пособниками,— вѣрная, наконецъ, нить къ обличенію его подложныхъ опекунскихъ отчетовъ. Те-же, вѣроятно, производилъ этотъ примѣрный опекунъ и съ другими имѣніями... Привезя эти бумаги мнѣ, ты поступила, какъ лучшій, вѣрный другъ... болѣе того, какъ...

Ветлугинъ не договорилъ.

Онъ еще крѣпче прижалъ Аглаю къ своей, восторгомъ и счастіемъ дышавшей, груди. И не было, казалось ему, на свѣтѣ въ эти мгновенія ни его, ни Аглаи. Вокругъ него царили радость и блескъ безграничнаго, полнаго счастья.

— Ты помогла мнѣ, шепталъ онъ, осыпая поцѣлуями руки Аглаи: ты помогла, какъ та, которую я полюбилъ съ первой встрѣчи и которой не могъ разлюбить и не разлюблю никогда...

— Мы не разстанемся болѣе, не правда-ли? дѣтски-ласковыми, любящими глазами глядя на Ветлугина, спросила Аглая.

— Что ты сказала? что за вопросъ?

— Не удивляйся, продолжала Аглая: теперь и я боюсь за тебя, за мое счастье, жизнь! Боже мой! Не во снѣ ли все это? Не ошибаемся ли мы?.. Береги меня... Я же стану молиться, чтобы Господь далъ мнѣ силы быть тебя достойной, помогать тебѣ въ достиженіи успѣха въ твоихъ трудахъ... Когда у тебя докладъ по дѣлу?

— Теперь онъ, вѣроятно, будетъ отсроченъ. Бумаги эти передадутъ къ свѣдѣнію подсудимымъ.

— Но какъ, однако, ты разсчитываешь, когда состоится судъ?

— Черезъ недѣлю, можетъ быть и черезъ двѣ.

— А черезъ день послѣ того, мы всѣ—слышишь-ли?—всѣ опять поѣдемъ въ Дубки: ты, я, твой отецъ и Фросинька съ мужемъ. Согласенъ?

— А ты будешь ли согласна исполнить одну мою просьбу?

— Какую?

— Разрѣшить мнѣ снестись съ отцомъ Адріаномъ.

— О чемъ?

— Чтобы онъ принялъ всѣ нужныя мѣры...

— Къ чему?

— Чтобы немедленно, по нашемъ пріѣздѣ, насъ обвѣнчать...

Аглая вздохнула и съ улыбкой, какъ во время оно, молча положила обѣ руки на плечи Ветлугина.

— Еще не все,—сказалъ Антонъ Львовичъ: ты когда-то желала знать согласіе моего отца. Не увѣдомить ли и Кириллу Григорьича?

— О! давай бумаги и перо, отвѣтила Аглая: пошлемъ ему сейчасъ телеграмму.

— А твоя игуменья? шутилъ Ветлугинъ: я теперь законникъ... Знаешь ли ты изреченіе изъ Номоканона?.. «Монахъ или монахиня, аще пріидутъ во общеніе брака, да отлучатся...»

— Я не настоящая монахиня, а рясофорная! отвѣтила Аглая: да хоть бы и постриглась, такъ я-бы не посмотрѣла ни на кого...

Депеша въ Монтрё была написана. Ветлугинъ взглянулъ на часы—была полночь.

Онъ вспомнилъ о Егоровнѣ.

— Ну, милая, сказалъ онъ, разбудивъ кормилицу Аглаи: гдѣ думаете съ барышней пока остановиться?

— У Фокиныхъ господъ, ваше благородіе,—кланяясь, отвѣтила Егоровна: гдѣ-же и лучше? почитай, что свои... Да и не пора-ли, барышня? чай уже спятъ—не достучишься.

— Да, кормилица, пора, сказала Аглая: сходи, кликни извощика.

— Что вы, что вы! безъ закуски не пущу! остановилъ ихъ Ветлугинъ: нельзя такъ съ дороги. А чтобы Афросинья Адріановна не легла спать, пошлемъ за нею, и она, безъ сомнѣнія, явится сюда немедленно.

— Нѣтъ, нѣтъ! засуетилась, глядя на знаки, дѣлаемые Егоровной, Аглая: какъ можно безпокоить Фросиньку! Лучше я къ ней поѣду...

Но Ветлугинъ не согласился такъ скоро отпустить дорогую

тостью. Онъ вбѣжалъ во дворъ и сталъ стучаться въ кухонную дверь къ Власьевнѣ.

— Кто тамъ, лѣшій? сердито крикнула, бывшая уже въ постели, Власьевна.

— Самоваръ, голубушка, няня! самоваръ! пріѣхали, милая, пріѣхали!

— Да кто пріѣхалъ? и чего ты кричишь, какъ оглашенный? допрашивала, не отпирая двери, Власьевна.

— Невѣста моя пріѣхала,—шепнулъ сквозь двери Ветлугинъ.

— Господи Іисусе Христе! — говорила себѣ Власьевна, летя на извощикѣ къ Фокинымъ и крестясь большимъ крестомъ: и взаправду вѣдь прилетѣла лебедочка... Да какая смирная, тихая, да ласковая! а ужъ статная какая, королева—да и все! красавица писаная... Пошли имъ, Господи, пошли!..

Левъ Саввичъ, вопреки ожиданіямъ сына, ночевать на дачѣ у своего пріятеля не остался.

Сердитый отъ неудачнаго заѣзда къ властямъ (онъ по пути побывалъ и у предсѣдателя училищнаго совѣта), измученный ночною ѣздой по тряской дорогѣ напрямикъ,—Левъ Саввичъ подъѣхалъ къ своимъ воротамъ, вошелъ въ калитку, увидѣлъ свѣтъ въ нижнихъ окнахъ дома и, брюзгливо качая головой, пошелъ къ крыльцу.

— Этотъ Антонъ изъ рукъ отбился съ своею добротой! ворчалъ онъ, невѣрными шагами взбираясь на ступеньки: далеко за полночь; люди вездѣ спятъ; а онъ все еще съ просителями возится... И какой съ того толкъ? Кромѣ общихъ пересудъ, вкривь и вкось, ничего, кажется, не выйдетъ. Вонъ, инспекторъ-то, какъ о немъ отзывался! Вы, говоритъ, мутьяны здѣсь оба... задастъ вашему сыну Клочковъ, какъ его оправдаютъ присяжные...

Съ такими мыслями, Левъ Саввичъ вошелъ въ прихожую, снялъ шляпу и пальто, отворилъ дверь въ залъ и нѣсколько мгновеній разсѣяннымъ, сердитымъ взглядомъ прищуривался къ тому, что̀ увидѣлъ передъ собой.

Вокругъ стола, уставленнаго чайнымъ приборомъ, закуской и даже бутылками съ виномъ, сидѣли, весело разговаривая и не замѣчая его появленія, нѣсколько лицъ: Антонъ Львовичъ, Фокина, какая-то, повидимому изъ прислуги, старушка, повязанная платкомъ, и совсѣмъ раскраснѣвшаяся нянька Власьевна.

«Что за чепуха?» —презрительно скрививъ ротъ, подумалъ Левъ Саввичъ: «Антонушка чай распиваетъ съ горничными...»

Но то, что̀ вслѣдъ затѣмъ разглядѣлъ съ порога Левъ Саввичъ, еще болѣе озадачило его.

По другой сторонѣ стола, нѣсколько заслоненная пыхтѣвшимъ самоваромъ, сидѣла сухощавая, стройная особа. Она была молода и очень красива: большіе черные глаза, строгія губы, гордое и блѣдное, обрамленное пышными волосами лицо. Антонъ Львовичъ, нагнувшись, что-то ей нѣжно говорилъ, и въ его рукѣ была рука этой особы.

Приходъ Льва Саввича первая замѣтила Власьевна.

— Баринъ!—въ испугѣ шепнула она, вскакивая и въ попыхахъ почему-то хватаясь за самоваръ.

За нею встали и отошли къ сторонѣ Егоровна и Фокина.

— Папенька... началъ, подходя къ отцу и какъ-то растерянно, а вмѣстѣ торжественно-радостно глядя на него, Антонъ Львовичъ: позвольте вамъ представить... мою...

«Мою?... кто это?» съ прежней суровостью, хмуря брови, подумалъ Левъ Саввичъ.

Онъ чопорно и важно, склонивъ голову на бокъ, ступилъ два шага впередъ...

Красивая и стройная, гордо-державшая себя молодая особа, объ руку съ Антономъ Львовичемъ, молча подошла къ старику.

Льву Саввичу какъ-бы шепталъ кто-то въ ухо: «Коли она его, такъ и твоя, твоя!..»

Старикъ оглянулся. Точно ожидая чьей-либо опоры, онъ поднялъ на дѣвушку растерянно-мигавшіе глаза. И вдругъ замѣтилъ, что и она также пугливо, съ простой и несмѣлой улыбкой, будто ожидая отъ него какой-либо милости, любящими глазами покорно смотрѣла на него.

— Ахъ, да что̀-же?.. что это?... залепеталъ Левъ Саввичъ, чувствуя, какъ слезы сдавили ему горло: Антонушка!.. да неужели-же это?...

Онъ не договорилъ. Что-то прелестное и робкое, шурша шелковымъ платьемъ, торопливо склонилось къ нему.

— Такъ это вы?.. Аглая Кириловна?.. радостно всхлипывая и дрожащими руками нѣжно обнимая голову Аглаи, вскрикнулъ старикъ: Богъ васъ благословитъ, Богъ... а вы, а я...

Слезы не дали Льву Саввичу договорить. Ноги его подкосились. Онъ присѣлъ на край дивана. Фросинька и обѣ старухи, стоя поодаль у окна, также утирали глаза.

— За мной, за мной! сказалъ, вставая, Левъ Саввичъ.

Онъ провелъ сына и Аглаю къ себѣ въ спальню, снялъ со стѣны образъ, которымъ онъ и его покойная жена были когда-

то напутствованы въ церковь, спросилъ Аглаю и сына: «любите другъ друга?» и, прибавивъ опять: «охъ, да что-же я!» еще съ бо́льшимъ чувствомъ благословилъ жениха и невѣсту. Образокъ Аглаи, висѣвшій эти годы у его изголовья, онъ надѣлъ на себя.—«Съ нимъ, *съ нимъ — ему* благословеніемъ, — сказалъ Левъ Саввичъ Аглаѣ: я не разстанусь никогда! Тебѣ я уступаю сына, а ты... уступи мнѣ то, чѣмъ ты вымолила себѣ и ему это счастье...»

Былъ второй часъ ночи.

Аглая, въ сопровожденіи Фокиной, Антона Львовича, Егоровны и Власьевны, шедшей впереди всѣхъ съ фонаремъ, отправилась пѣшкомъ къ Фросинькѣ.

Улицы были пусты. Мѣсяцъ еще не заходилъ. Свѣтлая августовская ночь была тиха и тепла. Общество шло весело. Вспоминали прошлое. Говорили о будущемъ.

Возвращаясь съ Власьевной домой, Антонъ Львовичъ зашелъ на телеграфъ и отправилъ депешу Аглаи къ Кириллѣ Григорьичу. Въ этой депешѣ дочь извѣщала отца о данномъ ею словѣ, просила его согласія и благословенія, и, приглашая отъ себя и отъ жениха на свадьбу, прибавляла, что они готовы ждать его сколько бы онъ того ни пожелалъ.

Черезъ полторы недѣли, въ окружномъ судѣ, начались засѣданія по клочковскому дѣлу.

Самъ Клочковъ, вслѣдствіе новыхъ, открывшихся противъ него уликъ, былъ арестованъ и, съ другими подсудимыми, содержался въ губернскомъ, имъ же съ подряда когда-то построенномъ острогѣ. Зала суда не могла вмѣстить всѣхъ любопытныхъ, желавшихъ слушать это дѣло. Раздавались особые, впускные билеты. Вся губернская, служебная и неслужебная знать, въ томъ числѣ какой-то заѣзжій высшій сановникъ, командиръ военнаго округа, губернаторъ, предводитель, предсѣдатель управы и городской голова, присутствовали при этомъ. Судебное слѣдствіе тянулось два дня. На третій приступили къ преніямъ сторонъ. Прокуроръ былъ находчивъ, но черезчуръ придирчивъ и вообще болѣе боекъ, чѣмъ спокоенъ и сдержанъ. Защитники подсудимыхъ, и въ томъ числѣ развязный адвокатъ Клочкова, произнесли столь блистательныя и полныя ѣдкаго остроумія рѣчи, что публика, несмотря на звонокъ предсѣдателя и пожиманія плечами въ первыхъ рядахъ зрителей, нѣсколько разъ оглашала судебный залъ громкими рукоплесканіями. Престарѣлый сановникъ, нагнувшись къ

уху губернатора, пробшамкалъ: «Вотъ краснорѣчіе... Передъ Богомъ,—Тьера я слышалъ въ сорокъ восьмомъ—ни въ подметки-съ, ни въ подметки-съ...»

Адвокаты гражданскихъ истцовъ,—подъѣхавшій изъ Москвы Столешниковъ и Ветлугинъ,—не оправдали ожиданій большинства слушателей. Столешниковъ, въ ночь передъ засѣданіемъ, видѣлъ сонъ, будто Клочковъ убѣжалъ изъ острога и онъ его догонялъ, съ губернаторскимъ полномочіемъ, по тремъ желѣзнымъ дорогамъ., — догонялъ и не догналъ... На судѣ Столешниковъ просто срѣзался—вышелъ, что-то тихо промямлилъ, немилосердно еропша бороду, озирался по сторонамъ, замолчалъ и ушелъ.

Ветлугинъ также сначала не понравился публикѣ. Въ немъ ждали видѣть молодцоватаго, съ картинными движеніями оратора, изъ устъ котораго должно было вылиться нѣчто въ родѣ огненной, пересыпанной дерзкими и смѣлыми намеками, рѣчи Цицерона противъ Катилины. Предполагали, что этотъ плебей, сынъ бывшаго учителя гимназіи, не преминетъ швырнуть въ глаза высшему мѣстному обществу цѣлый градъ безпощадныхъ укоризнъ, ѣдкихъ сближеній и тонкихъ, какъ убійственный ядъ, сравненій, напоминаній и разоблаченій. Вышло другое...

Съ адвокатской скамьи, во фракѣ и въ бѣломъ галстухѣ, поднялся ничуть не картинный, простой и скромный на видъ, болѣе средняго, чѣмъ высокаго роста, господинъ, съ небольшой темнорусой бородкой и значительно-порѣдѣвшими, съ просѣдью, волосами.

— Кто это?—qui est ça?—кто *сей?*—послышалось со скамей зрителей. — Лорнеты, бинокли и пенсне́ обратились къ мѣсту оратора.

— *Самъ!*—многозначительно улыбаясь, шепнулъ предводитель сановнику.

— Тотъ, что въ *энтихъ* дѣлахъ... за Ураломъ?

— Самъ! повторилъ, кивая головой, предводитель.

Предсѣдатель суда переглянулся съ прокуроромъ, прокуроръ съ губернаторомъ. Стенографы обмакнули перья въ чернилицы и приготовились писать. Ветлугинъ сказалъ: «Господа судьи и господа присяжные засѣдатели!» остановился, бросилъ робкій взглядъ вокругъ себя, увидѣлъ сотни впившихся въ него глазъ,—презрительную и наглую улыбку Клочкова, блѣдное лицо старика Талищева, чьи-то круглые, какъ у телёнка глаза, чей-то плаксиво сложившійся, широкій и сочный ротъ,—оправился и сталъ говорить.

Говорилъ Ветлугинъ толково, но въ обобщенія и въ личности не вдавался. Вопреки ожиданіямъ предсѣдателя суда, первыя

мгновенія не спускавшаго глазъ съ колокольчика, онъ удерживался нападать — какъ на высшее общество, въ средѣ котораго возникло и развилось это дѣло, такъ и на прошлую, частную жизнь подсудимыхъ. Изрѣдка перелистывая лежавшія передъ нимъ выписки изъ слѣдствія, Ветлугинъ излагалъ дѣло такъ спокойно и сдержанно, какъ-бы никого, кромѣ членовъ суда и присяжныхъ, передъ нимъ и не было. Разсуждалъ онъ, повидимому, о чистѣйшихъ мелочахъ: о спутанныхъ и затемненныхъ невѣрными выводами цифрахъ, о подчисткахъ, вымышленныхъ итогахъ и перемаранныхъ, по личному сговору, черновыхъ набросках. Рѣчь Ветлугина, сухо-дѣловая и безпрестанно, какъ за кусты репейника, цѣплявшаяся за ненужные, по мнѣнію многихъ, путы,— за конторскіе счеты, книги и проекты хозяйственныхъ донесеній,—стала не на шутку утомлять слушателей.

— Что это онъ за меледу разводитъ? а какая снотворность! точно дьячокъ читаетъ!—шептали, позѣвывая, въ переднихъ рядахъ.

Стали покашливать, сморкаться и нетерпѣливо переминаться и на остальныхъ скамьяхъ.

— Sublime! Лихачъ-каналья! насмѣшливо щурясь на Ветлугина, думалъ про себя, охорашиваясь, Клочковъ.

— Ой, провалится онъ бѣдный! не утерпѣлъ въ полголоса шепнуть Коребякину и Левъ Саввичъ, сидѣвшій на послѣдней скамьѣ.

Ветлугинъ говорилъ болѣе часа.

Но странное дѣло... Чѣмъ далѣе онъ развивалъ доказательства, тѣмъ всѣ становились внимательнѣе. Съ средины его рѣчи, въ залѣ наступила мертвая тишина. На переднихъ, какъ и на заднихъ скамьяхъ, не раздавалось уже ни злыхъ насмѣшекъ надъ ораторомъ, ни громкаго кашля, ни сморканья. Всѣ, точно по мановенію волшебника, забыли и запальчивую, грубо-формальную рѣчь щепетильнаго и сухого прокурора, и пламенныя, полныя живыхъ и остроумныхъ выходокъ, прерываемыя громомъ рукоплесканій, рѣчи защитниковъ подсудимыхъ.

Въ головѣ слушателей вдругъ, и незамѣтно для нихъ самихъ, засѣла грозная, точно съ неба упавшая мысль...

Всѣ почувствовали себя какъ-бы спутанными и связанными по рукамъ и по ногамъ тѣми самыми цифрами, отчетами и итогами, о которыхъ такъ распространялся Ветлугинъ. И это сознаніе, прежде всего, сказалось въ самомъ Клочковѣ.

Онъ былъ подавленъ, ошеломленъ. Улыбка еще блуждала на его лицѣ. Но это лицо стало изъ-синя зелено. Глаза трусливо

впивались то въ судей, то въ оратора, то въ присяжныхъ. На публику Петръ Иванычъ уже не смотрѣлъ.

Ветлугинъ кончилъ также скромно, какъ началъ. Онъ сѣлъ, смутно оглядываясь и какъ-бы соображая, онъ ли это говорилъ? Щеки его горѣли. Глаза застилалъ туманъ.

Пренія прекратились. Предсѣдатель объединилъ ихъ въ заключительной рѣчи, объяснилъ и оцѣнилъ. Присяжные удалились для совѣщаній и постановки окончательнаго приговора.

— Что съ тобой? обратился къ Клочкову, на скамьѣ подсудимыхъ, красный какъ ракъ, Николушка Талищевъ: на тебѣ лица нѣтъ... стыдно! мужайся...

— Да,—съ дрожаніемъ нижней челюсти и какъ-то дрянно-растерянно улыбаясь, отвѣтилъ Клочковъ: зарѣзалъ этотъ шельмецъ Ветлугинъ, зарѣзалъ и пикнуть, кажется, не далъ... Готовь, Коля, да и ты, Петръ Иванычъ, пяточки... Чуть ли не по Владимірkѣ пойдемъ!

— Ну, а твоя пословица—держи носъ по вѣтру? спросилъ Николушка.

Клочковъ не отвѣчалъ. Онъ не спускалъ глазъ съ дверей, куда ушли присяжные, и думалъ: «Выдыбай, Митрóхинцы, да Самóхинцы! выдыбай! Водкой залью, какъ оправдаете... Тридцать новыхъ кабаковъ на свой счетъ устрою въ вашихъ волостяхъ...»

Присяжные вышли.

Предсѣдатель объявилъ ихъ рѣшеніе. Всѣ подсудимые, за исключеніемъ сына Талищева, Николушки, которому испрашивалось помилованіе, признаны виновными. Искъ гражданской стороны найденъ подлежащимъ удовлетворенію.

Ветлугинъ все это выслушалъ. Но того, чтó произошло вслѣдъ затѣмъ, онъ почти не сознавалъ.

Помнилъ онъ смутный гулъ смѣшанныхъ и взволнованныхъ голосовъ, восклицанія и суету вокругъ кого-то изъ зрителей, кому въ то время сдѣлалось дурно—(это былъ старикъ Талищевъ). Помнилъ надменные и холодно-презрительные взгляды, устремленные на него изъ переднихъ рядовъ. Чьи-то искреннія и торопливыя поздравленія онъ слышалъ, причемъ кто-то теплою, мягкою рукой крѣпко сжималъ и дергалъ его руку, и чей-то срывавшійся голосъ шепталъ ему одобряющія, ласковыя слова.

— Скорѣе, скорѣе отсюда! говорилъ ему, съ раскраснѣвшимся, измученнымъ лицомъ, Левъ Саввичъ: ты такъ объяснилъ имъ, Антонушка... такъ! Извини, это не пустозвонство... Ты разсѣкалъ, по ниточкамъ разсѣкалъ, какъ хирургъ... О! ты, Антоша, великъ и я никогда, до конца моихъ дней, не забуду того, чтó

сегодня ты далъ мнѣ выслушать и испытать... Нынѣшніе вѣнки— клюква, да вѣники... Нѣтъ цѣнителей...

XLII.

Возвратъ.

Былъ рѣдкій по времени, теплый и тихій день, одинъ изъ тѣхъ дней, которыми, какъ-бы случайно, даритъ природу осень— въ половинѣ сентября.

На небѣ не было ни облачка. Солнце грѣло точно въ маѣ. Благодаря теплу и двумъ-тремъ небольшимъ, передъ тѣмъ выпавшимъ дождямъ, равнины и лѣса смотрѣли также не по осеннему.

Крѣпкій и свѣжій листъ еще держался на кое-гдѣ только пожелтѣвшихъ деревьяхъ и кустахъ. Травы на лугахъ и скатахъ холмовъ были зелены. То здѣсь, то тамъ выскакивали послѣдніе осенніе цвѣты, на прощаньи пышно убирая пустѣющія послѣ лѣтней роскоши поля.

Все улыбалось и блестѣло въ чистомъ, ясномъ воздухѣ. Все глядѣло весело, бодро и празднично. Выводки чаекъ, подорожниковъ и скворцовъ, скучиваясь въ рѣзвыя, шумныя стайки, перепархивали по жнивьямъ и готовились къ отлету за дальнія моря. По бокамъ глухихъ, круторёбрыхъ овраговъ, отыскивая прятавшихся на зиму звѣрковъ, въ тернахъ и бурьянѣ рыскали молодыя лисицы. Вылинявшій, захудалый волкъ изъ лѣсу поглядывалъ на стада еще пасшихся въ полѣ овецъ...

По гладкому, зеленому взгорью, между сверкающихъ, въ ясномъ, какъ-бы хрустальномъ воздухѣ, холмовъ и долинъ, мчался желѣзно-дорожный поѣздъ. Онъ остановился у небольшой станціи.

Былъ полдень.

На площадку изъ вагона вышло и далѣе не поѣхало небольшое, веселое общество: двѣ молодыхъ дамы и трое мужчинъ. Свѣжій полевой воздухъ, блескъ и ширь зеленаго простора, точно въ распахнутыя настежь окна, повѣяли на вышедшихъ изъ вагона горожанъ.

Раздался звонокъ. Поѣздъ тронулся далѣе.

— А гдѣ же экипажъ? спросила одна изъ дамъ.

— Вотъ еще... мы и пѣшкомъ! отвѣтила другая: развѣ далеко? рукой подать... Пойдемъ прямо, лугомъ.

— Но рѣка? какъ мы черезъ нее? спросила первая.

— Видно и забыли жердочки? спросилъ старшій изъ мужчинъ: все знаю, все...

Это сказалъ Левъ Саввичъ. Онъ подалъ руку Аглаѣ и пошелъ съ нею впередъ. Антонъ Львовичъ подалъ руку Фросинькѣ. Фокинъ, переваливаясь съ ноги на ногу и поглядывая, гдѣ же вызванная по телеграфу коляска, лѣниво шелъ сзади всѣхъ. Скоро они спустились къ рѣкѣ.

Егоровна и Власьевна остались на площадкѣ. Сидя на чемоданахъ и сундукахъ, онѣ также высматривали подводу. Филатъ нѣсколько замѣшкался. Ни коляска, ни подвода еще не показывались отъ усадьбы.

— Вотъ пентюхъ, вотъ копунъ!—нетерпѣливо вертясь, ворчала Егоровна: лопни глаза, говоритъ, коли теперь пью; святитель Пантелей, говоритъ, помогъ... Вотъ-те и помогъ...

— Успѣемъ, матушка, что серчать! утѣшала Власьевна: а вы скажите, это ихній что-ли домъ?

— Ихній...

— Ахъ, какой превосходный и даже притомъ помѣстительный!—наставивъ ладонь къ глазамъ, съ вѣжливымъ умиленіемъ, восклицала Власьевна: а куда же это господа наши идутъ? остановились у воды... Нешто тамъ у васъ мостъ?

— Досточки, милая, досточки, — такъ и ходимъ по нимъ... У насъ по простотѣ...

— Ишь, ишь! точно стрекозы, барыньки-то наши запрыгали... Ахъ, да гляди, сватьюшка... И онъ-то, и старикъ-отъ нашъ, за ними тоже заковылялъ...

— Еще бы. На радостяхъ..

— Вона, перешли... На томъ уже берегу. А то у васъ садъ?

— Садъ.

— Какой важнѣющій! Яблоковъ, полагать надо, грушъ... предположительно, какъ роща...

— И, сватьюшка! Такіе ли еще бываютъ сады?..

— А какіе?

— Да вотъ мы съ барышней, съ Аглаей Кириловной, въ римской Италіи, гдѣ самъ папа римскій проживаетъ, пошли въ одинъ садъ.

— Ну, и что-жъ?

— Такъ тамъ, милая ты моя, на деревахъ—ни яблокъ, ни грушъ, а одни тебѣ апельцыны, да лимоны.

— Что ты!

— Право не лгу. Рви прямо съ вѣтки и ѣшь...

— А-ахъ! даже руками развела Власьевна: и папу римскаго, сватьюшка, видѣла?

— Охъ, согрѣшила, милая,—видѣла... Съ барышней въ ихней главной киркѣ три разъ была...

— Какой же онъ изъ себя такой папа?

— Свѣтится, милая, свѣтится...

— А-ахъ! закрывая глаза, удивлялась Власьевна: худъ, значитъ?

— Полненькій, сватьюшка, полненькій... А кожа вотъ, какъ у бабы тебѣ бѣлая... Ручки этакъ-то на животикѣ держитъ, и бритый, — ни бороды, ни усовъ... Да еще... только ужъ и не знаю, какъ и сказать...

— Что-жъ такое? замирая отъ страху, допытывала Власьевна.

— Охъ, и не спрашивай... Въ женскомъ, сватьюшка, платьѣ, въ женской юбкѣ, какъ есть, непутящій ходитъ: бѣлый тебѣ подолъ, башмачки, а на груди така пелеринка...

Подъѣхалъ въ коляскѣ Филатъ. Брови его были заботливо сдвинуты, но самъ онъ, подбодрившись для храбрости рюмочкой, ухмылялся.

— Ты, тётушка, солдатка? спросилъ онъ, черезъ плечо поглядывая на полный станъ и румяныя щоки прифрантившейся Власьевны.

— Солдатка была... а тебѣ, пучеглазый, что?

— Вдова?

— Вдова...

— Ну, я такъ... ничего, — на счетъ, значитъ, моего почтенія!—подсаживая въ коляску обѣихъ нянюшекъ, шаркнулъ ногой Филатъ.

Вещи были отправлены на подводѣ. Коляска спустилась къ рѣкѣ, выбралась на ту сторону и выгономъ бойко вкатила во дворъ. У воротъ она обогнала двухъ лицъ. То были священникъ, отецъ Адріанъ, и заѣхавшій къ нему для переговоровъ о близкомъ днѣ вѣнчанія братъ его, дьяконъ сосѣдней деревни, Софроній. Они шли для привѣтствія Аглаи Кириловны и ея жениха, и для совершенія, по ея заказу, молебна о здравіи вновь помолвленныхъ. Пѣвчіе, собранные отцомъ Софроніемъ по ближнимъ мѣстечкамъ, стояли уже на-готовѣ въ передней. Въ залѣ, передъ стариннымъ, итальянской живописи изображеніемъ Богоматери, былъ накрытъ столъ, горѣла восковая свѣча и знакомый Антону Львовичу дьячекъ, кланяясь, улыбаясь и поглаживая сѣдую косичку, держалъ на-готовѣ кадило.

Молебенъ начался. Пѣвчіе пѣли довольно сносно. Отецъ Адріанъ слова молитвъ произносилъ съ чувствомъ. Похожій на брата и сильно напоминавшій Лаокоона, чернокудрявый дьяконъ Софроній, въ возглашеніи многолѣтія властямъ и предстоящимъ, затмилъ своимъ басомъ славу соборнаго протодьякона. Лица всѣхъ и толпившейся въ корридорѣ прислуги были умилены и растроганы.

«Всё ложь, всё призраки и сонъ,—кромѣ этой вѣчной смѣны жизни и смерти, горя и счастья!..» думалъ Антонъ Львовичъ, стоя возлѣ Аглаи: «она — мое счастье, и я буду жить только для нея...»

«Жизнь—вотъ истина, и въ ней одной великъ дающій людямъ душу, мысли и сердце!» думала въ тѣ же мгновенія, стоя возлѣ Антона Львовича, Аглая.

Сѣли за столъ. Филатъ былъ въ полнѣйшемъ нарядѣ: въ новомъ фракѣ, бѣломъ галстухѣ и въ бѣлыхъ же, вязаныхъ перчаткахъ. Изъ кармана его, какъ-бы случайно высунувшись, выглядывалъ кончикъ краснаго, фуляроваго платка. Егоровна угощала Власьевну особо, въ дѣвичьей. Уголъ крашенаго стола былъ застланъ салфеткой. Пашутка подавала и принимала тарелки, а Власьевна, въ чепцѣ съ зелеными лентами, сидѣла на сундукѣ и, вѣжливо потрогивая вилкой подносимыя кушанья, все думала о словахъ, сказанныхъ ей Филатомъ.

— Молодой-отъ, соколъ-отъ нашъ каковъ! шептали, тѣснясь въ корридорѣ другъ изъ-за дружки, любопытныя дворовыя и деревенскія бабы: какого-же онъ званія, тетушка Егоровна, или какого будетъ чина?

— Штатскій полковникъ! проговорилъ, неся какое-то блюдо, Филатъ.

— Нѣтъ, бери выше, потому изъ судящихъ! — врала, не помнившая ногъ подъ собой, Егоровна.

— А она-то, голубушка, она! шептали сквозь слезы бабы: глядимъ на нее и думаемъ,—Владычица, она-ли?

— А ужъ любитъ-то она его, любитъ! закрывая глаза, вздыхала Егоровна.

— Ой-ли? подхватывали бабы, жадно вглядываясь въ свѣтлыя, радостныя лица помолвленныхъ.

Гдѣ-то хлопнула пробка.

Плывя на мягкихъ, вѣжливыхъ ножкахъ и салфеткой тщетно сдавливая шипѣвшее и бурчавшее горло бутылки, явился Филатъ. За нимъ, съ бокалами на подносѣ, Егоровна. Лицо Филата было торжественно-степенно. Онъ, хмурясь, глянулъ къ сто-

ронѣ жениха и невѣсты, торопливыми, дрожащими руками разлилъ въ бокалы шампанское и, еще съ большею важностью, сталъ его разносить вкругъ стола.

Прежде всего пили за здоровье помолвленныхъ, потомъ за ихъ родителей. Левъ Саввичъ провозгласилъ, полный сердечной теплоты, привѣтъ въ честь отсутствующаго отца невѣсты и хозяина дома, Кирилы Григорьевича. Фокинъ сказалъ нѣсколько искреннихъ и задушевныхъ словъ въ честь родителя жениха, котораго онъ, за эти годы, успѣлъ близко узнать и оцѣнить, и дружбой котораго особенно дорожилъ.

Всталъ и отецъ Адріанъ.

Онъ крякнулъ, лѣвою рукою придерживая рукавъ правой, попросилъ у всѣхъ извиненія, что не мастеръ говорить, и совершенно неожиданно произнесъ, построенную по всѣмъ правиламъ классическаго острословія, рѣчь—въ честь настоящей хозяйки дома, Аглаи Кириловны. Въ этой рѣчи упоминались и вновь зацвѣтшій, пышный „вертоградъ Давида", и воскресшая въ блескѣ новой жизни „лѣпокудрая и благоуханная лилія долинъ Энгадди" и даже „ликуй, добромысленная, во Сіонѣ"...

Послѣ обѣда всѣ разошлись по своимъ угламъ: Аглая, съ женой дьякона, въ свои верхнія, дѣвическія комнаты; Фокины въ библіотеку; отецъ Адріанъ съ братомъ во свояси; а Антонъ Львовичъ съ отцомъ въ бесѣдку, гдѣ они избрали себѣ помѣщеніе до дня свадьбы.

Вечерѣло.

Аглая взяла лейку и стала, по-старинѣ, на полянѣ и на балконѣ, поливать любимые отцовскіе цвѣты. Къ ней подошелъ Антонъ Львовичъ. Онъ взялъ ее подъ руку, обнялъ и прошелъ съ нею нѣсколько шаговъ.

— Я къ тебѣ съ просьбой, сказала Аглая.

— О чемъ?

— Увидишь. Даешь ли слово исполнить?

— Охотно.

Аглая молча повела Антона Львовича береговою дорожкой. Вскорѣ они углубились въ садъ.

Было тихо. Только крики гусей раздавались съ выгона, по рѣкѣ неслись величальныя пѣсни дѣвокъ и парней, да рѣзвые скворцы шумными стаями, точно ворохъ гречи между скирдъ, перекидывались поверхъ деревъ.

Аглая прошла съ Антономъ Львовичемъ къ полянѣ, гдѣ была могила ея брата. Липы вокругъ этого мѣста разрослись. Площадка была усыпана пескомъ; края ея усажены цвѣтами.

— Его нѣтъ на свѣтѣ, сказала Аглая, садясь у могилы на скамью: а, глядя на тебя, кажется, что онъ не умиралъ. Помнишь, мнѣ все мерещился бѣлый мальчикъ?.. Не правда ли, ты простишь меня, простишь, наконецъ, и ту, которая чуть-было навсегда не разлучила меня съ тобой?

— Полно, мой другъ! сказалъ Антонъ Львовичъ: никогда не были такъ истинны слова поэта — «нѣтъ правыхъ, и нѣтъ виноватыхъ!» какъ въ этомъ случаѣ съ тобой.

— Ты слишкомъ добръ, отвѣтила Аглая: не стóю я тебя... Развѣ... Да нѣтъ, что!.. это такъ ясно... Ты, всепрощающій, хочешь успокоить меня, когда все мнѣ служитъ только укоромъ за прошлое...

Антонъ Львовичъ крѣпко обнялъ Аглаю.

— Идя въ монастырь, сказалъ онъ: ты была только вѣрна себѣ... Ты искала истины, отвѣта на свои сомнѣнія... Ошибка состояла въ томъ, что ты искала выхода тамъ, гдѣ его нѣтъ? Да и ты ли одна? Горькій опытъ,—и въ немъ твоя заслуга и сила—вынесенный тобой, пригодится намъ въ будущемъ, какъ и превратности моей, не очень веселой, но искренно мною чтимой молодости.

XLIII.

На берегу.

Свадьба была назначена черезъ недѣлю. Ждали только Кириллы Григорьича, за которымъ давно за-границу уѣхалъ докторъ Милунчиковъ.

Столешниковъ также былъ во временной отлучкѣ. На него Антонъ Львовичъ и Аглая возложили странное, хотя весьма ему польстившее порученіе. Онъ поѣхалъ, съ письмомъ Аглаи, къ игуменьѣ, въ Краснокутскій монастырь.

Выигрышъ дѣла Клочкова значительно улучшилъ денежныя средства Аввакума Андреича. Ветлугинъ весь свой заработокъ уступилъ ему. Тотъ, помня свою судебную рѣчь, было замялся. Но Антонъ Львовичъ доказалъ, что весь тяжелый, предварительный трудъ лежалъ на одномъ Аввакумѣ Андреичѣ, и тотъ уступилъ.

Столешниковъ въ Красный-Кутъ отправился черезъ день по выѣздѣ изъ города Аглаи и ея гостей. Онъ успѣлъ запастись новой, щеголеватой одеждой, часами, хорошими сигарами, подровнялъ бороду, причесался и даже надушился.

Выѣхалъ онъ съ первымъ утреннимъ поѣздомъ, чтобы, покончивъ съ порученіемъ, поспѣть въ Дубки къ обѣду. Его удивило необычное множество путниковъ, наполнявшихъ этотъ поѣздъ. На промежуточныхъ станціяхъ еще подсаживались. Многіе, за неимѣніемъ мѣстъ, даже стояли.

— Куда это ѣдутъ? спросилъ онъ сосѣда-лавочника.

— Въ Красный-Кутъ, батюшка, къ явленной... Нешто вы не здѣшніе? Тамъ ноньче храмовой праздникъ.

На обительской станціи была такая давка и тѣснота, что Столешниковъ едва протолкался къ выходу. Монастырь отъ этого мѣста былъ еще въ двухъ верстахъ.

— Да вы куда? спросилъ Аввакума тотъ же лавочникъ: въ обитель? лошадку ищете? Напрасно; не найдете таперича... куда! Экъ вальма валятъ... Поспѣете къ поздней и пѣшкомъ.

— Per pedes apostolorum! брякнулъ басомъ кто-то изъ толпы.

Нечего дѣлать. Закурилъ Столешниковъ сигару и пошелъ «по хожденію апостоловъ». Дорога шла лѣсомъ и горами. Кое-гдѣ, въ тѣни просѣкъ и въ водомоинахъ, было сыро, и богомольцы, обгоняя другъ друга, усердно мѣсили ногами грязь.

— «Зналъ бы, ни за что бы не поѣхалъ!» разсуждалъ, въ тонкихъ лаковыхъ сапожкахъ шагая по скользкой, липкой глинѣ, Столешниковъ: «съ кѣмъ наши-то возятся! Съ какою-то игуменьей... Мало того, что отдали монастырю новую, каменную келью и всю пчелу. Еще отъ денегъ, вырученныхъ за лѣсъ, кажется, хотятъ поднести въ презентъ этимъ святошамъ... Пакетъ что-то претолстущій... Эхъ вы, дятлы смиренные, дятлы!.. Вотъ, говорятъ, русскіе герои и героини никогда почти не сходятся для мирнаго и сладкаго житія... Всѣ побасенки о нихъ — съ горькимъ концомъ... Эта, изволите ли видѣть, съ веселымъ... Лютеръ женился на монашенкѣ, — ну, и этотъ туда-же... Искатели истины! Недавній отрицатель и монахиня въ законный бракъ вступаютъ... Что-то выйдетъ изъ этого союза? Будутъ, разумѣется, дѣти, то-есть опять дятлы... И за ними... да неужели же за ними, что ли, будущее?..»

— Ну, а я бы тебѣ, ваше благородіе, лучше совѣтовалъ бы, какъ есть, не курить, обратился къ Столешникову, снявшій сапоги и босикомъ обходившій лужицы, лавочникъ: эвоси ужъ и

обитель... Какъ бы-те, братецъ, за озорство, не накостыляли тутъ шеи...

Столешниковъ увидѣлъ мрачныя лица обгонявшихъ его по взгорью богомольцевъ и съ досадой бросилъ сигару.

У воротъ монастыря онъ обтеръ кое-какъ ноги, оправился и спросилъ: «гдѣ игуменья?» — «У ранней», отвѣтили ему. «Скоро-ли кончится служба?..»—«Должно скоро».—Онъ походилъ за оградой, посидѣлъ на горѣ и черезъ часъ возвратился въ обитель. «Кончилась ранняя?» спросилъ онъ. «Кончилась, идетъ поздняя». Столешниковъ сталъ прохаживаться по двору.

Площадь передъ соборомъ была полна молельщиковъ. Одни, крестясь, входили въ храмъ; другіе выходили оттуда. Мѣщане, солдаты, мужики — всѣ были безъ шапокъ. Бабы, съ грудными дѣтьми, дѣвки, ребятишки—жались у келлій и у воротъ. Изъ церковныхъ, высокихъ дверей неслось стройное пѣніе. Ладономъ пахло оттуда. Слышалось тѣньканье кошельковыхъ звонковъ. Нищіе, юродивые, калѣки толпились у паперти. Съ вывихнутыми членами, въ рубищахъ, слѣпые, босые и съ зіяющими ранами, они шли и ползли по ступенямъ, крестясь и устремляя молящіе взоры на встрѣчу горѣвшей свѣчами внутренности храма, и головами падали во прахъ.

Столешниковъ, сторонясь отъ нихъ, также вошелъ въ церковь.

Его охватила духота спертаго, полнаго запахомъ свѣчей и лампадъ, воздуха. Кадильный дымъ, пересѣкаемый наискось лучами солнца, клубами медленно поднимался подъ темный куполъ. «Станемъ добрѣ, станемъ со страхомъ, вонмемъ святое возношеніе въ мирѣ приносити», возглашалъ дьяконъ. — «Милость мира, жертву хваленія», раздавались, въ отвѣтъ на это, стройные женскіе голоса на одномъ клиросѣ.... «Пріимите, ядите... пійте отъ нея вси...» слышались слова священника изъ алтаря. «Твоя отъ твоихъ, тебѣ приносяще о всѣхъ и за вся», добавлялъ онъ торжественно вслухъ народу. «Тебе поемъ, тебе благословимъ, тебе благодаримъ, Господи», подхватывали десятки нѣжныхъ, бархатныхъ голосовъ на другомъ клиросѣ. Кучи русыхъ, черныхъ, лысыхъ и сѣдыхъ головъ быстро склонялись въ кадильномъ дыму. Простыя и добрыя, загорѣлыя, худыя и хмурыя лица, съ напряженнымъ ожиданіемъ, молитвой и тоской, устремлялись къ строгому, потемнѣлому лику выставленной среди храма явленной иконы... «Господи!.. Владычица!.. Спасе!.. услышь и помилуй!» неся молящій шепотъ тысячи устъ...

— «Гдѣ я? что это? что съ ними?» думалъ, растерянно оглядываясь, Столешниковъ. Пѣніе клира, блескъ свѣчей, черныя ман-

тіи и клобуки инокинь и земные поклоны и шепотъ молельщиковъ — все это слилось въ немъ въ одно чувство: онъ былъ подавленъ, смущенъ и вмѣстѣ какъ-бы стоялъ гдѣ-то на недоступной высотѣ. Голова его кружилась.

— Вамъ, сударь, игуменью? склонясь къ его уху, спросилъ дорожный сосѣдъ: вонъ она, пречестная... Аки львица, съ жезломъ стоитъ...

Столешниковъ взглянулъ передъ собой.

Вправо, у особаго придѣла, полуосвѣщенная солнцемъ, на возвышенномъ мѣстѣ, за рѣшеткой, стояла мать Измарагда. Въ одной ея рукѣ были чотки, въ другой настоятельскій, высокій посохъ. Черная мантія крупными складками спадала вокругъ ея стройнаго, бодраго стана. Черный бархатный, съ воскрыліями, клобукъ красиво оттѣнялъ ея бѣлое, полное, съ большими сѣрыми глазами, усиками и гордо-очерченными губами, лицо. То была дѣйствительно львица: взоръ ея былъ спокоенъ. Но чувствовалось, — поведетъ она густою, черною бровью, двинетъ калиновымъ посохомъ,—и громы и молніи полетятъ изъ ея гордо-сложенныхъ губъ.

«Видѣхомъ свѣтъ истинный, пріяхомъ духа небеснаго, обрѣтохомъ вѣру истинную»—раздалось съ клиросовъ. Народъ сталъ сильно толпиться у явленной иконы. Столешниковъ былъ смятъ, придавленъ и, какъ ничтожная былинка, оттертъ къ сторонѣ. Видѣлъ онъ новую страшную давку, привалъ и отвалъ народной волны. Видѣлъ, какъ нѣсколько инокинь торопливо протолкались къ игуменьѣ, раболѣпно приняли ее подъ руки и торжественно и бережно повели изъ церкви. Измарагда шествовала тихо и важно, кланялась на обѣ стороны, среди растyпившейся толпы, и ни на кого не глядѣла.—«Меня не замѣтила!» подумалъ Столешниковъ: «вѣрно обо мнѣ ей не сказали...»

— Доложите настоятельницѣ, что я съ письмомъ отъ Вечерѣевой!—какъ-то особенно подбодрясь, сказалъ Аввакумъ Андреичъ у входа къ игуменьѣ.

Его попросили подождать и ввели на верхъ въ какую-то, кипарисомъ и перцомъ, какъ показалось ему, пахнувшую горенку.

Все здѣсь было уютно и чисто: бѣлые чахлы на мебели, бѣлая простилка на ярко-навощенномъ полу, лаковый поставецъ съ книгами, иконы въ углу. Ни звука не доходило сюда. Только лампады мигали у образовъ, да мѣрно стучало собственное сердце Столешникова. Четверть часа ждалъ онъ, полчаса. Никто не появлялся, никто о немъ не вспоминалъ.

— «Что же это?» разсуждалъ онъ: «сижу, какъ въ гробу... И ѣсть уже хочется... А имъ и дѣла нѣтъ до меня. Гдѣ они? чѣмъ заняты? И чтó дѣлаетъ, куда стремится эта странная, особая, непонятная мнѣ сила, — сила стольких народовъ, странъ и вѣковъ?»

Дверь на-лѣво растворилась.

Въ той же мантіи, съ тѣмъ же посохомъ и съ тѣмъ же выраженіемъ строгаго, бѣлаго лица, на порогѣ явилась мать Измарагда.

— Письмо отъ Аглаи Кириловны, сударь? спокойно и вѣжливо спросила она.

«Огорошу ее, скажу, что за мужъ та выходитъ!» подумалъ Столешниковъ, подавая пакетъ.—Игуменья вскрыла и стала читать письмо. Кромѣ письма въ пакетѣ оказался, на крупную, сумму, банковый билетъ. Игуменья будто его не замѣтила.

— Новый храмъ, съ Божьей помощью, мы затѣяли,—вздохнула, указывая гостю кресло и сама садясь, Измарагда: Аглаѣ Кириловнѣ не угодно участвовать въ построеніи... На пріютъ немощнымъ, да на школу она жертвуетъ.. Благодарны мы и за то...

Измарагда замолчала. — «Спрячетъ ли она въ карманъ билетъ?» думалъ, глядя на нее, Столешниковъ: «или не спрячетъ?»

— А какъ здоровье Аглаи Кириловны? спросила, небрежно кладя на столъ письмо и билетъ, игуменья.

— Завтра ея свадьба,—рѣзко отвѣтилъ Столешниковъ.

Измарагда и глазомъ не повела.

— Что же, Господь ей помоги, — глянувъ на образъ и тихо перебирая чотки, сказала игуменья: жизнь человѣка не себѣ, но Богу. И въ семьѣ, сударь, можно спастись, лишь бы молитвы... Нестроеніе въ мірѣ, смуты и соблазнъ... Стефанъ Махрицкій, Меѳодій Пѣсношскій, Нилъ Столбенскій—сколько богоносныхъ, святыхъ отецъ прежде въ мірѣ жили... А сподобилъ Господь, сошли на стезю спасенія... Такъ-то и мы, грѣшныя, такъ-то слѣпыя и плотоугодныя...

Какъ кадильный дымъ, возносился и таялъ голосъ игуменьи. Раздались чуть слышные шаги. Вошла съ подносомъ келейница. Мать Измарагда подала Столешникову просвиру.—«Это, сударь, нашъ поклонъ и привѣтъ Аглаѣ Кириловнѣ», сказала Измарагда: «будемъ за нее молиться, будемъ Господа просить... А ты потрапезовать съ нами не желаешь ли?»

Столешниковъ отъ трапезы отказался.

«Сила! да какая еще сила!» раздумывалъ онъ, ѣдучи, на вечернемъ поѣздѣ, въ Дубки.

Аглая и Ветлугинъ представлялись ему теперь нѣсколько въ иномъ свѣтѣ. На пути онъ услышалъ разговоръ о Ветлугинѣ, и этотъ разговоръ очень его занялъ.

— Ну, Антонъ Львовичъ, поздравляю,—сказалъ Столешниковъ, когда подали лампы и общество стало собираться въ залу, къ чайному столу: тебѣ предстоитъ выборъ въ уѣздный училищный совѣтъ, а не то и въ управу...

— Слышалъ, отвѣтилъ Ветлугинъ.

— Поприще почтенное, продолжалъ Аввакумъ: сколько ты разныхъ злоупотребленій разгромишь и выведешь на свѣжую воду... Вонъ, посредникъ Антифѣевъ какія статьи печатаетъ о здѣшнихъ явленіяхъ... страсть!..

— Знаешь,—перебилъ пріятеля Ветлугинъ: мнѣ эта служба, еслибъ она дѣйствительно выпала мнѣ на долю, представляется совсѣмъ иначе.

— А какъ?

— А вотъ видишь ли. У Антифѣева волостныя власти разворовали весь мірской хлѣбъ и съ молотка продаютъ увольненія отъ рекрутчины, а онъ статьи пишетъ. Я бы не писалъ, а сѣлъ бы въ телегу, да понемногу лично и объѣхалъ бы всѣ триста или тамъ пятьсотъ гатей, плотинъ и мостовъ на проселкахъ нашего уѣзда,—да изучилъ бы всѣ овраги и провалья на дорогахъ,—изъ сельскихъ школъ бы не выходилъ—дѣла всякаго не мало... А въ концѣ года что-нибудь путное и предложилъ бы собранію...

— «Колпакъ и размазня»! рѣшилъ, слушая Антона Львовича, Столешниковъ: «одно доброе дѣло на своемъ вѣку сдѣлалъ, упекъ Клочкова... Да и то, не будь я, — чорта бы съ два порѣшилъ онъ это дѣло такъ гладко...»

Когда всѣ усѣлись къ чаю, значительно выпившій Филатъ, покачиваясь, подалъ Аглаѣ на подносѣ, присланное начальникомъ станціи, заграничное письмо. — «Съ поѣздомъ давече пришло», пояснилъ Филатъ. Аглая прочла это письмо и, отирая радостныя слезы, передала его жениху.

«Отъ Кирилы Григорьича!» пронеслось у всѣхъ въ головѣ. Общество на нѣсколько мгновеній смолкло...

Антонъ Львовичъ подсѣлъ къ лампѣ и сталъ про себя читать письмо. Кирило Григорьичъ подтверждалъ въ немъ, переданное уже по телеграфу, свое согласіе на бракъ Аглаи съ избраннымъ ею женихомъ. Онъ поздравлялъ ихъ отъ всей души и, говоря, что, съ первой-же встрѣчи съ Антономъ Львовичемъ, онъ крѣпко его полюбилъ и считалъ какъ-бы за сына, сожалѣлъ, что пріѣхать къ свадьбѣ не можетъ.—«Докторъ Фоссъ не пускаетъ,»—писалъ Вечерѣевъ: «говоритъ, что всякая тревога и сильная радость мнѣ еще вредна. Надо подождать. Я съ нимъ съѣздилъ въ Женеву и не только тамъ совершилъ, но уже и выслалъ, черезъ посольство, на твое имя, Аглая, формальную дарственную запись на всё мое имѣніе. Послѣ происшествія съ аббатомъ, я уже не довѣряю ни себѣ, ни своей способности распоряжаться хозяйственными дѣлами. Оставаясь же на нѣкоторое время въ Швейцаріи, я надѣюсь, что вы, мои друзья, съ весны меня навѣстите и дадите мнѣ лично насладиться вашимъ обоюднымъ счастьемъ. Квартиры не перемѣняю. Найдете меня все тамъ же, на берегу озера, въ Монтрё,—въ «Швейцарскомъ пансіонѣ». Но если бы, паче чаянія, мнѣ и окончательно предписали остаться здѣсь, я роптать не буду. Не тебѣ, Алинька, быть въ монастырѣ, а скорѣе мнѣ. Ты молода и много еще можешь принести пользы и счастья себѣ и другимъ. Только мой монастырь будетъ въ иномъ родѣ... Вотъ осудила бы мать Измарагда, еслибъ узнала, чтó я называю монастыремъ... Видъ на озеро и на голубыя горы, віолончель, книги и журналы (надѣюсь, будете высылать мнѣ и русскія), банкетная выпивочка (это мнѣ скоро уже обѣщаютъ), стаканъ рейнскаго Liebfrauen-Milch, изрѣдка бесѣды съ новымъ другомъ моимъ, докторомъ Милунчиковымъ,—онъ остается въ Женевѣ—хочетъ изучать душевныя болѣзни,—вотъ мое затворничество. На него я выговариваю себѣ, мои друзья, отъ васъ немного (въ письмѣ названа весьма скромная цифра). Экстренныхъ расходовъ у меня не будетъ. Развѣ на покупку цвѣтовъ, для которыхъ содержательница пансіона, въ видѣ особаго исключенія, уступаетъ мнѣ еще и уголъ въ своемъ верхнемъ, виноградномъ саду. Да пришлите мой переводъ Мильтона—я нашелъ новыя комментаріи на этого поэта и займусь ими...»

Антонъ Львовичъ прочелъ собесѣдникамъ это письмо. Всѣ заговорили о Кирилѣ Григорьичѣ и о былыхъ временахъ Дубковъ. Лампы ярко освѣщали залъ и ряды фамильныхъ портретовъ, ласково смотрѣвшихъ теперь изъ потемнѣлыхъ рамъ на все общество. Дверь на балконъ была открыта.

Столешниковъ развернулъ губернскія вѣдомости, также привезенныя съ почты. Вдругъ онъ измѣнился въ лицѣ и судорожно скомкалъ газету...

— Что съ тобой? спросилъ его Антонъ Львовичъ.

— Представь, — испуганно и растерянно озираясь, отвѣтилъ Столешниковъ: пишутъ, что прокуроръ нашелъ какія-то неправильности въ разбирательствѣ процесса Клочкова и подалъ протестъ,—рѣшеніе присяжныхъ, вѣроятно, будетъ отмѣнено...

Эту вѣсть и Антонъ Львовичъ встрѣтилъ неравнодушно. Пальцы рукъ его дрогнули. Краска бросилась ему въ лицо. Онъ взялъ газету.

— Мошной тряхнулъ Петряйка, — басомъ шепнулъ брату дьяконъ Софроній.

— Я не теряю надежды!—пробѣжавъ замѣтку, сказалъ Антонъ Львовичъ: судъ помѣряется съ Клочковымъ и передъ другими присяжными.

— О, разумѣется, подхватилъ Столешниковъ: я ему теперь покажу... Все выясню предъ судомъ...

Храбрость Аввакума Андреича, однако, вскорѣ погасла. Онъ смолкъ и совсѣмъ опѣшилъ.

Стали накрывать ужинъ. Общая дружеская бесѣда возобновилась. Отецъ Адріанъ прохаживался по залѣ, разговаривая съ дочерью о внучатахъ. Отецъ Софроній доказывалъ Фокину возможность лицепріятія со стороны прокурора. Антонъ Львовичъ, не выпуская изъ рукъ похолодѣвшей руки Столешникова, старался его утѣшить надеждой на новый бой съ Клочковымъ. Но, ободряя упавшаго духомъ пріятеля, Ветлугинъ самъ чувствовалъ, что его слова не совсѣмъ искренни и что въ нихъ звучала какая-то фальшивая нота.

Аглая слушала Антона Львовича и не спускала съ него глазъ. — «Ну, есть ли хоть одинъ человѣкъ на свѣтѣ лучше его?» думала она: «и въ силахъ ли я его осчастливить? О, еслибы я могла быть его достойной!»

Замѣтивъ отсутствіе Льва Саввича, она незамѣтно встала и вышла въ гостиную, а оттуда на балконъ. Старикъ Ветлугинъ давно здѣсь стоялъ, наслаждаясь тишиной и свѣжестью ясной ночи.

— Что вы смотрите? спросила Аглая, подходя къ нему.

— Любуюсь звѣздами... Чудная ночь... и сколько ихъ!.. Такъ всегда бываетъ въ свѣтлыя, сентябрьскія ночи... Вонъ сыплятся, мерцаютъ, и будто падаютъ въ этотъ голубой туманъ... Миріады звѣздъ!.. Но я ищу между ними одну... ты ее знаешь...

Аглая не дала договорить Льву Саввичу. Она его обняла.

— Папенька, вы не откажете мнѣ? спросила она.

— Въ чемъ?

— Не покидайте насъ, останьтесь жить съ нами! Вамъ у насъ будетъ хорошо... Библіотека, садъ, цвѣты...

— Нѣтъ, милая, нѣтъ, дорогая,—сказалъ Левъ Саввичъ: всякому свое... У меня на рукахъ школа,—росточекъ только пустила, далеко еще до плода. Надо её сберечь и дать ей окрѣпнуть. А вотъ, если сыну дѣйствительно удастся работать по земству и вы съ нимъ успѣете устроить твердую поддержку моей школѣ, я вамъ буду очень благодаренъ.

Левъ Саввичъ не договорилъ. Много мыслей роилось въ его головѣ. Ласково обнимая Аглаю, онъ продолжалъ смотрѣть въ ясное, звѣздное небо и, не замѣчая подошедшаго къ нему сына, разсуждалъ: «И меня несли сердитыя, тёмныя волны... роковой валъ подхватывалъ... И меня къ тихой пристани привела та далекая, — эта чистая и свѣтлая звѣзда.»

Вскорѣ послѣ сватьбы, Ветлугинъ дѣйствительно былъ избранъ въ члены училищнаго совѣта, а вслѣдъ затѣмъ и въ члены уѣздной управы. Служба, однако, ему не повезла. Послѣ ряда стычекъ съ новымъ предводителемъ, отставнымъ пятидесятилѣтнимъ, но малограмотнымъ поручикомъ, вездѣ и во всемъ видѣвшемъ козни, крамолу и чуть не близкое пришествіе антихриста, онъ взялъ отпускъ, и черезъ два мѣсяца вышелъ въ отставку. Клочковъ незадолго передъ тѣмъ судился вторично и, благодаря усиліямъ своего адвоката, былъ оправданъ. Столешниковъ собирался возобновить противъ него искъ съ другой стороны, а именно—за растрату имущества Вечерѣевыхъ. Школа Льва Саввича, при пособіи невѣстки и кое-кого изъ горожанъ, процвѣтала.

Былъ августъ 1873 года.

На Вѣнской всемірной выставкѣ, въ отдѣлѣ «Искусствъ» прогуливались двое русскихъ. То были Ветлугинъ и Аглая. Они особенно долго стояли передъ картиной Глѐза «Комедія человѣческихъ глупостей». Глядя на изображеніе пытокъ и казнѣй въ библейскія, средневѣковыя и позднѣйшія времена, Ветлугинъ сказалъ: «Вѣчная смѣна людскихъ заблужденій... Чтó вчера было закономъ, утѣшеніемъ и гордостью человѣчества, то сегодня отвергнуто, осуждено, отдано огню и мечу... Но жизнь не останавливается. Она идетъ впередъ... И кáкъ бы ни угнетали, кáкъ бы

ни преслѣдовали человѣка за его стремленія къ общему благу, къ торжеству истины на землѣ,—этихъ стремленій не истребить ничѣмъ...»

За спиной Ветлугина послышались голоса. Онъ оглянулся. Въ сопровожденіи переводчика и двухъ вѣнскихъ тузовъ,—толстаго, съ краснымъ лицомъ, банкира и тщедушнаго, въ парикѣ и съ ленточкой въ петлицѣ, журналиста,—шелъ Клочковъ. — «Excellenz, Excellenz!» вертясь передъ Клочковымъ и указывая ему на картину Реньó «Судъ въ Мароккo»—картавилъ журналистъ: «da ist nun eine Celebrität für ihre Palais, Excellenz!...»—Глаза Клочкова, однако, намѣтили другую картину, а именно: французское изображеніе роскошной, обнаженной женщины. Онъ сказалъ переводчику: «Вотъ, батюшка, штучка, такъ мое почтеніе! за эту я бы не пожалѣлъ ничего!» и скрылся въ разноязычной толпѣ, жадно тѣснившейся передъ лишенной одеждъ красавицей.

Григорій Данилевскій.

СОБСТВЕННЫЙ РОМАНЪ ЛИТЕРАТОРА

Lettres à une inconnue, par Prosper Mérimée de l'Académie Française. Paris, Michel Lévy frères, éditeurs. 1874.

Прошло болѣе трехъ лѣтъ, какъ умеръ одинъ изъ извѣстныхъ писателей Франціи, и только недавно открылось, что онъ велъ въ теченіи почти тридцати лѣтъ переписку съ дамой, имя которой остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ. Было высказано много догадокъ по этому поводу; быть можетъ, это просто мемуары, которымъ авторъ сообщилъ оригинальную форму воображаемой переписки, съ цѣлью замѣнить однообразіе монолога постоянною бесѣдою съ какимъ-то отсутствующимъ лицомъ. Во всякомъ случаѣ, интересъ переписки Меримэ зависитъ вовсе не отъ личности его неизвѣстнаго корреспондента: эта переписка весьма характеристична сама по себѣ, и она займетъ видное мѣсто въ числѣ литературныхъ памятниковъ для изученія эпохи и общества второй имперіи.

Просперъ Меримэ родился въ самыхъ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія: онъ былъ ровесникомъ Пушкина — тремя-четырьмя годами моложе его.

Кончивъ свое юридическое образованіе, онъ поступилъ въ сословіе адвокатовъ, но не велъ процессовъ, а перешелъ на государственную службу и занимался археологіей и литературой. Въ 1834 г. онъ назначенъ инспекторомъ историческихъ памятниковъ во Франціи и совершилъ нѣсколько археологическихъ поѣз-

довъ, отчетъ о которыхъ представилъ въ цѣломъ рядѣ сочиненій [1]). Въ 1844 г. его выбрали въ члены французской академіи на мѣсто Нодьé, а въ 1853 г. сдѣлали сенаторомъ. Вотъ вся его карьера. Въ то же самое время Мериме былъ близокъ ко двору, постоянно сопровождалъ императора и императрицу въ Фонтенбло, въ Компіéнь и въ Біаррúцъ. Былъ слухъ, что онъ состоялъ въ морганатическомъ бракѣ съ матерью императрицы Евгеніи, графиней Монтихо. Въ его перепискѣ находится, потому, много интересныхъ эскизовъ придворныхъ увеселеній и распущенности нравовъ высшаго общества второй имперіи, но послѣднихъ немного; онъ вообще предпочитаетъ не распространяться объ этомъ щекотливомъ вопросѣ и отдѣлывается лаконическимъ заявленіемъ: «У насъ здѣсь одна скандалёзная исторія смѣняется другой, еще болѣе скандалёзной... Все это весьма поучительно и заставляетъ опасаться, что близко свѣтопреставленіе...»

Свою литературную репутацію Мериме составилъ повѣстями, критическими статьями и историческими и нравоописательными очерками и романами. Для насъ, русскихъ, Мериме имѣлъ особый интересъ, какъ французъ, хорошо знавшій русскій языкъ, интересовавшійся нашей литературой, и печатавшій критическія статьи о Пушкинѣ и Тургеневѣ. Мериме даже написалъ нѣсколько произведеній, героями которыхъ являются Петръ Великій, Лжедмитрій, Стенька Разинъ, княжна Тараканова.

Вотъ какъ онъ отзывался о Пушкинѣ и И. С. Тургеневѣ:

«... Я увожу съ собой новое изданіе сочиненій Пушкина и обѣщалъ написать о немъ статью. Я читаю его лирическія стихотворенія и нахожу между ними много великолѣпнаго, совершенно въ моемъ вкусѣ, то-есть греческое по правдѣ и простотѣ. Есть, однако, довольно игривыя стихотворенія, которыя мнѣ бы хотѣлось перевести, потому что въ этомъ родѣ, какъ и во многихъ другихъ, онъ мнѣ кажется превосходенъ по точности и ясности...»

«... Рекомендую вамъ въ „*Revue des deux Mondes*“ романъ г. Тургенева, корректуру котораго мнѣ должны доставить и который прочитанъ мною по-русски. Онъ называется «*Отцы и Дѣти*». Въ немъ проведена параллель между поколѣніемъ, сходящимъ со сцены, и поколѣніемъ, вступающимъ въ жизнь. Въ немъ есть герой, представитель новаго поколѣнія, соціалистъ, матеріалистъ и реалистъ, но весьма умный и интересный чело-

---

[1]) „Voyage dans le midi de la France“ (1835), „Voyage dans l'ouest de la France“ (1836), „Voyage en Auvergne et dans le Limousin“ (1838) и „Notices sur les peintures de l'église de St. Savin“ (1845).

вѣкъ. Это весьма оригинальный характеръ, который вамъ понравится, надѣюсь. Этотъ романъ произвелъ большую сенсацію въ Россіи, и противъ автора сильно возставали, обвиняя его въ безбожіи и безнравственности. По моему мнѣнію, наилучшее доказательство успѣха то, когда сочиненіе вызываетъ подобную бурю въ публикѣ...»

По поводу романа И. С. Тургенева «Дымъ», Меримэ разсказываетъ слѣдующую забавную исторію:

«Существуетъ на свѣтѣ князь Августинъ Голицынъ, который перешелъ въ католицизмъ и не очень силенъ въ русскомъ языкѣ. Онъ перевелъ романъ г. Тургенева «Дымъ», который печатается въ „Correspondant", клерикальномъ органѣ. Мнѣ поручили просмотрѣть корректуру. Между тѣмъ въ этомъ романѣ есть вещи довольно смѣлыя, которыя приводятъ въ отчаяніе князя Голицына; такъ, напримѣръ, о ужасъ! есть русская княгиня, занимающаяся любовью съ отягчающимъ обстоятельствомъ супружеской невѣрности. Онъ пропускаетъ мѣста, особенно коробящія его, а я ихъ возстановляю по подлиннику. Князь весьма щекотливъ, какъ вы увидите. Знатная дама позволяетъ себѣ придти на свиданіе съ своимъ любовникомъ въ отель, въ Баденѣ. Она входитъ въ его комнату, и на этомъ глава кончается. Слѣдующая начинается такими словами въ русскомъ оригиналѣ: «Два часа спустя, Литвиновъ сидѣлъ одинъ на своемъ диванѣ». Неокатоликъ перевелъ: «*Часъ* спустя, Литвиновъ былъ въ *своей комнатѣ*». Какъ видите, это гораздо нравственнѣе, и сократить время на одинъ часъ, значитъ ослабить на половину грѣхъ. Затѣмъ, комната—вмѣсто дивана; это гораздо добродѣтельнѣе: диванъ можетъ служить для предосудительныхъ цѣлей. Но я, непреклонный на счетъ возложенныхъ на меня обязанностей, возстановилъ «два часа» и «диванъ»: однако главы, гдѣ это находится, не появились въ „Correspondant" за нынѣшній мѣсяцъ. Полагаю, что почтенные люди, редактирующіе его, подвергли ихъ безусловной цензурѣ. Это меня очень забавляетъ. Если романъ будетъ печататься дальше, то они найдутъ прекрасную сцену, гдѣ героиня рветъ кружево; это гораздо рискованнѣе дивана. Я жду ихъ на этомъ...»

Вотъ и другой анекдотъ, не менѣе забавный и довольно характеристичный въ своемъ родѣ. Когда Меримэ писалъ статью о Пушкинѣ, у него не оказалось сочиненій послѣдняго подъ руками. Но выслушаемъ его самого: «...всего курьёзнѣе, что я написалъ статью, не имѣя Пушкина при себѣ. Приведенные мною стихи я выучилъ наизусть въ ту эпоху, когда я бредилъ всѣмъ русскимъ. Здѣсь

много русскихъ, и я поручилъ одному изъ своихъ друзей достать для меня томъ отдѣльныхъ стихотвореній въ русской колоніи. Онъ обратился къ очень хорошенькой женщинѣ, которая вмѣсто стиховъ прислала мнѣ огромный кусокъ рыбы, пойманной въ Волгѣ и двухъ птицъ изъ того же края; все это было сварено въ нѣсколькихъ метрахъ отъ полюса. Но оно было довольно вкусно. Рыба должно быть была величиной пять-шесть футъ, судя по тому куску, который мнѣ прислали... Конечно, прислать съѣстного вмѣсто стиховъ, не значитъ подать камень вмѣсто хлѣба, и быть можетъ нѣкоторые отечественные гастрономы найдутъ совсѣмъ противное... Но все же, согласитесь, это довольно оригинально. А еще говорятъ, что русскія дамы не хозяйки! Это ли еще не *хозяйственность*. Въ Парижъ съ своей провизіей забралась...»

Какъ человѣкъ весьма образованный — Меримэ зналъ семь языковъ и ихъ литературу: итальянскій, греческій, латинскій, англійскій, испанскій, русскій и нѣмецкій, и, кромѣ того, понималъ нѣсколько испанскихъ нарѣчій — но, тѣмъ не менѣе, онъ всю жизнь оставался дилеттантомъ и переходилъ отъ одного занятія къ другому, не останавливаясь ни на какой спеціальности. Къ концу жизни онъ заинтересовался филологіей и занимался изученіемъ сравнительной грамматики. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ знатокъ въ архитектурѣ, скульптурѣ, живописи, и самъ прекрасно рисовалъ акварелью.

Но дилеттантизмъ наложилъ на него свою неизгладимую печать, и его переписка [1]), весьма живо рисующая его какъ человѣка, производитъ отчасти странное впечатлѣніе. Читается она съ живѣйшимъ интересомъ. Въ ней яркими блестками разсыпаются остроумныя и мѣткія замѣчанія, оригинальныя мысли, высказываются благородныя чувства, читатель вообще видитъ, что имѣетъ дѣло съ очень умнымъ, даровитымъ и образованнымъ человѣкомъ... и совсѣмъ тѣмъ, въ концѣ-концовъ, ощущаетъ какую-то пустоту и неудовлетворенность. Самой симпатичной чертой въ этихъ письмахъ и въ ихъ авторѣ является его прочная привязанность къ «незнакомкѣ», начавшаяся съ любви и кончившаяся дружбой. Но какъ одностороненъ и зачастую мелокъ авторъ въ своихъ политическихъ взглядахъ, какимъ индефферентизмомъ и холодомъ вѣетъ отъ его сужденій о самыхъ крупныхъ

[1]) Счетомъ 332 письма.

политическихъ событіяхъ! Съ какимъ страннымъ въ такомъ высокообразованномъ человѣкѣ глумленіемъ и дѣтской враждой относится онъ, напримѣръ, къ Гарибальди и къ освобожденію Италіи, причемъ у него вырывается слѣдующій бездушный возгласъ: «какое намъ дѣло до свободы какой-то оравы печниковъ и музыкантовъ!»

Онъ, впрочемъ, удѣляетъ политикѣ сравнительно мало мѣста и какъ-бы съ нѣкотораго рода брезгливостью спѣшитъ пройти мимо... «Политика, которую я перестаю совсѣмъ понимать, не можетъ служить для меня пріятнымъ развлеченіемъ», пишетъ онъ въ 1870 г. «Мнѣ кажется, что мы идемъ къ революціи худшей, чѣмъ та, которую мы пережили вмѣстѣ довольно весело (!) двадцать лѣтъ тому назадъ». И затѣмъ прибавляетъ: «я бы желалъ, чтобы представленіе нѣсколько отсрочилось, чтобы не присутствовать на немъ»!

Право, это восклицаніе образованнѣйшаго европейца невольно приводитъ на память возгласъ дикой Кабанихи, радующейся, что ее не будетъ на свѣтѣ, когда люди станутъ ѣздить на огненномъ зміѣ.

Скептикъ и мизантропъ, Меримэ всю жизнь провелъ безстрастнымъ наблюдателемъ. Онъ много путешествовалъ, былъ два раза въ Греціи и на Востокѣ, нѣсколько разъ посѣтилъ Англію, Испанію и другія страны, вездѣ наблюдалъ нравы, какъ высшаго общества, такъ и самыхъ низменныхъ слоевъ. «Я неоднократно», говоритъ онъ, «ѣдалъ изъ одной миски съ людьми, на которыхъ англичанинъ не захотѣлъ бы взглянуть, изъ боязни осквернить свое око. Я пивалъ изъ одной фляжки съ каторжниками». Онъ водился съ гитанами и торреадорами, бесѣдовалъ много съ крестьянами и крестьянками и занималъ ихъ своими разсказами. Онъ искалъ безъискусственныхъ и цѣльныхъ типовъ «изъ безпредѣльнаго любопытства познакомиться со всѣми разновидностями человѣческой породы». Но всегда и вездѣ оставался любопытнымъ и равнодушнымъ, порою даже бездушнымъ зрителемъ. «Съ женщинами въ Тиролѣ обращаются, по моему мнѣнію, такъ, какъ онѣ того заслуживаютъ. Ихъ привязываютъ къ телѣгамъ и онѣ успѣшно везутъ на себѣ большія тяжести. Онѣ показались мнѣ весьма безобразными, съ огромными ногами...» Это, конечно, не болѣе какъ *бутада*, но она весьма характеристична, потому что то же отношеніе, хотя менѣе рѣзко выраженное, проскользываетъ во многихъ мѣстахъ переписки; авторъ, который, разсчитывая на посмертное изданіе этихъ писемъ несомнѣнно, — по сло-

вамъ Луи-Блана, сказаннымъ о m-me Роланъ, — *a fait toilette pour la postérité.*

Доказательство того, что онъ непремѣнно разсчитывалъ на посмертное изданіе своихъ писемъ, находимъ въ одномъ изъ нихъ, гдѣ онъ говоритъ, по поводу одного изъ своихъ историческихъ сочиненій, что не стоило изъ-за него ѣздить нюхать пыль испанскихъ архивовъ, и выражаетъ надежду, что его будущій біографъ отдастъ должную дань честности этого признанія.

Интересную характеристику Проспера Меримэ даетъ Тэнъ:

«Я встрѣчался не разъ съ Меримэ въ свѣтѣ. Это былъ высокій, прямой, блѣдный человѣкъ, смахивавшій, за исключеніемъ улыбки, на англичанина; по крайней мѣрѣ онъ отличался тѣми холодными церемонными манерами, которыя впередъ исключаютъ всякую фамильярность. Въ немъ на первый же взглядъ бросались въ глаза флегма естественная или напускная, самообладаніе, сила воли и сдержанность. При церемонныхъ отношеніяхъ физіономія его пребывала особенно безстрастной. Но даже въ интимномъ кружкѣ и когда онъ разсказывалъ забавный анекдотъ, голосъ его оставался ровнымъ, спокойнымъ; онъ никогда не возвышалъ его, никогда не горячился; онъ передавалъ самыя уморительныя подробности въ приличныхъ выраженіяхъ, тономъ человѣка, который проситъ чашку чаю. Чувствительность свою онъ обуздывалъ съ такимъ совершенствомъ, что казалось ее вовсе у него не было. Надо сказать и то, что дрессировка началась спозаранку. Десяти или одиннадцати лѣтъ онъ въ чемъ-то провинился; его строго пожурили и выслали изъ гостиной. Въ слезахъ, въ смущеніи, онъ затворилъ за собою дверь, но вдругъ услышалъ смѣхъ; кто-то сказалъ: «бѣдный ребенокъ! онъ думаетъ, что мы очень разсердились!» —Мысль о томъ, что онъ въ дуракахъ, возмутила его, и онъ далъ себѣ слово обуздывать такую унизительную чувствительность и сдержалъ его. Μέμνησο ἀπιστεῖν (не забывай быть на сторожѣ)—стало его девизомъ.

«Избѣгать откровенности, увлеченія, энтузіазма, никогда и ничему не предаваться вполнѣ, постоянно держать себя на уздѣ, не давать себя обманывать ни другимъ, ни самому себѣ, дѣйствовать и писать, какъ-бы въ вѣчномъ присутствіи равнодушнаго и насмѣшливаго зрителя, быть самимъ этимъ зрителемъ— вотъ самая рѣзкая черта, укоренившаяся въ его характерѣ и отразившаяся на всѣхъ сторонахъ его жизни, произведеній и таланта.

«Онъ жилъ, какъ аматёръ: рано пріобрѣтя нѣкоторое довольство, Меримэ затѣмъ получилъ покойную и выгодную должность

инспектора надъ историческими памятниками, наконецъ, мѣсто въ сенатѣ и положеніе при дворѣ. По отношенію къ историческимъ памятникамъ онъ былъ компетентнымъ, дѣятельнымъ и полезнымъ человѣкомъ; въ сенатѣ онъ велъ себя настолько порядочно, что всего чаще отсутствовалъ или молчалъ; при дворѣ отличался независимостью и откровенностью сужденій.

«Путешествовать, изучать, наблюдать, проходить зрителемъ мимо людей и вещей—вотъ въ чемъ состояло его занятіе. Оффиціальныя узы не особенно стѣсняли его. Къ тому же, такой умный человѣкъ заставляетъ себя уважать *quand même;* его иронія пробиваетъ наилучшую броню. Такимъ образомъ, въ немъ жило два лица: одно, находясь въ обществѣ, прилично отправляло обязательныя и условныя церемоніи; другое—стояло возлѣ перваго и съ насмѣшливымъ или смиреннымъ видомъ наблюдало за нимъ».

Письма Меримэ къ «Незнакомкѣ» принадлежатъ двумъ періодамъ. Первый, когда онъ влюбленъ въ нее и постоянно ссорится съ нею, упрекаетъ ее въ холодности, эгоизмѣ, чопорности и проч. Второй періодъ, когда влюбленность смѣняется дружбой, которая и не ослабѣваетъ до самой смерти Меримэ.

О «Незнакомкѣ» можно сказать только, что она англичанка, принадлежала къ высшему обществу и пользовалась нѣкоторой независимостью, благодаря наслѣдству, полученному отъ кузена. Она любила путешествія, природу, музеи и памятники искусства. Меримэ занимается ея образованіемъ, направляетъ ея чтенія, внушаетъ ей любовь къ изученію языковъ и даже греческаго.

Знакомство ихъ, сколько можно судить по намекамъ, завязалось не совсѣмъ обыкновеннымъ образомъ.

Долгое время какія-то неизвѣстныя соображенія препятствовали «Незнакомкѣ» вести открытое знакомство съ Меримэ и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ они видались украдкой, въ музеяхъ, въ картинныхъ галлереяхъ, совершали таинственныя прогулки по окрестностямъ Парижа. Впрочемъ, свиданія эти происходили весьма рѣдко, и Меримэ высчитываетъ, что въ теченіе шести лѣтъ они видѣлись шесть или семь разъ, и если сосчитать всѣ минуты, которыя они провели вмѣстѣ, то въ результатѣ получится всего какихъ-нибудь три или четыре часа. Насколько можно понять, родственныя отношенія удерживали «Незнакомку» во Франціи, гдѣ она проводила одну часть времени въ Парижѣ, а другую въ провинціи.

Въ ту эпоху, когда завязалась эта переписка, пріятельница Мериме была очень хороша собой, съ великолѣпными черными глазами, о которыхъ онъ неоднократно упоминаетъ въ письмахъ, съ чудными волосами, аристократическими ручками и таліей сильфиды. Что касается ея отношеній къ Мериме, то легко догадаться, что она не была влюблена въ него, и это обстоятельство вызывало безконечныя препирательства и ссоры.

Кризисъ длился три года, съ 1841 г., къ которому относятся его первыя письма, не помѣченныя никакимъ числомъ, и по 1843 г. Послѣ того характеръ переписки совершенно измѣняется, и она продолжается въ неизмѣнно дружескомъ, подъ-часъ нѣжномъ, но постоянно спокойномъ и ровномъ тонѣ. Мериме захватилъ начало нѣмецкаго погрома, постигшаго его родину. Въ послѣднихъ письмахъ его звучитъ грустная нота, вызываемая предчувствіемъ, что разыгравшаяся буря кончится торжествомъ республики, которая, по мнѣнію Мериме, есть не что иное, какъ *организованный безпорядокъ*.

Вотъ письма изъ перваго періода:

Парижъ, четвергъ.

Я получилъ *in due time* ваше письмо. Все въ васъ таинственно, и однѣ и тѣ же причины заставляютъ васъ дѣйствовать противно тому, какъ поступили бы всѣ остальные смертные. Вы ѣдете въ деревню—прекрасно... Это значитъ, что у васъ будетъ много досуга писать, потому что въ деревнѣ дни тянутся медленно, и бездѣйствіе поощряетъ писать письма. Въ то же самое время, такъ какъ бдительность и тревога вашего дракона лишится узды, налагаемой правильными городскими занятіями, то васъ ожидаетъ больше разспросовъ въ случаѣ, если вы получите письмо. Къ тому же, въ деревнѣ письмо составляетъ событіе. Не тутъ-то было: вы не можете писать, но за то можете получать письма сколько душѣ угодно. Я начинаю привыкать къ вашимъ фокусамъ и ничему больше не удивляюсь. Впрочемъ, прошу васъ, пощадите меня и не слишкомъ злоупотребляйте несчастной склонностью, которую я пріобрѣлъ, самъ не зная какъ, находить прекраснымъ все, что идетъ отъ васъ.

Мнѣ помнится, что я былъ слишкомъ откровененъ въ послѣднемъ письмѣ, говоря вамъ о своемъ характерѣ. Одинъ старый дипломатъ, пріятель мой, человѣкъ очень тонкій, часто говаривалъ мнѣ: «никогда не отзывайтесь дурно о самомъ себѣ. Друзья

ваши достаточно наговорять про васъ дурного». Я начинаю бояться, чтобы вы не приняли буквально всего, чтó я насказалъ вамъ о себѣ худого. Представьте, что моя величайшая добродѣтель—это скромность; я довожу ее до крайности и трепещу, какъ бы это не повредило мнѣ въ вашемъ мнѣніи. Въ другой разъ, когда на меня найдетъ вдохновеніе, я съ точностью перечислю всѣ свои добродѣтели. Списокъ будетъ длинный. Сегодня я чувствую себя не совсѣмъ здоровымъ и не рискую пускаться въ эту «безконечную прогрессію».

Угадайте, попробуйте, гдѣ я былъ въ субботу вечеромъ, и чтó я дѣлалъ въ полночь. Я находился на площадкѣ одной изъ башенъ *Notre-Dame* и пилъ апельсинный лимонадъ въ обществѣ четырехъ друзей и дивной луны, съ придачей огромной совы, хлопавшей крыльями вокругъ насъ.

Парижъ, въ самомъ дѣлѣ, необыкновенно красивъ при лунномъ свѣтѣ и въ этотъ часъ ночи. Онъ похожъ на одинъ изъ тѣхъ городовъ, о которыхъ говорится въ «*Тысяча и одна ночь*», и гдѣ всѣ жители погружены въ очарованный сонъ. Парижане вообще ложатся спать въ полночь, чтó очень глупо съ ихъ стороны. Наша *party* была довольно любопытна: она состояла изъ представителей четырехъ націй, изъ которыхъ каждый думаетъ посвоему. Скучно было то, что нѣкоторые изъ насъ, въ присутствіи луны и совы, сочли нужнымъ настроить себя на поэтическій ладъ и наговорить общихъ мѣстъ. Впрочемъ, мало-по-малу всѣ принялись говорить вздоръ.

Не знаю, отчего и въ силу какой связи идей, этотъ поэтическій вечеръ напомнилъ мнѣ другой, отнюдь не поэтическій. Я былъ на балу, даваемомъ молодыми людьми, моими пріятелями, и на который были приглашены всѣ оперныя фигурантки. Эти женщины, по бóльшей части, глупы; но я замѣтилъ, насколько онѣ выше по деликатности чувствъ мужчинъ того же класса. Только одинъ недостатокъ отдѣляетъ ихъ отъ остальныхъ женщинъ: бѣдность. Обѣ эти рапсодіи, вѣроятно, очень возмутятъ васъ. Потому спѣшу кончить, чтó мнѣ слѣдовало сдѣлать гораздо раньше.

Прощайте. Не сердитесь за малолестный портретъ, который я набросалъ вамъ о самомъ себѣ.

Парижъ.

Откровенность и правда рѣдко ведутъ къ добру съ женщинами; онѣ почти всегда ведутъ ко злу. Вотъ вы теперь смотрите на меня, какъ на Сарданапала, потому что я былъ на балу съ

оперными фигурантками. Вы меня упрекаете за этотъ вечеръ, какъ за какое-нибудь преступленіе, и ставите въ особенную вину, что я хорошо отозвался объ этихъ бѣдныхъ дѣвочкахъ. Повторяю, сдѣлайте ихъ богатыми, и у нихъ останутся только ихъ добрыя качества. Но аристократія возвела неопреодолимыя преграды между различными классами общества, дабы нельзя было видѣть, насколько то, что происходитъ по одну сторону преграды, похоже на то, что дѣлается по другую сторону. Мнѣ хочется разсказать вамъ одну исторію ихъ оперныхъ нравовъ, которую я узналъ въ этомъ, столь развращенномъ, обществѣ. Въ одномъ домѣ улицы Сент-Оноре жила-была бѣдная женщина, никогда не выходившая изъ маленькой комнатки подъ крышей, которую она нанимала за три франка въ мѣсяцъ. У ней была дочь двѣнадцати лѣтъ, очень приличная на видъ, скромная, которая ни съ кѣмъ не разговаривала. Эта дѣвочка уходила изъ дому три раза въ недѣлю послѣ полудня и возвращалась домой одна въ полночь. Дознались, что она была фигуранткой въ оперѣ. Однажды она сошла къ привратницѣ и попросила зажженную свѣчу. Ей дали. Привратница, дивясь, что она не возвращается, взошла на ея чердакъ и нашла женщину мертвой, а дѣвочку занятой сожженіемъ огромной кипы писемъ, которыя она вынимала изъ большого чемодана. Она сказала: «моя мать умерла нынѣшней ночью и поручила мнѣ сжечь всѣ ея письма, не читая ихъ». Эта дѣвочка никогда не знала настоящаго имени своей матери. Она осталась теперь одинокой въ мірѣ; единственный рессурсъ ея представлять коршуновъ, обезьянъ и чертей въ оперѣ.

Послѣднимъ совѣтомъ ея матери было оставаться фигуранткой и вести себя хорошо. Она очень скромна, набожна и неохотно разсказываетъ свою исторію. Скажите на милость: развѣ этой дѣвочкѣ не приноситъ больше чести жизнь, которую она ведетъ, чѣмъ вамъ, пользующейся необыкновеннымъ счастьемъ жить въ избранной средѣ и надѣленной такой утонченной натурой, что для меня эта натура резюмируетъ отчасти цѣлую цивилизацію? Надо вамъ сказать правду. Я выношу дурное общество лишь съ большими промежутками и вслѣдствіе непреодолимаго любопытства ознакомиться со всѣми разновидностями человѣческой породы. Я никогда не рѣшаюсь водиться съ дурной мужской компаніей. Въ ней есть что-то отвратительное, особенно у насъ, потому что въ Испаніи я постоянно водился съ погонщиками муловъ и торреадорами. Я часто ѣдалъ изъ одной миски съ людьми, на которыхъ англичанинъ не рѣшился бы взглянуть

изъ боязни осквернить свое око. Я пивалъ изъ одной фляжки съ каторжникомъ. Надо сказать и то, что другой фляжки не было и что нельзя не пить, когда пить хочется. Не заключайте изъ этого, что я питаю пристрастіе къ сволочи. Я просто люблю наблюдать другіе нравы, другія лица, слушать другую рѣчь. Идеи всегда остаются однѣ и тѣ же, если оставить въ сторонѣ все условное, и мнѣ сдается, что *savoir-vivre* можно найти не въ однихъ лишь салонахъ Сен-Жерменскаго предмѣстья. Все это арабская грамота для васъ, и я не знаю, зачѣмъ я вамъ это говорю.

Парижъ.

Ваши упреки меня очень забавляютъ. Право, я въ милости у волшебницъ. Я часто спрашиваю себя, что́ я такое для васъ и что́ вы такое для меня? На первый вопросъ я не могу отвѣтить; что касается второго, то мнѣ кажется, что я люблю васъ, какъ любилъ бы четырнадцатилѣтнюю племянницу свою, которую бы воспитывалъ. Что касается вашего нравственнаго родственника, который такъ дурно обо мнѣ отзывается, то онъ напоминаетъ мнѣ Твакома, который вѣчно толкуетъ: «*Can any virtue exist without religion?*» Читали ли вы *Tom Jones*, книгу такую безнравственную, какъ всѣ мои вмѣстѣ взятыя. Если вамъ запретили ее читать, то вы, конечно, ее прочли. Какое курьёзное воспитаніе дается вамъ въ Англіи! Къ чему оно служитъ? Безъ устали и безъ роздыха читаютъ молодой дѣвушкѣ мораль, а въ результатѣ выходитъ, что эта молодая дѣвушка какъ разъ пожелала познакомиться съ тѣмъ безнравственнымъ человѣкомъ, къ которому ей старались внушить отвращеніе. Что за чудная исторія о змѣѣ! Я бы желалъ, чтобы леди М... прочитала это письмо. Къ счастью, она упала бы въ обморокъ на десятой строчкѣ...

Я изучаю васъ съ живѣйшимъ любопытствомъ. У меня есть свои теоріи на счетъ всякихъ бездѣлицъ, перчатокъ, ботинокъ, пряжекъ и проч., и я придаю большое значеніе всему этому, такъ какъ открылъ, что существуетъ извѣстное отношеніе между характеромъ женщинъ и капризомъ (или, лучше сказать, связью идей и разсужденіемъ), заставляющими ихъ выбрать ту или другую матерію. Такъ, напр., я доказалъ міру, что женщина, которая носитъ голубыя платья,—кокетка и прикидывается чувствительной. Доказывать это легко, но длинно.»

Mariquita de mi alma (такъ началъ бы я письмо, если бы мы были въ Гренадѣ), я получилъ ваше письмо въ одну изъ тѣхъ грустныхъ минутъ, когда на жизнь смотришь сквозь черное стекло. Такъ какъ ваше посланіе не изъ любезныхъ (извините за откровенность), то оно не мало усилило мое худое настроеніе. Я хотѣлъ отвѣчать вамъ въ субботу немедля и сухо. Немедля потому, что вы сдѣлали мнѣ косвенный упрекъ, и сухо, потому что былъ взбѣшенъ на васъ. Мнѣ помѣшали, и это не позволило мнѣ вамъ написать. Благодарите Бога, потому что сегодня погода хороша; расположеніе духа прояснилось у меня настолько, что я намѣренъ писать вамъ исключительно въ конфектномъ и сладостномъ стилѣ. Итакъ, я не стану журить васъ за многое множество, что въ вашемъ послѣднемъ письмѣ меня шокировало и что я согласенъ позабыть. Одно мѣсто въ вашемъ письмѣ заставило меня хохотать, какъ блаженнаго, въ теченіи добрыхъ десяти минутъ. Вы мнѣ говорите *short and sweet*: «любовь моя обѣщана»,—безъ приготовленій, которыя могли бы ослабить этотъ ударъ обухомъ по головѣ. Вы говорите, что отдали всю свою жизнь такъ, какъ еслибы сказали: «я приглашена на этотъ контрдансъ». Прекрасно. Какъ оказывается, я съ толкомъ употребилъ свое время, споря съ вами о любви, бракѣ и о всемъ прочемъ. Вы еще находитесь въ той порѣ, когда вѣрятъ или увѣряютъ, что стоитъ только сказать дѣвушкѣ: «любите этого господина», то она такъ вотъ его и полюбитъ. Росписались ли въ своемъ обѣщаніи у нотаріуса, или только занесли его на бумагу съ виньеткой? Когда я былъ школьникъ, то получилъ отъ одной портнихи билетикъ, украшенный двумя пламенѣющими сердцами, проткнутыми стрѣлой, и при этомъ нѣжное объясненіе. Мой учитель началъ съ того, что отобралъ у меня билетикъ и меня посадилъ въ карцеръ. Затѣмъ предметъ этой зарождавшейся страсти утѣшился съ учителемъ. Нѣтъ ничего коварнѣе обязательствъ для тѣхъ, въ пользу которыхъ они подписываются. Знаете ли,—еслибы любовь ваша была обѣщана, то я серьёзно подумалъ бы, что вамъ невозможно теперь не полюбить меня? Какъ же вамъ не полюбить меня, — меня, которому вы не давали никакихъ обѣщаній, когда, въ силу закона природы, человѣкъ не терпитъ всего, что похоже на обязательство? Словомъ, будь я менѣе скроменъ, я вывелъ бы такое заключеніе, что вы кому-то обѣщали свою любовь и отдадите ее мнѣ, которому вы ничего не обѣщали...

25-го сентября.

Я рѣшился. Я не уѣду изъ Парижа въ октябрѣ, въ надеждѣ, что вы туда вернетесь. Вы увидитесь со мной или нѣтъ, это какъ вамъ будетъ угодно. Вы мнѣ говорите о какихъ-то особыхъ причинахъ, которыя мѣшаютъ вамъ видаться со мной. Я уважаю секреты и не освѣдомляюсь о вашихъ мотивахъ. Только прошу васъ сказать мнѣ *really trully*, есть ли они у васъ въ дѣйствительности. Не ребячество ли это съ вашей стороны? Быть можетъ, вамъ напѣли на мой счетъ, и вы еще находитесь подъ этимъ впечатлѣніемъ. Вы напрасно стали бы меня бояться. Ваше врожденное благоразуміе, вѣроятно, играетъ большую роль въ нежеланіи видѣться со мной. Успокойтесь, я не влюблюсь въ васъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, это могло бы случиться; теперь я слишкомъ *старъ* и былъ слишкомъ несчастливъ. Я не могъ бы больше влюбиться, потому что мои иллюзіи доставили мнѣ многіе desengaños въ любви... Вы помните мою мораль: *«любовь все оправдываетъ, но надо быть вполнѣ увѣреннымъ, что любишь»*. Будьте увѣрены, что это правило строже, чѣмъ всѣ правила вашихъ чопорныхъ друзей. Выводъ: я былъ бы радъ васъ видѣть. Быть можетъ, вы пріобрѣли бы истиннаго друга, а я, быть можетъ, нашелъ бы въ васъ то, чего давно ищу: женщину, въ которую я не былъ бы влюбленъ и которой могъ довѣрять. Мы, вѣроятно, оба выиграемъ отъ ближайшаго знакомства. Поступайте, впрочемъ, такъ, какъ вамъ внушаетъ ваша крайняя осмотрительность...

Знаете ли, что вы иногда бываете очень любезны? Я говорю это не затѣмъ, чтобы сдѣлать вамъ упрекъ подъ видомъ холоднаго комплимента; но я желалъ бы почаще получать отъ васъ такія письма, какъ послѣднее. Къ несчастію, вы не всегда бываете такъ милостивы ко мнѣ... Но, право, я испытываю страшную досаду, когда подумаю, что вы будете присутствовать на этой церемоніи. На меня ничто не наводитъ такой грусти, какъ свадьба. Турки, торгующіе женщиной и разсматривающіе ее какъ какую-нибудь жирную овцу,—лучше насъ, наводящихъ лицемѣрный лоскъ, увы! весьма прозрачный на этотъ гнусный торгъ. Я часто спрашивалъ себя, что́ бы я нашелъ сказать женщинѣ въ первую брачную ночь—и не нашелъ бы ничего лучшаго, какъ похвалить ея ночной чепчикъ. Къ счастью, такого стараго воробья, какъ я, на мякинѣ не проведешь. Роль женщины гораздо

легче, чѣмъ роль мужчины. Въ такой день она копируетъ «Ифигенію» Расина; но если она мало-мальски наблюдательна, то насмотрится курьёзовъ!..

Если вы не хотите видѣть меня въ Лондонѣ, то отъ этого надо отказаться; но я хочу видѣть выборы. Я вскорѣ нагоню васъ въ Парижѣ, гдѣ случай сближаетъ насъ, хотя ваша воля насъ упорно разлучаетъ. Всѣ ваши резоны вздорны и не стоютъ опровержения. Вы смѣетесь, когда такъ мило увѣряете, что боитесь меня. Вы знаете, что я дуренъ и очень капризнаго нрава, всегда разсѣянъ и часто задоренъ и золъ, когда боленъ. Неужели все это не успокоительно?—Вы никогда въ меня не влюбитесь, будьте спокойны. Утѣшительныя предсказанія ваши не могутъ осуществиться... Въ васъ много ангельскаго и демоническаго, но послѣдняго больше. Вы зовете меня искусителемъ. Попробуйте сказать, что это имя не пристало вамъ гораздо больше, чѣмъ мнѣ. Развѣ вы не закинули удочку мнѣ, бѣдной маленькой рыбкѣ; и теперь, когда держите меня на крючкѣ, вы заставляете прыгать между небомъ и землей, до тѣхъ поръ пока вамъ не заблагоразсудится оборвать, и тогда я останусь съ крючкомъ въ глоткѣ и не найду для себя рыбака....

Лэди М... возвѣстила мнѣ вчера вечеромъ, что вы выходите замужъ. Когда такъ, сожгите мои письма, я сожгу ваши—и прощайте. Я уже вамъ говорилъ о своихъ принципахъ. Они не позволяютъ мнѣ продолжать знакомство съ дамой, которую я знавалъ дѣвицей, ни со вдовой, которую я знавалъ замужней женщиной. Я замѣтилъ, что когда общественное положеніе женщины измѣняется, то отношенія тоже всегда измѣняются, и къ худшему. Словомъ, умно или глупо, но я не терплю, когда мои друзья выходятъ замужъ. Слѣдовательно, если вы выходите замужъ, забудемъ другъ друга. Умоляю васъ, не прибѣгайте къ вашимъ обычнымъ уловкамъ и отвѣчайте мнѣ откровенно.

Увѣряю васъ, что съ 28-го сентября я испытывалъ однѣ только горести и непріятности всякаго рода. Ваше замужство новый ударъ, обрушивающійся на мою голову... Вотъ когда мнѣ хочется заколоть солнце, какъ говорятъ андалузцы [1]...

---

[1]) Судя по всему, это былъ невѣрный слухъ или дѣло разстроилось, но пріятельница Меримэ совсѣмъ не вышла замужъ.

Мой милый другъ-женщина!

Мы становимся очень нѣжны. Вы мнѣ говорите: «*Amigo de mi alma*», чтó очень мило въ женскихъ устахъ...

Пишите мнѣ побольше и наскажите много пріятныхъ вещей? Отчего ваше нездоровье? Нѣтъ ли у васъ непріятностей или сердечнаго горя? въ вашемъ послѣднемъ письмѣ есть нѣсколько таинственныхъ фразъ, которыя, повидимому, на это намекаютъ. Но, между нами, я не думаю, чтобы у васъ былъ органъ именуемый сердцемъ. У васъ могутъ быть головныя горести и головныя радости, но органъ, именуемый сердцемъ, развивается лишь въ 25-ти годамъ подъ 46 гр. широты. Вы хмурите ваши прекрасныя черныя брови и говорите: «Дерзкій! сомнѣвается, чтобы у меня было сердце!» потому что теперь это въ модѣ. Съ тѣхъ поръ какъ насочиняли столько страстныхъ, или выдаваемыхъ за таковые, романовъ и поэмъ, всѣ женщины претендуютъ на то, что у нихъ есть сердце. Подождите немного. Когда у васъ проснется сердце по настоящему, вы не то запоете. Вы пожалѣете о томъ счастливомъ времени, когда вы жили только головой, и увидите, что горести, испытываемыя вами теперь, просто булавочные уколы, въ сравненіи съ ударами кинжала, которые посыпятся на васъ, когда наступитъ пора страстей...

Лондонъ, 10-го декабря.

Скажите мнѣ, ради Бога, «если только вы отъ Бога», *querida Mariquita*, отчего вы не отвѣчали на мое письмо? Ваше предпослѣднее посланіе и въ особенности *schizzo*, сопровождавшее его, привели меня въ такое *flutter*, что то, чтó я вамъ говорилъ, лишено здраваго смысла. Теперь, когда я спокойнѣе и нѣсколько дней пребыванія въ Лондонѣ освѣжили мой мозгъ, я попытаюсь разсуждать съ вами. Почему вы не хотите меня видѣть? Никто изъ окружающихъ васъ меня не знаетъ и мой визитъ былъ бы весьма простъ. Вашъ главный мотивъ, кажется, боязнь сдѣлать что-нибудь *improper*, какъ здѣсь говорятъ... Но развѣ фактъ самъ по себѣ *improper?* Нѣтъ, онъ очень простъ. Вы заранѣе знаете, что я васъ не съѣмъ. Итакъ, фактъ *improper* — если только онъ *improper*—въ глазахъ свѣта. Замѣтьте мимоходомъ, что это слово *свѣтъ* дѣлаетъ насъ несчастными съ того дня, какъ насъ облекаютъ въ неудобное плáтье, потому что свѣтъ того требуетъ, и такъ до самой смерти.... Если нашей перепискѣ суждено продолжаться, безъ того, чтобы мы съ вами видались, то она становится самой нелѣпой вещью въ мірѣ. Предоставляю вамъ поразмыслить надъ этимъ...

Парижъ, суббота, 14-го мая 1842 г.

Говоря откровенно,—а вы знаете, что я не могу исправиться отъ этого недостатка,—признаюсь вамъ, я нашелъ, что вы очень похорошѣли физически, но нравственно нисколько; у васъ прекрасный цвѣтъ лица и великолѣпные волосы, на которые я больше глядѣлъ, чѣмъ на вашъ чепчикъ, который вѣроятно того заслуживалъ, потому что вы повидимому разсердились, что я его не съумѣлъ оцѣнить. Но я никогда не умѣлъ отличить каленкора отъ кружевъ. У васъ по прежнему талія сильфиды и хотя я пресыщенъ черными глазами, но никогда не видывалъ такихъ большихъ ни въ Константинополѣ, ни въ Смирнѣ.

Теперь обратимся къ оборотной сторонѣ медали. Вы остались ребенкомъ во многихъ вещахъ и стали вдобавокъ лицемѣркой. Вы не умѣете скрывать своихъ первыхъ движеній, но надѣетесь поправить это различными мелкими пріемами. Что́ вы отъ этого выигрываете? Помните великое и прекрасное правило Джонатана Свифта: *That a lie is too good a thing to be lavished about!* Далеко вы уйдете, нечего сказать, съ великодушной идеей отнюдь не баловать себя. Черезъ нѣсколько лѣтъ вы почувствуете себя такой же счастливой, какъ траппистъ, который, бичевавъ себя неоднократно, открылъ бы въ одинъ прекрасный день, что рая не существуетъ....

Вы думаете, что у васъ есть гордость,—мнѣ очень жаль; но у васъ есть только маленькое тщеславіе, вполнѣ достойное ханжи. Въ настоящее время мода ходить слушать проповѣди. — Не ходите ли и вы? Только этого вамъ и не доставало... Ахъ! великая новость. Первый изъ сорока академиковъ, который умретъ, будетъ причиной, что я сдѣлаю тридцать-девять визитовъ; я сдѣлаю ихъ такъ неловко, какъ только можно и, безъ сомнѣнія, наживу тридцать-девять враговъ. Было бы слишкомъ долго объяснять вамъ, отчуда взялся этотъ припадокъ честолюбія...

Авиньонъ, 20-го іюля 1842 г.

... Я очень жалѣю, что вы читаете Гомера въ переводѣ Попе. Прочитайте переводъ Дюга́-Монбеля, это единственный сносный. Если бы у васъ хватило мужества пренебречь насмѣшками и нашелся бы досугъ, то вы вооружились бы греческой грамматикой Планша и лексикономъ его же. Вы бы просматривали грамматику на сонъ грядущій. Это бы возымѣло свое дѣйствіе. Черезъ два мѣсяца васъ бы забавляло искать въ греческомъ текстѣ слова, переведенныя довольно близко Монбелемъ; еще два мѣсяца

спустя, вы бы стали догадываться по неуклюжести фразы, что греческій оригиналъ говоритъ не то, чтó показываетъ переводчикъ. Черезъ годъ вы бы читали Гомера, какъ вы разбираете какую-нибудь арію съ аккомпаниментомъ; арія — это греческій текстъ, аккомпаниментъ — переводъ. Весьма возможно, что это возбудило бы въ васъ охоту серьёзно изучить греческій языкъ и вы могли бы читать дивныя вещи. Но я воображаю, что у васъ нѣтъ нарядовъ, ни людей, передъ которыми ими щеголять. Все въ Гомерѣ замѣчательно. Эпитеты, кажущіеся такими странными, когда они переведены на французскій языкъ, очаровательны своей точностью. Помню я, что онъ называетъ море *пурпурнымъ*, и я никакъ не могъ понять этого слова. Но въ прошедшемъ году, я находился въ небольшой лодкѣ въ Лепантскомъ заливѣ и плылъ въ Дельфы. Солнце садилось. Какъ скоро оно закатилось, море окрасилось минутъ на десять великолѣпнымъ темно-фіолетовымъ цвѣтомъ. Для этого необходимы воздухъ, море и солнце Греціи. Надо полагать, что вы никогда не сдѣлаетесь такимъ артистомъ, чтобы съ удовольствіемъ признать въ Гомерѣ великаго живописца.

Парижъ, 27-го августа 1842.

Когда я возвращался сюда, со мной было приключеніе, немного раздосадовавшее меня, показавъ мнѣ, какого рода репутаціей я пользуюсь у соотечественниковъ. Слушайте. Я укладывался въ Авиньонѣ и готовился къ отъѣзду въ Парижъ съ мальпостомъ, какъ вдругъ вошли двѣ почтенныхъ фигуры, объявившихъ себя членами муниципальнаго совѣта. Я ожидалъ, что они заговорятъ со мной о какой-нибудь церкви, а они торжественно и пространно объяснили мнѣ, что пришли поручить моей честности и добродѣтели одну даму, которой предстояло ѣхать вмѣстѣ со мной. Я имъ отвѣчалъ, что буду очень честенъ и очень добродѣтеленъ, но очень не радъ дамскому обществу, потому что мнѣ нельзя будетъ курить дорогой. Когда прибылъ мальпостъ, я нашелъ въ немъ высокую и хорошенькую женщину, которая объявила, что больна и не надѣется доѣхать живой до Парижа. Наступилъ нашъ *tête-à-tête*. Я былъ такъ вѣжливъ и любезенъ, какъ только могу, оставаясь въ одномъ и томъ же положеніи. Моя спутница мило говорила, безъ марсельскаго акцента, оказалась ярой бонапартисткой, большой энтузіасткой, вѣровала въ безсмертіе души, но въ катехизисъ не очень-то, и вообще видѣла вещи въ розовомъ цвѣтѣ. Я чувствовалъ, что она меня побаивается. Въ Сент-Этьенѣ двухмѣстную бричку смѣнила четырех-

мѣстная карета. Всѣ четыре мѣста остались въ нашемъ распоряженіи и, слѣдовательно, намъ предстояло еще цѣлыя сутки провести въ *tête-à-tête*, кромѣ проведенныхъ уже полутора сутокъ. Но хотя мы много болтали, я никакъ не могъ составить себѣ какое-нибудь мнѣніе о своей сосѣдкѣ, кромѣ того, что она должно быть замужняя женщина и принадлежитъ къ хорошему обществу. Для краткости скажу, что въ Муленѣ къ намъ подсѣли двое довольно пасмурныхъ спутниковъ, и мы пріѣхали въ Парижъ, гдѣ моя таинственная женщина бросилась въ объятія весьма безобразнаго мужчины, ея отца должно быть. Я раскланялся съ ней и собирался взять извощика, какъ вдругъ моя незнакомка сказала мнѣ растроганнымъ голосомъ, оставивъ отца въ нѣсколькихъ шагахъ: «*Monsieur*, меня до глубины души трогаетъ почтеніе, съ какимъ вы ко мнѣ относились. Я не въ силахъ выразить вамъ всю мою благодарность. Никогда я не забуду счастіе, которымъ наслаждалась, путешествуя съ такимъ *знаменитымъ* человѣкомъ». Я привожу ея слова буквально. Но слово «знаменитый» объяснило мнѣ любопытство муниципальныхъ совѣтниковъ и страхъ дамы. Очевидно, что они увидѣли мое имя въ почтовой книгѣ, и дама, читавшая мои произведенія, ожидала, что я проглочу ее живьемъ; это мнѣніе, очень неосновательное, раздѣляется многими изъ моихъ читательницъ. Какъ это вамъ пришло въ голову со мной познакомиться? Это обстоятельство разстроило меня на два дня, а затѣмъ я примирился съ своей судьбой. Чтó всего удивительнѣе въ моей жизни, такъ это то, что, сдѣлавшись большимъ сорванцомъ, я жилъ цѣлыхъ два года на счетъ своей прежней доброй славы, а обратившись въ весьма нравственнаго человѣка, продолжаю слыть за сорванца.

Парижъ, 24-го октября 1842.

Вы спрашиваете, существуютъ ли греческіе романы. Безъ сомнѣнія, но весьма скучные по-моему. Вы можете, разумѣется, достать *Өеогенъ и Хариклея*, который такъ нравился покойному Расину. Попытайтесь одолѣть его. Есть еще *Дафнисъ и Хлоя*, переведенный Курье. Это вещь претенціозно-наивная и не особенно нравственная. Наконецъ, есть чудесная повѣсть, но безнравственная и очень безнравственная: это «*Оселъ Луція*», переведенная тоже Курье. Никто не похваляется, что читалъ его, но это *chef-d'oeuvre*. Рѣшайте теперь сами,—я умываю руки. Бѣда грековъ въ томъ, что ихъ понятія о пристойномъ и даже нравственномъ весьма отличались отъ нашихъ. Въ ихъ литературѣ попадается много вещей, которыя бы могли васъ шокировать и

даже оскорбить, если бы вы ихъ понимали. Послѣ Гомера вы можете спокойно читать трагиковъ, которые васъ займутъ и вамъ понравятся, потому что въ васъ живетъ любовь къ прекрасному, τὸ καλόν, чувство, которое было въ высшей степени развито у грековъ, и которое мы, *happy few*, заимствовали отъ нихъ. Если у васъ хватитъ мужества читать исторію, васъ восхитятъ Геродотъ, Поливій и Ксенофонтъ. Геродотъ приводитъ меня въ восторгъ. Я ничего не знаю занимательнѣе. Начните съ *«Анабазиса» или «Отступленіе десяти тысячъ»;* возьмите карту Азіи и прослѣдите за этими десятью тысячами бездѣльниковъ въ ихъ путешествіи; это гигантскій Фруассаръ. Затѣмъ вы прочтите Геродота, наконецъ Поливія и Өукидида; два послѣднихъ весьма серьёзны. Достаньте также Өеокрита и прочитайте *«Сиракузянки»*. Рекомендую вамъ также Луціана, который изъ грековъ всѣхъ умнѣе, или, лучше сказать, умъ котораго всего болѣе подходитъ къ нашему; но онъ большой сорванецъ, и я трепещу. Вотъ три страницы греческаго. Что касается произношенія, то если хотите, я пришлю вамъ страницу, писанную моей рукой, которую я приготовилъ для васъ; она укажетъ вамъ наилучшее произношеніе, то-есть произношеніе новѣйшихъ грековъ. Произношеніе, принятое въ школахъ, легче, но нелѣпо...

Парижъ, 3-го января 1843.

Нѣсколько дней тому назадъ я обѣдалъ съ Рашелью у одного академика. Ей хотѣли представить Беранже. Было пропасть великихъ людей. Рашель пріѣхала поздно, и мнѣ не понравилось, какъ она вошла. Мужчины наговорили ей столько глупостей, а женщины столько ихъ надѣлали, при видѣ ея, что я не вышелъ изъ своего угла. Къ тому же я не говорилъ съ ней около года. Послѣ обѣда Беранже съ своимъ обычнымъ здравымъ смысломъ и добросовѣстностью сказалъ ей, что она напрасно растрачиваетъ свой талантъ по салонамъ, что для нея должна существовать только одна публика Французскаго-театра и проч.

M-lle, Рашель, казалось очень одобрила нравоученіе и чтобы показать, что она имъ воспользовалась, разыграла первый актъ *Эсөири*. Надо было кому-нибудь давать ей реплику, и она заставила одного академика, разыгрывавшаго роль чичисбея, поднести мнѣ съ торжествомъ Расина. Я же грубо отвѣтилъ, что ничего не смыслю въ стихахъ и что въ этомъ салонѣ находятся люди, которые, будучи спеціалистами этого дѣла, лучше моего съумѣютъ прочитать ихъ. Гюго отговорился слабостью глазъ, другой чѣмъ-то другимъ. Хозяинъ дома пожертвовалъ собой. Пред-

ставьте себѣ Рашель въ черномъ платьѣ, между фортепіано и чайнымъ столомъ, съ дверью за спиной, налаживающую свое лицо по театральному. Перемѣна, совершавшаяся у насъ на глазахъ, была очень забавна и великолѣпна; это длилось около двухъ минутъ, затѣмъ она начала:—

Est-ce toi, chère Elise?...

Наперсница, посреди реплика, уронила свои очки и книгу; десять минутъ проходятъ пока она отыскиваетъ свою страницу и свои глаза. Публика видитъ, что Эсѳирь бѣсится. Она продолжаетъ. Дверь сзади отворяется: входитъ слуга. Ему дѣлаютъ знакъ удалиться. Онъ обращается въ бѣгство, но ему никакъ не удается притворить за собою дверь. Эта дверь, сдвинутая съ мѣста, качается, сопровождая слово Рашели мелодичнымъ и весьма забавнымъ скрипомъ. Такъ какъ этому не было конца, то m-elle Рашель приложила руку къ сердцу и упала въ обморокъ, но какъ особа, привыкшая умирать на сценѣ, дала время подоспѣть помощи. Во время интермедіи, Гюго и Тьеръ сцѣпились изъ-за Расина. Гюго говорилъ, что Расинъ человѣкъ мелкаго ума, а Корнель высокаго. «Вы говорите такъ», отвѣчалъ Тьеръ, «потому что вы человѣкъ высокаго ума; вы Корнель (Гюго скромно поводилъ головой) нашей эпохи, Расиномъ которой является Казиміръ Делавинь». Предоставляю вамъ судить, насколько скромность была у мѣста. Между тѣмъ обморокъ проходитъ и актъ оканчивается, но *fiascheggiando*. Лицо, коротко знающее m-lle Рашель, замѣтило: «Какъ она должно быть ругалась сегодня вечеромъ, уходя!» Это замѣчаніе навело меня на размышленія. Вотъ моя исторія; не выдайте меня академикамъ—это все, о чемъ я васъ прошу.

Парижъ, понедѣльникъ, сентябрь 1843.

Мы разстались въ послѣдній разъ недовольные другъ другомъ. Мы были неправы оба, потому что обвинять слѣдуетъ одни лишь обстоятельства. Всего лучше было бы намъ подолѣе не видаться. Очевидно, что мы не можемъ теперь пользоваться обществомъ другъ друга безъ того, чтобы не ссориться жестоко. Оба мы желаемъ невозможнаго: вы, чтобы я превратился въ статую; я, чтобы вы перестали быть ею. Каждое новое доказательство этой невозможности, въ которой въ сущности мы никогда и не сомнѣвались, жестоко дѣйствуетъ на насъ обоихъ. Что касается меня, то я сожалѣю о горѣ, которое могъ вамъ причинить. Я слишкомъ часто поддаюсь внушеніямъ безсмысленнаго гнѣва. Также разумно было бы сердиться на то, что ледъ холоденъ. Я

надѣюсь, что вы теперь мнѣ простите; гнѣва во мнѣ не осталось и слѣда, только большая грусть. Она была бы не такъ сильна, еслибы мы разстались иначе. Прощайте, такъ какъ мы можемъ оставаться друзьями лишь вдали одинъ отъ другого. Когда мы оба состарѣемся, то, быть можетъ, съ удовольствіемъ возобновимъ знакомство. Пока, въ бѣдѣ или радости, вспоминайте о мнѣ. Я просилъ васъ объ этомъ много лѣтъ тому назадъ. Тогда намъ и въ голову не приходило ссориться.

Прощайте еще разъ, пока у меня есть мужество.

Слѣдующія письма, второго періода, носятъ на себѣ другой уже характеръ.

Парижъ, четвергъ, 6-го сентября 1843.

Когда мы увидимся? Я въ настоящее время занимаюсь самымъ низкимъ и самымъ скучнымъ ремесломъ: хлопочу о принятіи меня въ *Académie des inscriptions.* Я наталкиваюсь на самыя потѣшныя сцены, зачастую готовъ смѣяться надъ самимъ собой, и сдерживаю смѣхъ только изъ опасенія шокировать серьёзныхъ академиковъ, которыхъ посѣщаю.

Но какое скверное ремесло просителя! Видали ли вы когда-нибудь, какъ собаки входятъ въ нору барсука? Когда у нихъ есть какая-нибудь опытность, то онѣ корчатъ страшныя рожи, входя туда, потому что барсука непріятно посѣщать. Я всегда вспоминаю о барсукѣ, когда звоню у двери академика и вижу себя *in the mind's eye* вполнѣ сходнымъ съ вышеупомянутой собакой. Меня, однако, еще не кусали. Но я наталкивался на забавныя встрѣчи. Прощайте».

Суббота, 26-го февраля 1848 г. [1]).

Я полагаю, что вамъ теперь нѣсколько лучше. Я не понимаю, почему вы такъ безпокоитесь о своемъ братѣ. Не тревожьтесь, что не получаете извѣстій. Худыя скоро доходятъ.

Я начинаю привыкать къ странности положенія и къ странной фигурѣ побѣдителей, которые, что́ еще страннѣй, ведутъ себя джентльменами. Теперь проявляется сильное стремленіе къ порядку. Если это продлится, то я стану рѣшительнымъ республиканцемъ. Единственное неудобство, которое я усматриваю въ новомъ порядкѣ вещей, это то, что для меня не совсѣмъ ясно,

[1]) Эта записка писана по-англійски, а не по-французски.

какимъ способомъ я буду заработывать свой хлѣбъ, и еще то, что я не могу васъ видѣть.

Я надѣюсь, однако, что кареты будутъ скоро снова ходить.

Парижъ, среда, 15-го мая 1848.

Все обошлось благополучно, потому что они такъ глупы, что не смотря на всѣ ошибки собранія, оно оказалось умнѣе ихъ. Нѣтъ ни убитыхъ, ни раненыхъ, все спокойно. Національная гвардія и народъ прекрасно настроены. Руководители возстанія всѣ захвачены, и столько войска, что до поры до времени нечего бояться. Я надѣюсь, что мы увидимся въ субботу. Въ концѣ-концовъ все обошлось къ лучшему. Я присутствовалъ при весьма драматичныхъ сценахъ, которыя меня очень заинтересовали и которыя я вамъ перескажу.

27-го іюня 1848.

Я вернулся къ себѣ сегодня утромъ, послѣ небольшой четырехдневной рекогносцировки, въ теченіи которой не подвергался никакой опасности, но успѣлъ узрѣть всѣ ужасы настоящаго времени и настоящей страны. Печаль, которую я испытываю, подавляется сознаніемъ тупоумія нашей націи. Она не имѣетъ себѣ равной. Я не знаю, удастся ли когда-нибудь вывести ее изъ дикаго варварства, которое ей такъ по сердцу. Я надѣюсь, что вашъ братъ здоровъ. Я не думаю, чтобы его легіонъ участвовалъ въ серьёзной схваткѣ. Но мы устали до смерти и не спали въ теченіе четырехъ дней. Не вѣрьте тому, чтó газеты говорятъ о трупахъ, разрушеніяхъ и проч. Я обозрѣвалъ третьяго дня Сент-Антуанскую улицу: стекла въ окнахъ побиты пушками и много попорчено переднихъ фасадовъ лавокъ; но вообще погромъ не такъ великъ, какъ я предполагалъ и какъ говорили. Вотъ что я видѣлъ наиболѣе любопытнаго. Я спѣшу пересказать вамъ это, чтобы пойти спать: 1-е, тюрьма *la Force* въ теченіе нѣсколькихъ часовъ охранялась національной гвардіей и была окружена инсургентами. Они сказали національной гвардіи: «не стрѣляйте въ насъ и мы въ васъ не будемъ стрѣлять. Сторожите заключенныхъ»; 2-е, я входилъ въ домъ, выходящій на уголъ Бастильской площади, чтобы поглядѣть на сраженіе; его только что отбили отъ инсургентовъ. Я спросилъ у обитателей: «много ли у васъ награбили»?—«Ничего не украли». Прибавьте къ этому, что я отвелъ въ *Abbaye* женщину, которая отрѣзывала головы мобилямъ кухоннымъ ножомъ, и мужчину, у котораго обѣ руки были въ крови, потому что онъ разрѣзалъ животъ раненому и

вымылъ руки въ ранѣ. Понимаете-ли вы хоть сколько-нибудь эту великую націю? Вѣрно то, что мы идемъ ко всѣмъ чертямъ!

Когда вы возвращаетесь? Мы не будемъ драться по крайней мѣрѣ недѣль шесть.

Парижъ, суббота, 5-го августа 1848 г.

«......Генералъ Кавеньякъ сказалъ: «Меня убьютъ, и меня замѣнитъ Ламорисьеръ, затѣмъ Бедо; затѣмъ явится герцогъ д'Или, который все смететъ». Не находите ли вы, что въ этихъ словахъ есть нѣчто пророческое? Вмѣшательству въ итальянскія дѣла никто не вѣритъ. Республика будетъ немного трусливѣе, чѣмъ монархія. Только возможно, что сдѣлаютъ видъ, будто намѣрены вмѣшаться, въ надеждѣ добиться проволочки, конгресса и протоколовъ. Одинъ изъ моихъ друзей, пріѣхавшій изъ Италіи, былъ ограбленъ римскими волонтерами, которые находятъ, что съ путешественниками легче справиться, чѣмъ съ кроатами. Онъ увѣряетъ, что итальянцевъ невозможно заставить драться, за исключеніемъ пьемонтцевъ, которые не могутъ всюду поспѣть...

Лондонъ, 1-го іюня 1850.

Если я вамъ не писалъ раньше, такъ это потому, что мнѣ приходилось дѣлать по десяти верстъ въ день, а поэтому я не могъ присѣсть за столъ безъ того, чтобы немедленно не заснуть.

Я не стану распространяться о моихъ впечатлѣніяхъ; скажу только, что рѣшительно англичане индивидуально глупы, а въ массѣ изумительный народъ. Все, чего можно достичь съ помощью денегъ, здраваго смысла и терпѣнія, все это имъ дается; но въ искусствахъ они смыслятъ столько же, сколько моя кошка...

Раболѣпство бѣдныхъ людей дико для нашихъ демократическихъ идей. Ежедневно мы видимъ новое доказательство этого раболѣпства. Весь вопросъ въ томъ: не чувствуютъ ли они себя счастливѣе...

Салисбюри, суббота 15-го іюня 1850.

Я начинаю находить, что съ меня довольно пребыванія въ здѣшней странѣ. Мнѣ надоѣли перпендикулярная архитектура и такія же перпендикулярныя манеры туземцевъ. Я провелъ два дня въ Кэмбриджѣ и въ Оксфордѣ у *достопочтенныхъ*, и въ концѣ-концовъ предпочитаю капуциновъ. Я особенно раздраженъ противъ Оксфорда. Одинъ *fellow* имѣлъ дерзость пригласить меня обѣдать. На большомъ серебрянномъ блюдѣ лежала рыба въ че-

тыре дюйма, а на другомъ баранья котлетка. Все это сервировано великолѣпно, а картофель подали на деревянномъ, рѣзномъ блюдѣ. Но никогда не былъ я такъ голоденъ. Это результатъ лицемѣрія этихъ людей. Они любятъ щегольнуть передъ иностранцами своей умѣренностью и, благодаря *luncheon* [1]), обходятся безъ обѣда. Вѣтеръ дуетъ чертовскій, а холодъ стоитъ собачій. Если бы не было свѣтло въ восемь часовъ вечера, то можно было бы подумать, что на дворѣ декабрь. Это не мѣшаетъ всѣмъ женщинамъ выходить съ раскрытыми зонтиками. Я попался въ просакъ. Сунулъ полъ-кроны господину въ черномъ, показывавшему мнѣ соборъ, и затѣмъ спросилъ у него адресъ одного джентльмена, къ которому у меня было письмо отъ декана. Оказалось, что письмо адресовано къ нему. Онъ скорчилъ очень глупую рожу, да и я тоже, но оставилъ деньги у себя...

Дворецъ Фонтенбло, 20-го мая 1858 г.

.....Я очень раздосадованъ и чуть было не отравился опіумомъ. Кромѣ того, я сочинялъ стихи въ честь нидерландскаго величества, разыгрывалъ шарады и *made a fool of myself*. Вотъ почему я почти совсѣмъ одурѣлъ. Что сказать вамъ о жизни, которую мы здѣсь ведемъ? Вчера мы затравили оленя, обѣдали на травѣ; на-дняхъ дождь промочилъ насъ до костей, и у меня сдѣлался насморкъ. Каждый день мы наѣдаемся до отвала, и я еле-живъ. Судьба не создала меня царедворцемъ. Я бы желалъ прогуляться съ вами пѣшкомъ въ этомъ прекрасномъ лѣсу и поболтать о чудесномъ. У меня такъ болитъ голова, что глаза слипаются. Я немного вздремлю въ ожиданіи рокового часа, когда придется явиться во всеоружіи, то-есть натянуть парадные штаны...

Компьенскій замокъ, 24-го ноября 1858.

Рѣшительно самъ сатана противъ меня. Я пробуду здѣсь до 2-го или 3-го декабря. Мнѣ хочется повѣситься, когда я вижу, съ какой покорностью вы подчиняетесь судьбѣ. Въ этой добродѣтели мнѣ отказано, и я бѣшусь. Я было мечталъ, не смотря ни на что, провести нѣсколько часовъ въ Парижѣ; нѣтъ ничего легче, какъ пропустить завтракъ и прогулку. Обѣдъ—вотъ что составляетъ камень преткновенія, и старые царедворцы скорчили такую зловѣщую мину, когда я объявилъ о своемъ намѣреніи отобѣдать у леди ***, что пришлось отказаться отъ этой мысли. Мы ведемъ здѣсь жизнь убійственную для нервовъ и мозга. Изъ жарко на-

[1]) Второй завтракъ.

топленныхъ комнатъ отправляемся въ лѣсъ въ открытомъ шарабанѣ. Тутъ 7 градусовъ мороза. Вернувшись домой, мы опять переносимъ тропическій жаръ. Не понимаю, какъ женщины это выносятъ. Я не сплю и не ѣмъ, и всѣ ночи напролетъ думаю о Сенъ-Клу и о Версали...

Вторникъ вечеромъ, 1-го мая 1860.

.....Балъ въ отелѣ Альбъ былъ великолѣпенъ. Костюмы очень хороши; было много хорошенькихъ женщинъ и вѣкъ щеголялъ дерзостью. 1-е) Женщины были нахальнѣйшимъ образомъ обнажены и сверху и снизу. По этому случаю мнѣ пришлось увидать во время вальса довольно много хорошенькихъ ногъ и много подвязокъ. 2-е) Кринолинъ выходитъ изъ моды. Повѣрьте, что черезъ два года будутъ носить короткія платья, и женщины, надѣленныя отъ природы хорошимъ сложеніемъ, будутъ отличаться отъ тѣхъ, у которыхъ все искусственное. Англичанки были невѣроятны. Дочь лорда ***, прелестная дѣвушка, была костюмирована нимфой-дріадой или чѣмъ-то миѳологическимъ, и если бы не трикó, то вся грудь ея была бы открыта. Это мнѣ показалось почти такъ же отчаянно, какъ и декольтé матери, обнаженной по поясъ. Балетъ *«Элементы»* исполнялся шестнадцатью женщинами, довольно хорошенькими, въ короткихъ юбкахъ и покрытыхъ бриллiантами. Наяды были напудрены серебряной пудрой, которая, падая на плечи, напоминала капли воды. Саламандры были напудрены золотой пудрой. Принцесса Матильда была негритянкой и окрашена въ довольно темный коричневый цвѣтъ; костюмъ ея былъ черезъ-чуръ близокъ къ природѣ.

Въ самый разгаръ бала одно домино поцѣловало m-lle S..., которая заорала на всю залу. Столовая, окруженная галлереей, прислуга въ костюмахъ пажей XVI-го вѣка и электрическое освѣщеніе напоминали пиръ Валтасара на картинѣ Роутона. Сколько бы императоръ ни мѣнялъ домино, его узнавали за версту. Императрица была въ бѣломъ бурнусѣ и полумаскѣ, которыя ее вовсе не замаскировывали. Было много домино и по большей части очень глупыхъ. Герцогъ *** прогуливался деревомъ, которое было скопировано довольно удачно. Я нахожу, что послѣ приключенія его жены такая костюмировка слишкомъ рискованна. Если вы не знаете этой исторіи, то вотъ она въ двухъ словахъ: его жена отправилась въ Бапсту и купила уборъ въ шестьдесятъ тысячъ франковъ, говоря, что возвратитъ его завтра, если онъ ей не понравится. Она не возвратила ни денегъ, ни убора. Бапстъ потребовалъ свои бриллiанты, ему отвѣ-

чали, что они отправлены въ Португалію и въ концѣ-концовъ ихъ обрѣли въ *Mont-de-Piété*, откуда герцогиня *** выкупила ихъ за пятнадцать тысячъ франковъ.

Это дѣлаетъ честь нашему времени и женщинамъ! Другой скандалъ: на балѣ г. Алигра одна жена была исщипана *black and blue* мужемъ, съ не менѣе разукрашеннымъ лбомъ, чѣмъ г. ***, но болѣе свирѣпымъ. Жена закричала и упала въ обморокъ, вышла общая живая картина! Ревнивца не выбросили за окошко, что̀ было бы всего разумнѣе. Прощайте.

Парижъ, 21-го марта 1861 г.

Дорогой другъ, благодарю васъ за ваше письмо. Со времени моего возвращенія въ Парижъ я нахожусь въ состояніи полнѣйшаго одуренія. Во-первыхъ, наше засѣданіе въ сенатѣ, гдѣ, могу сказать, какъ г. Журденъ, я опьянѣлъ отъ глупости. Всѣ стремились разразиться рѣчами, душившими ихъ. Примѣръ оказался столь заразителенъ, что я тоже произнесъ спичъ, какъ ни въ чемъ не бывало и безъ подготовки, точно Робертъ Гуденъ. Я ужасно трусилъ, но превозмогъ страхъ, говоря себѣ, что нахожусь въ присутствіи двухсотъ болвановъ и что не сто̀итъ волноваться. Всего милѣе, что г. Валевскій, которому я желалъ доставить хорошій бюджетъ, оскорбился похвалой, съ какой я отозвался объ его предшественникѣ, и храбро объявилъ, что вотируетъ противъ моего предложенія. Тролонъ, возлѣ котораго я сидѣлъ, шепотомъ выразилъ мнѣ свое соболѣзнованіе, на что̀ я отвѣчалъ, что нельзя заставить пить министра, который не ощущаетъ жажды. Это немедленно передали г. Валевскому, который съ тѣхъ поръ косится на меня; но это мнѣ не мѣшаетъ идти своей дорогой.

Другая скука заключается въ парадныхъ обѣдахъ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ, съ вѣчными *turbot* филе, омаромъ и проч. и одной и той же скучной компаніей.

Но всего скучнѣе — католицизмъ. Вы не можете себѣ представить, до какого неистовства доходятъ католики. За всякую безделицу вамъ готовы выцарапать глаза; напримѣръ, если вы не закатываете ихъ, когда вамъ говорятъ о святомъ мученикѣ, и въ особенности, если вы спросите совсѣмъ наивно, какъ это случилось со мной, кто пріялъ мученическій вѣнецъ.

Я нажилъ новыя хлопоты, выразивъ изумленіе, что неаполитанская королева снялась, на фотографическомъ портретѣ, въ сапогахъ. Страсть преувеличенно выражаться и глупость превосходятъ все, что̀ вы можете вообразить.

Недавно одна дама спрашиваетъ меня: видѣлъ ли я австрійскую императрицу? Я сказалъ, что нахожу ее очень хорошенькой. — Ахъ! она идеально хороша! — «Нѣтъ, у ней миловидное личико, болѣе симпатичное, быть можетъ, чѣмъ правильное лицо.» — Ахъ! *monsieur*, это сама красота! Слезы навертываются на глазахъ отъ восторга! Вотъ современное общество. Поэтому я бѣгаю его, какъ чумы. Чтó сталось съ французскимъ обществомъ былого времени!

Послѣдняя скука, но колоссальная, это *Таннгейзеръ*. Одни говорятъ, что представленіе его въ Парижѣ было однимъ изъ тайныхъ условій Виллафранкскаго договора; другіе, что намъ прислали Вагнера, чтобы принудить насъ восхищаться Берліозомъ. Дѣло въ томъ, что это необычайно. Мнѣ кажется, что я могъ бы завтра же написать нѣчто подобное, вдохновившись прыжками моей кошки по клавишамъ. Представленіе было курьёзное. Княгиня Меттернихъ старалась изъ всѣхъ силъ показать, что она понимаетъ, и вызвать аплодисменты, которыхъ никакъ не могла добиться. Всѣ зѣвали; но прежде всего дѣлали видъ, что понимаютъ эту неразрѣшимую загадку. Подъ ложей m-me Меттернихъ толковали, что австрійцы мстятъ за Сольферино. Говорили еще, что во время речитативовъ всѣ скучаютъ, и *qu'on se tanne aux airs*. Постарайтесь понять. Я воображаю, что ваша арабская музыка послужила бы прекрасной подготовкой для этого адскаго шума. Фіаско громадный! Оберъ говоритъ, что это музыка Берліоза, безъ мелодій.

Парижъ, 2-го апрѣля 1861 г.

Не знаю, есть ли у васъ въ *** такіе же ярые католики, какъ у насъ въ Парижѣ. Дѣло въ томъ, что салоны становятся нестерпимы. Не только старыя ханжи стали кислы, какъ уксусъ, но и всѣ экс-волтеріанцы политической оппозиціи превратились въ папистовъ. Меня утѣшаетъ только то, что нѣкоторые изъ нихъ считаютъ себя обязанными ходить къ обѣднѣ, а это имъ, конечно, очень скучно. Мой старинный профессоръ, г. Кузенъ, который въ былое время не иначе называлъ папу, какъ римскимъ епископомъ, обратился теперь на путь истинный и не пропускаетъ ни одной обѣдни. Говорятъ даже, что г. Тьеръ становится ханжей, но мнѣ трудно этому вѣрится, потому что у меня къ нему слабость...

Дворецъ Фонтенбло, 29-го іюня 1861 г.

Милый другъ, я получилъ портъ-сигаръ, который прелестенъ даже для меня, только-что видѣвшаго подарки сіамскихъ посланниковъ. Наши письма разминовались. Жизнь моя здѣсь такъ наполнена пустяками, что мнѣ некогда писать. Ну, да всѣ мы уѣзжаемъ отсюда сегодня вечеромъ и я буду въ Парижѣ, когда вы получите это письмо. У насъ во вторникъ происходила довольно курьёзная церемонія, словно выхваченная изъ *Bourgeois gentilhomme*. Забавнѣйшее зрѣлище въ мірѣ представляли два десятка черномазыхъ людей, очень похожихъ на обезьянъ, одѣтыхъ въ золотую парчу, въ бѣлыхъ чулкахъ и лакированныхъ башмакахъ, съ саблей на боку, распростертые на полу и ползущіе на четвереинькахъ вдоль галлереи Генриха II, причемъ носъ каждаго приходился въ уровень... со спиной того, кто былъ впереди него. Если вы видали на Новомъ мосту вывѣску: *Au bonjour des chiens,* то можете составить себѣ понятіе объ этой сценѣ. Первому посланнику приходилось особенно тяжко. На немъ была войлочная шляпа вышитая золотомъ, которая плясала у него на головѣ при каждомъ движеніи и, сверхъ того, онъ держалъ въ рукахъ филигранный золотой кубокъ, содержащій два ящичка, гдѣ находились письма отъ ихъ сіамскихъ величествъ. Письма лежали въ шелковыхъ съ золотомъ кошелькахъ и все это было весьма изящно. Когда письма были поданы и посольству пришлось отступать назадъ, то въ его рядахъ произошло смятеніе. Спины переднихъ рядовъ ударялись о лица заднихъ, сабли хлестали по глазамъ членовъ второго ряда, который слѣпилъ третій рядъ. Казалось, какъ-будто рой жуковъ бился на коврѣ. Министръ иностранныхъ дѣлъ выдумалъ эту прекрасную церемонію и потребовалъ, чтобы посланники двигались ползкомъ. Азіатовъ считаютъ болѣе наивными, чѣмъ они суть въ дѣйствительности, и я увѣренъ, что эти послѣдніе были бы очень довольны, еслибы имъ позволили идти. Къ тому же весь эффектъ пропалъ даромъ, потому что императоръ потерялъ, наконецъ, терпѣніе, всталъ, поднялъ съ полу жуковъ и заговорилъ съ однимъ изъ нихъ по-англійски. Императрица поцѣловала маленькую обезьянку, которую они привели съ собой и которая, какъ говорятъ, сынъ одного изъ посланниковъ. Онъ бѣгалъ на четвереинькахъ, точно маленькая крыса, и казался очень смышленымъ. Свѣтскій повелитель Сіама прислалъ императору свой портретъ и портретъ своей жены, которая очень безобразна. Но чтó бы васъ восхитило, такъ это разнообразіе и красота матерій, привезенныхъ ими. Онѣ сдѣланы

изъ золота и серебра, которые образуютъ такую легкую ткань, что она прозрачна и похожа на легкія облачка, появляющіяся при солнечномъ закатѣ. Они поднесли императору панталоны, низъ которыхъ вышитъ маленькими эмалевыми украшеніями—золотыми, красными и зелеными, и куртку изъ золотой парчи, мягкой, какъ фуляръ, съ дивными рисунками изъ золота же. Пуговицы изъ филиграноваго золота съ маленькими бриліантиками и изумрудами. У нихъ есть красное и бѣлое золото и комбинація обоихъ цвѣтовъ удивительнаго эффекта. Словомъ, я ничего не видывалъ изящнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ великолѣпнѣе. Всего поразительнѣе во вкусахъ этихъ дикарей то, что нѣтъ ничего рѣзкаго въ ихъ матеріяхъ, даромъ что они употребляютъ только яркіе шелка, золото и серебро. Все это чудесно комбинируется и производитъ самое гармоническое впечатлѣніе.

Прощайте, милый другъ, я думаю отправиться въ Лондонъ, по дѣлу, на всемірную выставку. Это будетъ около 8-го или 10-го іюля...

Каннъ, 6 января 1862.

Я пользуюсь здѣсь обществомъ и сосѣдствомъ г. Кузена, который пріѣхалъ сюда лечиться отъ воспаленія въ гортани и болтаетъ, какъ кривая сорока, ѣстъ, какъ людоѣдъ, и удивляется, что онъ не излечивается подъ этимъ прекраснымъ небомъ, которое видитъ впервые. Онъ, впрочемъ, очень забавенъ, потому что имѣетъ свойство щеголять остроуміемъ со всѣми. Я думаю, что находясь наединѣ съ своимъ слугой, онъ бесѣдуетъ съ нимъ, какъ съ самой кокетливой герцогиней изъ орлеанистовъ или легитимистовъ. Чистокровные каннейцы никакъ не могутъ опомниться, и вы можете себѣ представить, какъ они таращатъ глаза, когда имъ говорятъ, что этотъ человѣкъ, разсуждающій обо всемъ, переводчикъ Платона и любовникъ m-me де-Лонгвиль. Единственный его недостатокъ заключается въ томъ, что онъ говоритъ безъ умолку. Философу-эклектику слѣдовало бы позаимствоваться доброй стороной секты перипатетиковъ...

Парижъ, 20 мая 1863.

... Мы развлекаемся здѣсь тѣмъ, что́ творитъ m-me *** или что́ ей приписываетъ молва. Одно достовѣрно, что она совсѣмъ съ ума спятила. Она бьетъ свою прислугу, надѣляетъ ее пощечинами и пинками и амурится съ нѣсколькими кокодесами заразъ. Она доводитъ англоманію до того, что пьетъ *brandy and water*, то-есть гораздо больше первой, чѣмъ второй. Недавно предста-

вила президенту Тролону одного изъ своихъ кокодесовъ, говоря: «Г-нъ президентъ, я привезла къ вамъ моего *darling*». Тролонъ отвѣчалъ, что очень радъ познакомиться съ г-мъ Дарлингомъ. Впрочемъ, если все, что мнѣ повѣствуютъ о нравахъ львицъ текущаго года, справедливо, то можно опасаться, что близко свѣтопреставленіе. Я не смѣю говорить вамъ всего, что творится въ Парижѣ представителями и представительницами поколѣнія, которое насъ похоронитъ!

Дворецъ Фонтенбло, четвергъ, 2 іюля 1863.

Милый другъ, я желалъ бы раньше отвѣчать на ваше письмо, которое мнѣ доставило большое удовольствіе; но здѣсь рѣшительно не успѣваешь ничего дѣлать и дни проходятъ съ изумительной быстротой, хотя не понимаешь, какъ это случается. Великое и главнѣйшее занятіе—пить, ѣсть и спать. Первыя двѣ вещи мнѣ удаются, а послѣдняя плохо...

Третьяго дня привезли сюда нѣсколько очень большихъ ящиковъ отъ его величества Тю-Дюка, императора Кохинхинскаго. Ихъ открыли на одномъ изъ дворовъ. Въ большихъ ящикахъ находились другіе, поменьше, разрисованные краснымъ и золотомъ и покрытые тараканами. Открыли первый ящикъ, въ немъ лежали два слоновыхъ клыка, совсѣмъ пожелтѣвшихъ, и два клыка носорога, кромѣ того, заплеснѣвшая корица. Все это издавало непостижимый запахъ испорченнаго масла и тухлой рыбы. Въ другомъ ящикѣ было много кусковъ матерій, весьма узкихъ, похожихъ на газъ разныхъ гадкихъ цвѣтовъ, болѣе или менѣе грязныхъ и къ тому же подгнившихъ. Возвѣщали о присылкѣ золотыхъ медалей, но ихъ не было и, по всей вѣроятности, онѣ остались въ Кохинхинѣ. Изъ чего слѣдуетъ, что великій императоръ Тю-Дюкъ—мошенникъ...

Парижъ, 30 августа 1863.

... У меня есть весьма любопытная книга, которою я васъ ссужу, если вы будете со мной милы и любезны. Это отчетъ, составленный нѣкіимъ болваномъ объ одномъ процессѣ XVII вѣка. Монахиня, изъ королевской фамиліи, *faceva all'amore* съ однимъ миланскимъ дворяниномъ, и такъ какъ были другія монахини, которымъ это не нравилось, она ихъ убивала, и ей помогалъ любовникъ. Это весьма поучительно и интересно со стороны нравовъ.

Прочитайте *Une Saison à Paris*, par M-me де ***.

Это весьма откровенная особа, которой очень желательно

было *понравиться* его величеству и которая высказала ему это на одномъ балѣ въ такихъ категорическихъ и ясныхъ выраженіяхъ, что только вы одни во всемъ мірѣ не поняли бы ее. Онъ былъ такъ огорошенъ этимъ, что вначалѣ не нашелся отвѣчать, и только три дня спустя позволилъ себя, говорятъ, взять приступомъ. Я представляю себѣ, что вы креститесь и корчите одну изъ тѣхъ испуганныхъ минъ, которыя мнѣ такъ знакомы.

Читали ли вы «*Vie de Jésus*», Ренана? Вѣроятно, нѣтъ. Мелкая и вмѣстѣ съ тѣмъ крупная книга. Она бьетъ словно топоромъ въ зданіе католицизма. Автора такъ ужасаетъ смѣлость, съ какой онъ отрицаетъ божество, что онъ расплывается въ гимнахъ восторга и поклоненія, и у него не хватаетъ философскаго смысла, чтобы обсудить свое ученіе. Со всѣмъ тѣмъ это интересно, и если вы еще не читали, то прочтете съ удовольствіемъ.

Компьенскій замокъ, 16-го ноября 1863 г.

Милый другъ, со времени моего пріѣзда сюда, я велъ безпокойную жизнь импрессаріо. Я былъ авторомъ, актеромъ и режиссеромъ. Мы съ успѣхомъ разыграли пьесу, слегка безнравственную, содержаніе которой я вамъ перескажу по возвращеніи. У насъ былъ великолѣпный фейерверкъ, хотя одна женщина, желавшая поглядѣть поближе на ракеты, была убита на мѣстѣ... Какъ глупо большинство женщинъ нашего времени! Никогда еще, думаю, такихъ не видывали. Вы разскажете мнѣ, каковы онѣ въ провинціи; если онѣ тамъ хуже, чѣмъ въ Парижѣ, то ужъ и не знаю, въ какую пустыню бѣжать. У насъ тутъ есть M-lle *** красивая дѣвка пяти футъ четырехъ дюймовъ ростомъ, отличающаяся миловидностью гризетки и развязностью пополамъ съ застѣнчивостью, которая подчасъ бываетъ очень забавна. Кто-то высказалъ опасеніе, что вторая половина шарады не будетъ соотвѣтствовать первой (которой я авторъ):—„Ничего, сойдетъ", замѣтила она; «мы покажемъ ноги въ балетѣ и это имъ замѣнитъ все.

NB.—Ноги у ней, точно двѣ дудки, и вовсе не аристократическія ступни.

Прощайте милый другъ...

Лондонъ, British Museum, 23-го августа 1865 г.

....Я нахожусь здѣсь уже около шести недѣль. Я еще захватилъ нѣсколько дней *сезона*, присутствовалъ на нѣсколькихъ утомительныхъ обѣдахъ, на двухъ или трехъ раутахъ. Мнѣ показалось, что лордъ Пальмерстонъ сильно состарѣлся, не смотря

на успѣхъ его выборовъ, и мнѣ кажется болѣе чѣмъ сомнительнымъ, чтобы онъ былъ въ состояніи совершить будущую кампанію. Его отставка повлечетъ, конечно, за собой знатный кризисъ. Я провелъ три дня у его вѣроятнаго наслѣдника, м-ра Гладстона; общество его меня не веселило, но интересовало, потому что я всегда любилъ наблюдать разновидности человѣческой породы. Здѣсь, онѣ такъ отличаются отъ нашихъ, что трудно понять, какимъ образомъ въ десяти-часовомъ разстояніи здѣшніе двуногіе такъ мало похожи на парижскихъ. М-ръ Гладстонъ показался мнѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ геніальнымъ человѣкомъ, въ другихъ—ребенкомъ.

Въ немъ есть черты ребенка, государственнаго человѣка и безумца. У него гостило пять или шесть декановъ, и каждое утро гости зàмка угощались общей молитвой. Я не захватилъ воскресенья. Это должно быть нѣчто ужасное...

Парижъ, 13-го октября 1865 г.

...Я отлично провелъ время въ Біаррицѣ. Насъ посѣтили король и королева Португаліи. Король—нѣмецкій студентъ, очень застѣнчивый, королева очаровательна. Она очень похожа на принцессу Клотильду, но *en beau;* это—изданіе исправленное. Бѣлѣе и нѣжнѣе цвѣтъ лица рѣдко встрѣтишь въ самой Англіи. Правда, что у ней волосы красные, но темнаго оттѣнка, который теперь въ модѣ. Она очень привѣтлива и ласкова. Съ ними было нѣсколько каррикатуръ мужского и женскаго пола, которыхъ, казалось, набрали изъ лавки древностей.

Императоръ представилъ меня королю, который поглядѣлъ на меня большими, круглыми и изумленными глазами, которые чуть было не разсмѣшили меня. Другое лицо, г. Бисмаркъ, больше понравился мнѣ. Это высокій нѣмецъ, очень вѣжливый и отнюдь не наивный. Онъ кажется совсѣмъ лишенъ *Gemüth*, но необыкновенно уменъ. Онъ очаровалъ меня. Онъ привезъ жену, у которой самыя большія ноги по ту сторону Рейна, и дочь, которая идетъ по стопамъ матери...

Каннъ, 16-го декабря 1867 г.

...Меня очень пугаетъ политика; въ общемъ тонѣ газетъ и ораторовъ сказывается нѣчто такое, чтò напоминаетъ мнѣ 1848 г. Проскакиваетъ какое-то странное раздраженіе, безъ всякой видимой причины. Всѣ нервы натянуты. Тьеръ, проведя всю жизнь въ политической борьбѣ, волнуется, потому что какой-то жар-

сельскій адвокатъ говоритъ плоскости, заслуживающія только улыбки.

Всего хуже, что г. Руэръ, желающій *outherod Herod*, [1]) произноситъ самое антиполитическое слово, отъ котораго министру слѣдовало бы воздерживаться. Я недоволенъ всѣми, начиная съ Гарибальди, который не выполняетъ своего ремесла. Удалиться на Капреру, послѣ того какъ подставилъ подъ пули съ сотню дураковъ, кажется мнѣ верхомъ позора для революціонной сволочи и англійскихъ *noblemen,* принявшихъ это животное за нѣчто лучшее, чѣмъ простая картонная кукла.

Что сказать вамъ о политикѣ г. Олливье и *tutti quanti?* Сколько бы они ни изощрялись во фразахъ и какъ бы ни увѣряли, что глубоко убѣждены, они мнѣ представляются второстепенными актерами, подражающими первымъ ролямъ, но такъ, что никого не вводятъ въ заблужденіе. Мы съ каждымъ днемъ мельчаемъ. Одинъ только г. Бисмаркъ великій человѣкъ. *A propos,* правда ли, что онъ истратилъ свои секретные фонды? Я считаю подкупъ газетъ дѣломъ весьма вѣроятнымъ. Но такъ какъ г. Бисмаркъ не пошлетъ росписокъ г. де-Кервегену, то надо полагать, что эти господа съ честію выпутаются.

Парижъ, среда вечеромъ, 5 августа 1869 г.

.... Я обѣдалъ нѣсколько дней тому назадъ съ невинной Изабеллой. Я нашелъ ее лучше, чѣмъ ожидалъ. Мужъ, маленькій человѣчекъ, очень вѣжливый господинъ, наговорилъ мнѣ много комплиментовъ, и довольно ловко. Принцъ Астурійскій очень милъ и на видъ смышленъ... Онъ напоминаетъ инфантовъ, эпоху Веласкеца. Я очень скучаю и вся эта исторія съ *senatus-consulte* непріятна. Наше заведеніе собираются открыть для публики, что мнѣ очень не нравится..... [2]).

Каннъ, 10 февраля 1870.

... Итакъ, у васъ былъ бунтъ, такой же глупый, какъ и его герой [3]), послужившій поводомъ къ нему; мы представляемъ печальное зрѣлище, благодаря тому, какъ пользуемся свободой и парламентскимъ режимомъ. Невозможно не удивляться по истинѣ смѣшной дерзости, съ какой въ палату вносятся и поддер-

---

[1]) Англійское выраженіе: „превзойти Ирода въ жестокости,“ то-есть тягаться въ глупости съ своими противниками.

[2]) Засѣданія сената должны были сдѣлаться публичными.

[3]) Викторъ Нуаръ.

живаются самые дикіе *sproposili*, которыхъ никто не осмѣлился бы высказать въ салонѣ. Это представительное правленіе является мало забавной комедіей; всѣ лгутъ съ нахальствомъ и тѣмъ не менѣе попадаются на удочку перваго ловкаго фразера. Есть люди, которые находятъ, что Кремьё краснорѣчивъ, а Рошфоръ—великій гражданинъ.—Въ 1848 г. люди были, конечно, достаточно глупы, но теперь стали еще глупѣе....

Каннъ, 15 мая 1870 г.

.... Политическія дрязги, о которыхъ вы говорите, смущали и тотъ скромный уголокъ земли, гдѣ я проживаю. Я вдоволь наглядѣлся здѣсь на то, какъ люди невѣжественны и глупы. Я убѣжденъ, что немногіе избиратели знали, чтó дѣлали. Красные, на сторонѣ которыхъ здѣсь большинство, убѣдили глупцовъ, которые еще многочисленнѣе, что дѣло идетъ о новомъ налогѣ. Какъ бы то ни было, а результатъ хорошъ [1]). «Отрѣзано хорошо, теперь остается сшить», какъ говорила Катерина Медичи Генриху III. Къ несчастію, я не вижу вовсе въ здѣшней странѣ людей, которые бы умѣли обращаться съ иголкой....

Парижъ, 18 іюля 1870 г.

.... Я полагаю, нужно обладать желѣзнымъ здоровьемъ и особенно крѣпкими нервами для того, чтобы событія, происходящія на глазахъ, не особенно глубоко задѣвали. Мнѣ нечего говорить вамъ о томъ, чтó я чувствую. Я принадлежу къ тѣмъ, которые думали, что это обстоятельство неизбѣжно [2]). Быть можетъ, можно было бы отсрочить взрывъ, но невозможно было вполнѣ устранить его. Здѣсь война популярнѣе, чѣмъ когда-либо, даже между буржуа. Хвастовства очень много, чтó, конечно, очень худо; но рекруты набираются и деньги жертвуются, чтó самое важное. Военные высказываютъ много увѣренности, но когда подумаешь, что будущее зависитъ отъ какого-нибудь ядра или пули, то трудно раздѣлять эту увѣренность....

Парижъ, вторникъ, 9-го августа 1870 г.

Милый другъ, я думаю что вы хорошо сдѣлаете, если не пріѣдете въ Парижъ въ настоящую минуту; я боюсь, чтобы въ непродолжительномъ времени не разыгрались здѣсь печальныя сцены. Только и видишь, что людей, упавшихъ духомъ или пья-

---

[1]) Голосованіе извѣстнаго плебисцита.

[2]) Война съ Пруссіей.

ницъ, распѣвающихъ *Марсельезу*. Повсюду царствуетъ большой безпорядокъ. Армія была и есть превосходна, но, кажется, что у насъ нѣтъ генераловъ. Дѣло еще можно поправить. Но для этого требуется почти чудо...

Парижъ, 29-го августа 1870 г.

Милый другъ, благодарю за письмо. Я все еще очень нездоровъ и очень нервенъ. Да и нельзя иначе; я вижу все въ черномъ цвѣтѣ. Но съ нѣкоторыхъ поръ дѣла, однако, нѣсколько улучшились. Военные не унываютъ. Солдаты и гардъ-мобили хорошо дерутся; кажется, что армія маршала Базена творитъ чудеса, хотя ей постоянно приходится драться одному противъ троихъ. Въ настоящую минуту, завтра, а быть можетъ и сегодня ждутъ новаго, большого сраженія. Послѣднія битвы были ужасны. Пруссаки ведутъ войну съ громаднымъ превосходствомъ силъ. До сихъ поръ успѣхъ былъ на ихъ сторонѣ, но кажется, что подъ Мецомъ бойня была такъ велика, что это навело ихъ на размышленія. Говорятъ, что берлинскія дѣвицы лишились всѣхъ своихъ вальсёровъ. Еслибы намъ удалось оттѣснить остальныхъ къ границѣ или похоронить ихъ у себя, чтó было бы лучше, мы все-таки не были бы избавлены отъ всѣхъ золъ. Эта ужасная рѣзня,—не слѣдуетъ убаюкивать себя,—есть только прологъ къ трагедіи, исходъ которой извѣстенъ одному дьяволу. Націю нельзя безнаказанно встряхивать такъ, какъ встряхнули нашу. Невозможно, чтобы наша побѣда, какъ и наше пораженіе, не привела въ результатѣ къ революціи. Вся кровь, которая текла и будетъ еще течь, послужитъ на пользу республикѣ, то-есть организованнаго безпорядка.

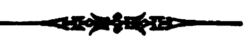
Каннъ, 23-го сентября 1870 г.

Милый другъ, я очень боленъ, такъ боленъ, что мнѣ очень тяжко писать. Есть маленькое улучшеніе. Я вамъ скоро напишу, надѣюсь, болѣе подробно. Велите взять у меня въ Парижѣ «Письма M-me де-Севинье» и Шекспира. Я долженъ былъ бы отослать ихъ къ вамъ, но уѣхалъ.

Прощайте, обнимаю васъ.

Этими нѣсколькими строками заключается переписка Мериме. Онъ писалъ за два часа до смерти.

А. Н—л.

В. Г. БѢЛИНСКІЙ

ОПЫТЪ БІОГРАФІИ.

Защитники и любители добраго стараго времени не разъ жаловались, особенно въ послѣднее время, что мы вообще мало знаемъ прошедшее нашей литературы, скоро забываемъ и мало дорожимъ ея преданіями. Это замѣчаніе, вообще говоря, довольно справедливо,—но за то очень несправедливы другія соображенія, которыми оно обыкновенно сопровождается. «Неуваженіе къ преданіямъ» стало теперь ходячей обвинительной фразой людей изъ прежнихъ литературныхъ поколѣній (и ихъ новѣйшихъ учениковъ въ извѣстномъ лагерѣ) противъ новыхъ поколѣній, и они теперь продолжаютъ повторять ее, хотя не разъ было указано, что эти самые люди всего меньше имѣютъ право поднимать такія обвиненія: что́ сдѣлали они сами для сохраненія тѣхъ преданій, о неуваженіи къ которымъ они говорятъ? Гдѣ сами они сберегли память событій, жизнеописанія лицъ, которыхъ они были современниками, сподвижниками, друзьями? Что́ сдѣлали они для біографіи Жуковскаго, Пушкина, Гоголя, не говоря о другихъ, также стоившихъ памяти писателяхъ? Они преспокойно молчали, когда люди другого поколѣнія предпринимали трудную работу мозаичнаго собиранія біографическихъ фактовъ, соединяли разбросанные клочки рукописей и комментировали ихъ—чуть не такимъ же способомъ, какъ ученые комментируютъ древнихъ авторовъ. И вдругъ оказывалось, напр., лѣтъ черезъ тридцать, и больше, послѣ смерти Пушкина, что у нихъ отыскивались его письма, которыя были бы драгоцѣннымъ матеріаломъ для біографовъ и которыя лежали гдѣ-то подъ спудомъ.

Такимъ образомъ, защитники добраго стараго времени были первые виноваты, что преданія ихъ времени были мало извѣстны. Были, однако, и другія причины, которыя мѣшали сохраненію преданій. Самыя любопытныя и важныя исторически, изъ этихъ преданій, конечно, тѣ, которыя относятся къ наиболѣе яркимъ личностямъ литературы, и въ ихъ біографіи особенный интересъ представляли бы черты ихъ самобытнаго характера, ихъ критическихъ, преобразующихъ взглядовъ и отношеній къ обществу;— но къ сожалѣнію, многое изъ этого рода фактовъ, и крупныхъ, и мелкихъ, бывало недоступно для литературы. Если сама литература была связана въ этомъ отношеніи, если исторія общества была для нея возможна только съ подобными умолчаніями и исключеніями, то нѣтъ ничего удивительнаго, что «преданія» не появлялись въ литературѣ: біографическій отдѣлъ нашей исторіи литературы дѣйствительно до сихъ поръ оставался очень скуднымъ.

Но если понимать «преданіе» какъ память не о мелкихъ анекдотахъ, но о цѣлой дѣятельности писателя, объ ея исторической важности и смыслѣ, — то, быть можетъ, забвеніе преданій, на которое жалуются приверженцы добраго стараго времени, не было лишено своего основанія. Общество, и за нимъ литература, очень помнили, напримѣръ, главнѣйшихъ, руководящихъ писателей новаго періода,—но имъ не трудно было забыть такія второстепенныя анекдотическія частности, которыя и не имѣли особенной исторической цѣнности. Приверженцы старины могутъ сокрушаться объ этомъ, но въ обществѣ, начинающемъ себя понимать, есть свой историческій инстинктъ, который указываетъ ему въ прошедшихъ дѣятеляхъ истинную заслугу и реставрируетъ ее, при первомъ удобномъ случаѣ, во всемъ ея значеніи, еслибы какія-нибудь особыя неблагопріятныя условія препятствовали ея непосредственному признанію и заявленію.

Такъ было съ Бѣлинскимъ. Когда онъ умеръ, внѣшнія условія были столь неблагопріятны для литературы вообще и относительно его въ частности, что едва возможно было сказать о немъ нѣсколько словъ въ сухомъ некрологѣ. Годы прошли въ этомъ невольномъ молчаніи; но едва повѣяло въ жизни болѣе свѣжимъ воздухомъ, и литература нѣсколько освободилась отъ лежавшихъ на ней путъ, воспоминаніе о Бѣлинскомъ было однимъ изъ первыхъ и самыхъ задушевныхъ ея словъ. Несмотря на то, что наступала иная пора общественной жизни, сильно занявшая умы, и для литературы начинался новый періодъ, съ новыми увлекающими интересами и задачами, какихъ еще никогда не выпада-

ло на ея долю; несмотря на то, что интересы чисто литературные, эстетическіе, которые занимали такъ много мѣста въ трудахъ Бѣлинскаго, теперь отступили на второй планъ, — несмотря на все это, воспоминаніе о Бѣлинскомъ было и въ самомъ обществѣ принято съ теплымъ сочувствіемъ: сочиненія Бѣлинскаго, вновь изданныя, опять перечитывались, — и разошлись въ обширномъ числѣ экземпляровъ.

Въ то же время стали появляться и біографическія воспоминанія о Бѣлинскомъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ воспоминаній, принадлежавшихъ его друзьямъ и людямъ къ нему близкимъ, личность Бѣлинскаго была изображаема болѣе или менѣе рельефно съ различныхъ сторонъ;—но до сихъ поръ еще не было полной его біографіи. Всего ближе можно было бы ожидать ея отъ его друзей. Но въ первое время по его смерти, эта задача была немыслима: имя Бѣлинскаго было имя неудобное; уваженіе къ нему казалось признакомъ злонамѣренности; отношенія съ нимъ становились вопросомъ самосохраненія, и около этого времени, къ сожалѣнію, погибло не мало его переписки — брошенной въ огонь... Впослѣдствіи, отчасти, повидимому, другіе интересы заслонили для друзей Бѣлинскаго прошедшее,—иные совсѣмъ забыли это прошедшее и перестали цѣнить его; — отчасти могли устранить ихъ отъ этой задачи и другія соображенія, трудность разрѣшать вопросы личныхъ отношеній, съ которыми связывается біографія Бѣлинскаго, и т. п. Кромѣ того, эта біографическая задача остается до сихъ поръ трудной по соображеніямъ болѣе общаго характера. Время и дѣятельность Бѣлинскаго во многихъ случаяхъ очень тѣсно касаются извѣстнаго порядка идей, для котораго—въ условіяхъ нашей литературы—еще не наступила пора исторіи, или пора совершенно свободной критики и изложенія... Такъ или иначе, біографіи Бѣлинскаго не было до сихъ поръ написано. Указанныя выше воспоминанія его друзей и лицъ, его знавшихъ, доставляютъ цѣнныя подробности, но далеки отъ біографической полноты: біографу предстоитъ дополнить пробѣлы другими свѣдѣніями, собрать и разработать разсѣянную по рукамъ переписку Бѣлинскаго и т. п., — чтобы воспроизвести личность писателя въ послѣдовательномъ развитіи его характера и взглядовъ, подъ многоразличными вліяніями общественной среды и подъ властью тѣхъ идеаловъ, проповѣдь которыхъ наполняла его литературную дѣятельность и дала, наконецъ, этой дѣятельности широкое общественное значеніе.

Предпринимая настоящій трудъ, мы не думаемъ сдѣлать что-либо полное и законченное, и хорошо видимъ всѣ трудности пред-

лежащей задачи: и неполноту хотя довольно обширнаго, но еще недостаточнаго матеріала, которымъ имѣемъ возможность пользоваться; и упомянутую выше трудность, происходящую отъ близости времени, которое многими чертами еще слишкомъ родственно настоящему; и трудность излагать многія личныя отношенія, которыя еще не могутъ быть разсказаны вполнѣ, и отчасти не могли быть пока и опредѣлены съ достаточною точностью. Тѣмъ не менѣе, этотъ трудъ былъ для насъ привлекателенъ и казался необходимымъ: подводя итогъ тому, что̀ было сдѣлано до сихъ поръ для біографіи Бѣлинскаго, и представляя новыя данныя по матеріаламъ, вновь нами собраннымъ, мы считаемъ свой трудъ предварительной разработкой матеріала, которая можетъ вызвать новыя воспоминанія тѣхъ, кому памятно описываемое время, вызвать поправки и дополненія. Это была бы исходная точка для настоящей, болѣе полной и всесторонней біографіи.

Особенной помощью въ этомъ трудѣ,—безъ которой въ сущности онъ не могъ бы и состояться,—послужило для насъ то сочувствіе, съ которымъ встрѣтили его современники той эпохи, живущіе съ нами друзья Бѣлинскаго, люди, его знавшіе или владѣющіе его рукописями: отъ однихъ изъ этихъ лицъ мы получили довольно значительное количество сохранившейся переписки Бѣлинскаго, остающейся неизданною и простирающейся отъ тридцатыхъ годовъ до послѣдняго года его жизни; другіе передали намъ свои личныя воспоминанія... Приносимъ этимъ лицамъ нашу, самую искреннюю благодарность; полный списокъ собраннаго нами матеріала, съ указаніемъ лицъ, его сообщившихъ, мы помѣстимъ въ концѣ. Были и исключенія,—намъ пріятно сказать, что ихъ было мало [1]).

Мы излагали въ другомъ мѣстѣ нашъ взглядъ на историческое значеніе дѣятельности Бѣлинскаго и не будемъ здѣсь повторять его. Не будемъ также впередъ опредѣлять его личный характеръ, который выясняется изъ самыхъ фактовъ біографіи и собственныхъ выраженій Бѣлинскаго. Замѣтимъ одно, что Бѣлинскій служитъ вообще въ высшей степени характеристическимъ представителемъ извѣстной стороны своего времени, извѣстныхъ требованій общественнаго развитія. Отъ природы это былъ человѣкъ, богато одаренный мыслью и чувствомъ, и нравственной

[1]) Такъ какъ мы не имѣли возможности обратиться ко всѣмъ лицамъ, могущимъ имѣть письма Бѣлинскаго или другія біографическія данныя о немъ, то просимъ вообще владѣющихъ подобными матеріалами, сообщить намъ эти матеріалы, хотя бы на короткое время,—адрессуя въ редакцію „Вѣстника Европы“. За ихъ сохранность мы ручаемся.

энергіей; повидимому, трудно представить себѣ обстановку жизни, болѣе подавляющую, воспитаніе, болѣе предоставленное случаю и неблагопріятное для развитія этихъ дарованій;—и тѣмъ не менѣе, Бѣлинскій, почти юноша, не богатый свѣдѣніями и всегда чуждый ученой дисциплины, съ перваго твердаго шага въ литературѣ открываетъ новый періодъ литературнаго сознанія и занимаетъ господствующее положеніе въ русской критикѣ. Это было одно изъ тѣхъ любопытныхъ явленій, гдѣ историческій процессъ выдвигаетъ своихъ дѣятелей какою-то, будто стихійною силою, и гдѣ вслѣдствіе того самая дѣятельность лица получаетъ значеніе историческаго факта и прочнаго безповоротнаго пріобрѣтенія. Такимъ образомъ, изученіе Бѣлинскаго становится изученіемъ цѣлаго литературнаго періода. Его дѣятельность критическая совпадаетъ, до удивительной параллельности, съ господствующими явленіями самой художественной литературы: Гоголь, Лермонтовъ, Кольцовъ были писатели, которыхъ онъ привѣтствовалъ съ восторгомъ, и съ которыми кончалось его скептическое отношеніе къ русской литературѣ, — и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ поэтическая литература его времени переходила отъ общаго гуманистическаго содержанія и выработки формальной къ содержанію чисто національно-общественному, самая критика оставляла теоретическія отвлеченности чистаго искусства для разработки общественнаго содержанія литературы. Эта послѣдняя точка зрѣнія, поставленная Бѣлинскимъ, подвергавшаяся стольким нареканіямъ со стороны послѣдователей искусства для искусства, была совершенно послѣдовательнымъ выводомъ и въ его личномъ развитіи, и въ развитіи самой литературы того времени: мы не увидимъ въ ней ничего исключительнаго, если сблизимъ ее съ тѣми идеями, которыя въ концѣ того періода становились общей мыслью лучшихъ людей, стоявшихъ тогда во главѣ нашей образованности.

I.

Дѣтство и юношескіе годы.

В. Г. Бѣлинскій былъ родомъ изъ Пензенской губерніи. Фамилія его писалась собственно «Бѣлынскій»: такъ подписывался постоянно его отецъ, мать и братъ въ письмахъ къ В. Г., которыя мы имѣли въ рукахъ; самъ Бѣлинскій уже издавна писалъ ее въ смягченной имъ формѣ. Вѣроятно по складу этой фамиліи, составилось предположеніе, что отецъ Бѣлинскаго былъ уроженцемъ Польши или западныхъ губерній: такъ говорилъ о немъ смотритель училища, гдѣ обучался В. Г.; но, прибавлялъ онъ,— «сынъ его Виссаріонъ родился въ нашихъ степяхъ, въ нашей вѣрѣ и былъ вполнѣ русскимъ» [1]. Эти показанія, однако, несправедливы. Бѣлинскій не родился въ пензенскихъ степяхъ, но былъ изъ пензенскаго рода, и былъ «вполнѣ русскимъ» и по своимъ предкамъ. Фамилія его происходила [2]) отъ села *Бѣлыни*, въ Нижнеломовскомъ уѣздѣ Пензенской губерніи. Отецъ Виссаріона, Григорій Никифоровичъ, былъ сынъ священника этого села, такъ что Виссаріонъ былъ самаго несомнѣннаго русскаго происхожденія. Тамъ же, въ Пензенской губерніи, жила старая родня этого семейства. За дѣдомъ Бѣлинскаго, предки ихъ фамиліи теряются. Григорій Никифоровичъ «Бѣлынскій» первоначальное воспитаніе получилъ, кажется, въ пензенской семинаріи, гдѣ, вѣроятно, была дана ему эта фамилія, по извѣстному старинному обычаю именовать вступающихъ семинаристовъ, не имѣющихъ особаго прозвища, по мѣстностямъ или селамъ, гдѣ они родились, если не по какимъ-нибудь другимъ примѣтамъ. Изъ семинаріи Г. Н. Бѣлынскій поступилъ въ медицинскую академію, въ казенные студенты, и кончивши курсъ съ званіемъ лекаря, былъ опредѣленъ въ 1809 году на службу въ Балтійскій флотъ. Во время пре-

---

[1]) Разсказъ Лажечникова (Моск. Вѣсти. 1859), повторенный и другими.

[2]) Такъ объясняется въ краткой біографической запискѣ о дѣтствѣ Б., составленной нѣсколько лѣтъ назадъ его близкимъ родственникомъ, Д. П. И., и которой мы слѣдуемъ и дальше въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Относительно фамиліи, одинъ изъ земляковъ Бѣлинскаго замѣчаетъ, что въ Пензѣ онъ еще не измѣнялъ фамиліи отца и всѣ его звали Бѣлынскимъ. „Но, неизвѣстно почему, по пріѣздѣ въ Москву, Бѣлинскій съ большою горячностью и настойчивостью сталъ требовать, чтобъ его называли Бѣлинскій, а не Бѣлынскій,—и настоялъ на своемъ!" (Воспоминаніе о Б., Н. Иванисова 2-го, Моск. Вѣдомости 1861, № 135).

быванія въ Кронштадтѣ, Бѣлынскій женился на дочери какого-то флотскаго офицера, Марьѣ Ивановнѣ. Флотскій экипажъ, въ которомъ находился на службѣ Бѣлынскій, стоялъ въ Свеаборгѣ, и здѣсь, въ 1810 году, въ февралѣ [1]), родился у него первый сынъ Виссаріонъ, и заочнымъ воспріемникомъ его былъ вел. кн. Константинъ Павловичъ. Впослѣдствіи, именно въ 1816 году, отецъ Бѣлинскаго перешелъ на службу въ родной край; въ званіи штабъ-лекаря, онъ назначенъ былъ въ уѣздный городъ Чембаръ городскимъ и уѣзднымъ врачемъ. Къ тому времени, когда Виссаріонъ учился въ школѣ, семья увеличилась: къ ней прибавилось еще два сына (Константинъ и Никаноръ) и дочь (Александра).

О домашней жизни, въ которой выросталъ Бѣлинскій, мы имѣемъ отзывы не вполнѣ сходные въ частностяхъ, но сходные въ общемъ неблагопріятномъ впечатлѣніи. По разсказамъ, какіе слышалъ на мѣстѣ и передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Лажечниковъ,—домашняя обстановка, окружавшая Бѣлинскаго, была самая безотрадная и подавляющая. «Общество, которое дитя встрѣчало у отца, были городскіе чиновники, большею частію, члены полиціи, съ которыми уѣздный лекарь имѣлъ дѣло по своей должности (отъ которой ничего не наживалъ). Общество это видѣлъ онъ на распашку, часто за ерофѣичемъ и пуншемъ, слышалъ рѣчи, обращавшіяся болѣе всего около частныхъ интересѣвъ, приправленныя цинизмомъ взяточничества и мелкихъ продѣлокъ, видѣлъ во очію неправду и черноту, не замаскированныя боязнью гласности, не закрашенныя лоскомъ образованности, видѣлъ и купленное за ведерку крестное цѣлованіе понятыхъ и свидѣтельствованіе разнаго рода побоевъ и пр. и пр... Душа его, въ которую пала съ малолѣтства искра Божія, не могла не возмущаться при слушаніи этихъ рѣчей, при видѣ разнаго рода отвратительныхъ сценъ. Съ раннихъ лѣтъ накипѣла въ ней ненависть къ обскурантизму, ко всякой неправдѣ, ко всему ложному... Оттого-то его убѣжденія перешли въ его плоть и кровь, слились съ его жизнію... Прибавьте къ безотрадному зрѣлищу гнилого общества, которое окружало его въ малолѣтствѣ, домашнее горе, бѣдность, нужды, вѣчно его преслѣдовавшія, вѣчную борьбу съ ними, и вы поймете, отчего произведенія его иногда переполнялись желчью, отчего въ откровенной бесѣдѣ съ нимъ, изъ наболѣвшей груди

[1]) Такъ въ запискѣ Д. П. И. Но Бѣлинскій, кажется, считалъ иначе время своего рожденія. Въ мартѣ 1846 г., онъ пишетъ къ В. П. Боткину: „Мая 30-го, а по вашему, по басурманскому, іюня 11-го, стукнетъ мнѣ 36 лѣтъ“.

его вырывались грозно-обличительныя рѣчи, которыя, казалось, душили его...»

Нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ послѣднихъ словахъ вѣрно передано то общее дѣйствіе, какое эта жизнь должна была оказать на складъ характера Бѣлинскаго. Изъ другихъ свѣдѣній мы узнаёмъ подробности, которыя отчасти смягчаютъ приведенную картину, но въ концѣ концовъ остается тотъ же результатъ, — что въ обстановкѣ дѣтства и первой юности Бѣлинскаго было слишкомъ мало отраднаго и слишкомъ много тяжелаго, непріязненнаго, болѣзненно раздражающаго.

По разсказу Д. П. И., матеріальныя средства семейства были въ среднемъ уровнѣ уѣздной жизни. У Бѣлинскихъ былъ свой, довольно просторный, домикъ съ обычными хозяйственными принадлежностями; прислуга состояла изъ семьи крѣпостныхъ дворовыхъ людей. Но жалованье уѣзднаго лекаря было очень небольшое; а практика въ уѣздѣ, кажется, довольно значительная, мало вознаграждалась деньгами, а всего чаще присылкой къ большимъ праздникамъ разной провизіи, причемъ особенной щедростью отличалась г-жа Владыкина, родная племянница Бѣлинскаго-отца, бывшая замужемъ за богатымъ помѣщикомъ. Подъ конецъ средства семьи стали, повидимому, еще уменьшаться, какъ вообще стали разстроиваться отношенія Бѣлинскаго-отца съ чембарскимъ обществомъ. Д. П. И. объясняетъ это самымъ его характеромъ. Это былъ, по своему, все-таки нѣсколько образованный человѣкъ и могъ стоять выше малограмотнаго уѣзднаго люда. Отъ многихъ предразсудковъ онъ былъ свободенъ, и склонный къ насмѣшливости, онъ не стѣснялся высказывать свои мнѣнія, которыя иногда казались слишкомъ рѣзкими. Въ религіозныхъ предметахъ, Григ. Ник., какъ говорятъ, пользовался репутаціей гоголевскаго Аммоса Ѳедоровича, и все грамотное населеніе города и уѣзда обвиняло его въ безбожіи, нехожденіи въ церковь, въ чтеніи Вольтера, — съ которымъ онъ, впрочемъ, соединялъ Эккартсгаузена и Юнга-Штиллинга. Недовѣрчивый и подозрительный, Григ. Ник., повидимому, былъ порядочно упоренъ и не обнаруживалъ желанія подчиняться сосѣдскимъ причудамъ; онъ неохотно брался за леченіе, обнаруживалъ притворство, гдѣ оно было, и кончилось тѣмъ, что помѣщичья публика стала избѣгать его; больные ѣздили лечиться въ сосѣдній Сердобскъ или въ извѣстное въ томъ краѣ богатое село Зубриловку; — практика почти совсѣмъ прекратилась съ появленіемъ бродившихъ тогда съ походными аптеками венгерцевъ (такъ-называемыхъ цыцарцевъ или цесарцевъ) и съ водвореніемъ въ го-

родѣ егерскаго полка. Бывали случаи, что онъ отказывался давать помощь и тамъ, гдѣ она была дѣйствительно необходима. Изъ писемъ, которыя Виссаріонъ получалъ впослѣдствіи изъ дому, видно, что отецъ до того простиралъ свою недовѣрчивость, или его отношенія съ помѣщичьимъ сосѣдствомъ были наконецъ до того странны и враждебны, что онъ не ѣздилъ по приглашеніямъ изъ опасенія, что его собираются убить или совершить надъ нимъ насиліе. Въ послѣдніе годы онъ задумалъ совсѣмъ бросить службу въ Чембарѣ и переселиться куда-нибудь въ другое мѣсто.

Обращаемся опять къ разсказамъ Д. П. И.,—свидѣтеля, который не можетъ быть обойденъ, какъ землякъ, близкій родственникъ и одинъ изъ первыхъ друзей Виссаріона (которому приходился племянникомъ). Д. П. И., говоря объ отцѣ Бѣлинскаго, вообще, кажется, старается выставлять лучшія его стороны. По его словамъ, Виссаріонъ былъ любимымъ сыномъ отца, — какъ это и могло быть, при всѣхъ странностяхъ ихъ отношеній. «Съ самой ранней поры даровитаго ребенка, отецъ не могъ не отличить и остроумія рѣчей, и страсти къ чтенію, и пытливой любознательности, съ которою мальчикъ прислушивался къ разсказамъ отца о прошедшемъ, къ его сужденіямъ о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе, и мало по малу раскрывалась между ними живая симпатія, сохранившаяся навсегда и благодѣтельно дѣйствовавшая на обоихъ въ рѣзкихъ случаяхъ жизни. Виссаріонъ Григ. и лицомъ болѣе всѣхъ дѣтей походилъ на отца, и одинъ только ростъ наслѣдовалъ отъ матери». Мать была женщина, какъ говорятъ, очень добрая, но вмѣстѣ раздражительная или даже сварливая; ея образованіе ограничивалось посредственнымъ знаніемъ грамоты. Вся забота ея заключалась въ томъ, чтобы прилично одѣть и, особливо, сытно накормить дѣтей: когда Виссаріонъ жилъ въ Москвѣ, она еще снабжала его теплыми фуфайками и копчеными гусями, посылаемыми съ «оказіей». Пріобрѣтенная дома страсть къ жирной, неудобоваримой пищѣ, какъ говорятъ, усиливала у Виссаріона золотушное расположеніе и была причиной постоянныхъ болѣзней желудка, и вообще вредно подѣйствовала на его здоровье.

Отношенія самихъ родителей, кажется, издавна были далеко не мирныя. Различіе характеровъ и понятій, хозяйственныя нужды, на которыя у отца недоставало денегъ, подавали поводъ къ раздорамъ, которые вовсе не были назидательны для дѣтей; мать не умѣла сдерживать своей раздражительности, отецъ или молчалъ на ея брань или отвѣчалъ шутками, которыхъ она не могла ни понять, ни вынести, или раздражался самъ и тогда начинались

настоящія бури, отъ которыхъ домашніе буквально бѣжали изъ дому. «У жизни есть свои сынки и пасынки, и Виссаріонъ Григ. принадлежалъ къ числу самыхъ нелюбимыхъ своею лихою мачихою», — разсказываетъ очевидецъ, изображая домашній бытъ этого семейства. «Не радостно она встрѣтила его въ родной семьѣ, и дѣтство его, эта веселая, беззаботная пора, было исполнено тревогъ и огорченій столько же, сколько и позднѣйшіе возрасты, и надобно было имѣть ему много воли, много любви, чтобы выйти побѣдителемъ изъ этой страшной борьбы съ роковыми случайностями».

Мы возвратимся дальше къ этимъ домашнимъ отношеніямъ, которыя не переставали тяготѣть надъ Бѣлинскимъ и волновать его и тогда, когда онъ уже покинулъ — и навсегда — родной кровъ, столько для него непріютный.

Свое ученье Бѣлинскій началъ не дома. Въ Чембарѣ до пятидесятыхъ годовъ существовала привилегированная учительница русской грамоты, дочь мѣстнаго чиновника, нѣкая Ципровская. Такія учительницы бывали нерѣдки у насъ еще съ восемнадцатаго столѣтія и до очень недавняго времени; учительство, конечно, только первоначальное, составляло обыкновенно ихъ исключительную профессію и средство существованія, и приносило не малую пользу, когда въ провинціальныхъ захолустьяхъ не было ни достаточныхъ школьныхъ средствъ обученія, ни достаточно охоты и умѣнья къ этому въ семьяхъ. Ципровская обучила первой грамотѣ цѣлыя поколѣнія. Выучившись у нея чтенію и письму, Бѣлинскій, кажется, продолжалъ нѣсколько учиться и дома, гдѣ отецъ началъ учить его по-латыни. Болѣе правильныя занятія начались для Бѣлинскаго съ открытіемъ въ Чембарѣ уѣзднаго училища. На первое время весь педагогическій штатъ заведенія состоялъ изъ одного смотрителя (Абрама Григ. Грекова), который былъ преподавателемъ по всѣмъ предметамъ: этотъ смотритель былъ,—какъ говоритъ Д. П. И., поступившій въ училище въ одно время съ Бѣлинскимъ,—человѣкъ добрый и кроткій. Вскорѣ прибавились новые учители—одинъ, для закона божія, соборный священникъ; другой для русскаго языка—сынъ другого соборнаго священника, исключенный изъ семинаріи (Василій Рубашевскій). Этотъ послѣдній,—по разсказу Д. П. И.,—«былъ страстный любитель наказаній, розогъ, которыя онъ употреблялъ иногда въ видѣ ласки, наказывая ими сквозь платье, ради личной потѣхи, совершенно невиннаго и прилежнаго мальчика; отодравши его немилосердо, старался потомъ успокоить поцѣлуями и щекоткою. Когда родители выговаривали учителю за эти выходки, онъ изви-

нялся будущею пользою, плѣнившись, вѣроятно, системою спартанскаго воспитанія или обычаями своей бурсы. Благородное негодованіе на этотъ вандализмъ Виссаріона возбудило энергическіе жалобы къ смотрителю со стороны Григорія Никиф... Надобно замѣтить, что Виссаріонъ никогда не былъ предметомъ этихъ дикихъ любезностей бурсака-учителя и вмѣшался въ дѣло не столько по участію къ товарищамъ, которые были моложе его классомъ, но потому что находилъ подобные поступки возмутительными». Преподаваніе въ училищѣ совершалось въ духѣ патріархальной простоты. Учители не затруднялись оставлять учениковъ на произволъ судьбы, отправляясь домой для жертвоприношеній Бахусу, а ученики, въ лѣтнее время, иногда цѣлымъ училищемъ уходили купаться.

Здѣсь, въ этомъ уѣздномъ училищѣ, видѣлъ Бѣлинскаго извѣстный Лажечниковъ, бывшій тогда директоромъ училищъ пензенской губерніи (съ конца 1820 года). Вотъ его разсказъ объ этой встрѣчѣ съ мальчикомъ Бѣлинскимъ, который уже тогда бросился ему въ глаза особенной независимостью своей манеры и живостью ума и характера.

«Въ 1823 году,» —разсказываетъ Лажечниковъ,— «ревизовалъ я чембарское училище. Новый домъ былъ только-что для него отстроенъ. (Въ этомъ ли домѣ, или во вновь построенномъ послѣ бывшаго пожара, не знаю хорошо, жилъ нѣсколько времени блаженныя памяти императоръ Николай Павловичъ, по случаю болѣзни своей отъ паденія изъ экипажа на пути близъ Чембара). Во время дѣлаемаго мною экзамена, выступилъ передо мною, между прочими учениками, мальчикъ лѣтъ 12, котораго наружность съ перваго взгляда привлекла мое вниманіе. Лобъ его былъ прекрасно развитъ, въ глазахъ свѣтлѣлся разумъ не по лѣтамъ; худенькій и маленькій, онъ, между тѣмъ, на лицо казался старѣе, чѣмъ показывалъ его ростъ. Смотрѣлъ онъ очень серьезно... На всѣ дѣлаемые ему вопросы, онъ отвѣчалъ такъ скоро, легко, съ такою увѣренностію, будто налеталъ на нихъ, какъ ястребъ на свою добычу (отчего я тутъ же прозвалъ его ястребкомъ), и отвѣчалъ, большею частію, своими словами, прибавляя или то, чего не было даже въ казенномъ руководствѣ. Доказательство, что онъ читалъ и книги, не положенныя въ классахъ. Я особенно занялся имъ, бросался съ нимъ отъ одного предмета къ другому, связывая ихъ непрерывною цѣпью, и, признаюсь, старался сбить его... Мальчикъ вышелъ изъ труднаго испытанія съ торжествомъ. Это меня пріятно изумило, также и то, что штатный смотритель (Авр. Грековъ) не конфузился, что его уче-

никъ говоритъ не слово въ слово по учебной книжкѣ (какъ я привыкъ видѣть и съ чѣмъ боролся не мало въ другихъ училищахъ). Напротивъ, лицо добраго и умнаго смотрителя сіяло радостью, какъ будто онъ видѣлъ въ этомъ торжествѣ собственное свое. Я спросилъ его, кто этотъ мальчикъ. «Виссаріонъ Бѣлинскій, сынъ здѣшняго уѣзднаго штабъ-лекаря», сказалъ онъ мнѣ. Я поцѣловалъ Бѣлинскаго въ лобъ, съ душевною теплотой привѣтствовалъ его, тутъ же потребовалъ изъ продажной библіотеки какую-то книжонку, на заглавномъ листѣ которой подписалъ «Виссаріону Бѣлинскому за прекрасные успѣхи въ ученіи (или что-то подобное) отъ такого-то, тогда-то». Мальчикъ принялъ отъ меня книгу безъ особеннаго радостнаго увлеченія, какъ должную себѣ дань, безъ низкихъ поклоновъ, которымъ учатъ бѣдняковъ съ малолѣтства».

Въ августѣ 1825 года Бѣлинскій перешелъ изъ чембарскаго училища въ пензенскую гимназію. Въ январѣ 1829 года, въ гимназическихъ вѣдомостяхъ о Бѣлинскомъ было отмѣчено, что за нехожденіе въ классъ не рекомендуется, а въ февралѣ того же года онъ былъ вычеркнутъ изъ списковъ, съ отмѣткой: «за нехожденіе въ классъ» [1]).

Можно себѣ представить, что причиной «нехожденія» и навлеченнаго имъ исключенія изъ гимназіи не была простая лѣность ученика, который еще въ уѣздномъ училищѣ удивлялъ серьёзностью своихъ понятій и свѣтлымъ умомъ. Виновата была прежде всего сама гимназія. Картина этой гимназіи, нарисованная Лажечниковымъ въ тѣхъ же воспоминаніяхъ,—картина, въ тѣ времена далеко не исключительная, — представляетъ учебную ея дѣятельность въ очень неблестящемъ видѣ. Преподаваніе велось по домашнему, спустя рукава. Первая сцена, которую вновь пріѣхавшій директоръ встрѣтилъ въ гимназіи (незадолго передъ вступленіемъ туда Бѣлинскаго), было—«погребеніе кота мышами», какъ объяснили ученики: они всей ватагой выносили на рукахъ изъ класса учителя словесности, — можно догадаться, въ какомъ положеніи. Эта сцена давала понятіе объ остальныхъ порядкахъ. Правда, къ тому времени, когда вступилъ въ гимназію Бѣлинскій, составъ учителей нѣсколько поправился, но и въ его время преподаваніе хромало. Напримѣръ, въ томъ предметѣ, который уже

---

[1]) Его гимназическія отмѣтки, въ 3-мъ классѣ, были: изъ алгебры и геометріи 2, изъ исторіи, статистики и географіи 4, изъ латинскаго языка 2, изъ естественной исторіи 4, изъ русской словесности и славянскаго языка 4, во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ отмѣченъ, что не учился.—Высшій балъ былъ въ то время 4.

съ этихъ поръ привлекалъ къ себѣ всѣ интересы Бѣлинскаго, въ русской словесности:—

«На мѣсто кота, котораго погребли мыши, поступилъ школяръ и педантъ въ высшей степени. Онъ твердо зазубрилъ всѣ возможныя реторики, русскія и латинскія, и даже вздумалъ-было преподавать одну изъ нихъ по іезуитскому руководству Лежая [1]). Большею частію забивалъ онъ учениковъ хитрыми упражненіями на фигурахъ и тропахъ, какъ будто училъ выдѣлывать изъ словъ разные фокусы. Разумѣется, по тогдашнему, онъ училъ и «изобрѣтать» по извѣстнымъ вопросамъ: кто, что и т. д. Бѣлинскій былъ долго подъ ферулой его, какъ учителя русской словесности и исправлявшаго, нѣкоторое время, по старшинству, должность директора училищъ, но, съ врожденной ему энергіей, не поддался ей. Вѣроятно, съ того времени реторика ему и опротивѣла».

Но въ гимназіи нашелся, однако, человѣкъ, непохожій на этихъ педагоговъ. Это былъ учитель естественной исторіи, М. М. Поповъ, «кладъ для гимназіи», по словамъ Лажечникова, человѣкъ—съ любовью къ наукѣ, особенно къ литературѣ, съ свѣтлымъ умомъ и основательнымъ образованіемъ соединявшій теплое сердце и поэтическую душу. Его вліяніе и сочувствіе, какъ говорятъ, въ особенности помогли Бѣлинскому, въ этой скудной образованіемъ средѣ, воспитать свою любовь къ литературѣ, съ которой было связано все его нравственное существованіе.

Впослѣдствіи Поповъ оставилъ учебную службу и Пензу, переѣхалъ въ Петербургъ, и до конца сохранилъ къ Бѣлинскому самыя дружескія отношенія,—какъ ни далеко развела ихъ судьба на жизненномъ поприщѣ: во время петербургской жизни Бѣлинскаго, Поповъ былъ уже чиновный человѣкъ (онъ служилъ въ III отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи).

Разсказъ М. М. Попова и показанія сверстника Бѣлинскаго [2]), дополняютъ наши свѣдѣнія о гимназическомъ ученьи Бѣлинскаго и его тогдашней нравственной физіономіи.

«Въ гимназіи, по возрасту и возмужалости, Бѣлинскій во всѣхъ классахъ былъ старше многихъ сотоварищей. Наружность его мало измѣнилась впослѣдствіи: онъ и тогда былъ неуклюжъ, угловатъ въ движеніяхъ. Неправильныя черты лица его, между

[1]) Этотъ „Лежай" (т.-е. Лежэ) вмѣстѣ съ не менѣе знаменитымъ Бургіемъ до очень недавняго времени господствовали безраздѣльно въ семинарскомъ преподаваніи реторики: ихъ руководства могутъ служить образчикомъ сухой и безжизненной схоластики.

[2]) Моск. Вѣстникъ, 1859; Моск. Вѣдом. 1861, № 185.

хорошенькими личиками другихъ дѣтей, казались суровыми и старыми. На вакаціи онъ ѣздилъ въ Чембаръ; но не помню, чтобы отецъ его пріѣзжалъ къ нему въ Пензу; не помню, чтобы кто-нибудь принималъ въ немъ участіе. Онъ видимо былъ безъ женскаго призора, носилъ платье кое-какое, иногда съ непочиненными прорѣхами. Другой на его мѣстѣ смотрѣлъ бы жалкимъ, заброшеннымъ мальчикомъ, а у него взглядъ и поступки были смѣлые, какъ бы говорившіе, что онъ не нуждается ни въ чьей помощи, ни въ чьемъ покровительствѣ. Таковъ онъ былъ и послѣ, такимъ пошелъ и въ могилу».

Впечатлѣніе М. М. Попова объ отсутствіи женскаго призора было очень справедливо, но онъ, кажется, все-таки не имѣлъ точнаго представленія о заброшенности мальчика. По словамъ очевидца и сверстника Бѣлинскаго, Иванисова, это была настоящая нищета. «Въ Пензѣ,—говоритъ онъ,—Бѣлинскій жилъ въ большой бѣдности; зимой, ходилъ въ нагольномъ тулупѣ; на квартирѣ жилъ въ самой дурной части города, вмѣстѣ съ семинаристами; мебель имъ замѣняли квасные боченки». Тотъ же свидѣтель разсказываетъ, что литературныя познанія Бѣлинскаго были тогда (т.-е. конечно въ первые гимназическіе годы) очень ограниченны: «онъ спорилъ съ семинаристами о достоинствѣ произведеній Сумарокова и Хераскова и восхищался романами Радклифъ. Изъ дома моего отца Бѣлинскій впервые получилъ, для чтенія, романы Вальтеръ Скотта, на русскомъ языкѣ, и произведенія лучшихъ нашихъ писателей». Романами Радклифъ Бѣлинскій тогда въ особенности восхищался.

Съ тѣхъ же поръ, и при такихъ же скудныхъ средствахъ проявлялась впервые и другая страсть Бѣлинскаго которая впослѣдствіи развилась до такого поглощающаго увлеченія—театръ. «Онъ страстно любилъ театральныя зрѣлища,—разсказываетъ Иванисовъ, — и часто посѣщалъ пензенскій театръ, который содержалъ тогда помѣщикъ Гладковъ. Актеры и актрисы были — его крѣпостные люди, большею частью пьяницы. Помню, что лучшія изъ этихъ дѣйствующихъ лицъ были извѣстны подъ именами *Гришки*, *Данилки* и *Мишки*. Гришка *Сулеймановъ* былъ трагическій актеръ и часто отличался въ роли *Димитрія Самозванца* (Сумарокова), возглашая:

> Ступай душа во адъ, и буди вѣчно плѣнна!
> О, еслибы со мной погибла вся вселенна!»

Возвращаемся къ разсказу Попова о гимназіи.

«... Впрочемъ, зачѣмъ перечислять учителей? Нѣкоторые изъ

нихъ были ученые люди, съ познаніями, да умъ Бѣлинскаго-то мало выносилъ познаній изъ школьнаго ученія. Къ математикѣ онъ не чувствовалъ никакой склонности; иностранные языки, географія, грамматика и все, что передавалось по системѣ заучиванья, не шли ему въ голову: онъ не былъ отличнымъ ученикомъ, и въ одномъ, которомъ-то, классѣ просидѣлъ два года [1]).

«Надобно, однакожъ, сказать, что Бѣлинскій, не смотря на малые успѣхи въ наукахъ и языкахъ, не считался плохимъ мальчикомъ. Многое мимоходомъ западало въ его крѣпкую память; многое онъ понималъ самъ, своимъ пылкимъ умомъ, еще больше въ немъ набиралось свѣдѣній изъ книгъ, которыя онъ читалъ внѣ гимназіи. Бывало, поэкзаменуйте его, какъ *обыкновенно* экзаменуютъ дѣтей,—онъ изъ послѣднихъ; а поговорите съ нимъ дома, по дружески, даже о точныхъ наукахъ—онъ первый ученикъ. Учители словесности были не совсѣмъ довольны его успѣхами (но мы видѣли сейчасъ, каковы и бывали эти учители), но сказывали, что онъ лучше всѣхъ товарищей своихъ писалъ сочиненія на заданныя темы».

Въ то время, когда Бѣлинскій былъ въ гимназіи, всѣхъ классовъ было четыре. М. М. Поповъ преподавалъ, какъ мы замѣтили, естественную исторію, которая начиналась въ 3-мъ классѣ, такъ что Бѣлинскій учился у него только въ двухъ высшихъ классахъ, но Поповъ зналъ его и раньше, потому что Бѣлинскій былъ друженъ съ своимъ товарищемъ, племянникомъ Попова, и иногда бывалъ въ его домѣ. «Онъ бралъ у меня книги и журналы,—разсказываетъ Поповъ,—пересказывалъ мнѣ прочитанное, судилъ и рядилъ обо всемъ, задавалъ мнѣ вопросъ за вопросомъ... По лѣтамъ и тогдашнимъ отношеніямъ нашимъ, онъ былъ неровный мнѣ; но не помню, чтобы въ Пензѣ съ кѣмъ-нибудь другимъ я такъ душевно разговаривалъ, какъ съ нимъ, о наукахъ и литературѣ».

Дѣло въ томъ, что и учитель, и ученикъ, оба были страстные любители литературы. Одинъ забывалъ о предметѣ своего преподаванія, другой забывалъ обо всѣхъ, и они толковали только о литературѣ. «Домашнія бесѣды наши,—разсказываетъ Поповъ,—продолжались и послѣ того, какъ Бѣлинскій поступилъ въ высшіе классы гимназіи. Дома мы толковали о словесности; въ гим-

[1]) Лажечниковъ дѣлаетъ замѣчаніе, что Бѣлинскій, еще будучи въ гимназіи, составилъ русскую грамматику, что, не удовлетворяясь школьными учебниками, онъ тогда уже не подчинялся авторитетамъ и хотѣлъ работать самостоятельно.

назіи онъ съ другими учениками слушалъ у меня естественную исторію. Но въ казанскомъ университетѣ я шелъ по филологическому факультету и русская словесность всегда была моей исключительной страстью. Можете представить себѣ, что̀ иногда происходило въ классѣ естественной исторіи, гдѣ передъ страстнымъ, еще молодымъ въ то время, учителемъ сидѣлъ такой же страстный къ словесности ученикъ. Разумѣется, начиналъ я съ зоологіи, ботаники или ориктогнозіи и старался держаться этого берега, но съ средины, а случалось и съ начала лекціи, отъ меня ли, отъ Бѣлинскаго ли, Богъ знаетъ, только естественныя науки превращались у насъ въ теорію или исторію литературы. Отъ Бюффона натуралиста я переходилъ къ Бюффону писателю, отъ Гумбольдтовой географіи растеній къ его «Картинамъ природы», отъ нихъ къ поэзіи разныхъ странъ, потомъ... къ цѣлому міру въ сочиненіяхъ Тацита и Шекспира, къ поэзіи въ сочиненіяхъ Шиллера и Жуковскаго... А герборизація? Бывало, когда отправлюсь съ учениками за городъ, во всю дорогу, пока не дойдемъ до засѣки, что̀ позади городскаго гулянья, или до рощей, что̀ за рѣкой Пензой, Бѣлинскій пристаетъ ко мнѣ съ вопросами о Гёте, Вальтеръ-Скоттѣ, Байронѣ, Пушкинѣ, о романтизмѣ и обо всемъ, что̀ волновало въ то доброе время наши молодыя сердца».

Наставникъ Бѣлинскаго такъ опредѣляетъ тогдашнюю ступень литературныхъ вкусовъ и увлеченій Бѣлинскаго (за послѣдніе годы его гимназическаго ученья). «Тогда Бѣлинскій, по лѣтамъ своимъ, еще не могъ отрѣшиться отъ обаянія первыхъ Пушкинскихъ поэмъ и мелкихъ стиховъ. Непривѣтно встрѣтилъ онъ сцену: «Келья въ Чудовомъ монастырѣ» [1]). Онъ и въ то время не скоро подавался на чужое мнѣніе. Когда я объяснилъ ему высокую прелесть въ простотѣ, поворотъ къ самобытности и возрастаніе таланта Пушкина, онъ качалъ головой, отмалчивался или говорилъ: «дайте, подумаю; дайте, еще прочту». Если же съ чѣмъ онъ соглашался, то, бывало, отвѣчалъ съ страшной увѣренностью: «совершенно справедливо!»

«Журналистика наша въ двадцатыхъ годахъ выходила изъ дѣтства. Полевой передавалъ по Телеграфу идеи запада, все, что̀ являлось тамъ новаго въ области философіи, исторіи, литературы и критики. Надоумко смотрѣлъ изъ подлобья, но глубже

---

[1]) Въ первый разъ, эта сцена появилась въ „Моск. Вѣстникѣ“ 1827 г. О впечатлѣніи этого перваго образчика „Бориса Годунова“ на публику, см. Анненкова. Матер., 1-е изд. 144.

Полевого, и знакомилъ русскихъ съ германской философіей. Оба они снимали маски съ старыхъ и новыхъ нашихъ писателей и пріучали судить о нихъ, не покоряясь авторитетамъ. Бѣлинскій читалъ съ жадностью тогдашніе журналы и всасывалъ въ себя духъ Полевого и Надеждина».

По выходѣ изъ гимназіи, Бѣлинскій вѣроятно воротился въ Чембаръ и безъ сомнѣнія уже задумалъ въ это время о поѣздкѣ въ Москву и поступленіи въ университетъ. Въ бумагахъ, уцѣлѣвшихъ послѣ него, сохранилось нѣсколько писемъ къ нему отъ гимназическихъ товарищей, за время до отъѣзда его въ университетъ и первое время московской жизни. Здѣсь рѣчь идетъ отчасти о гимназіи, о которой поминается не съ особеннымъ сочувствіемъ,—но гораздо больше говорится въ письмахъ о литературѣ. Одинъ изъ корреспондентовъ, пріятель Бѣлинскаго, называетъ его «маленькимъ философомъ, оригиналомъ, большимъ дружищею», и съ большимъ раздраженіемъ говоритъ о гимназіи, повидимому, въ свое время несносной и для Бѣлинскаго не меньше, чѣмъ для автора письма. Другой корреспондентъ въ особенности интересуется литературой. Друзья пересылались книгами (изъ Пензы въ Чембаръ, и обратно), сообщали другъ другу литературныя новости, какія имъ случалось узнавать, переписывали въ письмахъ цѣлыя длинныя стихотворенія, когда нельзя было послать книгъ; иной разъ, литературная новость (напр. новый отрывокъ изъ «Полтавы»), получалась также переписанной, изъ Москвы, и затѣмъ черезъ Пензу шла въ другомъ письмѣ въ Чембаръ... Такая же литературная корреспонденція велась у Бѣлинскаго съ его родственникомъ Д. П. И. (который былъ ему ровесникомъ или немного моложе), который былъ однимъ изъ его ближайшихъ тогдашнихъ пріятелей. Рядомъ съ этимъ, начинались уже и собственныя литературныя попытки,—и, конечно, въ стихахъ. Въ началѣ 1830 года, когда Бѣлинскій былъ уже въ Москвѣ, Д. П. И., остававшійся еще въ Пензѣ, передаетъ ему усильную просьбу М. М. Попова о присылкѣ стиховъ крупныхъ или мелкихъ, «только отличныхъ», своего сочиненія: стихи были нужны Попову для альманаха, который онъ собирался тогда издать вмѣстѣ съ Лажечниковымъ.

Эти стихотворенія Бѣлинскаго, не увидѣвшія свѣта (мы упомянемъ дальше объ единственномъ, кажется, напечатанномъ около того времени стихотвореніи Бѣлинскаго), какъ и слѣдуетъ ожидать, очень скоро потеряли цѣну для самого автора; но въ то время онъ придавалъ имъ большое значеніе, по крайней мѣрѣ много хлопоталъ о нихъ.

Узнавши отъ своего родственника о порученіи М. М. Попова—просить его стиховъ, Бѣлинскій пишетъ къ Попову письмо, гдѣ самъ подшучиваетъ надъ своей поэзіей, хотя ему очень тяжело было убѣдиться, что онъ не рожденъ быть поэтомъ [1]).

Въ одной рецензіи («Молва», 1835 г.) онъ вспоминаетъ эту пору своихъ литературныхъ занятій, мечтаній и замысловъ. По поводу одного плохого собранія стихотвореній онъ говоритъ, что оно напомнило ему «невинное, золотое время дѣтства», и разсказываетъ: «еще будучи мальчикомъ и ученикомъ уѣзднаго училища, я, въ огромныя кипы тетрадей, неутомимо, денно и нощно, и безъ всякаго разбору, списывалъ стихотворенія Карамзина, Дмитріева, Сумарокова, Державина, Хераскова, Петрова, Станевича, Богдановича, Максима Невзорова, Крылова и другихъ...; я плакалъ, читая «Бѣдную Лизу» и «Марьину Рощу», и вмѣнялъ себѣ въ священнѣйшую обязанность бродить по полямъ при томномъ свѣтѣ луны, съ понурымъ лицемъ à la Эрастъ Чертополоховъ. Воспоминанія дѣтства такъ обольстительны, къ тому же природа мнѣ дала самое чувствительное сердце и сдѣлала меня поэтомъ, ибо, еще будучи ученикомъ уѣзднаго училища, я писалъ баллады и думалъ, что онѣ не хуже балладъ Жуковскаго, не хуже «Раисы» Карамзина, отъ которой я тогда сходилъ съ ума». Стихи онъ тогда писалъ «въ чисто-классическомъ и совершенно чувствительномъ родѣ»: «съ романтическимъ я познакомился уже тогда, какъ во мнѣ совсѣмъ прошло стихотворное неистовство». Въ другомъ мѣстѣ онъ вспоминаетъ, что зналъ когда-то наизусть

---

[1]) „Въ чрезвычайное затрудненіе привело меня письмо моего родственника—говоритъ Бѣлинскій въ этомъ письмѣ къ Попову (отъ 30-го апрѣля 1830 г.): ...„мысль, что вы еще меня не забыли, что вы еще также ко мнѣ благосклонны, какъ и прежде; ваше желаніе, котораго я, несмотря на пламенное усердіе, не могу исполнить,—все это привело меня въ необыкновенное состояніе радости, горести и замѣшательства. Бывши во второмъ классѣ гимназіи, я писалъ стихи и *почиталъ себя опаснымъ соперникомъ Жуковскаго*; но времена перемѣнились. Вы знаете, что въ жизни юноши всякій часъ важенъ: чему онъ вѣрилъ вчера, надъ тѣмъ смѣется завтра. Я увидѣлъ, что не рожденъ быть стихотворцемъ и, не хотя идти наперекоръ природѣ, давно уже оставилъ писать стихи. Въ сердцѣ моемъ часто происходятъ *движенія необыкновенныя*, душа часто бываетъ полна чувствами и впечатлѣніями сильными, въ умѣ рождаются мысли высокія, благородныя — хочу ихъ выразить стихами—и не могу! Тщетно трудясь, съ досадою бросаю перо. Имѣю пламенную, страстную любовь ко всему изящному, высокому, имѣю душу пылкую и, при всемъ томъ, не имѣю таланта выражать свои чувства и мысли легкими, гармоническими стихами. Рифма мнѣ не дается и, не покоряясь, смѣется надъ моими усиліями; выраженія не укладываются въ стопы, и я нашелся принужденнымъ приняться за смиренную прозу...“

знаменитую трагедію Сумарокова «Димитрій Самозванецъ», и т. д. [1]).

Такимъ образомъ, чуть не съ дѣтскихъ лѣтъ въ Бѣлинскомъ сказывалось влеченіе, которое, развиваясь, превратилось въ страсть, наполнившую всю его жизнь. Такъ глубоко въ его натурѣ коренилось это стремленіе къ прекрасному и доброму, потому что его любовь къ литературѣ была именно выраженіемъ этого стремленія, для котораго онъ преимущественно, почти исключительно здѣсь находилъ пищу. Бѣлинскій не былъ, что̀ называется, «воспитанъ» на какомъ-нибудь изъ великихъ писателей, напротивъ, онъ читалъ безъ разбора все, что́ только попадалось подъ руку; изъ приведенной цитаты видно, что уже съ той поры ему знакома была не только новая, но и старая литература русская восемнадцатаго вѣка, и вовсе не только какъ предметъ любопытства, но и восхищенія,—напр., «Димитрій Самозванецъ» Сумарокова. Можетъ показаться, что это отсутствіе выбора, это чтеніе безъ разбора, хорошаго и плохого, истинно-поэтическаго и натянуто-фальшиваго, не были хорошимъ воспитаніемъ для чувства и вкуса: но справедливо замѣчено было однимъ изъ позднѣйшихъ критиковъ Бѣлинскаго, что если въ этомъ чтеніи не было чего-либо безусловно вреднаго (а его трудно предположить въ старой литературѣ), то отсутствіе выбора для юноши съ такими инстинктами прекраснаго, какъ Бѣлинскій, не могло представить никакой опасности: Бѣлинскій вносилъ въ свое чтеніе всю свою страсть и все теплое чувство; въ самыхъ нескладныхъ произведеніяхъ XVIII-го вѣка онъ могъ находить себѣ удовлетвореніе, потому что и въ нихъ умѣлъ отыскать и почувствовать проблески истиннаго чувства и настоящей поэзіи. Для юноши неодаровитаго и чтеніе Шекспира или Гёте останется безплодно: для одаренной натуры Бѣлинскаго, довольно было произведеній, гораздо болѣе скромныхъ, чтобы поддержать въ немъ уже готовыя идеальныя стремленія. Кромѣ того: какова бы ни была литература, которую перечитывалъ Бѣлинскій въ дѣтскіе и юношескіе годы, это была литература того общества, которому онъ самъ принадлежалъ, которому онъ долженъ былъ нѣкогда служить; и для его «воспитанія» не осталось безъ значенія то обстоятельство, что именно и только *эта* литература была ему тогда доступна: въ своемъ чтеніи онъ такъ сказать пережилъ ее, и тѣмъ опредѣленнѣе и ярче было потомъ его представленіе объ ея историческомъ развитіи. Отсутствіе выбора въ чтеніи нисколько

[1]) Сочин. I, 436—437, 478.

не повредило и его эстетическому пониманію. Неразвитый дѣтскій вкусъ удовлетворялся и грубоватыми произведеніями XVIII-го вѣка; мало-по-малу этотъ вкусъ развивался и становился строже и требовательнѣе, и гимназистъ Бѣлинскій былъ не только поклонникомъ Пушкина, но имѣлъ уже свои опредѣленныя предпочтенія, и не вдругъ поддавался возраженіямъ, хотя бы они и были довольно авторитетны. Словомъ, Бѣлинскій съумѣлъ оріентироваться въ той массѣ чтенія, которую онъ одолѣвалъ, и тѣмъ сильнѣе привязывался къ литературѣ, чѣмъ больше ему пришлось обойти окольныхъ путей, чтобы придти къ пониманію истинно-поэтическаго и и истинно-изящнаго.

Съ этихъ поръ въ характерѣ Бѣлинскаго выдается и та черта, которая навсегда осталась его яркой особенностью; это — страстное увлеченіе, съ какимъ онъ отдавался тому, что̀ считалъ истиной, крайнее упорство, съ какимъ онъ защищалъ эту истину или отыскивалъ ее; то «стремительное домогательство истины», которое въ другую пору поразило И. С. Тургенева, при первомъ знакомствѣ съ Бѣлинскимъ. Онъ былъ упоренъ въ своихъ мнѣніяхъ не по самолюбію (хотя у него было не мало самолюбія), а потому, что въ данную минуту считалъ эти мнѣнія справедливыми; но въ то же время онъ и не успокоивался на принятыхъ мнѣніяхъ, а разыскивалъ новыхъ фактовъ, новыхъ точекъ зрѣнія, выпытывалъ ихъ у людей, имѣвшихъ тѣ свѣдѣнія, которыхъ ему недоставало. Такъ выспрашивалъ онъ теперь своего учителя о Гёте, Вальтеръ-Скоттѣ и Байронѣ; такъ впослѣдствіи онъ выспрашивалъ другихъ о нѣмецкой философіи и т. д. и т. д. И послѣ, какъ теперь, онъ не обходился безъ посредниковъ, чтобы познакомиться съ интересовавшими его предметами; но какъ часто понималъ онъ узнанное имъ несравненно глубже самихъ посредниковъ, какъ полно проникался онъ добытыми идеями, обращая ихъ въ живое и многознаменательное содержаніе.

Раннее знакомство съ литературой, въ самыхъ различныхъ ея образчикахъ, имѣло и ту выгоду, что послужило Бѣлинскому прочнымъ основаніемъ для дальнѣйшихъ изученій предмета. Онъ уже владѣлъ большимъ запасомъ фактическихъ свѣдѣній, когда началъ впослѣдствіи знакомиться съ теоретическими вопросами литературы, и онъ тѣмъ больше усвоивалъ себѣ этотъ запасъ, что въ юношескомъ чтеніи увлекался такими вещами, которыя позднѣе оставили бы его совершенно холоднымъ и безучастнымъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что къ началу своего критическаго поприща онъ былъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ русской послѣ-петровской литературы.

Интересъ къ литературѣ, т.-е. интересъ къ поэтическому, изящному, былъ у Бѣлинскаго такимъ господствующимъ, что поглощалъ всю его умственную энергію и работу; уже съ этихъ поръ въ Бѣлинскомъ обнаруживалась та неохота къ сухимъ и точнымъ изученіямъ, которая отличала его и до конца. Онъ плохо интересовался и занимался математикой, онъ плохо занимался и языками, изученіе которыхъ отталкивало его сухостью правилъ, поддающихся только памяти — впослѣдствіи, онъ успѣлъ нѣсколько овладѣть только французскимъ языкомъ, такъ что въ состояніи былъ читать книги, но нѣмецкій такъ и не дался ему до конца. Оттого и «нехожденіе въ классъ» въ гимназіи, и «нерадѣніе» въ университетѣ. Это вовсе не была, конечно, лѣнь, ни умственная, ни физическая: напротивъ, онъ былъ чрезвычайно дѣятеленъ въ томъ, что̀ его занимало — въ гимназіи онъ исписывалъ кипы тетрадей произведеніями нравившихся ему писателей; впослѣдствіи, онъ постоянно работалъ до изнеможенія. Нѣтъ спора, что его односторонность очень вредила ему, ограничивая кругъ его свѣдѣній, въ чемъ его такъ часто упрекали; но и эта односторонность исходила изъ самой натуры: — его умъ и его душа искали живого содержанія, которое разрѣшало бы волновавшіе его нравственные вопросы, питало бы его потребности изящнаго, и эта жажда идеаловъ и нравственнаго знанія была такъ сильна, что онъ весь свой трудъ отдавалъ литературнымъ изученіямъ. Самыя стремленія его носили поэтическій складъ — оттого онѣ и искали поэтическихъ образовъ и картинъ; отрасли знанія, не касавшіяся прямо вопросовъ жизни и нравственности, не привлекали его.

Но что̀ давало стремленіямъ Бѣлинскаго особенную силу, это былъ его личный нравственный характеръ, которому жизнь съ самаго начала дала суровую школу. Бѣлинскій тѣмъ сильнѣе увлекался поэтическими идеалами и гуманными нравственными понятіями, какихъ онъ искалъ въ литературѣ, что ближайшая дѣйствительность его жизни слишкомъ мало отвѣчала инстинктамъ его природы. Мы указывали отчасти эту дѣйствительность, обстановку его юношеской жизни, — и возвратимся къ ней, чтобы покончить съ этой стороной его біографіи.

Нѣкоторый новый матеріалъ для этого представляетъ бывшая у насъ въ рукахъ переписка съ Бѣлинскимъ его отца, матери, брата, и родственной имъ семьи И.

Домашнія отношенія Бѣлинскаго были несомнѣнно крайне тягостны и вслѣдствіе того раздора, въ которомъ жили его родители, и по его личнымъ натянутымъ отношеніямъ къ отцу. Мы

видѣли, что Д. П. И., въ своей замѣткѣ, старается нѣсколько оправдать Бѣлинскаго-отца и вообще изображаетъ его въ довольно благопріятномъ свѣтѣ. Въ названной перепискѣ, мы находимъ одно письмо Д. П. И. отъ сентября 1834, гдѣ онъ разсказываетъ Бѣлинскому,—который кажется съ самаго отъѣзда въ университетъ никогда уже не бывалъ на родинѣ,—о домашнемъ бытѣ его семьи, и, между прочимъ, старается разъяснить Бѣлинскому характеръ его отца, который онъ самъ теперь сталъ понимать и который повидимому не былъ достаточно ясенъ для сына. Самъ Д. П. И. имѣлъ предубѣжденіе противъ Бѣлинскаго-отца, но теперь, когда онъ видѣлъ его ближе и могъ судить вѣрнѣе, его предубѣжденія разсѣявались. «Его бесѣды со мною», пишетъ Д. П. И., «отчасти можно назвать исповѣдью души его и между шутками я много для меня тайнаго развѣдалъ въ его характерѣ. На первый разъ скажу тебѣ, что дѣдушка [1]) человѣкъ благороднѣйшій въ высшей степени, съ чувствами высокими, рожденный съ отличными способностями, но убитый мелочною жизнію въ Чембарѣ, заброшенный въ дикій бурьянъ, въ кругъ людей, между которыми тщетно ты будешь искать слѣдовъ истиннаго человѣчества. Я часто былъ свидѣтелемъ благороднѣйшихъ поступковъ его [2]), которые восхищали меня и въ минуту разсѣевали всѣ мои противъ него предубѣжденія».

Какъ бы то ни было, Бѣлинскій самъ впослѣдствіи говорилъ, что не вынесъ изъ своей семьи никакого привѣтнаго воспоминанія. Одинъ изъ его современниковъ, близко его знавшій, разсказываетъ, что однажды, когда Бѣлинскому было лѣтъ десять или одиннадцать, отецъ его, возвратившись съ попойки, сталъ безъ всякаго основанія бранить сына. Ребенокъ оправдывался; взбѣшенный отецъ ударилъ его и повалилъ на землю. Мальчикъ всталъ пересозданнымъ: оскорбленіе и глубокая несправедливость запали ему въ душу,—онъ навсегда сохранилъ какой-то ужасъ и ненависть къ необузданному семейному произволу. Съ этихъ тяжелыхъ опытовъ, въ его любящей и страстной натурѣ естественно развилась потомъ и ненависть ко всякому насилію и оскорбленію человѣческаго достоинства... Впослѣдствіи, отношенія съ отцомъ, кажется, до конца остались холодны,—хотя, быть можетъ, его родственникъ былъ не совсѣмъ неправъ, когда старался показать Бѣлинскому лучшія, хотя и невидныя стороны въ характерѣ его

---

[1]) Такъ приходился отецъ Бѣлинскаго писавшему.

[2]) Въ другомъ мѣстѣ Д. П. И. упоминаетъ, напр., объ его сострадательности и готовности на помощь бѣднякамъ.

отца: дѣйствительно, нѣкоторыя черты какъ будто смягчаютъ отталкивающее впечатлѣніе этихъ отношеній.

По отъѣздѣ въ Москву, Бѣлинскій постоянно, хотя не совсѣмъ правильно, переписывался съ домашними. Мать и старшій изъ оставшихся дома братьевъ, и родственная семья И., съ любовью слѣдили за московской жизнью Виссаріона, подробно извѣщали его о чембарскихъ новостяхъ, о старыхъ знакомыхъ, которые его продолжали интересовать; письма отца—коротки и сухи, хотя иногда не безъ грубо выраженнаго чувства. Виссаріона извѣщали—тайкомъ отъ отца—и о домашнихъ событіяхъ. Старшій изъ братьевъ началъ тогда,—въ началѣ тридцатыхъ годовъ,—службу мелкимъ уѣзднымъ чиновникомъ; другой (впослѣдствіи поселившійся у Бѣлинскаго въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ) былъ потерянный, крайне испорченный мальчикъ. Письма матери и старшаго изъ братьевъ изображаютъ жизнь въ семействѣ по истинѣ невыносимою. Уже вскорѣ появляются въ письмахъ извѣстія о жертвоприношеніяхъ Бахусу, которымъ отецъ больше и больше предавался; въ этомъ состояніи онъ преслѣдовалъ домашнихъ грубыми шутками, на которыя мать отвѣчала едвали не сторицею, и попреками второму сыну въ тунеядствѣ; младшій былъ до послѣдній степени избалованъ отцомъ, и ему предоставлено было грубое, до возмутительности, обращеніе съ матерью, не имѣвшей надъ нимъ никакой власти.

Въ письмахъ изъ дому и отъ родныхъ, Бѣлинскій получалъ свѣдѣнія объ этомъ бытѣ своей семьи, нерѣдко въ выраженіяхъ, столь же возмутительныхъ, какъ и изображаемые ими предметы. Эти корреспонденціи, иногда писанныя, очевидно, безъ вѣдома отца, должны были вновь растравлять то тягостное чувство, которое и безъ того осталось отъ прежней жизни дома. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ до такой степени отличаются наивной до цинизма откровенностью или раздраженіемъ, что чтеніе ихъ могло быть для Бѣлинскаго только пыткой. Мы не имѣли въ рукахъ отвѣтныхъ писемъ Бѣлинскаго [1]), и можемъ судить о нихъ только по нѣкоторымъ упоминаніямъ въ письмахъ изъ дому, которыя нѣсколько выясняютъ положеніе, принятое Бѣлинскимъ. При всѣхъ холодныхъ отношеніяхъ къ отцу, при всемъ недовольствѣ отца разными неудачами, постигавшими Бѣлинскаго въ московской жизни, Виссаріонъ становится авторитетомъ семьи, и вмѣшивает-

[1]) Они сохранялись у его брата Константина, и нѣкоторыя свѣдѣнія изъ нихъ изложены были въ „Моск. Вѣд.“ 1859, № 293; но тамъ не было извлечено ничего относительно этихъ домашнихъ отношеній Бѣлинскаго.

ся, наконецъ, въ домашнюю распрю съ своимъ укоромъ и осужденіемъ: нѣкоторыхъ изъ его писемъ домашніе не рѣшались показывать отцу, — но опасенія отцовскаго гнѣва, повидимому, не остановили Бѣлинскаго. Въ письмѣ къ Бѣлинскому 1834 г. (откуда выше приведена выписка) Д. П. И. разсказываетъ, какъ очевидецъ, о томъ, какъ происходило чтеніе одного изъ подобныхъ писемъ Виссаріона: семья и родные были въ полномъ сборѣ; отецъ спокойно выслушалъ упреки и призналъ ихъ справедливыми; только одно выраженіе письма («мстить рабѣ») считалъ онъ для себя обиднымъ и много разъ повторялъ его, какъ особенно его поразившее. Для объясненія этихъ словъ замѣтимъ, что у Бѣлинскихъ была семья дворовыхъ,—вѣроятно, по дворянству матери; отецъ получилъ дворянство по чину коллежскаго ассессора въ 1831 году [1]. Изъ этой дворни, отецъ преслѣдовалъ какую-то женщину, и Бѣлинскій, вѣроятно, очень сильно защищалъ ее отъ этого преслѣдованія, — потому что слова его долго не выходили у отца изъ головы. Можно думать, что если Бѣлинскій-отецъ въ состояніи былъ выслушать обвиненія сына и не подумалъ отказать ему въ правѣ такого обвиненія, — характеръ его могъ дѣйствительно имѣть тѣ черты, какія приписываетъ ему Д. П. И.; но положеніе Бѣлинскаго относительно семьи не было отъ того лучше...

Мать его умерла въ августѣ 1834; отецъ—кажется, въ іюлѣ слѣдующаго года. Передъ тѣмъ отецъ передалъ на руки Бѣлинскому его меньшого брата Никанора,—такъ испорченнаго жизнью дома, что его потомъ ничто уже не могло исправить... Нѣсколько лѣтъ спустя, Бѣлинскій, въ письмѣ къ Боткину, вспоминаетъ безотрадное прошлое своей домашней жизни: «Имѣть отца и мать для того, чтобы смерть ихъ считать моимъ освобожденіемъ, слѣдовательно, не утратою, а скорѣе пріобрѣтеніемъ, хотя и горестнымъ; имѣть брата и сестру, чтобы не понимать, почему и для чего они мнѣ братъ и сестра, и еще брата, чтобъ быть привязаннымъ къ нему какимъ-то чувствомъ состраданія—все это не слишкомъ утѣшительно»... [2].

Нѣтъ сомнѣнія, что обстоятельства домашней жизни наложили свою печать на характеръ Бѣлинскаго. По его перепискѣ того времени видно, что это былъ живой, страстный юноша, привле-

---

[1]) Д. П. И. между прочимъ писалъ къ Бѣлинскому въ августѣ 1831 года изъ Чембара: ..."Домашніе твои всѣ живы и здоровы; въ вашемъ домѣ обуяла всѣхъ одна только болѣзнь, похожая на холеру, и болѣе всѣхъ страждетъ твой папенька: она извѣстна мнѣ подъ именемъ *тщеславіе дворянства*: съ чиномъ коллежскаго ассессора водворилась у васъ въ домѣ".

[2]) Письмо отъ 16-го дек., 1839.

кавшій въ себѣ и ранней серьёзностью, и вмѣстѣ веселымъ нравомъ; онъ былъ душой ближайшаго кружка своихъ знакомыхъ. Но ему рано пришлось испытать ту оборотную сторону жизни, которая въ натурахъ менѣе глубокихъ такъ легко можетъ подавить идеальные порывы юности. Бѣлинскій не поддался этому испытанію; онъ вступилъ въ борьбу и сберегъ свою поэзію и нравственный идеализмъ, — но борьба оставила на немъ слѣды на всю его жизнь. Здѣсь былъ источникъ той сосредоточенности и того чувства человѣческаго достоинства, которыя отличали его еще мальчикомъ, и здѣсь же, конечно, было первое начало его нервной раздражительности, того страстнаго негодованія противъ всякой несправедливости, которыя вспыхивали въ немъ даже по такимъ поводамъ, гдѣ другіе не находили бы никакой причины волноваться. Отсюда развилась его странная боязнь людей, которая заставляла его робѣть и мѣшаться съ незнакомыми людьми, въ новомъ для него обществѣ. Мы увидимъ дальше удивительные примѣры этой боязни — въ его собственномъ описаніи, гдѣ онъ проклинаетъ ее какъ настоящую болѣзнь, овладѣвающую имъ противъ его собственной воли. Не зная съ дѣтства покоя для своего внутренняго чувства, почти не имѣя съ кѣмъ раздѣлить его, онъ сосредоточивался, уходилъ въ себя; сдержанное чувство кипѣло внутри его, и вырывалось при первомъ поводѣ. Впослѣдствіи, это состояніе волненія стало для него почти потребностью: для него былъ скученъ обыкновенный спокойный, прозаическій разговоръ, — онъ оживлялся только въ спорѣ, въ опроверженіи, въ обличеніи [1]); чтó приходилось ему по душѣ,—приводило его въ восторгъ: первое проявленіе его чувства была обыкновенно крайность. Позднѣйшая жизнь его также не лишена была своихъ тревогъ; но онѣ сильно волновали Бѣлинскаго и потому, что отъ природы страстное чувство его уже пріобрѣло особенную, почти болѣзненную воспріимчивость...

Въ началѣ 1829 года, Бѣлинскій покинулъ гимназію и сталъ собираться въ университетъ. Дѣло было нелегко, потому что отецъ, по ограниченности своихъ средствъ, не могъ содержать его въ университетѣ. Бѣлинскій поѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ родственниковъ, И. Н. В., съ рекомендательными

---

[1]) „Бѣлинскій былъ задорный спорщикъ,—замѣчаетъ Иванисовъ, знавшій Бѣлинскаго въ его первую пору:—въ Москвѣ, къ кому бы я ни пришелъ изъ общихъ нашихъ знакомыхъ, непремѣнно заставалъ Бѣлинскаго за жаркимъ споромъ...“

письмами къ какому-то генералу Дурасову (отъ одной пензенской помѣщицы) и къ Лажечникову (отъ своего учителя М. М. Попова). Августа 31-го, онъ явился къ ректору университета Двигубскому, который на первый разъ отказалъ допустить его къ экзамену, такъ какъ у Бѣлинскаго не было съ собой метрическаго свидѣтельства. Онъ получилъ эту бумагу только въ началѣ сентября: 12-го онъ подалъ просьбу, черезъ недѣлю, 19-го, держалъ экзаменъ, а 21-го сентября получилъ табель, т.-е. былъ зачисленъ студентомъ [1]). Лица, къ которымъ Бѣлинскій имѣлъ рекомендаціи, хлопотали о немъ, но поступленіе въ университетъ состоялось независимо отъ этого; рекомендація Попова только сблизила Бѣлинскаго съ Лажечниковымъ, который жилъ тогда нѣсколько времени въ Москвѣ [2]).

Съ поступленіемъ въ университетъ начинается новый періодъ жизни Бѣлинскаго: онъ сближается съ новыми людьми, его давнишніе интересы находятъ себѣ богатую пищу, и онъ уже дѣлаетъ первыя попытки вступить на литературное поприще.

А. Пыпинъ.

---

1) „Москов. Вѣдом." 1859, № 293.

2) „Онъ (Лажечниковъ) принялъ меня очень ласково, — пишетъ Бѣлинскій къ М. М. Попову, — и, исполняя ваше желаніе, просилъ обо мнѣ нѣкоторыхъ изъ гг. профессоровъ, но просьбы его и намѣреніе оказать мнѣ одолженіе не имѣли успѣха, ибо я, по стеченію нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ для меня обстоятельствъ, не могъ ими пользоваться... Хотя моимъ поступленіемъ въ университетъ я никому не обязанъ, однако навсегда останусь благодарнымъ вамъ и И. И." (Письмо отъ апрѣля 1830).

КУЙ ЖЕЛѢЗО, ПОКА ГОРЯЧО

Новый англійскій романъ.

„*Taken at the flood*“, by the Author of „Lady Audlay's Secret“, „Strangers and Pilgrims“ &c. &c. &c.

ГЛАВА XIII *).

Незванная гостья.

Въ то время, какъ баронетъ любезничалъ въ гостинной викаріата и прикидывался, будто принимаетъ простой медóкъ м-ра Ванкорта за тонкій шато-маргó, прелюбопытная сцена происходила въ пріемной школьнаго дома—сцена выдѣлявшаяся, по своей драматичности, изъ обычнаго строя жизни м-ра Керью, установленнаго имъ со времени его переселенія въ Гедингемъ.

Наступила уже темная, беззвѣздная ночь, когда школьный учитель опустилъ штору и усѣлся за маленькій столикъ читать газету при свѣтѣ двухъ свѣчей, изъ которыхъ вторая зажигалась лишь на время этого чтенія. При незначительности содержанія м-ра Керью, довольно важнымъ вопросомъ было: горитъ ли у него одна свѣча или двѣ; и поэтому, когда онъ складывалъ и клалъ въ сторону свою газету, Сильвія была обязана тушить вторую свѣчу.

Интересъ къ чтенію газетъ нѣсколько удивлялъ въ человѣкѣ, чуждавшемся людского общества, какъ м-ръ Керью. Онъ мало

---

*) См. выше: янв. 381; февр. 763 стр.

интересовался книгами вообще, хотя прочелъ ихъ много въ извѣстную пору своей жизни. Но газетами онъ просто упивался, слѣдя за карьерой общественныхъ дѣятелей, въ особенности же изъ коммерческаго міра, и тщательно отмѣчая каждый шагъ ихъ на пути житейскихъ успѣховъ. Сильвіи часто случалось замѣчать, какъ онъ откладывалъ нумеръ газеты въ сторону съ раздирающимъ душу вздохомъ, который можно лишь сравнить со вздохами, вырывавшимися у грѣшниковъ въ преисподней, при видѣ удаляющихся свѣтлыхъ призраковъ Данта и Виргилія, по исчезновеніи которыхъ все снова погружалось во мракъ. Несмотря на его долгое пребываніе въ этомъ мирномъ уединеніи, у него, очевидно, сохранились нѣкоторыя стремленія, и въ груди его все еще тлѣлъ неугасимый огонь страстей. Иногда онъ давалъ волю своему раздраженію и награждалъ Сильвію безконечною проповѣдью о превратностяхъ судьбы и непрочности благъ земныхъ. Но онъ разсматривалъ этотъ вопросъ не съ религіозной точки зрѣнія, и не въ упованіи на загробную жизнь совѣтовалъ онъ дочери искать утѣшенія. Онъ смотрѣлъ на предметъ съ чисто-внѣшней стороны, и поучалъ ее, что жизнь человѣческая есть сплетеніе противорѣчій, гдѣ остаются въ выигрышѣ лишь тѣ немногіе предпріимчивые люди, которые идутъ на проломъ. Эти избранники и господствуютъ надъ всеобщимъ хаосомъ, и одни пользуются благами жизни. Для массы же—жизнь представляетъ безнадежную путаницу.

Сильвія внимательно слушала и соглашалась съ проповѣдникомъ. Она всегда была готова обвинять порядокъ вещей, обрекшій ее носить полинялыя платья и шляпы домашняго издѣлія. Она не вполнѣ сознавала, чья тутъ вина: судьбы или общества, но чувствовала тутъ что-то неладное, и жизнь казалась ей неразрѣшимой загадкой.

Въ этотъ вечеръ, однакожъ, м-ръ Керью былъ необыкновенно оживленъ и, опуская стору, насвистывалъ итальянскую мелодію—память тѣхъ дней, когда онъ посѣщалъ оперу.

— Спѣла бы ты мнѣ пѣсенку, Сильвія, сказалъ онъ, пока я выкурю другую трубочку.

Дѣвушка повиновалась и сѣла за фортепіано, но такъ какъ мысли ея летѣли вслѣдъ за Эдмондомъ Стенденомъ, то изъ своего скуднаго репертуара она выбрала самую грустную мелодію. «По всей вѣроятности, въ эту пору, бѣдный путникъ находится въ Соутгемптонѣ», думала она, «и блуждаетъ по освѣщеннымъ улицамъ незнакомаго города, печальный и одинокій, тоскуя обо мнѣ».

И такъ запѣла она печальную пѣсенку сэра Вальтеръ-Скотта, положенную на грустную мелодію:

The heath this night must be my bed
The bracken curtain for my head,
My lullaby the warder's trade,
Far, far from love and thee, Mary.
To-morrow eve, more stilly laid,
My couch may be my bloody plaid,
My vesper-song, thy wail, sweet maid.
It will not waken me, Mary [1]).

М-ръ Керью не обратилъ большого вниманія на пѣсню. Пріятный, грустный напѣвъ ласкалъ его слухъ, въ то время какъ онъ, покуривая, былъ погруженъ въ свои мечты, преисполненныя самыхъ сладкихъ надеждъ.

Онъ говорилъ себѣ, что его дочь одержала блистательную побѣду. По всей очевидности, сэръ Обри Перріамъ былъ сильно пораженъ ея замѣчательной красотой. Нѣкоторые взгляды и интонація его голоса не оставляли въ томъ сомнѣнія. Къ тому же, какъ объяснить появленіе баронета у нихъ въ тотъ вечеръ? Мнимый интересъ къ постройкѣ новой школы былъ самымъ пустымъ предлогомъ. Ясно, что сэръ Обри пріѣхалъ, чтобъ увидѣть Сильвію, и ни для чего иного.

Конечно, восхищеніе сэра Обри могло ни къ чему не повести. Да и по всей вѣроятности оно ни къ чему не поведетъ. Какъ допустить предположеніе, чтобы человѣкъ съ состояніемъ и высокимъ общественнымъ положеніемъ, проживщій въ одиночествѣ до пятидесяти или шестидесяти лѣтъ, и сумѣвшій обойти всѣ ловушки, которыя, вѣроятно, разставлялись на пути его жизни, увлекся сельской красавицей!

— «Люди бываютъ обыкновенно рабами того общества, въ которомъ живутъ, и нельзя ожидать, чтобъ этотъ человѣкъ нашелъ смѣлость поставить на своемъ, раздумывалъ про себя м-ръ Керью. Сколько бы онъ ни любовался моей дочерью, у него хватитъ стойкости отвернуться отъ насъ во-время и позабыть ее».

Сильвія разсказала отцу о маленькомъ эпизодѣ во фруктовомъ саду; о томъ, какъ она во время игры въ жмурки поймала сэра Обри

---

[1]) „Степь нынѣшней ночью будетъ мнѣ постелью, папоротники — покрываломъ, колыбельною пѣснью—шаги ночного сторожа, вдали отъ тебя и твоей любви, Мэри.

„Завтра же вечеромъ, я буду спать еще непробуднѣе, кровавый плащъ послужитъ мнѣ быть можетъ мѣсто постели, вечерней пѣснью будетъ твой стонъ, но онъ не пробудитъ меня, Мэри“.

Перріама, и какъ потомъ онъ поцѣловалъ ея руку, какъ истый рыцарь старой школы. Вѣрность Эдмонду нисколько не мѣшала ей быть польщенной такимъ поклоненіемъ передъ ея красотой. Между тѣмъ она строго бы осудила Эдмонда, еслибы онъ осмѣлился кѣмъ-либо любоваться, кромѣ нея.

Но въ этотъ вечеръ, во время пѣнія, ея мысли невольно переходили отъ Эдмонда къ баронету, и она недоумѣвала: «зачѣмъ онъ пріѣзжалъ къ нимъ сегодня, и не замѣтилъ ли кто изъ посторонних восхищенный взоръ его, когда онъ говорилъ съ ней. Бѣдный Эдмондъ! Если бы *онъ* былъ владѣльцемъ Перріамъ-Плэса, вмѣсто того, чтобъ находиться въ зависимости отъ каприза такой тиранической матери»!

— Послушай, Сильвія, сказалъ отецъ, докуривая трубку: у меня былъ сегодня откровенный разговоръ съ твоимъ возлюбленнымъ м-ромъ Стенденомъ. Ты, должно быть, повела свои дѣла еще хитрѣе, чѣмъ большинство женщинъ, потому что я могъ оставаться въ невѣдѣніи до самой послѣдней минуты.

— Что толку было говорить, папà, равнодушно отвѣчала дѣвушка, когда я была заранѣе увѣрена, что вы будете противъ насъ. Къ тому же мы еще очень недавно дали другъ другу слово.

— Дали другъ другу слово! воскликнулъ школьный учитель презрительно. Неужели ты серьёзно собираешься выйти замужъ за этого нищаго?

— Конечно, я выйду замужъ за м-ра Стендена, съ твердостью отвѣчала Сильвія.

Она смотрѣла прямо отцу въ лицо: онъ видѣлъ вызовъ въ этомъ взглядѣ.

— Я полагалъ, что ты довольно натерпѣлась отъ бѣдности.

— *Онъ* будетъ для меня работать, возразила она, не спуская пристальнаго взгляда съ отца. Отецъ понялъ намекъ.

— Развѣ онъ сдѣлалъ какія-нибудь попытки спасти тебя отъ мрачной обстановки бѣдности?

— Эдмондъ станетъ самъ работать для меня, повторила дѣвушка. Отчего ему не устроить своихъ дѣлъ? Онъ молодъ и энергиченъ, и не будетъ сидѣть сложа руки, мирясь съ нищетой, какъ какой-нибудь жалкій колпакъ, надъ которымъ смѣется каждый лѣнивый мальчишка.

— Я не умѣю спорить съ бабами! презрительно воскликнулъ м-ръ Керью. Въ нихъ такая бездна глупости, что умъ человѣческій не можетъ унизиться до ихъ пониманія. Выходи замужъ за Эдмонда Стендена, если тебѣ угодно. Разгласи по всему Гедингему, что вы помолвлены; и если ты прозѣваешь самую бле-

стящую будущность, какую только можетъ пожелать себѣ дѣвушка, и впослѣдствіи будешь съ мужемъ умирать съ голоду, то вини себя одну.

— Блестящую будущность!—повторила дѣвушка съ горькой усмѣшкой: какую блестящую будущность могу я ожидать *здѣсь*?

Она презрительнымъ взглядомъ окинула свою бѣдную обстановку и неприятно расхохоталась.

— А что̀ бы ты отвѣтила на предложеніе сдѣлаться хозяйкой Перріамъ-Плэса?

Дѣвушка снова засмѣялась, но на этотъ разъ меньше горечи слышалось въ ея смѣхѣ.

— Бѣдный папа̀! сказала она съ состраданіемъ: можно ли быть настолько неразумнымъ, чтобъ придавать значеніе пустой любезности сэра Обри?

— Великія событія возникали изъ малыхъ причинъ, поучительно отвѣчалъ ея отецъ. Но если ты выйдешь замужъ за Эдмонда, то закроешь себѣ двери счастья навсегда.

Сильвія нетерпѣливо вздохнула.

— Пожалуйста не набивайте мнѣ голову такими глупостями, папа́. Это положительно смущаетъ мое спокойствіе. Стать госпожей Перріамъ-Плэса! Какъ бы да не такъ! и это потому, что пожилой джентльменъ сказалъ мнѣ одинъ или два комплимента. Слыхалъ ли кто такую нелѣпость?

М-ръ Керью ничего не отвѣтилъ, и снова принялся за чтеніе газетъ. Сильвія перерыла свою рабочую корзинку, но не принималась за работу. Безразсудныя рѣчи отца очень взволновали ее. Она опять вздохнула, но глубже прежняго.

— Вы не знаете, папа́, какъ добръ Эдмондъ, сказала она съ мольбой въ голосѣ: вы не знаете, какъ нѣжно, какъ искренно онъ любитъ меня.

— Но я знаю, что у него нѣтъ ни единаго шиллинга вѣрнаго дохода, отвѣчалъ отецъ: довольно съ меня и этого, чтобъ знать, годится ли этотъ человѣкъ въ мужья моей дочери.

— Желала бы и я, чтобъ онъ былъ богаче. Но вѣдь можетъ же м-съ Стенденъ когда-нибудь смягчиться, произнесла задумчиво Сильвія. Онъ такъ добръ, смѣлъ и искрененъ; и съ такой готовностью рѣшается пожертвовать своимъ наслѣдствомъ ради меня, какъ будто дѣло идю о завядшемъ цвѣткѣ.

— Что́ служитъ яснымъ доказательствомъ, что онъ набитый дуракъ, возразилъ отецъ, и что онъ никогда не будетъ имѣть никакого успѣха въ жизни.

— И это непреложная истина, папа́? Однакожъ, если бы

умные люди всегда пользовались успѣхомъ, то вамъ слѣдовало бы достичь лучшаго положенія.

— Я не претендую на умъ. Въ свое время я тоже былъ дуракомъ,—да и за это меня кругомъ одурачили... Послушай, прибавилъ онъ, встрепенувшись. Чтó это такое?

Послышался тихій стукъ въ наружную дверь, и это въ такую пору, когда посѣтители въ школьномъ домѣ были рѣдкостью. Небольшіе голландскіе часы въ кухнѣ пробили десять, часъ довольно поздній въ Гедингемѣ, время, когда мѣстные обыватели ложились спать, если у нихъ не собирались гости. Самые записные кутилы въ Гедингемѣ вставали изъ-за стола въ одиннадцать часовъ, и черезъ четверть часа сонъ смыкалъ ихъ очи.

У нервныхъ темпераментовъ всякая неожиданность, будь то хоть легкій стукъ въ наружную дверь, производитъ испугъ, а въ этотъ вечеръ нервы м-ра Керью были нѣсколько напряжены. Сознаніе, что баронетъ заинтересовался его дочерью, при всей своей призрачности, взволновало его.

Онъ подошелъ къ двери и осторожно отворилъ ее, какъ будто ожидая встрѣтиться лицомъ къ лицу съ ночнымъ воромъ въ маскѣ и съ фонаремъ въ рукѣ, или же съ современнымъ гарротёромъ. Но фигура, представшая передъ нимъ, никакъ не могла навести ужаса; то была чрезвычайно худощавая женщина, одѣтая въ платье, которое, несмотря на окружающій ее мракъ, казалось опрятнымъ, хотя сильно поношеннымъ.

— Чтó вамъ угодно? спросилъ онъ не особенно привѣтливо.

Ему отвѣтилъ такой тихій голосъ, что Сильвія, изъ всѣхъ силъ напрягавшая слухъ свой, услышала лишь неясный шопотъ. Хотя она не разслышала ничего опредѣленнаго, но поведеніе отца испугало ее. Онъ вздрогнулъ, отскочилъ назадъ съ подавленнымъ восклицаніемъ, потомъ опять нагнулся впередъ, какъ-бы желая разглядѣть лицо несвоевременной посѣтительницы.

— Подождите съ минутку, пробормоталъ онъ, и потомъ обратясь къ дочери, проговорилъ поспѣшно:

— Иди наверхъ въ свою комнату, Сильвія, и оставайся тамъ, пока я не позову тебя. Мнѣ нужно переговорить съ этой особой.

Сильвія взглянула на него, какъ-бы собираясь спросить о чемъ-то.

— Сказано тебѣ, иди. Я позову тебя, когда ты мнѣ будешь нужна.

Сильвія повиновалась безпрекословно. Она захватила съ собой одну свѣчу, оставивъ комнату слабо-освѣщенною другой.

М-ръ Керью впустилъ въ этотъ полумракъ незнакомку, но

пріемъ его не выражалъ искренняго гостепріимства, а скорѣе ту принужденность, съ какою человѣкъ впускаетъ къ себѣ исполнителя закона, являющагося лишить его свободы.

ГЛАВА XIV.

Загубленная жизнь.

Женщина вошла, нервнымъ, испуганнымъ взоромъ окидывая эту слабо-освѣщенную пріемную, будто опасаясь, не попала ли она въ западню, которая поглотитъ ее навѣки. Она осмотрѣла комнату съ любопытствомъ—съ удивленіемъ—и затѣмъ перенесла взглядъ свой на школьнаго учителя.

— Да, проговорилъ онъ, въ отвѣтъ на ея взглядъ. Перемѣна большая, не правда ли? Здѣсь нѣтъ роскоши, нечѣмъ польстить женскому тщеславію или гордости.

— Да, обстановка здѣсь очень бѣдна, нерѣшительно отвѣчала женщина, но я давно привыкла къ бѣдности.

Потомъ съ чувствомъ поглядѣла ему прямо въ лицо и сказала:

— Неужели у васъ не найдется ни одного добраго слова для меня, Карфордъ, послѣ столькихъ лѣтъ разлуки?

— Пожалуйста, не произносите этого имени, сказалъ онъ сердито. Здѣсь я извѣстенъ подъ именемъ Джемса Керью. Вы могли выслѣдить меня здѣсь только подъ этимъ именемъ.

— Не говорите, Джемсъ, что я выслѣживала васъ. Я никогда бы васъ не обезпокоила, еслибъ было хоть одно существо въ мірѣ, къ кому я могла обратиться въ моемъ безвыходномъ положеніи.

— А что, развѣ вы ихъ всѣхъ обобрали, всѣхъ разорили, тѣхъ франтовъ и поклонниковъ, которые только и клялись, что хорошенькой м-съ Карфордъ?

— Мнѣ нужно такъ немного, Джемсъ, умоляла бѣдная женщина, не отвѣчая на насмѣшки. Я прошу такой бездѣлицы.

— Я этому очень радъ, воскликнулъ м-ръ Керью, моя обстановка не можетъ возбуждать блестящихъ надеждъ. Неужели, сударыня, вамъ нужно объяснять, что все, чего я могъ добиться за все это время: это—куска хлѣба для себя и моего ребенка? Достаточно взглянуть, какъ я живу, чтобъ убѣдиться въ этомъ.

Онъ оглянулъ комнату съ невыразимымъ презрѣніемъ, между

тѣмъ какъ женщина вглядывалась въ него своими впалыми, грустными глазами.

— Эта комната — дворецъ, Джемсъ, въ сравненіи съ тѣми трущобами, въ которыхъ я жила, сказала она въ отвѣтъ.

Она нерѣшительно, какъ-бы сомнѣваясь, не будутъ ли оспаривать ея право сидѣть въ этой комнатѣ, сѣла у стола, гдѣ мерцаніе единственной свѣчи озарило ея увядшее лицо.

Одного бѣглаго взгляда достаточно было, чтобы убѣдиться, что лицо это было нѣкогда очень красиво. Большіе каріе глаза, казавшіеся еще больше отъ худобы щекъ, не взирая на мрачное выраженіе, не вполнѣ еще утратили свой блескъ. Ни годы, ни горе не могли измѣнить нѣжныхъ очертаній лица, и совсѣмъ тѣмъ на немъ лежала печать изнеможенія и окончательнаго разрушенія. Никогда больше не заиграетъ краска или жизнь въ лицѣ этой увядшей красавицы. Для человѣка, видавшаго ее во цвѣтѣ лѣтъ, эта женщина могла показаться привидѣніемъ. Школьный учитель нѣсколько минутъ задумчиво вглядывался въ нее, потомъ отвернулся со вздохомъ. Такое разрушеніе тяжелѣе смерти.

Да! она когда-то была очень хороша собой! и лицо ея было поразительно похоже на другое лицо, цвѣтущее молодостью и красой. Эти глаза напоминали глаза Сильвіи, но только Сильвіи старухи. Эти нѣжныя черты лица были созданы по ея образу и подобію. Но ослѣпительный цвѣтъ лица, придававшій Сильвіи такое сходство съ картинами Тиціана, былъ навѣки утраченъ. Лицо этой женщины было блѣдно и совсѣмъ безцвѣтно. Волосы, въ безпорядкѣ падавшіе на ея строго очерченный лобъ, такъ же выцвѣли, какъ и поблекшія щеки. Если когда-нибудь призракъ красоты блуждалъ по землѣ, то онъ олицетворялся въ этой женщинѣ. То было привидѣніе, словно говорившее молодости и красотѣ: смотрите, какъ мимолетны ваши чары!

Самая одежда этой женщины повѣствовала о загубленной жизни.

Измятое сѣрое шелковое платье, протертое по швамъ, запятнанное и засаленное отъ времени,—жалкій оборвышъ шали, бывшей когда-то черною кружевною, но теперь походившей цвѣтомъ на траву Гайдъ-Парка въ концѣ жаркаго лѣта; шляпа, сшитая изъ обрѣзковъ, выброшенныхъ портнихой, перчатки—послѣдняя уступка цивилизаціи, ссѣвшіяся подъ вліяніемъ непогоды до того, что едва покрывали исхудалыя пальцы—все это свидѣтельствовало объ изысканной нищетѣ, достигшей своихъ крайнихъ предѣловъ.

— Какимъ образомъ вы отыскали меня? спросилъ м-ръ

Керью, послѣ молчанія, во время котораго бѣдная женщина пристально и съ надеждой глядѣла ему въ лицо.

— М-ръ Майльсъ, кассиръ, однажды встрѣтился со мною въ Голборнѣ, и, видя мою бѣдность, спросилъ меня, почему я не обращаюсь къ вамъ. Онъ одинъ разъ увидалъ васъ здѣсь въ церкви, когда пріѣзжалъ на недѣлю въ здѣшнія мѣста для рыбной ловли. Онъ мнѣ говорилъ, что вы, повидимому, порядочно здѣсь устроились, и могли бы помочь мнѣ немного. Это случилось ровно три года тому назадъ. Но я не хотѣла прибѣгать къ вамъ, Джемсъ. Я знала, что не имѣю на то права. Я ждала, пока голодъ не заставилъ меня придти сюда.

— Голодъ! воскликнулъ школьный учитель. Если у васъ хватило денегъ на поѣздку сюда, то вы еще далеки отъ голодной смерти.

— На это требовалось лишь нѣсколько шиллинговъ. Я пріѣхала въ Монкгемптонъ на дешевомъ поѣздѣ. Я заняла полъ-совѣрена у моей квартирной хозяйки—доброй души, которая очень ко мнѣ снисходительна.

— Ваша пріятельница сдѣлала бы гораздо лучше, если бы приберегла деньги. Я не могу дать вамъ даже и десяти шиллинговъ. Боже милостивый! неужели нѣтъ во всей вселенной такого отдаленнаго уголка, гдѣ бы человѣкъ могъ скрыться отъ глазъ людскихъ? Подумаешь,—этотъ негодяй Майльсъ выслѣдилъ меня даже здѣсь!

— Онъ говорилъ о васъ съ большимъ участіемъ, Джемсъ.

— Чортъ побери его участіе! Какое право имѣлъ онъ произносить мое имя? А вамъ еще менѣе, чѣмъ кому-нибудь, имѣлъ онъ право называть меня!

— О, я знаю, что я не имѣла никакого права обращаться къ вамъ, сказала женщина съ уничиженной покорностью. Нѣтъ состраданія, нѣтъ прощенія, по крайней мѣрѣ на землѣ — для жены, которая разъ оскорбила своего мужа.

— Разъ оскорбила! воскликнулъ Джемсъ Керью съ глубокой горечью. Разъ оскорбила! Да вся жизнь ваша была лишь длиннымъ рядомъ оскорбленій для меня. Еслибъ дѣло шло только о вашей супружеской невѣрности,—есть люди, философія которыхъ настолько велика, что простирается до прощенія! Я не говорю вамъ, чтобъ я принадлежалъ къ ихъ числу; но очень возможно, что еслибы все ваше преступленіе заключалось только въ бѣгствѣ съ этимъ негодяемъ, я бы могъ со временемъ отнестись къ вамъ снисходительнѣе.

Говорятъ, что черви топорщатся, когда на нихъ наступишь.

Внезапный огонь вспыхнулъ въ потухшихъ глазахъ м-съ Карфордъ; на губахъ ея выразилось глубочайшее презрѣніе.

— Мое преступленіе выручило васъ изъ бѣды, Джемсъ, сказала она спокойно. Если бы не это—вы сидѣли бы въ тюрьмѣ за мошенничество.

— Если бы не это! м-ру Моубрэ неловко было подвергать преслѣдованію мужа обольщенной имъ женщины, мотовство которой было причиной его преступленія.

— Мое мотовство! О Джемсъ, не будьте ко мнѣ несправедливы. Кто изъ насъ больше предавался тщеславію и роскоши, кто гордился своимъ хлѣбосольствомъ и былъ доволенъ жизнью лишь тогда, когда она представлялась непрерывнымъ праздникомъ? Кто былъ членомъ полдюжины клубовъ, когда достаточно было бы и одного? Кто присутствовалъ на всѣхъ скачкахъ, выигрывалъ и проигрывалъ деньги съ такой быстротой, что ошеломленная голова теряла счетъ выигрышамъ и проигрышамъ? Вы говорите о моемъ мотовствѣ! Чтó значитъ счетъ портнихи въ сравненіи съ пари въ таттерсалѣ, или цѣна случайной ложи въ оперу въ сравненіи съ неудачей на скачкахъ въ Крокфордсѣ? И какъ могла я предполагать, что мы живемъ свыше средствъ своихъ, когда я видѣла, что вы ни въ чемъ не отказываете себѣ для удовлетворенія своихъ фантазій. Я знала только, что вы директоръ большого торговаго дома, и знала, что вы получаете очень большое жалованье, и занимаете важную должность, которая перешла къ вамъ отъ отца. Вѣдь я была совсѣмъ неопытной дѣвочкой, когда вы женились на мнѣ, и не знала жизни. Неужели вы думаете, что я была бы такъ беззаботна, еслибы вы мнѣ открыли правду? еслибы вы только были откровенны и сознались, что мы стоимъ на краю погибели; что вы поддѣлали отчеты торговаго дома, и жили въ постоянномъ страхѣ, что все откроется?

— Сознаться вамъ!? воскликнулъ презрительно мужъ; сознаться передъ куклой, которая только и жила нарядами и своей красотой? Могъ ли искать я сердца у записной щеголихи? Нѣтъ, я предпочелъ довѣриться случайности, чѣмъ такой женѣ, какъ вы. Я думалъ, что я выпутаюсь изъ затруднительнаго положенія. Недочетъ былъ значительный, но одинъ крупный выигрышъ на скачкахъ могъ поправить все дѣло. Я не терялъ надежды, стоя на краю пропасти, пока въ одинъ прекрасный день не пошелъ въ контору и не встрѣтилъ незнакомое лицо, ревизующее мои книги; возвратясь нѣсколькими часами позже домой, я открылъ, что жена моя бѣжала съ моимъ принципаломъ.

— Это преступное дѣйствіе спасло васъ отъ каторги, сказала женщина.

— Цѣною моего безчестія, отвѣчалъ школьный учитель. Въ ту же ночь я получилъ письмо отъ измѣнника—почетнаго гостя въ моемъ домѣ — невинной жертвы моего обмана, какъ я полагалъ, извѣщающаго меня, что я давно заподозрѣнъ въ поддѣлкѣ документовъ, которая теперь доказана съ математическою точностью по провѣркѣ книгъ. Письмо его, краткое и безъ подписи, увѣдомляло меня далѣе, что торговый домъ избавитъ меня отъ судебнаго преслѣдованія, съ условіемъ, чтобъ я удалился изъ коммерческаго міра, и отказался отъ всякихъ попытокъ получить кредитъ или занятія въ самомъ Лондонѣ. О женѣ, похищенной у меня, негодяй, писавшій это письмо, не говорилъ ни слова.

Наступило глубокое молчаніе—Джемсъ Керью умолкъ, утомясь отъ сильнаго гнѣва, который онъ старался сдерживать во все время разговора.

— Что мнѣ оставалось дѣлать? Смиренно перенести свое безчестіе или преслѣдовать подлеца, похитившаго у меня жену? Еслибы я преслѣдовалъ его, еслибы я потребовалъ возстановленія чести оскорбленнаго супруга, онъ могъ уличить меня въ подлогѣ. Я поддѣлалъ его подпись на счетахъ изъ корыстныхъ цѣлей. Онъ могъ выдать меня, какъ поддѣлывателя чужихъ подписей. Я задерживалъ суммы, которыя должны были поступить къ нему. Онъ могъ обвинять меня въ воровствѣ. Напрасно сталъ бы я оправдываться желаніемъ пополнить растраченныя деньги при первой возможности—преступленіе было совершено.

Онъ опять умолкъ, запыхавшись, и отеръ капли пота со лба своего. Воспоминаніе объ этихъ дняхъ будило прежнія страсти.

— Я страшился участи преступника. Но я былъ человѣкъ, а не червякъ. Итакъ, я послѣдовалъ за вами и вашимъ обольстителемъ, — и послѣ долгихъ поисковъ, нашелъ васъ въ Люцернѣ. Какъ могли такія преступныя души созерцать величіе природы! Моубрэ поступилъ благороднѣе, чѣмъ я отъ него ожидалъ. Мы дрались, и я ранилъ его. Оставивъ его на рукахъ лакея, въ маленькой рощѣ, отстоявшей въ какихъ-нибудь пятистахъ шагахъ отъ гостинницы, въ которой нашелъ васъ обоихъ, я возвратился въ Англію, блуждалъ нѣкоторое время безцѣльно, таская съ собой Сильвію, постоянно ожидая, что меня арестуютъ, и, наконецъ, добрался сюда безъ гроша. Я засталъ мѣсто школьнаго учителя незанятымъ; попросился на это мѣсто и въ непродолжительномъ времени получилъ его, безъ всякой рекомендаціи,

благодаря манерамъ, которыя понравились моимъ покровителямъ. Вотъ и вся моя исторія. Ваша, безъ сомнѣнія, отличается бóльшимъ разнообразіемъ.

— Ее разнообразили только печаль и раскаяніе, Джемсъ, отвѣчала жена, съ тяжелымъ вздохомъ.—Я не была такъ преступна, я не такъ глубоко пала, какъ вы думаете. Тяжесть моего грѣха обрушилась на меня со всею силою. Я тосковала по моемъ ребенкѣ. Я чувствовала угрызенія совѣсти за свой позоръ. Горе сдѣлало меня скучной собесѣдницей, и наступилъ тотъ день, когда я прочитала уныніе на лицѣ, которое до сихъ поръ только улыбалось мнѣ. Тогда я поняла, что наступилъ конецъ. Моя жертва никому не принесла счастія: ни мнѣ, ни человѣку, который все еще увѣрялъ меня въ своей любви. Мы еще проскитались по континенту, пока это ему не надоѣло, и онъ сталъ поговаривать о возвращеніи въ Англію. Мнѣ до смерти надоѣли шумные, чужіе города, но мысль о возвращеніи на родину приводила меня въ ужасъ. Придется встрѣчать знакомыхъ, которымъ исторія моя извѣстна. Я высказала ему свои опасенія, и онъ въ первый разъ отвѣтилъ мнѣ съ усмѣшкой: «Вамъ нечего бояться быть узнанной вашими друзьями; вы забываете, какъ вы измѣнились». Черезъ нѣсколько времени я взглянула на себя въ зеркало, и увидѣла, что онъ былъ правъ. Красота моя исчезла.

— Вскорѣ послѣ этого открытія, любовникъ вашъ бросилъ васъ, я полагаю, сказалъ м-ръ Керью.

— Нѣтъ, этотъ послѣдній позоръ миновалъ меня. Я сама его покинула. Я чувствовала, что цѣпь наша стала слишкомъ тяжела, и совѣсть, которую могло заглушать лишь сознаніе его любви, проснулась во мнѣ со всѣми своими мученіями. Я врядъ ли бы нашла въ себѣ столько мужества, чтобъ повѣдать свою печальную повѣсть пастырю нашей вѣры, но я знавала добраго старика-священника, служившаго обѣдню въ небольшой часовнѣ въ Тиролѣ, гдѣ мы путешествовали, и лицо этого старца обѣщало сострадание. Я пошла къ нему и все ему разсказала. Онъ далъ мнѣ почувствовать, что если я хочу заслужить отпущеніе грѣховъ своихъ, то прежде всего должна покинуть грѣховную стезю. Я ему сказала, что теперь нахожусь безъ гроша, и желала бы отправиться въ одинъ изъ большихъ городовъ Германіи, гдѣ могла бы получить мѣсто гувернантки, или компаньонки въ путешествующемъ семействѣ; словомъ, мѣсто, гдѣ пригодилось бы мое знаніе иностранныхъ языковъ. Добрый старикъ ссудилъ меня нѣсколькими фунтами стерлинговъ, которыхъ хватило на проѣздъ въ Лейпцигъ и на первое время, пока я осмотрѣлась тамъ.

Сначала судьба казалось благопріятствовала мнѣ, и я подумала, что небо отпустило мнѣ грѣхи мои. Я получила мѣсто въ одной школѣ, гдѣ должна была учить языкамъ англійскому, французскому и итальянскому. Содержаніе было небольшое, но я всего болѣе нуждалась въ пристанищѣ. Изъ моего небольшого жалованья мнѣ удалось уплатить долгъ свой доброму священнику и одѣться по-приличнѣе. Я пробыла въ школѣ три года и заслужила довѣріе начальства своею добросовѣстностью; все шло хорошо, до той несчастной минуты, когда одна изъ моихъ прежнихъ знакомыхъ, не разъ дѣлившая со мною ложу въ оперѣ и многія другія развлеченія, и завидовавшая моимъ брильянтамъ и кружевамъ, привела новую ученицу въ школу. Она увидала меня, узнала во мнѣ призракъ своей прежней знакомой, и разсказала директору мою исторію — безъ прикрасъ. Въ тотъ же день мнѣ было отказано отъ мѣста, и я должна была снова начинать свою трудовую жизнь, безъ рекомендаціи и безъ помощи друга. Нечего утомлять васъ окончаніемъ моей исторіи, у меня и силъ не хватитъ передать ее. Довольно того, что я пережила ее. Я вращалась въ самыхъ низменныхъ сферахъ, то въ качествѣ учительницы въ бѣднѣйшихъ кварталахъ, то танцовала въ кордебалетѣ маленькаго театра въ Сити-Родъ, то ходила на поденную работу за плату пятнадцати пенсовъ въ день, какъ портниха,—но хотя я часто бывала близко къ голодной смерти, однако никогда не обращалась за помощью къ Орасу Моубрэ.

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я прочелъ объ его женитьбѣ, сказалъ Джемсъ Кэрью: онъ сдѣлалъ выгодную партію, которая должна была удвоить его состояніе. Я полагаю, теперь онъ уже милліонеръ.

— М-ръ Майльсъ говорилъ мнѣ, что онъ очень разбогатѣлъ, отвѣчала бѣдная женщина, со вздохомъ. И онъ видимо былъ удивленъ, увидавъ меня въ лохмотьяхъ.

— И не повѣрилъ вашему раскаянію, замѣтилъ мужъ ея съ циническимъ смѣхомъ. Въ здѣшнемъ мірѣ совсѣмъ не вѣрятъ въ раскаяніе.

— Джемсъ, проговорила она, съ мольбою въ голосѣ, не дадите ли вы мнѣ чего-нибудь поѣсть. Я въ изнеможеніи отъ голода. Во весь день нынче я съѣла всего одинъ сухарь, цѣною въ пенни.

— Извольте, я васъ накормлю. А вы и не справляетесь о дочери—какая же вы странная мать!

— Я бы не желала, чтобы она видѣла меня, отвѣчала она содрогаясь. Богъ видитъ, какъ изнываетъ мое сердце при мысли

о ней, но я не хотѣла бы встрѣтиться съ нею въ этихъ лохмотьяхъ.

— Не хотѣли бы? воскликнулъ школьный учитель: въ такомъ случаѣ вы не должны здѣсь оставаться. Домъ этотъ не настолько великъ, чтобъ можно было въ немъ скрываться. Это не то, что было въ нашемъ изящномъ гнѣздышкѣ, въ Кильборнѣ, съ его гостинными, будуарами, кабинетами и курильными. Если вы хотите поѣсть чего-нибудь, то Сильвіи придется прислуживать вамъ.

— Не говорите ей, кто я такая, сказала мать, дрожа всѣмъ тѣломъ, и обращая испуганный взглядъ по направленію къ двери.

— Она ничего не узнаетъ, если не подслушивала у двери, что́ не лишено вѣроятія.

Онъ отворилъ дверь, ведущую въ кухню и позвалъ Сильвію. Лѣстница примыкала къ этой комнатѣ, и услышавъ зовъ отца, Сильвія, взволнованная, сошла внизъ. Но весьма возможно было, что за минуту передъ тѣмъ она неслышно взбѣжала на лѣстницу своею легкою поступью.

Молодая дѣвушка казалась блѣдна и встревожена, но не промолвила ни слова.

— Здѣсь сидитъ проголодавшаяся скиталица, сказалъ ей отецъ: принеси ей поужинать, что́ у тебя найдется.

Сильвія открыла маленькій буфетъ и вынула изъ него остовъ курицы, остатки сала, нѣсколько холодныхъ картофелинъ и краюшку хлѣба. Она покрыла подносъ салфеткой и разставила на немъ эти яства съ свойственной ей аккуратностью,—несмотря на то, что руки ея слегка дрожали при исполненіи этой обязанности. Потомъ, съ подносомъ въ рукахъ, вошла въ пріемную.

Она обмѣнялась взглядомъ съ путницей, и на лицахъ обѣихъ женщинъ выразился испугъ: такъ живые люди смотрятъ на привидѣніе. И дѣйствительно, каждая видѣла привидѣніе въ другой. Одной представилась тѣнь прошлаго, другой—будущаго.

— Вотъ, чѣмъ я была, подумала мать.

— Вотъ, чѣмъ я могу быть, сказала себѣ дочь.

Сильвія поставила подносъ передъ путешественницей, все время не спуская съ нея сдержанно-любопытнаго взгляда. Это блѣдное, изнуренное лицо, съ его мертвеннымъ, блѣднымъ цвѣтомъ, имѣло такое страшное сходство съ ея собственнымъ. Она узнавала въ ней свои собственныя черты, но только утратившія свою красу. «Неужели,—размышляла она,—красота такъ много зависитъ отъ свѣжести лица и молодости, что съ годами черты утрачиваютъ свою прелесть?»

При этомъ ей вспомнилось красивое, пожилое лицо м-съ Стенденъ, съ ея спокойнымъ выраженіемъ, ясными, блестящими глазами и съ сохранившеюся свѣжестью щекъ.

— «Не время разрушаетъ красоту, а заботы, подумала она; избави меня Богъ отъ такой жизни, какая выпала на долю моей матери». Она все подслушала. Любопытство ея было возбуждено поведеніемъ отца, и она приняла мѣры, чтобы узнать причину его волненія. Она слышала все до послѣдняго слова, такъ какъ двери неплотно затворялись въ этомъ старомъ домѣ, и голоса доносились до нея такъ же явственно, какъ если бы она находилась въ одной комнатѣ съ разговаривающими. Пораженная ужасомъ, съ болью въ сердцѣ, выслушала она разсказъ о позорѣ своей матери, о безчестіи отца, и хотя почувствовала трепетное сострадание къ слабой грѣшницѣ, но всего болѣе ей стало жаль самое себя. Вѣдь по ихъ винѣ она была лишена всѣхъ правъ, принадлежавшихъ ей по рожденію. Для нея результатомъ ошибокъ ея родителей была молодость, полная лишеній. Они начали жизнь свою въ довольствѣ, и по собственной преступной волѣ свернули съ этого мирнаго пути на тернистыя тропинки, гдѣ шипы и иглы изранили ея невинное тѣло. Они воспользовались краткимъ мигомъ счастья, и сорвали цвѣты наслажденій въ юдоли грѣха; между тѣмъ какъ ей выпалъ тяжелый путь искупленія. Она начала жизнь, подавленная тяжестью ихъ преступленій.

Мать смотрѣла на нее съ сокрушеннымъ взоромъ. Своими потухшими глазами она пожирала ея юную красоту; выраженіе глубокой любви мелькало въ каждомъ взглядѣ ея, между тѣмъ какъ страхъ сковывалъ эти дрожащія губы. Никогда еще грѣшница не чувствовала такъ сильно всей тяжести своего грѣха. Цѣлые годы раскаянія и печали показались ей ничтожными въ сравненіи съ этою минутой. Бѣглая жена смотрѣла на покинутое ею дитя, и страдала за свою вину такъ же мучительно, какъ если бы все это было только наканунѣ.

— Какъ могла я покинуть *ее*, раздумывала она: не все-ли равно, что Джемсъ былъ жестокъ и несправедливъ ко мнѣ, а *тотъ* клялся мнѣ въ любви; вѣдь у меня оставался ребенокъ! Я должна была бы искать опоры въ этомъ утѣшеніи, и поставить его священной преградой между своей слабостью и соблазномъ.

— Вы говорили, что сильно проголодались, сказалъ м-ръ Керью: такъ и принимались бы поскорѣе за ужинъ. Вѣдь уже поздно.

Она, повидимому, и не замѣтила, что передъ нею поставлена пища, глаза ея слѣдили за Сильвіей и болѣе ничего не видали,

или быть можетъ она мыслями погружалась въ прошлое, которое являлось фантастическимъ фономъ для этой живой картины. Она пробормотала извиненіе, и начала ѣсть, сначала медленно, разсѣянно, потомъ съ страшною жадностью. Курица, довольно общипанная, такъ какъ уже подавалась къ двумъ обѣдамъ м-ра Керью, пришлась ей по вкусу. Холодный картофель, сало, домашній хлѣбъ были роскошью для того, кому изобиліе было давно неизвѣстно. Она ѣла, какъ человѣкъ знакомый съ голодомъ. Искреннія сожалѣнія, клятвы въ раскаяніи, не пробудили состраданія въ м-рѣ Керью, но положительный голодъ тронулъ даже его черствое сердце. Въ отдаленныя, полу-забытыя времена онъ любилъ эту женщину—конечно, не съ самоотверженною, всепоглощающею преданностью, но ровно настолько, насколько былъ способенъ къ этому чувству—и въ немъ проснулась жалость при видѣ ея безпомощности.

Онъ открылъ шкафъ и досталъ изъ него бутылку клерета—самаго простого—въ пятнадцать пенсовъ бутылка — налилъ въ рюмку и подалъ ей. Это было первымъ знакомъ вниманія, которое онъ ей оказывалъ, и она взглянула на него съ униженной благодарностью: такъ смотритъ собака, которую хозяинъ избилъ за ея проказы, и потомъ снова приласкалъ.

— Какъ вы добры, Джемсъ, прошептала она, отпивъ немного этого незатѣйливаго напитка: я не пила вина съ тѣхъ поръ, какъ была въ больницѣ.

— Въ больницѣ!—по какой причинѣ?

— Меня сбилъ съ ногъ кэбъ, и оказался переломъ руки. Меня препроводили въ казенную больницу, гдѣ я пробыла шесть недѣль. Это было для меня самымъ счастливымъ временемъ—послѣ возвращенія моего изъ Германіи.

— Бѣдная! воскликнулъ м-ръ Керью, со стономъ. Кончайте свой ужинъ.

Сильвія медлила уходить, ее притягивало къ себѣ это мертвенное лицо. Ее не тянуло броситься на шею этой внезапно-открытой матери; она замѣтила, какъ износены и засалены ея отрепья, и едва-ли рѣшилась бы прикоснуться къ нимъ: привычка къ внѣшней опрятности и брезгливость укоренились въ ней. Она не ощущала никакой привязанности къ матери, но мало-помалу глубокая жалость закрадывалась въ ея душу. Она подошла къ отцу, и шепнула ему на ухо:

— Куда мы положимъ ее спать, папá?

Вопросъ озадачилъ его. Онъ сомнительно посмотрѣлъ на гостью. Ужъ не намѣревалась ли она сѣсть ему на шею, и не

былъ ли этотъ поздній пріѣздъ преднамѣреннымъ планомъ, чтобъ навязать ему свое присутствіе до конца дней его. Если онъ, изъ чувства христіанскаго состраданія, дастъ ей ночлегъ на эту ночь, то согласится ли она уйти завтра утромъ? Вѣдь она его законная жена, никакой формальный процессъ не лишалъ ее права на кровъ и пропитаніе въ домѣ мужа. Она могла требовать себѣ пристанища и пропитанія, еслибы этого захотѣла, и ему трудно было бы оспаривать ея права, невозможно отрицать ихъ безъ скандала, что было бы равносильно погибели.

Онъ посмотрѣлъ на нее въ нерѣшительности. Она доставила ему много причинъ къ неудовольствію въ минувшія времена; но ея заблужденія коренились въ тщеславіи и нерасчетливости, но не въ лицемѣріи или лукавствѣ. Однакожъ, она въ концѣ-концовъ обманула его; она замышляла свое бѣгство втихомолку. Онъ никакъ не могъ допустить не преднамѣреннаго бѣгства даже въ такой легкомысленной и беззаботной женщинѣ, какою была она. И потомъ, бѣдность порождаетъ пороки, несвойственные характеру отъ рожденія, бѣдность научаетъ хитрости, убиваетъ чувство собственнаго достоинства. Всѣ честныя побужденія превращаются въ прахъ подъ давленіемъ этого тяжелаго жернова. Такъ по крайней мѣрѣ разсуждалъ Джемсъ Керью. По его мнѣнію, женщина, прошедшая чрезъ такую долговременную школу лишеній, становится опасною.

Сильвія тихо подошла къ окну и подняла уголъ шторы, чтобъ посмотрѣть на дворъ. Небо все заволокло, и шелъ беззвучный, лѣтній дождь. Она снова подошла къ отцу и шепнула ему потихоньку:

— Позвольте ей переночевать въ моей комнатѣ, папà, я могу спать здѣсь на диванѣ. Нельзя же вамъ ее выгнать въ такую ночь; къ тому же она кажется больной.

— Пусть она останется, отвѣчалъ м-ръ Керью.—Если она окажетъ поползновеніе поселиться здѣсь, то я знаю, какъ отъ нея отдѣлаться, сказалъ онъ самому себѣ: она меня не поддѣнетъ.

Такимъ образомъ было рѣшено, что скиталица проведетъ эту единственную ночь въ школьномъ домѣ. М-ръ Керью взялъ на себя трудъ объяснить потомъ характеръ предлагаемаго гостепріимства. Нигдѣ болѣе, во всемъ Гедингемѣ, не могла бы она найти себѣ ночлега, такъ какъ это добродѣтельное селеніе давно погрузилось въ непробудный сонъ, и питало невыразимое отвращеніе къ бродягамъ.

ГЛАВА XV.

„...Удѣлъ назначенъ намъ неравный!..“

Сильвія привела путешественницу наверхъ въ свою комнату — это былъ простой чердачокъ подъ такой же покатой крышей, какъ у игрушечнаго Ноева ковчега. Меблировка была самая бѣдная, но молодая дѣвушка, со свойственнымъ ей тщеславіемъ, придала и ей нѣкоторую грацію и изящество. Такою воображенію нашему представляется комнатка Гретхенъ, убранная съ тою же дѣвическою безъискусственностью. Бѣлоснѣжныя канифасныя занавѣси и пологъ у кровати были кокетливо перевязаны зелеными ленточками; неуклюжее старое бюро орѣховаго дерева было натерто воскомъ до того, что могло замѣнить зеркало; на ея туалетикѣ стояла фарфоровая ваза съ цвѣтами, наполнявшими атмосферу нѣжнымъ благоуханіемъ свѣжей лаванды и пряныхъ запахомъ гвоздики; пустыя полки были выскоблены до безукоризненной бѣлизны, а продолговатый обрѣзокъ полинялаго ковра, постланнаго передъ ея узкой кроватью, былъ тщательно обшитъ дешевой шерстяной бахрамой. Стремленіе молодой дѣвушки къ изяществу проявлялось въ каждой бездѣлицѣ.

М-съ Карфордъ окинула комнату тѣмъ грустнымъ взоромъ, полнымъ мольбы, съ какимъ она смотрѣла на Сильвію. «Достойная обстановка для невинной юности», подумала она. Какъ давно ей, грѣшницѣ, не доводилось входить въ такой храмъ чистоты и невинности. На всей этой деревенской каморкѣ лежалъ чарующій отпечатокъ, отъ котораго она казалась ей прелестнѣе богатѣйшихъ хоромъ, видѣнныхъ ею въ теченіе ея богатой перемѣнами жизни, начиная отъ роскоши полированнаго дерева и зеркалъ въ ихъ виллѣ въ Кильбёрнѣ и кончая эффектнымъ великолѣпіемъ гостинницъ на континентѣ. А послѣ чердаковъ, въ которыхъ она находила себѣ пріютъ въ послѣдніе годы, какъ мила казалась ей эта скромная комнатка! Правда, что по внѣшнему виду и размѣрамъ она едвали была лучше чердаковъ въ окрестностяхъ Голборна, или на окраинахъ Сити-Родъ, но чистота ея, изящество, благоуханіе цвѣтовъ и деревенскій здоровый воздухъ, отличали ее отъ первыхъ, какъ рай отъ ада.

— Какая хорошенькая комнатка, нерѣшительно проговорила она.

— Хорошенькая! воскликнула Сильвія съ презрѣніемъ: это

просто жалкій чуланишко, но я стараюсь держать его, насколько могу, прилично.

— Ахъ, вы не знаете, что такое лондонскія комнаты!

— Нѣтъ, но я полагала, что въ Лондонѣ все прелестно. Я постоянно слышу похвалы ему.

— Можетъ быть, вы слыхали отъ тѣхъ, кому не приходилось бродить по его улицамъ безъ гроша. Какъ ужасны эти нескончаемыя каменныя мостовыя, раскаленныя іюльскимъ солнцемъ! Какая африканская степь можетъ быть хуже нихъ? Да, миссъ Керью, существуютъ два Лондона—одинъ на западѣ, олицетвореніе рая для богатыхъ, другой, расположенный къ востоку, сѣверу и югу, постоянно разростающійся, представляетъ настоящій адъ для бѣдняковъ.

— Спокойной ночи, проговорила Сильвія коротко, но довольно привѣтливо.

Она не могла побѣдить трепетнаго ужаса, наводимаго на нее этой женщиной; она не могла признать своей матери подъ этой кучей лохмотьевъ.

Когда Сильвія сошла внизъ, бѣдная скиталица упала на колѣни около ея кровати, схоронивъ свое изнуренное лицо въ ея бѣломъ одѣялѣ, плача и рыдая отъ наплыва мучительныхъ впечатлѣній.

— О дочь моя, дочь моя, шептала она: пусть красота твоя дастъ тебѣ больше счастія, чѣмъ дала его мнѣ моя красота. Да сохранитъ и помилуетъ тебя Господь отъ печалей житейскихъ. Пусть пошлетъ онъ тебѣ самую скромную долю, лишь бы она оградила тебя отъ соблазновъ.

М-съ Карфордъ не обладала тонкимъ пониманіемъ человѣческаго характера, и не соображала, что есть такіе безпокойные темпераменты, которые носятъ въ себѣ врожденную склонность къ соблазну. Соблазнъ, который ожидалъ Сильвію Керью, былъ недюжиннаго свойства, и обусловливался ея собственнымъ изворотливымъ умомъ.

. . . .

Наступило свѣжее ясное утро. Дрозды весело трещали свои привѣтствія восходящему солнцу; звонкій голосъ пѣтуха ясно раздавался со двора фермы; пѣснь жаворонка неслась изъ-поднебесья, куда онъ высоко поднялся надъ обширными нивами зрѣющихъ хлѣбовъ. Сильвія тоже обрадовалась утру, потому что ночь не принесла ей желаемаго покоя.

Она проворочалась безъ сна на диванѣ, который могъ вполнѣ замѣнить удобную постель, раздумывая о женщинѣ, отдыхав-

шей наверху; при мысли о ней, тоска такъ сильно грызла ея сердце, что ей показалось, никакія радости въ будущемъ не могутъ изгладить эту накипѣвшую горечь. И это ея мать! Она вздрагивала, произнося эти слова даже про себя.

И это ея мать, такъ глубоко павшая, преступная и въ такой нищетѣ! Нравственный кругозоръ Сильвіи былъ не настолько широкъ, чтобы она могла въ этой самой нищетѣ, результатѣ долголѣтнихъ лишеній, усмотрѣть всю искренность ея раскаянія; что эта мать, въ лохмотьяхъ и безпомощная, была истиннымъ типомъ современной Магдалины,—женщины, искупившей грѣхи свои горькимъ страданіемъ и получившей право прямо глядѣть на свѣтъ Божій, со смиреніемъ, но не въ безнадежномъ отчаяніи. Сильвія только и понимала, что мать ея пала. По ея понятіямъ, бѣдность была внѣшнимъ символомъ паденія.

Ну, могла ли она признать матерью эту опозоренную личность передъ своими знакомыми, а тѣмъ болѣе передъ Эдмондомъ Стенденомъ? Она закрыла руками лицо свое, содрогаясь отъ одной этой мысли. Необходимо, во что бы то ни стало, избѣгнуть этого ужаснаго, глубокаго униженія! Она и не останавливалась на соображеніи, какъ жестоко, со стороны дочери, отвергать мать свою — что это грѣхъ, равный отверженію самого Бога. Она только размышляла о томъ, какъ бы предотвратить разглашеніе о существованіи этой женщины; и тутъ она почувствовала все свое безсиліе. Если м-съ Карфордъ пойдетъ по Гедингему разсказывать свою несчастную исторію, кто опровергнетъ ее, кто усомнится въ ея правахъ?

— Еслибы я была богата, думала Сильвія, горько вздыхая, я дала бы ей денегъ, и она могла бы удалиться и спокойно жить гдѣ-нибудь, никогда болѣе насъ не тревожа. Но я безпомощна, потому что у меня нѣтъ ни гроша, и видно такою останусь весь свой вѣкъ.

Она вспомнила разговоръ Эдмонда Стендена объ ихъ будущности, его мечты, полныя надеждъ; и съ проницательностью, выработанной въ школѣ нужды и лишеній, сознала всю призрачность основаній, на которыхъ онъ строилъ свой замокъ. Клодъ Мельнотъ, рисовавшій фантастическіе замки на берегу итальянскихъ озеръ, былъ сознательнымъ обманщикомъ, между тѣмъ какъ бѣдный Эдмондъ, который такъ довѣрчиво основывалъ свою будущую семейную жизнь на неизвѣстномъ доходѣ, обманывалъ самого себя, и описываемая имъ загородная вилла едвали имѣла болѣе прочное основаніе, чѣмъ мраморныя кровли Клода Мельнота.

— Неужели я когда-нибудь паду такъ же низко, какъ *она*, ужасалась про себя Сильвія, вспоминая печальную личность, которую она видѣла наканунѣ. Мысль, что подобное разрушеніе возможно даже для нея, наполняло грустью ея молодую душу. Она стала разбирать мечты своего жениха съ точки зрѣнія холоднаго здраваго разсудка.

Любовь видитъ все въ розовомъ цвѣтѣ, все ей кажется прекраснымъ, какъ ландышъ при яркомъ освѣщеніи лѣтняго утра, или при золотистомъ отблескѣ солнечнаго заката. Здравому же разсудку картина представляется съ рѣзко-очерченными линіями, выступающими на пасмурномъ зимнемъ небѣ.

Разберемъ серьёзно, въ чемъ заключались надежды Эдмонда. Безъ всякой коммерческой или финансовой подготовки, онъ надѣялся получить мѣсто въ банкѣ, съ жалованьемъ въ четыреста или пятьсотъ фунтовъ въ годъ, въ силу авторитета имени своего покойнаго отца. Положимъ, что ему будетъ отказано въ этомъ мѣстѣ, или что онъ займетъ его на нѣкоторое время. Обольщенные кажущеюся надеждой на успѣхъ они заживутъ вмѣстѣ, но вдругъ въ одинъ злосчастный день онъ потеряетъ свое мѣсто въ банкѣ, по причинѣ ли неспособности, болѣзни или просто неудачѣ.

Перспектива эта была очень неутѣшительна. Вообще выборъ занятій для м-ра Стенденъ не представлялъ особенно обширнаго поля. При всей его молодости онъ былъ уже слишкомъ старъ, чтобы выступить на ученое поприще, а чтобы имѣть успѣхъ въ какой-либо профессіи, человѣкъ въ наше время долженъ обладать или выходящимъ изъ ряда вонъ талантомъ, или же имѣть сильныя связи. Друзей въ этомъ смыслѣ у Эдмонда не было, кромѣ важныхъ родственниковъ его матери, де-Боссиніевъ, жившихъ въ полуразвалившемся замкѣ гдѣ-то далеко въ западномъ Корнваллисѣ, и слава которыхъ не шла далѣе ближайшаго къ нимъ почтоваго города. Онъ, конечно, не глупъ, но по уму онъ представляетъ собою не болѣе, какъ середку на половинѣ. Онъ довольно много читалъ на своемъ вѣку, могъ хорошо говорить, имѣлъ несомнѣнную склонность къ умственнымъ занятіямъ, но до сихъ поръ не проявлялъ геніальности, какъ какой-нибудь Тёрлау, Блумфильдъ или Пэджетъ.

Сильвія повороталась на своемъ безсонномъ ложѣ и вздохнула; ей казалось, что она теперь еще сильнѣе ненавидитъ м-съ Стенденъ, чѣмъ прежде. Эдмондъ рожденъ быть провинціальнымъ джентльменомъ новѣйшей школы; интеллигентнымъ филантропомъ, полезнымъ членомъ общинныхъ собраній и судебныхъ

засѣданій, и въ зрѣлыхъ лѣтахъ занять мѣсто въ парламентѣ.

Таково было его призваніе: если же мечты не сбудутся, что ждетъ его впереди? потерявъ подъ собою почву, онъ уподобится былинкѣ, колеблемой вѣтромъ. А Сильвія не имѣла ни малѣйшаго желанія связывать свою судьбу съ человѣкомъ, положеніе котораго было такъ неопредѣленно.

— Но я слишкомъ люблю его, чтобъ отъ него отказаться, говорила она себѣ, безпокойно вертя головой на горячей подушкѣ. Я никакъ, никакъ не могу отъ него отказаться. Но я почти желаю, чтобы онъ самъ увидалъ безразсудность нашего брака и самъ отказался бы отъ *меня*.

Вчера вечеромъ, до прихода этой несчастной незнакомки, она смотрѣла на отца своего, какъ на неумолимаго тирана. Сегодня онъ казался ей только практичнымъ человѣкомъ. Очень понятно, что его опытному уму бракъ этотъ представлялся неразумнымъ до глупости.

— И какъ непослѣдователенъ бѣдный Эдмондъ, подумала она. Третьяго дня еще онъ стоялъ на томъ, чтобъ въ будущее же воскресенье сдѣлать церковное оглашеніе, а вчера онъ преспокойно толковалъ о томъ, чтобы отложить нашу свадьбу еще на годъ.

Изъ этого можно усмотрѣть, что миссъ Керью дала себѣ трудъ подслушать разговоръ, такъ близко касавшійся ея интересовъ.

ГЛАВА XVI.

„...Ребенокъ! Ужъ хитрость вѣдаетъ она, ужъ измѣнять научена...“

Сильвія встала раньше шести часовъ, отворила настежъ окна и двери, чтобъ впустить въ пріемную свѣтъ этого яснаго дня и свѣжій утренній воздухъ. Она одѣвалась въ маленькой кухонкѣ, гдѣ подъ краномъ было вдоволь холодной ключевой воды—этого лучшаго косметика для юной красоты. Потомъ, надѣвши чистое ситцевое платье—вымытое и выглаженное ея собственными руками,—она вымела, стерла пыль въ пріемной, развела огонь въ кухнѣ, накрыла столъ къ завтраку, сорвала нѣсколько вновь распустившихся цвѣтовъ, чтобъ украсить столъ, сварила яицъ и заварила чай.

Незванная гостья сошла внизъ въ то время, какъ Сильвія была занята этими приготовленіями. При дневномъ свѣтѣ, кото-

рый вообще не благопріятствуетъ изнуреннымъ лицамъ и поношенной одеждѣ, м-съ Карфордъ казалась еще старше и худѣе, чѣмъ вчера, но она постаралась одѣться въ эти лохмотья и полинялыя тряпки съ такой аккуратностью, что это придавало имъ нѣкоторую респектэбельность. Она воспользовалась большимъ кувшиномъ холодной воды, стоявшимъ въ комнатѣ Сильвіи, чтобъ уничтожить слѣды путешествія, дорожной пыли и сажи, налетѣвшей отъ локомотива. Волосы ея, каштановый цвѣтъ которыхъ смѣнялся сѣдиною, гладко спускались на увядшій лобъ. Прежде чѣмъ лечь спать, еще съ вечера, она выстирала тряпку, замѣнявшую ей воротничекъ, и вмѣсто глаженія положила его подъ большую библію Сильвіи, подаренную ей добрымъ викаріемъ. Она прочла главу изъ священной книги передъ отходомъ ко сну, быть можетъ, съ болѣе глубокимъ чувствомъ, чѣмъ ее читала ея беззаботная обладательница.

Сильвія замѣтила тщетную попытку придать себѣ приличный видъ, но не могла не сознаться, что тѣмъ не менѣе, эта бѣдная женщина была похожа на нищую. Она видала женщинъ въ рабочемъ домѣ, которыя были одѣты лучше. Она мысленно перебрала весь свой скудный гардеробъ, соображая, не можетъ ли она удѣлить хоть одно платье этому безпомощному созданію; но у нея было ихъ такъ мало, и онѣ всѣ были ей такъ необходимы, даже старыя, потому что, нося ихъ, она сберегала новыя.

— Надѣюсь, что вы хорошо выспались, сказала она, въ отвѣтъ на робкій привѣтъ путешественницы.

— Благодарю васъ, миссъ Кэрью, я спала недурно. Но я не могу крѣпко спать и въ самой лучшей обстановкѣ; я вижу все такіе тяжелые сны.

— Неужели? холодно процѣдила сквозь зубы Сильвія.

Она боялась высказать сочувствіе, которое могло быть принято за поощреніе. А въ глубинѣ ея безпокойной души все раздавался вопрошающій голосъ: когда же она уйдетъ?

— Мнѣ снятся все дорогіе для меня мертвецы—или тѣ, которые умерли для меня—такъ какъ, въ сущности, они всѣ въ живыхъ. Они посѣщаютъ меня во снѣ, и бываютъ даже добры ко мнѣ. А отъ этихъ сновъ становится еще тяжелѣе, потому что я знаю, какъ они лживы. И я твержу себѣ: это не болѣе, какъ сонъ,—онъ разсѣется, какъ дымъ!

Сильвія слегка вздохнула, принялась рѣзать хлѣбъ и намазывать на него масло съ дѣловымъ видомъ, какъ-бы желая положить конецъ сентиментальнымъ изліяніямъ своей собесѣдницы.

— У кого изъ насъ хватило бы силы переносить всѣ жи-

тейскія невзгоды, еслибы насъ не поддерживало сознаніе, что есть лучшій міръ, гдѣ мы получимъ возмездіе за всѣ перенесенныя нами страданія, гдѣ намъ, наученнымъ горькимъ опытомъ, можно будетъ начать новую жизнь. Но на небесахъ есть—должна быть лучшая жизнь! Спаситель насъ не обманывалъ! Эта темная загадка будетъ разрѣшена на небѣ.

М-съ Карфордъ подняла къ ясному лѣтнему небу глаза свои, которыя блеснули прежней красотой. Она стояла у отворенной въ садъ двери, жадно вдыхая свѣжій утренній воздухъ. Сильвія раскаялась въ своей неосторожности, что оставила дверь эту настежъ: кто-нибудь, пожалуй, мимоходомъ увидитъ эту незнакомку, и, движимый любопытствомъ, наведетъ о ней справки.

— Вы бы лучше отошли отъ двери, сказала она: утро такое прохладное. Пожалуйста, садитесь завтракать. Нечего дожидаться папаши, онъ всегда опаздываетъ.

М-съ Карфордъ поняла причину этого учтиваго приглашенія.

— Вы боитесь, чтобы кто-нибудь не увидалъ меня здѣсь, проговорила она, отходя отъ двери.

— О! нѣтъ, отвѣчала Сильвія, краснѣя: совсѣмъ не въ томъ дѣло, но въ Гедингемѣ такъ любятъ сплетничать.

М-съ Карфордъ вздохнула и сѣла на указанное ей мѣсто. Сильвія поневолѣ должна была занять стулъ передъ чайникомъ, такъ что онѣ очутились другъ противъ друга, въ первый разъ послѣ долгаго промежутка времени, памятнаго только одной изъ нихъ.

Ей припомнилась изящно убранная дѣтская въ подгородной виллѣ, и миленькая двухлѣтняя дѣвчонка, одѣтая въ бѣлое кисейное платье, опоясанная голубой лентой, и сидящая на высокомъ стулѣ, разливая воображаемый чай изъ игрушечнаго чайника. Картина, представившаяся теперь ея глазамъ, удивительно напомнила ей призрачную картину прошлаго.

— Неугодно ли вамъ молока и сахару? учтиво спросила Сильвія.

— Кому—мнѣ?

Бѣдная женщина съ минуту глядѣла на нее растеряннымъ взглядомъ, и потомъ залилась слезами,—первыми слезами, которыя она пролила въ присутствіи обитателей этого дома, со времени своего прихода, не считая тѣхъ, втайнѣ пролитыхъ слезъ, видѣнныхъ лишь одними ангелами, охраняющими раскаявшихся грѣшниковъ.

Сильвія пришла въ большое смущеніе, но не тронулась съ мѣста.

— Пожалуйста, перестаньте плакать, сказала она, вѣдь слезами ничему не поможешь.

М-съ Карфордъ тихо, молча, отерла глаза. Она быстро взглянула въ лицо сидящей противъ нея дѣвушки, и ея безучастіе больно кольнуло ее.

— Но вѣдь она ничего не знаетъ, подумала она: съ какой стати ей жалѣть меня?

Наканунѣ она ѣла очень жадно, но по утоленіи перваго голода, аппетитъ ея пропалъ. Она теперь выпила чашку чая, съѣла самый маленькій кусочекъ хлѣба и отказалась отъ яйца, предложеннаго ей Сильвіей.

Онѣ сидѣли и молчали, пока, наконецъ, стукъ маятника у стѣнныхъ часовъ сталъ производить на обѣихъ томительное впечатлѣніе. М-съ Карфордъ обратила грустный взоръ свой къ открытой двери, изъ-за которой виднѣлся пестрый цвѣтничокъ, озаренный яркимъ утреннимъ солнцемъ, и жужжали пчелы, чирикали пташки: все придавало такой счастливый, веселый видъ этой картинѣ. За садикомъ виднѣлась темная тисовая изгородь и могильные памятники; въ нимъ-то неудержимо влекло взоры путницы. О! чтó бы дала она, чтобъ успокоиться въ прохладной тѣни этихъ тисовъ и кипарисовъ до кончины міра, чтобъ проснуться обновленнымъ существомъ въ новомъ мірѣ!

— Какой у васъ хорошенькій садикъ, нервно проговорила она, съ цѣлью прервать томительное молчаніе.

— Вы находите его хорошенькимъ? А я такъ просто его ненавижу за его однообразіе. Изъ году въ годъ все тѣ же штокъ-розы, все тѣ же испанскіе бобы, разбѣгающіеся по всѣмъ дорожкамъ и вьющіеся по стволамъ грушевыхъ деревьевъ; тѣ же розаны, даже, я полагаю, все тѣ же клещаки, сказала нетерпѣливо Сильвія. Вонъ въ викаріатѣ постоянно дѣлаются улучшенія: то сажаютъ папоротники, то цѣлыя куртины розъ, то устроиваютъ крытыя бесѣдки. Но вѣдь у нихъ пропасть денегъ и они могутъ дѣлать все, что имъ вздумается.

— Неужели, вы думаете, что все счастье въ деньгахъ? спросила м-съ Карфордъ.

— А вы полагаете, что кто-нибудь бываетъ счастливъ безъ нихъ? въ свою очередь спросила Сильвія.

— Нѣтъ, бѣдность безъ сомнѣнія тяжело отзывается на человѣкѣ, но я видала горе, отъ котораго не спасало никакое богатство. Когда бы я могла надѣяться, что Богъ внемлетъ моей молитвѣ, я бы просила у него ниспослать одному нѣжно-люби-

мому мною существу довольство скромной долей, счастіе безвѣстной жизни.

Сильвія не слушала ея. Она задавала себѣ неразрѣшимый вопросъ: «Когда же она уйдетъ»? Ожиданіе становилось мучительно. Мэри Питеръ или Алиса Кукъ могли неожиданно забѣжать къ ней, и какъ объяснить она имъ присутствіе этой посѣтительницы въ лохмотьяхъ?

Она почувствовала облегченіе, заслышавъ шаги отца на лѣстницѣ. Онъ, конечно, уладитъ всѣ недоразумѣнія; когда нужно, онъ умѣлъ быть рѣшительнымъ.

Онъ вошелъ въ комнату, слегка кивнулъ головой м-съ Карфордъ, и занялъ свое мѣсто за столомъ. Дочь прислуживала ему, намазала масла на его поджаренный хлѣбъ, налила ему чаю и положила у тарелки его нумеръ мѣстной газеты.

— Спасибо, Сильвія; ты можешь идти въ садъ, пока я переговорю съ этой дамой. Ей нуженъ мой совѣтъ относительно... относительно... ея дальнѣйшаго путешествія.

Сильвія повиновалась, радуясь случаю убѣжать изъ этой удушающей атмосферы. Изъ саду она прошла на кладбище, на то самое мѣсто, гдѣ вчера въ жаркое полуденное время она разсталась со своимъ женихомъ. Здѣсь прижималъ онъ ее къ своему любящему сердцу, здѣсь заставилъ онъ ее поклясться въ вѣчной любви.

Развѣ она не сдержитъ своей клятвы?

— Вчера еще я и не подозрѣвала, какъ трудно жить на свѣтѣ, думала она съ удивленіемъ. Время протекшее со вчерашняго дня принесло ей много необычайнаго.—Я и тогда не была счастлива, но все же я не знала, что у меня такая несчастная мать, которую мнѣ и признать-то стыдно.

Она опустилась на могилу, на которой сидѣла вчера послѣ разлуки съ Эдмондомъ, и сначала судорожно зарыдала, а потомъ глубоко вздохнула.

Легкій шорохъ платья раздался вблизи ея, и маленькая ручка, обтянутая перчаткой, нѣжно опустилась на ея руку.

— А я именно шла повидаться съ вами, миссъ Керью, проговорилъ пріятный голосъ.—Я понимаю, какъ вы должны тосковать безъ Эдмонда. Сильвія выпрямилась моментально и взглянула въ лицо говорившей. То была миссъ Рочдель, которая направлялась къ школьному дому, какъ разъ въ ту минуту, какъ Сильвія въ отчаяніи опустилась на могилу. Эта неподдѣльная печаль такъ тронула ея сердце, что она сочла своимъ долгомъ утѣшить молодую дѣвушку въ отсутствіи Эдмонда.

— «Она должно быть очень любитъ его, что такъ сильно горюетъ», размышляла миссъ Рочдель. «А я-то считала ее пустой и легкомысленной».

— Благодарю васъ за участіе, вы очень добры, проговорила запинаясь Сильвія, ломая себѣ голову, какъ бы помѣшать встрѣчѣ миссъ Рочдель съ ихъ опасною гостьей.—Право, я не ожидала, что вы станете безпокоиться изъ-за меня.

— Почему вы находите неестественнымъ, чтобы я интересовалась вами, спросила Эсѳирь.—Вѣдь мы съ Эдмондомъ росли вмѣстѣ, какъ братъ съ сестрой. Какъ могу я не интересоваться его будущей женой?

Медленно, съ разстановкой, проговорила она эти слова, какъ будто ей самой было странно ихъ слышать.

— Я думала, что вы всѣ противъ меня, холодно сказала Сильвія.

— Никто не возстаетъ теперь противъ васъ. Сначала м-съ Стенденъ противилась этому браку, потому, видите ли, что она совсѣмъ не знала васъ; теперь же она, кажется, съ этимъ примирилась.

— Какое же тутъ примиреніе, когда она хочетъ лишить сына наслѣдства! воскликнула Сильвія, въ негодованіи.

— Кто можетъ предвидѣть будущее? Со временемъ она можетъ полюбить васъ. Развѣ она откажетъ вамъ въ любви своей, если вы будете доброй женой ея сыну?

— А чѣмъ же прикажете намъ жить, пока она не смилуется? спросила Сильвія.

— Эдмондъ съумѣетъ самъ заработать средства къ своему существованію. Есть что-то особенно благородное въ томъ, когда человѣкъ самъ пробиваетъ себѣ дорогу; а я убѣждена, что Эдмондъ способенъ добиться успѣха безъ помощи отцовскаго состоянія.

— Какое благородное презрѣніе къ деньгамъ питаете вы, богатые люди, сказала Сильвія.

Тонъ молодой дѣвушки сильно не понравился Эсѳири. Печаль ея тронула доброе сердце миссъ Рочдель, но цинизмъ Сильвіи отталкивалъ ее.

— Я бы желала быть вашимъ другомъ, если могу, сдержанно сказала она. Когда вы будете замужемъ за Эдмондомъ, вѣдь мы будемъ то же, что сестры, такъ какъ я считаю Эдмонда за брата.

— «Конечно, оно такъ и слѣдуетъ», подумала Сильвія, однакожъ не спѣшила отвѣчать на привѣтливость миссъ Рочдель, и

не сразу повѣрила искренности ея словъ. «Что за неудобное время выбрала она для своего посѣщенія»!

— Я пришла сказать вамъ, что Эдмондъ благополучно добрался до Лондона, сказала Эсеирь, какъ будто дѣло шло о путешествіи въ Камчатку или Каиръ. — Сегодня утромъ, тетушка получила отъ него нѣсколько строкъ, писанныхъ съ Ватерлооской станціи. Какъ ни кратко его письмо, но въ немъ онъ упоминаетъ и о васъ.

— Неужели? вскрикнула Сильвія, оживляясь и награждая миссъ Рочдель первой улыбкой.—Милый Эдмондъ! нѣжно проговорила она.

— Всего одна строчка: «Будьте добры къ моей Сильвіи».

— Къ его Сильвіи! Да! я *его* Сильвія, отвѣчала дѣвушка, съ легкимъ проявленіемъ чувства.

Въ эту минуту она забыла, что ея женихъ могъ ей доставить только то существованіе, какое ведетъ труженикъ, работающій изъ-за куска хлѣба. На минуту она забыла мрачный призракъ возможной будущности, который навѣялъ ей образъ м-съ Карфордъ.

— Мы знали другъ друга всего какихъ-нибудь три мѣсяца, и однакожъ для насъ весь міръ заключается въ насъ самихъ, прибавила она съ чувствомъ. Если бы кто-нибудь сказалъ мнѣ, что Эдмондъ умеръ, то для меня это было бы равносильно тому, что наступилъ конецъ міру. *Мой* міръ рушился бы съ нимъ. Не правда ли, какъ это странно?

— Въ этомъ заключается великая тайна любви, спокойно отвѣчала Эсеирь. Вотъ мы съ Эдмондомъ прожили вмѣстѣ четырнадцать лѣтъ, и никогда мысль о такой любви, какъ вы говорите, не приходила намъ въ голову.

— Да какъ же можно влюбиться въ человѣка, котораго видѣлъ каждый день съ дѣтства, воскликнула Сильвія. — Любовь должна быть зарей новой жизни, а не продолженіемъ старой. Я никогда не предполагала, что люблю красивые ландшафты, до тѣхъ поръ, пока однажды отецъ не свозилъ меня въ Фэрли. Когда я съ этой высоты взглянула на картину, никогда еще мною не виданную, я почувствовала восторгъ, похожій на любовь человѣческую. Я отъ многихъ слыхала о красотахъ нашей мѣстности, но она была мнѣ слишкомъ знакома, чтобъ меня поражала ея прелесть.

— Такъ мы будемъ съ вами друзьями, Сильвія, спросила миссъ Рочдель, съ заискивающею нѣжностью.

— Если вамъ угодно, отвѣчала та, довольно равнодушно. Но

я сомнѣваюсь, чтобы вамъ было удобно посѣщать нашъ домъ, гдѣ такъ ужасно шумятъ несносные мальчишки.

— Но вѣдь я люблю дѣтей, несмотря на ихъ неугомонность. Такъ вы позволите мнѣ приходить къ вамъ иногда, провести съ вами часокъ-другой, если вамъ взгрустнется.

— Иногда—конечно, когда вамъ вздумается. Я всегда буду рада васъ видѣть, отвѣчала Сильвія, отъ души желая, чтобы миссъ Рочдель не вздумалось сегодня же пройти въ школьный домъ. Несносная посѣтительница едвали уже ушла, какія бы рѣшительныя мѣры ни принималъ м-ръ Керью.

— Я—я не приглашаю васъ сегодня же зайти со мною домой, сказала она, стараясь казаться равнодушной, потому что теперь уже начался классъ. Слышите? вы отсюда можете разслышать выкрикиваніе мальчишекъ,—и дѣйствительно, пронзительные голоса доносились въ тихомъ воздухѣ, — но когда бы вы ни вздумали посѣтить меня, я буду очень рада васъ видѣть.

— Такъ я буду приходить къ вамъ разъ въ недѣлю, во все время отсутствія Эдмонда, и изрѣдка стану приносить вамъ новыя книги изъ библіотеки клуба. Вы вѣроятно любите чтеніе, прибавила молодая дѣвушка, безсознательно принявъ тонъ превосходства.

Она смотрѣла на Сильвію, какъ на личность низшаго происхожденія, которая, быть можетъ, нѣсколько опередила другихъ дѣвушекъ одинаковаго съ нею общественнаго положенія.

— Да, отвѣчала Сильвія, книги составляютъ единственное утѣшеніе, когда живешь въ такой глуши, какъ здѣсь. Я особенно люблю читать нѣмецкія книги, когда случается достать ихъ. Онѣ наводятъ на размышленія.

Миссъ Рочдель взглянула на нее съ удивленіемъ.

— Вы читаете по-нѣмецки? спросила она.

— Да, я самоучкой научилась французскому и нѣмецкому языкамъ, когда мнѣ еще не было пятнадцати лѣтъ. Конечно, папà помогалъ мнѣ, но очень немного.

— Это дѣлаетъ вамъ большую честь, сказала Эсѳирь.

— Я это сдѣлала вовсе не ради похвалъ, небрежно отвѣчала Сильвія.—Мнѣ просто хотѣлось въ оригиналѣ познакомиться съ сочиненіями, о которыхъ я читала въ другихъ книгахъ — Гёте, Шиллера, Виктора Гюго, и такъ далѣе. Я не желала чувствовать себя исключенною изъ міра, который они создали.

Эсѳирь была поражена. Она прошла медленнымъ академическимъ шагомъ чрезъ всѣ премудрости грамматики на трехъ европейскихъ языкахъ, прочла Сильвіо Пеллико по-итальянски,

нѣсколько слащавыхъ нѣмецкихъ повѣстушекъ, изъ разряда басенъ, приспособленныхъ къ пониманію шестилѣтнихъ дѣтей. Она могла говорить по-французски, строго придерживаясь грамматическихъ правилъ, и съ монкгемптонскимъ акцентомъ, позаимствованнымъ ею отъ французско-швейцарской гувернантки; что же касается чтенія Гёте или Шиллера, то за исключеніемъ тѣхъ гомеопатическихъ дозъ, которыя отпускаются въ избранныхъ хрестоматіяхъ, миссъ Рочдель и во снѣ не мечтала о такой премудрости.

Она не могла подавить легкаго вздоха, въ которомъ можно было бы подмѣтить легкую зависть, если бы чувство это могло найти доступъ въ такую безкорыстную душу.

— «Какую пріятную собесѣдницу долженъ находить въ ней Эдмондъ», подумала она, «и какою глупою кажусь я въ сравненіи съ нею».

— Я могу вамъ принести нѣкоторыя книги изъ библіотеки Эдмонда, сказала она ласково.—Конечно, онъ за это не разсердится. Теперь, однакожъ, прощайте. Я прибѣжала къ вамъ прямо изъ-за завтрака, именно съ цѣлью сообщить вамъ о его благополучномъ пріѣздѣ, но въ другой разъ я приду послѣ обѣда, когда вы посвободнѣе.

Она крѣпко пожала руку Сильвіи и ушла. Дѣвушка глазами слѣдила за нею, пока она шла по узкой тропинкѣ.

Какъ свѣжо и нарядно было ея кисейное платье абрикосоваго цвѣта, ея черная шелковая кофточка, полотняный воротничокъ и широкіе маншеты, застегнутыя массивными золотыми запонками, и изящная шляпа изъ коричневой соломки, съ граціозно-ниспадающимъ перомъ. Сильвія слѣдила за нею со вздохомъ.

— Буду ли я когда-нибудь въ состояніи одѣваться такъ же хорошо, какъ она, подумала дѣвушка. Какъ ни просты всѣ эти вещи, но они должны стоить большихъ денегъ.

ГЛАВА XVII.

„Прости на вѣчную разлуку“.

Пока Сильвія сидѣла на кладбищѣ, м-ръ и м-съ Карфордъ, Керью—тожъ, вели дружескіе переговоры въ пріемной школьнаго дома.

— Итакъ, душа моя, сказалъ школьный учитель своей женѣ, сидѣвшей противъ него съ опущенными глазами: я полагаю, теперь для васъ вполнѣ выяснилось положеніе дѣлъ здѣсь,

и вы должны сознаться, что злой геній вашъ не могъ внушить вамъ худшей мысли, какъ обратиться за помощью ко мнѣ. Вчера, ночью, было бы положительно безчеловѣчно выгнать васъ изъ дому, и поэтому я предоставилъ вамъ спальню вашей дочери. Но вашъ собственный здравый смыслъ долженъ указать вамъ, что занимать ее двѣ ночи сряду будетъ ужъ неловко. Вѣдь вы не желаете открывать вашего родства съ Сильвіей. Я вполнѣ одобряю деликатность и сдержанность вашу, которыя къ тому же весьма естественны при существующихъ обстоятельствахъ. Когда семнадцать лѣтъ тому назадъ вы бросили вашего ребенка, то этимъ самымъ дѣйствіемъ вы отказались отъ права называть ее дочерью. Теперь было бы безполезно говорить: я мать твоя! Она можетъ отвѣтить вамъ строгимъ евангельскимъ изреченіемъ: я никогда не знала тебя!

— Это вѣрно, воскликнула скиталица съ судорожнымъ рыданіемъ.

— При такихъ обстоятельствахъ, чѣмъ скорѣе вы покинете этотъ домъ и эту мѣстность—тѣмъ лучше. Изъ моихъ скудныхъ средствъ—весь мой доходъ не достигаетъ одного фунта стерлинговъ въ недѣлю—я дамъ вамъ соверенъ, котораго вамъ хватитъ на обратный путь и уплату ссуды вашей квартирной хозяйкѣ. Во всякомъ случаѣ, вы не будете въ худшемъ положеніи, чѣмъ вы были до вашей безразсудной поѣздки.

— И нисколько не въ лучшемъ. О, Джемсъ, жалобно умоляла м-съ Карфордъ: развѣ вы ничего болѣе не можете для меня сдѣлать? Позвольте мнѣ остаться здѣсь, и быть вашей служанкой, вашимъ батракомъ безъ всякой платы. Я могу спать въ сѣняхъ, вообще не дорого обойдусь вамъ, и никогда никто не узнаетъ отъ меня существующей между нами связи.

— Будьте благоразумны, душа моя! сказалъ м-ръ Керью. Для меня было бы такъ же удобно держать слона вмѣсто прислуги; и вздумай я обзавестись экономкой, гедингемскіе языки не будутъ знать покоя. Здѣсь каждому извѣстно, что моего жалованья едва хватаетъ на то, чтобы прокормить себя и дочь. Касательно же предложенія вашего, быть моимъ батракомъ и спать въ сѣняхъ, отвѣчу вамъ, что на этихъ выгодныхъ условіяхъ вы, конечно, могли бы устроиться и въ обширномъ Лондонѣ. Напрасно вы утруждали себя поѣздкой въ Гедингемъ, для прінсканія себѣ такого мѣста.

— У меня мало силы, Джемсъ. Я пробовала ходить на подённую черную работу, но мною оставались недовольны, находя, что я не могу много наработать, и не ловко берусь за

дѣло. Наконецъ, догадывались, что я обѣднѣвшая барыня, и это обращалось противъ меня.

— Все это очень печально, воскликнулъ м-ръ Керью, со вздохомъ, въ которомъ слышалось и сожалѣніе, и нетерпѣніе. Для васъ остается теперь только одно средство.

— Какое же? съ живостью спросила его жена.

— Обратиться къ м-ру Моубрэ. Пусть онъ вамъ назначитъ небольшую пенсію, которая не дала бы вамъ умереть съ голоду.

— Нѣтъ, Джемсъ, отвѣчала она съ достоинствомъ. Я никогда этого не сдѣлаю. Пусть постигнетъ меня худшее, я съумѣю умереть съ голода. Это составитъ всего пять или шесть дней страданій и—замѣтку въ газетахъ.

Она взяла со стола соверенъ, положенный мужемъ.

— Мнѣ жаль лишать васъ и этого, Джемсъ, но вѣдь вамъ самимъ было бы непріятно, еслибъ я осталась бродить въ этой мѣстности. Съ этимъ я доѣду до Лондона—этой бездонной пропасти, поглощающей такъ много печалей!

Она заранѣе принесла сверху свою шляпу и платокъ, предвидя свой скорый отъѣздъ. Она надѣла ихъ на себя слабыми, дрожащими руками, и готова была опять пуститься въ путь.

— Прощайте, Джемсъ, произнесла она, протягивая ему руку.

Онъ неохотно взялъ ее, и такъ же неохотно пожалъ.

— Скажите, что вы прощаете меня, Джемсъ. Мы теперь оба ближе къ могилѣ, чѣмъ когда я оскорбила васъ.

— Легко сказать: прости! Но, мы оба грѣшны. Я не имѣю права быть слишкомъ строгимъ. Что васъ понудило покинуть меня тогда?

— Его любовь, отвѣчала она: вы никогда меня такъ не любили. Еслибъ вы знали, какъ онъ относился ко мнѣ въ тѣ тяжелыя для меня времена, пока, наконецъ, раскаяніе мое не истощило его терпѣнія. Я думаю, что онъ остался бы мнѣ вѣренъ до самаго конца, несмотря на то, что я ему надоѣла. Но я благодарю Бога, давшаго мнѣ силы покинуть его, чтобъ пройти тернистый путь искупленія. Не легокъ былъ этотъ путь для меня, но я никогда не раскаявалась, что избрала его, въ то именно время, когда жизнь еще улыбалась мнѣ.

— Фальшивой улыбкой, прибавилъ м-ръ Керью. Ну да, вы были еще глупымъ ребенкомъ, когда я женился на васъ, и я долженъ былъ лучше смотрѣть за вами. Мы оба достаточно испортили себѣ жизнь. Прощайте.

Такъ разстались эти супруги, встрѣтившіеся послѣ семнадца-

тилѣтней разлуки. Прошлое казалось имъ какимъ-то кошмаромъ, страннымъ, неяснымъ, дикимъ.

У садовой калитки м-съ Карфордъ встрѣтилась съ Сильвіей.

— Вы уже уходите? спросила дѣвушка, глядя на нее съ любопытствомъ.

— Да.

— Совсѣмъ?

Женщина невольно усмѣхнулась насмѣшкѣ, звучавшей въ этомъ вопросѣ.

— Навсегда, отвѣтила она. Въ домѣ вашего отца не находится уголка для меня. Я только просила крова и пропитанія, но онъ не могъ мнѣ дать и этого.

— Вѣдь мы такъ бѣдны, сказала Сильвія. Вы не повѣрите, до чего мы бѣдны; мы стараемся придать всему приличный видъ, чтобъ нищета наша не бросалась всякому въ глаза. Но мнѣ право жаль, что папà ничѣмъ не можетъ помочь вамъ.

— Мнѣ тоже это тяжело, милая моя, отвѣчала женщина, нѣжно глядя на нее: мнѣ очень бы хотѣлось пожить около васъ, будь то даже въ ближайшемъ рабочемъ домѣ.

Этотъ оттѣнокъ нѣжности смущалъ Сильвію.

— Мнѣ очень жаль васъ, повторила Сильвія, и если когда-нибудь я буду въ лучшемъ положеніи, чтó очень сомнительно, я постараюсь помочь вамъ. Не можете ли вы мнѣ дать адресъ, куда я могла бы написать вамъ, въ случаѣ у меня заведутся лишнія деньги.

— Какъ вы добры, воскликнула м-съ Карфордъ: у меня есть знакомая квартирная хозяйка, очень сострадательная душа, которая охотно доставитъ мнѣ письмо, даже если я и не буду жить у нея; потому что неизвѣстно, долго ли она позволитъ мнѣ жить въ комнаткѣ, за которую я рѣдко въ состояніи заплатить вó-время. Вотъ, милая барышня, ея адресъ.

Она подала Сильвіи старый конвертъ, съ надписью: «м-съ Вуде, Бель-Аллэ, Феттеръ-Лэнъ, для передачи м-съ Карфордъ».

— Меня не столько радуетъ обѣщаніе вашей помощи, проговорила она, глубоко тронутая, сколько доброе чувство, внушившее вамъ эту мысль. Прощайте, моя дорогая. Я опять иду въ тотъ міръ, который такъ жестокъ къ бѣднымъ и слабымъ. Едва ли намъ суждено еще когда-нибудь встрѣтиться. Позвольте мнѣ поцѣловать васъ на прощанье.

Сильвія покорно приняла этотъ поцѣлуй, даже съ своей стороны поцѣловала мать, и та, благословляя ее среди рыданій, удалилась.

ГЛАВА XVIII.

Перріамъ-Плэсъ.

Перріамъ-Плэсъ былъ построенъ нѣкіимъ Годфри Перріамомъ въ царствованіе королевы Анны, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ теченіе многихъ столѣтій возвышался древній Перріамъ-Плэсъ— такъ какъ родъ Перріамовъ существовалъ въ странѣ съ незапамятныхъ временъ. Когда этотъ новый зáмокъ отстроился, Монкгемитонъ уже посылалъ своего представителя въ парламентъ; а свободные и независимые избиратели, въ числѣ двадцати семи, были какъ-бы рабами или вассалами сэра Годфри Перріама. Онъ платилъ за ихъ вѣрность лично самъ, или тотъ кандидатъ, за котораго ихъ заставляли подавать голоса, и никто не помышлялъ о томъ, чтобъ вотировать наперекоръ сэру Годфри.

Долгое время теперешнее красное кирпичное зданіе называлось «новымъ»; но съ годами его красноватые тоны смягчились. Магноліи, посаженныя напротивъ южнаго фасада, разрослись широко и высоко; весь зáмокъ съ теченіемъ времени созрѣлъ, какъ плодъ на шпалерѣ.

Перріамъ-Плэсъ состоялъ изъ главнаго корпуса, съ красивымъ фронтономъ, и двухъ массивныхъ флигелей. Лѣпныя гирлянды украшали каменные фризы, тѣ же гирлянды въ уменьшенномъ размѣрѣ виднѣлись надъ дверьми и окнами. Передъ домомъ раскидывался прекрасный лугъ, осѣненный съ одной стороны группой кедровъ, а съ другой исполинскими кленами. Налѣво отъ дома были разбиты цвѣтники, образецъ стариннаго садоводства, не тронутый нововведеніями Броуновъ позднѣйшихъ временъ. Направо были огороды, которые изобиловали обыкновенными овощами, но не могли похвастаться блестящими теплицами для фруктовъ, ананасовъ и винограда — все ограничивалось двумя-тремя парниками, гдѣ доморощенный огородникъ выгонялъ огурцы въ обычную для нихъ пору. Но отсутствіе теплицъ не было ощутительно въ такомъ климатѣ, при которомъ зеленый горошекъ можетъ рости до ноября и гдѣ громадныя сливы и чудные персики, безъ особенныхъ заботъ, выспѣваютъ на шпалерахъ стѣнъ. Перріамъ-Плэсъ нисколько не измѣнился за послѣднія сто лѣтъ. Войдя въ прохладныя, вымощенныя камнемъ, сѣни и очутясь среди старомодной обстановки, можно было вообразить, что время нисколько не ушло впередъ и остановилось на томъ числѣ, которое было выставлено на стѣнныхъ ча-

сахъ, на циферблатѣ которыхъ, какъ на заглавномъ листѣ старинной книги, красовались неуклюжими римскими цифрами годъ и число, когда они были сдѣланы. Перріамы держались основного принципа—не тратить денегъ, если можно съ достоинствомъ уклониться отъ расходовъ. Они не были скрягами или негостепріимными хозяевами; они жили какъ приличествуетъ джентльменамъ: раздавали милостыни и пособія, какъ и слѣдуетъ провинціальнымъ владѣльцамъ, хорошо ѣли и хорошо кормили свою прислугу, держали отличныхъ лошадей, но никогда не сорили деньгами попустому. Искусство вообще было у нихъ въ загонѣ. Ни одна картина—кромѣ фамильныхъ портретовъ — никогда не украшала стѣнъ Перріама. Нѣсколько литографій — Оксфордъ, Болингброкъ, Попе, Гаррикъ, великій лордъ Чатамъ и докторъ Джонсонъ оживляли дубовыя панели малой столовой, и эти эстампы были новѣйшими въ домѣ. Перріамы наслѣдовали своимъ отцамъ, переходили одинъ за другимъ въ вѣчность, но ни одинъ изъ нихъ никогда и ничего не прибавилъ, ни украсилъ въ домѣ. Предметами, которыми довольствовались предки, удовлетворяли и потомковъ. Они были крайніе консерваторы—противились всякимъ нововведеніямъ и избѣгали всякихъ излишнихъ денежныхъ расходовъ. Если Перріамская экономка, заботясь о величіи дома, отваживалась намекнуть на какое-нибудь измѣненіе въ сервировкѣ стола, или упоминала, что то или другое теперь въ большой модѣ въ Лондонѣ, то получала леденящій отвѣтъ отъ своего хозяина.

— Мода! восклицалъ сэръ Обри. — Что мнѣ за дѣло до моды! Неужели вы воображаете, что меня интересуетъ вся эта новоизобрѣтенная мишура, выдуманная для разжившихся маклеровъ и манчестерскихъ бумаго-прядильныхъ царьковъ? Въ чемъ же имъ и выказать себя, какъ не въ мотовствѣ! Пусть столъ мой будетъ накрытъ точно такъ, какъ при посѣщеніи моего прапрадѣда лордомъ Болингброкомъ.

«Лордъ Болингброкъ» всегда зажималъ ротъ экономкѣ. Онъ былъ почти живою личностью въ Перріамѣ. Лучшая изъ запасныхъ спаленъ все еще называлась комнатой Болингброка. Блестящій Сентъ-Джонъ почивалъ въ ней, когда за-ново отстроенному Перріамъ-Плэсу было не болѣе года. Одному Богу извѣстны планы, наполнявшіе его дѣятельную голову, когда она покоилась на этихъ подушкахъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ опять на короткое время посѣтилъ Перріамъ совершенно разочарованнымъ человѣкомъ; его блестящую нѣкогда жизнь не озаряло теперь никакое сіяніе, кромѣ вѣрной женской любви.

Мебель въ Перріамѣ была старинная, тяжелая, но не лишенная красоты; болѣе современная часть ея принадлежала къ знаменитой школѣ Чиппендэля — единственной оригинальной и артистической мебели, когда-либо произведенной Англіей. Изящные пемброксэ, столики на камышевыхъ ножкахъ, буфеты съ мѣдными ручками и на мѣдныхъ ножкахъ, съ изображеніемъ когтей, держащихъ шаръ; удобныя кресла съ лирообразными спинками, вырѣзанными съ такою отчетливостью и вѣрностью, какъ будто рѣзчикомъ была сама природа; вся эта мебель отличалась легкостью формъ, а въ прочности могла поспорить съ Эддистонскимъ маякомъ, и при всей простотѣ своей не лишена была изящества, чуждаго цвѣтистой орнаментаціи и раззолоченнаго безвкусія школы Лудовика XIV. Драпировки принадлежали къ той же эпохѣ, какъ вышеупомянутые стулья и столы, но время не смягчило ихъ тоны, какъ у дерева; занавѣсы изъ индійской парчи, не уступавшія нѣкогда яркостью красокъ перьямъ тропическихъ птицъ, все еще украшали гостиную, и несмотря на то, что полиняли, были во сто-кратъ красивѣе современныхъ фабричныхъ произведеній. Мало орнаментовъ было въ этой просторной гостиной, въ семь высокихъ оконъ и съ глубокимъ фонаремъ, выходящимъ въ садъ. Двѣ громадныя, богато раззолоченныя вазы изъ Уорстерскаго фарфора возвышались на столѣ изъ флорентинскаго мрамора, который стоялъ между окнами въ фонарикѣ; и этотъ столъ стоялъ тутъ во дни лорда Болингброка. Двѣ другихъ огромныхъ вазы въ восточномъ вкусѣ украшали противоположный конецъ комнаты, и стояли по обѣ стороны широкаго камина. На высокомъ мраморномъ каминѣ, въ іоническомъ вкусѣ, не стояло ничего, кромѣ часовъ и двухъ бронзовыхъ канделябръ на пьедесталахъ изъ чернаго мрамора, представлявшаго рѣзкій контрастъ съ бѣлизною мраморной доски, на которой они стояли.

Никакіе современные пустячки не имѣли доступа въ эту чопорную гостиную. Ни Дэвенпортъ, ни dos-à-dos, ни центральная оттоманка не нарушали ея суровой простоты. Не было тутъ ни жардиньерки съ растеніями, ни акварія, которые заявляли бы о присутствіи и вкусахъ женщины. Ни фотографическіе альбомы, ни стереоскопы не доставляли развлеченія праздному посѣтителю. Любая коморка образцовой тюрьмы могла бы поспорить съ этой гостиной скудностью развлеченій для празднаго ума. Любитель архитектуры могъ найти чѣмъ полюбоваться въ карнизахъ трехъ футъ глубины, съ ихъ разнообразной лѣп-

ной работой; но, за исключеніемъ архитектурныхъ красотъ, комната эта была лишена всякаго интереса.

Однакожъ для мыслителя она представляла нѣкоторую прелесть, именно своимъ спокойствіемъ. Этотъ отпечатокъ старины говорилъ о давно прошедшихъ дняхъ, когда міръ на полтора столѣтія былъ моложе. Настоящій владѣлецъ Перріама очень гордился своей гостиной, или салономъ, какъ религіозно величали эту комнату. Ни за какія блага въ мірѣ онъ не согласился бы хоть что-нибудь измѣнить въ этомъ скудно-омеблированномъ святилищѣ. Этимъ разумнымъ консерватизмомъ онъ вмѣстѣ заявлялъ о своемъ благоговѣніи къ памяти предковъ, и сберегалъ свои деньги.

— Завести фотографическій альбомъ! воскликнулъ онъ, когда какой-то легкомысленный посѣтитель внушалъ ему мысль украсить одинъ изъ Чиппендэльскихъ столовъ этимъ рессурсомъ для скучающихъ гостей.

— Во времена Болинтброка не было еще и въ поминѣ фотографическихъ альбомовъ, а тогдашнее общество было гораздо блестящѣе, чѣмъ теперешнее. Кто желаетъ развлечь себя, тотъ пусть почитаетъ Попэ. Вонъ въ томъ шкафу лежитъ прекрасное изданіе его сочиненій.

При этомъ баронетъ торжественно указывалъ на маленькій книжный шкафикъ, тянувшійся по одной стѣнѣ его салона. Тутъ, за рѣшеткою изъ мѣдныхъ прутьевъ, были тщательно выстроены всѣ тѣ авторы, репутація которыхъ съ каждымъ днемъ возрастаетъ среди поколѣнія, бóльшею частью и не читавшаго ихъ — Попэ, Прайоръ, Гэ, Свифтъ, Ст. Джонъ, Аддисонъ и Стиль. Сэръ Обри совсѣмъ забывалъ то обстоятельство, что ключъ отъ этой сокровищницы былъ затерянъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ, и что пыль съ книгъ сметалась метелочкой изъ перьевъ, которая проходила между прутьевъ мѣдной рѣшетки.

На восточной сторонѣ дома находилось помѣщеніе сэра Обри — просторная мрачная спальня, уборная — обширнѣе нынѣшнихъ спаленъ, кабинетъ — не больше чуланчика. А на западномъ концѣ дома, сообщаясь узкимъ корридоромъ съ покоями баронета и обращенныя на огородъ, расположены были комнаты, которыя въ теченіи послѣднихъ тридцати лѣтъ, безъ малѣйшей въ нихъ перемѣны, занималъ братъ сэра Обри, Мордредъ Перріамъ. Это древне-саксонское имя было почти единственнымъ наслѣдствомъ, доставшимся м-ру Перріаму отъ его древняго рода, такъ какъ самое помѣстье переходило въ наслѣдство старшему въ родѣ, и еслибы не случайный доходъ въ двѣсти фунтовъ въ годъ, до-

ставшійся ему съ материнской стороны, Мордредъ Перріамъ былъ бы въ полнѣйшей зависимости отъ брата. Но при настоящихъ обстоятельствахъ м-ръ Перріамъ жилъ съ братомъ на всемъ готовомъ. Онъ употреблялъ бо́льшую часть своего дохода на свою библіотеку,—самый разнообразный сбродъ подержанныхъ книгъ, безъ системы скупаемыхъ имъ у провинціальныхъ книгопродавцевъ, съ которыми м-ръ Перріамъ велъ нескончаемую переписку. Это были такіе экземпляры, отъ которыхъ пришли бы въ восторгъ Мартинъ Скриблерёсъ или Домини-Сампсонъ, но которые едвали могли возбудить зависть современнаго библіофила, кожаные коричневые переплеты, старинныя изданія, между которыми наименѣе плодовитые авторы обыкновенно доходили до сорока томовъ; странная старинная бумага и шрифтъ, и при этомъ ни одного полнаго собранія, все разрозненныя; авторы, имена которыхъ сохранились только въ «Дёнсіадѣ» и мимолетная популярность которыхъ не оставила по себѣ и слѣда. Англійскія, французскія, римскія, нѣмецкія посредственности громоздились на полкахъ этого буквоѣда, и чтобы отыскать настоящаго классика среди этого безпорядочнаго хаоса, пришлось бы провозиться полъ-дня.

М-ръ Перріамъ нѣсколько разъ покушался составить каталогъ, работалъ надъ нимъ съ необычайнымъ усердіемъ, бѣгая взадъ и впередъ отъ письменнаго стола къ полкамъ съ изумительнымъ терпѣніемъ, но каталогъ его всегда приводилъ къ путаницѣ. Онъ постоянно покупалъ книги, и необходимость дополнять каталогъ вновь пріобрѣтаемыми изданіями была не по силамъ его нѣсколько слабой головѣ. Летучихъ листковъ и дополненій накопилось у него въ такомъ множествѣ, что онъ терялъ нить, и съ отчаянія бросилъ свою задачу. Въ концѣ-концовъ вѣдь онъ зналъ всѣ свои книги, онъ могъ перечесть на память всѣ ихъ заглавія, хотя, быть можетъ, зачастую и не зналъ ихъ содержанія. Онъ обыкновенно воображалъ, что мучимъ неудержимымъ желаніемъ прочесть того или другого автора, и не могъ успокоиться, пока не пріобрѣталъ его. Но, поставивъ желаннаго автора на полку, онъ этимъ, повидимому, удовлетворялся. Когда его ученые друзья упоминали имя какого-нибудь автора, м-ръ Перріамъ обыкновенно восклицалъ: «А! онъ есть у меня»! Онъ былъ слишкомъ честенъ, чтобъ сказать: «я читалъ его». Комнаты, предоставленныя м-ру Перріаму, были высоки и просторны, какъ и во всемъ домѣ. Но, несмотря на ихъ величину, книги его совершенно завалили ихъ. Отъ пола до потолка, подъ окнами, надъ каминомъ, всюду, куда можно было при-

ткнуть полку, тянулись безконечные ряды коричневыхъ томовъ, среди которыхъ рѣдко попадались полинялые красные ярлыки новѣйшихъ изданій. М-ръ Перріамъ не могъ позволить себѣ роскошныхъ переплетовъ ни изъ тисненной замши, ни изъ пахучей русской кожи. Но, при всей его бѣдности, у него былъ источникъ утѣшенія. Онъ дошелъ самоучкой до искусства класть заплаты на старые переплеты и раскрашивать пятнышками, или крапинками или подъ мраморъ почернѣвшіе отъ пыли обрѣзы, и онъ никогда не казался такъ безмятежно счастливъ, какъ когда сидѣлъ передъ своимъ рабочимъ столомъ, наклеивая, прилаживая, всячески исправляя растрепанныя книги, при помощи баночки съ клеемъ, нѣсколькихъ обрѣзковъ опойка, кусочка алой краски, большихъ ножницъ и неистощимаго запаса терпѣнія. Въ глубинѣ души м-ръ Перріамъ сознавалъ, что еслибы можно было начать жизнь сызнова, то онъ пожелалъ бы быть переплетчикомъ. Библіотека м-ра Перріама выходила окнами на огородъ. То была просторная комната съ выступомъ, подобнымъ тому, которымъ на противоположной сторонѣ дома заканчивалась гостиная. Въ тѣ дни, когда еще водились дѣти въ Перріамѣ, эта комната служила дѣтской. Непосредственно надъ нею была спальня м-ра Перріама, а рядомъ съ ней крошечная уборная, изъ которой былъ ходъ черезъ темный корридорчикъ въ спальную сэра Обри. Несмотря на разницу въ привычкахъ, братья были искренно привязаны другъ къ другу и любили жить по близости другъ отъ друга. Лакей сэра Обри спалъ въ уборной своего хозяина, но м-ръ Перріамъ не держалъ для себя прислуги. Онъ считалъ это роскошью или помѣхой, отъ которой настойчиво отдѣлывался. Да и весь его гардеробъ не доставилъ бы ни занятій, ни выгоды его лакею. Онъ обыкновенно заводился одной перемѣной платья, которую изнашивалъ до невозможности, и тогда дарилъ подручному садовника, глухому старику, который всю осень вывозилъ на тачкѣ сухой листъ изъ сада и укатывалъ лужайки и песчаныя дорожки въ остальное время года. Этотъ старый садовникъ блуждалъ по саду, какъ тѣнь или двойникъ м-ра Перріама. Когда бывали посѣтители въ домѣ, м-ръ Перріамъ рѣдко показывался. Если же у сэра Обри не было гостей, братья обѣдали вмѣстѣ; въ его отсутствіе м-ръ Перріамъ всегда обѣдалъ въ своей собственной берлогѣ, переворачивая во время ѣды листы какого-нибудь новаго пріобрѣтенія. Онъ читалъ далеко не быстро, и въ продолженіе трехъ лѣтъ прокорпѣлъ надъ стариннымъ экземпляромъ Данта, напрягая свои бѣдные мозги надъ комментаріями, которые только затемняли текстъ.

Онъ гулялъ не иначе, какъ по огороду. Ему нравились эти прямые четвероугольники, засаженные кореньями и травами, служащими для приправы кушанья, прямыя узкія дорожки, соединенныя шпалерами земляничныя грады, невозмутимый порядокъ и тишина этого уголка; но выше всего цѣнилъ онъ то обстоятельство, что никакой случайный посѣтитель Перріама не застигнетъ его тутъ врасплохъ. Лѣтомъ, по утрамъ, онъ приносилъ съ собою книги, и читалъ, медленно шагая по дорожкамъ, или, случалось, въ жаркій полуденный часъ дремалъ надъ открытой книгой, сидя въ бесѣдкѣ у рыбнаго прудка. Зимой же, ради здоровья, онъ для моціона бѣгалъ взадъ и впередъ между пустыми грядами. Дальше огорода не шло его знакомство съ внѣшнимъ міромъ, да ни о чемъ болѣе онъ и не заботился, пока существовала возможность поддерживать сношенія съ книгопродавцами, при удобномъ посредничествѣ почты. Такъ протекала его мирная, безвредная жизнь, и если никто не могъ сказать, что Мордредъ Перріамъ оказалъ ему какую-либо услугу, то навѣрное никто не могъ обвинить его въ причиненіи кому-либо вреда.

ГЛАВА XIX.

„...Любовь одна веселѣе жизни хладной..."

Сэръ Обри съ братомъ обѣдали вдвоемъ подъ вечеръ того дня, когда м-съ Карфордъ покинула школьный домъ, чтобъ снова вернуться въ омутъ жизни. Столовая въ Перріамѣ выходила окнами на сѣверо-западъ, и изъ нихъ открывался великолѣпный видъ солнечнаго заката; можно было любоваться, какъ яркое свѣтило заходило за горизонтъ, безъ риска быть ослѣпленнымъ его угасающими лучами.

Было уже восемь часовъ вечера, начинало смеркаться; но сэръ Обри любилъ сумерки. Они были пріятны и вмѣстѣ съ тѣмъ экономичны, а баронетъ никогда не забывалъ, какой крупный чекъ выдавалъ онъ ежегодно монкгемптонскому свѣчному торговцу. Ему говорили о дешевизнѣ и яркости газоваго освѣщенія, но сама королева Анна не могла упорнѣе, чѣмъ сэръ Обри, возставать противъ этого яркаго свѣта, еслибы онъ былъ подвергнуть ея благосклонному вниманію. Газъ въ Перріамѣ! Слыханное ли это дѣло, чтобъ газовыя трубки обезображивали эти древніе хрустальные канделябры, переливавшіеся на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги! «Священная тѣнь моего великаго предка!»

восклицалъ сэръ Обри, «какой готъ или вандалъ могъ посовѣтовать такое поруганіе?»

Сэръ Обри и братъ его сидѣли въ сумеркахъ, разговаривая, или скорѣе же говорилъ одинъ Мордредъ, а сэръ Обри дѣлалъ только видъ, что слушаетъ. Безобидная болтовня буквоѣда, по поводу его послѣдней покупки у бристольскаго книгопродавца, не требовала большого умственнаго напряженія со стороны слушателя. Время отъ времени сэръ Обри издавалъ неясное одобрительное мычаніе, и это вполнѣ удовлетворяло говорившаго.

Въ сущности, мысли сэра Обри были нѣсколько въ разбродѣ въ продолженіе обѣденнаго церемоніала, а теперь онъ сидѣлъ въ задумчивой позѣ передъ своимъ нетронутымъ стаканомъ кларета, вперивши взоры въ темную поверхность полированнаго стола изъ краснаго дерева, какъ-бы разглядывая представлявшіяся ему въ немъ видѣнія.

Но не о вновь пріобрѣтенномъ его братомъ двѣнадцати-томномъ изданіи Чаттертона мечталъ онъ, а о прелестномъ личикѣ, которое видѣлъ вчера вечеромъ въ саду гединтемскаго школьнаго дома.

— Мордредъ, внезапно воскликнулъ онъ, тебѣ никогда не приходило въ голову, почему я не женатъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ м-ръ Перріамъ, никогда. Но я полагаю, что причина этому ясна для самаго глупаго человѣка. Ты не могъ никогда забыть бѣдной Гуниверы.

— Забыть ее? Нѣтъ; этому никогда и не бывать. Но еслибы въ мои зрѣлыя лѣта человѣкъ могъ почувствовать романтическую любовь—любовь поэта, скорѣе чѣмъ свѣтскаго человѣка... какъ ты полагаешь, обязанъ онъ растоптать этотъ цвѣтокъ за то, что онъ такъ поздно распустился!

— Ужъ не хочешь ли ты этимъ сказать, что ты влюбился? въ испугѣ спросилъ Мордредъ.

— Я видѣлъ личико настолько прелестное, что оно могло бы очаровать святого или отшельника... могло бы воспламенить самое холодное сердце, замороженное временемъ. Я не говорю, чтобы я влюбился. Это было бы слишкомъ безумно въ мои годы. Но я чувствую въ себѣ способность, которую давно считалъ угасшею,—способность влюбиться.

Мордредъ Перріамъ ухватился руками за голову, и началъ въ отчаяніи ерошить свои рѣдкіе сѣдые волосы. Онъ думалъ, что его братъ сходитъ съ ума.

— Бѣдная Гунивера, произнесъ онъ вполголоса, какъ будто тѣнь этой аристократки была оскорблена безуміемъ сэра Обри; еслибъ она дожила до этого дня!

— Еслибъ она осталась въ живыхъ, я могъ быть бы счастливымъ отцомъ многихъ дѣтей, отвѣчалъ сэръ Перріамъ; а при настоящихъ обстоятельствахъ помѣстье наше должно перейти къ Ланслоту Перріаму, когда мы оба сойдемъ въ могилу и ляжемъ рядомъ съ нашими предками.

— Это ужъ очень тяжело, сказалъ м-ръ Перріамъ, который оказался способенъ оцѣнить вопросъ съ этой практической стороны. Когда-бъ ты могъ найти теперь особу, достойную леди Гуниверы, равную ей по общественному положенію, союзомъ съ которой ты могъ бы гордиться...

Сэръ Обри вздохнулъ и сидѣлъ молча. Главною цѣлью его женитьбы должна бы быть забота о наслѣдникѣ. Ну, кáкъ встрѣтится онъ въ будущей жизни съ этимъ наслѣдникомъ, если этотъ послѣдній не съумѣетъ назвать своего дѣда съ материнской стороны. Ахъ! если бы для генеалогическихъ цѣлей дѣти могли обходиться безъ дѣдовъ по матери! Онъ опять вздохнулъ съ возрастающею грустью.

— Въ мои годы, любезный Мордредъ, смѣшно человѣку надѣяться на бракъ съ герцогиней. Я никогда болѣе не встрѣчу второй Гуниверы. Вторая жена лорда Болингброка была француженка. Онъ послѣдовалъ влеченію сердца, скорѣе чѣмъ разсчету.

— Болингброкъ женился на племянницѣ мадамъ де-Ментенонъ, на вдовѣ маркиза.

— Это вѣрно, но все же онъ женился по любви, сказалъ сэръ Обри нетерпѣливо. Въ зрѣлыхъ лѣтахъ человѣку слѣдуетъ жениться по любви, если только ему приходится жениться вообще. Ему уже и безъ того не долго пользоваться счастіемъ. Въ двадцать лѣтъ, юноша можетъ, соображаясь со своими разсчетами, жениться безъ любви. Молодость, лишенная семейныхъ радостей, можетъ вознаградиться житейскими успѣхами въ зрѣлыхъ годахъ. Въ мои же годы, человѣку не остается уже иныхъ желаній—кромѣ счастья.

М-ръ Перріамъ глядѣлъ на брата въ безпомощномъ изумленіи, не будучи въ силахъ разрѣшить, было ли слышанное имъ абстрактной философіей—или безуміемъ стараго эгоиста?

— А я полагалъ, что ты вполнѣ доволенъ своимъ настоящимъ положеніемъ, мягко сказалъ его братъ. У тебя есть Перріамъ для лѣтней резиденціи, а на зиму антресоль въ предмѣстіи Сент-Оноре — квартирка удобная, и не слишкомъ дорогая. Когда тебѣ надоѣстъ жить въ Перріамѣ, ты ѣдешь въ Парижъ. Парижъ надоѣлъ—возвращаешься въ Перріамъ. У тебя есть и

тутъ и тамъ и сапоги, и туфли, и щетки, и гребни, и платья въ изобиліи; не нужно ни укладываться, ни хлопотать, а твой здѣшній лакей служитъ тебѣ тамъ и поваромъ и главной прислугой. Что можетъ быть удобнѣе, если ужъ приходится разъѣзжать?

— А пустота жизни, а однообразіе ея? сказалъ сэръ Обри. Главное дѣло въ томъ, продолжалъ онъ дѣловымъ тономъ, что за эти послѣдніе годы я пришелъ къ сознанію, что обязанъ жениться. Если я и уклонялся отъ этой обязанности, предпочитая покой и безмятежность холостой жизни, то сознаю теперь себя виновнымъ въ нравственной трусости. Тяжело подумать, что Перріамъ перейдетъ въ совершенно чужія руки.

— Орасу Перріамъ—накрахмаленному франту изъ военнаго министерства, сказалъ Мордредъ. Да, такого огорода, какъ здѣшній, не найдешь во всей западной Англіи! прибавилъ онъ со вздохомъ. Еслибъ ты могъ найти подходящую партію,—я не говорю, именно дочь герцога—но подходящую партію,—дѣвушку хорошей древней фамиліи, гербъ которой Перріамы не постыдились бы включить въ свой гербъ.

Мордредъ пѣлъ ту пѣсню, которую привыкъ слышать изъ устъ своего старшаго брата, и очень былъ удивленъ, найдя баронета равнодушнымъ, и даже относящимся свысока къ вопросу о происхожденіи будущей леди Перріамъ.

— Что же касается фамиліи, отвѣчалъ онъ, то Перріамы должны быть, какъ Бурбоны, настолько велики, чтобы дѣти ихъ считались знатными, не взирая на происхожденіе матери. Сыновья Лудовика XIV всѣ были принцами. Современемъ и мой сынъ будетъ сэръ Обри Перріамъ, и не былъ бы ничѣмъ болѣе, если бы матерью его была бѣдная Гунивера.

Мордредъ поспѣшилъ согласиться съ братомъ. Онъ рѣдко пускался въ споры, если они не касались чисто литературныхъ вопросовъ, въ родѣ: почему изгнанъ былъ Овидій, или отчего сошелъ съ ума Тассо; кто скрывался подъ «Желѣзной маской», или кто былъ авторомъ писемъ Юніуса?

— Но, можетъ быть, молодая дѣвушка, понравившаяся тебѣ, принадлежитъ къ хорошей фамиліи нашего графства, сказалъ Мордредъ.

Онъ никакъ не могъ предположить, чтобъ братъ его удостоилъ своего выбора личность, по происхожденію своему ниже дворянскихъ фамилій графства.

Сэръ Обри вздрогнулъ. Онъ всегда былъ ревностнымъ проповѣдникомъ генеалогическихъ догматовъ, жрецомъ своей касты.

Чѣмъ могъ онъ объяснить свое отреченіе отъ божества, неизбѣжное при поклоненіи дочери сельскаго учителя?

— Я, конечно, видѣлъ особу, которая мнѣ понравилась,— отвѣчалъ онъ, съ замѣчательною застѣнчивостію, съ юношескою почти стыдливостью, сопровождавшей эту позднюю любовь,—очень хорошенькую, очень любезную молодую дѣвушку, вообще восхитительную,—дѣвица, любовью которой долженъ гордиться всякій человѣкъ. Но она не особенно извѣстной фамиліи, или, если ея отецъ и принадлежитъ къ древнему и почтенному роду,—что вовсе не лишено вѣроятности, такъ какъ имя онъ носитъ хорошее, но находится въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и занимаетъ не особенно высокое положеніе въ свѣтѣ.

— Онъ, можетъ быть, священникъ? нерѣшительно проговорилъ Мордредъ.

— Нѣтъ, онъ не изъ духовнаго званія.

— Господи! воскликнулъ Мордредъ, съ испуганнымъ видомъ, не хочешь ли ты сказать, что онъ изъ купечества?

— Нѣтъ, онъ не торгуетъ.

М-ръ Перріамъ вздохнулъ свободнѣе.

— Я радъ этому, сказалъ онъ. Я живу въ такомъ отчужденіи отъ свѣта, что это могло бы казаться невозможнымъ для меня, но мнѣ было бы положительно непріятно, если бы такое пятно легло на наше имя. Настоящій случай былъ бы опубликованъ въ „Burke's Landed Gentry“, да и безъ того никто бы не забылъ его.

— Не тревожься такими мелочами, любезный Мордредъ, возразилъ сэръ Обри,—быть можетъ, все, о чемъ я толковалъ теперь, не болѣе, какъ праздныя мечты.

— Нѣтъ, тебѣ бы надо жениться, сказалъ Мордредъ, думая о своемъ огородѣ.

Онъ завидовалъ наслѣднику, который получитъ во владѣніе эти чистенькія дорожки, тянущіяся вдоль грядъ, окаймленныхъ буксомъ, гдѣ узкая полоска неприхотливыхъ цвѣтовъ, левкоевъ, анютиныхъ глазокъ, резеды или настурцій заслоняли броколи, или лукъ, которые росли за этой чертой. Милый, старый огородъ, съ его красными глиняными горшками, накрывающими морскую капусту! Чтó можетъ сравниться съ пріятнымъ травянистымъ запахомъ, которымъ пропитана атмосфера деревенскихъ огородовъ!

— Увы! сказалъ сэръ Обри, вздыхая, я никогда не женюсь иначе, какъ по любви!

М-ръ Перріамъ одобрительно улыбнулся ему черезъ широкій

блестящій столъ; но въ глубинѣ души онъ былъ пораженъ изумленіемъ. Всякая любовь человѣческая, за исключеніемъ его тихой привязанности къ Обри, испарилась изъ сердца его за послѣднія тридцать лѣтъ. Дѣйствительно, въ этомъ спокойномъ темпераментѣ никогда не было достаточно теплоты, чтобы поддержать пламя любви. Онъ смотрѣлъ на женщинъ, какъ на особую породу людей, безъ сомнѣнія, полезную въ своемъ униженномъ состояніи, но отъ которой мудрецъ долженъ сторониться подальше. На женитьбу м-ръ Перріамъ смотрѣлъ, какъ на печальную необходимость для старшихъ сыновей. Младшіе отпрыски благородныхъ родовъ, болѣе счастливые, могли ускользать отъ мученій супружескаго ада. М-ръ Перріамъ находилъ почти невѣроятнымъ, чтобы человѣкъ обременялъ себя женой, не будучи вынужденнымъ къ такому самопожертвованію наслѣдственными соображеніями. Жена, которая, чего добраго, стала бы таскать съ полокъ его библіотеки разрозненные томы книгъ, чтобъ потомъ сунуть ихъ куда попало, или рыться въ его бумагахъ! Нѣтъ, онъ благодарилъ судьбу, опредѣлившую ему быть младшимъ въ родѣ.

— «По любви, думалъ про себя Обри, только по любви! Какъ Мордредъ и весь свѣтъ стали бы смѣяться надо мной, еслибы я позволилъ себѣ этотъ безумный поступокъ. Влюбиться пятидесяти-семи лѣтъ отъ роду, и въ дѣвочку, которая по возрасту своему могла бы быть моей внучкой! Это, дѣйствительно, чистое сумасшествіе. Однако, если допустить возможность глубокой привязанности въ человѣкѣ моихъ лѣтъ, то она должна быть возможной и для меня. Я не растрачивалъ запаса своихъ чувствъ на мимолетныя страсти. Жизнь моя была чужда увлеченій, которыя сушатъ сердца иныхъ людей. Несмотря на позднее проявленіе чувства, я вполнѣ способенъ искренно любить и привлечь къ себѣ вѣрное сердце, если у меня хватитъ на это рѣшимости. Довѣрюсь ли я влеченію моей прихоти и положусь ли на красоту этихъ глазъ и устъ, обѣщающихъ столько невинности и искренности?»

Дворецкій вошелъ въ столовую, чтобъ зажечь свѣчи въ высокихъ серебряныхъ канделябрахъ псевдо-классическаго рисунка.

— Прикажите Моргану осѣдлать мнѣ Сплинтера, сказалъ сэръ Обри: я хочу проѣхаться верхомъ.

— Такъ поздно, Обри? воскликнулъ Мордредъ, любившій мирно проводить вечера въ обществѣ брата.

Ему было всегда пріятно распространяться по поводу своего послѣдняго пріобрѣтенія съ человѣкомъ изъ своей среды; если же подъ-часъ Обри и не слушалъ его, то Мордредъ былъ такъ

поглощенъ собственными разсужденіями, что не замѣчалъ невнимательности брата.

— Я люблю кататься въ сумерки, отвѣчалъ баронетъ, я и вчера вернулся домой около десяти часовъ.

— Да, сказалъ Мордредъ, вздыхая. — Я радъ буду наступленію зимы, когда мы возвратимся снова къ старымъ порядкамъ— затопимъ пожарче каминъ въ салонѣ, и опять станемъ съ тобой посиживать у камелька въ длинные зимніе вечера.

— Это довольно скучно, протянулъ сэръ Обри, зѣвая.

— Скучно, когда мы пользуемся обществомъ другъ друга?

— Да, это все прекрасно. Но развѣ ты думаешь, что для такихъ двухъ стариковъ, какъ мы съ тобой, красивое молодое личико не оживило бы картины—невинная, веселая дѣвушка, которая была бы моей женой, и годилась бы намъ обоимъ въ дочери, звонкій голосокъ которой наполнялъ бы музыкой этотъ старый домъ? Настоящая жизнь наша довольно монотонна; не кажется ли тебѣ, что рисуемая мною перемѣна сдѣлаетъ насъ счастливѣе? А, Мордредъ?

— Перемѣны, нарушающія спокойствіе, въ погонѣ за счастіемъ, часто оканчиваются разочарованіемъ, отвѣчалъ м-ръ Перріамъ, съ поучительностью Солона.—Рѣчь эта не могла быть пріятна сэру Обри, и онъ разсердился на брата... что бывало очень рѣдко, такъ какъ онъ съ покровительственной мягкостью относился къ своему младшему брату, странности котораго граничили съ слабоуміемъ.

— Сплинтеръ у подъѣзда, сэръ Обри, доложилъ дворецкій,— и сэръ Обри, не говоря больше ни слова Мордреду, уѣхалъ.

— Ахъ! вздохнулъ братъ его, глядя вслѣдъ всаднику и лошади, которые скрылись въ вечернемъ полумракѣ: вотъ что значитъ допустить мысль о женщинѣ. Онъ уже измѣнился ко мнѣ!

Сэръ Обри выбралъ кратчайшій путь къ Гедингему.

Эта прогулка верхомъ въ такую позднюю пору была, конечно, дикой фантазіей — но запахъ боярышника былъ такъ душистъ, воздухъ такъ мягокъ, а легкій вѣтерокъ, дувшій съ отдаленнаго моря, разносилъ въ воздухѣ свѣжій ароматъ скошенной травы. Въ сущности, не было никакой разумной причины, почему бы сельскому жителю предпочесть одинокую дремоту въ любимомъ креслѣ пріятному наслажденію вечернимъ ландшафтомъ. Но едва ли сэръ Обри обращалъ вниманіе на окружающій его ландшафтъ. Мысли его летѣли быстрѣе Сплинтера, и опередивъ его, остановились на Сильвіи Керью. Онъ никакъ не могъ придумать предлога для своего поздняго появленія въ школьномъ домѣ. Въ те-

ченіе всего дня онъ противился влеченію, манившему его туда; и вдругъ теперь, вечеромъ, послѣ безплодной борьбы съ увлеченіемъ, не устоялъ передъ своей фантазіей.

Какой же предлогъ изобрѣтетъ онъ для нарушенія уединенія школьнаго учителя? Онъ, всемогущій владѣлецъ всей мѣстности, сталъ положительно втупикъ передъ этимъ вопросомъ. Миссъ Керью не была картиной, висящей на стѣнѣ публичной галлереи, очаровательныя черты которой выставлены на показъ постороннимъ людямъ. Какъ ни стоялъ онъ высоко въ обществѣ сравнительно съ ними, но все же существовали нѣкоторыя приличія, которыхъ онъ не считалъ себя въ правѣ нарушать.

Оставивъ свою лошадь въ гостинницѣ, онъ пошелъ по направленію къ школьному дому. Огонекъ свѣтился въ пріемной, но дверь была заперта. Онъ разсчитывалъ застать м-ра Керью курящимъ трубочку въ открытыхъ дверяхъ, по вчерашнему.

Постучаться въ дверь казалось ему дѣломъ очень серьезнымъ, которое могло принудить его къ весьма рѣшительному шагу впослѣдствіи.

Въ сомнѣніи онъ оглянулся кругомъ. Несмотря на раннее время, не видно было ни души. Тусклые огоньки мелькали коегдѣ въ окнахъ домиковъ. Дѣтскіе голоса замолкли. Гедингемскій день пришелъ къ концу. Сэръ Обри подумалъ, что время дѣйствительно очень позднее.

Онъ вынулъ часы изъ кармана; было еще настолько свѣтло, что онъ различилъ стрѣлки на бѣломъ циферблатѣ. Безъ четверти девять! Нѣтъ, положительно слишкомъ поздно для визита. Все равно, онъ удовлетворилъ свою фантазію этой вечерней прогулкой; ему болѣе ничего не остается, какъ вернуться домой.

Но... чу! что тамъ такое? Какая-то бѣлая движущаяся тѣнь мелькала подъ темными деревьями кладбища. Женское платье— высокая и стройная фигура дѣвушки, одѣтой въ бѣломъ. Два раза уже видѣлъ онъ Сильвію въ бѣломъ платьѣ.

Не она ли это?

Онъ обошелъ кругомъ къ калиткѣ, которая вела на кладбище, и взошелъ въ этотъ мирный пріютъ тѣней, мрачная тишина котораго напоминала о глубокомъ покоѣ тѣхъ, кто лежалъ въ этихъ могилахъ. Онъ медленно подвигался, оглядываясь кругомъ, какъбы разглядывая памятники, и черезъ нѣсколько минутъ настигъ предметъ своихъ поисковъ.

Это была не кто иная, какъ Сильвія. Онъ нашелъ ее сидящей на низкой могилѣ, въ задумчивой позѣ: голова ея лежала

на сложенныхъ рукахъ, которыми она облокотилась на другой памятникъ, стоящій выше той могилы, на которой она сидѣла.

— «Какое прелестное изображеніе раздумья, подумалъ сэръ Обри. Однакожъ, о чемъ можетъ она такъ глубоко задумываться?»

Мечтательница встрепенулась при звукѣ приближающихся шаговъ. Сильвія подняла голову и взглянула на него, едва узнавая его въ этой густой тѣни.

— Добрый вечеръ! миссъ Керью. Я, кажется, прервалъ пріятныя мечты?

— Нѣтъ, сэръ Обри, мысли мои были очень грустныя. Я благодарна случаю, который ихъ разсѣялъ.

— Чтó можетъ молодость и красота имѣть общаго съ печалью?

Дѣвушка не нашлась, что отвѣтить на этотъ вопросъ.

— Полагаю, что въ жизни каждаго есть свои заботы. Теперь же я задумалась надъ чужимъ горемъ.

— Я такъ и думалъ. Молодость и невинность не знаютъ собственныхъ заботъ. Пожалуйста, миссъ Керью, помните, что если вамъ понадобится другъ, то я къ вашимъ услугамъ. Какъ владѣлецъ этой мѣстности, я принимаю живѣйшее участіе во всемъ касающемся Гедингема, прибавилъ онъ, чтобъ его дружескія увѣренія не показались странными молодой дѣвушкѣ.

Это вступленіе тотчасъ придало всей рѣчи оффиціальный тонъ.

— «Чтó бы ему дать мнѣ денегъ, которыя я могла бы послать м-съ Карфордъ, подумала Сильвія, такъ какъ воспоминаніе о вчерашней посѣтительницѣ не покидало ее во весь день;—но я не могу унизиться до просьбы. Да и безъ сомнѣнія, это не болѣе, какъ пустая учтивость съ его стороны.»

— Вашъ батюшка дома, полагаю? спросилъ баронетъ.

— Дома, сэръ Обри.

— Мнѣ бы хотѣлось заглянуть къ нему на минутку, чтобъ переговорить о новомъ школьномъ домѣ, если только вы увѣрены, что онъ теперь не занятъ.

— Я навѣрное это знаю. Онъ обыкновенно по вечерамъ читаетъ только газеты. Ваше посѣщеніе будетъ для него очень пріятно.

ГЛАВА XX.

„Прекрасна какъ ангелъ небесный,—какъ демонъ коварна...“

Хотя баронетъ и предложилъ навѣстить м-ра Керью, однако не торопился покинуть тѣнистый уголокъ на старомъ кладбищѣ. Сегодня ему впервые довелось встрѣтиться съ Сильвіей наединѣ, и онъ не хотѣлъ упустить такого удобнаго случая. Ему хотѣлось разузнать кое-что изъ прошлой жизни дѣвушки, которая завладѣла его сердцемъ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться. Ея отецъ, безъ сомнѣнія, сумѣетъ держать языкъ за зубами, если только это нужно; но прелестными устами молодой дѣвушки необходимо должна вѣщать сама истина.

— Какъ красива эта старая церковь, сказалъ сэръ Обри, словно мысли его были заняты археологіей.—Вы, полагаю, давно уже живете въ Гедингемѣ, миссъ Керью? продолжалъ онъ безъ дальнѣйшихъ околичностей.

— Съ тѣхъ поръ, какъ только себя помню... Всю мою жизнь.

— Значитъ, вы родились здѣсь.

— Нѣтъ.

Къ счастію для Сильвіи темнота скрыла краску стыда, разлившуюся у ней по лицу. Она даже не знала, гдѣ собственно родилась: отецъ ея не любилъ говорить о прошломъ. Чтó ей отвѣчать сэру Обри, если тотъ вздумаетъ разспрашивать объ ея родинѣ?

— У вашего батюшки, сколько я замѣтилъ, акцентъ вовсе не провинціальный, продолжалъ сэръ Обри, стараясь придать своему допросу чисто свѣтскую форму. Онъ, должно быть, лондонскій уроженецъ.

— Онъ пріѣхалъ сюда изъ Лондона.

— Однако фамилія Керью происходитъ изъ западныхъ провинцій.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросила Сильвія растерянно; затѣмъ, сообразивъ, что нѣкоторая доля откровенности лучше выручитъ ее, чѣмъ упорная сдержанность, прибавила:

— Мой отецъ началъ свою карьеру при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, какъ мнѣ кажется, и не любитъ говорить о прошломъ. Я знаю только, что мы живемъ здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ только я себя помню и безъ всякихъ перемѣнъ. Такая жизнь довольно монотонна.

Эта жалоба показалась сэру Обри нѣсколько ребяческой. Онъ по собственной охотѣ велъ однообразную жизнь въ послѣднія тридцать лѣтъ, переѣзжая съ точностью заведенныхъ часовъ изъ Перріамскаго зàмка въ предмѣстье Сентъ-Оноре и живя въ Парижѣ почти такъ же уединенно, какъ и въ Перріамѣ.

— Прекрасное дитя, сказалъ онъ съ важнымъ видомъ: юность охотно увлекается безпокойными фантазіями. Когда вы будете постарше, то поймете, что нѣтъ счастливѣе жизни, текущей ровно и безмятежно среди знакомой обстановки.

Сильвія вздохнула, но не стала спорить съ сэромъ Обри. Она только подумала, что владѣй она той силой, какую придавало ему богатство, она не стала бы влачить однообразное существованіе. Ея юный, честолюбивый умъ жаждалъ разнообразія. Сильвія Керью обладала въ значительной степени тѣмъ качествомъ, которое крайне пагубно для сердца, но весьма способствуетъ развитію ума. Она была честолюбива, и честолюбіе, развившееся въ одиночествѣ и питавшееся мечтами, лежало въ основѣ ея страстнаго желанія перемѣны.

— Вы, во всякомъ случаѣ, можете похвалиться своимъ счастіемъ, что живете въ такомъ прелестномъ мѣстѣ, какъ Гедингемъ, произнесъ баронетъ.

— Развѣ оно въ самомъ дѣлѣ такъ красиво? Вы видѣли Дунай, Шварцвальдъ... Гарцъ... Тироль... Альпы... Римъ... Венецію... и тѣмъ не менѣе находите Гедингемъ красивымъ!

Она безъ запинки произнесла имена рѣки, лѣса, горъ и городовъ. Они вертѣлись у ней на языкѣ; такъ страстно хотѣлось бы ей увидѣть ихъ.

— Да, проговорилъ сэръ Обри, съ небрежной томностью, которая была не безъ пріятности. Я совершилъ обязательное путешествіе. Во дни моей молодости это было утомительнымъ дѣломъ. Путешественника ожидалъ нескончаемый рядъ плохихъ гостинницъ, допотопныя почтовыя кареты, пыль и худыя дороги, и... гмъ... насѣкомые, которыхъ приличіе не позволяетъ мнѣ назвать. Въ мое время считалось необходимымъ, чтобы джентльменъ совершилъ путешествіе по Европѣ. Въ настоящее время путешествуютъ вульгарные люди. На Риги ведетъ желѣзная дорога, а Монбланъ сталъ незначительнымъ холмомъ для современныхъ любителей лазать по горамъ.

Сильвія вздохнула. Она начинала сознавать, что родилась слишкомъ поздно. Міръ сталъ, такъ сказать, вульгаренъ и вся слава земли испарилась, какъ дымъ.

— Угодно вамъ идти теперь къ папá, сэръ Обри? спросила она, вставая съ могилы.

— Если вы будете такъ добры провести меня къ нему.

Сэръ Обри сознавалъ, что развѣдано имъ очень немного. Конечно, пріятно было услышать, что отецъ женщины, которую онъ любилъ, знавалъ лучшія времена; однако, такъ какъ викарій говорилъ ему то же самое, то онъ немного вынесъ изъ разговора съ Сильвіей. Она была по виду похожа на леди, думалось ему, хотя и не обладала тѣми свѣтскими манерами, которыя ему пріятно было бы видѣть въ будущей леди Перріамъ. Ея рѣчь отличалась откровенностью и непринужденностью, какія можно встрѣтить лишь въ людяхъ, не вышколенныхъ свѣтскимъ воспитаніемъ. Всѣ красавицы, которыми до сихъ поръ восхищался сэръ Обри, отличались граціозной томностью, изящной медлительностью въ движеніяхъ. Эта же дѣвушка производила такое впечатлѣніе, какъ будто въ жилахъ ея текла ртуть. Но за то она была милѣе всѣхъ красавицъ, какихъ онъ когда-либо встрѣчалъ въ свѣтѣ; въ самой энергіи ея движеній, въ которой не было ничего грубаго или отталкивающаго,—въ ея живости была такая своеобразная, невинная прелесть. А эти каріе глаза, которые она теперь устремила на него... эта матовая бѣлизна ея чуднаго лица! Гдѣ, кромѣ какъ въ итальянскихъ картинахъ, могъ онъ найти другую такую красавицу?

Онъ послѣдовалъ за нею по узкой тропинкѣ и вошелъ черезъ калитку въ садъ, гдѣ кусты лаванды сѣрѣли, облитые сіяніемъ звѣздъ.

— Папà, сказала Сильвія, входя въ пріемную: сэръ Обри Перріамъ желаетъ переговорить съ вами о школѣ.

М-ръ Керью отложилъ въ сторону свою трубку и поспѣшно всталъ на встрѣчу важному гостю.

Да! цѣлая пропасть отдѣляла этого гостя отъ злополучной посѣтительницы, явившейся въ прошедшую ночь. Школьный учитель сильнѣе былъ тронутъ этой неожиданной честью, чѣмъ этого можно было ожидать отъ человѣка съ его темпераментомъ, но сумѣлъ скрыть свое волненіе и встрѣтилъ сэра Обри такъ спокойно, какъ будто принимать у себя баронетовъ было для него привычнымъ дѣломъ.

Совсѣмъ тѣмъ сердце его исполнилось чувства торжества.

— «Зачѣмъ ему приходить сюда, какъ не затѣмъ, чтобы видѣться съ нею? спрашивалъ онъ самого себя;—«а если человѣкъ въ его годы влюбится, то влюбится безъ памяти. Будь онъ молодой человѣкъ, я бы не придавалъ особаго значенія его посѣ-

щеніямъ. Но съ *его* стороны такой образъ дѣйствій весьма знаменателенъ.»

Баронетъ заговорилъ о школѣ и сумѣлъ придать дѣловой характеръ своему визиту. Дѣйствительно ли новая школа необходима для Гедингема, или это просто капризъ викарія? И вполнѣ ли удовлетворительно настоящее мѣстоположеніе для школы, или можно избрать лучшее? И находитъ ли эта мысль сочувствіе среди Гедингемскаго населенія? Прежде чѣмъ обѣщать свою помощь, сэръ Обри желалъ удостовѣриться во всемъ этомъ.

Всѣ эти вопросы были повидимому вполнѣ естественны со стороны мѣстнаго землевладѣльца. Но Джемсъ Керью усмотрѣлъ въ нихъ одинъ пустой предлогъ и замѣтилъ, что глаза баронета невольно обращались въ ту сторону, гдѣ сидѣла Сильвія, спиной къ открытому окну, причемъ ночной вѣтерокъ тихо игралъ ея волосами.

— Вы, миссъ Керью, охотница до книгъ, какъ я вижу, сказалъ сэръ Обри, поглядывая на углубленіе въ стѣнѣ близъ камина, гдѣ висѣли три небольшихъ крашеныхъ полки, убранныя голубыми лентами. Эти голубые лоскутки объяснили баронету, кому принадлежатъ книги.

— Да, отвѣчалъ отецъ, не безъ гордости, она прилежнѣе, чѣмъ большая часть дѣвушекъ ея возраста, и самоучкой научилась французскому и нѣмецкому языкамъ... да, кажется, знаетъ немного по-латыни, въ чемъ я ей помогалъ.

Онъ зачастую ворчалъ на любознательныя наклонности дочери, жалуясь, не совсѣмъ справедливо, что Сильвія неглижируетъ его комфортомъ изъ-за того, чтобы сидѣть за книгами. Но сегодня вечеромъ онъ находилъ, что эти наклонности заслуживаютъ похвалы.

Сэръ Обри подошелъ къ полкамъ и поглядѣлъ на книги. Тутъ были: *Вертеръ* въ оригиналѣ, *Евгенія Грандэ* и *Фаустъ* тоже въ оригиналѣ; *Жирондисты* Ламартина, *Оды и Баллады* Виктора Гюго, и съ дюжину другихъ въ этомъ родѣ. Всѣ принадлежали къ классическимъ сочиненіямъ.

Сэръ Обри взялъ наудачу одну изъ книгъ. То былъ «Вертеръ». Онъ раскрылъ книгу и на первой страницѣ увидѣлъ нѣчто, поразившее его такъ, какъ будто рука его коснулась змѣи:

Сильвіи

Отъ Эдмонда

Въ память воскресенья, 4-го апрѣля.

Въ этотъ день Эдмондъ Стенденъ впервые увидѣлъ Сильвію въ церкви.

— Отъ Эдмонда, проговорилъ сэръ Обри, глядя на надпись.— Это вашъ братъ или кузенъ, полагаю.

— У ней нѣтъ ни братьевъ, ни кузеновъ, отвѣчалъ м-ръ Керью, бросая свирѣпый взглядъ на дочь.

Эти самыя книги стояли надъ его головой въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ, а онъ и не потрудился взглянуть на нихъ.

— Должно быть какой-нибудь сельскій поклонникъ, сказалъ баронетъ, спокойно, хотя сердце его сжалось отъ ревности.

Въ то время какъ онъ обсуждалъ съ самимъ собой: оскорбить или не оскорблять боговъ-покровителей Перріамской фамиліи неравнымъ бракомъ, эта дѣвушка, чего добраго, уже была обручена съ какимъ-нибудь деревенскимъ олухомъ, мечты котораго не шли дальше оштукатуренной избы и бесѣдки изъ испанскихъ бобовъ.

М-ръ Керью, усмотрѣвъ подводный камень, о который могли разбиться его тайныя мечты, быстро сообразилъ, послѣ минутнаго раздумья, что откровенность всего выгоднѣе въ настоящемъ случаѣ. Въ концѣ-концовъ его дочь могла только выиграть, если онъ сообщитъ, что человѣкъ, выше стоящій, чѣмъ она, по своему общественному положенію, добивался ея руки.

Возможно было, что баронетъ отличается тѣмъ ревнивымъ нравомъ, который заставляетъ человѣка отказываться отъ преслѣдованія любимѣйшей мечты, если только онъ узнаетъ, что у него есть соперникъ. Но, къ счастію, такіе узкіе и исключительные характеры попадаются весьма рѣдко. Кромѣ того, м-ръ Керью сообразилъ, что ухаживаніе м-ра Стендена за его дочерью врядъ ли укрылось отъ деревенскихъ сплетниковъ и, по всей вѣроятности, дойдетъ до ушей сэра Обри.

Да, несомнѣнно, что откровенность будетъ самой вѣрной тактикой.

— М-ру Стендену врядъ ли бы понравилось, еслибы онъ узналъ, что его называютъ сельскимъ поклонникомъ.

— Стенденъ! какъ, сынъ банкира?

— Да. Онъ имѣлъ несчастіе влюбиться въ мою неразумную дочку, а она была такъ безразсудна, что до нѣкоторой степени обнадежила его. Но теперь все это покончено. Юный джентльменъ былъ у меня вчера утромъ съ предложеніемъ и я рѣшительно отклонилъ его исканія.

— Вы отказали ему? спросилъ баронетъ.

— Безусловно. Вы какъ будто удивлены, сэръ Обри. Вы находите, что сынъ банкира былъ бы весьма хорошей партiей для дочери приходскаго школьнаго учителя. И я съ вами согласился бы, не будь тутъ особаго обстоятельства. Женившись на моей дочери, онъ поступилъ бы вопреки желанiю своей матери. А хотя я и человѣкъ бѣдный, но ставлю честь выше личныхъ интересовъ. Я не потерплю, чтобы дочь моя вступила въ семью, гдѣ ей не рады.

Все это звучало очень благородно, тѣмъ болѣе, что изъ словъ м-ра Керью нельзя было узнать о томъ, что м-съ Стенденъ могла лишить сына наслѣдства.

— Я вполнѣ сочувствую вамъ, сэръ, произнесъ баронетъ, украдкой взглядывая на Сильвiю, чтобы видѣть, принимаетъ ли она этотъ предметъ близко къ сердцу.

Лицо, наклоненное надъ работой, ничего ему не сказало. Онъ видѣлъ только красивый молодой лобъ, опущенныя вѣки съ каштановыми рѣсницами. Поза выражала безмятежный покой. Страсть врядъ ли волновала сердце, бившееся въ этой спокойной груди.

Обсудивъ со всѣхъ сторонъ любимую задачу викарiя, сэръ Обри не находилъ больше предлога оставаться. Однако онъ медлилъ уходить, толкуя о селенiи и его окрестностяхъ, стараясь выяснить себѣ, какого рода человѣкъ былъ м-ръ Керью. Человѣкъ образованный—это прежде всего, и человѣкъ, вращавшiйся нѣкогда въ хорошемъ обществѣ. Честь присутствiя сэра Обри, повидимому, вовсе не ослѣпляла его.

Небольшiе голландскiе часы пробили десять, и сэръ Обри всталъ, вздрогнувъ, какъ виноватый.

— Создатель! какъ я засидѣлся; прошу васъ извинить меня, сказалъ онъ: эти лѣтнiе вечера могутъ ввести въ заблужденiе.

— Пожалуйста не извиняйтесь, сэръ Обри, въ томъ, что засидѣлись. Вечеръ единственное время, когда я свободенъ и могу принять гостя.

— Значитъ, я могу навѣдаться снова какъ-нибудь вечеркомъ и узнать какъ подвигается дѣло? спросилъ сэръ Обри, совершенно игнорируя тотъ фактъ, что ничего серьёзнаго не могло случиться раньше двухъ лѣтъ.

— Я буду весьма польщенъ вашимъ посѣщенiемъ, сэръ Обри.

— Вы очень добры, отвѣчалъ баронетъ, и затѣмъ прибавилъ съ нѣкоторой запинкой: если какъ-нибудь вамъ вздумается, въ одинъ изъ лѣтнихъ вечеровъ, привести миссъ Керью осмотрѣть

Перріамъ, — если только она его еще не видала, — то я съ радостью покажу вамъ домъ и сады. Въ нихъ нѣтъ никакихъ затѣй, никакихъ вздорныхъ выдумокъ, которыя въ модѣ въ настоящее время, но сады велики, а домъ хорошо построенъ. Быть можетъ, вы найдете, что ихъ стóитъ осмотрѣть.

— Мы съ радостью придемъ, сэръ Обри. Ни я, ни моя дочь, мы еще не видали Перріамъ-Плэса.

— Почему бы въ такомъ случаѣ не назначить дня? Можете вы придти завтра.

— Мы никуда не отозваны, сказалъ м-ръ Керью съ своей нѣсколько горькой улыбкой.

— Ну, такъ условимся на завтра. Я буду ждать васъ въ девять часовъ и вы можете сообщить мнѣ, если вамъ придетъ въ голову какая-нибудь новая мысль на счетъ школы. Не прислать ли мнѣ экипажъ за вами?

— Вы слишкомъ добры, сэръ Обри. Нѣтъ, благодарю васъ; мы лучше придемъ пѣшкомъ въ Перріамъ. Пріятно будетъ прогуляться по полямъ.

— Пусть такъ. Мой братъ и я, мы вамъ покажемъ домъ и сады. Не лучше ли вамъ придти въ половинѣ восьмого. Послѣ девяти часовъ, пожалуй, будетъ слишкомъ темно, сказалъ сэръ Обри серьёзно.

Такая перестановка времени заставитъ его раньше отобѣдать, а это обстоятельство весьма важно для джентльмена, привыкшаго къ аккуратной жизни.

— Мы придемъ въ половинѣ восьмого, сэръ Обри, если это для васъ удобнѣе, отвѣчалъ школьный учитель.

— Благодарю васъ, прощайте. Прощайте, миссъ Керью. Не смѣйтесь надъ старомодными обычаями въ Перріамѣ. Говорятъ, что мы отстали на полвѣка. Но Перріамы были торіями съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ стали называться Перріамами. Доброй ночи!

И нѣжно пожавъ руку Сильвіи, сэръ Обри ушелъ.

М-ръ Керью проводилъ его до садовой калитки съ церемонной вѣжливостью. Онъ умѣлъ провести тонкую грань, отдѣляющую уваженіе, должное ландлорду, и подобострастіе раболѣпнаго ума. Онъ остановился у калитки и наблюдалъ за изящной, стройной фигурой, пока та не скрылась въ полумракѣ лѣтней ночи. Затѣмъ медленно вернулся въ пріемную.

Сильвія отложила въ сторону свою работу. Она сидѣла въ небрежной позѣ, уставивъ глаза въ полъ, и казалась погруженной въ глубокую думу.

М-ръ Керью съ любопытствомъ поглядѣлъ на нее, запирая дверь, и медленно проговорилъ:

«There is a tide in the affairs of men,
«Which, *taken at the flood*, leads on to fortune!» [1])

И этимъ ограничились всѣ комментаріи по поводу визита сэра Обри.

ГЛАВА XXI.

„Ахъ! чувство женское легко!..“

На слѣдующій день утренняя почта принесла Сильвіи письмо отъ Эдмонда Стендена, письмо, написанное изъ Соутгемптона въ ночь до отхода почтоваго парохода изъ этого порта. То было первое письмо, полученное ею отъ ея милаго. Въ Гедингемѣ имъ легко было видѣться, а потому не было никакой надобности въ перепискѣ. И ей сладко было получить это первое любовное письмо, хотя къ сладости примѣшивалась нѣкоторая горечь. Столько препятствій заграждало тотъ путь, который они обѣщали другъ другу пройти рука объ руку. Сильвія пролила нѣсколько слезъ надъ этимъ письмомъ и поцѣловала бумагу, къ которой прикасалась рука ея милаго. Въ самомъ дѣлѣ, то было письмо, которымъ бы могла гордиться всякая женщина... письмо, дышавшее такой честной и искренней любовью, какую когда-либо внушала женщина; мужественное письмо, въ которомъ молодой человѣкъ довѣрчиво, хотя и не беззаботно говорилъ о той борьбѣ, какую онъ готовился выдержать, чтобы завоевать себѣ домашній очагъ.

«Я уже началъ готовиться къ битвѣ, дорогая», писалъ онъ, «и стараюсь пополнить недостатки образованія, имѣвшаго въ виду скорѣе литературныя, чѣмъ коммерческія цѣли. Я запасся нѣсколькими лучшими сочиненіями о финансовыхъ и банкирскихъ оборотахъ, когда проѣзжалъ черезъ Лондонъ, и намѣренъ основательно изучить ихъ во время дороги. Я надѣюсь, что образую изъ себя хорошаго банкира, по крайней мѣрѣ въ теоріи, къ тому времени какъ вернусь въ Англію, такъ что могу явиться къ директорамъ Монкгемптонскаго банка съ двойной рекомендаціей: отцовскаго имени и моихъ собственныхъ познаній».

---

[1]) „Въ человѣческихъ дѣлахъ есть свой *приливъ*; воспользуешься имъ, онъ къ счастью приведетъ...“ *Шекспиръ*: *„Юлій Цезарь“*. Это изреченіе послужило темой для заглавія романа, которое мы замѣнили равнозначущей русской пословицей.

Это были единственныя дѣловыя строчки письма. Остальное было наполнено разсужденіями о розовой будущности, о райскомъ блаженствѣ, которое довѣрчивая юность склонна искать на землѣ. Но каждое слово этого письма отозвалось въ сердцѣ Сильвіи. Онъ такъ глубоко вѣрилъ ей. Ни тѣни сомнѣнія не высказывалось въ этомъ письмѣ. Оно было написано женщинѣ, въ которую авторъ письма вѣрилъ, какъ въ самого себя.

— Я была бы самой низкой изъ женщинъ, если бы обманула такую привязанность, подумала Сильвія, со вздохомъ пряча драгоцѣнное письмо. И совсѣмъ тѣмъ я не предвижу счастливаго исхода для нашей любви.

Въ ея воображеніи рисовался иной путь, который не грозилъ опасностями, а, напротивъ, казался усыпаннымъ розами. Но только геній супружеской любви не освѣщалъ своимъ факеломъ этого пути. На немъ росли розы житейскаго благополучія—розы людского почета и уваженія, витали слова великой побѣды. Но любовь отворачивала лицо отъ этого зрѣлища, и вѣщала:—здѣсь мнѣ нѣтъ мѣста!

— Нѣтъ, сказала Сильвія, я не могу измѣнить ему.

Къ несчастью, когда женщина говоритъ самой себѣ, что она не можетъ обмануть, то это вѣрный знакъ, что она замышляетъ измѣну.

М-ръ Керью былъ особенно вѣжливъ съ дочерью весь этотъ день. Въ тонѣ, съ какимъ онъ говорилъ съ ней, звучала новая нота, которой Сильвія дивилась. Она не знала, что эта непривычная любезность относилась къ будущей леди Перріамъ.

— Не нужно ли тебѣ новой шляпки или еще чего-нибудь, чтобы прилично одѣться на сегодняшній вечеръ? спросилъ онъ, когда наступилъ полуденный отдыхъ и школьники ушли домой обѣдать.

— Мнѣ нужно кучу вещей, папа́, отвѣчала дѣвушка поспѣшно. Но если вы дадите мнѣ фунтъ, то этого будетъ достаточно.

— Фунтъ! вскричалъ м-ръ Керью: ты, кажется, воображаешь, что я купаюсь въ золотѣ? Вотъ тебѣ полъ-соверена. Намъ трудно будетъ дотянуть до жалованья, но ужъ какъ-нибудь перебьемся.

— Благодарю васъ, папа́, полъ-соверена все же лучше, чѣмъ ничего.

— Смотри, будь какъ можно милѣе сегодня вечеромъ.

— Зачѣмъ, папа? неужели вы полагаете, что два такихъ старыхъ джентльмена, какъ сэръ Обри и м-ръ Перріамъ, обратятъ вниманіе на мою наружность?

— Сэръ Обри—джентльменъ въ цвѣтѣ лѣтъ. Прошу не называть его старикомъ.

Когда начались послѣобѣденные уроки и м-ръ Керью снова погрузился въ свои обязательныя занятія, Сильвія открыла свой пюпитръ, взяла конвертъ и надписала на немъ слѣдующій адрессъ: «Миссисъ Вуде, для передачи миссисъ Карфордъ, Белль-Аллэ, Феттеръ-Лэнъ».

Она написала только одну строку на листкѣ бумаги:

«Посылаю небольшое пособіе... это все, чтó у меня есть».

Ни подписи и ни слова болѣе. Въ этотъ листокъ бумаги она завернула полъ-соверена и старательно запечатала конвертъ. Сдѣлавъ это, она пошла въ почтовую контору и сдала свое письмо.

— Я посылаю своей кормилицѣ свои небольшія карманныя деньги, сказала она м-ру Проссеру, аптекарю, въ поясненіе своего необыкновеннаго поступка. Деревенскіе жители обязаны объяснять свое поведеніе, если оно нѣсколько уклоняется отъ обычной колеи.

Быть можетъ, этотъ самоотверженный поступокъ былъ первымъ добрымъ дѣломъ Сильвіи. Быть можетъ, также судьба рѣшила, что онъ будетъ и послѣднимъ.

Она слабо вздохнула, опуская письмо въ ящикъ; ей представился въ эту минуту монкгемптонскій магазинъ галантерейныхъ товаровъ и промелькнула мысль о лентахъ, которыя она могла бы купить на эти десять шиллинговъ и нѣсколько освѣжить ими простенькое кисейное платье, которое ей предстояло выгладить къ вечеру. Опрятность была единственная роскошь, которую могла позволять себѣ миссъ Керью, да и тутъ она не могла разсчитывать на чужую помощь.

Совсѣмъ тѣмъ, когда наступила половина седьмого и Сильвія вышла одѣтая, чтобы идти въ Перріамъ, то оказалось, что никакой ленты не требуется для того, чтобы рельефнѣе выставить ея красоту, главная прелесть которой заключалась въ ея идеальности. То не была дюжинная чувственная красота бездушнаго созданія, но измѣнчивая прелесть существа мыслящаго. Пытливый глазъ опытнаго физіономиста, быть можетъ, нашелъ бы въ ней отсутствіе той еще болѣе возвышенной прелести, которая сообщается благородствомъ натуры; но опытные физіономисты, къ счастію, встрѣчаются рѣдко, и всякій, кто ни глядѣлъ на Сильвію, видѣлъ, по бóльшей части, что она одарена красотой и умомъ, и считалъ, что она не можетъ не быть добра.

М-ръ Керью показался своей дочери совсѣмъ новымъ чело-

вѣкомъ въ то время, какъ они проходили по полямъ порою мимо краснаго клевера, порою мимо пшеницы, ожидавшей серпа, то мимо рощи, въ которой птицы чирикали въ темной листвѣ дуба и вяза. Онъ разговаривалъ съ удивительною веселостью, хвалилъ изящную внѣшность и манеры сэра Обри и замѣтилъ вскользь, что нѣтъ положенія въ здѣшнемъ мірѣ пріятнѣе положенія помѣщика, владѣющаго незаложеннымъ имѣніемъ; напиралъ на богатство Перріамовъ, на ихъ спокойный образъ жизни, благодаря которому капиталъ ихъ долженъ былъ рости изъ года въ годъ, подобно комку снѣга, который катится съ горы.

Сильвія слушала и вздыхала съ сожалѣніемъ, и думала о томъ дорогомъ письмѣ, которое было заперто у ней въ пюпитрѣ.

— «Я бы желала, чтобы Эдмондъ вовсе не любилъ меня», думала она, размышляя объ авторѣ письма въ то время, какъ школьный учитель говорилъ о сэрѣ Обри. «Мы оба были бы счастливѣе».

Перріамъ былъ построенъ въ долинѣ, по обычаю нашихъ дѣдовъ, искавшихъ защиты отъ рѣзкихъ вѣтровъ предпочтительнѣе передъ живописностью возвышеннаго мѣстоположенія, и никогда не строившихъ своихъ жилищъ на возвышенностяхъ иначе, какъ ради наступательныхъ или оборонительныхъ цѣлей. Вокругъ Перріамскаго за́мка раскидывались плодороднѣйшіе луга во всей мѣстности,—луга, поросшіе такими богатыми деревьями, что трудно было сказать, гдѣ собственно кончается паркъ и начинается ферма. Между тѣмъ, настоящій паркъ не былъ великъ, но заимствовалъ свое величіе отъ длинной аллеи, усаженной двойнымъ рядомъ деревьевъ, въ которой высокіе старые вязы отходили на задній планъ, оставляя впереди мѣсто для пихтъ, считавшихся красивѣйшими въ цѣлой Англіи. Величественная каменная арка съ домикомъ для привратника вела въ эту аллею.

М-ръ Керью и его дочь прошли въ Перріамъ не черезъ главный входъ. На окраинѣ парка стояла въ лощинкѣ маленькая старинная церковь, обнесенная ветхою каменною стѣной, въ разсѣлинахъ которой обильно росъ папоротникъ и къ которой вела узкая тропинка съ рогаткой; пройдя въ нее, гуляющіе вступали прямо въ паркъ. Возвышенная терраса итальянскаго сада почти приходилась въ уровень со стѣной, за которой были схоронены члены Перріамской фамиліи, покоившейся въ узкомъ склепѣ, не содержащемъ въ себѣ никого, кромѣ Перріамовъ. Такъ какъ садъ значительно возвышался надъ кладбищемъ, то сэръ Обри имѣлъ то преимущество, что могъ видѣть своихъ опочившихъ предковъ съ

возвышенія,—зрѣлище, наводившее на размышленія въ Горацієвскомъ вкусѣ: о мимолетности жизни и измѣнчивости всѣхъ вещей вообще.

Маленькая церковь, находившаяся въ числѣ службъ Перріамскаго замка, и кладбище, исключительно присвоенное для Перріамовъ, внушили Сильвіи такое сознаніе о величіи Перріамовъ, какого не могло бы внушить все золото Ротшильда. Фамильныя отличія, проистекающія отъ долгаго пребыванія въ одной и той же мѣстности, родословное древо, пустившее глубокіе корни, выросшее на извѣстной почвѣ и процвѣтающее съ незапамятныхъ временъ — этого рода знатность представляется особенно ослѣпительной для разночинцевъ. Но Сильвіи, которой ничего не было извѣстно о прошломъ ея отца, кромѣ его безчестія, знатное происхожденіе сэра Обри производило чарующее дѣйствіе, и самъ сэръ Обри, который на огородѣ казался только пожилымъ, вѣжливымъ джентльменомъ, представлялся ей теперь какимъ-то принцемъ.

Школьный учитель и его дочь перешли черезъ лужайку и вступили въ аллею въ какихъ-нибудь ста ярдахъ отъ дома. Сильвія доселѣ еще не видывала вблизи этого величественнаго зданія. До сихъ поръ она видала его издали, величественнымъ и мрачнымъ, возвышавшимся поодаль отъ вязовъ и буковъ парка, кедровъ и кленовъ луга, на площадкѣ, частію усыпанной пескомъ, частію выложенной дерномъ и разбитой въ итальянскомъ вкусѣ, съ Фавномъ и Дріадой, Паномъ и Сиреной, осклаблявшихся на своихъ пьедесталахъ по угламъ дорожекъ.

Входная дверь была открыта, но м-ръ Керью изъ церемонности позвонилъ, и его звонъ былъ настолько оглушителенъ, что могъ бы пробудить сонное царство спящей царевны. Не успѣлъ онъ позвонить, какъ увидѣлъ джентльмена, проходившаго по сѣнямъ въ костюмѣ нѣсколько старомоднаго покроя.

— Здравствуйте, сэръ Обри, сказалъ онъ. Какъ видите, мы аккуратны.

Сильвія дернула отца за рукавъ.

— Какъ вы недогадливы, шептала она, между тѣмъ какъ джентльменъ стоялъ, улыбаясь механически и съ смущеннымъ видомъ.

Быстрый женскій глазъ сразу замѣтилъ разницу въ костюмѣ и осанкѣ двухъ братьевъ. Лицомъ они были настолько похожи другъ на друга, что въ полумракѣ, царствовавшемъ въ сѣняхъ, школьный учитель легко могъ принять одного брата за другого.

— Извините, пробормоталъ Мордредъ Перріамъ: вы прини-

маете меня за брата. Говорятъ, что мы очень похожи между собой. Войдите, прошу васъ. Сэръ Обри васъ ждетъ.

Въ этотъ моментъ сэръ Обри отворилъ дверь столовой и поздоровался съ гостями. Да, между обоими братьями существовала большая разница, но она заключалась главнымъ образомъ въ костюмѣ и осанкѣ. Старшій братъ такъ тщательно одѣвался и такъ заботился о своей наружности, какъ какой-нибудь французскій маркизъ прошедшаго столѣтія, между тѣмъ какъ смятые воротнички рубашки Мордреда Перріама, каленкоровое жабо, потертая черная ленточка *pince-nez*, нанковый жилетъ, сюртукъ шеколаднаго цвѣта, небрежно остриженные волосы и щетинистые брови говорили о равнодушіи буквоѣда къ требованіямъ моды и къ своей наружности. Даже самый сюртукъ шеколаднаго цвѣта былъ надѣтъ изъ уваженія къ брату. М-ръ Перріамъ былъ всего счастливѣе, когда облекался въ халатъ, ставшій для него дорогимъ отъ долгаго употребленія.

— Какъ вы поживаете? закричалъ сэръ Обри. Какъ вы добры, что пожаловали. Мой братъ, м-ръ Перріамъ,—миссъ Керью, м-ръ Керью,—м-ръ Перріамъ. Не напиться ли намъ чаю, прежде чѣмъ пустимся осматривать сады? Быть можетъ, такъ будетъ лучше. Миссъ Керью слѣдуетъ освѣжиться послѣ прогулки, а дамы вообще любятъ чай. Сады мы успѣемъ осмотрѣть и послѣ чаю. Вы не увидите у меня никакихъ чудесъ садоводства. Я предоставляю вырощать рѣдкія растенія сумасшедшимъ старымъ барынямъ, которымъ некуда дѣвать своихъ денегъ. Перріамъ остался бы все тѣмъ же Перріамомъ, еслибы я растратилъ цѣлое состояніе на орхидеи.

М-ръ Керью пробормоталъ, что согласенъ съ мнѣніемъ сэра Обри, которое, повидимому, не допускало возраженій, и сэръ Обри повелъ гостей въ салонъ, гдѣ ихъ ждалъ чайный приборъ на овальномъ столѣ, въ полукруглой нишѣ или альковѣ въ концѣ комнаты. Фарфоръ былъ индійскій, а серебряные поднось и самоваръ служили образцами той знаменитой эпохи, которая до сихъ поръ высоко цѣнится знатоками ювелирнаго искусства. Нѣсколько сухихъ бисквитовъ въ серебряной корзинкѣ и блюдо съ ранними сливами, снятыми со шпалеръ, обращенныхъ на югъ, составляли довольно скудное угощеніе; но школьный учитель явился въ Перріамъ не за тѣмъ, чтобы ѣсть и пить, и потягивалъ чай изъ фарфоровой чашки, пунцовой съ золотомъ, съ крайнимъ удовольствіемъ. Баронетъ усадилъ Сильвію за столъ съ церемонной просьбой разлить чай.

— Когда мы одни съ братомъ, то я самъ наливаю чай, ска-

залъ онъ: но гораздо естественнѣе и пріятнѣе, чтобы этимъ занималась леди.

Сильвія улыбнулась. Она испытывала почти дѣтское удовольствіе, распоряжаясь этими великолѣпными чашками, этимъ стариннымъ чайникомъ и любопытнымъ античнымъ самоваромъ на четырехъ высокихъ и тонкихъ ножкахъ. Никогда еще, до настоящаго вечера, она не разливала чай изъ серебрянаго чайника; никогда еще до сегодняшняго вечера не притрогивалась къ такому дорогому фарфору. Къ тому же всѣ эти вещи отличались своеобразной прелестью, которая ставила ихъ гораздо выше дюжиннаго великолѣпія тѣхъ вещей, которыя украшали выставки на окнахъ магазиновъ въ Монкгемптонѣ. У нихъ была двойная прелесть— древности и рѣдкости.

Они не торопились кончать эту скромную трапезу, а между тѣмъ сумерки сгущались надъ лугомъ, осѣненномъ кедрами; дворецкій никогда не спѣшившій вносить лампы и свѣчи, оставлялъ наслаждаться сумерками. Сэръ Обри не торопился разсѣять чары, тяготѣвшія надъ нимъ. Онъ сидѣлъ возлѣ Сильвіи, наблюдая за ея бѣлыми ручками, которыя ловко и граціозно перебирали чайный приборъ. Почему бы ей не наливать всегда чай, если она того пожелаетъ. Кто смѣетъ требовать отчета въ его дѣйствіяхъ. Онъ былъ полнымъ господиномъ своей жизни и своихъ поступковъ. Только судьба могла помѣшать ему устроить свое счастіе на собственный ладъ.

Размышляя объ этомъ, сэръ Обри хранилъ глубокое молчаніе, которое не рѣшался нарушить никто изъ членовъ этого маленькаго собранія. Они чувствовали себя его вассалами, даже самъ Мордредъ; и если властелинъ молчалъ, то кто изъ приближенныхъ осмѣлится говорить? Къ тому же эта тишина шла къ лѣтнимъ сумеркамъ и величественному мраку просторной комнаты.

Быстрые глаза Сильвіи вглядывались въ окружающее, не взирая на сумерки. Да, эта комната была такъ велика, какъ гедингемская церковь. Высокій потолокъ, рѣзной карнизъ производили на нее впечатлѣніе невыразимаго величія. Ей припоминалась пріемная школьнаго дома съ ея низкимъ потолкомъ, который поддерживался тяжелой оштукатуренной балкой, и въ ней два заржавленныхъ желѣзныхъ крюка, вырвать которые не нашлось, повидимому, достаточно сильной руки, указывали на то мѣсто, гдѣ прежнія, грубѣйшія поколѣнія имѣли обыкновеніе вѣшать свое сало, прокопченное на домашнемъ очагѣ. Какой контрастъ между этими двумя комнатами! Здѣсь коверъ былъ такъ мягокъ, какъ дернъ на лугу приходскаго дома, такъ толстъ, что заглу-

шалъ всѣ шаги, даже самые тяжелые. Громадная комната, свободная отъ картинъ, зеркалъ и всякаго рода мишуры представлялась почти грозной въ полумракѣ. Египетскій храмъ не могъ быть величественнѣе.

— Идемъ, сказалъ Обри, пробуждаясь отъ задумчивости. Хотя теперь уже недостаточно свѣтло, чтобы можно было хорошо осматривать сады; но вы должны пріѣхать въ другой разъ и снова осмотрѣть ихъ. Да, продолжалъ онъ, съ отчаянной смѣлостью, вы должны пріѣхать и отобѣдать съ нами какъ-нибудь на будущей недѣлѣ.

Сэръ Обри замѣтилъ, не взирая на сумракъ, что у его брата вырвалось движеніе удивленія. Движеніе это было весьма незначительное и совсѣмъ невольное; его можно было сравнить съ тѣмъ движеніемъ, которое вырывается у нѣкоторыхъ людей, когда сверкнетъ молнія,—но сэръ Обри понялъ его смыслъ. Онъ зналъ, что большая разница заключается въ томъ, чтобы пригласить школьнаго учителя и его дочь на чай, съ покровительственнымъ видомъ, приличнымъ владѣльцу зáмка, и пригласить ихъ на обѣдъ, какъ будто родныхъ.

— Что скажетъ общество? подумалъ Мордредъ въ безмолвномъ ужасѣ.

Самъ онъ видалъ очень мало людей, и въ своемъ уединеніи весьма мало заботился о томъ, чтó о немъ думаетъ общество. Но у него было весьма опредѣленное понятіе на счетъ того, что братъ его обязанъ уважать людское мнѣніе, и при выборѣ жены,—еслибы только ему вообще вздумалось жениться,—согласоваться съ тѣмъ, чего отъ него ожидало общество. Сэръ Обри былъ нѣкогда помолвленъ на дочери герцога, и общество врядъ ли простить ему неравный бракъ.

Но сэръ Обри порѣшилъ съ мнѣніемъ общества, къ которому вдругъ сталъ относиться равнодушно.

— «Въ сущности человѣку слѣдуетъ жить въ свое собственное удовольствіе», думалось ему. «Неужели же я изберу какую-нибудь кислую дѣву ради герба ея батюшки? Въ мои годы человѣкъ обязанъ пользоваться жизнью».

Они пошли въ садъ, такъ какъ это входило въ программу, и потому должно было быть приведено въ исполненіе. Здѣсь, въ прохладныхъ сумеркахъ, сэръ Обри провелъ своихъ посѣтителей по прямымъ дорожкамъ итальянскаго сада, къ той обширной террассѣ, съ высоты которой они увидѣли перріамскую церковь, пріютившуюся въ зеленой лощинѣ и могилы Перріамовъ, сѣрѣвшія на темно-зеленомъ фонѣ деревьевъ. Отъ этой полускры-

той отъ глазъ маленькой церкви и кладбища вѣяло такимъ миромъ и тишиной. Здѣсь самая смерть представлялась мирной дремотой; ни городской шумъ, ни свистъ паровоза не могъ потревожить тихаго покоя!

М-ръ Керью невольно цитировалъ Горація. М-ръ Перріамъ, обрадовавшись удобному случаю, завелъ длинный разсказъ о венеціанскомъ изданіи Горація, которое онъ пріобрѣлъ отъ одного книгопродавца въ Гласго и считалъ необыкновенно выгоднымъ пріобрѣтеніемъ, такъ какъ въ немъ недоставало всего одного тома. Увлекшись разсказомъ, м-ръ Перріамъ взялъ школьнаго учителя подъ руку и началъ прохаживаться съ нимъ взадъ и впередъ по террассѣ; не подозрѣвая въ невинности души той бѣды, которую накликалъ такимъ поведеніемъ, онъ оставилъ сэра Обри и Сильвію наединѣ другъ съ другомъ.

Звѣзды сверкали на ясномъ лѣтнемъ небѣ, и лицо дѣвушки при этомъ серебристомъ освѣщеніи казалось божественно прекраснымъ, потому что всѣ прекрасныя вещи кажутся еще прекраснѣе при свѣтѣ луны и звѣздъ. То было лицо одной изъ юныхъ мадоннъ Рафаэля, ясно-задумчивое, съ сосредоточенной улыбкой на раздвинутыхъ губахъ; казалось, что эти глубокіе, темные глаза видѣли нѣчто другое, а не окружающій ландшафтъ, какую-то иную прекрасную картину, открывавшуюся передъ ея духовными очами. Сэръ Обри созерцалъ лицо дѣвушки въ безмолвномъ восхищеніи, въ то время, какъ она стояла прислонясь къ вазѣ, возвышавшейся въ углу балюстрады. Развѣ могла такая красавица не быть доброй? спрашивалъ онъ себя, почти не сомнѣваясь въ отвѣтѣ. Ему казалось, что такое физическое совершенство необходимо связано съ душевной красотой.

И въ самомъ дѣлѣ, возможно, что въ душѣ, обитавшей въ этомъ очаровательномъ тѣлѣ, существовали нѣкогда всѣ задатки доброты, которые нуждались лишь въ развитіи. Иныя натуры развиваются сами собой, какъ вонъ тотъ кедръ, напримѣръ; другія же—паразитныя растенія, требуютъ заботливаго ухода со стороны садовника.

А. Э.

НАШИ
НЕОТВЕРЖДЕННЫЕ ДОЛГИ

Общественное вниманіе снова возвратилось въ послѣднее время къ вопросамъ, касающимся нашего денежнаго обращенія. И это, конечно, совершенно естественно. Нашъ государственный бюджетъ и государственный кредитъ сдѣлали въ послѣднее время значительные успѣхи. Страна скоро покрылась большою желѣзно-дорожною сѣтью, успѣшно вліяющею на производительныя силы. Такая же большая сѣть банковыхъ установленій (числомъ свыше 700) распространяетъ полезную силу кредита на всѣ слои населенія. Ассоціаціонное начало получило также обширное примѣненіе. Что же удивительнаго, если послѣ нѣсколькихъ лѣтъ несомнѣннаго экономическаго прогресса, общественное вниманіе стало озабочиваться и такою стороною нашей экономической жизни, которая во всѣ эти годы или оставалась совершенно внѣ прогресса, или только страдательно могла на себѣ *отражать* одни чужіе успѣхи? Если равновѣсіе въ нашемъ бюджетѣ возстановлено,—если для своихъ надобностей правительству уже не приходится обращаться къ займамъ, — если мы даже могли видѣть сокращеніе нашего государственнаго долга и процентовъ, по долгу уплачиваемыхъ,—то развѣ не самъ собою навязывается общественному сознанію фактъ отсутствія у насъ нормальной денежной системы? Нельзя же думать, чтобъ общественное мнѣніе могло примириться съ мыслью, будто нормальная денежная система — для насъ лишняя вещь. Во всякомъ случаѣ, она по крайней мѣрѣ столь же важна, сколько желѣзныя дороги, банки и т. д.

Историческій опытъ съ своей стороны тоже свидѣтельствуетъ, что всегда финансовое управленіе, добившееся возстановленія равно-

вѣсія въ бюджетѣ, если ему дорого было развитіе страны, не успокоивалось на этомъ результатѣ. Для всякаго финансоваго управленія въ подобномъ случаѣ возникалъ вопросъ или объ усовершенствованіи податной системы, или объ уменьшеніи тягостей отъ того бремени, которое для народнаго хозяйства представляютъ государственные долги.

Наше народное хозяйство одинаково нуждается какъ въ податной реформѣ, такъ и въ бумажно-денежной. Конечно, очень трудно опредѣлить, какая изъ этихъ двухъ реформъ болѣе важна. Но съ точки зрѣнія строго-финансовой намъ кажется, что на первомъ планѣ стоятъ тѣ требованія, которыя предъявляются *неотвержденными* государственными долгами.

Недостатковъ у нашей податной системы очень много. Она тягостна своею неравномѣрностью для населенія. Она неудобна для финансоваго управленія своею крайнею напряженностью. Она врядъ ли не достигла уже крайнихъ предѣловъ способности удовлетворять своему назначенію. Но *пока* она все-таки еще удовлетворяетъ требованіямъ, предъявляемымъ къ ней финансовымъ управленіемъ. Она даетъ требуемыя отъ нея средства и даетъ ихъ въ достаточной мѣрѣ. Она не порождаетъ государственнаго дефицита.

Но неотвержденные долги именно такой дефицитъ только и представляютъ,—дефицитъ, который *временно* лишь покрытъ, который ожидаетъ, чтобъ съ нимъ покончили счеты, и тягость котораго не распредѣлена долями между финансовыми періодами, принужденными выносить его *во всей его цѣлости*.

Только установленіемъ порядка въ неотвержденныхъ долгахъ окончательно устраняются тѣ ненормальныя вліянія, которыя оказываются дефицитами на государственномъ хозяйствѣ. Поэтому, если правительство нѣсколько лѣтъ сосредоточивало свои заботы на устраненіи дефицитовъ, то финансовая послѣдовательность отъ него требуетъ, чтобъ оно довело свое дѣло до его настоящаго конца. Вотъ почему мы полагаемъ, что надлежащій моментъ, когда правительство можетъ сосредоточить всѣ свои заботы на радикальной податной реформѣ, настанетъ лишь тогда, когда оно совершенно устроитъ систему своихъ неотвержденныхъ долговъ.

Наши неотвержденные долги составляютъ сумму свыше 900 милл. руб. Они состоятъ изъ 566 милл. безпроцентнаго долга по кредитнымъ билетамъ, изъ 216 милліоновъ по билетамъ казначейства (серіямъ) и изъ 120 милл. долга казначейства государственному банку по ликвидаціи старыхъ кредитныхъ установленій. Изъ означенныхъ 900 милл., около 400 милл. унаслѣдованы отъ предъидущаго царствованія и 500 милл. возникли въ нынѣшнее царствованіе. Почти двѣ трети

всего нашего неотвержденнаго долга приходятся на кредитные билеты, а послѣдняя треть—на серіи и долгъ ликвидаціи.

Несомнѣнно, что регулированіе колоссальнаго долга въ 900 мил. рублей—задача нелегкая. Но, къ счастію, эта задача слагается изъ нѣсколькихъ частей, достаточно разнородныхъ, чтобъ допустить постепенность въ ея разрѣшеніи.

Тѣсная связь, соединяющая различныя части нашего неотвержденнаго долга, не принадлежитъ къ числу наиболѣе извѣстныхъ явленій нашей финансовой жизни. Тѣмъ не менѣе она весьма осязательная.

Что касается серій, то ихъ значеніе для нашего неотвержденнаго долга обусловливается, главнымъ образомъ, двумя причинами. Уже съ самаго ихъ учрежденія въ нихъ введено было противорѣчіе: онѣ сразу и *срочный* долгъ, который правительство обязывается погасить лишь чрезъ восемь лѣтъ по ихъ выпускѣ, и *безсрочный* долгъ, который правительство обязалось погасить во всякое данное время, принимая ихъ постоянно въ платежи. Срочность билетовъ казначейства, такимъ образомъ, фиктивная. На самомъ дѣлѣ серіи представляютъ нѣчто въ родѣ вклада на текущій счетъ, дѣлаемаго владѣльцемъ серій въ государственномъ казначействѣ. По этому текущему счету казначейство уплачиваетъ $4^{1}/_{2}\%$. Сколько дѣйствительно поступаетъ серій въ казначейство платежами, мы точно не знаемъ. Изъ отчета государственнаго контроля за 1872 годъ (Прилож., стр. 76) видно, что казначейство выручило отъ продажи поступившихъ въ платежи серій около 7 милл. руб.; а изъ „Ежегодника министерства финансовъ“ (IV, 176) мы узнаемъ, что къ 1-му января 1873 года въ кассахъ казначейства имѣлось серій свыше 345,000 билетовъ, т.-е. на $17^{1}/_{4}$ милл. рублей. Замѣтимъ, что эти $17^{1}/_{4}$ милл. составляютъ около трети (32%) кассы министерства финансовъ, имѣвшейся въ Россіи къ 1-му января 1873 г. въ размѣрѣ 53 милл. рублей средствами, поступившими въ платежи государственному казначейству. Врядъ ли казначейству выгодно имѣть одну треть своей кассы въ собственныхъ обязательствахъ. На всю свою сумму серіи, находящіяся въ кассѣ казначейства, дѣлаютъ ее фиктивною. А между тѣмъ ихъ назначеніе прямо противоположнаго свойства. И это намъ открываетъ другую причину, по которой серіи имѣютъ важное значеніе для регулированія нашего неотвержденнаго долга. Онѣ служатъ такой надобности, которая совсѣмъ не ими должна удовлетворяться. Напротивъ, та именно надобность, которой по своему назначенію неотвержденный долгъ долженъ удовлетворять (временное доставленіе оборотнаго капитала государственному казначейству) удовлетворяется

не серіями, а государственнымъ банкомъ изъ его текущихъ счетовъ и иныхъ вкладовъ, а также изъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ.

По первоначальной мысли творца серій, графа Канкрина, онѣ должны были *„во всѣхъ случаяхъ* представлять не что иное, какъ способъ ускореннаго полученія государственныхъ доходовъ". На самомъ дѣлѣ, однако, серіи представляли такой способъ далеко не „во всѣхъ случаяхъ". Совершенно напротивъ: онѣ выпускались для покрытія дефицитовъ. Во всей своей массѣ онѣ и по настоящее время совсѣмъ не служатъ „способомъ ускореннаго полученія государственныхъ доходовъ." Такимъ способомъ служатъ, какъ сказано, позаимствованія у государственнаго банка. Но серіи своимъ существованіемъ сильно затрудняютъ именно эти позаимствованія. Ибо чрезъ посредство серій казначейство само себѣ дѣлаетъ вредную конкурренцію. Владѣльцамъ свободныхъ средствъ казначейство разъ предлагаетъ чрезъ государственный банкъ три процента по текущимъ счетамъ у него, и другой разъ 4½% чрезъ посредство серій. Еслибъ свободныя средства не привлекались серіями, онѣ шли бы въ банки, а слѣдовательно и въ государственный.

Государственное казначейство не можетъ обойтись безъ какого-либо способа „для ускореннаго полученія доходовъ". И балансы государственнаго банка, и отчеты государственнаго контроля это доказываютъ весьма краснорѣчивыми цифрами. Но въ настоящее время у казначейства отрѣзанъ путь къ самому нормальному изъ способовъ для ускореннаго поступленія государственныхъ доходовъ, именно оттого, что нашъ неотвержденный долгъ нерегулированъ сообразно требованіямъ текущей жизни, опыта практическаго и науки.

Независимо отъ всего этого, серіи представляютъ еще препятствіе, преграждающее путь всякой попыткѣ къ преобразованію нашей денежной системы. Громадный безпроцентный долгъ правительства по кредитнымъ билетамъ уже одною своею величиною дѣлаетъ невозможными такія мѣры, которыя разомъ съ нимъ покончили бы счеты. Но плодотворность постепенныхъ мѣръ къ сокращенію бумажно-денежнаго долга всегда должна парализоваться серіями. Ибо послѣднія представляютъ источникъ, изъ котораго всегда можетъ наполняться пустота, еслибъ таковая образовалась отъ мѣръ для сжатія бумажно-денежнаго обращенія.

Еще менѣе серіи оставляютъ простора въ томъ случаѣ, когда преобразованіе бумажно-денежной системы предполагается съ оставленіемъ на первыхъ порахъ извѣстной части долга непокрытою (découvert). На всю сумму серій эта часть долга, оставляемая непокрытою, должна быть уменьшена, или, иными словами, настолько же задача возстановленія валюты затрудняется.

Значеніе другой составной части нашего неотвержденнаго долга, долга ликвидаціи, выступаетъ не менѣе явственно, когда возникаетъ рѣчь о регулированіи. Долгъ ликвидаціи представляетъ сумму около 120 милл. рублей, изъ коихъ однако, кажется, не всѣ должны быть поставлены въ счетъ старымъ кредитнымъ установленіямъ. Мы высказываемъ это нерѣшительно въ виду отсутствія достаточно полныхъ и ясныхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ. Но изъ балансовъ государственнаго банка за 1867 годъ можно заключить, что около 30 милл. изъ долга ликвидаціи должны быть отнесены на счетъ расходовъ банка за счетъ казначейства до того года (изъ этихъ 30 милл. свыше 20 милл. за прекращенную тогда заграничную вексельную операцію [1]). Какъ бы то ни было, но 120 милл. представляютъ сумму, которую казначейство имѣетъ въ своемъ распоряженіи, только благодаря давленію, производимому для этого на нашъ денежный рынокъ государственнымъ банкомъ. Эту сумму государственный банкъ позаимствовалъ изъ средствъ, полученныхъ имъ съ денежнаго рынка, и когда послѣдній усиливаетъ свои обратныя требованія, государственный банкъ можетъ выручать себя только новыми выпусками кредитныхъ билетовъ.

Вслѣдствіе долга ликвидаціи, государственный банкъ имѣетъ двѣ-трети своихъ активовъ въ иммобилизированномъ видѣ. Дѣйствія государственнаго банка оттого въ самой значительной своей долѣ почти совершенно парализованы. Его доходность понижена до наименьшаго уровня. Его услуги государственному казначейству для антиципаціи текущихъ доходовъ поставлены въ ненормальныя условія. Ибо и для этой антиципаціи государственный банкъ лишенъ средствъ. Въ самой большой долѣ, поэтому, государственный банкъ можетъ оказать и свое содѣйствіе при антиципаціи только при помощи выпусковъ „свѣжихъ" кредитныхъ билетовъ.

Само собою разумѣется, что нашему денежному рынку не особенно легко выносить особую тяжесть, ложащуюся на него оттого, что государственному банку во всякое данное время нужны 120 милл. для ликвидаціи, независимо отъ тѣхъ средствъ, которыя ему нужны для временныхъ воспособленій торговлѣ и промышленности, а равно казначейству. Ликвидація конкуррируетъ на денежномъ рынкѣ съ торгово-промышленнымъ міромъ и съ казначействомъ, и только затрудняетъ удовлетвореніе ихъ совершенно законныхъ нуждъ.

Нужно ли доказывать, что такая роль ликвидаціи на нашемъ де-

---

[1]) Срав. въ особенности балансы отъ 25-го сентября и 2-го октября 1867 года въ нашей „Статистикѣ русскихъ банковъ". I, 220—221 и 228—229.

нежномъ рынкѣ представляетъ явленіе, ненормальное во всѣхъ отношеніяхъ?

А между тѣмъ эта роль мѣшаетъ не только текущимъ нуждамъ торгово-промышленнаго міра и казначейства, она парализуетъ и всякую попытку правительства обратиться къ денежному рынку помимо текущихъ нуждъ. Напомнимъ здѣсь только фактъ затруднительности, сопровождавшій консолидацію части кредитныхъ билетовъ, которые были употреблены на покупку драгоцѣнныхъ металловъ для усиленія размѣннаго фонда. Эта затруднительность была причиною, по которой пришлось оставить единственно-безвредный путь усиленія размѣннаго фонда и пойти по болѣе скользкому пути выпусковъ, предоставленныхъ собственной судьбѣ.

Государственный банкъ долженъ напряженно на себѣ чувствовать всякую попытку правительства отвлечь отъ денежнаго рынка какую-либо сумму свободныхъ средствъ. Онъ прежде всѣхъ страдаетъ отъ всякаго усиленнаго спроса на денежномъ рынкѣ. Мѣры, къ которымъ онъ принужденъ прибѣгать, парализуютъ, если не совершенно, то въ самой значительной долѣ, возможность изъять изъ обращенія какую-либо часть кредитныхъ билетовъ. Какъ только усиливается спросъ на деньги, этотъ спросъ долженъ сказаться на кассѣ государственнаго банка. А въ этой кассѣ двѣ трети активовъ неудобореализуемы. Онъ не можетъ оказывать сильнаго противодѣйствія давленію, на него производимому извнѣ. Ибо главное средство для этого—реализація активовъ и возвышеніе дисконта—находится невполнѣ въ его власти.

Понятно, что при подобныхъ условіяхъ правительству невозможно ни съ какого конца взяться за дѣло регулированія неотвержденнаго долга, чтобы оно само не почувствовало немедленно, что на всѣхъ остальныхъ концахъ происходятъ явленія, совершенно парализующія благія намѣренія.

Такое состояніе всего нашего неотвержденнаго долга имѣетъ особенно существенное значеніе для возстановленія порядка въ нашемъ денежномъ обращеніи.

При тѣсной связи, соединяющей различныя части нашего неотвержденнаго долга, всякія попытки возстановить правильную денежную систему въ странѣ должны потерпѣть неизбѣжное крушеніе, если для нихъ напередъ не будетъ подготовлена прочная почва цѣлымъ рядомъ предварительныхъ мѣръ.

Въ послѣднія шесть лѣтъ, государственный банкъ сосредоточилъ свои заботы на одной такой мѣрѣ, на усиленіи размѣннаго фонда покупкою драгоцѣнныхъ металловъ за спеціально-выпускаемые для того кредитные билеты.

Покупки драгоцѣнныхъ металловъ государственнымъ банкомъ вызвали о себѣ въ недавнее время очень противоположныя сужденія. Одними покупки совершенно осуждались, другіе ихъ превозносили. Одни находили ихъ вредными, другіе приписывали имъ благотворныя послѣдствія. Но, къ сожалѣнію, не было такой оцѣнки ихъ, которая основывалась бы на изученіи дѣйствительныхъ фактовъ, а не вращалась въ области гадательныхъ и произвольныхъ умозаключеній. А между тѣмъ 6½ лѣтъ представляютъ періодъ, достаточно продолжительный, чтобы о финансовой операціи, въ теченіи его производившейся, уже стало возможно сужденіе не на основаніи догадокъ, а на основаніи фактовъ.

Главнымъ образомъ, операція усиленія размѣннаго фонда возбуждала споръ двумя своими сторонами: своимъ соотношеніемъ съ вексельными курсами и соотношеніемъ съ цѣнами товаровъ и услугъ. Такъ какъ операція покупокъ драгоцѣнныхъ металловъ связана была съ выпусками кредитныхъ билетовъ, то ея противники приписывали ей стремленіе вызывать и усиливать дороговизну. Защитники ея, напротивъ, указывали на вексельные курсы, какъ на доказательство, что усиленіе размѣннаго фонда вызвало одни только благотворныя послѣдствія: возвышеніе и прочность цѣнности кредитныхъ билетовъ. Публика отъ этого спора могла только приходить въ недоумѣніе. Ибо весьма простое соображеніе показывало, что если за 100 рублей кредитными билетами можно получить золота и серебра (или все равно, иностранныхъ векселей) на 85 рублей, то очевидно, что раньше или позже это должно повліять на возможность получать и всякихъ иныхъ товаровъ по крайней мѣрѣ на 85 рублей металлическихъ. Ибо если русскіе товары вздорожаютъ сильнѣе, чѣмъ въ пропорціи 15 на сто, то выгоднѣе станетъ покупать товары иностранные. Привозъ усилится и заграничная конкурренція понизитъ товарныя цѣны на внутреннихъ рынкахъ до того уровня, у котораго цѣнность кредитныхъ билетовъ, выраженная въ товарахъ, сравняется съ цѣнностью кредитныхъ билетовъ, выражаемою вексельнымъ курсомъ. Другими словами, простое соображеніе показывало, что если вексельные курсы и товарныя цѣны могутъ расходиться въ своихъ показаніяхъ, какъ велика цѣнность кредитныхъ билетовъ, то расходиться они могутъ только временно. Раньше или позже должно наступить уравненіе обоего рода показаній. Но кредитные билеты у насъ обращаются не со вчерашняго дня. Они имѣли уже достаточно времени, чтобы между различными показаніями объ ихъ цѣнности установилось единогласіе. Какимъ же образомъ объ этомъ возможенъ былъ споръ?

Отвѣтъ очень простъ. Съ одной стороны, справки у фактовъ о

вексельномъ курсѣ дѣлались ненадлежащимъ образомъ. Съ другой—при толкованіи фактовъ опускались нѣкоторые изъ нихъ, весьма существенные.

Констатируемъ прежде всего факты. Въ исторіи нашего вексельнаго курса рѣзко должно различать два періода. Во-первыхъ, *пятилѣтіе* 1858—1862 года, и во-вторыхъ, *десятилѣтіе* 1864—1873 годовъ [1]). Въ первое пятилѣтіе средній трехмѣсячный курсъ на Лондонъ былъ 35 пенсовъ за рубль; во второе десятилѣтіе средній курсъ былъ 32 пенса. Это значитъ, что дизажіо кредитныхъ билетовъ, простиравшееся въ 1858—1862 гг. только до 9%, въ послѣднее десятилѣтіе больше чѣмъ удвоилось, простираясь свыше 19%.

Слѣдовательно, именно тотъ, кто придаетъ значеніе вліянію вексельнаго курса на цѣнность кредитныхъ билетовъ въ ихъ покупной силѣ на товарныхъ рынкахъ внутри страны, долженъ признать слѣдующее. *Если* до 1862 года депрессіація кредитныхъ билетовъ должна была отразиться на цѣнахъ товаровъ, порождая дороговизну, то она *съ удвоенною силою* должна была стремиться къ тому же послѣдствію въ послѣднее десятилѣтіе.

Въ этомъ взглядѣ насъ еще болѣе убѣждаетъ подробное разсмотрѣніе движенія вексельныхъ курсовъ въ десятилѣтіе 1864—1873 годовъ. Если мы разобьемъ это десятилѣтіе на три періода, изъ двухъ четырехлѣтій и одного двухлѣтія, то окажется, что въ 1864—1867 годахъ средній вексельный курсъ былъ $31^{17}/_{32}$, въ 1868—1871 годахъ онъ былъ—$31^{17}/_{64}$, наконецъ, въ 1872—1873 годахъ—$32^{19}/_{32}$. То-есть, въ теченіи *восьми* лѣтъ изъ десяти, протекшихъ до текущаго года, дизажіо стояло на высотѣ 21%, и только въ послѣдніе два года оно понизилось до 17%. Если первые четыре года десятилѣтія 1864—1873 представляютъ еще недостаточно продолжительный періодъ, чтобы въ теченіи его могла проявить свое вліяніе вдвое усилившаяся депрессіація, то въ слѣдующіе четыре года послѣдовалъ періодъ, совершенно благопріятствовавшій стремленіямъ депрессіаціи къ увеличенію дороговизны въ странѣ.

Вліяніе, которое государственный банкъ въ состояніи былъ оказывать на нашъ вексельный курсъ, обусловливается природою его операціи покупки золота и серебра за выпускаемые для того кредитные билеты.

Государственный банкъ покупалъ приносимое ему золото [2]) по

---

[1]) Мы устранили изъ разсмотрѣнія 1863 годъ, котораго средній вексельный курсъ ($36^{13}/_{32}$ п.) былъ результатомъ спеціальныхъ мѣропріятій; но 1862 годъ мы оставили, потому что на его средній курсъ означенныя мѣропріятія имѣли еще мало вліянія.

[2]) Съ 21-го января текущаго года государственный банкъ покупаетъ золото и серебро по пониженнымъ цѣнамъ (золото по 4 р. 18 к. за золотникъ).

4 р. 27 к. за чистый золотникъ. Такого чистаго золота въ англійской унціи золота, обыкновенно продаваемаго на рынкѣ, заключается $6^2/_3$ золотника. Рыночная цѣна унціи золота обыкновенно очень мало колеблется между 67 шилл. 9 пенс., 67 ш. 10 п. и 67 ш. $10^1/_2$ п. Слѣдовательно, объявленіе государственнаго банка означало, что онъ платитъ за 67 ш. 10 п. (беремъ среднюю цѣну) 4 р. 27 к.$\times 6^2/_3$, или 28 руб. 48 коп. Другими словами, это значитъ, что государственный банкъ давалъ кредитный рубль всякому, кто ему приносилъ чистаго золота на $32^3/_4$ пенса. Понятно въ такомъ случаѣ, что никто уже не могъ требовать, чтобы за кредитный рубль ему дали больше, чѣмъ $32^3/_4$ п. Ниже 16% [1]) дизажіо на кредитные билеты оттого опуститься не могло. Какъ бы ни развивались производительныя силы нашего народнаго хозяйства, какъ бы ихъ прогрессивные успѣхи ни содѣйствовали возвышенію цѣнности кредитныхъ билетовъ, какъ бы ни увеличивался нашъ отпускъ, какія бы чудеса ни производили наши желѣзныя дороги, банки, акціонерная и личная предпріимчивость,— все это должно было останавливаться предъ цифрою дизажіо въ 16%. Столкнувшись съ этою цифрою, всѣ наши успѣхи должны были потерпѣть крушеніе.

Наши иностранные векселя на Лондонъ—трехмѣсячные, то-есть, по нимъ можно получить наличное золото только черезъ три мѣсяца. Немедленно они даютъ золото лишь тогда, когда они подвергаются досрочному учету. Слѣдовательно, обыкновенный нашъ иностранный вексель на Лондонъ имѣетъ бо́льшій предѣлъ для возвышенія своей цѣны, вслѣдствіе прибавленія соотвѣтствующихъ ему трехмѣсячныхъ процентовъ и расходовъ на пересылку золота изъ Лондона въ Петербургъ. Эти добавочные расходы, смотря по высотѣ дисконта въ Лондонѣ, могутъ доходить до $1^1/_2$% или 2%. При нормальномъ состояніи дисконта въ Лондонѣ нашъ *трехмѣсячный* вексельный курсъ не могъ подняться выше $33^1/_4$.

Несомнѣнно, конечно, что установленіемъ твердаго предѣла въ $16^1/_2$%, ниже котораго дизажіо не могло опускаться, государственный банкъ устранилъ возможность всѣхъ только тѣхъ колебаній, которыя заключены въ предѣлахъ между нулемъ и $16^1/_2$. Но начиная отъ $16^1/_2$, государственный банкъ представлялъ дизажіо полную возможность колебаться хотя бы до безконечности.

Каждый разъ, когда колебанія курса влекли дизажіо выше $16^1/_2$%, государственный банкъ бывалъ и остается совершенно безсиленъ имъ противодѣйствовать. Вотъ почему не отъ него зависѣло и зави-

---

[1]) На такой высотѣ стоитъ дизажіо кредитныхъ билетовъ, когда за рубль можно получить лишь $32^3/_4$ пенса.

сить, какъ далеко возвышается дизажіо отъ ухудшенія вексельнаго курса. Заходить ли дизажіо до 30% или до 40%, государственный банкъ одинаково пассивно только могъ и можетъ относиться къ этому факту.

Говорятъ, что госуд. банкъ мѣшалъ слишкомъ сильному пониженію вексельнаго курса именно оттого, что онъ мѣшалъ вексельному курсу слишкомъ высоко подниматься. Но государственный банкъ препятствовалъ вексельному курсу только тогда, когда онъ стремился перейти чрезъ 33¼. До того однако, какъ курсъ успѣлъ достигнуть этой высоты, онъ могъ въ одно время стоять на 33, въ другое на 30. Слѣдовательно, если даже допустить примѣненіе физическаго закона, что сила паденія зависитъ отъ высоты, то госуд. банкъ не могъ мѣшать вексельному курсу упасть глубже съ высоты 33, чѣмъ съ высоты 30. Старательно просматривая статистическія данныя о нашемъ вексельномъ курсѣ, мы никакъ не въ состояніи были открыть какую-либо причинную зависимость между силою паденія нашего вексельнаго курса и высотою, съ которой происходило паденіе. Въ 1866 году произошло самое замѣчательное паденіе нашего вексельнаго курса. Но этому паденію предшествовали почти *два года*, въ теченіи которыхъ вексельный курсъ не достигалъ 32 п. Слѣдовательно, онъ упалъ съ весьма незначительной высоты, а между тѣмъ глубина паденія была такая, которая ни до того, ни потомъ не повторялась. Въ состояніи ли кто-либо утверждать, будто теперь для насъ стало невозможно такое глубокое паденіе вексельнаго курса? Совершенно не въ состояніи, ибо ничто не мѣшаетъ курсу подниматься до 31, а уже съ этой высоты курсъ можетъ упасть до 25, какъ доказываетъ опытъ 1866 года. Въ 1870 году, несмотря на войну, курсъ уже не упалъ такъ глубоко, какъ въ 1866 году. Но при чемъ тутъ былъ государственный банкъ? Его собственные отчеты даютъ на это ясный и неотразимый отвѣтъ. Въ 1867 году онъ покупалъ (съ августа) драгоцѣнныхъ металловъ среднимъ числомъ каждый мѣсяцъ на 4.490,000, въ 1868 году—на 4.852,000, въ 1869 году — уже только на 1.081,000, а въ 1870 году даже лишь на 476,000. Уже въ 1869 году государственный банкъ пріобрѣлъ драгоцѣнныхъ металловъ въ 4½ раза меньше, чѣмъ въ 1868 году, и слѣдовательно въ той же мѣрѣ ослабѣло его вліяніе на вексельный курсъ. Но въ 1870 году его вліяніе на вексельный курсъ было еще *вдвое слабѣе*, чѣмъ въ 1869 году, ибо тогда драгоцѣнныхъ металловъ имъ пріобрѣтено въ 2½ раза меньше, чѣмъ въ 1869 году. Высота вексельнаго курса въ 1870 году была для государственнаго банка фактомъ, по отношенію къ которому онъ долженъ былъ оставаться пассивнымъ, какъ ко всякой высотѣ вексельнаго курса, если она была ниже 33¼.

Всѣ движенія и колебанія нашего вексельнаго курса, вплоть до достиженія имъ предѣла въ 33¼ пенса, находились совершенно внѣ всякихъ вліяній государственнаго банка. *Какъ бы ни было значительно или незначительно поправленіе нашего курса, оно во всякомъ случаѣ вліянію операцій госуд. банка приписываемо быть не можетъ.* Одно время утверждали, что государственный банкъ своими покупками поддерживаетъ отпускъ нашихъ товаровъ за границу. Но это и имѣло лишь тотъ смыслъ, что покупки поддерживаютъ отпускъ *чрезъ ухудшеніе вексельнаго курса.*. Ибо ухудшеніе вексельнаго курса на пенсъ, т.-е. приблизительно на 4%, можетъ увеличивать выручку экспортера пшеницы, напримѣръ, на полрубля съ каждой четверти. Если государственный банкъ мѣшалъ вексельному курсу подняться съ 33¼ до 34¼, то въ теченіе времени, когда такое возвышеніе могло бы произойти, экспортеры выигрывали на каждой сотнѣ тысячъ четвертей пшеницы лишніе 50,000 рублей и это, конечно, могло быть для нихъ стимуломъ къ увеличенію количества четвертей пшеницы, ими отправляемыхъ за границу. Но именно тогда, когда отпускъ подъ вліяніемъ операцій госуд. банка могъ увеличиваться, *увеличеніе отпуска теряло способность поправлять нашъ вексельный курсъ*, т.-е. оно теряло свой интересъ для *народнаго* хозяйства и имѣло значеніе только для *частныхъ* интересовъ экспортеровъ. Даже тогда, когда государственный банкъ поддерживалъ отпускъ, онъ его поддерживалъ не ради той пользы, которая могла бы проистекать для государства, а ради частной цѣли—увеличенія размѣннаго фонда.

Высота нашего вексельнаго курса зависитъ отъ количества предлагаемыхъ къ продажѣ и спрашиваемыхъ иностранныхъ векселей и отъ высоты, какъ нашего, такъ и заграничнаго дисконта. До тѣхъ поръ, пока эти основныя причины обусловливаютъ высоту вексельнаго курса, при которой покупатель векселя немедленно (т.-е. по учетѣ) можетъ получить лишь 30, 31, 32, 32½, никто не дастъ государственному банку за его кредитный рубль 32¾ п. (а съ 21-го января текущаго года 33⅛ пенса). Слѣдовательно, несомнѣнно, что въ видахъ усиленія своего размѣннаго фонда государственный банкъ заинтересованъ въ увеличеніи отпуска и соотвѣтственномъ расширеніи *предложенія* иностранныхъ векселей, улучшающемъ нашъ курсъ. Госуд. банку было нужно, чтобъ за кредитный рубль *всякій, кромѣ него*, могъ немедленно получить больше, чѣмъ 33½ пенса (теперь 33⅛ п.); ибо только тогда и для него существовала надежда, что ему возможно будетъ появиться на рынкѣ покупателемъ. *Но государственный банкъ совершенно лишенъ былъ всякихъ средствъ, чтобъ довести вексельный курсъ до той высоты, при которой становилось возможнымъ усиленіе его размѣннаго фонда.* Онъ совершенно *стра-*

дательно долженъ былъ относиться къ объему нашего отпуска до тѣхъ поръ, пока этотъ отпускъ еще не доводилъ курса до возможности давать за кредитный рубль больше, чѣмъ $32^1/_2$ п. Только *послѣ* того, какъ отпускъ нашъ, *помимо* вліяній на него государственнаго банка, нѣкоторое время былъ достаточно благопріятенъ, и для государственнаго банка становилось вѣроятною возможность усиленія размѣннаго фонда, а съ нею дѣятельное вліяніе на отпускъ и вексельный курсъ. Для своихъ дѣятельныхъ вліяній государственный банкъ всегда предполагалъ почву предварительно заготовленную для него внѣшними, посторонними вліяніями, т.-е. успѣхами народнаго хозяйства. Еслибъ такихъ успѣховъ наше народное хозяйство не дѣлало,—еслибъ нашъ отпускъ самъ не въ состояніи былъ и безъ вліяній госуд. банка поправлять вексельный курсъ,—тогда государственный банкъ не въ состояніи былъ бы и помышлять объ усиленіи размѣннаго фонда.

Когда подъ вліяніемъ свободныхъ успѣховъ народнаго хозяйства короткій вексельный курсъ начиналъ оказывать стремленіе переходить чрезъ предѣлъ $32^3/_4$ пенсовъ, тогда для государственнаго банка наставала пора *пользоваться успѣхами народнаго хозяйства для усиленія своего размѣннаго фонда.* И такое пользованіе для госуд. банка становилось возможно, благодаря единственно тому, что онъ порождалъ искусственный антагонизмъ между своими собственными интересами и интересами народнаго хозяйства. Когда успѣхи отпуска доводили короткій курсъ до $32^3/_4$ или трехмѣсячный до $33^1/_8$, тогда возникала дилемма: или народное хозяйство выиграетъ и вексельный курсъ будетъ продолжать возвышаться, поднимая и цѣнность кредитнаго рубля,—или же государственный банкъ воспользуется успѣхами отпуска для усиленія размѣннаго фонда, но тогда народное хозяйство должно отказаться отъ полезныхъ вліяній дальнѣйшаго развитія отпуска.

Слѣдующіе факты наглядно показываютъ, до какой степени государственный банкъ ставился въ полнѣйшую и страдательную зависимость отъ того, какъ складывались вексельные курсы помимо его вліяній. Въ послѣдніе пять мѣсяцевъ 1867 года вексельный курсъ среднимъ числомъ стоялъ на 33 и госуд. банкъ могъ купить драгоцѣнныхъ металловъ на $22^1/_2$ милл. рублей. Въ 1868 году курсъ опять благопріятно стоялъ среднимъ числомъ на $32^{27}/_{32}$, и госуд. банкъ опять могъ купить много золота и серебра, именно до 60 милліоновъ. Въ 1869 году курсъ стоялъ уже на средней высотѣ ниже, именно на $30^7/_8$, и госуд. банкъ купилъ уже металловъ только около 13 милл. Въ 1870 году средняя высота курса еще ниже ($29^{11}/_{16}$), и госуд. банкъ пріобрѣлъ металловъ не болѣе 6 милл. Въ

1871 году вексельный курсъ поправляется (сред. $31^{31}/_{32}$), и опять госуд. банкъ можетъ увеличить свои покупки до 29 милл. Въ 1872 году курсъ еще болѣе поправляется ($32^{3}/_{4}$), и госуд. банкъ еще болѣе усиливаетъ покупки (до 39 милл.).

Подводя итогъ нашимъ разсужденіямъ, мы получаемъ слѣдующій выводъ. Соотношеніе между операціей усиленія размѣннаго фонда и вексельныхъ курсовъ *не* можетъ быть признаваемо такимъ, которое способно было оказывать благотворныя вліянія на нашъ вексельный курсъ съ точки зрѣнія государства или интересовъ народнаго хозяйства. Менѣе всего ему можетъ быть приписываемо благотворное вліяніе на *возвышеніе* нашего вексельнаго курса.

Мы должны теперь перейти къ другой сторонѣ дѣла и разобрать вопросъ, дѣйствительно ли *увеличеніе количества* обращающихся у насъ *кредитныхъ билетовъ* не оказывало никакого вліянія на вексельный курсъ? Если наше предыдущее изложеніе показываетъ, что операціямъ усиленія размѣннаго фонда невозможно приписывать *благотворныхъ* вліяній на цѣнность кредитныхъ билетовъ,—то остается еще вопросъ о *вредныхъ* вліяніяхъ новыхъ выпусковъ.

Недостаточное знакомство съ относящимися сюда фактами не мало мѣшало правильности взглядовъ, которые у насъ высказывались въ литературѣ и обществѣ. Прежде всего требуютъ исправленія ходячія *цифры* о размѣрахъ нашего денежнаго обращенія и объ его колебаніяхъ изъ года въ годъ. Затѣмъ у насъ о количествѣ обращающихся кредитныхъ билетовъ судятъ по даннымъ, относящимся къ 1-му января года, тогда какъ дѣйствительное значеніе имѣютъ только *средніе выводы изъ достаточно большого числа наблюденій* надъ размѣрами денежнаго обращенія въ теченіи цѣлаго года. Среднее количество кредитныхъ билетовъ [1]), которое у насъ постоянно находилось въ обращеніи въ 1862 году, составляло 720,6 милл. рублей. Въ 1863 это среднее количество уменьшилось на 21,6 милл., а въ 1864 году на 46,9 милл. Слѣдовательно, въ 1864 году у насъ среднимъ числомъ обращалось кредитныхъ билетовъ на $65^{1}/_{2}$ милл. меньше, чѣмъ въ 1862 году. Въ 1865 году среднее денежное обращеніе наше возросло на $11^{1}/_{2}$ милл.; въ 1866 году на $25^{1}/_{8}$ милл., и въ 1867 году на $10^{2}/_{5}$ милл., то-есть сравнительно съ 1864 года въ три года денежное обращеніе возросло на 47 милл. А такъ какъ въ 1864 году оно

---

[1]) Сообщаемые нами средніе выводы исчислены на основаніи *недѣльныхъ* показаній о каждомъ годѣ, слѣдовательно, каждая приводимая годичная цифра—выводъ изъ 52 данныхъ для постоянной части нашего денежнаго обращенія и 52 данныхъ для его временной части. Для 1867 — 68 годовъ приняты во вниманіе и кредитные билеты, особо тогда выпущенные подъ обезпеченіе серій.

сравнительно съ 1862 годомъ уменьшилось на 68½ милл., то и послѣ увеличенія въ трехлѣтіе 1865—1867 гг. денежное обращеніе все еще было меньше въ 1867 году сравнительно съ 1862 годомъ на 21½ милл. Въ слѣдующее затѣмъ пятилѣтіе 1868—1872 годовъ среднее денежное обращеніе увеличивалось прогрессивно и постепенно на 19,1, 4,6, 9,1, 21,2 и 14,2 милл. рублей; всего на 58,2 милл. Если вычесть изъ этихъ 58,2 вышепоказанные 21½ милл., то окажется, что на одиннадцатый годъ послѣ 1862 года у насъ средняя циркуляція увеличилась противъ своей первоначальной цифры всего на 46⅔ милл. руб. Среднее количество обращавшихся у насъ кредитныхъ билетовъ въ теченіи періода 1865—1872 годовъ составляло 742 милл. А въ этой цифрѣ 46⅔ милл. составляютъ 6⅓%. Если, однако, сравнить денежное обращеніе 1872 года съ денежнымъ обращеніемъ 1864 года, то возростаніе простирается до 16% въ восемь лѣтъ. Разсчетъ процентнаго увеличенія нашей циркуляціи изъ года въ годъ въ девятилѣтіе 1865—1873 гг. даетъ слѣдующія цифры (по порядку отдѣльныхъ годовъ): 1,7%, 3,8%, 1,5%, 2,8%, 0,6%, 1,2%, 2,9%, 1,9%, 1,4%; средняя изъ этихъ цифръ 2½%. Должно при этомъ обратить вниманіе на важное обстоятельство: въ первые четыре года (1865—1868) среднее годичное увеличеніе циркуляціи было 2,45%, а въ послѣдніе пять лѣтъ (1869—1873)—только 1,60%.

Извѣстно, что увеличеніе денежнаго обращенія нуждается во времени болѣе или менѣе продолжительномъ, для того, чтобъ оно могло отразиться на цѣнности денегъ, на вексельныхъ курсахъ и товарныхъ цѣнахъ. *Сразу* вліяніе наростанія циркуляціи никогда не сказывается. Вслѣдствіе того *медленность и постепенность* въ наростаніи циркуляціи всегда задерживаетъ и скорость, съ которою его вліянія могутъ проявиться. Это бываетъ даже тогда, когда наростаніе происходитъ въ значительныхъ размѣрахъ. Въ еще большей степени, однако, парализуется скорость вліянія увеличенія денежнаго обращенія, когда къ медленности и постепенности прибавляется еще и сравнительная *незначительность* размѣра наростанія. Размѣръ наростанія въ 2½% ежегодно нельзя признать особенно значительнымъ. Просмотрѣвъ вышеприведенныя данныя о годичномъ наростаніи нашей циркуляціи въ восьмилѣтіе 1865—1872 г., читатели замѣтятъ, что годы болѣе сильнаго наростанія стоятъ между годами сравнительно менѣе сильнаго наростанія, и что отдѣльные годы далеко не поддерживаютъ другъ друга одинаковою интенсивностью своихъ стремленій вліять на цѣнность кредитнаго рубля.

Попытка возстановить размѣнъ въ 186⅔ г. уменьшила нашу циркуляцію на 9½%. Это не помѣшало вексельному курсу вдвое ухудшиться. Тѣмъ не менѣе нельзя отвергать, что еслибъ сокращенію

циркуляціи дано было время, чтобъ произвести свое дѣйствіе, оно отразилось бы и на вексельномъ курсѣ. Но въ 1865, 1866 и 1867 г. циркуляція снова была увеличена на $6^{1}/_{2}\%$. Другими словами, это значило, что глубокому паденію вексельнаго курса послѣ попытки 1862—63 г. не признано было возможнымъ оказать хотя бы только пассивное противодѣйствіе.

Съ 1864 года въ нашемъ денежномъ обращеніи рѣзко обособляются двѣ его составныя части; изъ этихъ частей одна—*постоянная*, которая уменьшается только въ силу особаго закона, а другая—*временная*, въ своихъ колебаніяхъ контролируемая собственною административною властью государственнаго банка. Временная часть циркуляціи нашей состоитъ изъ такихъ кредитныхъ билетовъ, которыхъ выпускъ разсчитанъ на обязательства, долженствующія быть оплаченными въ теченіе непродолжительнаго времени. Эти кредитные билеты предназначены, слѣдовательно, къ тому, чтобъ только на короткій періодъ увеличивать собою нашу циркуляцію. Уже въ 1864 году ихъ обращалось въ теченіе года среднимъ числомъ около 15 милл. Въ 1865 году ихъ обращалось только 11 милл.; но за то постоянная часть циркуляціи возросла съ средней годичной цыфры въ $642^{2}/_{3}$ милл. до 652 милл. Такимъ образомъ, перемѣна сводится на то, что изъ вышеозначенныхъ 15 милл. выдѣлено было около 10 милл. и эти десять милліоновъ были присоединены къ постоянной части циркуляціи. Къ остававшимся же 5 милл. временныхъ кредитныхъ билетовъ присоединено было еще 6 милл. такихъ же. Въ 1866 году среднимъ числомъ въ теченіе года этихъ временныхъ кредитныхъ билетовъ обращалось уже около 38 милл. рублей. Какъ извѣстно, этотъ выпускъ находится въ связи съ облегченіями, которыя желательно было доставить скорости реализаціи второго внутренняго займа съ выигрышами. Въ первые семь мѣсяцевъ 1867 года временныхъ кредитныхъ билетовъ обращалось уже среднимъ числомъ 44 милл. „Временные" кредитные билеты такимъ образомъ совсѣмъ не были временными, и потому они не могли не давить на цѣнность всей массы нашего денежнаго обращенія. Понятно отсюда, отчего вексельный курсъ не могъ оправиться отъ своего глубокаго паденія въ 1864 году и отчего въ 1866 году кредитные билеты оказались способными потерять половину своей цѣнности.

Какъ бы то ни было, но къ тому моменту, когда государственный банкъ приступилъ къ своей операціи усиленія размѣннаго фонда, онъ засталъ два „временныхъ" факта: во-первыхъ, значительную сумму кредитныхъ билетовъ, которые обѣщали скоро исчезнуть изъ обращенія, и, во-вторыхъ, низкое состояніе вексельнаго курса, ко-

торое поддерживалось „временною" причиною и, слѣдовательно, способно было внушить надежду на возможность поправленія.

Эти-то два факта, государственный банкъ совершенно лишилъ ихъ временнаго характера. И только поэтому его операція усиленія размѣннаго фонда не оказала *всякаго видимаго* вліянія на нашъ вексельный курсъ и цѣнность кредитныхъ билетовъ. То-есть билеты, которые прежде только временно находились въ обращеніи, государственный банкъ навсегда оставилъ въ обращеніи, усиливъ за нихъ свой размѣнный фондъ. Онъ, такимъ образомъ, на первыхъ порахъ могъ усилить свой размѣнный фондъ, не подвергая никакой перемѣнѣ *фактическаго* денежнаго обращенія. Перемѣна произошла только въ активахъ, которыми выпущенные билеты покрывались. Прежде эти активы заключались въ обязательствахъ казначейства и лицъ, получавшихъ ссуды подъ выигрышные билеты; потомъ же, когда эти обязательства были оплачены, ихъ мѣсто заняли драгоцѣнные металлы, на которые увеличился размѣнный фондъ.

Въ той мѣрѣ, въ какой государственный банкъ не произвелъ перемѣны (въ первое время операціи покупки) въ общей суммѣ нашего денежнаго обращенія, ему не пришлось оказать *видимаго* вліянія на нашъ вексельный курсъ. Но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи дѣла нельзя не признать, что сильно ошибаются, когда утверждаютъ, будто усиленіе размѣннаго фонда не оказало дурного вліянія на нашъ вексельный курсъ. Это дурное вліяніе только не было достаточно осязательно, чтобъ оно всѣмъ бросилось въ глаза. Оно заключалось въ томъ, что низкое состояніе вексельнаго курса, которое имѣло только временную причину, было увѣковѣчено операціею усиленія размѣннаго фонда въ томъ видѣ, какъ она была ведена государственнымъ банкомъ. Если вексельные курсы не оправились отъ своего паденія подъ тяжестью временнаго увеличенія циркуляціи, то они потомъ уже не могли поправиться оттого, что увеличеніе было лишено своего временнаго характера.

Вліяніе, предпринятой въ 1870—71 г., консолидаціи части кредитныхъ билетовъ, употребленныхъ для подкрѣпленія размѣннаго фонда, также было парализовано „временными" кредитными билетами. И эти кредитные билеты, какъ и ихъ предшественники, на первыхъ порахъ могли имѣть только временное значеніе и для вексельнаго курса. Но это ихъ значеніе потомъ превратилось и превращается въ постоянное и прочное.

Въ 1873 и 1872 годахъ нашъ вексельный курсъ поправился и дизажіо кредитныхъ билетовъ понизилось на 4%. Эти-то четыре процента представляютъ все, что нашъ экономическій прогрессъ послѣдняго десятилѣтія сдѣлалъ для возвышенія цѣнности кредит-

ныхъ билетовъ. А между тѣмъ такихъ десятилѣтій въ нашей экономической исторіи можно насчитать очень и очень немного. И развѣ одного такого факта, что когда наши успѣхи уже добились возможности повліять и на валюту, они могли повліять лишь на четыре процента: развѣ этого факта недостаточно для убѣжденія, что нашъ экономическій прогрессъ въ своихъ вліяніяхъ именно на валюту *чѣмъ-то* долженъ былъ парализоваться? А это „что-то", развъ оно несомнѣнно существовало, не могло быть ничѣмъ инымъ, кромѣ непрерывнаго увеличенія циркуляціи неразмѣнныхъ денежныхъ знаковъ: другую причину трудно подыскать.

Но мало того, что наша валюта очень мало могла поправиться подъ вліяніемъ нашихъ успѣховъ. Гдѣ гарантія, что 4%, на которые валюта поправилась въ послѣдніе два года, имѣютъ прочное, а не временное только значеніе? Гдѣ гарантія, что мы за одинъ день не потеряемъ и того незначительнаго пріобрѣтенія, которое мы теперь имѣемъ? Наша циркуляція, какъ выше показано, наростала медленно, и это *отсрочило* для наростанія возможность проявить свои послѣдствія. Допустимъ даже, что до сихъ поръ ни одна часть изъ тѣхъ кредитныхъ билетовъ, которые выпущены и упостоянены въ обращеніи съ августа 1867 года, не успѣла еще проявить своихъ послѣдствій. Но раньше или позже, она вѣдь должна неизбѣжно начать проявленіе своихъ послѣдствій [1]).

Насколько возможно себѣ составить убѣжденіе на основаніи изученія дѣйствительныхъ фактовъ, а не на основаніи произвольныхъ догадокъ и предположеній, должно признавать, что въ образѣ дѣйствій государственнаго банка при операціи усиленія размѣннаго фонда усматривается полное сознаніе вреда для цѣнности кредитныхъ билетовъ отъ усиленнаго ихъ увеличенія. Государственный банкъ поэтому стремился достигнуть своей цѣли, т.-е. усилить размѣнный фондъ, увеличивая выпуски кредитныхъ билетовъ весьма осторожно

---

[1]) Если принять среднюю постоянную часть нашего денежнаго обращенія августа 1867 года за 100, то для послѣдующаго шестилѣтія получаются слѣдующія относительныя цифры, выражающія сравнительную среднюю высоту постоянной части обращенія: 105.6, 109.9, 109.8, 109.6, 114.2, 118.5. Для 1869 года, 1870 и 1871 годовъ мы имѣемъ цифры, показывающія, что въ среднемъ выводѣ циркуляція въ своей постоянной части не измѣнялась. Происходило это отчасти оттого, что въ 1870 г. государственнымъ банкомъ мало было пріобрѣтено драгоцѣнныхъ металловъ, отчасти отъ консолидаціи 1870—71 г., отчасти, наконецъ, оттого, что покупки 1871 года были сдѣланы „временными" кредитными билетами. Вслѣдствіе того въ 1872 году и замѣчается сразу сильное увеличеніе постоянной части. Это объясняетъ намъ, отчего операція покупокъ золота и серебра не помѣшала поправленію вексельнаго курса въ 1872 и 1873 годахъ на 4%. То-же указываетъ намъ пользу, которую принесла консолидація 1870—71 г., и указываетъ на случайность, которую до извѣстной степени должно признавать даже въ незначительномъ поправленіи нашего курса.

и только при самой крайней надобности. Выпускамъ билетовъ, и въ особенности ихъ упостояниванію въ обращеніи, государственный банкъ всегда предпосылалъ попытки обойтись „другими" средствами. Но по совершенно понятной причинѣ всѣ эти попытки могли имѣть лишь временное значеніе. Всѣ онѣ доказывали лишь одно: что выпуски кредитныхъ билетовъ не представляютъ надлежащаго рессурса для усиленія размѣннаго фонда и весьма охотно были бы избѣгнуты и государственнымъ банкомъ.

Во всякой бумажно-денежной странѣ производительнымъ силамъ народнаго хозяйства приходится вести борьбу съ стремленіями неразмѣнныхъ денежныхъ знаковъ къ обезцѣненію. Результатомъ этой-то борьбы и является или возвышеніе цѣнности бумажныхъ денегъ, и, слѣдовательно—поправленіе вексельнаго курса, или же обратное, обезцѣненіе бумажныхъ денегъ и ухудшеніе вексельнаго курса. Въ послѣдніе годы четыре важнѣйшія бумажно-денежныя страны,— Франція, Соединенные-Штаты, Австрія и Россія,—представили очень много чрезвычайно осязательныхъ явленій, показывающихъ, какъ успѣшно можетъ идти вышеозначенная борьба. Во Франціи производительныя силы народнаго хозяйства почти совершенно парализовали силу своего врага. Въ Соединенныхъ-Штатахъ и въ Австріи развитіе производительныхъ силъ низвело дизажіо до 6—10%. Только у насъ противодѣйствіе экономическаго прогресса должно было оказаться безсильнымъ, понизивъ дизажіо до 17%. Но если въ Австріи цѣнность бумажныхъ денегъ успѣла выйти изъ такого хронически-дурного состоянія, *въ какомъ наши кредитные билеты никогда не находились*,—если въ Австріи дизажіо съ 1870 года понизилось съ 20% до 6—8%,—тогда какъ у насъ пониженіе послѣдовало только съ 21% до 17%,— то это совсѣмъ не доказываетъ, что развитіе нашихъ силъ шло значительно медленнѣе и слабѣе. Въ Австріи и въ Соединенныхъ-Штатахъ экономическому прогрессу страны приходилось бороться съ врагомъ, *котораго силы оставались одни и тѣ же*, тогда какъ силы народнаго хозяйства наростали. Понятно, поэтому, что чѣмъ болѣе наростали производительныя силы страны, тѣмъ слабѣе становился врагъ, съ которымъ онѣ должны были бороться. Но у насъ народному хозяйству приходится вести свою борьбу съ врагомъ, *который самъ ростетъ*. Намъ приходится излечиваться отъ болѣзни, которая идетъ прогрессивно усиливаясь. Что же удивительнаго, если наши силы менѣе успѣваютъ?

Мы не раздѣляемъ убѣжденій тѣхъ, которые усматриваютъ въ усиленіи размѣннаго фонда и во „временныхъ" выпускахъ двѣ операціи, которыя по своей природѣ, какъ и когда бы онѣ ни производились, во всякомъ случаѣ раньше или позже должны вліять

дурно на цѣнность нашихъ кредитныхъ билетовъ. Мы полагаемъ, напротивъ, что какъ одна, такъ и другая операція, обѣ могли быть обставлены такъ, чтобъ вредъ отъ нихъ парализовался и чтобъ онѣ приносили только пользу. Но мы должны признать, что при теперешней обстановкѣ означенныхъ двухъ операцій возможная польза ихъ парализуется вредомъ ихъ, которому не оказываютъ никакого противодѣйствія.

Вліянія „временныхъ выпусковъ“ зависятъ отъ того, дѣйствительно-ли они — *временные*. Нельзя отвергать, что кредитные билеты, выпущенные подъ обязательство, уплата по которому въ короткій срокъ внѣ всякаго сомнѣнія, на цѣнность кредитныхъ билетовъ могутъ повліять только такъ же точно, какъ на нее вліяютъ вклады на текущіе счеты. Слѣдовательно, прежде всего качество вліяній „временно“ выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ должны были бы зависѣть отъ качествъ портфеля госуд. банка. Если въ этомъ портфелѣ нѣтъ массы векселей такихъ лицъ, которыя давно уже были бы объявлены несостоятельными, еслибъ имъ не возобновляли векселей и не предоставлялись различныя льготы,—то кредитные билеты, выпущенные подъ хорошій портфель, могли бы и не возбуждать опасеній. Правда, кредитные билеты—неразмѣнные знаки. Но размѣнность фактически и не бываетъ нужною до тѣхъ поръ, пока обязательства, подъ которыя кредитные знаки выпущены, не возбуждаютъ опасеній въ своей удобореализуемости и *пока у банковаго учрежденія въ кассѣ имѣется достаточный запасъ свободныхъ средствъ на случай, еслибъ таковыя отъ него потребовались*. Но здѣсь-то мы и встрѣчаемся съ первымъ „камнемъ преткновенія“, препятствующимъ, чтобъ „временные“ кредитные билеты играли роль безопасныхъ кредитныхъ знаковъ. *У нашего государственнаго банка почти нѣтъ кассы или у него большею частью имѣется только фиктивная касса.* Объяснимъ это.

Касса представляетъ всегда остатокъ свободныхъ денежныхъ средствъ, которымъ не найдено употребленія. Она всегда представляетъ свободный *капиталъ*. Но ни государственный, ни какой бы то ни было иной банкъ капиталовъ создавать не въ состояніи. Банкъ можетъ имѣть только тѣ капиталы, которые ему довѣрили. Въ кассѣ у всякаго банка лежатъ всегда остатки отъ капиталовъ, довѣренныхъ банку посторонними лицами и не употребленныхъ банкомъ ни на что. Слѣдовательно, касса прежде всего зависитъ отъ того, израсходовалъ-ли банкъ все, что онъ получилъ отъ своихъ довѣрителей, или не все.

Но нашъ государственный банкъ давнымъ давно уже израсходовалъ самую большую часть тѣхъ капиталовъ, которые онъ получилъ отъ своихъ довѣрителей. И мало того, что онъ ихъ израсходовалъ. Онъ

поставленъ былъ въ необходимость такъ ихъ израсходовать, что когда довѣрители у него сильнѣе требуютъ обратно свои средства, то онъ можетъ помочь себѣ только выпусками кредитныхъ билетовъ.

Было бы неумѣстно излагать здѣсь подробно, какъ и почему государственный банкъ дошелъ до своего теперешняго состоянія. Это будетъ нами сдѣлано въ другомъ мѣстѣ. Теперь намъ важно было указать лишь на фактъ, что въ кассѣ у государственнаго банка могутъ находиться не такіе кредитные билеты, которые представляютъ *излишки* отъ свободныхъ средствъ, а такіе кредитные билеты, которые свидѣтельствуютъ о *недостаткѣ* свободныхъ средствъ. Но такіе кредитные билеты могутъ образовать лишь фиктивную кассу.

Если у кредитнаго установленія нѣтъ настоящей кассы изъ дѣйствительно свободныхъ средствъ, то оно лишено уже способности такъ распредѣлять кредитъ между различными періодами времени, чтобъ устранена была возможность пертурбацій въ цѣнахъ товаровъ (сюда-же причисляя и акціи съ облигаціями) и въ самой цѣнности денежныхъ средствъ.

Еслибъ государственный банкъ представлялъ такое кредитное установленіе, которое всѣ свои средства употребило и употребляетъ на одни только торгово-промышленныя цѣли, тогда онъ могъ бы „временно" выпускать и кредитные знаки безъ вреда для нашихъ бумажныхъ денегъ. Тогда его „временные" выпуски были бы тождественные съ банковыми билетами, которые выпускаются въ Соединенныхъ-Штатахъ національными банками (the national banks), а въ Австріи австрійскимъ національнымъ банкомъ. Но нашъ государственный банкъ находится въ положеніи, существенно различномъ отъ того, въ которомъ находятся означенные заграничные банки, выпускающіе новые кредитные знаки, хотя въ странѣ обращаются бумажныя деньги. Нашъ государственный банкъ израсходовалъ три четверти всей суммы капиталовъ, полученныхъ имъ отъ публики, на цѣли, которыя съ торговлею и промышленностью ничего общаго не имѣютъ. Онъ израсходовалъ свои средства такъ, что совсѣмъ не можетъ ихъ получить обратно. Вотъ почему, когда въ настоящее время государственный банкъ „временно" выпускаетъ новые кредитные билеты, то это означаетъ, что онъ, возвращая своимъ довѣрителямъ полученные отъ нихъ капиталы, долженъ на посторонніе государственныя цѣли употребить уже не капиталы, полученные отъ довѣрителей, а новые кредитные билеты. Временный характеръ нововыпускаемые кредитные билеты имѣютъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой условно только временнымъ считаютъ обратное востребованіе капиталовъ, переданныхъ было госуд. банку. На самомъ же дѣлѣ „временные" выпуски совсѣмъ не „временные". Еслибъ госу-

дарственный банкъ долженъ былъ прекратить свою дѣятельность, тогда это стало бы и для всѣхъ осязательнымъ. Теперь же это наружнымъ образомъ прикрывается періодически возобновляющимся притокомъ капиталовъ къ госуд. банку. Пока эти капиталы не требуются обратно, госуд. банкъ можетъ изъ нихъ погашать „временные" кредитные билеты. Но какъ только они опять становятся нужными торговлѣ и промышленности, „временные" кредитные билеты опять должны появиться.

Еслибъ между государственнымъ банкомъ и государственнымъ казначействомъ установились болѣе нормальныя отношенія, тогда для перваго стали бы возможными и „временные" выпуски кредитныхъ билетовъ. И тогда они могли бы быть совершенно безвредными для цѣнности нашей валюты. Но въ настоящее время, намъ кажется, что только по недоразумѣнію можно говорить о дѣйствительно „временныхъ" выпускахъ.

Неизлишнимъ будетъ здѣсь, говоря о временныхъ выпускахъ, упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ, которое до извѣстной степени служило причиной, отчего увеличеніе нашей циркуляціи не такъ скоро отразилось видимымъ образомъ на цѣнности кредитныхъ билетовъ. Подобно тому, какъ государственный банкъ употребилъ капиталы, полученные имъ отъ довѣрителей, на надобности государственнаго казначейства, онъ и на покупку драгоцѣнныхъ металловъ употреблялъ не кредитные билеты, нарочно для покупокъ выпускаемые въ то время, когда вексельный курсъ благопріятенъ. Весьма вѣроятно, что еслибъ покупки производило само государственное казначейство, употребляя кредитные билеты, выпускаемые какъ разъ тогда, когда вексельные курсы поправляются, то поправленіе очень скоро было бы парализовано, и казначейству немного металловъ удалось бы купить. Можно думать, что и государ. банку далеко не такъ удалась бы операція усиленія размѣннаго фонда, еслибъ онъ не воспользовался своею ролью банковаго учрежденія и своимъ значеніемъ на нашемъ денежномъ рынкѣ. Дѣло въ томъ, что капиталы, которые публикою довѣрены государственному банку, представляютъ нашъ запасный фондъ, пускаемый въ ходъ уже послѣ того, какъ всѣ остальные рессурсы истощились. Пока кто-либо еще имѣетъ другія средства, онъ не трогаетъ тѣхъ, которые переданы госуд. банку. Ясно, что тѣмъ болѣе вѣское значеніе средства, довѣренныя госуд. банку, должны получать на нашемъ денежномъ рынкѣ именно въ то время, когда всѣ остальные рессурсы торгово-промышленной публики начинаютъ истощаться. Денежный рынокъ долженъ становиться все туже и туже, по мѣрѣ того какъ приближается необходимость обратиться къ послѣднему запасу, т.-е.

къ государственному банку. Одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда подобная необходимость возникаетъ, повторяется именно тогда, когда нашъ вексельный курсъ поправляется. Экспортерамъ нужны деньги для уплатъ по производимымъ ими закупкамъ товаровъ, отправляемымъ за-границу. Чѣмъ болѣе экспортерамъ нужны деньги, тѣмъ дешевле они готовы продавать свои иностранные векселя, свои франки и пенсы, то-есть тѣмъ болѣе поправляется нашъ вексельный курсъ и возвышается цѣнность нашего кредитнаго рубля. И вотъ въ это-то время, когда взоры всѣхъ обращены къ послѣднему рессурсу, къ государственному банку, послѣдній по объясненной выше причинѣ долженъ выпустить „временные" кредитные билеты [1]). Но еслибъ эти кредитные билеты госуд. банкъ всѣ передалъ торгово-промышленной публикѣ, тогда ему нечѣмъ было-бы покупать драгоцѣнные металлы. Или же онъ тогда для покупокъ долженъ былъ бы выпускать *особые* билеты, которые, конечно, уже не были бы временными. Но еслибъ госуд. банкъ такъ усилилъ выпускъ кредитныхъ билетовъ, то тугость на денежномъ рынкѣ исчезла бы, а съ нею и готовность экспортеровъ дешевле продавать пенсы и возможность для государственнаго банка покупать эти пенсы. Ясно, слѣдовательно, что для удачи своихъ покупокъ, государственный банкъ не только не долженъ препятствовать тугости на нашемъ денежномъ рынкѣ, но еще по возможности долженъ ее удерживать и усиливать. Вотъ для этой-то цѣли и употреблялся слѣдующій способъ. Государственный банкъ покупалъ на средства, заимствуемыя изъ того же фонда, который представляетъ послѣдній рессурсъ для торгово-промышленной публики. Своими собственными позаимствованіями госуд. банкъ уменьшалъ послѣдній рессурсъ, и такимъ образомъ тугость денежнаго рынка сама собою усиливалась, т.-е. покупки могли идти безпрепятственнѣе. Вотъ факты, въ которыхъ это выразилось. Если мы соберемъ данныя о цѣнѣ, по которой у государственнаго банка можно было получать деньги въ теченіе 11-лѣтняго періода, съ 1862 по 1872 г. включительно, и если мы эти 11 лѣтъ разобьемъ на двѣ части, до августа 1867, когда начались покупки, и отъ августа 1867 г. до конца 1872, то сравненіе частей обнаружитъ намъ слѣдующіе выводы. До начала періода покупокъ изъ 290 недѣль, на время, когда петербургскій дисконтъ госуд. банка стоялъ 8%, приходилось всего 13 недѣль; со времени же производства покупокъ на общую сумму 282 недѣль такихъ недѣль съ 8% дисконтомъ приходится 96. Далѣе, въ первую часть періода было 10 недѣль съ 7½% дисконтомъ, во

---

[1]) Въ это же время усиливается спросъ государственнаго казначейства для антиципаціи его текущихъ доходовъ.

вторую часть совсѣмъ не было такого дисконта. Недѣль съ дисконтомъ въ 7% было почти одинаковое число до и послѣ начала операцій покупокъ: ихъ прежде было 48, послѣ—44. Съ $6^1/_2$% дисконтомъ въ первый періодъ было 17 недѣль, во второй уже только 11. Съ дисконтомъ въ 6% было въ первый періодъ 80 недѣль, во второй 62 недѣли; съ дисконтомъ въ $5^1/_2$%—86 недѣль до покупокъ и только 39 недѣль послѣ покупокъ; съ 5% дисконтомъ 36 недѣль до покупокъ и 15 недѣль послѣ покупокъ. За то послѣ начала операціи покупокъ было 15 недѣль съ дисконтомъ въ $4^1/_2$%, тогда какъ до того подобнаго дисконта не было. Окончательный результатъ: если раздѣлить дисконты на три категоріи, дорогой 7%, $7^1/_2$% и 8%, умѣренный въ $6^1/_2$, 6% и дешевый въ $5^1/_2$, 5 и $4^1/_2$%,—то до операціи покупокъ дорогой дисконтъ продолжался 71 недѣлю, а при операціи—140 недѣль; умѣренный же дисконтъ до операціи продолжался 97 недѣль, а при операціи—только 73 недѣли; дешевый дисконтъ до операціи, продолжавшійся 122 недѣли, при операціи съумѣлъ продержаться только 69 недѣль. Такъ какъ общее число недѣль до и послѣ начала операціи взятое, почти одинаковое (290 недѣль до и 282 недѣли послѣ начала), то относительныя цифры здѣсь излишни.

Итакъ, операція усиленія размѣннаго фонда была связана не только съ тѣмъ, что для дизажіо кредитныхъ билетовъ была поставлена весьма высокая граница, о которую должны были разбиться всѣ плодотворныя вліянія нашего экономическаго прогресса. Она была еще связана съ тѣмъ, что на нашъ денежный рынокъ,—который находился въ путахъ уже оттого, что весьма значительная часть его свободныхъ капиталовъ была государственнымъ банкомъ иммобилизована,—была наброшена новая тяжесть.

Въ настоящее время совершенно измѣнились всѣ тѣ условія, которыя могли имѣться въ виду въ ту пору, когда впервые приступлено было къ операціи покупокъ драгоцѣнныхъ металловъ. Отпускъ нашъ ожилъ. Въ нашихъ финансахъ произошелъ радикальный переворотъ. И при этихъ благопріятныхъ объективныхъ условіяхъ нашей народно и государственно-хозяйственной жизни, субъективныя условія не улучшались параллельно тоже, но даже пошли назадъ. Ибо, во-первыхъ, регрессомъ нельзя не признавать тѣ взгляды, подъ вліяніемъ которыхъ на нашъ денежный рынокъ наброшена новая тяжесть. Во-вторыхъ, регрессъ представляютъ упостояннившіеся „временные“ выпуски, которые на самомъ дѣлѣ и не могутъ въ настоящее время быть временными. Наконецъ, въ-третьихъ, весьма важный регрессъ мы усматриваемъ въ томъ, что мысль о консолидированіи „свѣжихъ“ кредитныхъ билетовъ, прибавляемыхъ періодически къ

прежней массѣ, совершенно заброшена, какъ излишняя и будто бы невозможная.

Консолидація, извлекая изъ обращенія „новые“ или „свѣжіе“ кредитные билеты, на которые увеличивается наше денежное обращеніе отъ усиленія размѣннаго фонда, имѣетъ то хорошее, что она парализуетъ стремленія „новыхъ“ кредитныхъ билетовъ обезцѣнивать старые. При этомъ денежный рынокъ остается при своихъ прежнихъ средствахъ. У него ничего не берутъ, чѣмъ онъ обладалъ, и его освобождаютъ только отъ навязанныхъ ему денежныхъ знаковъ. Правительству приходится брать съ денежнаго рынка только то, что безъ него совсѣмъ на рынкѣ и не существовало бы, что оно само бросило на денежный рынокъ. Конечно, и при консолидаціи можно еще много дѣлать возраженій противъ покупокъ драгоцѣнныхъ металловъ ново-выпускаемыми кредитными билетами. И если эти возраженія были не особенно сильны въ періодъ, когда государственный банкъ еще только начиналъ свои покупки, когда наши финансы не отличались цвѣтущимъ состояніемъ,—то они много пріобрѣли въ силѣ послѣ того, какъ финансы нашего правительства поправились. Если государственный банкъ покупаетъ золото и серебро, уплачивая 16%-ный или 14%-ный лажъ,—то это значитъ, что тѣ 5%-ныя государственныя облигаціи, которыми раньше или позже правительство разсчитается со своими кредиторами по бумажно-денежному долгу, дадутъ нашему правительству на 16—14% менѣе. Конечно, и эти будущія облигаціи придется выпускать ниже пари. Предполагая, что ихъ можно будетъ выпустить даже по 95%, ихъ дѣйствительному выпускному курсу,—въ который они обойдутся *народному* хозяйству,—тогда должно будетъ считать въ 95—16 или 14=79% или 81%. Несомнѣнно, что въ настоящее время производить операцію, которая такъ дорого должна въ концѣ-концовъ обойтись народному хозяйству, нѣсколько (да позволено будетъ выраженіе) *обидно* и для нашихъ финансовъ, и для нашихъ производительныхъ силъ въ ихъ современномъ состояніи. Но даже если примириться съ этимъ фактомъ,—если даже признать, что иначе, какъ операціею противодѣйствія возвышенію вексельнаго курса, размѣнный фондъ не можетъ быть усиленъ,—основное и единственное условіе, при которомъ означенная операція могла быть допущена, должно было бы быть дано въ дѣятельномъ стремленіи консолидировать новые кредитные билеты, на которые усиленіе увеличиваетъ наше обращеніе. Между тѣмъ, именно это условіе совершенно устранено въ послѣдніе годы, какъ излишнее и невозможное.

Что, однако, это условіе не излишнее, кажется, не нужно было бы долго и доказывать. Ибо именно его отсутствіе и заставляетъ

при защитѣ операціи усиленія размѣннаго фонда прибѣгать къ такимъ доводамъ, которые по меньшей мѣрѣ проблемматическаго свойства. Отсутствіе консолидаціи принуждаетъ дѣлать изъ новыхъ выпусковъ какое-то благодѣяніе, оказываемое народному хозяйству, тогда какъ на дѣлѣ народному хозяйству только расширяется тяжелая задача, на немъ лежащая: вмѣсто того, чтобъ поддерживать цѣнность одной массы кредитныхъ билетовъ, на народное хозяйство возлагается забота о поддержаніи еще увеличенной массы.

Невозможность консолидаціи доказываютъ тѣмъ, что, во-первыхъ, народное хозяйство *нуждается* въ тѣхъ кредитныхъ билетахъ, на которые увеличивается денежное обращеніе отъ покупокъ золота и серебра, и что—во-вторыхъ—для консолидаціи государственному же банку придется первому дать средства, которыя у него совсѣмъ не свободны.

Что касается *потребности* народнаго хозяйства въ увеличеніи массы кредитныхъ билетовъ, то эта потребность долгое время не принадлежала къ числу получившихъ признаніе отъ нашего финансоваго управленія. Совершенно напротивъ, наше финансовое управленіе раздѣляло взгляды тѣхъ, которые объясняютъ эту „потребность“ только неумѣніемъ разбирать факты народно-хозяйственной жизни. Въ особенности объ этой „потребности“ трудно говорить въ настоящее время, послѣ развитія у насъ банковаго дѣла и операціи вкладовъ на текущіе счеты съ чеками.

Но оставимъ даже въ сторонѣ эту „теоретическую“ сторону дѣла. Съ практической точки зрѣнія, повидимому, за невозможность или затруднительность консолидаціи говоритъ высота нашихъ учетно-ссудныхъ процентовъ и то обстоятельство, что нашъ денежный рынокъ будетъ поставленъ въ затруднительное положеніе отъ всякой попытки на консолидацію. По крайней мѣрѣ на такой точкѣ зрѣнія только и можетъ основываться отрицаніе возможности консолидаціи.

Выше, однако, уже была указана одна изъ причинъ высоты нашего дисконта. Болѣе же важная причина заключается въ томъ, что у насъ каждая сотня рублей въ кредитныхъ билетахъ представляетъ сравнительно меньшее количество тѣхъ производительныхъ силъ, которыя въ капиталахъ являются только накопленными. Сколько бы ни увеличилась или уменьшилась масса обращающихся у насъ кредитныхъ билетовъ, отъ одного этого означенныя производительныя силы въ ихъ накопленномъ видѣ не возростутъ и не упадутъ.

Но, говорятъ, консолидація невозможна или затруднительна, потому что свободныхъ *кредитныхъ билетовъ* совсѣмъ не существуетъ. При первомъ объявленіи о консолидаціи окажется, что публика по-

требуетъ тѣ кредитные билеты, которые она держитъ въ банкахъ, а между ними и въ государственномъ. Въ банкахъ же вообще, а еще болѣе въ государственномъ, совсѣмъ нѣтъ свободныхъ кредитныхъ билетовъ. Въ кассахъ имѣется только то, что нужно для непосредственныхъ надобностей или про запасъ на всякій случай. Излишковъ нѣтъ.

Если это справедливо, то это тѣмъ болѣе доказываетъ настоятельную и неотложную потребность въ консолидаціи. Если дѣйствительно наша потребность *въ орудіяхъ обращенія* сильно расширилась, то значитъ, у насъ сильно увеличилась масса капиталовъ, которая должна быть приводима въ движеніе означенными орудіями. Но разъ у насъ имѣются реальные, осязательные капиталы, консолидація, вѣдь, не уничтожаетъ ихъ. *Она только очищаетъ мѣсто для орудій обращенія, болѣе соотвѣтствующихъ своему назначенію, чѣмъ обезцѣненные кредитные билеты.*

Если у насъ сильно увеличилась масса нашихъ капиталовъ, то значитъ, увеличилась та наша сила, которою цѣнность кредитныхъ билетовъ могла бы быть поднята, еслибъ ей не мѣшали. А между тѣмъ этой-то силѣ и оказываютъ противодѣйствіе, когда увеличеніемъ массы кредитныхъ билетовъ ей каждый разъ все болѣе и болѣе дѣлаютъ трудною задачу—поддерживать и возвышать цѣнность кредитныхъ билетовъ. Если наша потребность въ орудіяхъ обращенія ростетъ, то народному хозяйству должно быть дано то, что дѣйствительно удовлетворяетъ потребности. Если потребность—здоровая, то и удовлетворяться она должна предметомъ здоровымъ, а не такимъ, отъ котораго она должна становиться нездоровою, болѣзненною. То-есть, если у насъ существуетъ усиленная потребность въ орудіяхъ обращенія, то удовлетворяться она должна не „временными" кредитными билетами, которые обезцѣнены сами и угрожаютъ обезцѣнить остальную массу билетовъ, а кредитными знаками, *размѣнными на ходячія законныя платежныя средства.*

Консолидація кредитныхъ билетовъ, на которые увеличивается наше денежное обращеніе, затруднительна не потому, что кредитные билеты удовлетворяютъ народной потребности, а потому, что *государственный банкъ безъ нихъ не можетъ разсчитаться съ своими вѣрителями.* Это мы допускаемъ; но это доказываетъ только, что пораженному во многихъ мѣстахъ государственному банку трудно приступить къ леченію отъ одной изъ его болѣзней, чтобъ не почувствовать немедленно и тѣмъ напряженнѣе всѣ остальныя свои болѣзни. Вотъ почему отрицаніе консолидаціи имѣетъ только то значеніе, что имъ косвенно выражается требованіе болѣе радикаль-

наго леченія,—что имъ выражается косвенно мысль о невозможности для государственнаго банка лечиться только отъ одной болѣзни.

Мы не станемъ отвергать полезности болѣе радикальнаго леченія, но мы думаемъ, что постепенность совсѣмъ не препятствуетъ радикальности. Послѣдняя можетъ заключаться только въ томъ, чтобъ основная мысль реформы охватывала всю совокупность нашихъ неотвержденныхъ долговъ, и чтобъ регулированіе *всей* этой совокупности было окончательною цѣлью реформы. Постепенность же должна выразиться въ послѣдовательномъ рядѣ мѣропріятій, которыя одно за другимъ переходили бы къ разрѣшенію различныхъ частей обширной задачи.

Мѣропріятія должны быть такъ расположены, чтобъ предшествующія всегда содѣйствовали успѣху послѣдующихъ, т.-е. они должны быть объединены общею мыслью и другъ другу соподчинены, какъ соподчинены другъ другу всегда бываютъ составные элементы одной и той же задачи. Ни одна изъ подготовительныхъ мѣръ для регулированія нашего неотвержденнаго долга не должна заслонять собою другихъ.

Усиленіе размѣннаго фонда можетъ быть разсматриваемо какъ одна изъ этихъ подготовительныхъ мѣръ. Но усиленіе очень долго стоитъ такъ одиноко и защищалось такими доводами, что менѣе всего выступало достаточно ясно его значеніе въ ряду другихъ мѣръ, одинаково съ нимъ подготовительныхъ. Значеніе другихъ мѣръ, однородныхъ съ усиленіемъ размѣннаго фонда, имъ какъ-бы совершенно подавлялось.

Намъ кажется, что этому прежде всего долженъ былъ бы быть положенъ конецъ. И это могло бы быть сдѣлано пріостановленіемъ операціи усиленія размѣннаго фонда и переходомъ отъ нея къ другимъ частямъ задачи, подлежащей разрѣшенію.

Несомнѣнно, что существуютъ интересы, которые будутъ имѣть поводъ жаловаться, если государственный банкъ пріостановитъ свои покупки драгоцѣнныхъ металловъ. Но эти интересы далеко не тождественны съ интересами общественной и государственной пользы. Одно только ихъ существованіе, поэтому, совсѣмъ не доказываетъ, что покупки драгоцѣнныхъ металловъ государственнымъ банкомъ, независимо отъ своего непосредственнаго и спеціальнаго назначенія, имѣютъ еще какое-то другое, болѣе высокое назначеніе.

Прежде всего необходимо принять во вниманіе, что когда наше финансовое управленіе рѣшилось на операцію покупокъ, то оно имѣло въ виду именно одно только укрѣпленіе размѣннаго фонда. Это укрѣпленіе считали приготовительною мѣрою для возстановленія валюты. Ради возстановленія примирились съ противодѣйствіемъ воз-

вышенію вексельнаго курса. Но на это рѣшились только временно. И иначе, какъ временно, на операцію покупокъ не могли рѣшиться. Ибо какой же интересъ существуетъ для того, чтобъ вѣчно держать вексельный курсъ на низкомъ уровнѣ? Нельзя же думать въ самомъ дѣлѣ, будто наше финансовое управленіе имѣло и имѣетъ недоброе намѣреніе нарочно долгое время насильственно держать курсъ на низкомъ уровнѣ, чтобъ потомъ имѣть однимъ поводомъ больше для девольваціи. Низкій уровень вексельнаго курса (высокій лажъ) — неудобство, съ которымъ *на время* народное хозяйство можетъ примириться, но, конечно, только ради пріобрѣтаемой за то возможности возстановить валюту, то-есть, совершенно устранить лажъ. Теперь у государственнаго банка на 217 милл. р. золота и серебра при 792 милл. кредитныхъ билетовъ; пропорція металла къ билетамъ такая, какъ 1 къ $3^2/_3$. Если операція покупки не представляетъ сама по себѣ никакихъ опасностей для цѣнности кредитныхъ билетовъ, тогда весьма выгодно, чтобъ государственный банкъ выпустилъ еще на триста милліоновъ кредитныхъ билетовъ и увеличилъ свой металлическій фондъ до 534 милл. Тогда пропорція металла къ билетамъ будетъ почти какъ 1 къ 2. Или выгодно, чтобъ банкъ удвоилъ теперешнюю массу кредитныхъ билетовъ до суммы 1584 милл. руб., а металлическій фондъ довелъ до 1009 милл.; ибо тогда пропорція будетъ, какъ 1 къ $1^2/_5$. Но именно эти колоссальныя цифры съ одной стороны, и слишкомъ благопріятные результаты съ другой—и показываютъ наглядно, что разъ операція покупки не ограничивается извѣстными предѣлами, она превращается въ *пуфъ*. Именно приведенныя цифры и убѣждаютъ, что операція покупки металловъ можетъ быть ведена успѣшно только до тѣхъ поръ, пока ея собственныя вредныя вліянія парализуются противодѣйствіемъ со стороны прогресса производительности силъ народнаго хозяйства. Но разъ операція начинаетъ принимать колоссальные размѣры, ея вредныя тенденціи становятся непреоборимыми.

Ни государственный банкъ, ни вообще наше финансовое управленіе, задаваясь намѣреніемъ усилить размѣнный фондъ, ничѣмъ не выражали еще другого намѣренія — споспѣшествовать какимъ-либо инымъ интересамъ, кромѣ интересовъ нашей валюты. Да оно и понятно. Какое дѣло государственному банку до интересовъ той или иной отдѣльной отрасли нашей торговли? Или какимъ образомъ такой крупный народно-хозяйственный интересъ, каковъ несомнѣнно интересъ валюты, могъ бы быть поставленъ нашимъ финансовымъ управленіемъ въ зависимость отъ выгодъ отдѣльной группы предпринимателей?

Говорятъ, что отъ прекращенія государственнымъ банкомъ поку-

пок золота и серебра сильно пострадают интересы нашего экспорта. Посмотримъ!

Предметы нашего экспорта двоякіе: товары и цѣнныя бумаги. Что касается *товаровъ*, то устраненіе покупокъ можетъ для нихъ оказаться невыгоднымъ, какъ отъ прочнаго, такъ и отъ временнаго улучшенія вексельнаго курса. Улучшеніе вексельнаго курса есть пониженіе лажа; слѣдовательно, оно уменьшаетъ выручку экспортера на размѣръ пониженія лажа. Если пониженіе временное, то оно подвержено колебаніямъ, которыя предвидѣть иногда трудно или совершенно невозможно. Понятно, что оно тогда можетъ совершенно разрушить разсчеты экспортера и довести его до разоренія. Если же поправленіе курса и пониженіе лажа не только временное, а прочное, то оно тогда совершенно лишаетъ экспортера извѣстной части его выручки. А эта часть можетъ быть весьма важна для его способности являться на заграничныхъ рынкахъ конкуррентомъ экспортеровъ другихъ странъ.—Для экспорта *цѣнныхъ бумагъ* извѣстный наинизшій уровень лажа тоже имѣетъ значеніе. Ибо уровнемъ лажа между прочимъ опредѣляется цѣна бумаги. Чѣмъ лажъ ниже, тѣмъ бумага обходится дороже ея заграничному покупателю, тѣмъ менѣе выгоды она представляетъ заграничнымъ капиталистамъ, какъ помѣщеніе, тѣмъ для нихъ выгоднѣе продавать бумагу. Изъ этого можно было бы заключать, что поправленіе курса повлечетъ за собою не только уменьшеніе сбыта нашихъ бумагъ на заграничныхъ биржахъ, но и сильный наплывъ ихъ изъ-за границы для реализаціи на нашихъ русскихъ биржахъ.

Таковы доводы, повидимому говорящіе за сохраненіе теперешняго порядка отношеній государственнаго банка къ вексельнымъ курсамъ. Разобрать ихъ тѣмъ болѣе необходимо, что имъ придавали государственное значеніе.

Начнемъ съ вреда колебаній лажа для экспорта товаровъ и съ пользы, которую покупки драгоцѣнныхъ металловъ приносятъ, такъ-называемою, *фиксаціею* курса. Мы уже выше видѣли, что если разсуждать строго, то покупки совсѣмъ не фиксируютъ курса. Покупки, мѣшая возвышенію курса, устраняютъ вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлый рядъ высотъ курса и лажа, которыя иначе были бы возможны. Такое устраненіе, однако, не тождественно ни съ фиксаціею курса и лажа, ни съ устраненіемъ ихъ колебаній. Теперь лажъ не можетъ опуститься ниже 16%. Онъ не можетъ равняться ни 15%, ни 14%, ни 13% и т. д. вплоть до нуля %. Конечно, экспортеръ, съ точки зрѣнія своихъ частныхъ (эгоистическихъ) интересовъ, имѣетъ основанія утверждать, что для него безразлично, колеблется ли лажъ между 25% и 16% или между 16% и 10%, лишь бы не было колебаній между 10% и

25%. Колебанія вредны и для всего народнаго хозяйства, и чѣмъ меньше предѣлы, въ которыхъ они происходятъ, тѣмъ выгоднѣе для всѣхъ интересовъ. Но *всѣ* (а не только эгоистическіе) интересы выигрываютъ лишь тогда, когда *причины* обширныхъ колебаній устранены, а не тогда, когда устранены одни только *симптомы* обширныхъ колебаній. Разъ причины большого объема колебаній остаются нетронутыми, интересы народнаго хозяйства продолжаютъ по прежнему страдать. А отъ устраненія симптомовъ выигрываютъ только извѣстныя категоріи частныхъ интересовъ, которымъ обезпечивается *на счетъ остальныхъ интересовъ* опредѣленная прибыль. Сверхъ того, имъ обезпечивается возможность менѣе озабочиваться послѣдствіями, проистекающими отъ того, что основныя причины обширныхъ колебаній оставлены нетронутыми. Конечно, экспортеръ выигрываетъ, если онъ увѣренъ, что различныя высоты лажа, начиная отъ нуля и до 16%, невозможны. Но всѣ остальные члены народнаго хозяйства отъ этого не только не выигрываютъ, но еще теряютъ. Ибо то улучшеніе въ ихъ положеніи, которое произошло бы отъ пониженія лажа, у нихъ отнимается. Причины пониженія лажа не парализуются. Да ихъ никакая сила и не въ состояніи парализовать. Но послѣдствія этихъ причинъ искусственно дѣлаются рессурсомъ для эгоистическихъ выгодъ. Экспортеры начинаютъ получать рядъ прибылей каждый разъ, когда причины, понижающія лажъ, желали бы *видимымъ образомъ* оказать свое вліяніе. Этому видимому вліянію ихъ препятствуютъ; и оттого оказывается *невидимое* только ихъ вліяніе: возвышеніе прибылей частныхъ категорій предпринимателей. Еслибъ колебаніямъ лажа предоставлена была свобода, предпріимчивости приходилось бы дѣятельно озабочиваться предусмотрѣніемъ ихъ. Предпріимчивость должна была бы принимать противъ нихъ мѣры и на основаніи собственной инициативы уравнивать спросъ и предложеніе векселей въ различныя времена, чтобъ колебанія курса были наименѣе значительныя. Теперь же экспортеры имѣютъ одною заботою меньше. Они могутъ меньше бояться колебаній. Но вѣдь это *подарокъ*, который имъ дѣлается на счетъ остальныхъ членовъ народнаго хозяйства. И этотъ подарокъ — тѣмъ болѣе дорогой, чѣмъ больше основаній у народнаго хозяйства дорожить своимъ прогрессомъ. Наконецъ, всякому подарку раньше или позже должны быть поставлены предѣлы.

Итакъ, операція покупки драгоцѣнныхъ металловъ, если она и фиксируетъ вексельный курсъ, то только во внѣшнихъ симптомахъ его колебаній и только въ эгоистическихъ интересахъ. Съ точки же зрѣнія интересовъ народнаго хозяйства операція покупки металловъ совсѣмъ не фиксируетъ курса.

Совершенно иного рода доводъ является предъ нами, когда говорятъ, что мы потеряемъ способность конкуррировать въ отпускѣ хлѣба съ Америкою, если низкій курсъ не поддержитъ нашихъ экспортеровъ. Это значитъ, что нашъ экспортъ нуждается въ покровительственной пошлинѣ, которую ему и доставляетъ высокій лажъ. Несомнѣнно, конечно, что когда приходится соперничать на заграничномъ рынкѣ, то большое значеніе получаетъ всякое средство, могущее оказать помощь въ борьбѣ съ соперникомъ. Значеніе подобнаго средства можетъ получить и высокій лажъ. Но спрашивается въ такомъ случаѣ, какой интересъ имѣется въ экспортѣ, если онъ иначе не можетъ держаться, какъ путемъ поощренія, убивающаго самое главное значеніе экспорта, его значеніе для вексельнаго курса? Если мы не можемъ сбывать нашихъ зерновыхъ продуктовъ иначе, какъ съ потерею тѣхъ выгодъ, которыя заграничный сбытъ долженъ былъ бы доставить нашему вексельному курсу, то это значитъ, что заграничный сбытъ начинаетъ терять одно изъ своихъ преимуществъ *предъ сбытомъ на внутреннихъ рынкахъ.* И вдругъ мы стали бы искусственно создавать такое преимущество, для котораго въ дѣйствительности почва потеряна! Нельзя спорить противъ того, что всякій выигрышъ экспортера на лажѣ побуждаетъ его болѣе вывозить заграницу. Но какой же у насъ существуетъ интересъ *искусственно дѣлать нашъ хлѣбъ болѣе дешевымъ для заграничнаго потребителя, чѣмъ для внутренняго?* Не для того же мы станемъ это дѣлать, чтобъ экспортеръ имѣлъ возможность лишнее заработать!

Нельзя, однако, упускать изъ виду еще и слѣдующихъ обстоятельствъ. Поощряемый искусственно-высокимъ лажемъ, отпускъ сжимаетъ предложеніе на внутреннихъ рынкахъ и, порождая на нихъ возвышеніе цѣнъ, начинаетъ самъ парализовать свои тенденціи. Подобно всякой покровительственной пошлинѣ, и та, которая дается въ искусствено-высокомъ лажѣ, чрезъ извѣстное время становится недостаточною, если она не стала излишнею.

Но значеніе высокаго лажа, какъ основанія для способности конкуррировать на заграничныхъ рынкахъ, парализуется, сверхъ того, еще и подъ вліяніемъ увеличенія денежнаго обращенія новыми кредитными билетами. По мѣрѣ того, какъ цѣны на внутреннихъ рынкахъ начинаютъ подвергаться вліянію лажа, долгое время стоявшаго на высокомъ уровнѣ, и вліянію увеличенной массы кредитныхъ билетовъ, долгое время остававшихся въ обращеніи,—становится все болѣе и болѣе фиктивнымъ поощреніе, доставляемое отпуску искусственною поддержкою лажа на высокомъ уровнѣ.

Въ теченіе 6½ послѣднихъ лѣтъ размѣнный фондъ усилился на 160 милл. рублей. Такое усиленіе могло произойти, или благодаря

естественному развитію нашего отпуска въ послѣдніе годы, или только благодаря искусственному поощренію нашего отпуска. Въ первомъ случаѣ у народнаго хозяйства отрѣзана была часть *предложенія* иностранныхъ векселей, которые иначе явились бы на рынкѣ и своимъ давленіемъ на вексельный курсъ понизили бы лажъ. Среднимъ числомъ въ годъ у насъ могло бы появляться на 25 милл. руб. больше векселей; а эта сумма очень близко подходитъ къ средней ежемѣсячной нашей потребности въ иностранныхъ векселяхъ. Если же усиленіе размѣннаго фонда произошло, только благодаря поощренію отпуска, то и тогда совершенно достаточно жертвы въ 80 милл., въ которую по наименьшему разсчету обошлось поощреніе отпуска и усиленіе размѣннаго фонда.

Такимъ образомъ, разсматривая съ точки зрѣнія товарнаго экспорта операцію покупки драгоцѣнныхъ металловъ, мы приходимъ къ заключенію, что она широкаго и общаго государственнаго значенія лишена, что ея значеніе можетъ быть только подчиненное. Поощряя отпускъ, она вызываетъ такое его усиленіе, отъ котораго выигрываетъ не народное хозяйство, а одинъ только размѣнный фондъ. Расходы усиленія послѣдняго и представляютъ жертвы народнаго хозяйства на поощреніе отпуска. Но означенные расходы не могутъ рости безгранично. Сама природа размѣннаго фонда и назначеніе его ставятъ ясные предѣлы расходамъ его усиленія.

Остается еще разсмотрѣть тѣ вліянія, которыми прекращеніе покупокъ драгоцѣнныхъ металловъ, повидимому, можетъ отразиться на нашей фондовой биржѣ.

Несомнѣнно, что всякое улучшеніе нашего вексельнаго курса дѣлаетъ доходность нашихъ бумагъ менѣе высокою для заграничнаго капиталиста. Но развѣ улучшенія въ положеніи должника не должны естественно всегда имѣть своимъ послѣдствіемъ—удешевленіе цѣны, по которой онъ достаетъ для себя капиталъ на денежномъ рынкѣ? При чемъ же окажутся и успѣхи нашихъ бюджетовъ государственныхъ, и желѣзнодорожныя постройки, и успѣхи нашей торгово-промышленной жизни, если мы вѣчно должны будемъ уплачивать за капиталы, получаемые нами изъ за-границы, все одну и ту же цѣну? Если на заграничныхъ биржахъ курсы нашихъ бумагъ идутъ въ гору, то развѣ это не доказываетъ, что, и помимо нашей инициативы, нашимъ бумагамъ готовы довѣрять капиталы за болѣе низкую цѣну? Если наши новыя подписки за-границею сопровождаются блестящими успѣхами и если выпускные курсы новыхъ нашихъ бумагъ могутъ быть прогрессивно возвышаемы, то развѣ это не доказываетъ, что цѣна свободнаго капитала на всемірномъ денежномъ рынкѣ для насъ понизилась?

Одно только то, что доходность нашихъ бумагъ отъ поправленія вексельнаго курса нѣсколько понизится для заграничнаго капиталиста, еще не должно вовсе необходимо повлечь за собою усиленный обратный притокъ къ намъ бумагъ изъ-за-границы. Ибо наши бумаги все еще останутся при достаточно высокой доходности, чтобъ привлекать заграничные капиталы. Для обратнаго притока необходимо, чтобъ довѣріе къ нашимъ бумагамъ ослабѣло. Необходимо, чтобъ заграничные капиталисты обрадовались представляющемуся, при улучшеніи вексельнаго курса, благопріятному случаю хорошо реализовать бумагу, къ которой довѣріе не велико, и поспѣшили воспользоваться случаемъ. Но въ рукахъ у нашего правительства имѣются всѣ средства для того, чтобъ поставить внѣ случайностей качества довѣрія, питаемаго къ нашимъ бумагамъ.

Можно признавать, что за-границею во всякое данное время существуетъ у спекуляціи извѣстное количество нашихъ бумагъ, находящихся въ положеніи неотвержденныхъ (papier flottant, schwebendes Papier) и стремящихся всегда отразиться на нашей биржѣ подъ вліяніемъ перемѣнъ въ вексельномъ курсѣ. Эти-то бумаги или заграничная спекуляція по собственной иниціативѣ бросаетъ на нашъ рынокъ, если улучшившійся вексельный курсъ обѣщаетъ нѣкоторыя выгоды, или же ихъ призываетъ на наши биржи иниціатива нашихъ собственныхъ капиталовъ, получающихъ возможность дешевле покупать, благодаря тому же улучшенію въ вексельномъ курсѣ. Но какъ бы то ни было, весьма важно не терять изъ виду, что если улучшеніе вексельнаго курса и влечетъ за собою наплывъ бумагъ на наши биржы, то этотъ наплывъ самъ представляетъ коррективъ, противодѣйствующій ненормальности во вліяніяхъ вексельнаго курса, когда онъ поправляется. Наплывъ бумагъ изъ за-границы влечетъ за собою необходимость увеличенныхъ заграничныхъ платежей и, слѣдовательно, давленіе на вексельный курсъ по направленію внизъ. Конечно, отъ предусмотрительности заграничныхъ продавцовъ или нашихъ отечественныхъ покупателей въ весьма сильной мѣрѣ зависитъ, какъ низко опустится цѣна приплывшихъ бумагъ и до какой степени ухудшится вексельный курсъ отъ увеличенія платежей за-границу. Но вѣдь сильное паденіе курса бумагъ также невыгодно для ихъ продавцовъ, какъ слишкомъ сильное паденіе вексельнаго курса невыгодно для ихъ покупателей.

Не забудемъ, что если въ настоящее время мы оказываемся совершенно беззащитными, когда сильный приплывъ бумагъ изъ-за-границы начинаетъ гибельно угрожать нашему вексельному курсу, то это въ самой значительной мѣрѣ происходитъ оттого, что *у государственнаго банка парализована его способность противодѣйство-*

вать слишкомъ сильному уплыву нашихъ свободныхъ средствъ за-границу. Еслибъ у государственнаго банка не было такой колоссальной массы иммобилизированныхъ активовъ,—еслибъ таковыхъ онъ имѣлъ на 100 милліоновъ рублей меньше и вмѣсто нихъ обладалъ бы *свободнымъ* портфелемъ на такую же сумму,—тогда весьма простое своевременное регулированіе учетно-ссудныхъ процентовъ давало бы ему достаточную возможность — оказывать надлежащее противодѣйствіе сильному приплыву нашихъ бумагъ изъ-за-границы. Уже въ настоящее время регулированіе учетно-ссудныхъ процентовъ (въ особенности осенью) даетъ государственному банку возможность пользоваться благопріятнымъ вексельнымъ курсомъ для усиленія своего размѣннаго фонда. Легко себѣ въ такомъ случаѣ представить, какую силу на пользу народнаго хозяйства государственный банкъ могъ бы пріобрѣсти, еслибъ онъ могъ стать свободнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ.

Такимъ образомъ и разсмотрѣніе условій нашей фондовой биржи приводитъ насъ къ тому же заключенію. Не удержаніе операціи усиленія размѣннаго фонда покупками драгоцѣнныхъ металловъ намъ въ настоящее время нужно. Совершенно напротивъ. Намъ нужно расширеніе свободы дѣйствій. Необходимо, чтобъ государственный банкъ получилъ возможность *всѣ* свои средства отъ вкладовъ и текущихъ счетовъ употреблять на одни только торгово-промышленныя цѣли. Тогда намъ возможно будетъ меньше бояться и вліяній всякихъ случайностей на нашъ вексельный курсъ.

Къ этой-то цѣли должны были бы стремиться новыя подготовительныя мѣры, которымъ усиленіе размѣннаго фонда должно было бы уступить мѣсто.

Если дѣйствительно мы переживаемъ теперь эпоху, когда наша потребность въ орудіяхъ обращенія еще только начинаетъ обозначать свои предѣлы, то тѣмъ сильнѣе наша потребность въ циркуляціонномъ механизмѣ, достаточно упругомъ, чтобъ онъ могъ свободно приспособляться къ потребностямъ. Намъ нужно денежное обращеніе, которое способно было бы расширяться и сокращаться не по указаніямъ канцеляріи, а смотря по надобностямъ и средствамъ торгово-промышленной жизни, сообразно условіямъ производительности нашихъ силъ и соотвѣтственно перемѣнамъ, происходящимъ на всемірномъ денежномъ рынкѣ.

Насколько подобной цѣли могутъ споспѣшествовать подготовительныя мѣры для регулированія нашихъ неотвержденныхъ долговъ, эти мѣры у насъ должны быть двоякія. Во-первыхъ, онѣ должны клониться къ тому, чтобъ вывести государственный банкъ изъ его теперешняго безысходнаго положенія. Во-вторыхъ, онѣ должны со-

дѣйствовать возможности появленія у насъ безупречныхъ нормальныхъ денежныхъ знаковъ.

Тѣ средства, которыя государственный банкъ расходуетъ на усиленіе размѣннаго фонда, онъ долженъ направить *на усиленіе своей кассы*. Государственный банкъ главнымъ образомъ оперируетъ, какъ вкладной (депозитный) банкъ. Поэтому, прежде чѣмъ можетъ зайти рѣчь о ролѣ государственнаго банка въ качествѣ эммиссіоннаго учрежденія, должна быть устроена на прочныхъ основаніяхъ состоятельность его въ качествѣ вкладного банка. Если теперешнее ненормальное положеніе заключается въ томъ, что государственный банкъ, израсходовавъ свои средства иммобилизирующимъ ихъ образомъ, потерялъ свою кассу или обладаетъ только фиктивною кассою [1]), то возстановленіе нормальности должно заключаться въ томъ, чтобъ государственному банку дана была возможность *реализировать свои активы* и получить средства для дѣйствительной кассы.

Реализація неподвижныхъ активовъ государственнаго банка, то-есть консолидированіе долга ликвидаціи, конечно, будетъ стоить расходовъ. Но эти расходы, какъ замѣчено, не представятъ новаго бремени для государственнаго казначейства, если на нихъ будутъ обращены средства, теперь употребляемыя на усиленіе размѣннаго фонда. Мало того: въ настоящее время эти средства все-таки составляютъ бремя для казначейства. Напротивъ, если они будутъ обращены на эмансипацію государственнаго банка, то они освободятъ казначейство отъ лишняго бремени. Общая масса тягостей, лежащихъ на казначействѣ, увеличиваемая операціею усиленія размѣннаго фонда, уменьшится отъ поставленія государственнаго банка въ болѣе нормальныя условія. Ибо, получивъ обратно свои средства въ свободномъ видѣ, государственный банкъ въ состояніи будетъ ихъ затратить не изъ 3%, которыми приходится обременять счетъ казначейства, а изъ 7% или 6%, которые будутъ уплачиваться непосредственно производительною предпріимчивостью. Прибыли государственнаго банка перестанутъ быть фиктивными и получать значеніе реальнаго рессурса, способнаго облегчать казначейство, а не вводящаго его въ расходы. Вмѣстѣ съ тѣмъ торгово - промышленный міръ освободится отъ тя-

---

[1]) Чтобъ наши слова о *фиктивности* кассы государственнаго банка не показались преувеличеніемъ, обращаемъ вниманіе на то, что и управленіе банка считаетъ его кассу фиктивною. Иначе оно не вычитывало бы кассы ежемѣсячно изъ общей массы кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе. Англійскій банкъ такихъ вычетовъ не производитъ и считаетъ находящеюся въ обращеніи всю массу билетовъ, имъ выпущенныхъ, хотя бы половина ихъ оставалась у него въ оборотной кассѣ. Англійскій банкъ поступаетъ такъ потому, что онъ не считаетъ фиктивною свою кассу.

желаго конкуррента на денежномъ рынкѣ. Государственное казначейство получитъ возможность выйти изъ совершенно несоотвѣтствующей ему роли непрерывнаго тяготѣнія надъ денежнымъ рынкомъ. Наконецъ, государственный банкъ получитъ въ свое распоряженіе достаточно обширный портфель обязательствъ производительной предпріимчивости, который ему доставитъ полную возможность регулировать не только нашъ внутренній денежный рынокъ, но и взаимоотношеніе послѣдняго съ заграничными денежными рынками. Государственный банкъ вступитъ, наконецъ, въ ту роль, которая одна только ему и соотвѣтствуетъ. И врядъ ли возможно сомнѣніе въ томъ, что польза, которую государственный банкъ въ состояніи будетъ приносить торговлѣ и промышленности, когда онъ станетъ свободнымъ, будетъ значительно больше той, которую усиленіе размѣннаго фонда ему теперь даетъ возможность приносить ограниченному кругу интересовъ экспортеровъ и банкировъ.

Способовъ мобилизированія неподвижныхъ активовъ государственнаго банка находится достаточное количество въ его собственной власти. Простѣйшій представлялся бы путемъ реализаціи извѣстнаго количества 5% билетовъ, предпринятой въ ту часть года, когда процентные текущіе счеты государственнаго банка прогрессивно наростаютъ. Непрерывно усиливающійся спросъ на банковые билеты въ связи съ крупнымъ наростаніемъ текущихъ счетовъ, какъ у государственнаго, такъ и у частныхъ банковъ, могли бы ручаться за то, что реализація будетъ имѣть успѣхъ. Такъ такъ вмѣстѣ съ реализаціею будетъ идти уменьшеніе неподвижныхъ активовъ, то государственный банкъ *въ этомъ случаѣ* не будетъ самъ дѣлать себѣ конкурренціи и не воспрепятствуетъ самъ своему успѣху. Иное, конечно, произошло бы, еслибъ государственному банку приходилось реализировать облигаціи для извлеченія кредитныхъ билетовъ изъ обращенія. Тогда неподвижные активы дѣлали бы необходимымъ для успѣха реализаціи особый выпускъ временныхъ кредитныхъ билетовъ. Но при уменьшеніи неподвижныхъ активовъ временный выпускъ становится излишнимъ. И если бы къ нему даже прибѣгли, то развѣ только *для ускоренія окончательнаго консолидированія всего дома* ликвидаціи. Ибо временный выпускъ въ такомъ случаѣ дѣйствительно усилилъ бы одну только кассу и далъ бы возможность равную сумму списать со счета неподвижныхъ активовъ. Затѣмъ, усиленіе кассы только облегчило бы рынку принятіе облигацій, консолидирующихъ остаточную часть неподвижныхъ активовъ.

Единственный вопросъ, остающійся, повидимому, открытымъ въ случаѣ удачнаго конца отстаиваемой нами операціи (въ сущности только завершающей банковую реформу 1860 года), заключается въ

размѣрѣ оборотныхъ средствъ, которыя останутся тогда въ распоряженіи государственнаго банка. Можетъ казаться, что съ окончательнымъ устраненіемъ иммобилизированныхъ активовъ изъ баланса государственнаго банка исчезнетъ и соотвѣтственная сумма оборотныхъ средствъ, представляющая теперь въ пассивахъ баланса только долгъ, который собственно и подлежитъ консолидаціи.

До извѣстной степени дѣйствительно должно признать, что часть вкладовъ (срочныхъ, безсрочныхъ и на текущіе счеты) исчезнетъ изъ баланса государственнаго банка и послужитъ на консолидацію. Но уже одно то, что государственный банкъ прекратитъ операцію усиленія размѣннаго фонда, высвободитъ ему значительную массу оборотныхъ средствъ. Всѣ тѣ милліоны, на которые регулярно ежегодно возростаютъ текущіе счеты, тоже представятъ прибавленіе къ оборотнымъ средствамъ банка.

Но, главнымъ образомъ, для увеличенія оборотныхъ средствъ государственнаго банка должны были бы служить спеціальныя двѣ мѣры, изъ коихъ одна касается серій, а другая—эмиссіонной операціи.

Когда заходитъ рѣчь о серіяхъ, то единственнымъ доводомъ, который можетъ быть приведенъ и обыкновенно приводится въ ихъ защиту, служитъ указаніе на то, что наша публика къ нимъ привыкла. Несомнѣнно, конечно, что бумага, приноровившаяся ко вкусамъ публики, обладаетъ большимъ достоинствомъ, но только въ томъ случаѣ, если она удовлетворяетъ своему назначенію. Но серіи своему назначенію совсѣмъ не удовлетворяютъ. Онѣ принадлежатъ къ тому разряду предметовъ, которые болѣе свѣтятъ, чѣмъ грѣютъ. Но въ финансовой области подобные *objets de luxe* вредны. Еслибъ казначейство могло обходиться безъ услугъ государственнаго банка, если бы ему не нужно было располагать особымъ рессурсомъ для антиципаціи текущихъ государственныхъ доходовъ, — тогда понятно было бы и индифферентное отношеніе къ серіямъ. Но государственное казначейство не въ состояніи обходиться безъ услугъ государственнаго банка. Ему настоятельно нуженъ особый спеціальный рессурсъ, антиципирующій текущіе доходы. Ясно въ такомъ случаѣ, что или серіи должны быть преобразованы, или онѣ совсѣмъ должны исчезнуть, чтобы очистить мѣсто чему-либо, болѣе соотвѣтствующему ихъ цѣли.

Консолидація серій представляется тѣмъ болѣе естественною необходимостью, что онѣ и теперь представляютъ бремя для казначейства. Это бремя пришлось бы увеличить на 1½—2 милл. рублей только. И подобная мѣра опять имѣла бы большое значеніе по свободѣ, которую она предоставила бы правительству и денежному рынку. Правительству открылся бы просторъ въ такой области, въ которой оно теперь совершенно связано. Денежный же рынокъ освободился

бы отъ тѣхъ „удобствъ" серій, которыя на самомъ дѣлѣ представляютъ одни только стѣсненія. Ибо для денежнаго рынка серіи прежде всего неудобны тѣмъ, что онѣ косятся на всякій капиталъ и одинаково представляютъ достаточно долгосрочное и совершенно краткосрочное помѣщеніе. Съ долгосрочными помѣщеніями серіи конкуррируютъ, потому что онѣ наименѣе долгосрочны. Въ то же время онѣ—опасный конкуррентъ для краткосрочныхъ помѣщеній своимъ сравнительно высокимъ процентомъ. При консолидаціи ликвидаціоннаго долга и серій государственный банкъ могъ бы совсѣмъ уже не платить процентовъ по текущимъ счетамъ. Это сдѣлало бы менѣе дорогими позаимствованія казначейства у банка. Въ то же время частные банки были бы въ свою очередь поставлены въ возможность устроить болѣе нормально свои отношенія къ неопредѣленно-свободнымъ капиталамъ по вкладамъ на текущіе счеты. Частные банки могли бы значительно менѣе расходоваться на эти капиталы. Чрезъ это для нихъ усилилась бы возможность держать въ своихъ кассахъ болѣе крупныя суммы капиталовъ. А болѣе высокія кассы частныхъ банковъ не замедлили бы отразиться на увеличеніи текущихъ счетовъ государственнаго банка.

Должно признать, однако, что врядъ ли оборотныя средства государственнаго банка усилятся въ потребной мѣрѣ и врядъ ли изъ него будетъ сдѣлано учрежденіе, достаточно снабженное силами и средствами для подготовленія возможности возстановленія валюты,— если на помощь не будетъ взята эмиссіонная операція.

Государственный банкъ ведетъ ее непрерывно и въ настоящее время. Но онъ ее ведетъ, такъ сказать, втихомолку, несмотря на то, что она вошла въ его обыденную практику вотъ уже двѣнадцатый годъ. Этому долженъ былъ бы быть положенъ конецъ.

Если уже въ настоящее время наше денежное обращеніе слагается изъ составныхъ частей, существенно другъ отъ друга отличныхъ, то законодательство не можетъ игнорировать подобнаго факта и должно себя поставить къ факту въ болѣе опредѣленное и ясное отношеніе. Мы полагаемъ, поэтому, что одна изъ неотложнѣйшихъ нашихъ потребностей заключается въ законодательствѣ, которое основано было бы не на стремленіяхъ и неудачныхъ покушеніяхъ сразу однимъ ударомъ разрѣшать труднѣйшія задачи, а на изслѣдованіи дѣйствительныхъ фактовъ, и было бы сообразно съ ихъ природою. Оффиціальное изслѣдованіе фактовъ, касающихся нашего денежнаго обращенія, помимо того свѣта, которое оно могло бы бросить на область, въ настоящее время покрытую мракомъ, должно было прежде всего установить на прочныхъ основаніяхъ ту часть

нашего денежнаго обращенія, которая стоитъ внѣ предѣловъ безпроцентнаго долга казначейства за кредитные билеты.

Если взять наше денежное обращеніе въ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда его составъ выясняется всего рельефнѣе, то оно намъ представится состоящимъ: изъ 566 милл., которые суть безпроцентный долгъ, изъ 200 слишкомъ милліоновъ, совершенно покрытыхъ цѣнностями размѣннаго фонда, и изъ нѣскольких десятковъ милліоновъ, тоже совершенно удовлетворительно покрытыхъ краткосрочными обязательствами предпріимчивости или казначейства по антиципаціи его текущихъ доходовъ. Само собою очевидно, что первая составная часть не имѣетъ ничего общаго со второю и третьею. Вслѣдствіе того могла и должна была бы быть оборвана та связь, которая неестественно соединяетъ нормальное съ патологическимъ. Несомнѣнно, что, и при отдѣленіи и болѣе независимомъ поставленіи другъ относительно друга здоровой и больной части нашего денежнаго обращенія, послѣдняя не перестанетъ неблагопріятно вліять на первую. Но независимо отъ опыта Франціи, Австріи и Соединенныхъ-Штатовъ, нашъ собственный опытъ изъ практики государственнаго банка весьма убѣдительно доказываетъ, что и въ бумажно-денежной странѣ эмиссіонная операція можетъ быть ведена такъ, чтобъ больная часть денежнаго обращенія менѣе заразительно вліяла на здоровую.

Но отдѣленіе больной части денежнаго обращеніи отъ здоровой имѣетъ еще и другое важное значеніе. Оно даетъ возможность для того, чтобъ подготовить учрежденіе, которое было бы внутренне способно приступить къ леченію больного члена. И сверхъ того, оно даетъ возможность исподволь упрочивать въ денежномъ обращеніи такіе элементы, которые значительно облегчаютъ леченіе (содѣйствуя устраненію болей, сопряженныхъ съ леченіемъ) и которыхъ развитіе обезпечиваетъ почву для опоры въ послѣдующихъ мѣропріятіяхъ.

Въ настоящее время, всякая рѣшимость приступить къ радикальнымъ мѣрамъ для возстановленія порядка въ нашемъ денежномъ обращеніи должна неизбѣжно потерпѣть крушеніе, встрѣтившись съ препятствіями, представляемыми положеніемъ государственнаго банка. Вотъ почему на улучшеніе этого положенія должны быть направлены заботы прежде, чѣмъ будетъ приступлено къ радикальнымъ мѣрамъ.

И. Кауфманъ.

С.-Петербургъ, январь.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е марта, 1874.

Государственная роспись на 1874 г.—Отчетъ контроля за 1872 г.—Взглядъ на общее экономическое положеніе.—Вопросъ о бумажныхъ деньгахъ.—Металлическій фондъ.—Голодъ въ Самарской губерніи.—Выводы изъ фактовъ.—Облегченія обвиненнымъ въ государственныхъ преступленіяхъ.

Государственная роспись на 1874 годъ опредѣляетъ: обыкновенныхъ доходовъ—514.367,915 р.; оборотныхъ поступленій—19.184,979 р.; специальныхъ рессурсовъ на желѣзныя дороги и порты—6.298,762 р.; всего *доходовъ* = 539.851,656 руб. — Обыкновенныхъ расходовъ предвидится: 507.200,095 р.; на недоборъ въ податяхъ полагается—4 милл. р., и затѣмъ, съ присоединеніемъ оборотныхъ расходовъ и строительныхъ расходовъ изъ спеціальныхъ рессурсовъ, общій итогъ всѣхъ *расходовъ*=536.683,836 р.; то-есть: на 3.167,820 р. менѣе предвидимой суммы всѣхъ доходовъ. — Извѣстно, что доходы наши съ 1869 года ежегодно превышали предвидѣнія росписи на суммы отъ 29 до 38 милл. руб. Зависѣло это отъ того, что министерство финансовъ опредѣляло въ бюджетахъ сумму доходовъ слишкомъ осторожно, то-есть, назначало ее ниже даже дѣйствительнаго поступленія предшествовавшаго года, хотя очень хорошо знало, что поступленіе въ каждомъ послѣдующемъ году бывало миллiоновъ почти на 20 выше предшествовавшаго. Мы уже не разъ замѣчали при обсужденіи бюджетовъ, что цѣлью такого предвзятаго пониженія ожидаемой суммы доходовъ было—устранить изъ бюджета такое превышеніе доходовъ предъ расходами, которое, несмотря на свою значительность, не имѣло бы положительнаго значенія, такъ какъ противъ него слѣдовало бы выставить тутъ же, что расходовъ будетъ на такую же сумму, т.-е. милліоновъ на 30, произведено сверхъ смѣты.

Въ новой росписи сохраненъ тотъ же пріемъ крайне низкаго показанія суммы доходовъ; надо еще замѣтить, что на этотъ разъ осторожность принята еще бо́льшая, чѣмъ прежде, такъ какъ сумма

обыкновенныхъ доходовъ 1874 г. по росписи возвышена противъ бюджетной суммы 1873 г. только на 19 милл. 148 т. р., между тѣмъ какъ бюджетъ 1873 г. допускалъ возвышеніе тѣхъ же доходовъ противъ росписи 1872 года на 24½ милл. р. Издержки взиманія не показаны и въ новой росписи, такъ что исключеніе ихъ изъ росписей, къ сожалѣнію, слѣдуетъ считать окончательнымъ.

Предусматриваемое превышеніе доходовъ 1874 г. предъ расходами составляетъ, собственно говоря, 7.167,820 р. и окончательно исчисляется въ 3.167,820 р. только потому, что 4 милл. р. отчислено на недоборъ въ податяхъ. Такое значительное превышеніе доходовъ предъ расходами и составляетъ самую характеристическую черту бюджета 1874 г. Докладъ министра финансовъ замѣчаетъ, что предстоящіе расходы по введенію всеобщей воинской повинности, введенію новыхъ судебныхъ учрежденій въ разныхъ мѣстностяхъ, и увеличеніе съ будущаго, 1875 года, бюджета военнаго министерства еще на 5 милл. р., „дѣлаютъ ожидаемое превышеніе лишь необходимымъ запасомъ". Съ другой стороны, отчетъ государственнаго контроля по дѣйствительному исполненію росписи 1872 года представляетъ также весьма благопріятныя данныя: въ общемъ итогѣ въ счетъ этой росписи произведено было расходовъ на 501.894,252 р., а на покрытіе ихъ поступило 523.057,195 р. обыкновенныхъ доходовъ, да еще обращены свободные остатки отъ прежнихъ лѣтъ въ 4.564,096 р., такъ что средствъ собрано за 1872 г. на 25.727,039 р. болѣе, чѣмъ произведено было расходовъ, и за отчисленіемъ изъ этой суммы 20½ милл. р. на расходы по той же росписи, еще не выполненные, и 706 т. р. на удовлетвореніе расходовъ прежняго времени, образуется совершенно свободный остатокъ отъ исполненія росписи 1872 г. въ—4.487,764 р. Къ благопріятному отчету за 1872 г. и благопріятнымъ видамъ на 1874 г. слѣдуетъ еще присоединить и утѣшительныя свѣдѣнія о ходѣ исполненія росписи 1873 года. По свидѣтельству доклада министра финансовъ, исполненіе этой росписи, насколько можно было судить по свѣдѣніямъ, доходившимъ до ноября, давало основаніе предполагать также превышеніе доходовъ противъ смѣтныхъ предположеній. Расходы 1873 года покрывались по указанное время поступившими доходами. При этомъ замѣчалось весьма утѣшительное обстоятельство: значительное уменьшеніе въ 1873 году суммы сверхсмѣтныхъ ассигнованій; уменьшеніе ихъ въ 1873 г. противъ 1872 года составляло свыше 10 милл. р., несмотря на чрезвычайную потребность, представленную расходами на хивинскую экспедицію.

Никогда еще ежегодные отчеты по какому-либо вѣдомству не представляли такъ наглядно постояннаго преуспѣянія, какъ наши

государственныя росписи и контрольные отчеты за послѣдніе годы. Существенныя черты этихъ ежегодныхъ документовъ: постоянное возрастаніе суммы доходовъ, огромное превышеніе поступленія противъ предположенія, наличность свободныхъ остатковъ, постепенное уменьшеніе дефицитовъ, наконецъ, замѣна ихъ въ росписяхъ въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ кряду излишкомъ доходовъ предъ расходами, достигающимъ на нынѣшній разъ уже почтенной цифры,—трехъ слишкомъ милліоновъ рублей,—все это, вмѣстѣ взятое, представляетъ картину тѣмъ болѣе блестящую, что въ совокупности приведенныхъ чертъ видится не случайное, счастливое совпаденіе, но сознательное движеніе впередъ, успѣхъ, впередъ обдуманный и затѣмъ достигнутый. Но указанныя сейчасъ данныя, какъ они ни утѣшительны сами по себѣ, еще не замыкаютъ собою всей перспективы нашего экономическаго прогресса за послѣдніе годы. Къ нимъ необходимо добавить еще весьма существенные факты: достигая столь благопріятныхъ результатовъ собственно въ финансовомъ отношеніи, какъ-то: повышенія суммы обыкновенныхъ доходовъ на 100 милл. рублей въ теченіе всего пяти лѣтъ, и осуществленія значительнаго излишка доходовъ предъ расходами, страна въ то же время и изъ тѣхъ же платежныхъ средствъ оказала такое пособіе желѣзнодорожному строительству, что Россія покрылась сѣтью въ 25 тысячъ верстъ рельсовыхъ путей, и, при гарантіи того же государственнаго казначейства, предоставила въ собственность милліонамъ душъ крестьянъ ихъ усадебную осѣдлость и обработываемыя ими поля. Независимо отъ такихъ чрезвычайныхъ усилій казначейства, главный кредиторъ его, государственный банкъ, нашелъ еще средство довести до 226 милл. рублей свой наличный металлическій запасъ. Въ сравненіи съ этою блестящей лицевой стороной, и если не смотрѣть на оборотную сторону,—которую, впрочемъ, вѣдомство финансовъ вовсе не скрываетъ и которая видна отчасти уже изъ тѣхъ же документовъ—могли бы показаться блѣдными даже результаты Гладстонова хозяйства, съ его ежегодными излишками доходовъ милліоновъ на 30 рублей, но безъ всякихъ пріобрѣтеній, кромѣ ежегоднаго уменьшенія на какой-нибудь гривенникъ въ рублѣ налоговъ на такіе предметы, какъ чай и сахаръ.

Между тѣмъ, нельзя сказать, чтобы въ обществѣ картина нашихъ финансовыхъ и экономическихъ успѣховъ производила что-либо похожее на живую радость. Даже извѣстіе объ излишкѣ доходовъ въ 3 милл., предположенномъ на текущій годъ, не произвело въ обществѣ сколько-нибудь замѣтнаго впечатлѣнія. Что касается печати, то она относится къ утѣшительнымъ цифрамъ съ нѣкоторой робостью и даже пессимизмомъ, которыхъ нельзя оставлять безъ вни-

мнѣнія, такъ какъ эти примѣты обнаруживаютъ, что общество, хотя ему и показываются наглядно неоспоримые успѣхи его финансовыхъ силъ, все-таки не имѣетъ увѣренности въ прочности или безусловности такихъ успѣховъ, а потому если и любуется ими, то какъ-бы не совсѣмъ охотно.

Едва ли и можетъ быть иначе при той сложности финансовыхъ оборотовъ государства, какая обусловливается съ одной стороны солидарностью государственнаго банка съ казначействомъ, а съ другой непосредственной связью съ обыкновенными рессурсами казначейства—чрезвычайныхъ рессурсовъ желѣзнодорожнаго фонда. Такая солидарность и связь обусловливаютъ сложность, при которой общее дѣйствительное положеніе недостаточно ясно для общества. Такъ, напримѣръ, оно въ послѣдніе годы, встрѣчая въ росписяхъ излишекъ доходовъ и въ послѣднемъ контрольномъ отчетѣ излишекъ дѣйствительнаго поступленія противъ суммы произведенныхъ расходовъ, въ то же время видитъ, что сумма бумажнаго долга, т.-е., капиталъ кредитныхъ билетовъ постоянно возрастаетъ, и достигла къ 1-му января текущаго года цифры 792¼ милл. рубл., увеличась противъ цифры 1867 г. почти на 150 милл. р. Контрольныя данныя свидѣтельствуютъ обществу, что въ теченіе послѣдняго пятилѣтія погашено государственныхъ долговъ болѣе чѣмъ на 67½ милл. р., а между тѣмъ ежегодно заключается новый значительный заемъ, то-есть, производится новый выпускъ такъ-называемыхъ консолидированныхъ облигацій желѣзныхъ дорогъ: въ 1870 г. былъ такой выпускъ на 12 милл. фунт. стерл., въ 1871 г. опять на такую же сумму, въ 1872 г. третій выпускъ уже на 15 милл. фунтовъ, а въ ноябрѣ 1873 г. четвертый выпускъ опять на 15 милл. фунт.; наконецъ, еще по выкупной операціи выдается въ годъ по 10 милл. рублей выкупными свидѣтельствами. Противорѣчіе между сопоставленными сейчасъ фактами отчасти только кажущееся. Извѣстно, что каждый изъ приведенныхъ выпусковъ или займовъ имѣетъ свое спеціальное назначеніе и свое обезпеченіе въ спеціальномъ возвратѣ: одновременно съ капиталомъ внутренняго безпроцентнаго долга растетъ наличность металлическаго фонда; суммы, реализуемыя выпусками желѣзнодорожныхъ облигацій, идутъ на ссуды компаніямъ и обезпечиваются ихъ долгами казнѣ, наконецъ ссуды владѣльцамъ недвижимыхъ имуществъ по выкупной операціи обезпечиваются соотвѣтственнымъ долгомъ крестьянъ казнѣ. Но сложность этихъ операцій, идущихъ вмѣстѣ съ собственно административнымъ хозяйствомъ, такова, что она неизбѣжно влечетъ за собою нѣкоторую неясность и неувѣренность во мнѣніи общества. И несмотря на точность и обиліе публикуемыхъ у насъ финансовыхъ документовъ: росписи, кон-

трольнаго отчета по ея исполненію, рѣчи министра финансовъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ, балансовъ государственнаго банка, вѣдомостей о ходѣ выкупной операціи,—неясность продолжаетъ держаться во мнѣніи общества, какъ относительно приходо-расходованія суммъ въ предѣлахъ отдѣльнаго финансоваго года, такъ и относительно всего хода финансоваго хозяйства въ его связи съ общимъ экономическимъ положеніемъ страны.

Въ первомъ отношеніи, то-есть въ примѣненіи къ приходо-расходованію въ предѣлахъ отдѣльнаго года, неясность поддерживается, во-первыхъ, существованіемъ весьма значительной суммы расходовъ сверхсмѣтныхъ, а также и авансовыхъ. Первые производятъ то, что окончательныя цифры контрольныхъ отчетовъ отстоятъ весьма далеко, то-есть милліоновъ почти на 30-ть, отъ предвидѣній росписи. Вторые, то-есть авансовые расходы, не только тѣ, которые испрашиваются ежегодно по росписямъ на заготовленіе припасовъ и матеріаловъ, но и на строительные расходы, которые производятся въ счетъ будущей смѣты безъ разрѣшенія государственнаго совѣта, даютъ возможность расходовать изъ наличныхъ суммъ такія средства, которыя имѣютъ еще поступить впослѣдствіи. А въ наличныхъ суммахъ не можетъ быть никогда недостатка именно при солидарности банка съ государственнымъ казначействомъ и при нахожденіи въ его же распоряженіи чрезвычайныхъ средствъ желѣзнодорожнаго фонда, составляемаго займами. Когда существуетъ, въ видѣ нормальнаго условія, тотъ фактъ, что банкъ можетъ въ любое время выпустить изъ своихъ запасовъ или отпечатать вновь неопредѣленное количество бумажныхъ денегъ для пріобрѣтенія металловъ для подкрѣпленія металлическаго фонда, не можетъ быть увѣренности, что банкъ не сдѣлаетъ того же для удовлетворенія всякой иной потребности, хотя бы, напримѣръ, для устраненія денежнаго кризиса. Когда въ рукахъ казначейства состоитъ въ данное время болѣе 200 милл. рублей, находящихся у иностранныхъ банкировъ (къ 1-му января 1872 г. реализованныхъ суммъ желѣзнодорожныхъ облигацій у нихъ состояло 50¾ милл. р., къ 1-му января 1873 г. состояло 128¼ мил. рублей, да въ ноябрѣ 1873 г. послѣдовалъ новый (14-й) выпускъ на 15 милл. фунтовъ, т.-е. 100 милл. рублей), и когда изъ самыхъ отчетовъ контроля видно, что изъ суммъ желѣзнодорожнаго фонда производились нѣкоторые расходы въ счетъ общихъ потребностей государственнаго казначейства, изъ котораго послѣ и возмѣщались, то, очевидно, въ наличныхъ средствахъ для удовлетворенія любого сверхсмѣтнаго или авансоваго расхода, никогда не можетъ быть недостатка и для окончательнаго покрытія такого расхода достаточно занесть его въ слѣдующую роспись. Желѣзнодорожный фондъ, по

самому свойству тѣхъ предпріятій, для которыхъ онъ предназначенъ, обладаетъ крайней растяжимостью въ способѣ, какъ его реализаціи, такъ и его расходованія. Мы видимъ, что отъ каждаго отдѣльнаго выпуска были остатки въ то время, когда дѣлался новый выпускъ. Расходованіе же этого фонда на окончательное, спеціальное его назначеніе, само собою разумѣется, производится по мѣрѣ надобности и по усмотрѣнію министерства финансовъ, безъ всякаго отношенія къ предѣламъ росписей. Образованіе компаніи и производство постройки представляютъ періодъ, не имѣющій ничего общаго съ предѣлами бюджетнаго года. Съ другой стороны, и въ самомъ способѣ производства ссуды желѣзнодорожному обществу или предпринимателю можетъ быть, по усмотрѣнію, допускаема бóльшая или меньшая льгота: можетъ быть выдана вся ссуда, или бóльшая часть ея вдругъ, или же ссуда можетъ быть выдаваема по равнымъ частямъ, соотвѣтственно ходу работъ. Спрашивается, какое впечатлѣніе можетъ производить на публику излишекъ доходовъ въ какіе-нибудь 3 милл. р., при такихъ постороннихъ бюджету операціяхъ казначейства и банка, среди которыхъ такая сумма, какъ три милліона рублей, представляется незначительной, такъ сказать, теряется. Отъ однихъ, притомъ весьма некрупныхъ колебаній курса, наличность нашего желѣзнодорожнаго фонда измѣнила свою цифру въ рубляхъ почти на милліонъ рублей! Одинъ вопросъ о томъ или иномъ курсѣ ежегоднаго выпуска консолидированныхъ облигацій можетъ составить разницу болѣе чѣмъ въ 3 милл. рублей, такъ что казна можетъ безъ всякаго новаго расхода лишиться такой суммы или вдругъ пріобрѣсть ее. А что́ же значатъ 3 милл. р. въ сравненіи съ тѣми 200 милл. желѣзнодорожнаго фонда и съ неограниченнымъ бумажнымъ обращеніемъ банка, при помощи которыхъ легко произвесть вдвое болѣе сверхсмѣтныхъ расходовъ, чѣмъ сколько ихъ производится обыкновенно?

Понятно, что безъ строгаго отграниченія чрезвычайныхъ рессурсовъ, то-есть средствъ желѣзнодорожнаго фонда и операцій банка отъ собственно административнаго, бюджетнаго хозяйства,—расходованіе ежегодныхъ бюджетныхъ суммъ не можетъ получить полной ясности. Такая ясность могла бы быть достигнута только при совершенномъ раздѣленіи кассъ бюджетнаго расходованія и хозяйства желѣзнодорожнаго и банковаго. Еслибы въ государственномъ казначействѣ было сосредоточено исключительно одно бюджетное хозяйство, то-есть поступленіе обыкновенныхъ доходовъ и исполненіе расходовъ росписи; еслибы предѣлъ бумажнаго обращенія банка былъ ограниченъ закономъ и, наконецъ, еслибы для завѣдыванія оборотами желѣзнодорожнаго фонда и для ревизіи банковыхъ операцій

учреждены были особыя мѣста смѣшаннаго состава, то-есть изъ лицъ административныхъ и изъ депутатовъ отъ биржевыхъ комитетовъ и столичныхъ думъ (примѣромъ можетъ служить присутствіе депутатовъ здѣшняго биржевого комитета и здѣшней думы при тиражахъ внутреннихъ займовъ),—въ такомъ случаѣ, можно бы надѣяться, что собственно бюджетное, административное хозяйство выдѣлилось бы съ достаточной ясностью.

Мы говорили доселѣ о недостаткѣ такой полной опредѣленности и ясности для общества въ примѣненіи къ приходо-расходованію въ предѣлахъ отдѣльнаго года. Переходимъ теперь, во-вторыхъ, къ представленію общества относительно всего хода финансоваго хозяйства въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, въ его связи съ общимъ экономическимъ положеніемъ страны. Существуетъ мнѣніе, что финансовое положеніе государства можетъ быть независимо отъ общаго экономическаго положенія страны; что положеніе финансовъ можетъ даже быть блестящимъ, несмотря на экономическій упадокъ страны. Допустимъ, что подобная независимость возможна до извѣстной степени, и, конечно—только, до извѣстнаго времени. Но общество тѣмъ не менѣе имѣетъ полное право призывать себѣ примѣты общаго экономическаго положенія на помощь для провѣрки собственно финансоваго положенія. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы общее экономическое положеніе страны видимо и постоянно улучшалось; еслибы замѣтно было значительное развитіе производительности и торговли вообще, промышленности мануфактурной и сельско-хозяйственнаго производства; еслибы заработки возвышались не вслѣдствіе вздорожанія продовольственныхъ продуктовъ или увеличенія бумажнаго обращенія, но вслѣдствіе прилива значительныхъ капиталовъ ко всѣмъ отраслямъ производительности, причемъ цѣны на нѣкоторые предметы потребленія не только не возвышались бы, но еще падали именно вслѣдствіе усиленія производительности, — несомнѣнно, хотимъ мы сказать, что будь у насъ на лицо такія примѣты общаго экономическаго поправленія, успѣха, то общество живѣе, съ бо́льшимъ участіемъ, относилось бы къ тѣмъ успѣхамъ собственно финансоваго хозяйства, которые ему представляются въ отчетахъ и росписяхъ. Даже и при отсутствіи достаточнаго разграниченія между обыкновеннымъ, чрезвычайнымъ и банковымъ хозяйствомъ государства, даже при отсутствіи полной ясности, общество съ восторгомъ принимало-бы свидѣтельство о поправленіи финансоваго положенія, потому что находило бы подтвержденіе этому факту въ общемъ положеніи тѣхъ силъ страны, которыя служатъ источникомъ и государственнымъ доходамъ и государственному кредиту.

Но, къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы начертанной сейчасъ

идеальной экономической картинѣ соотвѣтствовала у насъ экономическая дѣйствительность. Единственная промышленность, которая въ теченіи послѣднихъ лѣтъ сдѣлала въ Россіи огромные успѣхи и привлекла къ себѣ обильные капиталы,—это промышленность банковая. До тѣхъ поръ, пока на развитіи производства и внутренней торговли не скажется, какая польза извлечена была ими изъ такой доступности кредита, мы еще не можемъ придавать большого значенія развитію операцій поземельныхъ коммерческихъ банковъ, которая пока и представляется только простымъ перекладываніемъ денегъ изъ однихъ кармановъ въ другіе; причемъ вся громадная, повидимому, сила частныхъ банковъ представляется въ значительной степени призрачною, такъ какъ всѣ разсчеты ихъ производятся на бумажныя деньги и обороты ихъ опираются, въ концѣ-концовъ, на тотъ же государственный банкъ. Въ области заводской производительности замѣтные успѣхи сдѣланы только немногими отраслями, въ особенности свеклосахарнымъ производствомъ и разными видами обработки желѣза, причемъ относительно этой послѣдней отрасли нужно еще оговориться, что казенные горные заводы успѣли, а частные механическіе заводы держатся главнымъ образомъ правительственными заказами, то-есть существуютъ на счетъ бюджета. Производительность сельско-хозяйственная въ общемъ скорѣе упала, чѣмъ поправилась. Значительные успѣхи сдѣлала отпускная торговля, но и эти успѣхи только отчасти свидѣтельствуютъ объ улучшеніи нашихъ внутреннихъ условій, а именно настолько, насколько усиленіе отпуска зависѣло отъ облегченія сбыта нашихъ продуктовъ умноженіемъ желѣзныхъ дорогъ. Само собою разумѣется, что когда особыхъ успѣховъ въ развитіи производительности страны не замѣчается, то усиленіе отпуска должно главнымъ образомъ объясняться обстоятельствами побочными: облегченіе сбыта лучшими сообщеніями должно въ будущемъ усилить производительность, но пока это еще не произошло, одно облегченіе сбыта только поднимаетъ цѣны на продукты, причемъ оказываются и благопріятныя и неблагопріятныя послѣдствія. Усиленіе отпуска за-границу касалось почти исключительно сырыхъ продуктовъ, главнымъ образомъ зерноваго хлѣба, что за послѣдніе годы объяснялось отчасти войною 1870—71 года и неурожаемъ въ Европѣ за 1872 годъ. Вывозъ по многимъ статьямъ, напр. сала, пеньки, и др. значительно упалъ. Итакъ, совокупность экономическаго положенія страны вовсе не такова, чтобы общество могло быть склонно выводить изъ него, какъ необходимое послѣдствіе, улучшеніе финансовъ, прочнымъ основаніемъ которому можетъ служить во всякомъ случаѣ только развитіе экономическихъ силъ страны.

Что касается тѣхъ операцій, въ которыхъ государственный кредитъ участвуетъ не только съ финансовою, но и съ общею экономическою цѣлью, то какъ ни благотворны онѣ, однако въ результатахъ ихъ доселѣ также оказываются рядомъ съ утѣшительными явленіями нѣкоторыя далеко не благопріятныя данныя. Такъ, выкупная операція, которая доселѣ уже дала поземельный надѣлъ, въ 24 милл. десятинъ, 6 милліонамъ 835½ тысячамъ душъ крестьянъ, по принципу своему представляетъ безспорно великое, истинно-благотворное явленіе, и для осуществленія его государство увеличило доселѣ сумму своихъ внутреннихъ срочныхъ долговъ на 353 милл. рублей. Объ этомъ, конечно, никто не пожалѣетъ и никто не скажетъ, что употребленіе государственнаго кредита на такую цѣль не было раціонально. Но несоразмѣрность оцѣнокъ земли, принятыхъ въ весьма значительной полосѣ государства, съ дѣйствительной доходностью той земли, и тягость выкупныхъ платежей, которая мѣстами клонитъ крестьянское хозяйство къ полному упадку, представляетъ столь важную оборотную сторону выкупной операціи, что ее и въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ она доселѣ утверждена, нельзя еще признать поставленною прочно, такъ какъ слишкомъ очевидна необходимость облегченія этой тягости на весьма значительномъ пространствѣ имперіи.

Воспособленіе со стороны государственнаго кредита желѣзно-дорожному строительству представляетъ также безспорно-раціональное употребленіе кредита. Ссуды желѣзно-дорожнымъ обществамъ настолько же увеличили цифру нашихъ срочныхъ долговъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, но и это напряженіе кредита сдѣлано съ производительной цѣлью: безъ освобожденія земледѣльческаго труда и безъ проведенія желѣзныхъ дорогъ нельзя было и ожидать развитія производительности. Но и положеніе желѣзно-дорожнаго дѣла представляетъ не вполнѣ утѣшительныя черты. Правда, доходность по многимъ линіямъ поднимается, но все дѣло, въ совокупности, еще долго будетъ требовать отъ государства не только напряженія кредита, но и прямыхъ жертвъ, въ видѣ приплаты изъ казны обществамъ по гарантіи дохода. Изъ контрольнаго отчета за 1872 годъ видно, что изъ 17-ти линій, эксплуатація которыхъ производилась не менѣе трехъ полныхъ лѣтъ, только три въ теченіе всего этого періода не требовали приплаты гарантіи. Линіи эти—рижско-динабургская, петергофская и курско-кіевская. Въ общей же сложности приплата изъ казны по гарантіи за три послѣдніе года постоянно возрастала; она составляла 10 м. 140 т. р. за 1870 г.; 13 м. 812 т. р. за 1871 г.; и 15 м. 280 т. р. за 1872 г. Послѣдній отчетный годъ (1872) былъ вообще особенно неблагопріятенъ для доходности нашихъ желѣзныхъ дорогъ. По росписи 1872 г. на уплату гарантіи было назна-

чено всего 7 милл. р., а потребовалось, какъ уже сказано, болѣе чѣмъ вдвое, именно отъ 15¼ до 15½ милл. руб.

Относительно операцій государственнаго банка, который также дѣйствуетъ кредитомъ государства, преобладающею чертою представляется накопленіе огромнаго металлическаго фонда, составлявшаго къ 1-му января 1874 г. болѣе 226 милл. рублей. Но такъ какъ такое накопленіе нисколько не представляетъ результатъ сбереженій, а производится просто посредствомъ новыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, то и оно не представляетъ ничего утѣшительнаго. Какъ уже сказано было выше, цифра кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе, составляла къ 1-му января 1874 года 792,262,463 руб., то-есть гораздо выше когда-либо бывшей у насъ, со времени преобразованія монетной системы, и почти на 150 милл. рублей выше цифры, бывшей въ 1867 году. Металлическій резервъ доселѣ не оказываетъ еще никакого дѣйствія, между тѣмъ какъ увеличеніе количества бумажныхъ денегъ во всякомъ случаѣ оказываетъ вредное экономическое вліяніе, каково бы ни было разногласіе относительно размѣровъ такого вліянія этой операціи. Самъ защитникъ операціи государственнаго банка указывалъ главной цѣлью образованія металлическаго фонда „возможность радикальныхъ мѣръ къ улучшенію денежной системы". Но радикальной мѣрой къ улучшенію денежной системы представляется возстановленіе размѣна, и самъ авторъ говоритъ, что надо было „озаботиться собираніемъ средствъ" для достиженія той цѣли, которая не могла быть достигнута въ 1862—63 годахъ по недостатку средствъ, т.-е. говоритъ именно о возстановленіи размѣна. Но размѣнъ пока не возстановленъ, и сомнительно, чтобы возможность его возстановленія скоро представилась: до сихъ поръ металлическій фондъ остается безъ всякаго дѣйствія, а между тѣмъ масса кредитныхъ денегъ, выпущенныхъ для его накопленія, безспорно тяготѣетъ на рынкѣ. Нашъ рынокъ вообще малоподвиженъ и очень выносливъ, въ томъ смыслѣ, что на немъ не скоро происходитъ паника. Въ дѣлѣ кредита, какъ частнаго, такъ и государственнаго, не малую роль играетъ и нравственный элементъ, какъ то признаётъ и наука. Свойства національнаго характера и степень довѣрія къ правительству вообще составляютъ здѣсь весьма важное условіе. У насъ не скоро наступаетъ паника, которая выражается высокимъ лажемъ, то-есть сильнымъ паденіемъ *цѣны* ассигнацій; но за то паденіе ихъ *цѣнности* прежде всего и выражается у насъ вздорожаніемъ предметовъ потребленія. Это обстоятельство упущено изъ виду защитникомъ государственнаго банка. Онъ даже прямо утверждаетъ, и долженъ утверждать это для своей цѣли, что „паденіе *цѣнности* бумажно-денежной единицы въ раз-

мѣрѣ, превышающемъ величину лажа, составляетъ крайне-исключительное явленіе и что, по общему правилу, первая величина всегда менѣе второй". Онъ долженъ утверждать это для того, чтобы затѣмъ цифрою нынѣшняго лажа, сравнительно небольшого, доказывать, что и цѣнность нашихъ бумажныхъ денегъ не могла упасть отъ выпусковъ ихъ за послѣдніе годы (съ 1868 г.). Но приведенное защитникомъ правило было бы неоспоримо только тогда, еслибы не было обязательнаго курса. При существованіи же его, естественное отношеніе факторовъ нарушается, и паденіе цѣнности бумажныхъ денегъ выражается именно въ общей дороговизнѣ и въ исчезновеніи звонкой монеты. Цѣны на продукты могутъ возрасти въ $1^1/_2$ раза въ то время, какъ лажъ будетъ составлять всего 15 или 20%. Значительное увеличеніе бумажно-денежнаго обращенія было у насъ три раза: въ первыя двадцать лѣтъ нынѣшняго столѣтія, когда количество ассигнацій съ $260^1/_2$ милл. рублей (въ 1804 г.) возвысилось до 836 милл. р. (въ 1817 г.); въ эпоху восточной войны, когда оно увеличилось съ $333^1/_2$ милл. руб. (въ 1853 г.) до $735^1/_4$ милл. руб. (въ 1857 г.); наконецъ, въ послѣднія 7 лѣтъ, когда оно возрасло, въ гораздо меньшемъ, впрочемъ, размѣрѣ, съ $649^1/_2$ милл. р. (въ 1867 г.) до $792^1/_4$ милл. р. (къ 1874 г.). Въ первую изъ этихъ эпохъ, цѣна кредитнаго рубля упала, наконецъ, до того, что металлическій рубль стоилъ одно время на ассигнаціи 4 р. 18 к. Это уже было послѣдствіе паники, вынужденной баснословными выпусками ассигнацій, не имѣвшими никакого отношенія ни къ тогдашнимъ платежнымъ средствамъ государства, ни къ существовавшимъ въ то время потребностямъ рынка. Но скоро ли произошла эта паника, скоро ли лажъ поднялся въ соотвѣтствіе съ неестественнымъ напряженіемъ кредита? Нѣтъ, очень не скоро. Въ 1804 году ассигнацій было на $260^1/_2$ м. р. и металлическій рубль стоилъ на ассигнаціи 1 р. 26 к. Всего чрезъ четыре года, въ 1808 году, ассигнацій было въ обращеніи уже на $477^1/_2$ милл. руб., т.-е. сумма ихъ была не далека отъ удвоенія, а между тѣмъ металлическій рубль стоилъ всего 1 р. 36 к., то-есть вздорожалъ всего на 10 копѣекъ! Если слѣдовать аргументаціи защитника государственнаго банка, то надо будетъ сказать, что такъ какъ въ 1808 году въ сравненіи съ 1804 годомъ, *цѣна* ассигнацій, выражаемая лажемъ, упала всего на 10 коп., то цѣнность ихъ въ то время понизилась еще менѣе, чѣмъ на 10 к. А между тѣмъ количество ихъ почти удвоилось и, очевидно, было уже въ совершенномъ несоотвѣтствіи съ платежными силами государства: $477^1/_2$ милл. р. ассигнацій превышали тройную сложность всѣхъ доходовъ государства, которыхъ итогъ въ 1806 году былъ всего $133^1/_2$ милл. р. Это было все равно, какъ еслибъ въ настоящее время, по сравненію съ

цифрою доходовъ, находилось въ обращеніи болѣе 1,500 милл. руб. кредитныхъ билетовъ. Ясное дѣло, что *цѣнность* бумажныхъ денегъ въ 1808 г. противъ 1804 г. должна была упасть гораздо болѣе, чѣмъ упала ихъ *цѣна*, т.-е. понизиться не на $^1/_{12}$ часть, но быть можетъ именно въ $1^1/_2$ раза. Въ чемъ же пониженіе это сказывалось? — Во вздорожаніи продуктовъ. Вторая эпоха сильнаго и быстраго вздорожанія у насъ послѣдовала именно за восточной войной, то-есть совпала опять съ огромнымъ увеличеніемъ (на 400 милл. р. съ 1853 до 1857 г.) бумажно-денежнаго обращенія. Послѣ этого, нѣтъ ли основанія предполагать, что и нынѣшнее, весьма замѣтное вздорожаніе зависитъ оттого, что съ 1867 г. цифра бумажно-денежнаго обращенія вновь стала возрастать? Правда, въ теченіи послѣднихъ 7 лѣтъ она возрасла не въ такой мѣрѣ, какъ въ 4-лѣтіе восточной войны, не на 400, а только на 143 милл. р. Но этого было все-таки достаточно для того, чтобы общее вздорожаніе, начавшееся въ эпоху крымской войны, вмѣсто того, чтобы прекратиться, продолжалось. Защитникъ государственнаго банка въ одномъ мѣстѣ самъ объясняетъ одинъ неблагопріятный для его аргументаціи фактъ, ссылкою, что онъ зависѣлъ отъ громаднаго увеличенія бумажно-денежнаго обращенія во время восточной войны, а не отъ выпусковъ, бывшихъ съ 1867 года. Но въ томъ-то все и дѣло, что уже и въ 1867 году бумажныхъ денегъ въ обращеніи было слишкомъ много, количество ихъ и тогда обременяло рынокъ, а стало быть всякое значительное увеличеніе ихъ должно было дѣйствовать вредно, должно было поддерживать вздорожаніе, которое въ теченіи послѣднихъ лѣтъ двадцати, дѣйствительно, и шло все выше и выше.

Авторъ статьи въ защиту операцій банка, между прочимъ, ссылается, кромѣ внутренняго лажа, еще и на курсовыя таблицы, которыя свидѣтельствуютъ, что курсъ повысился, несмотря на новыя выпуски ассигнацій. Но вексельный курсъ зависитъ и отъ другихъ элементовъ, кромѣ цѣнности монетной единицы,—весьма сильно зависитъ отъ баланса внѣшней торговли. Изъ тѣхъ же таблицъ видно, что курсъ нашъ въ 1873 г. сравнительно съ 1868 годомъ все-таки упалъ, несмотря на постоянное, весьма значительное возростаніе отпуска. Безъ этого послѣдняго обстоятельства, онъ несомнѣнно упалъ бы еще больше. Впрочемъ, значеніе вексельнаго курса для опредѣленія цѣнности внутренней бумажно-денежной единицы мы можемъ устранить прямо тѣмъ фактомъ, что въ 1857 году, когда у насъ въ теченіи 4-хъ лѣтъ выпущено было вновь бумажекъ на 400 милл. р., курсъ нашъ былъ лучше нынѣшняго, былъ на пàри; и внутренній лажъ въ то время не былъ высокъ: всего около 10%.

Резюмируемъ нашу мысль: при обязательномъ внутреннемъ курсѣ

бумажныхъ денегъ, и при особыхъ свойствахъ нашего рынка, обусловливаемыхъ отчасти и нравственнымъ элементомъ, паденіе *цѣны* бумажныхъ денегъ, выражающееся высокимъ лажемъ, не слѣдуетъ равномѣрно и постепенно за умноженіемъ ихъ количества и паденіемъ дѣйствительной ихъ цѣнности. У насъ, какъ показалъ примѣръ 1809 года, паденіе цѣны ассигнацій можетъ явиться только внезапно, вслѣдствіе паники, вынужденной самыми крайними мѣрами; тогда цѣна ихъ должна упасть вдругъ, лажъ долженъ съ какихъ-нибудь 30% подняться вдругъ до 124% (въ 1809 г.), до 300% (въ 1810 г.) и такъ далѣе. Такая паника наступаетъ не скоро, далеко не такъ скоро, какъ она наступила бы за границею. Тамъ достаточно было бы одного прекращенія размѣна, чтобы паника произошла, и чтобы лажъ поднялся дѣйствительно выше, чѣмъ насколько упала истинная цѣнность бумажныхъ денегъ, какъ то принимаетъ г. Иващенко въ своей статьѣ. Но у насъ такъ еще мала активная сила рынка и такъ велико довѣріе къ правительству, что паника наступаетъ только въ самомъ крайнемъ случаѣ. Будь такая паника теперь, и нѣтъ сомнѣнія, что цѣна бумажныхъ денегъ упала бы можетъ быть на все разстояніе между итогомъ бумажнаго обращенія и итогомъ металлическаго фонда, то-есть бумажный рубль обратился бы въ 30 копѣекъ (металл. фондъ составляетъ менѣе трети бумажнаго обращенія), какъ было въ 1810 году. Но ничего похожаго на такую панику нѣтъ, нѣтъ и правильнаго повышенія лажа, тѣмъ болѣе, что звонкихъ денегъ высокой пробы нѣтъ въ обращеніи. Въ случаѣ паники, онѣ быть можетъ явились бы именно въ частномъ обращеніи по высокому лажу, и, конечно, перестали бы притекать въ банкъ по его будто бы „регулирующему" курсу. Но вмѣсто того, при производствѣ всѣхъ разсчетовъ въ частномъ быту на бумажныя деньги и при твердомъ довѣріи къ правительству, общество номинально принимаетъ кредитные билеты по цѣнѣ гораздо высшей ихъ цѣнности. Оно разсуждаетъ такъ: „кому же и вѣрить, если не казнѣ; вѣдь если думать, что лопнутъ бумажки, такъ надо думать, что лопнутъ и фонды, а за ними лопнутъ и всѣ частныя бумаги, и произойдетъ банкротство всего фидуціарнаго обращенія". И это вполнѣ справедливо, по самому характеру всего нашего государственнаго и частнаго кредита. Общество справедливо убѣждено, что бумажки „не лопнутъ", что теперь не будетъ допущено крайности, допущенной въ первое десятилѣтіе нынѣшняго вѣка, а такъ какъ мѣновые знаки необходимы, то общество и продолжаетъ принимать бумажки, хотя бы по той „регулирующей" цѣнѣ, какую признаетъ за ними банкъ. Въ виду такого согласія всего русскаго народа, и въ Берлинѣ наши сторублевые билеты держатся въ цѣнѣ близкой къ этой же „регули-

рующей" цѣнѣ. Но съ другой стороны, такъ какъ количество бумажныхъ денегъ не соотвѣтствуетъ обезпеченію ихъ, цѣнность ихъ не поддерживается размѣномъ, и сумма ихъ превышаетъ потребности рынка, то неизбѣжная реакція все-таки происходитъ, происходятъ ненормальныя явленія, вызываемыя тѣмъ, что пищевареніе рынка, если можно такъ выразиться, слишкомъ обременено. Главное изъ этихъ явленій, въ которомъ реакція сказывается, и есть фактъ, что дороговизна продолжаетъ возрастать; цѣнность бумажныхъ денегъ падаетъ и тѣмъ самымъ бремя ихъ какъ-бы облегчается. И это явленіе будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока будутъ продолжаться выпуски бумажныхъ денегъ. Лажъ на серебро и на золото, которыя не требуются для обращенія, не великъ; но лажъ великъ на хлѣбъ, на кормы,. на мясо, на землю, на дрова—которые для обращенія требуются. Ссылка г. Иващенко на фактъ, что фабричные продукты не возрастаютъ въ цѣнѣ въ равномъ размѣрѣ, какъ жизненные продукты, не можетъ опровергнуть факта общаго вздорожанія. Главное указаніе все-таки даетъ цѣна хлѣба, и если какія-либо произведенія не слѣдуютъ за повышеніемъ цѣны, то мы всегда вправѣ допустить особыя, спеціальныя причины, задерживающія ихъ равномѣрное вздорожаніе. Еще менѣе возможно согласиться съ тѣмъ аргументомъ г. Иващенко, что „отпускъ нашъ неизбѣжно упалъ бы и даже вовсе прекратился, еслибъ цѣна вывозимыхъ предметовъ на внутреннихъ рынкахъ возросла въ столь значительномъ размѣрѣ; прямымъ послѣдствіемъ этого было бы паденіе вексельнаго курса еще въ большемъ размѣрѣ" и т. д. Г. Иващенко въ своей статьѣ ссылается на экономическую науку; но здѣсь онъ уже разсуждаетъ прямо наперекоръ наукѣ. Развѣ цѣна предметовъ на внутреннихъ рынкахъ возрастаетъ на звонкія деньги? Нѣтъ, въ томъ и суть, что она возрастаетъ на деньги бумажныя, когда ихъ слишкомъ много. А какое же дѣло до этой цѣны иностранному купцу, который пріобрѣтаетъ ихъ на звонкія деньги? Истина эта слишкомъ очевидна; но для выраженія ея вмѣстѣ съ неоспоримымъ вліяніемъ увеличенія бумажно-денежнаго обращенія на вздорожаніе вообще—мы позволимъ себѣ привесть слѣдующія строки Милля (Осн. пол. экон. Т. II, отд. XXII, § 3, о послѣдствіяхъ увеличенія количества неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ): „Когда, наконецъ, количество неразмѣнныхъ бумагъ (вытѣснивъ звонкія деньги изъ обращенія) сдѣлается больше, чѣмъ замѣненное имъ количество денегъ, тогда начнутъ возрастать цѣны всѣхъ предметовъ; предметы, которые на звонкія деньги стоили 5 фунт. стерл., будутъ продаваться по 6 или болѣе фунтовъ. Но это возрастаніе цѣнъ нисколько не побудитъ къ увеличенію привоза товаровъ изъ-за границы и не уменьшитъ отпуска. Дѣло въ томъ, что

привозъ и отпускъ регулируются цѣнами товаровъ, исчисленными на деньги металлическія, а не бумажныя, и цѣнность тѣхъ и другихъ денегъ можетъ быть одинакова только тогда, если существуетъ размѣнъ".

Въ пользу тэзиса г. Иващенко мы можемъ допустить только слѣдующую оговорку: правда, что на вздорожаніе продуктовъ могли имѣть вліяніе еще и другія причины, кромѣ увеличенія количества бумажныхъ денегъ, и именно: облегченіе сбыта за-границу проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ и умноженіе населенія, при весьма слабомъ развитіи производительности. Но все-таки такой фактъ, какъ увеличеніе бумажнаго обращенія въ теченіи всего 7-ми лѣтъ, т.-е. именно съ 1867 года, на почти 150 милл. руб., когда ихъ количество и прежде[1] было уже чрезмѣрно — представляетъ неоспоримо главный и самый убѣдительный факторъ общаго вздорожанія. Реакція и будетъ идти далѣе этимъ же путемъ до извѣстнаго предѣла, а металлическій фондъ будетъ оставаться по прежнему безъ всякаго экономическаго вліянія, какъ будто бы его вовсе не было. Если первоначальная цѣль его подкрѣпленія была такова, какъ ее даетъ уразумѣть защитникъ государственнаго банка, именно: приготовленіе болѣе значительныхъ средствъ для возстановленія размѣна когда-либо, со временемъ, то мы охотно согласимся, что мысль эта могла показаться завлекательною: для усиленія фонда на металлическій рубль требовалось выпустить въ обращеніе только $1^1/_3$ рубля бумажными деньгами, между тѣмъ какъ сумма металлическаго фонда могла бы гарантировать впослѣдствіи тройное бумажное обращеніе. Но при данныхъ обстоятельствахъ, то-есть при непомѣрномъ количествѣ бумажныхъ денегъ, бывшемъ въ обращеніи еще ранѣе 1868 г. и при исчезновеніи изъ него всей звонкой монеты, мысль эта представляла только парадоксъ. Положимъ, что, образовавъ фондъ въ 250 милл. руб., можно было бы гарантировать имъ обращеніе въ 750 милл. р., возстановивъ размѣнъ. Но дѣло въ томъ, что возстановить размѣнъ можно было бы только при такомъ условіи внутренняго денежнаго рынка, еслибы на немъ еще находилось достаточное количество звонкой монеты. Еслибы, напримѣръ, въ обращеніи было 250 милл. руб. звонкой монеты, а бумажныхъ денегъ 450 милл. р., въ такомъ случаѣ понятно, что одной трети второй цифры, а именно всего 150 милл. р. звонкою монетою, лежащихъ въ банковомъ фондѣ, могло бы быть достаточно для обезпеченія всего бумажнаго обращенія, т.-е. 450 милл., при существованіи размѣна. Но когда этого нѣтъ, когда звонкихъ денегъ въ обращеніи вовсе не находится, то напрасно думали бы фондомъ въ одну треть бумажнаго обращенія обезпечить это обращеніе. При такихъ обстоятельствахъ открытіе размѣна, то-есть возстановленіе въ обращеніи двоякой единицы,

прежде всего вызвало бы въ обращеніе огромную массу звонкой монеты, хотя не для полнаго, но для нѣкотораго уравновѣшенія бумажныхъ денегъ. Слишкомъ очевидно, что когда бумажныхъ денегъ 792 милл. руб., то при открытіи размѣна публика немедленно истощила бы весь металлическій запасъ банка въ 226 слишкомъ милліоновъ (считая и облигаціи), и все-таки еще рынокъ не удовлетворилъ бы своей потребности хоть нѣсколько уравновѣсить количество тѣхъ и другихъ мѣновыхъ знаковъ. А затѣмъ, когда произошла бы такая ликвидація, чѣмъ же банкъ обезпечивалъ бы оставшуюся массу 566 милл. рублей бумажныхъ денегъ? Ясно, что повторилась бы исторія 1862—63 года, что банкъ былъ бы вынужденъ прекратить размѣнъ еще гораздо ранѣе, чѣмъ внутренній рынокъ удовлетворился бы звонкой монетой. Въ дѣйствительности же прекращеніе размѣна наступило бы тѣмъ скорѣе, что золото и серебро, выпущенныя изъ размѣннаго фонда банка, не довѣряли бы продолжительности размѣна и не вступали бы на внутреннее обращеніе, но скрывались бы или бѣжали бы за-границу.

Возстановленіе размѣна при такихъ условіяхъ, безъ выкупа части кредитныхъ билетовъ процентными фондами, есть мечта, которая осуществиться не можетъ. И мечта эта будетъ, разумѣется, тѣмъ мечтательнѣе, чѣмъ больше будетъ выпускаться новыхъ бумажныхъ денегъ, хотя бы даже росъ равномѣрно съ ними металлическій „неразмѣнный“ фондъ. Чѣмъ выше будетъ безотносительный écart между итогомъ бумаги и фонда, тѣмъ невозможнѣе будетъ возстановленіе размѣна, а между тѣмъ тѣмъ ближе будетъ уже опасеніе паники, которая и показала бы, какъ ничтожно для поддержанія цѣнности бумажныхъ денегъ то средство, которое банкъ называетъ „регулирующимъ курсомъ“, т.-е. покупка металловъ на бумажки съ небольшою приплатой.

Изъ всего сказаннаго само собой вытекаетъ заключеніе, что продолженіе выпусковъ бумажныхъ денегъ, хотя бы оно обращалось на усиленіе металлическаго фонда, есть не что иное, какъ поддержаніе коренной ошибки, подрывающей экономическое положеніе страны. Мы считаемъ обязанностью печати разъяснять этотъ вопросъ безъ всякихъ недомолвокъ, потому что всего вреднѣе здѣсь было бы именно самообольщеніе мечтами. Никакія ухищренія, въ родѣ „регулирующаго курса“, не способны измѣнить очевиднаго вреда отъ умноженія не подлежащихъ платежу кредитныхъ бумагъ. Что касается металлическаго фонда, то единственное реальное значеніе, какое онъ можетъ имѣть, окажется только въ случаѣ войны, то-есть тогда, когда надо будетъ его расходовать. Но при чемъ же останется тогда та

операція, которая состояла въ увеличеніи массы бумажныхъ денегъ въ соразмѣрности съ возростаніемъ металическаго фонда?

На недоборъ въ податяхъ въ бюджетѣ 1874 г. положена сумма въ 4 милл. руб., между тѣмъ какъ въ предшествовавшемъ году на недоборъ числился только 1 милл. руб. Такое увеличеніе недобора предусматривается въ виду неурожая, оказавшагося въ 1873 г. въ восточной полосѣ имперіи, котораго послѣдствія, по справедливому замѣчанію доклада министра финансовъ, „неизбѣжно отражаются прежде всего на поступленіи прямыхъ налоговъ, и затѣмъ послѣдовательно ослабляютъ и другіе источники государственныхъ доходовъ“. Страшное бѣдствіе, постигшее нѣкоторые уѣзды Самарской губерніи, настоящій голодъ, въ значительной, хотя и меньшей степени, отразилось и на другихъ мѣстностяхъ, не только сосѣднихъ съ первыми, но и отдаленныхъ, какъ, напр., въ части Херсонской и въ Олонецкой губерніи. Въ разносторонниxъ жалобахъ, какія были высказаны по этому поводу въ печати, по внимательномъ сопоставленіи ихъ, оказывается невѣрнымъ только одно стремленіе взвалить всю вину на одну какую-либо сторону или на одно какое-либо обстоятельство. Одни жаловались только на высоту налоговъ, другіе на недостаточность общаго по имперіи продовольственнаго капитала, въ которомъ вмѣсто 18 милл. руб. состояли на лицо всего 5-ть, а 12 милл. числились въ долгахъ; третьи обвиняли во всемъ нераспорядительность земства и народное пьянство; четвертые выставляли болѣе всего на видъ несвоевременную строгость губернской администраціи по взысканію недоимокъ въ податяхъ; объясняли, что сама эта администрація не вѣрила въ приближеніе голода, сообщала лѣтомъ о благопріятныхъ видахъ на урожай, наконецъ задерживала губернское собраніе земства, предположенное въ октябрѣ, и т. д. Одна извѣстная московская газета приплела тутъ къ голоду даже нигилизмъ, „изгнанный изъ столицъ и пріютившійся въ провинціальныхъ городахъ“.

Безпристрастное сличеніе всѣхъ этихъ жалобъ и обвиненій заставляетъ признать, что всѣ они справедливы именно какъ *жалобы*, и что всѣ они несостоятельны въ смыслѣ *оправданія* заинтересованныхъ сторонъ. Въ самарскомъ голодѣ, по нашему убѣжденію, отразились всѣ неблагопріятныя стороны нашего общаго экономическаго мѣстно-административнаго и нравственнаго быта. Въ настоящее время мы имѣемъ оффиціальный отзывъ объ общемъ положеніи пораженныхъ голодомъ мѣстностей, представленный лицомъ, спеціально посланнымъ отъ правительства для ознакомленія съ положеніемъ Самарской губерніи. Въ рапортѣ генерала Яфимовича сказано, что бѣдствіе „при всей своей *жестокости*, не имѣло, однако же, для насе-

ленія прискорбныхъ послѣдствій, какихъ можно было опасаться". Такое удостовѣреніе, очевидно, выражаетъ одну вполнѣ понятную мысль, что послѣдствія могли бы быть еще хуже, но само по себѣ бѣдствіе — жестоко. Затѣмъ въ рапортѣ указываются и самые тѣ прискорбные результаты, какіе могли быть, но которыхъ, къ счастію, доселѣ не обнаружено, а именно: до настоящаго времени нѣтъ повальныхъ болѣзней, хотя смертность, вѣроятно, и усилилась; не было *достовѣрныхъ* свѣдѣній о случаяхъ голодной смерти; наконецъ, хотя число нуждающихся „въ пособіи на продовольствіе" постоянно возрастаетъ и *будетъ* еще возрастать, но можно имѣть увѣренность, что оказанная уже помощь устранитъ нужду въ продовольствіи.

Несомнѣнно, что все это могло быть еще хуже, могла быть и голодная смерть, и эпидеміи, которыя, впрочемъ, не появляются такъ скоро, и объ отсутствіи которыхъ самъ рапортъ говоритъ только условно: „до настоящаго времени не было извѣстій". Рапортъ говоритъ еще, что, „повидимому, самое трудное время уже миновало", но онъ же признаетъ, что „число нуждающихся постоянно возрастаетъ по мѣрѣ истощенія своихъ средствъ". Итакъ, хотя бѣдствіе могло быть еще хуже, но достаточно остановиться на томъ выраженіи рапорта, которымъ бѣдствіе и въ нынѣшнихъ его размѣрахъ признается „жестокимъ".

Въ этомъ частномъ бѣдствіи прежде всего отражается вліяніе общее, то направленіе, какое принимаютъ наши экономическія условія: производительность въ совокупности возрастаетъ весьма медленно, едва въ уровень съ ростомъ населенія, а между тѣмъ налоги сильно возрасли. Увеличеніе производительности предполагаетъ улучшеніе обработки, хотя не въ переходѣ къ другой системѣ хозяйства, но въ поддержаніи почвы удобреніемъ, т.-е. въ умноженіи скота. Но это требовало бы нѣкотораго усилія со стороны крестьянъ, немыслимаго безъ сбереженій. Сбереженій же, съ одной стороны, трудно ожидать при высотѣ налоговъ съ выкупными платежами, съ другой стороны, при несомнѣнномъ развитіи пьянства, наконецъ, при преобладаніи раздѣловъ. Итакъ, крестьяне въ Самарской губерніи продолжаютъ истощать почву, которая годъ отъ году слабѣетъ. Изъ свѣдѣній коммиссіи сельскаго хозяйства видно постоянное оскудѣніе производительной силы почвы въ теченіе послѣдняго двадцатилѣтія. Преобладающій посѣвъ тамъ яровой; вотъ отношеніе сбора ярового къ посѣву въ тысячахъ четвертей:

Въ 1851 г.	посѣяно	1,662	собрано	8,338
„ 1856 „	„	1,705	„	5,881
„ 1861 „	„	1,679	„	7,464
„ 1866 „	„	1,645	„	6,306
„ 1871 „	„	2,439	„	6,262

Послѣдній изъ этихъ годовъ былъ уже неурожайнымъ. Правда, неурожаи бывали и прежде. Но разница въ томъ, что то, что прежде было дѣломъ исключительныхъ случаевъ, постепенно становится фактомъ необходимости, естественнымъ результатомъ всего хода обработки. При уменьшеніи силы земли, при отсутствіи сбереженій и невозможности поправить почву, неурожай совершенно разоряетъ крестьянъ и влечетъ за собой роковымъ образомъ новые неурожаи. Нынѣшній неурожай въ Самарской губерніи является уже третьимъ къ ряду, изъ году въ годъ.

Въ отсутствіи сбереженій, въ невозможности умножить скотъ и даже въ уменьшеніи его, отчасти виновата, конечно, неразвитость крестьянъ, частость семейныхъ раздѣловъ и пьянство. Но нѣтъ сомнѣнія, что главную роль играетъ при этомъ все-таки высота налоговъ. Тягость ихъ такова, что уже ею одной совершенно достаточно объясняется невозможность какихъ-либо сбереженій. По показанію самарскаго землевладѣльца А. Н. Аксакова, „земля въ этой губерніи, даже въ южныхъ, самыхъ богатыхъ по доходности уѣздахъ, цѣнится такъ мало, что въ 1870 году, по окончаніи девятилѣтняго обязательнаго срока пользованія землею, обнаружилось въ этой губерніи всеобщее движеніе крестьянъ къ выселенію, съ отказомъ отъ надѣла и усадебной осѣдлости“. Тотъ же землевладѣлецъ разсказываетъ, что въ его имѣніи, въ Николаевскомъ уѣздѣ, одномъ изъ наиболѣе пораженныхъ нынѣ неурожаемъ, крестьяне, бывшіе на оброкѣ, соглашались-было на выкупъ по добровольному соглашенію, но какъ только наступилъ срокъ обязательному пользованію, отказались отъ заключенія такого договора, и изъ 200 душъ одной деревни, 150 отказались отъ надѣла и перечислились частью въ казенныя имѣнія, частью въ мѣщане. Въ другомъ имѣніи, въ Бугульминскомъ уѣздѣ, тотъ же землевладѣлецъ предлагалъ крестьянамъ такія условія выкупа, что они пріобрѣли бы окончательно въ собственность свою землю по 18 р. за десятину, съ разсрочкою платежа на 10-ть лѣтъ; но крестьяне предпочитали выселиться и остались на мѣстѣ только тогда, когда землевладѣлецъ подарилъ имъ четвертую часть надѣла.

Несмотря на такую дѣйствительную малостоимость земли, каковы налоги въ Самарской губерніи? Объ этомъ мы узнаемъ изъ показанія другого самарскаго землевладѣльца Л. Б. Тургенева. Рѣчь идетъ о Ставропольскомъ уѣздѣ: „на надѣлъ приходится (съ выкупными платежами) отъ 20-ти до 24 рублей, т.-е. 6 рублей на десятину. Между тѣмъ, десятина даетъ 6 р. только при сдачѣ подъ рожь, подъ яровое же—4 р., значитъ, можно считать 3 р. съ небольшимъ на кругъ. Положимъ, крестьянинъ получитъ 15 р. съ десятины при собствен-

ной обработкѣ; но вѣдь ему еще нужно прокормиться и одѣться. Неурожай окончательно подкапываетъ крестьянина. Въ доказательство того, что ему дѣйствительно очень тяжело, а платежи дѣйствительно сильны, я сдѣлаю одно практическое замѣчаніе: прежде у насъ кабалы не было, она представляла историческое преданіе; теперь же является кабала, и кабалятся года на 2—3 впередъ; это—ужаснѣйшее явленіе".

О какихъ же сбереженіяхъ можетъ быть рѣчь при подобныхъ обстоятельствахъ? А безъ поддержанія почвы, она должна истощаться болѣе и болѣе.

Усиленіе нашего отпуска за-границу, которое относится главнымъ образомъ къ отпуску хлѣба, при такихъ обстоятельствахъ, само не можетъ служить подспорьемъ крестьянскому хозяйству. Когда производительность въ данной мѣстности уменьшается, то возвышеніе цѣнъ на продукты увеличеніемъ вывоза можетъ поддержать прежнее status quo только при достаточномъ количествѣ у крестьянъ хлѣба для сбыта. Но за то, при наступленіи неурожая, вывозъ является даже неблагопріятнымъ обстоятельствомъ, такъ какъ увеличиваетъ цѣну на такой продуктъ, который крестьянамъ приходится уже не продавать, но покупать. И замѣчательно, что нынѣ въ наиболѣе бѣдственномъ положеніи оказывается населеніе такихъ мѣстностей, которыя наиболѣе отпускаютъ хлѣба за-границу: таковы приволжскіе уѣзды Самарской губерніи и Херсонская губернія.

Что касается пререкательствъ, возникшихъ въ печати относительно дѣйствій мѣстной администраціи и земства Самарской губерніи, то и здѣсь, повидимому, основательны только обоюдныя жалобы, но не оправданія которой-либо стороны. Недостатокъ распорядительности земства достаточно удостовѣряется тѣмъ фактомъ, что мы доселѣ еще не имѣемъ и приблизительнаго понятія о размѣрахъ голода, о числѣ нуждающихся. Но и непредусмотрительность мѣстной администраціи доказывается, какъ сообщеніемъ въ теченіи лѣта въ оффиціальной газетѣ благопріятныхъ видовъ на урожай, такъ и усиленнымъ взысканіемъ недоимокъ. Все, что могли сказать защитники администраціи въ объясненіе этихъ фактовъ, сводилось къ тому, что свѣдѣнія о видахъ на урожай, „вѣрны или невѣрны" они были, доставлялись чрезъ губернатора „обычнымъ канцелярскимъ порядкомъ" („Моск. Вѣд. № 3-й"), а взысканіе недоимокъ производилось не по собственной иниціативѣ губернатора, но по настоянію казенной палаты. Неудовлетворительность такого объясненія слишкомъ очевидна. Взваливать всю вину на земство невозможно до тѣхъ поръ, пока земство находится въ подчиненіи у мѣстной администраціи, даже от-

носительно созванія своихъ собраній, не говоря уже о томъ, что оно лишено всякой возможности контролировать расходованіе хлѣбныхъ запасовъ сельскими обществами, которыя дѣйствуютъ въ этомъ совершенно самостоятельно и допускаютъ большія злоупотребленія. Учрежденіе, находящееся подъ опекой, не можетъ нести на себѣ всю отвѣтственность: часть ея должна неизбѣжно падать и на того, кто контролируетъ дѣйствія этого учрежденія. Ограниченное въ своихъ правахъ и по отношенію къ администраціи, и по отношенію къ сельскимъ обществамъ, земство въ дѣлѣ народнаго продовольствія не можетъ отвѣчать за все. Позволительно даже пожалѣть, что въ отзывъ генерала Яфимовича какъ-бы внесена газетная полемика, такъ какъ онъ счелъ нужнымъ только похвалить мѣстную администрацію, и только упрекнуть земство. Порученіе, съ какимъ онъ былъ посланъ—раздать пособіе нуждающимся отъ монаршихъ щедротъ, должно было бы поставить его отзывъ о нынѣшнемъ положеніи дѣлъ выше безплодной въ настоящее время полемики. Утѣшительно видѣть, что въ Херсонской губерніи усилія администраціи и земства къ облегченію бѣдствія направляются къ своей цѣли дружно. Но нельзя не замѣтить, что въ числѣ поученій, какими обильно нынѣшнее бѣдствіе, представляется необходимость дать болѣе самостоятельности, болѣе простора земству въ той скромной области мѣстнаго хозяйства, какая указана ему закономъ. Необходимость пересмотра размѣровъ выкупныхъ платежей въ той обширной полосѣ, гдѣ они приближаются къ суммѣ самого дохода съ земли, даже ее превышаютъ, представляетъ другой практическій урокъ, которымъ необходимо воспользоваться для устраненія постепеннаго упадка крестьянскаго хозяйства въ цѣлой трети европейской Россіи.

Высочайшее повелѣніе 9-го января 1874 г. о дарованіи нѣкоторыхъ облегченій лицамъ, подвергшимся по 1-е января 1871 г. обвиненіямъ въ государственныхъ преступленіяхъ, если они не совершили послѣ того какихъ-либо новыхъ преступленій и не были замѣчены ни въ чемъ предосудительномъ,—было опубликовано въ то время, когда предшествующее наше внутреннее обозрѣніе было уже окончено наборомъ. Повелѣніемъ тѣмъ даровано возвращеніе нѣкоторыхъ правъ въ соотвѣтствіи къ пяти категоріямъ: лишеннымъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію правъ и преимуществъ возвращаются прежнія личныя права состоянія, съ распространеніемъ ихъ и на дѣтей, родившихся послѣ осужденія, съ дозволеніемъ тѣмъ изъ этихъ лицъ, которыя находятся въ Сибири, переселяться во внутреннія губерніи, и освобожденіемъ отъ надзора полиціи тѣхъ лицъ, которыя находятся въ европейской Россіи. Освобожденнымъ уже доселѣ

отъ надзора полиціи предоставляется право поступать на государственную службу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имъ дозволено жить, а тѣмъ изъ освобожденныхъ уже доселѣ отъ полицейскаго надзора, которыя были только удалены съ мѣста жительства безъ лишенія правъ, дозволяется возвратиться на родину. Высочайшая милость эта явлена въ ознаменованіе бракосочетанія Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Александровны, Герцогини Эдинбургской.

ОБЪЯСНЕНІЕ

ПО ПОВОДУ ОТВѢТОВЪ НА ВОПРОСЫ ОБЪ ОПЕРАЦІЯХЪ ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

Въ январьской книжкѣ „Вѣстника Европы“ напечатана статья г. Иващенко: „Отвѣты на вопросы объ операціяхъ государственнаго банка“. Это—отвѣтъ на нашу статью, помѣщенную въ іюльской книжкѣ „Вѣстника Европы“ и въ брошюрѣ: „Вопросы государственнаго хозяйства“. Содержаніе этого „отвѣта“ указываетъ, что авторъ пользовался оффиціальными данными и, конечно, это не могло быть сдѣлано безъ согласія и разрѣшенія управленія государственнаго банка. Не можемъ не выразить нашу глубокую благодарность управленію за то вниманіе, которое оно обратило на нашу замѣтку. Въ такомъ образѣ дѣйствій мы видимъ просвѣщенный взглядъ и серьёзное отношеніе къ дѣлу. Позволяемъ себѣ думать, что управленіе государственнаго банка вполнѣ оцѣнило ту искренность убѣжденій, съ которой были высказаны наши замѣтки, если оно не оставило ихъ безъ вниманія. Всякое общественное учрежденіе только тогда можетъ держать высоко свое знамя, когда оно не облекается въ мантію непогрѣшимости, обращается съ должнымъ вниманіемъ къ мнѣніямъ, высказываемымъ въ печати, и помогаетъ обществу въ разрѣшеніи трудныхъ вопросовъ государственной жизни. Можно расходиться въ мнѣніяхъ съ управленіемъ государственнаго банка, но нельзя не отнестись съ полнымъ уваженіемъ къ подобному образу дѣйствій. Мы тѣмъ болѣе его цѣнимъ, что русская печать не избалована въ этомъ отношеніи и часто принуждена блуждать въ дебряхъ догадокъ

и предположеній, за отсутствіемъ не только оффиціальныхъ, но даже и полуоффиціальныхъ разъясненій. Если намъ скажутъ, что статья г. Иващенко не имѣетъ вовсе оффиціальнаго характера, то мы замѣтимъ, что во всемъ ея содержаніи видна санкція управленія государственнаго банка, и этого для насъ довольно. Пожелаемъ, читатель, чтобы статья г-на Иващенко сдѣлалась прекраснымъ прецедентомъ и въ другихъ случаяхъ. Много бы уничтожилось недоразумѣній и много бы явилось полезныхъ результатовъ, если бы правительственныя учрежденія находили нужнымъ обращаться къ печатному слову, какъ къ средству знакомить общество съ мотивами своихъ дѣйствій.

Вниманіе, оказанное нашимъ мнѣніямъ, обязываетъ насъ вновь высказать съ тою же искренностію тѣ соображенія, которыя вызваны были въ насъ чтеніемъ данныхъ намъ разъясненій и сдѣланныхъ возраженій. Статья г. Иващенко раздѣлена на два отдѣла: въ первомъ представляются разъясненія бухгалтерскихъ счетовъ банка, во второмъ возраженія на наши замѣчанія противъ эмиссіонной операціи кредитныхъ билетовъ и покупки золота. Мы будемъ слѣдовать тому же порядку. Выставляя нѣкоторыя неясности балансовъ государственнаго банка, какъ можетъ припомнить читатель, мы никогда не сомнѣвались въ томъ, что эти неясности могутъ разъясниться; напротивъ, мы были вполнѣ убѣждены, что ключъ къ нимъ есть, но только въ рукахъ лицъ знакомыхъ не съ *бухгалтеріей вообще, а съ бухгалтеріей государственнаго банка.* Самъ г. Иващенко говоритъ, что въ его счетоводствѣ есть *особенность*, вслѣдствіе которой по переводной операціи въ банкѣ ведется особый счетъ. Еслибъ этого не было, то (какъ замѣчаетъ г. Иващенко въ одномъ изъ примѣчаній) въ балансѣ банка къ 1-му мая цифры должны бы измѣниться, т.-е., что въ напечатанномъ балансѣ къ 1-му мая показаны не тѣ цифры, которыя были въ дѣйствительности, а тѣ, которыя образовались вслѣдствіе принятаго банкомъ порядка счетоводства. Но вѣдь мы только это и утверждали, и г. Иващенко вполнѣ подтверждаетъ наши слова. Мы останавливаемся на этомъ обстоятельствѣ потому, что принятый государственнымъ банкомъ порядокъ счетоводства заставляетъ его въ общемъ балансѣ банка, конторъ и отдѣленій вводить счеты свои съ конторами, тогда какъ въ этомъ итогѣ балансовъ всѣхъ подвѣдомственныхъ банку учрежденій должны значиться одни счеты его съ правительствомъ и публикой, внутренніе же счеты отдѣльныхъ учрежденій здѣсь совершенно лишніе. Но при существующемъ порядкѣ исключить этихъ счетовъ нельзя, такъ какъ безъ нихъ произойдетъ дефицитъ. Между тѣмъ, измѣнивши этотъ порядокъ и прибавивши къ балансу счетъ цѣнностей, находящихся въ пути, можно всегда свести балансъ, который, не затемняя дѣло

взаимными счетами между учрежденіями государственнаго банка, не поведетъ и къ недоразумѣніямъ въ публикѣ.

Что касается остальныхъ разъясненій, то мы очень благодарны г. Иващенко за принятый имъ на себя трудъ, и наши читатели, конечно, не посѣтуютъ на насъ, что мы предложили эти вопросы, такъ какъ теперь категорически разъяснена причина увеличенія счетовъ по долгамъ помѣщиковъ прежнихъ кредитныхъ учрежденій и причины разницы счетовъ банка и выкупного учрежденія. При этомъ мы должны замѣтить, что въ балансахъ банка, еще задолго до появленія статьи г. Иващенко, мы замѣтили существенное измѣненіе, а именно: цифра представленныхъ въ погашеніе выкупныхъ процентныхъ бумагъ была выдѣлена въ особый счетъ, что́ и разъяснило нѣкоторыя наши недоразумѣнія.

Мы очень сожалѣемъ, что г. Иващенко не взялъ на себя труда разъяснить, хотя бы отчасти, причину неясности номенклатуры нѣкоторыхъ счетовъ государственнаго банка, на которую мы указывали. Такъ, напримѣръ, счетъ въ активѣ коммерческихъ операцій: долгъ государственнаго казначейства по ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ учрежденій, и счетъ съ государственнымъ банкомъ въ пассивѣ ликвидація кредитныхъ учрежденій. Для лицъ, не посвященныхъ въ тайны бухгалтеріи, никогда не придетъ въ голову, что эти два счета выражаютъ капиталъ, затраченный банкомъ на уплату долговъ прежнихъ кредитныхъ учрежденій изъ суммъ, ввѣренныхъ банку по вкладамъ и текущимъ счетамъ. Такая неясность скрываетъ отъ публики дѣйствительное значеніе оборотовъ государственнаго банка. Между тѣмъ, еслибъ эти счеты были озаглавлены 1) въ активѣ коммерческихъ операцій: *„Расходы банка на уплату долговъ прежнихъ кредитныхъ учрежденій“*; а 2) въ пассивѣ ликвидаціи: *„Позаимствованіе изъ суммъ коммерческихъ операцій на уплату долговъ прежнихъ кредитныхъ учрежденій“*,—тогда бы эти заголовки соотвѣтствовали дѣйствительному характеру этихъ счетовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не вводили бы никого въ заблужденіе. Тогда было бы ясно, что государственный банкъ не оказываетъ никакого содѣйствія промышленности, а напротивъ, беретъ у промышленности около 120 милл. рублей на уплату долговъ прежнихъ кредитныхъ учрежденій, и что весь raison d'être государственнаго банка заключается именно въ этой операціи, такъ какъ кредитъ, открываемый банкомъ частной промышленности, ничтоженъ въ сравненіи не только съ его балансомъ, но и съ приведенной цифрой.

Переходимъ ко второму отдѣлу статьи, въ которомъ авторъ оспариваетъ наши мысли о вредѣ выпуска кредитныхъ билетовъ въ обмѣнъ на звонкую монету. Авторъ утверждаетъ, что статья наша

есть извлеченіе изъ извѣстнаго сочиненія Вагнера „Die russische Papierwährung“. Смѣемъ увѣрить г. Иващенко, что это сочиненіе намъ было вовсе неизвѣстно, и о переводѣ этой книги г. Бунге мы до сихъ поръ не имѣли никакого понятія, и очень благодарны г. Иващенко за его сообщеніе. Мы постараемся ознакомиться основательно съ этой книгой, такъ какъ имена, и автора, и переводчика, говорятъ многое въ ея пользу. Впрочемъ, къ какимъ бы заключеніямъ ни приходилъ г. переводчикъ, въ особенности если этотъ переводъ сдѣланъ давно, врядъ ли онъ въ состояніи оспорить значеніе фактовъ въ настоящее время. Операція выпуска бумажныхъ денегъ получила въ послѣднее время такое развитіе и повлекла за собой такія грустныя послѣдствія, которыхъ, конечно, г. Вагнеръ, издавшій свою книгу, какъ видно изъ каталоговъ, въ 1868 году, и не могъ предвидѣть, тѣмъ болѣе, что исторія бумажно-денежнаго обращенія не представляетъ ни одной попытки, которая бы производилась этимъ путемъ и при тѣхъ же обстоятельствахъ. Очень естественно, что мы, живя въ 1873 году и имѣя въ виду гораздо болѣе фактовъ, нежели могъ ихъ имѣть г. Вагнеръ въ 1868 году, когда операція покупки золота государственнымъ банкомъ едва начиналась, можемъ идти въ нашихъ выводахъ гораздо далѣе г. Вагнера. Вѣроятно и г. Вагнеръ пошелъ бы далѣе, если бы писалъ въ настоящее время. Но возвратимся къ сущности вопроса.

Г. Иващенко утверждаетъ, что нашъ аргументъ дороговизны могъ бы имѣть значеніе только тогда, еслибъ намъ удалось доказать, что дороговизна составляетъ не частное возвышеніе цѣнъ на какой-либо предметъ, а явленіе общее. Не знаемъ, какое впечатлѣніе сдѣлало подобное возраженіе на васъ, читатель, но намъ оно показалось очень страннымъ. Неужели же въ Россіи можно отрицать фактъ всеобщей дороговизны? Неужели нужно въ подтвержденіе этого факта приводить таблицы цѣнъ всѣхъ возможныхъ предметовъ потребленія за нѣсколько лѣтъ? Нѣтъ, подобная аргументація могла бы наскучить всякому читателю, и онъ былъ бы вправѣ сказать намъ: „для чего вы надоѣдаете мнѣ съ таблицами, для доказательства такой ходячей истины, которую мало-мальски наблюдательный человѣкъ знаетъ твердо по своему карману“. Въ виду полной очевидности такого факта, мы не считаемъ нужнымъ ее доказывать и убѣждены вполнѣ, что читатель гораздо скорѣе согласится съ нами, нежели съ г. Иващенко, утверждающимъ, что возвышеніе цѣнъ есть частный случай и, слѣдовательно, не зависитъ отъ дешевизны денегъ. Въ подтвержденіе своей мысли, авторъ указываетъ на исключеніе, допущенное нами по отношенію къ цѣнѣ на мануфактурныя произведенія. Но, во-первыхъ, мы только допустили возможность подобнаго исключенія

въ виду особенныхъ свойствъ этого рода произведеній и, во-вторыхъ, отнюдь не безусловно. Если авторъ могъ это замѣчаніе истолковать въ пользу своей мысли, то изъ этого можно заключить, что мы недостаточно ясно выразились и считаемъ необходимымъ разъяснить сказанное нами.

Г-ну Иващенко, конечно, извѣстно, что никакое экономическое явленіе не зависитъ отъ одной причины, а всегда есть послѣдствіе многихъ неодинаковыхъ силъ, дѣйствующихъ одновременно и въ разныхъ направленіяхъ, и что одна и та же сила, дѣйствуя на два какіе-либо предмета, вызываетъ въ нихъ неодинаковыя явленія, встрѣчаясь съ другими, содѣйствующими или противодѣйствующими силами. Эта сложность причинности явленій въ экономической жизни обусловливаетъ трудность разрѣшенія экономическихъ вопросовъ. На этомъ основаніи, если мы замѣчаемъ въ ряду извѣстныхъ явленій нѣкоторыя исключенія, то мы не можемъ и не должны отрицать существованія извѣстнаго закона, дѣйствію котораго подчиняется большинство явленій. Прилагая эти общія положенія къ разбираемому вопросу, мы видимъ, что цѣны на предметы потребленія, не считая стоимости производства, установляются подъ вліяніемъ *двухъ главныхъ условій*. Во-первыхъ, подъ вліяніемъ количества денежныхъ знаковъ, какъ мѣрила цѣнности, въ виду того, что въ цѣнѣ выражается отношеніе между всею суммою товаровъ, подлежащихъ обмѣну, и количествомъ денежныхъ знаковъ; во-вторыхъ, подъ вліяніемъ спроса и предложенія на каждый товаръ отдѣльно. Оба эти условія имѣютъ вліяніе на цѣны, и могутъ быть случаи, когда они измѣняются въ одномъ направленіи и имѣютъ слѣдствіемъ повышеніе или пониженіе цѣнъ; могутъ быть случаи, когда одно условіе измѣняется, а другое остается безъ перемѣны; также можетъ быть случай, когда одно условіе измѣняется въ одномъ направленіи, а другое въ другомъ, т.-е. одно можетъ дѣйствовать на повышеніе или пониженіе цѣнъ, а другое наоборотъ; наконецъ, самое измѣненіе условій можетъ быть не въ одинаковой степени. Отсюда рядъ безчисленныхъ комбинацій, вліяющихъ на состояніе цѣнъ, но изъ этого нельзя выводить заключенія, что увеличеніе или уменьшеніе денежныхъ знаковъ не вліяетъ на цѣны, если на нѣкоторые предметы цѣны не измѣнились. Здѣсь, слѣдовательно, одно условіе было парализовано другимъ и ничего болѣе. На этомъ основаніи мы утверждаемъ, что невозможно представить себѣ такого случая, чтобъ даже удвоенное количество денежныхъ знаковъ могло повліять непремѣнно на возвышеніе всѣхъ безъ исключенія предметовъ потребленія. Напротивъ, очень легко можетъ быть, что уменьшеніе спроса, увеличеніе предложенія или удешевленіе стоимости производства, а

чаще всего дѣйствіе всѣхъ этихъ причинъ, оставляетъ цѣны на нѣкоторые предметы безъ всякой перемѣны, несмотря на то, что увеличеніе денежныхъ знаковъ возвышаетъ цѣну всѣхъ остальныхъ. Стало быть, возвышенія цѣнъ безусловно всѣхъ вообще предметовъ никогда не можетъ быть, вслѣдствіе разнообразія обусловливающихъ ихъ причинъ.

Изъ этого можно вывести только одно заключеніе, что еслибъ не было увеличенія денежныхъ знаковъ, то цѣны, оставшіяся безъ перемѣны, должны были понизиться, но такъ какъ этого не случилось, то увеличеніе денежныхъ знаковъ имѣло вліяніе и здѣсь, что̀ и выразилось въ косности цѣнъ, по другимъ условіямъ долженствовавшихъ понизиться. Неужели г. Иващенко будетъ возражать противъ этихъ очевидныхъ истинъ и все-таки будетъ настаивать, что дороговизна не есть у насъ явленіе общее, потому что нѣкоторые предметы не повысились въ цѣнѣ? Но вѣдь тогда, чтобы быть послѣдовательнымъ, надо утверждать, что количество денежныхъ знаковъ вовсе не имѣетъ никакого вліянія на цѣны, чего однакожъ г. Иващенко не говоритъ, и чего, конечно, нельзя доказать послѣ всѣхъ фактовъ, которые намъ представляетъ исторія денежнаго обращенія, начиная съ открытія Америки и вплоть до настоящей минуты. Онъ только упрекаетъ насъ, что мы не представили доказательствъ, что всѣ предметы потребленія возвысились въ цѣнѣ. Но мы, кажется, ясно доказали, что подобнаго случая не можетъ быть ни при какихъ обстоятельствахъ. Для насъ довольно и того, что большинство предметовъ купли и продажи возвысилось въ цѣнѣ, и притомъ возвысилось настолько, что оно не можетъ быть объяснено ни возрастающимъ населеніемъ, ни развитіемъ благосостоянія массъ (которое едва ли увеличилось). Ко всему нами сказанному мы прибавимъ, что увеличеніе количества денежныхъ знаковъ имѣетъ наибольшее вліяніе на вздорожаніе тѣхъ предметовъ, предложеніе которыхъ ограничено извѣстнымъ предѣломъ и не можетъ быть быстро увеличено, вслѣдствіе естественныхъ условій производства, между тѣмъ какъ спросъ можетъ быть ограниченъ съ величайшими лишеніями. Сюда относятся прежде всего предметы, служащіе въ пищу человѣку и затѣмъ сырые продукты вообще. Наименьшее же вліяніе испытываютъ тѣ предметы, производство которыхъ можетъ быть увеличено сообразно потребностямъ, а самыя потребности могутъ быть ограничены безъ особыхъ затрудненій. Мануфактурные товары принадлежатъ именно къ этой послѣдней категоріи, а потому мы, въ нашей статьѣ объ операціяхъ государственнаго банка, и указали на нихъ, какъ на такіе предметы, на которыхъ всего менѣе отразилась дешевизна денегъ. Но здѣсь мы имѣли въ виду то

обстоятельство, что товары эти постоянно понижаются въ цѣнѣ, вслѣдствіе постояннаго увеличенія производства и уменьшенія его стоимости, и что здѣсь косность цѣнъ равносильна ихъ возвышенію. Надѣемся, что, послѣ всего сказаннаго, г. Иващенко не будетъ утверждать, что мы не доказали общаго возвышенія цѣнъ, а слѣдовательно, и логической связи этого явленія съ увеличеніемъ количества кредитныхъ билетовъ. Если же наши доводы покажутся г. Иващенко неубѣдительными, то мы, съ своей стороны, въ опроверженіи ихъ попросимъ его доказать, что цѣны на большинство предметовъ купли и въ особенности на жизненныя потребности не возросли съ 1866 года, а если и возрасли, то отъ другихъ причинъ и какихъ именно. Безъ этого доказательства утвержденіе его, что дороговизна не имѣетъ логической связи съ операціями банка, будетъ чисто голословнымъ.

Далѣе, г. Иващенко утверждаетъ, что мы употребили несостоятельный пріемъ аргументаціи, т.-е. не доказавъ, что дороговизна есть явленіе всеобщее, мы указывали на систему единства кассы, устройство банковъ и улучшеніе путей сообщенія, какъ на такія обстоятельства, которыя могли уменьшить потребность въ денежныхъ знакахъ, и что такимъ образомъ *мы доказывали не самый фактъ, а только возможность его въ томъ случаѣ, еслибъ дѣйствовали только тѣ факторы, которые нами указаны.* Изъ этого мы заключаемъ, что или мы не ясно выразились, или г. Иващенко не вполнѣ уяснилъ себѣ нашу мысль. Повторяемъ, мы не считали нужнымъ прилагать таблицы движенія цѣнъ на всѣ предметы потребленія съ 1866 по 1873 годъ (да и врядъ ли какая-нибудь редакція согласится напечатать ихъ въ небольшой журнальной статьѣ); мы считали фактъ всеобщей дороговизны вполнѣ очевиднымъ и не требующимъ никакихъ доказательствъ. Что же касается тѣхъ обстоятельствъ, которыя могли уменьшить потребность въ орудіяхъ обмѣна, освобождая послѣднія отъ безполезнаго храненія ихъ въ различныхъ кассахъ, то, указывая на нихъ, мы желали этимъ характеризовать лишь то время, въ которое банкъ производилъ разсматриваемыя нами операціи. Увеличеніе количества кредитныхъ билетовъ при отсутствіи размѣна мы считаемъ мѣрою положительно и безусловно вредною по своей сущности, хотя бы оно производилось и въ обмѣнъ на звонкую монету, даже при отсутствіи указанныхъ нами обстоятельствъ, такъ какъ она увеличиваетъ безъ всякой необходимости количество денежныхъ знаковъ на рынкѣ и производитъ положительную пертурбацію во всѣхъ торговыхъ сдѣлкахъ. Стало быть, на обстоятельства, уменьшавшія потребность денежныхъ знаковъ, мы указывали вовсе не для доказательства самаго вреда подобной мѣры, а только

въ доказательство усиленной степени его. Мы думаемъ, что вредныя послѣдствія покупки золота въ обмѣнъ на новые выпуски кредитныхъ билетовъ далеко не имѣли бы такого значенія, еслибъ операція эта не совпадала со введеніемъ единства кассы и съ устройствомъ частныхъ банковъ. На этомъ основаніи и въ виду такого значенія нашей аргументаціи, она является неотразимою и, слѣдовательно, вполнѣ цѣлесообразною; возраженіе же, сдѣланное противъ нея—вполнѣ несостоятельно. Г. Иващенко говоритъ, что мы игнорируемъ факторы, вліявшіе на цѣнность кредитнаго рубля въ направленіи противоположномъ, къ которымъ относитъ исчезновеніе изъ обращенія звонкой монеты, лишеніе билетовъ на безсрочные вклады государственныхъ кредитныхъ учрежденій способности обращаться въ качествѣ денежныхъ знаковъ, и переходъ отъ натуральныхъ хозяйствъ къ денежнымъ. Здѣсь уже мы теряемся въ догадкахъ, какъ могло произойти такое смѣшеніе двухъ періодовъ времени, совершенно различныхъ между собою. Мы говорили о времени съ 1867 по 1873 годъ, а г. Иващенко указываетъ на такіе факторы, которые могли имѣть значеніе, и два изъ нихъ дѣйствительно имѣли его—одинъ въ пятидесятыхъ годахъ,—другой въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Исчезновеніе звонкой монеты изъ обращенія совершилось во время крымской войны, и мы ее съ тѣхъ поръ не видимъ. Поэтому, обстоятельство это могло имѣть вліяніе, какъ факторъ, къ поддержанію цѣнности кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ то время, но не имѣетъ никакого отношенія къ настоящему времени. Переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному могъ способствовать поглощенію значительной массы денежныхъ знаковъ и повліять на цѣнность кредитнаго рубля также не теперь, а въ началѣ прошедшаго десятилѣтія. Дѣйствительно, освобожденіе крестьянъ не допустило тогда окончательнаго паденія нашей монетной единицы. Но это могло повліять на цѣнность кредитнаго рубля прежнихъ выпусковъ и не имѣетъ никакого значенія теперь, такъ какъ до 1867 г. всѣ хозяйства уже были переведены изъ натуральныхъ въ денежныя. Наконецъ, третій факторъ также принадлежитъ къ мѣрамъ пятидесятыхъ годовъ, но даже и тогда онъ не имѣлъ почти никакого значенія. Билеты прежнихъ кредитныхъ учрежденій на безсрочные вклады на практикѣ никогда не имѣли характера денежныхъ знаковъ, хотя и была полная возможность этимъ бумагамъ обращаться въ видѣ денежныхъ знаковъ. Не знаемъ, помнитъ ли это время г. Иващенко, но мы его помнимъ очень хорошо. Занимаясь въ то время торговыми оборотами, мы были хорошо знакомы со взглядами тогдашняго купечества на всякія кредитныя бумаги. Намъ не разъ случалось слышать отзывы торгующихъ лицъ о томъ, что торговому

лицу не подобаетъ вносить свои деньги въ банкъ. „Какой это купецъ", говаривали они, „если кладетъ деньги въ ломбардъ". Это было до извѣстной степени укоромъ торговому человѣку и признакомъ, что онъ хочетъ объявить себя несостоятельнымъ. Это былъ взглядъ огромнаго большинства русскаго купечества. Можно назвать подобныя понятія дикими, но существованіе ихъ отвергать нельзя, и г. Иващенко можетъ справиться объ этихъ понятіяхъ, такъ какъ дѣятели тогдашняго времени еще не вымерли. Если и были въ этомъ отношеніи исключенія, то развѣ только здѣсь, въ Петербургѣ, и то очень мало. Вслѣдствіе такихъ понятій билеты на безсрочные вклады не только не имѣли характера денежныхъ знаковъ, но ихъ было трудно размѣнять въ частныхъ рукахъ. Не далѣе, какъ въ концѣ 1858 г., мы лично были въ большомъ затрудненіи въ Твери, въ городѣ лежащемъ между двухъ столицъ и на желѣзной дорогѣ, когда намъ пришлось размѣнять такой билетъ въ 700 р. сер. Мы очень хорошо помнимъ, что искали нѣсколько дней этой возможности и, не найдя ее, принуждены были посылать нарочнаго въ Москву для предъявленія его въ опекунскій совѣтъ. Если таково было положеніе дѣлъ въ губернскомъ городѣ между двухъ столицъ, то въ другихъ городахъ было еще менѣе для этого шансовъ, и утверждать, что эти билеты имѣли характеръ денежныхъ знаковъ, положительно невозможно.

Итакъ, факторовъ, поддерживавшихъ цѣнность кредитнаго рубля и указанныхъ нашимъ антагонистомъ во время операціи покупки золота, т.-е. съ 1867 по 1873 годъ, вовсе не существовало и, слѣдовательно, возраженія, сдѣланныя намъ до сихъ поръ, исчезаютъ, *яко дымъ отъ лица огня.*

Затѣмъ мы переходимъ къ самому капитальному возраженію г. Иващенко (по крайней мѣрѣ, разбираемая нами статья придаетъ ему такое значеніе), это—къ таблицамъ вексельнаго курса и лажа. Посмотримъ, что же онѣ доказываютъ. Начать съ того, что курсъ представляетъ повышеніе съ небольшимъ на одинъ пенсъ, и то противъ 1865 г., а не противъ 1867 года; и нѣтъ ничего мудренаго, что это повышеніе можетъ измѣниться въ пониженіе при первыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ для нашей отпускной торговли. Между тѣмъ обстоятельства нашего рынка были слѣдующія: нашъ торговый балансъ по ввозу и вывозу представляетъ за все пятилѣтіе до 1873 г. почти равные итоги, а движеніе капиталовъ на русскій рынокъ было за это время громадное. Вспомнимъ только главныя черты этого движенія: облигацій николаевской желѣзной дороги выпущено на 180 милл. Консолидированныхъ займовъ произведено на 337 милл. Частными банками выпущено акцій и закладныхъ листовъ по мень-

шей мѣрѣ на 250 милл. руб. Компаніями желѣзныхъ дорогъ выпущено акцій по крайней мѣрѣ на 100 милл. руб., всего получимъ 867 милл. металлическихъ руб. Если мы изъ этой суммы сбросимъ 20% въ общей сложности на реализацію капитала, то и тогда она представитъ сумму болѣе 700 милл. Прибавимъ къ этому 170 милл. руб. золотомъ, которые пріобрѣтены банкомъ тоже на заграничныхъ рынкахъ, такъ какъ на нашемъ оно не держится, а также выигрышные билеты и 5% банковые билеты, переходящіе на заграничные рынки. Мы не считаемъ движенія заграничныхъ капиталовъ для другихъ промышленныхъ предпріятій, какъ-то: каменноугольныя копи, желѣзные заводы и др., которое можетъ уравновѣсить участіе нашихъ внутреннихъ капиталовъ въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ. Сравнивая эту цифру капиталовъ съ цифрой нашего вывоза, мы видимъ, что она составляетъ болѣе половины его (цифра нашего вывоза за послѣднее пятилѣтіе составляетъ около 1,500 милл.) и можетъ быть принимаема за увеличеніе нашей отпускной торговли на 50%. Мы спрашиваемъ г. Иващенко: неужели же подобная цифра капиталовъ, пришедшихъ къ намъ съ заграничныхъ рынковъ, въ обмѣнъ на наши процентныя бумаги, не имѣла никакого вліянія на нашъ вексельный курсъ? Нѣтъ, она имѣла и должна была имѣть громадное вліяніе: она поддержала нашъ курсъ на той высотѣ, на которой онъ находится въ настоящее время; въ противномъ случаѣ онъ упалъ бы значительно. Еслибъ государственный банкъ не дѣлалъ своихъ экспериментовъ съ нашимъ денежнымъ рынкомъ, а предоставилъ бы его естественному ходу событій, то нашъ отпускъ, усиленный на 50% товаромъ въ видѣ процентныхъ бумагъ [1]) долженъ былъ поднять нашъ вексельный курсъ по крайней мѣрѣ al pari, если же этого нѣтъ, то мы вправѣ предположить, что были другія условія, которыя парализовали дѣйствіе выгоднаго торговаго баланса. Эти неблагопріятныя обстоятельства заключаются въ томъ, что государственный банкъ выпустилъ за это время болѣе чѣмъ на 136 милл. руб. кредитныхъ билетовъ, не считая выпущенныхъ въ подкрѣпленіе переводной операціи. Мы ставимъ банку въ вину не то, что цѣна кредитнаго рубля понизилась по отношенію къ звонкой монетѣ,—этого факта мы никогда не утверждали,—а то, что цѣна его, несмотря на всѣ благопріятныя для такого повышенія обстоятельства, не возвысилась до номинальной стоимости и, говоря о пониженіи цѣны кредитнаго рубля на 40%, мы сравнивали его не съ звонкой монетой, а съ другими товарами. При

---

[1]) Мы не думаемъ, чтобъ г. Иващенко сталъ утверждать, что еслибъ наши процентныя бумаги были замѣнены хлѣбомъ или саломъ, то тогда это явленіе было бы возможно, а при отпускѣ бумагами этого быть не можетъ.

массѣ денежныхъ знаковъ, превышающей потребность, цѣна на золото у насъ очень низка, и потому она ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить мѣриломъ цѣнности кредитнаго рубля. Цѣна нашихъ процентныхъ бумагъ до такой степени дешева, что заграничный торговецъ охотно теряетъ на цѣнѣ золота, продавая его за бумажныя деньги, потому что онъ покрываетъ свои потери выгодой на процентныхъ бумагахъ, другими словами—низкій лажъ на золото обусловливаетъ дешевую цѣну нашихъ процентныхъ бумагъ. Еслибъ государственный банкъ не прибѣгалъ къ выпуску новыхъ кредитныхъ билетовъ въ обмѣнъ на золото, то прежніе выпуски кредитныхъ билетовъ, найдя себѣ помѣщеніе вслѣдствіе развитія оборотовъ и возвышенія цѣнъ, бывшихъ въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ настоящее время должны были бы подняться въ цѣнѣ, и безъ всякаго сомнѣнія сравнялись бы теперь съ номинальной ихъ цѣною. Въ такомъ случаѣ государственный банкъ имѣлъ бы возможность открыть размѣнъ, не прибѣгая къ покупкѣ золота и безъ всякаго опасенія за цѣлость металлическаго фонда. Но неудачная мысль банка о разницѣ выпуска кредитныхъ билетовъ на потребности государственнаго казначейства и въ обмѣнъ на звонкую монету, и о возможности послѣднимъ способомъ неограниченнаго ихъ выпуска —сдѣлала то, что цѣна кредитнаго рубля осталась та же самая, и въ настоящее время государственный банкъ гораздо далѣе отъ возможности размѣна, нежели былъ при началѣ этой операціи. Въ подтвержденіе нашихъ словъ мы приведемъ существующія цѣны на золото, хоть на нашей биржѣ, т.-е. 6 руб. 10 коп. за полуимперіалъ: еслибъ государственный банкъ рѣшился въ настоящее время открыть размѣнъ и при томъ не въ одномъ Петербургѣ—даже по тому курсу, по которому онъ самъ пріобрѣталъ его,—то мы бы посмотрѣли, на долго ли ему хватитъ его размѣннаго фонда, несмотря на его увеличенія, и тогда было бы ясно, по крайней мѣрѣ, насколько у насъ лишнихъ кредитныхъ билетовъ въ обращеніи. Кромѣ этого слѣдуетъ замѣтить, что нашъ металлическій фондъ состоитъ преимущественно изъ французскаго золота, которое ходило на нашемъ рынкѣ на 23 коп. дешевле нашего, тогда какъ государственный банкъ принимаетъ его на 14 к. дешевле русскаго.

Г. Иващенко утверждаетъ, что цѣна нашего кредитнаго рубля не понизилась, потому что вексельный курсъ остался тотъ же, а лажъ на золото даже понизился. Да, это такъ—по отношенію къ золоту, но это нисколько не доказываетъ, что и по отношенію къ другимъ предметамъ онъ тоже удержался въ цѣнѣ. У насъ цѣна на золото понижается вмѣстѣ съ кредитнымъ рублемъ, потому что оно вовсе не требуется на внутреннихъ рынкахъ и ни одно казначейство не приметъ

его по дѣйствительной его стоимости. Если государственный банкъ можетъ его пріобрѣтать иногда ниже его рыночной цѣны, то это служитъ прямымъ тому доказательствомъ. Сверхъ того, всѣ обстоятельства нашего рынка вели къ повышенію кредитнаго рубля, а между тѣмъ онъ даже и по отношенію къ металлу не повысился, и въ этой косности мы видимъ уже его пониженіе. Если же мы встрѣчаемся еще съ повышеніемъ цѣнъ на другіе предметы, то это насъ приводитъ къ положительному заключенію о пониженіи его цѣнности. Государственные расходы всѣхъ вѣдомствъ повышаются изъ года въ годъ, и главной причиной такого возвышенія выставляется возвышеніе цѣнъ на всѣ предметы потребленія. Это фактъ, котораго нельзя отрицать и который удостовѣренъ болѣе авторитетными показаніями, нежели удостовѣренія г. Иващенко. Что этотъ фактъ дѣйствительно существуетъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; напротивъ, было бы странно, еслибъ его не было, потому что въ цѣнѣ, какъ мы видѣли выше, выражается отношеніе между количествомъ денежныхъ знаковъ, находящихся въ обращеніи, и количествомъ предметовъ, подлежащихъ куплѣ и продажѣ, или, другими словами—это отношеніе есть одинъ изъ факторовъ, опредѣляющихъ цѣну. Но для защитника операцій государственнаго банка такихъ положеній экономической науки какъ будто и не существуетъ. Если вѣрить утвержденію г. Иващенко, то цѣны могутъ оставаться однѣ и тѣ же, какъ при 649 милл. руб. кредитныхъ билетовъ, такъ и при 786 милл., не считая выпущенныхъ въ подкрѣпленіе переводной операціи. Изъ приведенной таблицы мы узнаемъ, что эта послѣдняя цифра къ 1-му января 1872 г. доходила до 45,550,000 р., а къ 1-му января 1873 г. уменьшилась до 7,750,000 р., но, вѣроятно, въ настоящую минуту она значительно болѣе, такъ какъ за всѣ предыдущіе годы эта сумма гораздо выше. Г. Иващенко далѣе старается доказать необходимость и пользу подобныхъ выпусковъ. Если вѣрить, говоримъ мы, утвержденію, что 150 милл. руб. лишнихъ денежныхъ знаковъ не производятъ никакой пертурбаціи на денежномъ рынкѣ, то почему же не выпустить еще 150 милл. и т. д. Мы не знаемъ, зачѣмъ только управленіе государственнаго банка медлитъ подобнымъ дѣломъ. Намъ кажется, что съ его точки зрѣнія, чѣмъ скорѣе оно имѣло бы необходимое, по его мнѣнію, количество золота, тѣмъ скорѣе могло бы открыть размѣнъ, такъ какъ покупка золота совершается для этой цѣли. На это, конечно, намъ могутъ возразить, что быстрая покупка золота могла бы поднять лажъ, а банкъ желаетъ покупать по опредѣленному курсу 5 р. 98 к. за полуимперіалъ. Если кому придетъ въ голову это возраженіе, то мы бы успокоили его тѣмъ, что цѣна не поднимется, а только наши бумаги и товары, привезенные къ портамъ, могутъ понизиться и

больше ничего. Но скажутъ, все же произойдетъ вредъ. Да, конечно; но развѣ при медленной покупкѣ этого вреда не происходитъ? Нѣтъ, онъ явится непремѣнно, но только, разлагаясь на болѣе продолжительное время, онъ совершается медленно и нисколько незамѣтно для неопытнаго наблюдателя, такъ что когда, по прошествіи извѣстнаго періода времени, наступаютъ вредныя послѣдствія подобныхъ мѣръ, человѣку, не слѣдившему постоянно за развитіемъ событій, становится трудно опредѣлить, вслѣдствіе какихъ причинъ произошли эти послѣдствія, а при этомъ всегда есть возможность отрицать дѣйствительную причину зла.

Итакъ, если быстрый выпускъ кредитныхъ билетовъ въ обмѣнъ на золото можетъ принести вредъ, то онъ принесетъ его и при медленномъ ходѣ дѣла, на томъ простомъ основаніи, что потребность въ денежныхъ знакахъ, при развитіи кредитныхъ сдѣлокъ, не можетъ возрастать.

Ко всему этому слѣдуетъ еще прибавить, что мы удивляемся, почему г. Иващенко не нашелъ нужнымъ возражать намъ на самое главное и, по мнѣнію нашему, основное положеніе нашей статьи, а именно, что выпуски кредитныхъ билетовъ, если они дѣлаются при отсутствіи размѣна, т.-е. превышаютъ потребность, во всякомъ случаѣ вредны, будутъ ли производиться на покрытіе обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ, или на пріобрѣтеніе золота. Въ послѣднемъ случаѣ они будутъ даже болѣе вредны нежели въ первомъ, такъ какъ обыкновенные расходы могутъ быть иногда полезны, тогда какъ покупка золота для храненія въ кладовыхъ есть трата совершенно непроизводительная. Тамъ вредъ можетъ хотя отчасти быть вознагражденъ производительными расходами, здѣсь же онъ не вознаграждается ничѣмъ. Всѣ наши разсужденія по этому поводу остались безъ всякаго возраженія, между тѣмъ, какъ намъ кажется, въ этомъ и состоитъ весь споръ. Вѣдь, г. Иващенко не отрицаетъ вреда выпуска бумажныхъ денегъ на покрытіе обыкновенныхъ расходовъ, слѣдовательно, онъ долженъ былъ доказать намъ, что между тѣмъ и другимъ способомъ есть дѣйствительная разница, что кредитные билеты, выпущенные въ обмѣнъ на золото, играютъ на рынкѣ не ту роль, какъ обыкновенные кредитные билеты, а другую, какую именно и почему. Если подобнымъ способомъ выпущенные билеты, увеличивая количество денежныхъ знаковъ, не возвышаютъ цѣны товаровъ, то какое же они вліяніе имѣютъ на рынокъ? Ужели никакого? Вѣдь не имѣютъ же они всемірнаго обращенія и не могутъ уходить на заграничные рынки? Всѣ эти вопросы остаются безъ отвѣта; между тѣмъ, пока мы не получимъ категорическаго на нихъ отвѣта и доказательствъ ошибочности нашего мнѣнія, до тѣхъ поръ мы

вправѣ считать, что намъ не сдѣлано ни малѣйшаго возраженія, такъ какъ всѣ приведенныя г. Иващенко таблицы не разрѣшаютъ подобныхъ вопросовъ, — а въ нихъ вся суть дѣла.

Мы говорили также въ первой нашей статьѣ, что металлическій фондъ, каковъ бы онъ ни былъ, не имѣетъ по отношенію къ денежному рынку и къ курсу кредитныхъ билетовъ *никакого реальнаго значенія*, что довѣріе къ кредитнымъ билетамъ зависитъ не отъ количества металла, хранящагося въ кладовыхъ, а отъ потребности въ бумажныхъ денежныхъ знакахъ. Мы привели и доказательства такому положенію, но возраженій на такія положенія также не видимъ въ статьѣ г. Иващенко. Мы утверждаемъ это на томъ простомъ основаніи, что звонкая монета не имѣетъ большого значенія для внутреннихъ оборотовъ, и если количество бумажныхъ денегъ не превышаетъ потребности, то государственный банкъ можетъ удовлетворить потребностямъ заграничной торговли очень незначительнымъ количествомъ звонкой монеты, и мы ссылаемся въ этомъ случаѣ на примѣръ государственнаго ассигнаціоннаго банка въ продолженіе десятилѣтія съ 1842 по 1852 годъ. Даже венгерская война не произвела въ его размѣнномъ фондѣ серьёзнаго уменьшенія; въ обыкновенные же годы онъ возрасталъ постоянно, несмотря на свободный размѣнъ. Такимъ образомъ, для открытія размѣна не было никакой надобности прибѣгать къ покупкѣ золота такимъ отчаяннымъ средствомъ, какъ выпускъ бумажныхъ денегъ. Для этой цѣли слѣдовало или ожидать естественнаго хода событій, содѣйствуя развитію промышленности и создавая благопріятныя условія стремленію заграничныхъ капиталовъ на нашъ рынокъ, или же уменьшить количество кредитныхъ билетовъ въ обращеніи. Замѣчательно, что прежде нежели государственный банкъ началъ покупку золота, движеніе заграничныхъ капиталовъ на нашъ рынокъ уже производилось, такъ какъ усиленная постройка желѣзныхъ дорогъ началась еще въ 1865 году и, слѣдовательно, надо было ожидать близкаго и быстраго улучшенія вексельнаго курса и возстановленія цѣнности кредитнаго рубля. Не замѣтить этого и начать операцію покупки золота въ обмѣнъ на новые выпуски кредитныхъ билетовъ въ 1867 году было серьёзной ошибкой, которая парализовала вліяніе всѣхъ благопріятныхъ условій послѣдняго времени и не только не приблизила насъ къ размѣну, но значительно отодвинула назадъ. Мы бы желали, чтобъ управленіе государственнаго банка серьёзно взвѣсило представляемыя нами соображенія и убѣдилось, что для свободнаго размѣна не требуется вовсе громадныхъ запасовъ звонкой монеты, что возможность его достигается совершенно другими средствами, и именно приведеніемъ количества бумажныхъ денегъ въ соотвѣтствіе

съ потребностями страны. Еслибъ наши мнѣнія могли имѣть какое-нибудь значеніе, мы бы предложили не только прекратить покупку золота, но извлечь изъ обращенія часть кредитныхъ билетовъ, хотя бы съ пожертвованіемъ извѣстной части металлическаго фонда. Какъ велика должна быть эта часть, покажутъ время и обстоятельства, но во всякомъ случаѣ это извлеченіе должно производиться во избѣжаніе крутыхъ переворотовъ довольно медленно. Остальное сдѣлаетъ время и продолжающійся приливъ заграничныхъ капиталовъ. Приливъ этотъ въ настоящую минуту замедлился именно вслѣдствіе выпуска кредитныхъ билетовъ, и извлеченіе нѣкотораго ихъ количества изъ обращенія подѣйствовало бы весьма благотворно на нашъ денежный рынокъ. Прибавимъ къ этому, что это уменьшеніе денежныхъ знаковъ, хотя медленное, но неуклонное, должно продолжаться до тѣхъ поръ, пока нашъ курсъ возстановится. Мы думаемъ, что при такой политикѣ и въ виду предстоящаго движенія заграничныхъ капиталовъ на нашъ рынокъ для довершенія нашей сѣти желѣзныхъ дорогъ и развитія каменноугольной и желѣзной промышленности въ донецкомъ бассейнѣ, возстановленіе цѣнности нашего кредитнаго рубля не заставитъ себя долго ждать. Во всякомъ случаѣ, если мирное положеніе не будетъ нарушено, то для возстановленія цѣнности кредитнаго рубля не потребуется такого періода времени, какой былъ употребленъ на приготовленіе настоящаго металлическаго запаса. Быть можетъ, капиталисты и биржа закричатъ противъ подобныхъ мѣръ, но смущаться этимъ нечего. Биржевые спекулянты никогда не понимаютъ дѣйствительныхъ своихъ интересовъ, и какъ ночныя бабочки стремятся часто на огонь. Имъ нужна не будущность страны, но минутная нажива. Только твердая и безповоротная система можетъ насъ вывести на торную дорогу.

Мы увлеклись „благочестивыми" желаніями и просимъ извиненія у читателя, но теперь возвратимся къ разбираемой нами статьѣ. Въ доказательство того, что кредитный рубль въ послѣднее время не понизился въ цѣнѣ, авторъ приводитъ распредѣленіе кредитныхъ билетовъ по ихъ достоинству. Но выводы, которые онъ дѣлаетъ изъ этихъ таблицъ, не выдерживаютъ ни малѣйшей критики. Таблицы эти указываютъ, что количество рублевыхъ билетовъ увеличивалось съ 1861 до 1870 года, затѣмъ нѣсколько понизилось, но весьма незначительно; количество трехрублевыхъ билетовъ, увеличиваясь до 1870 г., къ 1873 г. понизилось значительно; количество среднихъ билетовъ, въ 5 и 10 рублей, возрастало постоянно; наконецъ, количество остальныхъ крупныхъ билетовъ до 1868 г. уменьшалось, а съ того времени увеличивается. Изъ этого г. Иващенко выводитъ, что увеличеніе количества мелкихъ билетовъ и уменьшеніе круп-

нымъ выражаетъ паденіе цѣнности кредитнаго рубля, а движеніе, наоборотъ, указываетъ на постепенное упроченіе цѣнности нашей монетной единицы. Признаемся, мы не видимъ въ подобномъ выводѣ никакой логической послѣдовательности. Намъ кажется, и это весьма естественно, что выпуски кредитныхъ билетовъ пятидесятыхъ годовъ во время и вскорѣ послѣ крымской войны не могли быть соображены съ дѣйствительной потребностью и выпускались крупными билетами на покрытіе значительныхъ платежей. Мы помнимъ начало шестидесятыхъ годовъ, когда въ кіевской и полтавской губерніяхъ платили за размѣнъ на рублевыя бумажки по пяти коп., а за размѣнъ на 3-хъ-рублевыя по три копѣйки за рубль. При такихъ обстоятельствахъ, когда мелкіе билеты сдѣлались товаромъ, за который платили премію, очень не мудрено, что промышленники потребовали ихъ изъ размѣнныхъ кассъ на счетъ крупныхъ билетовъ даже болѣе того количества, которое было необходимо, и это количество впослѣдствіи должно было непремѣнно уменьшиться. Такое явленіе очень понятно, и въ немъ нѣтъ никакой логической связи съ паденіемъ или возвышеніемъ цѣнности кредитнаго рубля. Напротивъ того, въ постоянномъ возвышеніи количества среднихъ билетовъ видна прямая и необходимая связь съ постояннымъ паденіемъ цѣнности кредитнаго рубля, такъ какъ тамъ, гдѣ прежде платили 4 руб., стали платить 5 рублей, а тамъ, гдѣ нужно было 8 рублей, тамъ стали употреблять 10 рублей. Что же касается увеличенія крупныхъ билетовъ въ послѣднее время, то оно также объясняется очень просто общимъ увеличеніемъ количества бумажныхъ денегъ и уменьшеніемъ количества мелкихъ билетовъ. Намъ кажется, что видѣть въ этихъ явленіяхъ аргументы упроченія нашей монетной единицы безъ сильной натяжки рѣшительно невозможно.

Вообще говоря, если принять аргументацію г. Иващенко за правильную, то придется придти къ заключенію, что бумажныя деньги, какъ бы ни было увеличиваемо ихъ количество, не приносятъ вреда даже при отсутствіи размѣна. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же государственный банкъ стремится къ нему и дѣлаетъ уже вторую неудачную къ этому попытку, изъ которыхъ первая, даже по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, стоила государству 90 мил. рублей, не считая тѣхъ потерь, которыя при этомъ понесли частныя лица? Если наша денежная система улучшается тѣмъ, что на рынкѣ появляются лишнія бумажныя деньги, нисколько не отягощая рынка, то, стало быть, все обстоитъ благополучно и размѣнъ нисколько не желателенъ. Мы сказали, что и вторая попытка банка неудачна, и имѣли полное право употребить это выраженіе. Если въ теченіи болѣе пя-

тилѣтняго стремленія къ этой цѣли государственный банкъ не могъ улучшить положеніе нашего денежнаго рынка настолько, чтобъ его стремленія осуществились, несмотря на то, что приливъ капиталовъ на нашъ рынокъ, происходившій въ это время, представлялъ наилучшія для того условія и—такъ сказать—помогалъ государственному банку упрочить нашу монетную единицу,—если, говоримъ мы, въ такой длинный промежутокъ времени и при такихъ условіяхъ цѣль упроченія цѣнности кредитнаго рубля не достигнута, то это значитъ, что принятая система неправильна въ самыхъ основаніяхъ, скажемъ болѣе: она вредна и парализуетъ всѣ тѣ благопріятныя условія, которыя создавались обстоятельствами и поэтому должна быть брошена и замѣнена новой. Ошибка очень возможна въ дѣлахъ административныхъ; но разъ оказывается, что принятая мѣра не удается, что ошибка дѣйствительно сдѣлана, тогда отстаивать ее такими слабыми аргументами, съ которыми намъ пришлось имѣть дѣло, представляется вторичной, еще болѣе неудачной, ошибкой.

Чтобы наши слова не показались кому-нибудь голословными, мы укажемъ на примѣры другихъ государствъ. Франція окончила въ 1870 году самую несчастную для нея войну, стоившую ей 6 мильярдовъ военныхъ издержекъ, разоренія цѣлой трети территоріи вмѣстѣ съ разореніемъ столицы, и уплаты 5-ти мильярдовъ контрибуціи; но посмотрите на Францію теперь, черезъ три года послѣ подобнаго бѣдствія. Конечно, Франція гораздо болѣе богатая страна, чѣмъ Россія, но все-таки и бѣдствія ея были неслыханныя; между тѣмъ отъ нихъ остаются только воспоминанія въ однихъ усиленныхъ налогахъ, и притомъ неразорительныхъ для страны. Вотъ что значитъ раціональная денежная система! Промышленность ея могла взяться за дѣло тотчасъ по милованіи кризиса, не встрѣчая никакого препятствія въ денежной системѣ. Но прибѣгни Франція къ однѣмъ бумажнымъ деньгамъ въ критическія минуты, и ей пришлось бы долго, несмотря на ея богатство, видѣть нѣмцевъ въ окрестностяхъ Парижа! Мы не испытали никакого бѣдствія въ 1867 году, когда послѣ долгихъ колебаній рѣшились заняться упроченіемъ нашей монетной единицы, что было дѣйствительно необходимо. Какихъ же результатовъ мы достигли? Чрезъ пять лѣтъ наша система привела къ тому, что нашъ вексельный курсъ, бывшій во 2-й половинѣ 1867 года $32^{11}/_{16}$ пенса, во 2-й половинѣ 1873 г. достигаетъ $32^{13}/_{16}$ пенса за кредитный рубль; а лажъ на золото, бывшій во 2-й половинѣ 1867 года 17%, во второй половинѣ 1873 года становится 18,05%. Мы беремъ среднія изъ высшихъ и низшихъ цифръ, приведенныхъ въ таблицахъ г. Иващенко. Согласитесь, что успѣхъ не великъ.

На это замѣчаніе есть отвѣтъ въ статьѣ г. Иващенко. Онъ утверж-

даетъ, что система государственнаго банка незначительно повысила курсъ кредитнаго рубля, но за то уменьшила значительно колебаніе и лажа и вексельнаго курса. Положимъ, что это такъ. Но въ свою очередь спросимъ г. Иващенко: задавалъ ли онъ серьёзно себѣ вопросъ, что̀ означаетъ фраза: уменьшить колебаніе вексельнаго курса? Мы осмѣливаемся предложить такой странный вопросъ на томъ основаніи, что г. Иващенко ставитъ приведенный результатъ въ заслугу банка, повидимому и не подозрѣвая, что изъ этого можно, напротивъ, сдѣлать ему упрекъ. Поэтому продолжаемъ: уменьшить колебанія вексельнаго курса—значитъ принимать такія мѣры, которыя не допускаютъ его паденія, когда естественныя послѣдствія торговыхъ сдѣлокъ, совершающихся на рынкѣ, ведутъ къ его пониженію, и которыя не допускаютъ таксы его повышенія, когда оно должно послѣдовать, вслѣдствіе хода торговыхъ оборотовъ. Кажется, противъ этого не можетъ быть и спора. Но мы спросимъ каждаго безпристрастнаго человѣка, насколько полезно подобное вмѣшательство и нарушеніе естественнаго хода событій при томъ состояніи знаній, которыя намъ даютъ и наша статистика, и наша экономическая наука? Еслибъ даже эти знанія и были подъ рукою, можно ли поручить лицу или учрежденію руководить ходомъ торговыхъ оборотовъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ на всемъ пространствѣ Россіи? Что̀ если это лицо или учрежденіе будетъ ошибочно понимать значеніе представляющихся ему фактовъ и останавливать паденіе курса въ то время, когда только это паденіе и можетъ подѣйствовать спасительно на ходъ торговыхъ оборотовъ и на состояніе денежнаго рынка, и не давать ему повышаться, несмотря на такія же благопріятныя послѣдствія? Примѣры у насъ не за горами, и мы можемъ ихъ легко привести, порывшись немного въ нашей памяти. До 1863 года у насъ производилась казенная трассировка векселей, и курсъ нашъ постоянно поддерживался на 10 или 12% ниже пàри. Подобной мѣрой тоже уменьшалось, или даже вовсе уничтожалось колебаніе вексельнаго курса, но она стоила дорого правительству и создавала премію въ 10% на переводъ нашихъ капиталовъ за-границу, увеличивала ввозъ заграничныхъ товаровъ и ограничивала нашъ вывозъ. Положимъ, мы взяли крайность, но вѣдь крайности всего лучше служатъ для уясненія мысли, и этимъ примѣромъ мы хотимъ доказать общее правило, что всякая искусственная преграда, положенная паденію вексельнаго курса, по естественному ходу событій непремѣнно есть премія за переводъ капитала изъ Россіи на заграничный рынокъ, покровительство ввозу и ограниченіе вывоза, и эта премія равна искусственному возвышенію курса. Безъ вреда для торговли такое возвышеніе сдѣлать нельзя, какъ бы незначительно оно

ни было. Вспомнимъ и другой фактъ: въ послѣдніе годы заграничные капиталы стремились на нашъ рынокъ; при этомъ условіи курсъ нашъ долженъ былъ бы значительно повыситься, но государственный банкъ не допускалъ подобнаго повышенія, увеличивая въ обращеніи количество бумажныхъ денегъ. Это тоже было мѣрой противъ колебанія курса, но въ обратномъ смыслѣ, мѣрой, которая заставляла русскихъ платить дороже за каждый талеръ или франкъ. Отсюда слѣдуетъ, что уменьшеніе колебаній вексельнаго курса ставить въ заслугу банку мы не можемъ, такъ какъ эти колебанія всегда спасительны и полезны, хотя и вредятъ нѣкоторымъ отдѣльнымъ лицамъ. Желаніе руководить вексельнымъ курсомъ такой страны, какъ Россія, при полномъ недостаткѣ и невѣрности статистическихъ данныхъ, по меньшей мѣрѣ рисковано и влечетъ за собой большую нравственную отвѣтственность. Поэтому мы не посовѣтуемъ никакому учрежденію брать на себя такое дѣло, такъ какъ вексельный курсъ имѣетъ вліяніе не только на внѣшнюю, но и на внутреннюю торговлю. Подобную попытку мы можемъ приравнять къ таксамъ и искуственнымъ цѣнамъ, т.-е. къ такимъ мѣрамъ, которыя, кромѣ зла, ничего не приносили и давно осуждены экономической наукой. Уменьшеніе колебаній вексельнаго курса по своимъ послѣдствіямъ та же казенная трассировка векселей, только по болѣе низкому курсу.

Г. Иващенко, говоря объ эмиссіонной операціи вообще, замѣчаетъ, что неудача стремленій банка упрочить нашу денежную единицу въ 186²/₃ году произошла вслѣдствіе внѣшнихъ и внутреннихъ политическихъ событій. Мы позволимъ себѣ не согласиться съ этимъ мнѣніемъ и положительно утверждаемъ, что здѣсь политическія событія ни при чемъ. Она точно также не удалась бы и при полномъ спокойствіи, при отсутствіи мятежа и дипломатическихъ затрудненій. Дѣло въ томъ, что она была неправильна въ своихъ основаніяхъ. Вся ошибка заключается въ томъ, что въ основаніе этой мѣры положена была мысль о возможности *руководить* вексельнымъ курсомъ и цѣною на золото,—и не только руководить, но и задолго впередъ опредѣлить постепенное повышеніе цѣнности кредитнаго рубля, между тѣмъ какъ на дѣлѣ это оказалось невозможнымъ. Конечно, эта претензія была довольно самонадѣянная, и потому мѣра эта рушилась съ значительнымъ громомъ, доставивши однимъ разореніе, другимъ значительныя состоянія. Операція эта разсмотрѣна нами довольно подробно въ книгѣ нашей „Десять лѣтъ реформъ", и желающіе познакомиться съ ея послѣдствіями найдутъ тамъ довольно подробное изложеніе этихъ послѣдствій.

Если читатель внимательно прочтетъ наше возраженіе противъ

стремленія руководить вексельнымъ курсомъ, и оцѣнить тѣ мотивы, которые заставляютъ насъ такъ думать, то онъ, конечно, охотно избавитъ насъ отъ необходимости возражать г-ну Иващенко на заключеніе его статьи. Онъ доказываетъ необходимость постоянно регулировать денежное обращеніе и оказывать пособіе частнымъ кредитнымъ учрежденіямъ; возстаетъ противъ того мѣста нашей статьи, гдѣ мы указываемъ, что подкрѣпленіе кассъ, конторъ и отдѣленій уничтожаетъ необходимую и спасительную реакцію возвышенія цѣнъ; утверждаетъ, что мы въ этомъ случаѣ повторяемъ Вагнера, и что эта *спасительная реакція* никому не принесетъ никакой пользы; говоритъ, что если не подкрѣплять кассъ, конторъ и отдѣленій, то пришлось бы ихъ закрыть или увеличить ихъ капиталъ на 100 милл., и, наконецъ, приравниваетъ эту операцію къ простой пересылкѣ денегъ по почтѣ. Всѣ эти мысли отзываются тенденціей водить на помочахъ не только всѣ частныя кредитныя учрежденія, но и торговлю цѣлой Россіи. Мы можемъ замѣтить только одно, что такія тенденціи намъ показались слишкомъ смѣлыми. Что же касается того обстоятельства, что мы повторяемъ Вагнера, то мы очень благодарны г. Иващенко за сообщеніе этого факта. Изъ этого можно сдѣлать только одно заключеніе, что экономическая наука имѣетъ извѣстныя твердыя основанія, такъ что два человѣка, работая надъ однимъ и тѣмъ же вопросомъ и не имѣя понятія о трудѣ одинъ другого, могутъ приходить къ однимъ и тѣмъ же заключеніямъ. Это указываетъ, что сдѣланные нами выводы съ научной точки зрѣнія вѣрны. Затѣмъ, мы не можемъ пройти молчаніемъ мысль г. Иващенко, что съ прекращеніемъ временныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ, пришлось бы закрыть почти всѣ конторы и отдѣленія или увеличить ихъ капиталъ на 100 милл. Послѣдняго обстоятельства мы бы никакъ не желали на томъ основаніи, что тогда дѣйствительно все положеніе нашей торговли было бы вполнѣ въ рукахъ государственнаго банка. Что же касается закрытія этихъ учрежденій, то мы не можемъ не одобрить подобной мысли и выскажемъ ея причину. Нѣтъ ни одного баланса государственнаго банка, гдѣ бы не былъ показанъ долгъ банка конторамъ. На этомъ основаніи эти послѣднія представляютъ учрежденія, высасывающія капиталы изъ провинцій и передающія ихъ для обращенія въ Петербургъ. Несмотря на то, что столицы и безъ того служатъ центромъ, стягивающимъ къ себѣ капиталы,—конторы и отдѣленія банка еще болѣе затягиваютъ этотъ централизаціонный узелъ и истощаютъ провинціи. Съ закрытіемъ ихъ не только прекратилась бы усиленная централизація капиталовъ, но уменьшилась бы и возможность государственнаго банка водить на помочахъ торговлю, распоряжаясь кредитомъ по своему усмотрѣнію.

Эта опека опаснѣе всѣхъ возможныхъ кризисовъ. Всякое банкротство есть только частный случай; нѣсколько банкротствъ представляютъ кризисъ, вліяніе котораго все-таки ограничивается извѣстными видами промышленности. Но если весь кредитъ страны находится подъ вліяніемъ одного какого-либо кредитнаго учрежденія, то ошибки этого учрежденія могутъ отзываться на всѣхъ отрасляхъ промышленности и торговли и даютъ имъ совершенно неправильное направленіе. При томъ положеніи, которое имѣетъ въ средѣ нашихъ кредитныхъ учрежденій нашъ государственный банкъ, и при тѣхъ средствахъ, которыя онъ имѣетъ въ правѣ неограниченнаго выпуска кредитныхъ билетовъ, онъ можетъ поддерживать и убивать всякое дѣло, и каждый его неправильный шагъ имѣетъ послѣдствіемъ не частное, а общее бѣдствіе. Въ этомъ отношеніи политика государственнаго банка имѣетъ возможность парализовать усилія не только частныхъ лицъ, но и отдѣльныхъ министерствъ, скажемъ болѣе, даже совокупную дѣятельность всѣхъ министерствъ, конечно, не прямой оппозиціей, но оппозиціей косвенной, средства которой могутъ быть весьма разнообразны. Мы не говоримъ и не думаемъ даже, чтобъ нашъ государственный банкъ могъ рѣшиться когда-нибудь употреблять подобныя средства и притомъ намѣренно: за это намъ порукой одно уже имя уважаемаго человѣка, стоящаго во главѣ этого учрежденія, но вѣдь достаточно и того, что такая возможность существуетъ. Она можетъ перейти въ дѣйствительность вслѣдствіе случайности, недосмотра, ошибочнаго взгляда или другихъ какихъ-либо обстоятельствъ. Возникающія отсюда бѣдствія могутъ быть неисчислимы, и поэтому мы серьёзно опасаемся съ каждымъ днемъ возрастающаго значенія государственнаго банка и расширяющейся сѣти его операцій. Но если таково положеніе государственнаго банка вообще, то въ отдѣльныхъ, частныхъ случаяхъ это значеніе является еще болѣе сильнымъ. Возможность выпуска кредитныхъ билетовъ даетъ средства государственному банку оказывать всякое содѣйствіе частнымъ кредитнымъ учрежденіямъ, а это позволяетъ послѣднимъ предпринимать всякія, самыя отчаянныя спекуляціи въ надеждѣ на эту помощь въ крайнемъ случаѣ. Послѣдствія такого порядка вещей извѣстны: мы ихъ видѣли и въ 1869 году, и весною прошедшаго года. Намъ могутъ сказать, что въ обоихъ случаяхъ содѣйствіе банка спасло двѣ крупныя фирмы. Да, это дѣйствительно, но оно тѣмъ самымъ оправдало безразсудныя спекуляціи и послужило къ дальнѣйшему развитію ажіотажа — этой язвы новѣйшаго времени. Какъ ни печальны банкротства частныхъ кредитныхъ учрежденій, но если они вызваны дѣйствительно рискованными или несвойственными банкамъ оборотами, то подобные кризисы необходимы: они, какъ грозы, очищающія воздухъ, избавляютъ ры-

ковъ отъ натянутаго положенія дѣлъ. Искусственная же поддержка спасаетъ только большія фирмы, заставляя зло обрушиваться на мелкія фирмы и на лица, ни въ чемъ неповинныя. Бѣду, скопившуюся надъ головой одного учрежденія, такое пособіе переноситъ на массы другихъ лицъ, непричастныхъ къ дѣлу.

Въ заключеніе мы попросимъ читателя извинить насъ за то, что мы прибѣгали въ настоящей статьѣ къ подробному изложенію элементарныхъ положеній экономической науки: этого требовала сущность нашего спора съ г. Иващенко—и принятая имъ аргументація. На все это онъ можетъ сказать намъ, что мы не знаемъ банковаго дѣла, что́ иногда онъ и выражалъ въ своей статьѣ. Но если это такъ, то намъ остается пожалѣть, что наша практика банковаго дѣла, какъ ее изображаетъ г. Иващенко, удалилась отъ положеній экономической науки. Намъ кажется, что практика была бы на лучшей дорогѣ, если бы слѣдовала путемъ, который указываетъ теорія, такъ какъ послѣдняя есть не что иное, какъ только обобщеніе массы фактовъ, замѣченныхъ въ жизни образованныхъ народовъ, — массы гораздо болѣе значительной, нежели какую имѣетъ въ виду наша практика.

А. Головачовъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е марта, 1874.

Выборы въ германскій рейхстагъ.—Открытіе сессіи.—Военный законъ.—Рѣчь Рихтера.—Рѣчь Мольтке.—Предложеніе Тейтша.—Выборы въ Великобританіи.—Пораженіе Гладстона.—Новое правительство въ Англіи.

Выборы въ имперскій сеймъ Германіи (рейхстагъ), происходившіе 10-го января въ имперіи и 1-го февраля въ имперской землѣ—Эльзасѣ-Лотарингіи, представили ту же характеристическую черту, какая проявилась на выборахъ въ прусскую палату представителей—огромное усиленіе католической партіи. Въ Германіи, вмѣсто 57 католическихъ кандидатовъ, избрано 94. Вмѣстѣ съ ними къ оппозиціи принадлежать всѣ 15 представителей Эльзаса-Лотарингіи, 8 соціалистовъ (вмѣсто 2 бывшихъ прежде), 12 поляковъ, 4 партикуляриста. Правительственныя партіи представляются 140 (вмѣсто 116-ти) національными либералами, 35 прогрессистами (вмѣсто прежнихъ 45) и т. д. По исчисленію національно-либеральныхъ органовъ, общій результатъ даетъ правительству 261 голосъ, а оппозиціи 136. Въ смыслѣ безотносительномъ, результатъ былъ благопріятенъ правительству, такъ какъ оно и теперь въ вопросахъ борьбы съ католиками располагаетъ большинствомъ 125 голосовъ. Но на практикѣ результатъ этотъ нѣсколько ослабляется двумя обстоятельствами: во-первыхъ, правительственное большинство можетъ быть компактно именно только по вопросамъ этой борьбы. По другимъ же вопросамъ, оно можетъ значительно уменьшаться, такъ какъ прогрессисты и даже часть національныхъ либераловъ не представляютъ партій безусловно-правительственныхъ; во-вторыхъ, оппозиція, какъ всегда бываетъ съ меньшинствомъ, энергичнѣе дѣйствуетъ, усерднѣе принимаетъ участіе въ подачѣ голосовъ, между тѣмъ, какъ довольное большинство менѣе бодрствуетъ. Извѣстно, что члены рейхстага не получаютъ вознагражденія за свои труды; вслѣдствіе того они и

не сознаютъ такъ сильно обязательности регулярно являться во всѣ засѣданія. Вотъ почему уже теперь національно-либеральные органы обращаются къ членамъ большинства съ напоминаніемъ, что когда перевѣсъ его состоитъ изъ около трети общаго состава, то при многочисленныхъ отлучкахъ легко можетъ произойти въ какомъ-нибудь отдѣльномъ засѣданіи нѣчто неожиданное и случайное.

Засѣданія рейхстага были открыты 5-го февраля; тронную рѣчь прочелъ кн. Бисмаркъ. Въ ней на первомъ планѣ стоялъ военный законъ, затѣмъ, кромѣ очередныхъ занятій, упоминалось еще о законахъ относительно печати и объ учрежденіи смѣшанныхъ судовъ изъ нанимателей и рабочихъ, для разбора возникающихъ между этими сторонами споровъ. Относительно внѣшнихъ отношеній Германіи, высказана была обычная „увѣренность, что *всѣ* иностранныя державы будутъ поддерживать миръ подобно Германіи, не давая себя отвлечь отъ заботъ о мирѣ стремленіямъ партій", а вмѣстѣ съ тѣмъ, что „*во всякомъ случаѣ*, повторенныя свиданія могущественныхъ, миролюбивыхъ государей, и отрадныя отношенія Германіи къ тѣмъ народамъ, которые въ силу историческихъ традицій состоятъ въ дружбѣ съ Германіею, даютъ императору полное довѣріе къ долговременности мира". Иными словами: Франціи хотѣлось бы нарушить миръ, но она не посмѣетъ въ виду нашего согласія съ другими державами. Можно пожалѣть о томъ упорствѣ, съ какимъ эта мысль въ болѣе или менѣе ясной формѣ повторяется въ германскихъ тронныхъ рѣчахъ. И безъ союзовъ Германіи, Франція, очевидно, еще слишкомъ слаба, чтобы начать войну съ Германіею въ настоящее время, а, стало быть, подобное напоминаніе для поддержанія мира не нужно, и скорѣе вредитъ цѣлямъ мира, поддерживая національное раздраженіе.

Впрочемъ, какъ бы миръ въ Европѣ ни былъ обезпеченъ сплоченіемъ Германіи въ одно государство, теперь уже становится ясно, что, несмотря на миролюбивый характеръ, какой это государство себѣ приписываетъ, вооруженія въ образованномъ мірѣ не только не обѣщаютъ сократиться, но, наоборотъ, будутъ рости болѣе и болѣе. Когда обнаружилась громадная сила прусскаго военнаго устройства, то оно сперва было распространено на прочія государства Германіи, а потомъ усвоено и прочими государствами континента, вслѣдствіе чего сильно возрасло общее военное бремя. Но теперь оказывается, что въ виду усвоенія германской системы остальными государствами, правительство германской имперіи намѣрено еще увеличить военную тягость и военную силу Германіи, и если другія государства не захотятъ отставать отъ этого новаго примѣра, то нельзя и предвидѣть

къ чему, наконецъ, придетъ Европа, и во чтó ей будетъ со временемъ обходиться подобное миролюбіе.

Таковъ смыслъ военнаго закона, внесеннаго на обсужденіе новаго рейхстага. Онъ, во-первыхъ, поднимаетъ цифру мирнаго состава, подводя ее строго къ 1% населенія, между тѣмъ какъ доселѣ она постоянно была менѣе; во-вторыхъ, опредѣляетъ окончательно какъ эту цифру, такъ и сумму, потребную на ея содержаніе, стало быть ставитъ военныя средства имперіи внѣ зависимости отъ ея народнаго представительства. Во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ составъ войскъ, содержимый въ мирное время, и ежегодная цифра набора опредѣляются каждымъ отдѣльнымъ бюджетомъ, такъ что представительство націй всегда имѣетъ право, смотря по обстоятельствамъ времени, утверждать или уменьшать требуемыя правительствомъ цифры, а въ крайнемъ случаѣ даже и вовсе отказать ему въ средствахъ, между прочимъ, и на содержаніе арміи. Съ проведеніемъ этого закона, очевидно, будетъ ограничено, и притомъ въ самомъ существенномъ пунктѣ, право національнаго представительства ежегодно предоставлять или не предоставлять правительству просимыя имъ денежныя средства—das Bewilligunsrecht. Правда, въ мотивахъ къ этому закону приводится, и защитники его постоянно утверждаютъ, что ежегодное колебаніе цифры мирнаго состава несовмѣстно съ существующею въ Германіи военною системой, такъ какъ каждое измѣненіе этой цифры должно отзываться въ теченіи цѣлыхъ 12 лѣтъ. Но, во-первыхъ, возраженіе это можетъ быть примѣнено теперь и къ бюджетамъ всѣхъ главныхъ континентальныхъ государствъ, такъ какъ всѣ они усвоили себѣ сущность прусской военной системы; а между тѣмъ, ни французское, ни австрійское, ни итальянское правительства не могутъ и помышлять о томъ, чтобы изъять вопросъ о ежегодномъ мирномъ составѣ и обусловливаемомъ имъ бюджетномъ назначеніи изъ круга власти, несомнѣнно принадлежащей представительству и составляющей естественную привилегію представительства. Во-вторыхъ, если сколько-нибудь значительное колебаніе въ цифрѣ мирнаго состава неудобно, то почему же не имѣть столько довѣрія къ народному представительству, не имѣть увѣренности, что представительство само понимаетъ это, что ему интересы государства не менѣе близки, чѣмъ правительству, что сеймъ самъ не захочетъ дѣлать того, чтó представляется неудобнымъ—безъ особенно важныхъ поводовъ? Желаніе связать его въ этомъ отношеніи, заставить его навсегда отречься отъ существенной части парламентской власти, не значитъ ли питать недовѣріе къ народному представительству, стараться поставить армію совершенно внѣ его власти? Защитники закона говорятъ депутатамъ: „если вы сами сознаете неудобство ежегодно измѣнять циф-

ру мирнаго состава, стало быть, вы сами добровольно не будете дѣлать такихъ измѣненій, и значитъ, если сохраните право дѣлать ихъ, то это будетъ только кажущееся право". Несостоятельность такой аргументаціи очевидна. Уполномоченный можетъ полагаться на хозяина, что тотъ не захочетъ наносить себѣ ущерба, но странно было бы, еслибы уполномоченный обязывалъ хозяина контрактомъ, что хозяинъ не будетъ имѣть *права* совершить хотя бы и разорительную сдѣлку. Право можетъ не приводиться въ исполненіе тѣмъ, кому оно принадлежитъ, по собственному его убѣжденію, и тѣмъ не менѣе оно продолжаетъ быть правомъ, вовсе не „кажущимся", но вполнѣ реальнымъ, и можетъ наступить крайній случай, когда оно будетъ приведено въ исполненіе. Допустимъ случай, что послѣ десяти лѣтъ непрерывнаго мира и среди вполнѣ мирныхъ предвидѣній въ будущемъ, германское правительство продолжало бы ежегодно требовать содержанія подъ ружьемъ 401 т. человѣкъ,—что́ при любви прусскаго правительства къ военному величію вовсе не невѣроятно. Въ этомъ случаѣ имперское представительство имѣло бы полное основаніе воспользоваться своимъ правомъ и отвергнуть такое требованіе, уменьшивъ бюджетную сумму сообразно съ той численностью мирнаго состава, какая показалась бы ему достаточною. Допустимъ другой случай, именно, что правительство стало бы вести дѣло имперіи вообще въ реакціонномъ духѣ, вопреки ясно выраженнымъ желаніямъ представительства, или что какой-либо послѣдующій сеймъ получилъ бы составъ оппозиціонный. При необходимости ежегодно испрашивать у сейма опредѣленія военныхъ средствъ, правительство все-таки было бы стѣснено въ своихъ дѣйствіяхъ, вопреки желаніямъ сейма. При отсутствіи же такой необходимости, по отреченіи сейма отъ его несомнѣннаго права ежегодно регулировать личный составъ и денежныя средства арміи, правительство получило бы почти полную независимость отъ сейма. Оно тогда имѣло бы не только фактическую возможность, но и право содержать ту самую армію, опираясь на которую оно дѣлало бы что́ ему угодно. По всей вѣроятности таково и есть въ сущности то соображеніе, которое вызвало внесеніе нынѣшняго закона. Правительство опасается, что когда-либо въ сеймѣ большинство можетъ перейти въ оппозицію, и хочетъ поставить военную силу внѣ власти сейма. Но такая цѣль прямо противна принципу парламентскаго правленія. Почему народъ долженъ болѣе довѣрять правительству, чѣмъ правительство довѣряетъ народу?—вотъ вопросъ, который лежитъ въ основаніи всего конституціоннаго устройства. Достиженіе германскимъ правительствомъ цѣли, имъ предположенной, было бы тѣмъ болѣе важно, что и при нынѣшнихъ условіяхъ имперское правительство обладаетъ такими правами,

которыя въ дѣйствительности предоставляютъ въ его руки всю реальную власть. Излишне было бы облегчать ему еще и юридическую возможность полновластія.

Сверхъ того, такъ какъ нынѣшній проектъ предполагаетъ вмѣстѣ и усиленіе арміи, и поставленіе ея внѣ всякаго контроля народныхъ представителей, то естественно, что Франція, Австрія, Италія, вся западная Европа должны встревожиться такимъ умноженіемъ могущества германскаго правительства, къ которому вовсе не видится поводовъ въ нынѣшнемъ положеніи Европы, когда Франція слаба, а Германія не только сама сильна, но и вѣрнѣе, чѣмъ какая-либо иная держава, можетъ найти союзниковъ.

Проектъ новаго военнаго закона, послѣ перваго чтенія въ собраніи рейхстага, былъ переданъ на обсужденіе коммиссіи, которой президентомъ былъ избранъ депутатъ ф.-Беннигсенъ. Содержаніе закона весьма сложно, и главный политическій интересъ его сосредоточенъ въ первомъ его параграфѣ, который и былъ центромъ происходившихъ преній. Поэтому достаточно будетъ привесть въ текстѣ только этотъ параграфъ; общій же составъ закона уяснится изъ рѣчи прогрессиста Рихтера, содержаніе которой мы сейчасъ передадимъ. Первый параграфъ гласитъ: „мирный составъ арміи (die Friedens-Präsenz-Stärke) въ унтеръ-офицерахъ и рядовыхъ заключаетъ впредь до измѣненія его законодательнымъ порядкомъ (bis zum Erlass einer anderweitigen gesetzlichen Bestimmung) 401,659 человѣкъ. Одногодичные вольноопредѣляющіеся въ численность мирнаго состава не зачитаются“. Одногодичныхъ волонтеровъ поступаетъ въ германскую армію въ теченіи года отъ 3,500 до 4,000 человѣкъ, такъ что нахожденіе ихъ сверхъ комплекта мирнаго состава не представляетъ важности. Важнѣйшія техническія измѣненія въ составѣ арміи, заключающіяся въ слѣдующихъ параграфахъ, представляютъ: отдѣленіе крѣпостной артиллеріи отъ полевой, въ особый родъ оружія, и увеличеніе штатнаго числа субалтернъ-офицеровъ: въ ротѣ, эскадронѣ и батареѣ полагается имѣть 3-хъ подпоручиковъ, вмѣсто двухъ. Увеличеніе числа офицеровъ объясняется тѣмъ, что при современной страшной силѣ артиллеріи бываютъ моменты, когда движеніе впередъ почти немыслимо безъ примѣра офицеровъ, которые идутъ передъ фронтомъ и, подвергаясь почти двойному противъ солдатъ риску, увлекаютъ ихъ за собой. Извѣстно, что такимъ пріемомъ офицеровъ издавна славилась французская армія; число офицеровъ и въ ней увеличено послѣдними преобразованіями.

При обсужденіи проекта военнаго закона, въ засѣданіи рейхстага 16-го февраля, военный министръ Камеке напомнилъ, что прусское военное устройство еще при существованіи сѣверо-германскаго Союза

было распространено на всѣ государства этого Союза, а при основаніи имперіи — и на южно-германскія государства. Въ ст. 61 имперской конституціи сказано: „по равномѣрномъ проведеніи военнаго устройства германской арміи, имперскому сейму и союзному совѣту имѣетъ быть представленъ къ утвержденію на законномъ основаніи всеобъемлющій (umfassendes) имперскій военный законъ“. Теперь, по полномъ проведеніи во всей Германіи прусскаго военнаго устройства, и представляется такой законъ, согласный какъ съ имперской конституціею, такъ и съ закономъ 9-го ноября 1867 г. о воинской повинности; цѣль его—пополнить пробѣлъ, существующій доселѣ въ разныхъ спеціальныхъ законодательствахъ.

Прогрессистъ Рихтеръ, изъ Гагена, объяснилъ, что настоящій проектъ закона заключаетъ въ себѣ, собственно говоря, четыре отдѣльныхъ закона: законъ о наборахъ, законъ о гражданскихъ правахъ лицъ военнаго званія, объ устройствѣ ландвера и начало общаго организаціоннаго закона. Министръ сказалъ, что проектъ этотъ представляется въ исполненіе статьи имперской конституціи. Цѣлью той статьи было вызвать законъ, который кодифицировалъ бы примѣненіе прусскаго закона и организаціонныхъ постановленій, содержащихся въ приказахъ. Между тѣмъ, нынѣшній законъ отчасти идетъ далѣе этой цѣли, отчасти не достигаетъ ея. Ораторъ замѣтилъ, что въ третьемъ отдѣлѣ проекта, гдѣ опредѣляются гражданскія права лицъ военнаго званія, оставлены безъ вниманія рѣшенія сѣверо-германскаго союзнаго сейма: въ 1870 году сеймъ этотъ рѣшилъ, что отдѣльный военный судъ долженъ вѣдать только дѣла по проступкамъ противъ воинской дисциплины и вообще проступки воинскаго свойства; между тѣмъ нынѣшній проектъ предлагаетъ вновь утвердить особую военную юрисдикцію, какъ она существуетъ теперь, въ полномъ составѣ (т.-е. полное изъятіе военныхъ лицъ отъ гражданскихъ судовъ). Въ сѣверо-германскомъ сеймѣ было также выражаемо требованіе, чтобы освобожденіе офицеровъ отъ мѣстныхъ налоговъ было ограничено освобожденіемъ отъ этихъ налоговъ только одного жалованья офицеровъ; предложеніе сдѣланное въ этомъ смыслѣ не прошло въ сеймѣ только потому, что многимъ членамъ и эта привилегія казалась чрезмѣрною. Между тѣмъ въ нынѣшнемъ законѣ сохраняется полное освобожденіе офицеровъ отъ мѣстныхъ налоговъ. Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ законъ о наборахъ, четвертый и пятый—начало устройства ландвера. Что закономъ предполагается опредѣлить условія замѣны и права отпускныхъ, которыя доселѣ установлялись только административными распоряженіями,—это согласно съ желаніями, выраженными на сеймахъ. Но желанія сеймовъ и здѣсь удовлетворяются далеко не вполнѣ. Такъ, напр., весьма важ-

ній для всей учебной системы въ государствѣ вопросъ о томъ, какая степень образованія даетъ право на одногодичную добровольную службу, и теперь не полагается рѣшить закономъ, но оставляется на усмотрѣніе администраціи. На одно измѣненіе, вводимое нынѣшнимъ проектомъ, необходимо обратить особенное вниманіе; онъ установляетъ новое ограниченіе свободы выселенія (Auswanderungsfreiheit). Дѣйствительно, много людей, подлежащихъ воинской повинности, теряется вслѣдствіе выселенія ихъ; но весьма сомнительно, чтобы посредствомъ усиленія запрещеній и наказаній можно было пособить дѣлу. Причины выселенія лежатъ глубже, и если лечить одни симптомы зла, то оно можетъ еще возрости. Далѣе: доселѣ люди перваго класса резерва, на основаніи дѣйствующей инструкціи, призываются на службу только при мобилизаціи; нынѣшній проектъ идетъ далѣе—онъ дѣлаетъ ихъ подлежащими призыву на службу не только въ случаѣ войны, но и вообще на пополненіе арміи, даже въ мирное время. Такимъ образомъ, около 400 т. молодыхъ людей до 27-лѣтняго возраста отдаются, со всѣми условіями ихъ гражданскаго быта, въ полное распоряженіе военной администраціи.

Переходя къ первому параграфу проекта, Рихтеръ прежде всего замѣтилъ, что этотъ параграфъ уже вовсе не можетъ быть основываемъ на имперской конституціи; предполагаемое въ немъ ограниченіе власти сейма и расширеніе власти правительства имѣлось уже въ виду при преніяхъ о самой конституціи, причемъ мысль эту защищалъ и Мольтке, но было отвергнуто учредительнымъ рейхстагомъ, хотя одно время казалось, что за отверженіемъ такого требованія правительства можетъ не состояться и самая конституція. Рихтеръ затѣмъ доказывалъ, что опредѣленію можетъ подлежать военный составъ арміи, но не мирный: военный составъ есть цѣль; мирный составъ есть средство, и разсчитывается такъ, чтобы возможно было въ случаѣ войны достигнуть извѣстной нормы военнаго состава, какая непремѣнно имѣется заранѣе въ виду. Что касается мирнаго состава, то онъ въ дѣйствительности опредѣленъ быть не можетъ; можно назначить извѣстную цифру, но она все-таки не будетъ означать дѣйствительнаго состоянія, потому что военное министерство можетъ по усмотрѣнію увольнять людей въ отпуски до трехгодичнаго срока, и дѣйствительно пользуется этимъ правомъ, сообразно съ экономическими обстоятельствами. Говорятъ, Германія должна имѣть постоянный мирный составъ, потому что при постоянномъ трехгодичномъ срокѣ пребыванія подъ знаменами онъ есть основаніе всей организаціи. Но дѣло въ томъ, что въ дѣйствительности срокъ пребыванія подъ знаменами никогда постояннымъ не былъ; и теперь четверть всего состава, въ пѣхотѣ, увольняется въ отпускъ по истеченіи двухъ лѣтъ службы.

Говорятъ, въ Пруссіи мирный составъ былъ постоянно равномѣренъ къ числу населенія и составлялъ даже нѣсколько выше 1% его; такое предположеніе включено и въ мотивы нынѣшняго закона; но оно совершенно невѣрно, какъ вообще многія данныя мотивовъ. Въ Пруссіи мирный составъ былъ по оффиціальной статистикѣ, между 1816—1820 годами—114 т. чел., между 1820—1830 гг.—114—117 т. чел., затѣмъ возросъ во время волненій во Франціи до 150 т., но потомъ до 1848 г. опять понизился до 136—137 т. чел.; однимъ словомъ, по отношенію къ численности населенія, онъ постоянно понижался и понизился до ³/₄ процента. Въ годы 1849—1859 онъ поднялся опять до 150 т., что все-таки составляло только 0,85 процента населенія. Далѣе, въ теченіе одного 1868 года, мирный составъ колебался между 187 и 270 тысячами. Вообще въ 1868 и 1869 годахъ онъ составлялъ въ среднемъ размѣрѣ только 86 и 90 процентовъ штатнаго числа людей. Такое уменьшеніе состава дѣлалось по соображеніямъ экономическимъ, и военное вѣдомство понуждалось къ нимъ тѣмъ обстоятельствомъ, что ему ежегодно предстояло испрашивать у сейма общей суммы на военные расходы (Pauschquantum). При этомъ Рихтеръ объяснилъ, что хотя странно, что ему приходится выступать защитникомъ системы Pauschquantum, то-есть предоставленія въ руки правительства круглою непровѣренною цифрою всего итога военныхъ средствъ за годъ, но что онъ все-таки предпочитаетъ эту систему тому, чего требуютъ отъ сейма теперь. „Скажу прямо", такъ выразился онъ: „лучше еще десять лѣтъ системы безотчетныхъ, валовыхъ цифръ, чѣмъ два года такого желѣзнаго мирнаго состава, какой теперь предлагается. Едва ли въ рейхстагѣ найдется и 50 голосовъ въ пользу проекта въ его настоящей редакціи". Исполненіе этого проекта предполагаетъ увеличеніе ежегоднаго итога расходовъ на армію почти на 14 милл. талеровъ; Рихтеръ доказывалъ, что обыкновенныхъ доходовъ не достанетъ на покрытіе этого излишка. Въ концѣ 1870 г., во время сдачи Парижа, Германія имѣла подъ ружьемъ 1.350,000 человѣкъ. Это число постоянно будетъ возрастать по мѣрѣ того, какъ проходятъ годы со времени примѣненія прусскаго устройства въ другимъ государствамъ Германіи, и въ нихъ образуется бóльшее число возрастовъ, прошедшихъ чрезъ службу и подлежащихъ призыву. Оффиціальная статистика показываетъ, что въ прошлую войну, однѣ старыя прусскія области выставили 830,000 человѣкъ; а вѣдь онѣ не составляютъ и половины населенія германской имперіи. Уже въ ближайшіе годы Германія и при нынѣшней организаціи будетъ въ состояніи выставить 1.700,000 человѣкъ; сверхъ того, она имѣетъ еще ландштурмъ въ 600—800 т. чел., который во

всякомъ случаѣ не уступитъ резерву французской территоріальной арміи. Какое же значеніе могутъ имѣть при подобныхъ обстоятельствахъ маловажныя измѣненія цифры мирнаго состава, какому она можетъ подвергаться при сохраненіи за рейхстагомъ права ежегоднаго ея обсужденія? Неужели сокращеніе ея на какія-нибудь 5000 чел., если бы оно и было сдѣлано, измѣнило бы совокупность такихъ силъ? Мирный составъ во Франціи не опредѣленъ закономъ, да ни въ одной культурной странѣ Европы и не пытались требовать отъ парламента, чтобы онъ однажды навсегда опредѣлилъ ее. Этого не сдѣлало бы и большинство французскаго собранія, преданное президенту-маршалу. Далѣе, Рихтеръ объяснялъ сравненіемъ цифръ, что во Франціи и мирный составъ, и цифра ежегоднаго набора, и теперь, послѣ преобразованія, менѣе, чѣмъ въ Германіи. Онъ объявилъ затѣмъ, что не хочетъ ослаблять нынѣшняго военнаго могущества Германіи, но не хочетъ и крайнихъ, чрезмѣрныхъ напряженій и тягостей. „Мы уже приближаемся къ призыву на службу 2/3 всего числа возрастныхъ, а въ Россіи видятъ еще недосягаемый идеалъ въ обученіи всего 1/4 подлежащихъ набору". Онъ указалъ еще на то благопріятное для Германіи обстоятельство, что Франція и Россія могутъ содержать численность арміи, положенную штатами, только при помощи обязательнаго курса неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, что̀, по его словамъ, хотя не составляетъ препятствія для войны, но важно тѣмъ, что мѣшаетъ систематическому подготовленію обученныхъ военныхъ силъ для войны во время мира. Въ заключеніе, Рихтеръ сказалъ: „народное представительство нигдѣ не уступало того права, котораго хотятъ насъ лишить, и мы его не уступимъ. Мы не допустимъ, чтобы разорвана была связь между германскимъ сеймомъ и германскою арміею. Болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ свѣтѣ, въ Германіи народное войско, вооруженный народъ и представительство народа должны стоять вмѣстѣ (gehören zusammen). Германское войско и германскій парламентъ, это—главные столбы единства Германіи, и ослаблять ихъ взаимную связь нельзя безъ вреда для самого зданія національнаго единства. Мы готовы вступить въ соглашеніе съ правительствомъ относительно бо̀льшей части другихъ постановленій нынѣшняго проекта, но отвергаемъ мысль, лежащую въ первомъ его параграфѣ, какая бы форма ни была придана ей въ теченіи преній".

Главныя рѣчи при обсужденіи проекта были рѣчи Рихтера и фельдмаршала графа Мольтке. Во Франціи газеты обратили наиболѣе вниманія на рѣчь Мольтке, но поступили при этомъ опрометчиво. Дѣло въ томъ, что по самой сущности предмета, великій полководецъ долженъ былъ стараться *умалить* значеніе проекта, умень-

шить въ глазахъ германскаго сейма налагаемыя имъ тягости, а въ глазахъ Европы—то увеличеніе силы, какое онъ долженъ дать германскому правительству. Сосѣдямъ Германіи гораздо важнѣе знать не то, что̀ говорилъ Мольтке, но именно то, чего онъ не договаривалъ, и то, что̀ онъ отчасти оспаривалъ. Вотъ почему мы обратили преимущественное вниманіе на рѣчь противника закона, Рихтера, который по своему положенію обязанъ былъ обличать и выдавать то, что̀ Мольтке старался скрыть.

Рѣчь, произнесенная фельдмаршаломъ Мольтке въ засѣданіи 16-го февраля, была замѣчательна по технической ясности, умѣренности тона и полемическому искусству. Первыя два достоинства принадлежали самому Мольтке; въ третьемъ виднѣлась другая рука; извѣстно, что содержаніе этой рѣчи было впередъ обсуждено и условлено въ совѣщаніи графа Мольтке съ княземъ Бисмаркомъ. Ораторъ въ самомъ началѣ согласился, что опредѣленіе постояннаго мирнаго состава въ 401,000 чел. сопряжено съ значительной тягостью для страны, но признавая также пользу обращенія расходовъ государства на производительныя, мирныя цѣли, доказывалъ, что безопасность все-таки должна стоять на первомъ планѣ, даже и по экономическому разсчету. Послѣ періода, когда воинская повинность и военные расходы были весьма легки, Пруссія въ годы 1808 — 1812 издержала болѣе на содержаніе непріятеля, чѣмъ сберегла до того времени отъ содержанія собственной своей арміи. Переходя къ нынѣшнему положенію дѣлъ, Мольтке сказалъ: „Великій фактъ всемірной исторіи, подобный возстановленію германской имперіи, едва ли можетъ завершиться въ короткій срокъ. То, что̀ мы оружіемъ добыли въ полгода, намъ быть можетъ придется оборонять оружіемъ полвѣка, дабы оно не было у насъ отнято. Въ этомъ отношеніи мы не должны обманывать себя: со времени нашихъ счастливыхъ войнъ мы повсемѣстно выиграли въ уваженіи, но нигдѣ въ любви. Со всѣхъ сторонъ мы встрѣчаемъ недовѣріе въ томъ смыслѣ, что, ставъ могущественною, Германія сдѣлается неудобнымъ сосѣдомъ. Но негодится вызывать опасность и однимъ ея представленіемъ (es ist nicht gut den Teufel an die Wand zu malen), такъ какъ уже изъ самаго недовѣрія и опасенія могутъ возникнуть дѣйствительныя опасности. Въ Бельгіи еще теперь есть сочувствіе къ Франціи, къ Германіи же весьма мало; тамъ еще не убѣдились, что угрожать бельгійской нейтральности можетъ только одинъ сосѣдъ, и что отнынѣ она имѣетъ дѣйствительнаго охранителя. Въ Голландіи начали возстановлять и вновь укрѣплять линію наводненія, противъ кого? — не знаю. Правда, мы однажды завоевали эту линію, въ началѣ столѣтія, но не для насъ, а для самой Голландіи. Въ од-

ной распространенной брошюрѣ, написанной для уясненія англичанамъ недостатковъ ихъ системы милиціи, изображаются послѣдствія высадки въ Англію, не изъ Франціи, съ противолежащаго берега, но изъ Германіи. Въ Даніи находятъ нужнымъ увеличивать береговой флотъ и укрѣплять мѣста на Зеландѣ, годныя для высадки, потому что опасаются высадки изъ Германіи. Намъ приписываютъ то намѣреніе завоевать русскія остзейскія провинціи, то желаніе перетянуть къ себѣ нѣмецкое населеніе Австріи". Затѣмъ, гр. Мольтке перешелъ къ „интереснѣйшему" изъ сосѣдей Германіи, къ Франціи, и указывалъ на усилія ея создать, по примѣру Германіи, но въ бóльшихъ размѣрахъ, съ бóльшими тягостями, грозное военное устройство. Само собою разумѣется, что при этомъ начальникъ главнаго штаба германскихъ войскъ обратилъ вниманіе только на тѣ стороны французскаго военнаго преобразованія, въ которыхъ выразилось стремленіе не отставать отъ боевой силы Германіи и даже превзойти ее, но оставлялъ въ сторонѣ такія особенности французскаго преобразованія, которыя, сравнительно съ германскимъ устройствомъ, уменьшаютъ и тягость для страны и силу будущей французской арміи. Такъ, онъ сказалъ, что французы съ точностью скопировали всѣ германскія военныя учрежденія и прежде всего всеобщую обязательность воинской повинности, приняли общій срокъ службы въ 20, а не въ 12 лѣтъ (какой существуетъ въ Германіи, если исключить 4 года изъ состоянія въ ландверѣ втораго призыва и не считать состоянія въ ландштурмѣ; замѣтимъ, иначе полный срокъ въ Германіи выходитъ 29 лѣтъ), придали этому закону обратное дѣйствіе, такъ что оно распространяется и на выслужившихъ прежній срокъ, установили военный составъ дѣйствующей арміи въ 1 милл. 200 т. чел., а составъ территоріальной арміи въ 1 милл. чел., усилили кадры, учредивъ 36 новыхъ пѣхотныхъ полковъ, 14 новыхъ кавалерійскихъ, 159 новыхъ батарей; такъ что мирный составъ въ сравненіи съ 1871 г. возросъ на 40 т. чел. и составляетъ по бюджету 1874 г. 471.170 чел., а вмѣсто прежнихъ 8-ми корпусовъ учредили 18 и еще одинъ въ Алжиріи; увеличили, въ сравненіи съ 1871 г., свой военный бюджетъ на 25 милл. талеровъ, доведя его до 171 милл. тал. въ совокупности. При этомъ гр. Мольтке напомнилъ, что французское національное собраніе не только не уменьшало военныхъ кредитовъ, требованныхъ правительствомъ, но, напротивъ, шло далѣе его требованій. Но для цѣли оратора не было необходимости указывать на то, что всеобщая обязательность военной службы, какъ она установлена во Франціи, ослаблена огромной массой исключеній, и что территоріальная армія во Франціи будетъ состоять изъ людей, не прошедшихъ чрезъ дѣйствительную службу.

Объясняя далѣе, что изъ Франціи постоянно слышатся голоса о мести, Мольтке, на основаніи всѣхъ этихъ обстоятельствъ, приходилъ къ неизбѣжному выводу, что нельзя въ германскомъ законѣ ни сократить срока службы, ни уменьшить мирнаго состава. Какъ спеціалистъ и притомъ великій мастеръ спеціальности, Мольтке отвергаетъ милицію, волонтеровъ и утверждаетъ, между прочимъ, что волонтеры первой французской республики только тогда стали побѣждать, когда сдѣлались солдатами. Позволительно приписать сотруднику Мольтке въ составленіи его рѣчи то ея мѣсто, гдѣ говорится объ опасности милиціи для самого государства, напоминается коммуна, выражается возможность, что и въ Германіи существуютъ подобные элементы, которымъ слѣдуетъ опасаться дать въ руки оружіе; „легко раздать ружья, но не легко отобрать ихъ" и т. д. Мольтке слишкомъ серьёзный человѣкъ, чтобы опасаться коммуны въ Германіи, гдѣ еще и энергическая законная оппозиція встрѣчается не всегда; но кн. Бисмаркъ любитъ, когда нужно, пугать „интернаціональнымъ призракомъ" бюргеровъ національной и либеральной партіи.

Самую сущность вопроса о нынѣшнихъ требованіяхъ правительства Мольтке весьма ясно выразилъ такимъ образомъ: „что касается установленія цифры постояннаго состава арміи, то оно не должно быть обращаемо въ вопросъ бюджетный. Нѣкоторые члены идутъ противъ этого пункта, для того, чтобы защитить неоспоримое, но и неоспариваемое право сеймовъ по утвержденію налоговъ. Если вы убѣдитесь, что менѣе 401 т. чел. мы во время мира держать подъ ружьемъ не можемъ, и затѣмъ, опредѣлите ту сумму, какая потребна на содержаніе этого состава, то вѣдь уже тѣмъ самымъ вы откажетесь отъ того, чтобы сумму эту ежегодно обсуждать: давать или не давать правительству. Но ваше право распоряжаться средствами страны (Bewilligungsrecht) отъ этого не несетъ ущерба. Оно вступаетъ въ дѣйствіе при всякомъ требованіи правительства сверхъ нормы и при всякомъ новомъ законоположеніи по этому предмету. Нормальная цифра мирнаго состава необходимо должна оставаться постоянной на цѣлый рядъ годовъ. Всякое измѣненіе колеблетъ всю эту сложную комбинацію и при нашей системѣ отзывается на 12 лѣтъ; а кто можетъ сказать, будемъ ли мы чрезъ 12 лѣтъ имѣть миръ или войну?" Въ заключеніе рѣчи фельдмаршала были мирныя завѣренія, по всей вѣроятности, внушенныя, а можетъ быть даже и редижированныя канцлеромъ: „надѣюсь, что въ теченіе ряда лѣтъ мы будемъ не только соблюдать, но и *предписывать* миръ". Эта надежда не помѣшала фельдмаршалу, однако, сказать въ началѣ его рѣчи, что „высота цифры состава въ военное время впередъ никакъ опре-

дѣлена быть не можетъ, такъ какъ мы не можемъ знать впередъ, придется ли намъ развернуться боевой линіей (Front machen) на одну только, или на *двѣ* стороны". За то, въ концѣ рѣчи Мольтке заявилъ, что онъ „право не знаетъ, что́ бы мы стали дѣлать съ кускомъ Франціи или Россіи".

Въ одномъ мѣстѣ рѣчи, Мольтке опровергалъ ходячую мысль, что „школьный учитель", одержалъ тѣ побѣды, которыми возвеличилась Германія. „Одно знаніе", сказалъ онъ, „не ставитъ еще человѣка на такую точку (Standpunkt), чтобы онъ готовъ былъ рисковать жизнью за идею, за исполненіе долга, за честь отечества: это достигается только всѣмъ воспитаніемъ человѣка. Не школьный учитель, но воспитатель-государство одержало наши побѣды; ихъ одержало то государство, которое теперь уже почти 60 лѣтъ (со времени введенія всеобщей воинской повинности) воспитало націю въ бодрости тѣла, свѣжести духа, въ порядкѣ и точности, вѣрности и послушаніи, любви къ отечеству и мужественности. Безъ арміи, притомъ въ полномъ ея составѣ, вы не можете обойтись уже и внутри государства для воспитанія націи!" Итакъ, армія — школа націи, военная служба—источникъ всѣхъ доблестей гражданина, начиная отъ акуратности и вплоть до готовности пожертвовать самой жизнью идеѣ. Напрасны оговорки о государствѣ-воспитателѣ; государство включаетъ разные методы воспитанія, но самъ Мольтке сказалъ, что истинное воспитаніе, служащее для возвышенія гражданскаго духа, дается арміею. При этомъ, напрасно было бы отличать прусскую армію отъ всякой иной; общеобязательность воинской службы, существующая въ Пруссіи 60 лѣтъ, сама по себѣ не создаетъ никакого воспитанія: она только распространяетъ на всю націю воспитательное вліяніе арміи. Мысль выражена фельдмаршаломъ недвусмысленно и нѣтъ возможности понимать его мысль иначе. Итакъ, по мнѣнію графа Мольтке, тѣ, кто говорилъ: „Прусская армія побѣждаетъ другія вслѣдствіе умственнаго превосходства, т.-е. образованности прусской націи",—ошибались. Но чѣмъ же онъ замѣнилъ это объясненіе: прусская армія побѣждаетъ другія вслѣдствіе того, что весь прусскій народъ воспитанъ въ арміи. Вѣдь это объясненіе есть только повтореніе, а не объясненіе: вѣдь это значитъ иными словами— прусская армія имѣетъ превосходныя свойства потому, что она ихъ имѣетъ. Затѣмъ остается объяснить себѣ побѣды Пруссіи просто превосходствомъ ея военнаго устройства, дающаго составъ военнаго времени лучшій, чѣмъ какое-либо иное устройство. Но тогда, куда же дѣнется граждански-воспитательное значеніе арміи, о которомъ говорилъ гр. Мольтке? Признаёмся, мы предпочитаемъ прежнее объясненіе, то объясненіе, которое гр. Мольтке отвергаетъ, именно, что

армія почерпаетъ свою силу въ образованности народа, а не народъ воспитывается арміею къ нравственному совершенству. Вѣдь свойства военнаго воспитанія вездѣ извѣстны и вездѣ въ сущности одинаковы. Разница между Пруссіею и другими націями въ томъ, что въ Пруссіи чрезъ это воспитаніе проходили на краткій срокъ ²/₃ народа, а у другихъ націй—нѣсколько процентовъ народа на долгіе сроки. Но сами свойства военнаго этимъ нисколько не измѣняются. Между тѣмъ болѣе долгій срокъ, бо́льшая продолжительность такого воспитанія должны бы создавать и лучшую армію, а опытъ показываетъ совсѣмъ противное. У насъ въ Россіи, до крымской войны, былъ довольно распространенъ взглядъ на военную службу, какъ на лучшую школу для воспитанія гражданскихъ доблестей; въ нашей школѣ доблестямъ этимъ учили не три года, какъ въ Пруссіи, а двадцать-пять лѣтъ! Между тѣмъ, исходъ войны показалъ намъ, что общечеловѣческая образованность солдата сильнѣе, чѣмъ самое продолжительное и упорное военное воспитаніе; что готовность жертвовать собою за идею и акуратность съ послушаніемъ—суть вещи весьма различныя. Чтобы жертвовать собою идеѣ, необходимо прежде всего сознавать её. Примѣръ Соединенныхъ-Штатовъ, выставившихъ въ междоусобной войнѣ полтора милліона *волонтеровъ*, не имѣвшихъ никакого военнаго воспитанія, показываетъ, что готовность жертвовать собою за идею отъ военнаго воспитанія нисколько не зависитъ. По этимъ соображеніямъ и, несмотря на опроверженіе столь компетентнаго—по крайней мѣрѣ въ военныхъ, если не въ философско-историческихъ вопросахъ—человѣка, какъ гр. Мольтке, мы продолжаемъ думать, что побѣды Пруссіи одержалъ все-таки „школьный учитель", и что побѣдоносный фельдмаршалъ, который предводительствовалъ въ бою учениками этого скромнаго дѣятеля, выказываетъ къ нему нынѣ явную неблагодарность.

Считаемъ излишнимъ уяснять, какъ неудовлетворительно то опроверженіе гр. Мольтке, которое касается опасеній, что нынѣшній проектъ, въ случаѣ утвержденія его, нарушитъ парламентскія права рейхстага. Справедливо, что такія требованія правительства, которыя будутъ идти еще далѣе установляемой нынѣ нормы, подлежали бы и впредь рѣшенію рейхстага; но установленіе нормы разъ навсегда все-таки лишило бы рейхстагъ самаго существеннаго изъ его правъ: права ежегодно обсуждать, какой составъ арміи можетъ содержать правительство и какія денежныя средства оно должно получить для этого. Этотъ вопросъ уже достаточно разъясненъ выше; вообще рѣчь фельдмаршала не опровергаетъ существенныхъ доводовъ Рихтера, хотя авторитетъ Мольтке, безъ сомнѣнія, окажетъ большое вліяніе на дальнѣйшій ходъ дѣла.

Нынѣшнее положеніе этого вопроса (проектъ, какъ уже сказано, передань въ коммиссію) таково: прогрессисты, согласно съ Рихтеромъ, не хотятъ допустить вовсе опредѣленія цифры мирнаго состава закономъ; они хотятъ сохранить за рейхстагомъ полную свободу опредѣленія контингента въ ежегодномъ бюджетѣ. Но часть національныхъ либераловъ готова вступить съ правительствомъ въ такую сдѣлку, которая, правда, не вполнѣ охранитъ парламентское право рейхстага, но „спасетъ внѣшность“. Эти національные либералы разсуждаютъ, что между штатнымъ мирнымъ составомъ, хотя бы онъ и былъ опредѣленъ закономъ навсегда, и дѣйствительнымъ составомъ, состоящимъ въ данное время подъ знаменами, постоянно была и будетъ впредь разница; и вотъ за эту-то разницу они хотятъ ухватиться, хотятъ, чтобы рейхстагу оставлено было право ежегодно устанавлять, въ предѣлахъ мирнаго состава, установленнаго закономъ, цифру дѣйствительнаго состоянія людей подъ знаменами, въ каждомъ году. Но когда цифра мирнаго состава будетъ опредѣлена закономъ, какими же доводами рейхстагъ докажетъ правительству, что въ такомъ-то году слѣдуетъ содержать людей настолько-то менѣе узаконеннаго числа? Вѣдь подобная разница, зависящая отъ числа отпусковъ, казалось бы, именно и должна подлежать только усмотрѣнію военной администраціи. Ея доводы въ этомъ случаѣ одни и будутъ имѣть вѣсъ, и рейхстагу придется каждый разъ давать полную узаконенную цифру мирнаго состава, если военная администрація признаетъ это нужнымъ. Для чего же уступать дѣйствительное право, нынѣ принадлежащее рейхстагу, и удерживать взамѣнъ его право ежегодно отступать отъ закона, что́ уже само по себѣ странно, а на практикѣ представится правомъ призрачнымъ? Это и было бы въ сущности только „спасеніе внѣшности“. Отрекшись закономъ отъ права ежегодно предоставлять или не предоставлять имперскому правительству около 100 милліоновъ талеровъ на содержаніе арміи, рейхстагъ сохранялъ бы за собою право *добиваться* отъ правительства сбавки на 10 милліоновъ изъ суммы, уже поставленной внѣ спора закономъ.

Депутаты Эльзаса-Лотарингіи, вступивъ въ первый разъ въ германскій рейхстагъ, представили подписанное ими всѣми предложеніе слѣдующаго содержанія: „да будетъ угодно рейхстагу постановить, что населеніе Эльзаса-Лотарингіи, включенное безъ своего согласія въ германскую имперію франкфуртскимъ трактатомъ, будетъ призвано спеціальнымъ путемъ выразить свое желаніе относительно такого присоединенія“.

Предложеніе „Тейтша и товарищей“, названное такъ по имени одного изъ депутатовъ Эльзаса-Лотарингіи, обсуждалось въ засѣданіи

18 февраля. Въ рѣчи за предложеніе Тейтшъ сказалъ, между прочимъ:... „ваша послѣдняя война, окончившаяся въ пользу вашей націи, безспорно давала ей право на удовлетвореніе. Но Германія вышла изъ предѣловъ права цивилизованной націи, когда заставила Францію принесть въ жертву полтора милліона ея дѣтей. Отъ имени эльзасцевъ-лотарингцевъ, преданныхъ франкфуртскимъ трактатомъ, мы протестуемъ противъ насилія, котораго наша родина стала жертвою... Чтобы придать уступкѣ Эльзаса-Лотарингіи хоть внѣшній признакъ законности, вамъ слѣдовало подчинить вопросъ о такой уступкѣ согласію уступленнаго населенія". Здѣсь ораторъ сослался на мнѣніе извѣстнаго гейдельбергскаго юриста, профессора Блунчли, выраженное въ его сочиненіи о международномъ правѣ, что уступка территоріи не можетъ быть дѣйствительною безъ согласія населенія, потому что люди не вещь, неимѣющая ни собственныхъ правъ, ни воли. „Самъ тотъ деспотъ", продолжалъ Тейтшъ, „котораго безразсудная политика погубила Эльзасъ-Лотарингію, Наполеонъ III, всегда соединялъ мысль о присоединеніи съ мыслью о спросѣ населенія". Здѣсь оратора прервали крики: „мы знаемъ, какъ это дѣлается!" Ссылка Тейтша на Наполеона дѣйствительно была неудачна, потому что вообще плебисцитъ въ рукахъ Наполеона былъ комедіею. Однакоже вѣдь и комедіи нельзя разыграть иначе, какъ эксплуатируя нерѣшительность, колебаніе, недоразумѣніе. Въ случаѣ же общей твердой рѣшимости населенія отвѣчать на предложенный вопросъ „нѣтъ", никакой комедіи сыграть нельзя, и Тейтшъ имѣлъ бы основаніе на возгласы „знаемъ, какъ это дѣлается" возразить: „однакоже вы и этого не сдѣлаете, ни въ сѣверномъ Шлезвигѣ, ни въ Познани, ни въ Эльзасѣ-Лотарингіи."

Вопросъ этотъ, въ сущности безплодный, и представляетъ однѣ рекриминаціи. Явно было, что предложеніе Тейтша не могло быть принято, и внесеніе его имѣло только смыслъ протеста. Одинъ изъ депутатовъ Эльзаса-Лотарингіи, епископъ Рэссъ, заявилъ „отъ имени своихъ единовѣрцевъ, что они во всякомъ случаѣ не оспариваютъ дѣйствительности франкфуртскаго трактата". На это, въ засѣданіи 19 февраля, другой депутатъ, Пунье, прочелъ протестъ отъ имени католиковъ, депутатовъ Эльзаса-Лотарингіи, противъ словъ Рэсса, въ которомъ заявлялось, что епископъ говорилъ только отъ своего имени, и что единовѣрцы его не считаютъ себя связанными его словами. Хотя теперь даже подписывается въ Страсбургѣ протестъ противъ словъ Рэсса, но можно было думать, что всѣ подробности заявленій депутатовъ Эльзаса-Лотарингіи были обдуманы впередъ и роли заранѣе распредѣлены ими. Нѣмецкія газеты увѣряли, что враждебный Германіи результатъ выборовъ въ Эльзасѣ-Лотарингіи, гдѣ не

было избрано не только ни одного представителя идеи единства съ Германіею, но даже ни одного представителя автономіи этихъ провинцій, а только кандидаты, прямо враждебной Германіи, французской партіи, слѣдуетъ приписать ультрамонтанскому вліянію, которое по враждѣ къ имперскому правительству дѣйствовало въ пользу французской партіи. Между тѣмъ, оказалось, что сильнѣйшій протестъ былъ высказанъ такимъ депутатомъ, который—протестантъ и носитъ безспорно нѣмецкое имя „Тейтша". Заявленіе же, что католики Эльзаса-Лотарингіи не оспариваютъ дѣйствительности трактата, то-есть отвергаютъ мысль о сопротивленіи силою, было сдѣлано именно католическимъ епископомъ. Надо замѣтить, что и весь католическій центръ рейхстага, постоянно обвиняемый въ союзѣ съ врагами отечества, подалъ голоса противъ предложенія Тейтша. А для того, чтобы заявленію Рэсса не придали слишкомъ большого значенія по отношенію къ населенію присоединенныхъ провинцій, противъ него былъ поданъ протестъ опять католикомъ же, но не духовнымъ лицомъ—Пуньe. Если все это сдѣлалось безъ предварительнаго соглашенія, то надо признаться, что обстоятельства, какъ нарочно, сложились самымъ неблагопріятнымъ образомъ для тѣхъ иллюзій, какія поддерживаются германскими оффиціозными органами.

Никто въ рейхстагѣ не поднялся для отвѣта Тейтшу, и обсужденію его предложенія былъ положенъ конецъ тотчасъ послѣ его рѣчи, по требованію самого собранія. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ отдать германскому правительству ту справедливость, что оно не боится враждебныхъ себѣ заявленій. Въ сознаніи своей силы, оно не думаетъ, что принужденное безмолвіе противниковъ необходимо для успѣха его политики, или что искусственныя, фальшивыя заявленія, какія оно могло бы вызвать, могли бы быть ему полезны. Безъ всякаго опасенія, оно произвело въ Эльзасѣ-Лотарингіи выборы въ парламентъ, какъ оно производитъ ихъ въ сѣверномъ Шлезвигѣ и въ Познани. Кригеръ протестуетъ, Нѣголевскій съ 11-ю товарищами продолжаетъ протестовать, Тейтшъ съ 14-ю товарищами присоединился къ нимъ съ новымъ протестомъ, но всѣ они — свободно избраны, и всѣ они протестуютъ на сеймѣ свободнымъ словомъ, а не дома, вынужденнымъ безмолвіемъ. Голосованіе по предложенію „Тейтша и товарищей" было произведено посредствомъ вставанья. Встали только 20 человѣкъ поляковъ, партикуляристовъ и соціалистовъ; сами эльзасцы продолжали сидѣть. Нѣголевскій не безъ намѣренной ироніи, конечно, замѣтилъ, что они кажется не совсѣмъ понимаютъ по-нѣмецки, такъ какъ продолжаютъ сидѣть, отрекаясь отъ своего предложенія, и предложилъ повторить голосованіе, что̀ было отвергнуто. Эльзасцы-лотарингцы очень хорошо понимаютъ по-нѣмецки

(хотя говорятъ съ французскимъ акцентомъ), но, продолжая сидѣть, хотѣли показать, что они сами въ этомъ вопросѣ не подають голоса. Они, сколько извѣстно, не будутъ подавать голоса и въ другихъ очередныхъ вопросахъ, за исключеніемъ особыхъ случаевъ, когда цифра 15 голосовъ можетъ получить практическое значеніе для оппозиціи.

Палаты прусскаго сейма, окончательно утвердивъ законъ о передачѣ веденія метрикъ въ руки гражданскихъ должностныхъ лицъ и объ обязательности гражданскаго брака, отсрочили 25-го февраля свои засѣданія до 13-го апрѣля. Упомянутый законъ былъ подвергнутъ въ верхней палатѣ неважному измѣненію и вслѣдствіе того вновь прошелъ чрезъ палату представителей, которая согласилась со сдѣланнымъ въ немъ измѣненіемъ.

Еслибы принять, что парламентскіе выборы, произведенные въ Великобританіи и Ирландіи, служили отвѣтомъ страны на тотъ прямой фактическій вопросъ, какой былъ поставленъ Гладстономъ въ его посланіи къ гриничскимъ избирателямъ, а именно, на вопросъ о способѣ распредѣленія излишка бюджетныхъ доходовъ, то пришлось бы побѣду консерваторовъ счесть за отвѣтъ страны въ томъ смыслѣ, что излишекъ доходовъ долженъ быть весь обращенъ на уменьшеніе налоговъ по мѣстному управленію (local taxation). Гладстонъ предполагалъ уменьшеніе этихъ налоговъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предполагалъ приступить къ отмѣнѣ подоходнаго налога, то-есть обѣщалъ богатому промышленному и торговому классу, составляющему доселѣ еще главную силу партіи либеральной, премію за возобновленіе полнаго ея къ нему, Гладстону, какъ вождю либеральной партіи, довѣрія. Не хотѣлъ или не могъ богатый элементъ либеральной партіи выразить такое довѣріе и заслужить премію, но результатъ вышелъ тотъ, что рѣшительную побѣду на выборахъ одержали консерваторы. Вмѣсто 66 голосовъ большинства, какимъ еще располагалъ Гладстонъ въ прежней палатѣ общинъ, онъ увидѣлъ въ новой палатѣ враждебное себѣ, консервативное большинство въ 50 голосовъ.

Само собою разумѣется однако, что такой, довольно неожиданный отвѣтъ страны должно разумѣть не въ смыслѣ одного только распредѣленія излишка доходовъ. О немъ даже весьма мало упоминалось въ рѣчахъ кандидатовъ на выборахъ. Ясно, что на первомъ планѣ представлялись вопросы больше общіе, теоретическіе, которые были затронуты и въ избирательномъ посланіи Гладстона. Онъ обѣщалъ новыя реформы, онъ хвалилъ внѣшнюю политику полнаго невмѣшательства—страна отвѣтила ему выборами консервативными.

Повидимому, правы тѣ, кто говорилъ, что страна „устала отъ экспериментовъ“, и тѣ, кто говорилъ, что англійскій народъ считаетъ унизительной внѣшнюю политику Гладстона.

Невозможно, конечно, опредѣлить съ какою-нибудь достовѣрностью, насколько характеръ нынѣшнихъ выборовъ зависѣлъ отъ того или другого побужденія, враждебнаго Гладстоновской системѣ. Въ этомъ отношеніи возможны только догадки, и благоразумнѣе будетъ ограничиться перечисленіемъ главнѣйшихъ изъ такихъ побужденій, главныхъ причинъ, какими можетъ объясняться пораженіе либеральнаго министерства, не опредѣляя, которое изъ нихъ играло притомъ самую важную роль. Наиболѣе общее изъ этихъ побужденій, дѣйствовавшее равно на всѣхъ, можетъ съ перваго взгляда показаться парадоксомъ: министерство Гладстона лишилось довѣрія уже потому, что оно потерпѣло годъ тому назадъ чувствительное пораженіе (въ мартѣ 1873 г. по ирландско-университетскому вопросу). Можно, пожалуй, сказать, что это объясненіе неудовлетворительно, что парламентскія правительства пораженіе терпятъ, когда лишились довѣрія, а не лишаются довѣрія потому, что потерпѣли пораженіе. Это справедливо относительно парламентскаго правленія вообще, которое есть правленіе партіи. Но здѣсь-то и выступаетъ особенность Гладстонова правленія: оно было не только правленіемъ партіи, но въ весьма значительной степени правленіемъ *личнымъ*, правленіемъ самого Гладстона, чѣмъ-то весьма похожимъ на диктатуру, вполнѣ законную, конечно, но тѣмъ не менѣе диктатуру человѣка съ авторитетомъ почти всесильнымъ. Когда въ декабрѣ 1868 года образовалось правительство Гладстона, онъ располагалъ въ палатѣ общинъ большинствомъ до 100 голосовъ, палата эта была совершенно покорна ему и именно ему лично. Онъ былъ до такой степени несомнѣннымъ избранникомъ націи, что и въ средѣ своихъ товарищей, прочихъ министровъ, былъ не первымъ членомъ правительства, но именно правителемъ, окруженнымъ министрами. Довѣріе страны къ Гладстону и его громадный ораторскій даръ, дѣлали его почти всемогущимъ въ палатѣ общинъ, а затѣмъ всесильнымъ въ министерствѣ. Прочіе министры были помощниками, а не товарищами его. Враждебная Гладстону газета „Pall Mall“ говоритъ, что тотъ авторитетъ, какой принадлежалъ въ торійскихъ кабинетахъ Питту и Пилю, принадлежалъ Гладстону въ кабинетѣ либеральномъ; что Гладстонъ—первый парламентскій членъ своего времени, и потому былъ всесиленъ въ средѣ своихъ товарищей по министерству. Газета „Times“ даетъ сходную характеристику Гладстона. Мы приведемъ слѣдующія строки, которыя вѣрно излагаютъ весь смыслъ положенія Гладстона: „онъ получилъ власть,

пять лѣтъ тому назадъ, среди такого взрыва народнаго довѣрія (burot of popular confidence), которое было близко къ энтузіазму. Министръ способный, энергическій, честолюбивый, незнающій усталости; длинная программа необходимыхъ, долго задержанныхъ реформъ, послушная палата общинъ, страна одушевленная удивленіемъ и довѣріемъ — вотъ какая комбинація представлялась въ то время, въ первый разъ при нынѣшнемъ поколѣніи. Энергія главнаго дѣятеля не оставила его во дни успѣховъ; онъ энергически принялся за работу и въ продолженіе четырехъ сессій, обильныхъ трудами, не появлялось въ немъ ни одного признака уменьшенія энергіи. Только послѣ большого пораженія въ мартѣ прошлаго года онъ сталъ выказывать упадокъ бодрости (discouragement) и началъ признавать, что дѣло его уже сдѣлано". Насколько могущество Гладстона было личнымъ могуществомъ, настолько правленіе его раздѣлило общую судьбу личныхъ правленій; основанныя на довѣріи, что такой-то человѣкъ сумѣетъ сдѣлать все, что ему все удастся, правленія эти утрачиваютъ силу именно вслѣдствіе первой значительной, хотя бы случайной неудачи. Какъ только оказалось, что вождь, на котораго безусловно полагались, можетъ ошибаться, можетъ терпѣть неудачи, то падаетъ и довѣріе къ нему, основаніе его силы и власти. Пораженіе, понесенное Гладстономъ въ биллѣ объ ирландскомъ университетѣ, было результатомъ весьма разнообразныхъ причинъ; но достаточно было факта, что онъ потерпѣлъ пораженіе, для того, чтобы ореолъ его безошибочности разсѣялся. Страна усомнилась въ немъ, и онъ самъ въ себѣ усомнился. Вотъ почему, хотя онъ все-таки располагалъ въ палатѣ большинствомъ 66-ти голосовъ, т.-е. болѣе значительнымъ, чѣмъ то, съ которымъ тори создаютъ теперь новое правительство, но въ мнѣніи страны и въ своемъ сознаніи онъ уже былъ слабъ; такъ какъ смыслъ его правленія въ значительной степени заключался въ личномъ его авторитетѣ, то упадокъ этого авторитета долженъ былъ поколебать положеніе правительства, хотя матеріально оно продолжало располагать большинствомъ. Какъ Антей, онъ хотѣлъ коснуться Земли, чтобы возобновить свои силы, но Земля на этотъ разъ отвергла своего сына.

Другая причина пораженія, понесеннаго либеральной партіей на выборахъ, представляется тѣмъ, что послѣднее управленіе людей этой партіи въ своемъ усердіи къ реформамъ нарушило или подало поводъ думать, что хотятъ нарушить весьма важные сословные интересы. Таковы, напримѣръ, были: отмѣна покупки офицерскихъ мѣстъ въ арміи и послѣдствіе отмѣны господства англиканской церкви въ Ирландіи. Оно, во-первыхъ, лишило многочисленный, вы-

сокообразованный и весьма вліятельный классъ англиканскаго духовенства значительной области для карьеры; во-вторыхъ, подало ему поводъ думать, что Гладстонъ и его партія намѣрены сдѣлать то же самое въ самой Англіи. Враждебное Гладстону вліяніе англиканскаго духовенства на выборы не подлежитъ сомнѣнію. Такъ, чтобы привесть еще примѣръ,—лондонская городская корпорація была встревожена слухомъ о намѣреніи либеральнаго министерства расширить ея составъ, включеніемъ въ Сити всего Лондона, или уменьшить значеніе корпораціи Сити, установленіемъ муниципальнаго управленія для тѣхъ частей Лондона, которыя въ Сити не входятъ. На нынѣшнихъ выборахъ въ Сити либеральная партія потерпѣла полное пораженіе.

Съ другой стороны, угрожая нѣкоторымъ сословнымъ интересамъ реформами, министерство Гладстона не рѣшалось смѣло опереться на тѣ передовыя дружины своей партіи, которыя энергической своей поддержкой могли бы замѣнить ему сочувствіе многихъ охлажденныхъ либераловъ. Оно сдѣлало много для Ирландіи, но Ирландія требуетъ гораздо бо́льшаго, какъ оказывается теперь изъ того, что въ новую палату избрано 83 приверженца home-rule, т.-е. учрежденія отдѣльнаго парламента для Ирландіи (изъ этого числа 59 избраны въ Ирландіи, а 24 ирландцами въ самой Англіи). Вождь этой партіи давно предсказывалъ, что новые выборы дадутъ въ одной Ирландіи 80 представителей home-rule. Диссиденты въ Англіи требуютъ преобразованія закона 1870 года, но правительство Гладстона давало въ этомъ отношеніи такія обѣщанія, которыя ихъ не удовлетворяли. Рабочіе, побужденные примѣрами слишкомъ строгаго примѣненія нѣкоторыми судьями законовъ о наказаніяхъ за неисполненіе договоровъ о наймѣ, требовали отъ правительства безуспѣшно пересмотра этихъ законовъ. Вообще, сдѣлавъ многое для нарушенія разныхъ сословныхъ интересовъ реформами, правительство отчасти не могло, отчасти не хотѣло идти за многими требованіями новыхъ смѣлыхъ реформъ. Правда, ирландцы, диссиденты и рабочіе ничего не выиграютъ отъ перемѣны правительства въ консервативномъ духѣ. Но извѣстно, что оппозиція часто предпочитаетъ открытыхъ враговъ слабѣющимъ или холоднымъ друзьямъ. Нѣтъ сомнѣнія, наконецъ, что и характеръ внѣшней политики Гладстона былъ важной причиной его пораженія на выборахъ. Исходъ элебемскаго и сан-хуанскаго дѣла, въ особенности перваго, за которое Англія поплатилась деньгами, отмѣна обязательности для Россіи стѣснительныхъ статей трактата 1856 г. по отношенію къ Черному морю, расширеніе нашихъ владѣній въ Средней Азіи—все это было вмѣнено въ вину Гладстону, и внѣшняя его политика сдѣлалась про-

сто непопулярною. Между тѣмъ, едва ли можно ожидать, чтобы новое консервативное правительство достигло иныхъ, важныхъ въ этомъ отношеніи результатовъ; крупныя, неизмѣнимыя на время, черты общаго положенія Европы таковы, что едва ли одного желанія британскаго правительства будетъ достаточно, чтобы дѣйствія его могли многимъ отличаться отъ системы Гладстона; принципъ можетъ быть иной, но результаты, по всей вѣроятности, будутъ одинаковы.

Гладстонъ и его товарищи не стали дожидаться открытія новой палаты общинъ, чтобы уступить мѣсто новому правительству. Парламентская сессія открылась 5-го марта (н. с.). Но Гладстонъ еще 17-го февраля вручилъ королевѣ просьбы министровъ объ увольненіи. Новый кабинетъ составился, подъ предсѣдательствомъ Дизраэли, изъ графа Дёрби, маркиза Сэльсбэри, герцога Ричмонда, графа Мальмсбэри, лордовъ Кэрнса и Карнарвона, сэра Стаффордъ-Норткота, гг. Гэторна-Гарди, Кросса, Уордъ-Гонта и др. Важнѣйшіе представители новаго правительства въ палатѣ общинъ: *Дизраэли*, Гэторнъ-Гарди и сэръ Стаффордъ-Норткотъ; важнѣйшіе его представители въ палатѣ лордовъ: графъ *Дёрби*, маркизъ Сэльсбэри и лордъ Кэрнсъ. Къ характеристикѣ новаго британскаго правительства мы возвратимся при обсужденіи начала парламентской сессіи.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА.

12/24 февраля, 1874.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕУРЯДИЦА И ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ: РОМАНЪ В. ГЮГО.

Мнѣ случалось писать вамъ въ минуты болѣе остраго кризиса, но еще никогда положеніе дѣлъ у насъ не было такое хаотическое и вмѣстѣ съ тѣмъ такое тревожное, какъ то, которое мы переживаемъ со времени учрежденія семилѣтняго президентства маршала Макъ-Магона, съ цѣлью успокоить умы. Это не вина честнаго солдата, который, не будучи особенно способнымъ государственнымъ человѣкомъ, одушевленъ наилучшими намѣреніями: то вина партій, поставившихъ его во главѣ управленія и не перестающихъ интриговать другъ противъ друга и противъ созданнаго ими правительства. Не знаю, можно ли найти въ исторіи Франціи, или въ какой-либо другой, такое скандалёзное и отчаянное зрѣлище; неизвѣстно, чему слѣдуетъ удивляться болѣе: глупости, или недобросовѣстности дѣй-

ствующихъ лицъ. Правительство Тьера было низвергнуто подъ предлогомъ возстановленія „нравственнаго“ и матеріальнаго порядка въ странѣ; для устраненія кризисовъ, успокоенія умовъ и поощренія труда и промышленныхъ предпріятій, власть президента продлили на семь лѣтъ. И вотъ эту самую власть, которую желали сдѣлать консервативною и умиротворяющей, эту самую власть ставятъ въ неопредѣленное и критическое положеніе, а чтобы лишить ее всякихъ прочныхъ средствъ къ существованію, затягиваютъ—насколько только возможно—изготовленіе законовъ, долженствующихъ регулировать ея дѣятельность. Всего же печальнѣе то, что само министерство участвуетъ въ заговорѣ, которое его парализуетъ, частію намѣренно, частію вслѣдствіе роковыхъ и независящихъ отъ него причинъ. Мы все еще волею или неволею управляемся республикой, только потому, что большинство, единодушное въ желаніи низвергнуть этотъ порядокъ, не могло согласиться на счетъ монархіи. Если бы правительство открыто признало это положеніе дѣлъ и допустило, что оно силою вещей вынуждено быть правительствомъ республиканскимъ, и что республиканская форма нераздѣльна съ президентствомъ маршала Макъ-Магона и должна продлиться по крайней мѣрѣ столько же, сколько и оно, то страна успокоилась бы, а правительство нашло бы въ собраніи, внѣ крайнихъ партій, либеральное, благоразумное, умѣренное большинство, которое охотно стало бы его поддерживать. Но правительство, вызванное къ жизни коалиціей монархическихъ фракцій, раздѣляетъ всѣ ихъ страсти и всѣ ихъ предубѣжденія. Оно не хочетъ знать иного большинства, кромѣ того, которое поставило его во главѣ управленія, а такъ какъ это большинство состоитъ изъ фракцій, завидующихъ другъ другу, и такъ какъ правительство не можетъ оказать предпочтенія ни одной изъ нихъ, не возбудивъ недовѣрія въ другихъ, то оно осуждено во всѣхъ отношеніяхъ на плачевное безсиліе. Время отъ времени, и даже довольно часто, оно пользуется какимъ-нибудь случаемъ, чтобы заявить публикѣ, путемъ рѣчи или министерскаго циркуляра, что намѣрено заставить уважать власть маршала. Недавно еще самъ президентъ, который, однако, не охотникъ до рѣчей, пожелалъ во время посѣщенія парижскаго коммерческаго суда подтвердить авторитетомъ своего слова заявленія своихъ министровъ. Отвѣчая на рѣчь президента суда, настаивавшаго на неудовлетворительномъ положеніи дѣлъ и приписывавшаго его неопредѣленности политическаго состоянія, маршалъ сказалъ между прочимъ: „Національное собраніе вручило мнѣ власть на семь лѣтъ; я обязанъ прежде всего наблюдать за выполненіемъ этой верховной воли. Итакъ, будьте безъ опасеній. Въ теченіе семи лѣтъ я сумѣю заставить всѣхъ уважать *порядокъ дѣлъ, легально установленный*“.

Это заявленіе, взятое само по себѣ и въ буквальномъ смыслѣ, уже не имѣло той цѣны, которую быть можетъ придавалъ ему добрякъ-маршалъ, такъ какъ его президентству во всякомъ случаѣ суждено пережить важный, и быть можетъ, роковой кризисъ всеобщихъ выборовъ, которыхъ нельзя же безконечно откладывать. Но поведеніе партій, якобы поддерживающихъ правительство, таково, что, оставляя въ сторонѣ выборы, испытываешь нѣкоторое сомнѣніе на счетъ прочности гарантіи, представляемой словомъ маршала. Въ первую минуту это слово произвело нѣкоторое дѣйствіе, но уже на слѣдующій день органы правой указывали на то, что маршалъ не сказалъ, что будетъ защищать *существующій порядокъ вещей*, но *установленный порядокъ вещей*, что̀, по ихъ мнѣнію, означаетъ тотъ порядокъ вещей, который можетъ быть установленъ, когда большинство придетъ въ соглашеніе. Это іезуитское толкованіе, идущее, разумѣется, въ разрѣзъ съ намѣреніями маршала, но которое правительство не посмѣло открыто опровергнуть, естественно уничтожило хорошее дѣйствіе, произведенное заявленіемъ, и умы и дѣла опять пришли въ уныніе и застой.

Самой диковинной вещью въ настоящемъ положеніи дѣлъ является то, что легитимисты особенно рьяно оспариваютъ значеніе семилѣтняго продленія президентской власти, между тѣмъ какъ послѣ пораженія и удаленія со сцены ихъ кандидата, дѣло ихъ совсѣмъ проиграно. Такъ какъ графъ Шамборъ сталъ совсѣмъ невозможенъ, то рѣшительно нельзя понять, какую выгоду извлекутъ они изъ паденія маршала Макъ-Магона. Такое событіе могло бы послужить въ пользу только орлеанистамъ или бонапартистамъ, или же республикѣ, допустивъ, что генеральные выборы, которые за нимъ должны послѣдовать, дали бы республиканское большинство, одушевленное политическимъ смысломъ. Между тѣмъ легитимистамъ всѣ эти рѣшенія ненавистны, и казалось бы, что они станутъ, за неимѣніемъ лучшаго, поддерживать искренно власть маршала. Но эта партія, никогда не блиставшая проницательностью и хладнокровіемъ, теперь совсѣмъ обезумѣла. Она чувствуетъ, что почва колеблется подъ ея ногами и выказываетъ тѣмъ больше нетерпѣнія и безразсудства, чѣмъ сильнѣе утрачиваетъ сознаніе дѣйствительности. Шансы, конечно, не на ея сторонѣ, но она разсчитываетъ на чудо, и стремится ускорить послѣднее, поддерживая и усиливая общую сумятицу. Богъ, думаетъ она, спасетъ же, наконецъ, Францію, и Генрихъ V-й воцарится помимо всѣхъ и вся.

Орлеанисты нѣсколько въ иномъ положеніи. Вслѣдствіе примиренія съ графомъ Шамборомъ они раздѣляютъ непопулярность легитимистовъ и ничего не могутъ ждать отъ настоящаго момента.

Поэтому они гораздо терпѣливѣе переносятъ продленіе президентской власти, но ревниво наблюдаютъ затѣмъ, чтобы оно не послужило къ упроченію республики. Имъ тѣмъ легче ждать, что въ лицѣ герцога де-Брольи, вице-президента совѣта министровъ и министра внутреннихъ дѣлъ, и герцога Деказа, министра иностранныхъ дѣлъ, имъ принадлежитъ главная доля въ управленіи. Ихъ прямой разсчетъ предоставить президентскому полномочію отбыть свой срокъ и принять послѣ него наслѣдіе въ той или иной формѣ. Къ несчастію, президентская власть въ томъ видѣ, какъ они ее понимаютъ, и при томъ состояніи безсилія, въ какомъ они ее держатъ, чтобы она не обратилась въ пользу республики, врядъ-ли продлится настолько, насколько это нужно, чтобы ихъ планы успѣли осуществиться. Къ тому же орлеанскіе принцы, стремящіеся изъ всѣхъ силъ воспользоваться своими преимуществами, не настолько энергичны и талантливы, чтобы когда-либо стать популярными. Они всегда будутъ, какъ относительно худыхъ, такъ и хорошихъ качествъ, представителями золотой середины, которые не увлекутъ и не овладѣютъ общественнымъ мнѣніемъ.

Бонапартисты, говорю это съ сожалѣніемъ, имѣютъ гораздо больше шансовъ на успѣхъ. У нихъ есть то преимущество передъ другими партіями, что они на все способны, и можно прибавить, что всѣ другія партіи на нихъ работаютъ. Монархическія партіи служатъ имъ своей враждебностью противъ республики, а республиканцы своими крайностями. Эта неисправимая партія, которая такъ уже повредила мечтѣ всей своей жизни выборами Бародэ и Ранка, готовится въ настоящую минуту повторить ту же самую ошибку и послать въ собраніе стараго вождя радикаловъ, Ледрю-Роллена, члена временнаго правительства 1848 г. Онъ хотя и совсѣмъ не дурной человѣкъ, но былъ во всѣ времена пугаломъ буржуазіи. Ледрю-Ролленъ будетъ навѣрное избранъ, потому что онъ баллотируется въ департаментѣ (Воклюзъ) вполнѣ преданномъ радикализму; но его появленіе въ палатѣ будетъ, по всей вѣроятности, пагубно, потому что напугаетъ многіе нерѣшительные умы лѣваго центра и заставитъ ихъ отвернуться отъ республики, къ которой они пристали не столько по убѣжденію, сколько изъ уступчивости.

Слѣдующій фактъ заслуживаетъ упоминовенія: изъ всѣхъ дополнительныхъ выборовъ, имѣвшихъ мѣсто въ послѣднее время, единственный, явно враждебный республикѣ выборъ—это выборъ бонапартиста Сана, въ департаментѣ Соммы. Обыкновенно монархическіе кандидаты, въ особенности приверженцы сліянія, остерегаются развертывать свое знамя. Они называютъ себя кандидатами порядка, и со времени вступленія маршала Макъ-Магона въ управленіе, обык-

новенно прибавляютъ, что готовы поддерживать власть маршала. Это не мѣшаетъ имъ бывать побитыми. Санъ въ своемъ избирательномъ манифестѣ ясно заявилъ о своихъ бонапартистскихъ симпатіяхъ и сказалъ, что не желаетъ республики. Онъ былъ избранъ, не взирая на это, и избраніе его имѣетъ поэтому довольно важное значеніе, которымъ бонапартисты съумѣютъ воспользоваться, какъ слѣдуетъ. Они утверждаютъ съ тѣхъ поръ съ большей самоувѣренностью, что для Франціи нѣтъ иного выбора, какъ между имперіей или республикой. Къ несчастію, обстоятельства повидимому оправдываютъ ихъ мнѣніе. Еслибы у роялистовъ было хоть сколько-нибудь патріотизма, то это обстоятельство должно было бы привести ихъ въ республиканскій лагерь; но если республика внушаетъ имъ меньше ненависти, чѣмъ имперія, за то они меньше боятся послѣдней, вслѣдствіе чего, быть можетъ, отдадутъ ей предпочтеніе.

Первый государственный человѣкъ и дипломатъ партіи, Руэръ, недавно обпародовалъ два манифеста, одинъ въ формѣ письма къ провинціальному журналисту, оштрафованному за то, что нападалъ на продленіе президентскаго полномочія, другой—въ формѣ бесѣды съ корреспондентомъ англійской газеты, который былъ такъ любезенъ, что поинтересовался его мнѣніемъ. Эти документы весьма любопытны, въ особенности въ томъ отношеніи, что весьма искусно показываютъ намѣренія и стремленія партіи, щадя вмѣстѣ съ тѣмъ правительство, съ которымъ Руэръ, какъ парламентскій leader своей партіи, вынужденъ церемониться. Руэръ высказывается за продленіе президентскихъ полномочій, но съ снисходительнымъ и покровительственнымъ видомъ и оставляя лазейки для бонапартистской реставраціи. Продленіе президентскихъ полномочій, говоритъ онъ, стало порядкомъ легально-установленнымъ во Франціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ напоминаетъ, что никакой плебисцитъ не освятилъ низложеніе имперіи. Продленіе президентскихъ полномочій — учрежденіе временное, *преходящее*, подверженное всякаго рода случайностямъ: ему не дѣлаешь, слѣдовательно, ни малѣйшаго ущерба, обращаясь къ Наполеону IV-му, какъ къ надеждѣ будущаго. Все это высказано довольно ясно, но сопровождается всякаго рода ораторскими предосторожностями. Нѣсколько дней спустя, принцъ Наполеонъ, который то какъ будто работаетъ въ свою пользу, то какъ будто въ интересахъ династіи, и который ни по своему характеру, ни по своему положенію не обязанъ столько церемониться, рѣзко высказалъ въ одной газетѣ, что продленіе президентскихъ полномочій не имѣетъ никакого значенія, потому что не освящено плебисцитомъ и что внѣ воззванія къ народной волѣ не существуетъ ни права, ни спасенія. И къ довершенію всего этого бонапартистъ, герцогъ Падуанскій, приглашалъ

оффиціальнымъ циркуляромъ вѣрныхъ императорской династіи собраться 16-го марта въ Чизльгёрстѣ, для принесенія поздравленій императорскому принцу, по случаю достиженія имъ совершеннолѣтія, которое по законамъ имперіи опредѣлено въ 18 лѣтъ. Дѣло идетъ о демонстраціи въ пользу династіи, и бонапартисты, съ обычнымъ своимъ шарлатанизмомъ, съумѣютъ обставить ее съ трескомъ. Правительство нашло, что мѣра переполнилась и что его собственное достоинство требуетъ его вмѣшательства. Но оно вынуждено дѣйствовать съ крайней осмотрительностью, потому что большинство, на которое оно опирается въ собраніи, численно очень слабо, и оно не можетъ оттолкнуть отъ себя какую-нибудь фракцію. Нужно было, слѣдовательно, предупредить бонапартистовъ, не раздражая ихъ. Отсюда робкій манифестъ герцога де-Брольи, въ которомъ онъ говоритъ, что не желаетъ воспрещать бонапартистамъ чтить прошлое, но указываетъ на нѣкоторыя мѣры предосторожности противъ слишкомъ шумной пропаганды, и что̀ всего характеристичнѣе, находитъ нужнымъ воспретить чиновникамъ участвовать въ Чизльгёрстской поѣздкѣ. Трудно представить себѣ правительство настолько слабое, чтобы находить нужнымъ высказывать подобное запрещеніе своимъ агентамъ; но дѣло въ томъ, что у насъ всѣ отрасли администраціи заняты по бо̀льшей части бонапартистами, что̀ происходитъ частію отъ ненависти, съ какою правительство преслѣдуетъ республиканскихъ чиновниковъ, а съ другой стороны, частію отъ силы обстоятельствъ, такъ какъ императорская администрація, будучи послѣднею по сроку, оставила по себѣ многочисленный персоналъ. Можно сказать съ увѣренностью, что изъ десяти республиканскихъ чиновниковъ, замѣщаемыхъ новыми, восемь окажутся бонапартистами. Тотъ же фактъ повторяется въ магистратурѣ и въ кадрахъ войскъ. Въ этомъ заключается главная сила партіи, и въ настоящій моментъ это можно наблюдать въ реорганизаціи муниципальной администраціи, которою занимается правительство, въ силу закона, которымъ оно присвоило себѣ назначеніе меровъ. Оно не захотѣло выборныхъ меровъ, потому что избиратели выбирали республиканцевъ, но въ большинствѣ мѣстностей находитъ для замѣны ихъ однихъ бонапартистовъ. Къ тому же новый законъ о мерахъ самъ по себѣ уже составляетъ возвратъ къ учрежденіямъ имперіи, и такимъ образомъ имперія, какъ-бы сама собой, мало-по-малу возстановляется въ людяхъ и лицахъ, благодаря глупости тѣхъ людей, которые могли бы этому помѣшать и благодаря роковому стеченію обстоятельствъ.

Бонапартисты, весьма довольные своимъ положеніемъ, удостоили милостиво отнестись къ циркуляру герцога де-Брольи, который если и ограничитъ число пилигримовъ, то съ другой стороны поддержи-

ваетъ важное значеніе партіи, которую такъ щадятъ въ то время, какъ провозглашаютъ ее опасной. Приготовленія къ церемоніи 16-го марта идутъ своимъ чередомъ съ той грубой *mise en scène*, въ которой бонапартисты такіе мастера, и которая имъ такъ часто удавалась. Появилась біографія императорскаго принца, подъ заглавіемъ: *Наполеонъ Четвертый*, отличающаяся величайшимъ нахальствомъ и въ которой читаемъ слѣдующее: „черезъ нѣсколько дней Наполеонъ будетъ совершеннолѣтнимъ и можетъ явиться на призывъ народа. Вступивъ на престолъ Франціи въ такую благопріятную минуту, молодой императоръ останется вѣренъ призванію своей расы. Онъ насъ спасетъ отъ безпорядка и анархіи".

У меня передъ глазами находится также пѣсенка, изданная въ несчетномъ количествѣ экземпляровъ, въ которой есть слѣдующія слова:

«Peuple français! Cet enfant est un homme
Qui te rendra des destins triomphants,
Paris sera plus illustre que Rome,
Napoléon vient d'avoir dix-huit ans [1])».

Эта пѣсенка украшена орломъ съ раскрытыми крыльями, который держитъ въ клювѣ блестящую корону, среди которой красуется *N*. И вотъ что осмѣливаются предлагать націи, считающей себя самой остроумной въ мірѣ, три года спустя послѣ ужасной катастрофы, навлеченной на насъ тою самою династіей, которая теперь намъ снова угрожаетъ. Быть можетъ, всѣ эти шумныя манифестаціи были бы не столь тревожны, если бы другія партіи своими ошибками не помогали бонапартистамъ. Прежде чѣмъ покончить съ этимъ предметомъ упомяну о важной ошибкѣ, въ которую готовятся впасть въ настоящую минуту роялисты. Парламентская коммиссія, долженствующая выработать конституцію президентскаго семилѣтняго управленія, до сихъ поръ занималась только избирательнымъ закономъ, и послѣ всякихъ проволочекъ и переливанія изъ пустого въ порожнее остановилась наконецъ на такой системѣ, которая, уважая номинально всеобщую подачу голосовъ, равняется почти знаменитому закону 31 мая, устранявшему три милліона избирателей и навлекшему на собраніе 1850 г. непопулярность, которою такъ хорошо съумѣлъ воспользоваться Наполеонъ III. Быть можетъ, бонапартисты, засѣдающіе въ собраніи, изъ лукаваго разсчета станутъ вотировать за этотъ законъ, но если послѣдній пройдетъ, то дастъ могучее орудіе для народной агитаціи въ руки бонапартистовъ. Роялисты первые

[1]) „Французскій народъ! Ребенокъ этотъ сталъ мужемъ, онъ возвратитъ тебѣ побѣдоносныя судьбы. Парижъ станетъ славнѣе Рима, Наполеону исполнилось восемнадцать лѣтъ!"

станутъ ея жертвой, а за Наполеоновской династіей, болѣе чѣмъ когда-либо, признаютъ умѣнье примирить порядокъ съ народнымъ правомъ и требованіями демократіи.

Нашему правительству приходилось въ послѣднее время управляться не съ одними внутренними затрудненіями: иностранныя дѣла также озабочивали его. Но, кажется, что эти послѣднія, еще не вполнѣ улаженныя и одно время грозившія было принять серьёзный оборотъ, явились послѣдствіемъ первыхъ.

Какія чувства ни преобладали бы въ кабинетѣ, но все же онъ снабженъ достаточной дозою разсудительности для того, чтобы понять, что Франція ни въ настоящую минуту, ни въ близкомъ будущемъ не достаточно сильна для того, чтобы создавать себѣ новыя затрудненія во внѣшней политикѣ и что преимущественно относительно Германіи и Италіи ей необходимо держать себя съ крайней осмотрительностью и тактомъ. Впрочемъ, если герцогъ де-Брольи слыветъ за горячаго приверженца клерикализма и вполнѣ оправдываетъ эту репутацію, то нельзя упрекнуть въ томъ же его сотоварища по министерству иностранныхъ дѣлъ. Герцогъ Деказъ—истый политикъ, котораго не особенно глубоко трогаютъ несчастія церкви. Кромѣ того, правительство неоднократно заявляло, что въ отношеніи иностранныхъ державъ оно будетъ слѣдовать политикѣ Тьера, что и подтверждается свидѣтельствомъ самаго безпристрастнаго и компетентнаго судьи въ этомъ дѣлѣ, г. Ланфрэ, бывшаго французскаго уполномоченнаго въ Швейцаріи, вышедшаго въ отставку съ цѣлью стать въ ряды оппозиціи кабинету, въ качествѣ депутата. Въ одной изъ послѣднихъ статей своихъ, помѣщенной въ „Revue des deux mondes", онъ говоритъ, что все извѣстное ему по внѣшней политикѣ правительства можетъ быть признано вполнѣ правильнымъ и осторожнымъ. Къ несчастію, существованіе кабинета находится въ такой зависимости отъ клерикаловъ, что, отстраняя ихъ вмѣшательство въ иностранную политику, онъ вынужденъ предоставлять имъ многое внутри самой страны. Между тѣмъ высшее духовенство во Франціи давно уже ударилось въ крайнее ультрамонтанство и многіе изъ членовъ его отличаются такимъ безграничнымъ усердіемъ, что не хотятъ обращать ни малѣйшаго вниманія на требованія и условія политики. Плодомъ всего этого и явились извѣстныя пастырскія посланія; въ нихъ на голову германскаго императора изливались всѣ потоки оскорбленій: его карали не за бѣдствія, навлеченныя имъ на Францію, а за борьбу съ Римомъ. Извѣстны и послѣдствія этой выходки: гнѣвъ Бисмарка былъ выраженъ публично и громко, вся журналистика заговорила объ немъ, дипломатическія заявленія его были не менѣе энергичны, чѣмъ и вызвавшія ихъ демонстраціи. Главный клерикаль-

ный нашъ органъ „Univers“ пришлось подвергнуть запрещенію, а усердствовавшихъ епископовъ вызвать въ Парижъ.

Мнѣ достовѣрно извѣстно, что самый ярый изъ нихъ, епископъ Нимскій, получивъ отъ кабинета несомнѣнныя доказательства тяжелыхъ и опасныхъ затрудненій, причиненныхъ его поступкомъ, о значеніи котораго слѣдовало подумать раньше, изъявилъ горячее сожалѣніе и обѣщалъ не впадать въ тѣ же ошибки.

Нѣмецкое правительство требовало преслѣдованія одного изъ епископовъ; быть можетъ, оно и по настоящее время еще не взяло своего требованія обратно, такъ какъ лица вполнѣ компетентныя утверждаютъ, что дѣло далеко не улажено. Весьма интересно было бы знать, былъ ли гнѣвъ Бисмарка серьёзный или напускной? Многіе полагаютъ, не безъ основанія, что онъ раздулъ эту исторію и показалъ когти Франціи съ цѣлью ускорить въ рейхстагѣ рѣшеніе военнаго закона. Съ другой стороны, болѣе чѣмъ вѣроятно, что онъ старался вовлечь и другія правительства въ анти-клерикальную политику, а потому очень можетъ быть, что онъ желалъ ослабить оппозицію нѣмецкаго духовенства, оказавшуюся гораздо болѣе энергичною, чѣмъ онъ могъ предвидѣть, доказавъ ему, что ультрамонтанство подвергается всюду гоненіямъ и не можетъ разсчитывать на поддержку извнѣ. Но что бы ни было, наше правительство пережило минуту сильной тревоги, сильной до того, что оно сочло нужнымъ пріостановить торги на продажу стараго оружія, признаннаго военнымъ министерствомъ негоднымъ къ употребленію. Нѣмецкая политика, на мой взглядъ, до того поглощена теперь заботами иного свойства, что мнѣ кажется совершенно невозможнымъ, чтобы кн. Бисмаркъ въ самомъ дѣлѣ задумалъ вывести Францію изъ терпѣнія и принудилъ ее взяться снова за оружіе. Я склоненъ скорѣе вѣрить въ искренность Мольтке, когда онъ говорилъ въ рейхстагѣ, что Германія не желаетъ территоріальныхъ приращеній и была бы отягощена новымъ присоединеніемъ французской провинціи. Однако же есть одинъ очень странный и поразительный фактъ, это—то, что многія нѣмецкія газеты, находящіяся въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ князю-президенту, страшно преувеличиваютъ успѣхи реорганизаціи военныхъ силъ Франціи, какъ относительно численности, такъ и относительно военныхъ припасовъ. Пруссаки обладаютъ вообще такою точностью и имѣютъ такія вѣрныя свѣдѣнія, что непонятно ихъ заблужденіе въ дѣлѣ вооруженія Франціи. Конечно, военная реорганизація сдѣлала у насъ нѣсколько шаговъ впередъ, несмотря на недостатокъ энергіи какъ въ руководящихъ сферахъ, такъ и въ исполнительныхъ, но она еще далеко не достигла той степени развитія, которую нѣмецкія газеты ей умышленно приписываютъ. Быть можетъ, это пре-

увеличеніе есть своего рода давленіе, которое употребляется съ цѣлью склонить германскій парламентъ на сторону требованій фельдмаршала Мольтке.

Въ послѣднее время здѣсь всѣ были живо заинтересованы поѣздкою австрійскаго императора въ С.-Петербургъ, нѣкоторые публицисты дѣлали по поводу ея самыя смѣлыя предположенія. Такъ какъ всегда легко вѣрится въ то, чего желаешь, и тѣмъ легче поддаешься этому искушенію, чѣмъ менѣе подчиняешься разсудку, то и въ настоящемъ случаѣ пренебрегли самымъ естественнымъ объясненіемъ факта и не только перестали видѣть въ немъ простое продолженіе любезностей, которыми еще въ прошедшемъ году обмѣнялись Россія и Австрія, но забыли даже и то, что примиреніе между правительствами послѣдовало при содѣйствіи императора Вильгельма. Посѣщеніе Петербурга Францемъ-Іосифомъ предпочли толковать себѣ иначе, стали усматривать въ немъ намѣреніе отторгнуть Россію отъ союза съ Германіею и освободить одновременно Австрію отъ преобладанія Пруссіи. Не мудрено отгадать дальнѣйшее развитіе этого безпочвеннаго толкованія. Россія и Австрія, отдѣлившись отъ Германіи, неизбѣжно должны сблизиться съ Франціей и образовать съ ней союзъ, который дастъ намъ возможность отплаты. Наше правительство ни на минуту не увлеклось этими фантазіями, въ этомъ должно отдать ему полную справедливость, и правительственные органы не переставали предостерегать публику отъ легкомысленныхъ заблужденій. Очевидно, что свиданіе двухъ императоровъ не измѣнило ничего въ положеніи Франціи относительно остальной Европы. Союзъ трехъ императоровъ продолжаетъ существовать и укрѣпляться, и вліяніе его на западную Европу будетъ выражаться поддержаніемъ *statu quo;* говоря иначе, въ немъ нѣтъ ничего утѣшительнаго для удовлетворенія уязвленнаго самолюбія Франціи. Къ этому убѣжденію, наконецъ пришли всѣ, и одна изъ нашихъ газетъ высказала это недавно въ довольно остроумной формѣ: она говоритъ, что Франціи въ Европѣ предоставленъ полный выборъ союзовъ, подъ условіемъ не нарушать мира и уважать неприкосновенность установившагося порядка вещей, т.-е. не предпринимать ничего и не просить никого ни о чемъ.

Европѣ свойственно желать продленія *statu quo*, и въ предѣлахъ его—союзъ державъ несомнѣнно благопріятенъ для германской имперіи, но ни одинъ трезвый умъ никогда не могъ бы вообразить, чтобы Россія или Австрія имѣли намѣреніе нанести или допустили бы нанести новый ущербъ силамъ Франціи. Намъ косвенно внушаютъ необходимость сидѣть смирно; для всѣхъ тѣхъ, кто понимаетъ, что истинный интересъ Франціи состоитъ въ томъ,

чтобы не заводить никакихъ внѣшнихъ распрей до поры, до времени, это внушеніе не представляется особенно стѣснительнымъ.

Союзъ трехъ императоровъ гарантируетъ дѣйствительно поддержаніе *statu quo* западной Европы, объ этомъ никто спорить не станетъ; но люди компетентные утверждаютъ, что вопросъ этотъ нѣсколько измѣняется относительно Востока. Впрочемъ, почти уже достовѣрно извѣстно, что Австрія, годъ тому назадъ, отклонилась отъ политики Меттерниха и отказалась отъ мысли отстаивать съ прежней энергіей догматъ неприкосновенности оттоманской имперіи. И потому здѣсь считаютъ возможнымъ, что переговоры, которые велись въ Петербургѣ, касались будущихъ судебъ Турціи, и я не стану утверждать, чтобы подобное предположеніе намъ особенно нравилось. Опасаются разрѣшенія этого крупнаго вопроса до того времени, когда Франція займетъ не первенствующее мѣсто, какъ неловко выразился Ладмиро въ рѣчи, которую правительству пришлось опровергнуть, но снова пріобрѣтетъ то положеніе и то вліяніе въ средѣ великихъ державъ, на которыя она имѣетъ законныя права. Судя по нѣкоторымъ слухамъ, исходящимъ изъ дипломатическихъ кружковъ, но которые мнѣ кажутся преждевременными, уже теперь послѣдовало окончательное соглашеніе относительно восточнаго вопроса, развязка котораго такимъ образомъ считается близкой. Говорятъ, что ожидаютъ, для приведенія въ исполненіе выработанныхъ мѣръ, только минуты, когда оттоманская порта окажетъ свою несостоятельность къ дальнѣйшему существованію. Мнѣ не совсѣмъ вѣрится, чтобы дѣло уже зашло такъ далеко, и одна изъ причинъ моего мнѣнія заключается въ томъ, что Англія послѣ двойного кризиса, избирательнаго и правительственнаго, черезъ который она только что прошла, не могла еще успѣть обсудить окончательно и произнести своего приговора касательно столь важнаго вопроса внѣшней политики.

Одинъ изъ тѣхъ людей, которымъ Франція главнымъ образомъ обязана настоящимъ положеніемъ своихъ дѣлъ, министръ „съ неотягченнымъ сердцемъ", объявившій войну 1870 года и предавшій Францію въ руки пруссаковъ, словомъ, Эмиль Олливье собирается на-дняхъ снова обратить на себя вниманіе публики. Избранный въ члены академіи во время бытности своей министромъ, не во имя дѣйствительныхъ заслугъ, а вслѣдствіе простого и некрасиваго подслуживанія и низкопоклонства, Олливье, проживавшій въ Италіи съ самаго начала войны, вернулся недавно въ Парижъ и потребовалъ, на основаніи своихъ правъ, торжественнаго пріема себѣ въ ареопагѣ знаменитостей. Ареопагъ, волей-неволей, развернетъ передъ нимъ двери и объятія въ началѣ марта.

Академія очень смущена и пристыжена, но это ей по дѣломъ;

никого винить она не можетъ за то, что сама избрала въ свои члены, единственно за званіе министра, человѣка, не ознаменовавшаго себя ни на поприщѣ литературы, ни на политической аренѣ, и способности котораго не успѣли еще опредѣлиться. Мы считаемъ настоящимъ признакомъ времени появленіе на сцену этого господина, которому собственное достоинство предписывало послѣ страшныхъ бѣдствій, отвѣтственность за которыя лежитъ на немъ, оставаться въ тѣни до конца дней своихъ. Наглость, съ которою онъ рѣшается привлечь на себя вновь общественное вниманіе, послѣ такого прошлаго, составляетъ также одну изъ характеристическихъ чертъ бонапартизма. Если, не взирая на катастрофу Меца и Седана, Наполеонъ IV находитъ возможнымъ заявлять о своихъ правахъ на престолъ Франціи, то почему же и Олливье не требовать своего мѣста въ академіи? Предметомъ вступительной рѣчи его будетъ похвальное слово Ламартину, корреспонденція котораго въ настоящее время печатается. Это изданіе обѣщаетъ быть очень объемистымъ; оно состоитъ уже изъ трехъ томовъ, между тѣмъ оно обнимаетъ лишь первые и самые крупные успѣхи поэта на политической аренѣ, предшествовавшіе его почетной карьерѣ государственнаго дѣятеля, ибо, конечно, нельзя считать политической карьерой Ламартина годы, проведенные имъ во время реставраціи въ Италіи, въ качествѣ секретаря посольства.

Его политическая роль начинается, собственно говоря, только со вступленіемъ его въ палату депутатовъ во время царствованія Лудовика-Филиппа. Оно повредило поэту, не принеся пользы Франціи; чѣмъ мы далѣе подвигаемся по пути современнаго историческаго развитія, тѣмъ становится яснѣе, что февральская революція, къ числу главныхъ двигателей которой долженъ быть причисленъ, конечно, и Ламартинъ, была событіемъ самаго печальнаго свойства, по крайней мѣрѣ для Франціи. Появившіяся въ печати письма далеко не доходятъ до этого періода. Сильнѣйшій интересъ ихъ заключается въ сообщеніи новыхъ фактовъ для подробнаго изученія людей и событій эпохи реставраціи, и въ разоблаченіи характера самого автора. Къ всеобщему удивленію, юный и вдохновенный Ламартинъ не представляетъ разительной разницы отъ Ламартина въ періодѣ старости и разочарованія. Одна и та же черта поражаетъ особенно въ обоихъ обликахъ: и тотъ, и другой, отличаются суетливостью, и какъ въ томъ, такъ и въ другомъ преобладаютъ самые прозаическіе денежные разсчеты.

Самое крупное литературное явленіе настоящаго момента—новый романъ Виктора Гюго, озаглавленный „*Девяносто-третій годъ*". Сюжетъ его, какъ гласитъ самое названіе, взятъ изъ эпохи первой

революціи и изображаетъ эпизодъ изъ Вандейской войны. Два члена одного и того же семейства, дядя и внучатный племянникъ: маркизъ Лантенакъ и *ci-devant* виконтъ Говэнъ приходятъ въ столкновеніе, находясь въ различныхъ лагеряхъ. Въ концѣ-концовъ, дядя взятъ въ плѣнъ племянникомъ; такъ какъ онъ объявленъ внѣ закона, то и обреченъ гильотинѣ безъ всякаго суда. Но маркизъ Лантенакъ, который въ продолженіе всего романа выставляется, какъ олицетвореніе феодальнаго звѣрства, тронулъ однакожъ сердце племянника, спасши отъ пожара троихъ малютокъ съ опасностью жизни и невзирая на страхъ попасть въ руки враговъ. Молодой республиканскій вождь, пораженный этою чертою самоотверженія, освобождаетъ своего дядю, чѣмъ навлекаетъ на себя кару революціоннаго закона; коммиссаръ комитета общественной безопасности, сопутствовавшій ему въ экспедиціи, въ качествѣ руководителя и наблюдателя, немедленно арестуетъ его. Для усиленія драматическаго интереса повѣствованія, авторъ избралъ коммиссара, котораго онъ окрестилъ именемъ Симурдуэна, изъ среды духовенства: это — бывшій аббатъ и воспитатель юнаго виконта, посвятившій его въ идеи и принципы революціи, словомъ, его „духовный отецъ" во всѣхъ отношеніяхъ. Симурдуэнъ искренно привязанъ къ молодому Говэну, но онъ воплощеніе якобинской суровости и абсолютнаго правосудія. Въ силу этого онъ не болѣе Брута способенъ на милосердіе, и Говэнъ погибаетъ на эшафотѣ; но болѣе доступный нѣжнымъ чувствамъ, чѣмъ Брутъ, Симурдуэнъ застрѣливается въ тотъ же моментъ, когда падаетъ голова его ученика.

Вотъ содержаніе фабулы романа, написаннаго въ тонѣ всѣхъ послѣднихъ сочиненій Виктора Гюго: слогъ его, постоянно чувствительный, принимаетъ мѣстами величественный и даже грандіозный оттѣнокъ; онъ изобилуетъ описаніями, и изъ нихъ нѣкоторыя отличаются дѣйствительной красотой, но всѣ болѣе или менѣе обезображены нагроможденіемъ ничтожныхъ, часто смѣшныхъ, деталей. Въ результатѣ: сотня превосходнѣйшихъ страницъ въ массѣ хлама. Самую неудачную часть романа представляетъ изображеніе, впрочемъ, крайне истасканное въ послѣднее время, Парижа во время революціи и эпизодическая сцена, въ которой выступаютъ *три Титана* или, какъ ихъ иначе называетъ авторъ, *три Цербера* революціи, т.-е. Маратъ, Дантонъ и Робеспьеръ. Наоборотъ, прелестны сцены, посвященныя описанію трехъ дѣтей, которыя затѣмъ появляются въ различныхъ перипетіяхъ дѣйствія и спасителемъ которыхъ въ развязкѣ оказывается маркизъ Лантенакъ.

Дѣти всегда приносили счастье современному „Циклопу" поэзіи и художества.

Н.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КРИТИКА.

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ

по поводу „Замѣчаній“ и вопросовъ профессора Сѣченова.

I.

Между всѣми критиками и рецензентами моей книги „Задачи Психологіи“ [1]) первое мѣсто по авторитету въ научномъ мірѣ безспорно принадлежитъ профессору Сѣченову [2]). Притомъ же онъ отнесся съ особеннымъ интересомъ къ возбужденнымъ психологическимъ вопросамъ. Недовольствуясь опроверженіемъ моихъ взглядовъ, точки отправленія и пріемовъ, проф. Сѣченовъ представилъ, въ особой статьѣ [3]), опытъ научнаго объясненія психическихъ явленій, который, какъ бы кто ни смотрѣлъ на дѣло, не долженъ пройти незамѣченнымъ.

Въ „Замѣчаніяхъ“ проф. Сѣченова на мою книгу излагаются полемическіе доводы противъ философскаго способа изслѣдованія психологическихъ вопросовъ. Проф. Сѣченовъ тоже думаетъ, что психологія наука неустановившаяся; но тѣ предпосылки и тѣ пріемы, которые предлагаются въ моей книжкѣ, не въ состояніи, по его мнѣнію, придать ей характера положительной науки. Исходные мои пункты для отличенія въ человѣкѣ двухъ началъ—психическаго и матеріальнаго—не аксіомы, и требуютъ строгой научной провѣрки. Переходя, при изслѣдованіи психическихъ явленій, сразу отъ конкретныхъ фактовъ къ общимъ началамъ, я впалъ, по мнѣнію критика, въ ту же ошибку, которая погубила всю философію. Что касается до способа разработки психическихъ фактовъ, то я признаю его орудіемъ—психическое зрѣніе, матеріаломъ—проявленіе человѣческаго духа въ наукѣ, промышленности, искусствѣ и проч., методомъ—критическое умозрѣніе. Но особаго психическаго органа для анализа, говоритъ проф. Сѣченовъ, нѣтъ вовсе; историческія проявленія психической жизни не даютъ ключа къ разъясненію психической жизни, да и самъ я не пользуюсь этимъ матеріаломъ, ограничиваясь въ своихъ изслѣ-

---

[1]) Спб. 1872.—Предварительно была напечатана отдѣльными статьями въ «Вѣстн. Евр.“ 1872: янв., февр., мартъ и апрѣль.

[2]) Вѣстн. Евр., нояб. 1872.

[3]) Вѣстн. Евр., апрѣль 1873 г.

дованіяхъ разсмотрѣніемъ обыденныхъ психическихъ фактовъ; критическое умозрѣніе, безъ провѣрочныхъ средствъ, приводитъ или къ ошибочнымъ выводамъ, какъ напримѣръ въ томъ, что̀ я говорю о самопроизвольности, или къ совершеннымъ абсурдамъ, каковы мои заключенія о строеніи души и ея раздвоеніи.

Въ концѣ замѣчаній на мою книгу проф. Сѣченовъ обѣщаетъ, въ свою очередь, попытаться набросить въ общихъ чертахъ планъ разработки психическихъ фактовъ, время для которой, и по его мнѣнію, уже наступило. Обѣщаніе это проф. Сѣченовъ выполнилъ, какъ сказано, въ апрѣлѣ 1873 года. Въ статьѣ, подъ заглавіемъ: „Кому и какъ заниматься психологіей", онъ проводитъ мысль, что разрѣшить психологическія задачи можетъ одна лишь физіологія, и что пристальное изученіе психическихъ явленій и процессовъ открываетъ между ними и рефлексами поразительную аналогію, указывающую на ближайшее между ними сродство. Этимъ всякое другое ихъ объясненіе упраздняется само собою.

Я разсмотрю, послѣдовательно, сперва выставленные проф. Сѣченовымъ аргументы противъ меня, а потомъ его попытку установить, при помощи однихъ физіологическихъ изслѣдованій, начала психологіи, какъ науки.

Что психологія—наука неустановившаяся въ своихъ выводахъ—это не подлежитъ сомнѣнію и съ этимъ, конечно, никто спорить не станетъ. Но въ самомъ началѣ замѣчаній на мою книгу, проф. Сѣченовъ, утверждая то же самое, приводитъ въ подкрѣпленіе такіе аргументы, которые едва ли можно назвать убѣдительными. Никто, по его мнѣнію, не устроиваетъ свою жизнь на основаніи данныхъ, выработанныхъ психологіей; всякій руководствуется психологическими правилами, выработанными обыденной жизнью, безъ провѣрки ихъ наукой. Это одинъ аргументъ. Другой, не болѣе убѣдительный, тотъ, что еслибъ психологи жили по научному, то результаты ихъ образа жизни давно бы проникли въ публику, подобно тому, какъ въ нее проникаютъ свѣдѣнія, выработываемыя гигіеной и діэтетикой. Наконецъ, третій аргументъ: психологи разныхъ школъ имѣютъ совершенно различныя мнѣнія объ одномъ и томъ же психологическомъ предметѣ, а физики всѣхъ странъ согласны между собою относительно звука, свѣта, электричества.

Я думаю, что въ основаніи всей этой аргументаціи лежитъ цѣлый рядъ недоразумѣній. Тотъ или другой взглядъ на психологическіе предметы совершенно иначе рѣшаетъ важнѣйшіе вопросы уголовной практики и науки воспитанія. Каждый изъ насъ, и безъ сомнѣнія самъ проф. Сѣченовъ, знаетъ по собственному опыту, что такое или другое рѣшеніе множества психологическихъ вопросовъ

имѣетъ огромное вліяніе на нашу практическую дѣятельность и ежедневную жизнь, никакъ не менѣе правилъ гигіены и діэтетики. Что же касается до разногласія психологовъ въ объясненіи психическихъ фактовъ, то оно, правда, не меньше, но, конечно, и не больше разногласія между геологами, химиками и физіологами. Собственно о психическихъ фактахъ нѣтъ или почти нѣтъ спора, какъ между учеными по части естествознанія.

Впрочемъ, эти недоразумѣнія не имѣютъ прямого отношенія къ полемикѣ проф. Сѣченова противъ меня, и потому я не буду на нихъ останавливаться. Перехожу къ его возраженіямъ.

Первый пунктъ. Проф. Сѣченовъ находитъ, что исходные пункты для отличенія въ человѣкѣ двухъ началъ, психическаго и матеріальнаго, не провѣрены у меня строго научнымъ образомъ. Главнѣйшими изъ такихъ исходныхъ пунктовъ критикъ признаетъ слѣдующіе: 1) различеніе въ сознаніи чисто психическихъ актовъ отъ впечатлѣній отъ собственнаго тѣла; 2) сознаніе духовной свободы по отношенію къ мыслямъ и чувствамъ, и 3) сознаніе духовной свободы по отношенію къ поступкамъ. Кромѣ того, проф. Сѣченовъ насчитываетъ въ моей книжкѣ нѣсколько второстепенныхъ доводовъ въ доказательство существованія двухъ началъ въ человѣкѣ. Тѣ и другіе онъ подвергаетъ критикѣ и находитъ ихъ недостаточными.

Если имѣть въ виду одни сознаваемыя отличія психическихъ фактовъ отъ матеріальныхъ, то эти отличія будутъ, по его мнѣнію, продуктами одного лишь собственнаго самосознанія человѣка. На чемъ же основана увѣренность, что всѣ люди сознаютъ эти различія одинаковымъ образомъ? Вотъ на чемъ: 1) на словесныхъ показаніяхъ людей, что внѣшнее впечатлѣніе выражается въ сознаніи болѣе рѣзкими признаками, чѣмъ представленія о тѣхъ же впечатлѣніяхъ; 2) на томъ, что реакціи на реальныя впечатлѣнія и на ихъ воспроизведеніе въ формѣ представленія различны (напримѣръ, когда *вижу* камень, который нравится, я наклонюсь чтобъ его поднять; когда же *представляю* себѣ тотъ же камень, то не дѣлаю такого движенія); и 3) на сравненіи условій происхожденія того и другого акта, изъ котораго выводится, что реальное впечатлѣніе предполагаетъ реальный объектъ, который его производитъ, а представленіе его не предполагаетъ. Послѣднее, впрочемъ, скорѣе доказываетъ, что различіе очень слабо, когда его надо доказывать и выводить.

Г. Сѣченовъ находитъ, что приведеннымъ повѣрочнымъ фактамъ для отличенія впечатлѣнія отъ представленія довѣряться нельзя. Единственное сознаваемое различіе между реальнымъ впечатлѣніемъ и его воспроизведеніемъ есть яркость ощущенія. Но это такой субъективный признакъ, который не подлежитъ повѣркѣ и ничего не дока-

зываетъ. Точно также и разница реакцій на реальныя впечатлѣнія и ихъ воспроизведеніе. У иныхъ реакціи на послѣднія ничѣмъ не отличаются отъ реакцій на первыя. Стало быть, различіе впечатлѣній и представленій покоится на одномъ самосознаніи, на которое нельзя безусловно полагаться въ научномъ изслѣдованіи.

Что касается сознанія человѣка о своей духовной свободѣ по отношенію къ своимъ чувствамъ и мыслямъ, то я же самъ признаю, что есть и противоположное мнѣніе, отрицающее эту свободу. Стало быть и этотъ пунктъ шатокъ.

Это противоположное мнѣніе довольно подробно изложено проф. Сѣченовымъ въ концѣ его замѣчаній. Для связнаго обозрѣнія его аргументаціи я представлю его здѣсь.

Профессоръ Сѣченовъ не признаетъ свободнаго отношенія человѣка къ мыслямъ и чувствамъ. Человѣкъ можетъ, по его мнѣнію, вызывать по произволу представленія или мысли сравнительно въ очень скромныхъ размѣрахъ, преимущественно тѣ, которыя стоятъ въ болѣе или менѣе близкой связи съ мыслями, занимавшими его передъ тѣмъ. Но даже и эта ограниченная власть есть мнимая. Данный мотивъ вызываетъ къ сознанію ассоціированныя представленія. Пока ассоціація не исчерпана, мы какъ будто легко, по произволу, вызываемъ ихъ; а разъ она исчерпана, мы, несмотря на силу мотива, продолжающаго дѣйствовать, затрудняемся. Но въ обыденной жизни мотивъ всегда опредѣляется занятіями данной минуты, или обстоятельствами, дѣлами и проч. Мы придумываемъ, усиливаемся что-нибудь вспомнить для какого-нибудь дѣла, иначе были бы сумасшедшими. Наконецъ, результатъ этихъ усилій чисто случайный: иногда онъ имъ соотвѣтствуетъ, иногда появляется, когда усиліе прекратилось. Самый процессъ отыскиванія представленія или мысли, припоминаніе, есть, очевидно, реальный, но весьма темный актъ, въ которомъ мы отличаемъ съ нѣкоторою ясностью только два пункта: 1) сознаніе перерыва ассоціаціи, и 2) желаніе вернуть утраченное. Но ни въ томъ, ни въ другомъ нѣтъ ничего произвольнаго. Съ другой стороны, мы не въ силахъ подавить въ себѣ мысль непосредственно. Значитъ, и въ отрицательномъ смыслѣ, свободы по отношенію къ представленіямъ и мыслямъ не существуетъ. Только благодаря тому, что человѣкъ не имѣетъ надъ мыслями никакой власти, мышленіе и получаетъ характеръ непрерывной цѣпи, звенья которой послѣдовательно вытекаютъ другъ изъ друга.

Всѣ эти соображенія вполнѣ прилагаются и къ чувствамъ.

Наконецъ, что касается свободы надъ поступками, то профессоръ Сѣченовъ не касается этого предмета въ своихъ замѣчаніяхъ на мою книжку, но за то подробно анализируетъ самопроизвольность

дѣйствій въ своей статьѣ: „Кому и какъ разрабатывать психологію“. Я разберу этотъ анализъ въ своемъ мѣстѣ, здѣсь же представлю, только для связи, главнѣйшіе его результаты. Психологическія ученія о волѣ, по мнѣнію профессора Сѣченова, предполагаютъ, что заучиваніе (въ зрѣломъ возрастѣ) движеній совершается подъ вліяніемъ сознаваемыхъ разумныхъ цѣлей, а успѣхъ зависитъ отъ доброй воли дѣйствующаго; что воля всегда властна пускать въ ходъ всѣ извѣстныя дѣйствующему формы движеній; что воля не есть безличный агентъ, только распоряжающійся движеніемъ, а дѣятельная сторона разума и моральнаго чувства. Физіологическія изслѣдованія приводятъ критика къ заключенію, что всякое произвольное движеніе есть заученное подъ вліяніемъ условій, создаваемыхъ жизнью; что воля можетъ только вызывать, прекращать, усиливать или ослаблять движенія привычныя; что чѣмъ движеніе привычнѣе, тѣмъ внѣшніе къ нему импульсы неуловимѣе; а неуловимость импульса и есть характеристическая черта произвольныхъ движеній.

Затѣмъ, въ перенесеніи дѣйствующимъ лицомъ внѣшняго импульса къ поступку на самого себя, на *я*, ученый критикъ видитъ ошибочное объясненіе дѣйствительныхъ фактовъ, и подробно слѣдитъ за тѣмъ, какъ эта ошибка появляется сперва въ дѣтствѣ и потомъ незамѣтно укореняется въ сознаніи въ зрѣломъ возрастѣ.

Разсмотрѣвъ главные мои доводы къ различенію въ человѣкѣ двухъ началъ, психическаго и матеріальнаго, профессоръ Сѣченовъ переходитъ къ разбору моей критики матеріализма, изъ которой у меня вытекаетъ выводъ, что душа есть отличное отъ тѣла, самостоятельное, самодѣятельное и свободное начало.

Прежде всего профессоръ Сѣченовъ рѣшительно отрицаетъ, будто бы современные физіологи стараются объяснить духовную дѣятельность человѣка изъ матеріальнаго начала. Физіологъ знаетъ, говоритъ г. Сѣченовъ, „что вся существенная сторона нервной, т.-е. соматической дѣятельности, стоящей наиболѣе близко къ психической жизни, не выяснена даже на столько, чтобъ сказать, какой изъ извѣстныхъ физическихъ дѣятелей играетъ существенную роль въ нервномъ актѣ“. „Психическія явленія,—говоритъ далѣе критикъ—составляютъ для натуралистовъ несравненно бо́льшую загадку, чѣмъ для гуманистовъ“.

Противъ отрицанія самостоятельности и самодѣятельности души на томъ основаніи, что психическая жизнь возможна только при цѣлости мозга и нервовъ, я привожу, что растенія и животныя тоже вполнѣ зависятъ отъ окружающей среды, но имѣютъ же свою долю самобытности и самодѣятельности. Профессоръ Сѣченовъ замѣчаетъ, что если подъ самобытностью разумѣть самостоятельность, то я про-

тиворѣчу себѣ, утверждая въ одно время и то, что организмы самостоятельны, и то, что они вполнѣ зависятъ отъ окружающей среды. „Что же касается до самодѣятельности,—продолжаетъ критикъ,—то подъ этимъ нельзя разумѣть ничего иного, кромѣ способности развивать изъ самого себя, независимо отъ окружающей среды, какую-нибудь дѣятельность". Но въ отношеніи животнаго, наука строго доказываетъ, что оно не творитъ силъ; а всякая дѣятельность предполагаетъ силу.

Повтореніе той же ошибочной мысли профессоръ Сѣченовъ находитъ у меня и въ другомъ мѣстѣ, по поводу сравненія души съ животными и растеніями, гдѣ я будто бы утверждаю, что въ растительные и животные организмы привходятъ чуждые имъ *по природѣ* воздухъ и минеральныя вещества. Это недоразумѣніе. Я никогда не утверждалъ, что воздухъ и минеральныя вещества чужды физическимъ организмамъ „по природѣ". Въ этомъ можно удостовѣриться, справившись съ стр. 31 „Задачъ Психологіи", на которую профессоръ Сѣченовъ ссылается.

Изъ того, что представленія не суть фотографическіе оттиски внѣшнихъ впечатлѣній, я вывожу, что душа самодѣятельна. Профессоръ Сѣченовъ примѣрами изъ физики доказываетъ, что „своеобразность результирующихъ явленій и ихъ отличіе отъ производящихъ, нисколько не указываетъ еще на различіе между тѣми и другими *по существу*". О созданіяхъ воображенія, не похожихъ на дѣйствительныя существа, критикъ замѣчаетъ, что они представляютъ „небывалые въ мірѣ сочетанія *бывалыхъ* впечатлѣній". Самостоятельное творчество души было бы, по его мнѣнію, доказано, еслибъ человѣкъ могъ творить сочетанія, въ которыхъ былъ бы, по крайней мѣрѣ, хоть одинъ *дѣйствительно неземной* элементъ".

Я ссылаюсь (стр. 28) на Вундта въ подтвержденіе мысли, что наши представленія о внѣшнихъ впечатлѣніяхъ—результатъ сложной психической работы, а не непосредственные ихъ оттиски. Профессоръ Сѣченовъ удостовѣряетъ, что въ книгѣ Вундта есть указаніе на несомнѣнную связь между организаціей глаза и уха съ одной стороны, и нѣкоторыми качествами зрительныхъ и слуховыхъ ощущеній съ другой.

Я привожу противъ мысли, что душа животныхъ заключаетъ въ себѣ зачатки всѣхъ душевныхъ способностей человѣка, тотъ общеизвѣстный фактъ, что у животныхъ нѣтъ и намека на способность изваять статую, нарисовать картину, написать письмо и проч. Профессоръ Сѣченовъ замѣчаетъ, что, во-первыхъ, еслибъ разложить каждую изъ этихъ способностей на составные элементы и затѣмъ уменьшить каждый изъ послѣднихъ въ милліоны разъ, то можетъ быть

зачатки этихъ элементарныхъ способностей оказались бы на лицо и у животныхъ. По крайней мѣрѣ данныя въ пользу присутствія эстетическаго чувства у нѣкоторыхъ животныхъ есть. Притомъ, и я не отказываю животнымъ въ умѣ; а критикъ полагаетъ, „что для рисованія, черченья и писанья едва ли что нужно съ психической стороны, кромѣ развитаго до человѣческой степени ума и эстетическаго чувства".

Вотъ всѣ доводы проф. Сѣченова противъ моей аргументаціи въ пользу особаго самостоятельнаго и самодѣятельнаго психическаго начала. Въ тѣсной связи съ этимъ находятся и замѣчанія.

По *второму пункту*,—о томъ, будто бы я перехожу сразу отъ конкретныхъ фактовъ къ общимъ началамъ. Профессоръ Сѣченовъ сильно нападаетъ на меня за попытку объяснять конкретные факты общими началами. Философскія системы погибли, по его мнѣнію, не оттого только, что силились вывести весь міръ изъ какого-нибудь одного начала, но еще и оттого, что считали вообще возможнымъ объяснить что бы то ни было общимъ началомъ. (Была, впрочемъ, какъ видно изъ послѣдующаго, и третья причина). Естественныя науки тоже признаютъ общее начало—матерію, и переносятъ на нее общія свойства, выработанныя изученіемъ конкретныхъ явленій, не забывая, однако, ни на минуту, что эти свойства не болѣе, какъ отвлеченіе отъ реальныхъ фактовъ, которые представляются ежеминутно, тогда какъ за общимъ понятіемъ матеріи скрывается чисто логическое отвлеченіе и выводъ изъ противоположенія матеріальнаго пространствамъ, не наполненнымъ веществомъ. Общія свойства матеріи осязательны, если ихъ отнести къ конкретной матеріальной формѣ; въ приложеніи же къ родовому понятію они становятся необходимыми ея аттрибутами только въ силу логическаго мышленія. Вотъ почему въ естественныхъ наукахъ нѣтъ ни одного объясненія, вывода, открытія, которое выходило бы изъ представленія о матеріи, какъ общемъ началѣ. Натуралистъ опирается постоянно на общія свойства матеріи, такъ какъ въ ихъ основѣ лежатъ матеріальные факты или отношенія. Матерія, какъ общее начало, представляетъ идеальную точку, въ сторону которой направлены усилія натуралистовъ; но они идутъ къ ней, руководствуясь не ею, а ближайшими точками новыхъ горизонтовъ, которые раскрываются передъ наукою. Я же, вмѣстѣ съ философами прежняго закала, стараюсь объяснять факты необъяснимымъ, которое можетъ служить общимъ началомъ, даже служить путеводной звѣздой въ изысканіяхъ, но не можетъ ничего объяснять. Поступать такъ, значитъ приниматься за вещь не съ начала, а съ конца.

Въ этой массѣ контръ-аргументовъ, выставленныхъ проф. Сѣ-

ченовымъ противъ основныхъ моихъ выводовъ, я могу разглядѣть только одно капитальное возраженіе; всѣ прочія или къ нему сводятся или—плодъ недоразумѣній, которыми, какъ извѣстно, преисполнена русская земля. Недоразумѣніе—это наша специфическая болѣзнь. Отчего она происходитъ, я ужъ не знаю. Въ настоящемъ случаѣ я позволю себѣ обвинять проф. Сѣченова. Читая мою книжку, онъ почему-то представилъ себѣ, что я поставилъ себѣ задачею подогрѣть нѣмецкія философскія доктрины, давно поблекшія, и возражаетъ противъ философскаго идеализма, въ увѣренности, что попадаетъ въ меня. Какъ это сдѣлалось? Мнѣ кажется очень просто. Критикъ не далъ себѣ труда внимательно прочесть мою книжку. Иначе я не могу объяснить себѣ, какимъ образомъ онъ могъ приписать мнѣ то, чего я не говорилъ и чего не думаю,—даже то, противъ чего я полемизирую. Доказательства на лицо. Гдѣ же и когда выдавалъ я отвлеченныя начала за способъ объясненія конкретныхъ явленій? Кто прочелъ, хотя бѣгло, главы о процессахъ мышленія, о произвольной дѣятельности и заключеніе, тотъ меня въ этомъ не упрекнетъ.

Откуда взялъ проф. Сѣченовъ, что я предполагаю, будто созданія нашего воображенія представляютъ сочетанія *небывалыхъ* фактовъ? Какъ онъ могъ придти къ заключенію, что самостоятельность творчества можетъ мнѣ представляться въ смыслѣ введенія въ созданіе неземныхъ элементовъ? Какъ могъ проф. Сѣченовъ приписать мнѣ желаніе доказывать различіе матеріальныхъ и психическихъ явленій *по существу* и вообще изслѣдовать существо, природу чего бы то ни было? Когда какой-нибудь анонимный критикъ приписываетъ вашъ взглядъ на психическія явленія тому, что вы оплакиваете отмѣну крѣпостного права или что у васъ двоится въ глазахъ, на это можно не отвѣчать; но нельзя молчать, когда такой серьёзный и почтенный ученый, какъ проф. Сѣченовъ, опровергаетъ, подъ видомъ вашихъ, чужія мысли; нельзя потому, что чрезъ это читатель, готовый повѣрить ему на слово, вводится въ заблужденіе и получаетъ о книгѣ совершенно превратное понятіе.

Критикъ упрекаетъ меня въ такомъ же перетолкованіи его мыслей. По его мнѣнію, я впадаю въ большую ошибку, приписывая ему полное отождествленіе психическихъ фактовъ съ рефлексами. Но, во-первыхъ, я нигдѣ, ни малѣйшимъ намекомъ, не связываю такого отождествленія съ книгой или именемъ проф. Сѣченова, который точно также, какъ Локкъ, Дарвинъ или другой ученый, не могутъ отвѣчать за всѣ выводы, сдѣланные изъ ихъ изслѣдованій; а, во-вторыхъ, я думаю, и ниже постараюсь доказать, что заключеніе, выведенное мною изъ ученія о рефлексахъ головного мозга, гораздо

ближе подходитъ къ смыслу этого ученія, чѣмъ къ моимъ взглядамъ тѣ мысли, которыя мнѣ приписываетъ проф. Сѣченовъ.

Въ серьёзной ученой полемикѣ,—а другой между проф. Сѣченовымъ и мною и быть не можетъ,—особенно было бы желательно по возможности устранить недоразумѣнія, только путающія дѣло, тѣмъ болѣе, что и безъ нихъ между нашими взглядами есть капитальное различіе, которое необходимо выяснить и разрѣшить въ томъ или другомъ смыслѣ. Это различіе и вызвавшее, какъ я полагаю, проф. Сѣченова на споръ и на систематическое изложеніе своихъ воззрѣній, есть вопросъ о сознаніи и самосознаніи и самопроизвольности или о волѣ. При настоящемъ состояніи научнаго знанія, не отыскиваніе и объясненіе сущностей, не противоположеніе психическаго матеріальному, не значеніе логическихъ отвлеченій можетъ быть предметомъ изслѣдованій и разногласій въ области психологіи. Всѣ эти вопросы уже разъяснены болѣе или менѣе удовлетворительно и отодвинулись на второй планъ. Мѣсто ихъ заступилъ другой вопросъ, ждущій своей очереди—вопросъ о сознаніи и волѣ. Пока онъ не рѣшенъ, мракъ и путаница будутъ господствовать въ психологіи и тѣсно съ ними связанныхъ отдѣлахъ знанія и практической дѣятельности. По моему глубокому убѣжденію, которое вѣроятно раздѣляютъ многіе, вопросъ этотъ есть теперь главный, господствующій надъ всѣми въ психологіи и къ которому всѣ они сводятся. Что такое сознаніе? Можемъ ли мы направлять свою психическую и внѣшнюю дѣятельность по произволу или не можемъ, и если можемъ, то въ какой мѣрѣ и въ какихъ границахъ? Отъ такого или другого рѣшенія этого основного вопроса зависитъ тотъ или другой взглядъ на творчество, на умственные процессы, на отвѣтственность, вмѣняемость и заслугу, на добро и зло, на воспитаніе, вообще на нравственные элементы жизни и дѣятельности человѣческихъ единицъ, изъ которыхъ слагаются человѣческія общества. Вопросъ этотъ съ каждымъ днемъ выдвигается впередъ съ бо́льшею и бо́льшею настойчивостью. Его выводитъ на первый планъ не одна любознательность, не одинъ научный интересъ, но и ежедневная практическая жизнь. Меня именно этотъ вопросъ особенно занималъ, когда я писалъ „Задачи Психологіи". Изъ-за него я рѣшился выступить передъ публикой съ психологической работой, къ разрѣшенію его она направлена, онъ и навелъ меня на всѣ мои психологическіе выводы. На немъ до того сосредоточились всѣ мои помыслы, что все остальное, что ни дѣлалось по психологіи, казалось мнѣ сравнительно незначительнымъ и неважнымъ. За это я и получилъ заслуженный упрекъ со стороны критики. Но сознавая всю его справедливость, я и теперь остаюсь при убѣжденіи, что надъ всѣми психологическими вопросами и за-

дачами царитъ въ наше время вопросъ о сознаніи и самосознаніи, о самопроизвольности, самодѣятельности, о свободной личной иниціативѣ человѣка.

Вопросъ этотъ, какъ онъ мало-по-малу выясняется, становится роковымъ въ наше время. Философія и положительное знаніе не могли до сихъ поръ, несмотря на всѣ усилія, отыскать научнаго его основанія. Стало быть, ни сознанія, ни свободной воли нѣтъ, представленіе о нихъ есть иллюзія? Но попробуемъ остановиться на этомъ выводѣ: придется, идя послѣдовательно, отрицать, какъ самообольщеніе, весь міръ нравственныхъ идей и представленій. Это тоже оказывается невозможнымъ, потому что мы такимъ образомъ пришли бы къ тысячѣ логическихъ и практическихъ нелѣпостей. Такимъ образомъ, мысль находится теперь въ безвыходномъ положеніи. Съ одной стороны, передъ нами наука, съ ея неотразимой аргументаціей, съ другой—логическая и практическая невозможность принять ея окончательные выводы и ихъ неизбѣжныя послѣдствія.

До сихъ поръ мы не придавали особеннаго значенія этой дилеммѣ, не замѣчали или старались не замѣтить противорѣчія, котораго крайніе термины, исключая другъ друга, уживались какъ-то мирно и спокойно въ нашей головѣ. Но съ каждымъ днемъ становится очевиднѣе, что отыгрываться и отшучиваться отъ роковой дилеммы дальше нельзя, что съ нею жить невозможно, не разрѣшивъ ее научнымъ путемъ.

Къ вопросу о сознаніи и самодѣятельности и приводится, какъ я сказалъ, капитальное различіе между взглядами проф. Сѣченова и моими. Все остальное, въ чемъ мы расходимся, не существенно, не важно, и если онъ думаетъ иначе, то это съ его стороны, повторяю—чистое недоразумѣніе. Идя путемъ естествознанія, проф. Сѣченовъ не находитъ сознанія и самодѣятельности; я пытаюсь, идя другимъ путемъ, найти ихъ. За это мой ученый критикъ причисляетъ меня къ философамъ стараго закала. Но онъ ошибается. Философы стараго закала отъ меня отрекаются; да притомъ, идя дорогой, проторенной философами стараго закала, точно также нельзя открыть научныхъ основаній сознанія и личной инціативы, какъ и слѣдуя торной дорогой естествознанія.

Отношеніе проф. Сѣченова и мое къ вопросу о сознаніи, самодѣятельности и свободѣ, какъ я его понимаю, вотъ какое: я, по роду своихъ занятій, а можетъ быть и по складу ума, имѣлъ больше поводовъ пристально вглядываться въ вопіющія несообразности отрицанія ихъ въ человѣкѣ; для него, по роду его занятій, напротивъ, съ особенною яркостью оттѣнилась глубокая зависимость психическихъ явленій отъ матеріальныхъ условій. Вслѣдствіе этого, каждый изъ насъ, вѣроятно, что-нибудь просмотрѣлъ, до чего-нибудь не до-

думался, увлекшись тѣмъ, что ему кажется особенно убѣдительнымъ и несомнѣннымъ. Намъ остается теперь, строго держась на научной почвѣ, провѣрить пути и выводы, которыми каждый изъ насъ пришелъ къ своему заключенію.

Послѣ этого общаго замѣчанія, перехожу къ разбору только тѣхъ возраженій проф. Сѣченова, которыя вызваны существеннымъ различіемъ нашихъ взглядовъ. Прочія я пропущу мимо.

Проф. Сѣченовъ старается доказать, что сознаваемыя различія психическихъ и матеріальныхъ фактовъ, или представленій и впечатлѣній, какъ основанныя на одномъ самознаніи (т.-е. сознаніи), не имѣютъ характера достовѣрности, потому что ничѣмъ не могутъ быть провѣрены. Различіе это сводится только къ степени ихъ яркости. Пускаясь въ такую аргументацію, проф. Сѣченовъ подымаетъ старые вопросы, давнымъ-давно рѣшенные и играетъ въ опасную игру. Думая опровергнуть меня, онъ подкапывается подъ самыя основанія научнаго знанія вообще.

Начать съ того, что критикъ, совершенно произвольно и ошибочно, сводитъ различіе матеріальныхъ и психическихъ фактовъ на различіе впечатлѣній и представленій о матеріальныхъ впечатлѣніяхъ. Есть тысячи представленій о впечатлѣніяхъ психическихъ, неимѣющихъ съ матеріальными впечатлѣніями ничего общаго. Когда я говорю: „я знаю", „я думаю", „у меня есть сознаніе", все это—представленіе о впечатлѣніяхъ психическихъ, а не матеріальныхъ. Стало быть, если даже допустить, что впечатлѣніе матеріальныхъ фактовъ и представленія о тѣхъ же самыхъ фактахъ, различаются между собою только степенью яркости, то этого никакъ нельзя сказать о впечатлѣніяхъ психическихъ фактовъ, которымъ нѣтъ подобныхъ въ мірѣ внѣшнихъ впечатлѣній, и которыя проф. Сѣченовъ совершенно опускаетъ изъ виду.

Но станемъ на почву, которую критикъ выбралъ, какъ самую для себя удобную. Сравнимъ, по его приглашенію, впечатлѣніе матеріальнаго факта и представленіе о томъ же самомъ фактѣ. *По существу*, впечатлѣніе и представленіе будутъ совершенно одинаковы, и все ихъ различіе ограничится только степенью яркости. Но кто хоть бѣгло прочиталъ „Задачи Психологіи", тому извѣстно, что я и не думалъ оспаривать, не думалъ доказывать, что внѣшнее впечатлѣніе и представленіе объ этомъ впечатлѣніи различны *по существу*.. Я стоялъ и теперь стою только на томъ, что непосредственное внѣшнее впечатлѣніе, въ то время какъ мы его получаемъ, объясняется дѣйствіемъ на насъ внѣшняго предмета; напротивъ, представленіе о предметѣ, возникая въ насъ и въ то время, когда этотъ предметъ не дѣйствуетъ на наши внѣшнія чувства, доказываетъ нашу психическую способность воспроизводить впечатлѣніе безъ помощи непосредствен-

наго дѣйствія предмета на наши чувства. Другими словами, я указываю на психическое воспроизведеніе (или репродукцію), какъ на психическій фактъ, въ противоположность непосредственному дѣйствію внѣшняго предмета на наши чувства, результатомъ котораго является внѣшнее впечатлѣніе. Проф. Сѣченовъ можетъ не соглашаться съ послѣдствіями, которыя я вывожу изъ этого различія, но отрицать его едва ли онъ можетъ. А для меня вся сила именно въ этомъ, а вовсе не въ различеніи впечатлѣнія и представленія *по существу*, какъ онъ старается доказать.

Далѣе, проф. Сѣченовъ утверждаетъ совершенно согласно съ Тэномъ, что различить впечатлѣніе отъ представленія мы можемъ только при помощи изслѣдованія ихъ происхожденія. Это, по его мнѣнію, говоритъ въ пользу ихъ сходства, а не различія. Истина неоспоримая, но изъ которой въ нашемъ спорѣ нельзя сдѣлать никакого полезнаго употребленія, такъ какъ я и не думалъ доказывать ихъ различіе по существу. Ужъ если кто можетъ опереться на этотъ аргументъ, то, конечно, я, а не мой критикъ. Мнѣ, для моихъ цѣлей, нужно доказать, что внѣшнее впечатлѣніе и представленіе отличаются другъ отъ друга способомъ непосредственнаго своего происхожденія, и оказывается, что точная повѣрка вполнѣ это подтверждаетъ. А мнѣ больше ничего и не нужно.

Но главная цѣль всей этой аргументаціи противъ меня заключается въ томъ, чтобы ослабить довѣріе къ голосу сознанія. Еслибъ это удалось проф. Сѣченову, то онъ, неожиданно для самого себя, какъ новый Самсонъ, разрушилъ бы храмъ положительнаго знанія, которое противъ меня отстаиваетъ, и похоронилъ бы себя подъ его развалинами. Сознаніе есть первое и послѣднее условіе всякой науки, и положительной, и неположительной. Безъ сознанія—ея нѣтъ и быть не можетъ. Волей-неволей, мы вынуждены принять его за послѣдній критерій научной истины. Сознаніе есть почва, на которой происходитъ все умственное движеніе человѣка; отнимите его — и оно дѣлается немыслимымъ. Поэтому, ратовать противъ сознанія, предостерегать противъ внушеній его голоса, есть одна изъ величайшихъ и удивительнѣйшихъ странностей. Можно предостерегать противъ слишкомъ поспѣшныхъ заключеній, противъ выводовъ, недостаточно провѣренныхъ, противъ увлеченій любимыми мыслями—все это понятно. Но сказать: не довѣряй голосу сознанія! Я бы хотѣлъ знать, какимъ образомъ проф. Сѣченовъ открылъ въ головномъ мозгу аппараты, задерживающіе рефлексы и открылъ аналогію между механизмомъ рефлексовъ и психическихъ отправленій, помимо голоса сознанія?

Къ этому предмету я буду имѣть случай возвратиться еще не разъ, разбирая возраженія проф. Сѣченова и его собственные выводы.

Систематическое полное исключенie сознанiя изъ круга изслѣдованiй, увѣренность, что безъ него можно обойтись при объясненiи психическихъ явленiй, есть ахиллесова пята у почтеннаго ученаго, главный источникъ его ошибочныхъ воззрѣнiй на психическую жизнь, главная причина безплодности его выводовъ для психологiи.

Непосредственную власть человѣка надъ своими мыслями (такую же власть надъ чувствами я никогда не доказывалъ) проф. Сѣченовъ старается опровергнуть тѣмъ, что мы вызываемъ въ себѣ ту или другую мысль подъ влiянiемъ мотива, а въ обыденной жизни мотивъ опредѣляется обстановкой, занятiями, иными словами—возбуждается извнѣ. Рядомъ съ этой главной нотой идутъ, переплетаясь съ нею, разныя фiоритуры, цѣль которыхъ показать, что творческiй актъ мысли вполнѣ зависитъ отъ условiй, не имѣющихъ съ волею ничего общаго. Наша власть вызывать мысли по произволу очень ограничена; гдѣ ассоцiацiя идей прекращается, тамъ мы крайне затруднены вызывать ихъ по произволу; припоминанiе—процессъ очень темный, но чтó мы въ немъ различаемъ, объясняется помимо произвольности; результатъ напряженiя нашей воли относительно мыслей не зависитъ отъ насъ; подавить въ себѣ мысль непосредственно мы не можемъ. Въ заключенiе выводится, что мышленiе только потому и имѣетъ характеръ непрерывной цѣпи, что человѣкъ вовсе не властенъ надъ мыслями.

Ошибка, лежащая въ основанiи всѣхъ этихъ соображенiй, заключается въ томъ, что критикъ смѣшиваетъ вещи совершенно различныя. Я нигдѣ не доказывалъ, что человѣкъ имѣетъ надъ своими мыслями безусловную власть. Тѣмъ, что психическiе элементы находятся въ тѣснѣйшей зависимости отъ матерiальныхъ,—а объ этомъ я говорю чуть не на каждой страницѣ,—уже опредѣляется невозможность такой безусловной власти и зависимость нашихъ отношенiй къ мыслямъ отъ разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, въ томъ числѣ отъ состоянiя нашего организма. Точно также я никогда и не думалъ доказывать, что всѣ люди имѣютъ власть надъ своими мыслями; охотно допускаю, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ появленiе мыслей, даже въ головахъ развитыхъ и думающихъ людей, происходитъ вслѣдствiе мотивовъ, вызванныхъ внѣшними толчками. Наконецъ, я не только никогда не оспаривалъ, что психическiе процессы, совершаясь на матерiальной подкладкѣ, имѣютъ и реальный характеръ, но даже допускаю предположенiе, что различные психическiе процессы локализированы въ мозгу, и высказываю увѣренность, что ближайшiя изслѣдованiя мозга и нервовъ, современемъ, дадутъ возможность, по состоянiю этихъ органовъ, заключать о происходившихъ въ нихъ психическихъ явленiяхъ. Недавнiе опыты и наблюденiя Фурнье и Феретти, извѣстные мнѣ, къ сожалѣнiю, только по газет-

нымъ извѣстіямъ, какъ будто подтверждаютъ эти мысли. Но вовсе не въ этомъ дѣло. Вопросъ, поставленный въ „Задачахъ Психологіи" и на который проф. Сѣченовъ не отвѣчаетъ прямыми аргументами, состоитъ въ томъ: имѣетъ ли человѣкъ способность, находясь въ нормальномъ состояніи и когда никакія внѣшнія обстоятельства не мѣшаютъ, вызывать въ себѣ по произволу тѣ мысли и представленія, которыя уже находятся или находились въ его головѣ и не изгладились вовсе изъ его памяти? Я говорю, что онъ имѣетъ эту способность, и ссылаюсь на опытъ, который каждый можетъ, когда ему вздумается, повторить надъ собой. Еслибъ этой способности у человѣка не было, на какомъ основаніи, спрашивается, называли бы мы ненормальными или невполнѣ нормальными тѣ душевныя состоянія, когда человѣкъ не способенъ дѣлать надъ собой такихъ опытовъ, когда онъ, по разнымъ причинамъ, не владѣетъ свободно своими мыслями? Откуда бы взялось, напримѣръ, различеніе пьянаго, сумасшедшаго, ипохондрика или сильно-возбужденнаго страстью отъ здравомыслящаго человѣка?

Мнѣ, можетъ быть, возразятъ, что опытъ, который я предлагаю, и есть уже мотивъ, вызванный внѣшними обстоятельствами, въ настоящемъ случаѣ споромъ. Но между мотивомъ, необходимо вызывающимъ извѣстную мысль и мотивомъ, побуждающимъ насъ привести себя въ такое психическое состояніе, при которомъ мы становимся способными по произволу вызывать свои мысли—разница огромная. Въ первомъ случаѣ есть прямая зависимость вызванной мысли отъ мотивовъ, а во второмъ—рѣшительно никакой. Когда я безпрестанно смотрю на часы, чтобы не пропустить поѣзда желѣзной дороги, понятно, что необходимость ѣхать напоминаетъ мнѣ о часахъ. Но когда, вслѣдствіе спора, я начинаю припоминать наугадъ разныя мысли и представленія, то очевидно, что между споромъ и ими нѣтъ рѣшительно никакой связи, никакого отношенія. Споръ послужилъ только мотивомъ къ извѣстному моему настроенію, необходимому для предложеннаго опыта; опытъ же доказываетъ власть человѣка надъ мыслями и представленіями, какъ бы она, впрочемъ, ни была ограничена. Эту власть проф. Сѣченовъ отрицаетъ, но совершенно бездоказательно. Его критика направлена на частности, которыхъ никто не отстаиваетъ, и не касается самой сути дѣла.

Съ чего онъ взялъ, что мы не можемъ подавить своихъ мыслей,—это точно также трудно понять, какъ и увѣреніе его, будто наши мысли потому только и текутъ плавно, составляютъ непрерывную цѣпь, что мы не имѣемъ надъ ними никакой власти. Рядъ связныхъ мыслей невозможно сопоставлять, какъ дѣлаетъ проф. Сѣченовъ, съ грёзами, именно потому, что въ грёзахъ представленія и мысли цѣпляются другъ за друга въ силу внѣшней и случайной ихъ ассоціа-

ціи, тогда какъ связная мысль всегда направляется къ какой-нибудь цѣли. Цѣль эта, правда, не всегда сознается во время творческаго акта мышленія, то это еще не доказываетъ, чтобъ ея не было. Она-то и контролируетъ ходъ мышленія и придаетъ ему ту стройность и связность, которая отличаетъ её отъ грёзъ и фантазій.

Что касается до власти человѣка надъ своими поступками, то проф. Сѣченовъ не опровергаетъ моихъ выводовъ, а потому здѣсь не мѣсто возражать ему. Замѣчанія его, что голословными утвержденіями научныя истины не доказываются, что только голосъ сознанія говоритъ, будто дѣйствіе можетъ происходить безъ внѣшняго толчка, что нужно доказать, что психическій мотивъ возникъ безъ внѣшняго толчка—всѣ эти замѣчанія, конечно, не возраженіе. Проф. Сѣченовъ также не можетъ доказать присутствіе внѣшняго толчка въ каждомъ поступкѣ, приписываемомъ свободной волѣ, какъ я не могу доказать, что такого толчка не было. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи мы въ совершенно одинаковомъ положеніи передъ наукой. Вся разница только въ томъ, что онъ *предполагаетъ*, будто самопроизвольности въ человѣкѣ нѣтъ, а я *предполагаю* что она есть. При такихъ условіяхъ спора, весь вопросъ заключается въ томъ, чьи доводы въ пользу или противъ *возможности* самопроизвольныхъ поступковъ сильнѣе. Я свои доводы представилъ со всевозможною подробностью въ главѣ седьмой „Задачъ Психологіи". Проф. Сѣченовъ ихъ не разсматриваетъ и не опровергаетъ; слѣд. и мнѣ нѣтъ причины опровергать его голословныя отрицанія. А его аргументацію въ пользу гипотезы, будто бы самопроизвольной дѣятельности не существуетъ, я разберу подробно ниже, въ своемъ мѣстѣ.

Перехожу ко второй половинѣ возраженій проф. Сѣченова на второстепенные, по его мнѣнію, аргументы въ пользу самостоятельности и самодѣятельности психическаго начала. Но прежде чѣмъ стану разсматривать его доводы, считаю необходимымъ оговориться. Критикъ отрицаетъ, будто современные физіологи усиливаются объяснить духовную дѣятельность человѣка изъ матеріальнаго начала, въ чемъ я ихъ упрекаю. Проф. Сѣченовъ совершенно правъ. Я выразился не точно и замѣняю эту редакцію другою, въ родѣ слѣдующей: современные физіологи, изучая психологію съ естественно-научной стороны, стараются подвести *всѣ* психическія явленія подъ законы матеріальной природы; а такъ какъ это имъ не удается, то нѣкоторые изъ нихъ, увлекаясь любимою мыслью, не обращаютъ вниманія на психическіе факты, которые не подходятъ подъ законы матеріальной природы, или перетолковываютъ ихъ по-своему.

Изъ многихъ мѣстъ критики проф. Сѣченова можно заключить, что онъ придаетъ необыкновенную важность различію между прежними толками о сущностяхъ и началахъ и теперешними воззрѣніями,

изъ которыхъ сущности и начала совершенно исключены, какъ недоступныя знанію и потому ничего не объясняющія. Разница эта, въ смыслѣ научной методы, дѣйствительно огромная, но, прибавлю я, только въ такомъ случаѣ, когда, вмѣстѣ съ перемѣной научной методы, отбрасываются и всѣ гипотезы, всѣ предпосылки, заранѣе окрашивающіе факты изслѣдованія въ тотъ или другой цвѣтъ, котораго они могутъ и не имѣть. Положительное, точное знаніе тѣмъ и сильно, тѣмъ и безконечно выше прежнихъ предвзятыхъ теорій и умствованій, что отвергаетъ всѣ гипотезы, всѣ предпосылки, обращаетъ ихъ въ орудіе изслѣдованій, пользуется ими, какъ указаніемъ научныхъ путей, не давая имъ вѣры, не придавая имъ значенія руководящихъ знаменъ и свѣтильниковъ. Къ числу такихъ орудій науки принадлежитъ и аналогія, которою положительное знаніе пользуется тоже очень осторожно и критически, не давая ей осѣдлать себя. Когда физіологъ, подробно изслѣдовавъ съ точки зрѣнія естествовѣдѣнія, психическія явленія, выдѣляетъ въ нихъ все то, что объясняется законами физической природы, онъ дѣйствительно стоитъ на почвѣ положительнаго знанія и оказываетъ ему огромную услугу. Но если онъ задался заранѣе выводомъ, что всѣ психическія явленія входятъ въ область физіологіи, что нѣтъ психическаго явленія, которое не подходило бы подъ физіологическіе законы; если онъ, чтобъ доказать это, отворачивается отъ однихъ психическихъ фактовъ, искажаетъ другіе, отрицаетъ третьи,—то онъ, подобно философамъ стараго закала, объясняетъ все общимъ началомъ, другими словами, употребляетъ пріемъ, оказавшійся негоднымъ. Это ужъ выходитъ не положительная, точная наука, а старая философія, только сервированная подъ новымъ соусомъ. Разница будетъ лишь въ словахъ, въ названіяхъ, а не въ существѣ дѣла.

Обращаюсь теперь къ возраженіямъ.

Я разсуждаю такъ: зависимость психической жизни отъ физіологическихъ условій не есть аргументъ противъ ея самостоятельности и самодѣятельности. Возьмемъ любой физическій организмъ. Въ немъ есть и та, и другая, однако онъ вполнѣ зависитъ отъ окружающей среды, и, не находя въ ней условій для существованія или нормальной жизни, искажается, чахнетъ и умираетъ. Несмотря на такую зависимость его отъ обстановки, мы не говоримъ, что физическій организмъ есть отправленіе окружающей среды. Съ какого же права мы будемъ заключать изъ зависимости психической жизни отъ физіологическихъ условій, будто она не самостоятельна и не самодѣятельна? Этому разсужденію предпослано полное признаніе тѣснѣйшей, неразрывной связи психической и матеріальной природы и ихъ взаимнодѣйствія; стало быть, въ дѣйствительномъ смыслѣ моихъ словъ не могло быть никакого сомнѣнія. Смыслъ этотъ вотъ какой: сущ-

ности вещей мы не знаемъ, слѣдовательно, и толковать о ней нечего. Судя по тѣсной связи и безпрестанному взаимнодѣйствію явленій, которыя намъ доступны, мы можемъ предполагать, съ большою степенью вѣроятности, что въ основаніи всѣхъ явленій лежитъ одно и то же, что источникъ ихъ одинъ, хотя мы и не знаемъ какой это источникъ. Изслѣдованію доступны одни явленія. Изучая ихъ, мы подмѣчаемъ между ними такія, которыя въ отличіе отъ другихъ называемъ предметами организованными или организмами. При весьма большомъ различіи между собою, организмы рѣзко отличаются отъ другихъ явленій и предметовъ тѣмъ, что въ нихъ процессы, извѣстные намъ по другимъ явленіямъ, соединены вмѣстѣ для извѣстнаго совокупнаго дѣйствія, что для этихъ процессовъ существуютъ органы, что въ организмѣ совершается обмѣнъ веществъ; что организмомъ они воспринимаются, въ немъ претворяются или ассимилируются, съ выдѣленіемъ того, что ему не нужно; что въ этомъ состоитъ жизнь организма; что, несмотря на постоянный обмѣнъ веществъ, организмъ сохраняетъ свою форму, которая, конечно, измѣняется, но измѣняется по своимъ опредѣленнымъ законамъ. Безъ веществъ, необходимыхъ для его питанія, организмъ умираетъ, но пока онъ живетъ, онъ, какъ центръ претворяющій и ассимилирующій все, что принимаетъ въ себя, дающій воспринятому новую своеобразную форму,—есть нѣчто, по отношенію къ окружающему, самобытное, самостоятельное и самодѣятельное, при всей своей зависимости отъ среды, въ которой живетъ. Противъ этого проф. Сѣченовъ возражаетъ, что если самобытность есть эквивалентъ самостоятельности, то я противорѣчу себѣ, признавая полную зависимость организмовъ отъ окружающей среды,—что подъ самодѣятельностью можно только разумѣть способность развивать дѣятельность изъ самого себя, независимо отъ окружающей среды, а животныя не способны творить силъ, безъ которыхъ нѣтъ дѣятельности. Чтобъ понять смыслъ этихъ возраженій, надо припомнить, что проф. Сѣченовъ считаетъ меня философомъ стараго закала, который вездѣ и во всемъ ищетъ и видитъ одно абсолютное—абсолютную самостоятельность, абсолютную самодѣятельность. Съ этой точки зрѣнія профессоръ Сѣченовъ тысячу разъ правъ: ни безусловной самостоятельности, ни безусловной самодѣятельности организмы физическіе и психическіе не имѣютъ; ошибается онъ только въ томъ, что возражаетъ и въ этомъ случаѣ не мнѣ, а другимъ. Когда пароходъ совершаетъ свой обычный рейсъ, или когда лошадь пасется на лугу, выбирая ту траву, которая ей пригодна въ пищу,—слѣдуетъ ли признать полную совершенную зависимость парохода со всѣмъ, что на немъ находится, и лошади отъ окружающей ихъ среды? Слѣдуетъ. Слѣдуетъ ли въ тоже время признать за ними извѣстную долю самостоятельности и самодѣятельно-

сти по отношенію къ этой средѣ? Конечно, слѣдуетъ. Но и то и другое слѣдуетъ только съ точки зрѣнія положительнаго знанія; съ высоты же абсолютныхъ теорій на первый вопросъ надо отвѣчать положительно, на второй—отрицательно. Весь міръ, составляя одно цѣлое, не допускаетъ возможности самостоятельности и самодѣятельности какой-либо его части въ отдѣльности.

Въ отвѣтъ на мою ссылку на Вундта, въ подкрѣпленіе мысли, что наши представленія о внѣшнихъ предметахъ не простые оттиски впечатлѣній, а результатъ сложной психической работы, проф. Сѣченовъ ссылается на того же Вундта, чтобъ доказать, что между организаціей нѣкоторыхъ органовъ чувствъ и нѣкоторыми качествами ощущеній, возбуждаемыхъ чрезъ эти органы, существуетъ несомнѣнная связь. Чтó-жъ изъ этого? Я никогда этого не оспаривалъ. Критику мерещатся философы стараго закала, къ которымъ онъ относитъ меня. Это его дѣло.

Одинъ изъ аргументовъ въ пользу самостоятельности психической жизни въ человѣкѣ и характернаго его различія отъ животныхъ есть способность человѣка воспроизводить во внѣшнемъ мірѣ впечатлѣнія и представленія, — способность, которой не имѣетъ ни одно животное. Аргументъ этотъ я считалъ неотразимымъ. Но онъ не показался такимъ критику. По его мнѣнію, еслибы разложить эту способность на составные элементы и уменьшить каждый изъ этихъ элементовъ въ милліоны разъ, то *можетъ быть* зачатки этой способности и оказались бы и у животныхъ. Стало быть, по мнѣнію проф. Сѣченова, разница тутъ не качественная, а только количественная. Кромѣ того, по мнѣнію ученаго критика, *есть данныя въ пользу присутствія* у нѣкоторыхъ животныхъ эстетическаго чувства. Наконецъ, онъ *полагаетъ*, что для рисованья, черченья и писанья *едва ли* что нужно, съ психической стороны, кромѣ развитаго *до человѣческой степени* ума и эстетическаго чувства.

Слабость этихъ возраженій чувствуетъ самъ проф. Сѣченовъ, обставляя ихъ уклончивыми и смягчающими: „можетъ быть“, „есть данныя въ пользу“, „я полагаю“. Дѣйствительно, возраженія его чрезвычайно слабы. Способность дѣлать статуи, рисовать, чертить, писать, класть звуки на ноты, предполагаетъ, прежде всѣхъ другихъ элементовъ, сознаніе, котораго первенствующую роль во всѣхъ психическихъ отправленіяхъ проф. Сѣченовъ систематически не признаётъ. Сознаніе же предполагаетъ не одно только воспроизведеніе впечатлѣній, которое замѣчается и у животныхъ, а способность представлять себѣ психическіе факты, заключающіеся или происходящіе въ душѣ, такимъ же образомъ, какъ представляются намъ внѣшнія впечатлѣнія. Глазъ и рука, согласованные для воспроизведенія впечатлѣній реальныхъ предметовъ, не въ состояніи, помимо сознанія,

создать художественное произведеніе, а тѣмъ менѣе пріурочить внѣшніе условные значки ко звукамъ, группы звуковъ къ представленіямъ и мыслямъ. Оттого-то животныя, способныя воспроизводить внѣшнее впечатлѣніе и неспособныя его сознавать, не могутъ писать, чертить, перекладывать звуки на слова и ноты. Если же проф. Сѣченовъ считаетъ различіе между воспроизведеніемъ и сознаніемъ только количественнымъ, а не качественнымъ, то желательно было бы, чтобъ онъ развилъ свой взглядъ подробно, не ограничиваясь одними намеками, которые для меня, и вѣроятно для многихъ другихъ, нисколько не убѣдительны.

Этимъ и ограничиваются всѣ доводы противъ моей попытки найти исходныя начала для различенія психическаго начала отъ реальнаго.

Теперь обращаюсь къ *третьему пункту*—къ критикѣ моего способа разработки психическихъ фактовъ. Проф. Сѣченовъ послѣдовательно разбираетъ орудіе, къ которому я прибѣгаю,—психическое зрѣніе, матеріалъ, которымъ пользуюсь, и методъ, и приходитъ къ выводу, что употребленнымъ мною способомъ нельзя возвести психологію на степень положительной науки.

Прежде всего разсматривается психическое зрѣніе. По мнѣнію проф. Сѣченова, „въ основу существованія внутренняго или психическаго зрѣнія кладется преимущественно способность человѣка анализировать свои мысли и поступки, нашептываемая ему голосомъ самосознанія". Вслѣдствіе того, вся его аргументація направлена къ тому, чтобъ доказать, что особаго психическаго *органа для анализа* не существуетъ.

Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, проф. Сѣченовъ полемизируетъ противъ того, чего я не говорилъ. Въ моей книгѣ онъ не найдетъ и намека на то, будто я считаю внутреннее зрѣніе *органомъ анализа* чего бы то ни было. Говорю же я вотъ что: у человѣка есть способность видѣть особеннымъ, внутреннимъ психическимъ образомъ то, что ему недоступно чрезъ внѣшнія чувства. Такъ, онъ видитъ внѣшнія впечатлѣнія предметовъ и явленій, которые въ ту минуту не подлежатъ его органамъ чувствъ; точно также онъ видитъ и факты своей психической жизни, вовсе недоступные внѣшнимъ чувствамъ. Только вслѣдствіе того онъ и можетъ говорить о сознаніи, о самосознаніи, объ анализѣ, о боли, о радости и т. п.; зная ихъ уже по внутреннему опыту, онъ заключаетъ о нихъ и въ другихъ людяхъ. Сознаніе вовсе не есть особый органъ, а одно изъ отправленій душевнаго организма, предполагающее извѣстную психическую организацію. Только при помощи сознанія мы узнаемъ и внѣшній матеріальный міръ, который дѣлается предметомъ сознанія чрезъ внѣшнія впечатлѣнія. Какъ мы анализируемъ послѣднія, точно также анализируемъ и психическія явленія, недоступныя внѣш-

нимъ чувствамъ. Ошибаемся мы какъ при анализѣ фактовъ перваго рода, такъ и при анализѣ фактовъ второго рода. Какъ насъ обманываютъ внѣшнія впечатлѣнія, также обманываютъ насъ и психическія. Пріемы анализа, въ томъ и другомъ случаѣ, совершенно одинаковы. Что никакой анализъ фактовъ психическихъ и непсихическихъ невозможенъ безъ помощи другихъ фактовъ, находящихся въ сознаніи или бывшихъ, и которые припоминаются или воспроизводятся въ сознаніи,—объ этомъ я очень подробно говорю въ „Задачахъ Психологіи“. Поэтому, предоставляя отвѣчать проф. Сѣченову тѣмъ, противъ кого онъ возражаетъ и чьихъ мнѣній я не раздѣляю, я займусь разборомъ только тѣхъ замѣчаній критика, которыя цѣлятъ и дѣйствительно попадаютъ въ меня.

Проф. Сѣченовъ силится доказать, что весь психическій актъ, называемый анализомъ, состоитъ изъ воспроизведенія ряда ассоціацій, и затѣмъ выводъ есть только надлежащая группировка данныхъ элементовъ. Съ точки зрѣнія механизма мышленія, все это безспорно. Я иду далѣе, и охотно готовъ согласиться, что огромное большинство людей, которые не думаютъ, у которыхъ мысли слагаются и родятся сами собою, приходятъ къ анализу и выводу единственно и исключительно путемъ непроизвольнаго воспроизведенія рядовъ ассоціацій и такого же бездѣятельнаго съ ихъ стороны сочетанія этихъ элементовъ мышленія въ извѣстные выводы и заключенія. Но я спорю противъ того, чтобъ этотъ способъ возбужденія и развитія мыслительныхъ процессовъ былъ единственный. Я утверждаю, напротивъ, что въ человѣкѣ есть способность и возможность воспроизводить въ своемъ сознаніи ряды ассоціаціи и группировать ихъ извѣстнымъ образомъ по собственному почину, ничѣмъ инымъ не обусловленному, кромѣ акта воли. Я утверждаю, что воспроизведеніе рядовъ ассоціацій и извѣстная ихъ группировка точно также составляютъ механизмъ мышленія, какъ рефлексы составляютъ механизмъ внѣшняго дѣйствія; но и тотъ и другой механизмъ приводятся въ движеніе не только внѣшними возбужденіями, но и волею лица, въ которомъ эти процессы совершаются; что оно можетъ направлять эти процессы, видоизмѣнять ихъ ходъ, пересоздавать ряды ассоціацій, выработывать рефлексы, словомъ, усовершенствовать, развивать механизмъ мысли и движеній, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлать его болѣе и болѣе послушнымъ орудіемъ своихъ велѣній. Споръ и тутъ сводится къ вопросу о волѣ. Ставится онъ и тутъ точно такъ же, какъ ставился прежде. Проф. Сѣченовъ предоставляетъ мнѣ доказывать участіе воли въ ходѣ мышленія, считая вопросъ о механическомъ его движеніи, помимо всякаго участія воли лица, окончательно рѣшеннымъ. Я не могу принять такой постановки вопроса, потому что ни проф. Сѣченовъ, ни я, анализомъ процесса мышленія и поступ-

ковъ, не можемъ доказать нашихъ выводовъ несомнѣннымъ и очевиднымъ для всякаго образомъ.

Далѣе, проф. Сѣченовъ, выводя изъ моей книги аргументы противъ „существованія особаго психическаго органа для анализа", т.-е. противъ мысли, въ которой я неповиненъ, приходитъ къ заключенію, что подъ непосредственностью сознанія я долженъ разумѣть познаніе внутреннимъ чувствомъ (?) психическихъ фактовъ по существу (?!). Любопытно бы знать, какъ пришелъ критикъ къ подобному заключенію. Для меня, признаюсь, оно было такъ же неожиданно, какъ вѣроятно и для всѣхъ тѣхъ, кто потрудился внимательно прочесть „Задачи Психологіи". Во-первыхъ, психическіе факты суть *явленія*, а мы никакихъ явленій *по существу* не знаемъ и знать не можемъ; во-вторыхъ, о безплодности попытокъ проникнуть *до существа* явленій я говорю во многихъ мѣстахъ своей книги такъ опредѣлительно, что, казалось бы, мнѣ нельзя приписывать подобныхъ попытокъ; въ-третьихъ, непосредственность сознанія психическихъ фактовъ ничѣмъ не отличается отъ непосредственности внѣшнихъ впечатлѣній; однако изъ послѣдней едва ли кто рѣшится вывести, что мы чрезъ впечатлѣнія узнаемъ внѣшніе предметы „по существу". Приписывать противнику мысли, которыхъ онъ не имѣетъ, противъ которыхъ онъ напротивъ полемизируетъ, есть безспорно легкій способъ одерживать надъ нимъ побѣды; но отъ такихъ побѣдъ наука и знаніе не подвигаются ни на шагъ впередъ. Вся эта странная аргументація противъ призраковъ оканчивается слѣдующимъ, столько же страннымъ общимъ выводомъ. „Итакъ, особаго психическаго зрѣнія, какъ спеціальнаго орудія для изслѣдованія психическихъ процессовъ, въ противоположность матеріальнымъ, нѣтъ, а существуетъ, дѣйствительно, такая сторона психической дѣятельности, изъ-за которой говорятъ про человѣка, что у него есть здравый смыслъ. Послѣднимъ же, сколько мнѣ извѣстно, пользуются съ одинаковымъ правомъ какъ натуралисты, такъ и гуманисты въ своихъ сферахъ изслѣдованія".

Я бы попросилъ проф. Сѣченова, во-первыхъ, указать, гдѣ я говорю въ своей книгѣ объ особомъ психическомъ зрѣніи, какъ спеціальномъ орудіи для изслѣдованія психическихъ процессовъ и, во-вторыхъ, потрудиться сдѣлать психическія состоянія, движенія и процессы доступными органамъ внѣшнихъ чувствъ—глазу, уху, носу и т. п. Невозможность выполнить и то и другое, можетъ быть, убѣдитъ его въ томъ, что я не имѣлъ ни малѣйшей надобности предполагать специфическіе здравые смыслы для натуралистовъ и гуманистовъ. Въ убѣжденіи, что имѣетъ въ моемъ лицѣ дѣло съ философомъ стараго закала, проф. Сѣченовъ перетолковываетъ мои слова

даже тамъ, гдѣ простой ихъ смыслъ не можетъ, повидимому, подать повода къ недоразумѣніямъ.

На стр. 99-й, я говорю, что мысль, будто бы кругъ психологическихъ изслѣдованій ограниченъ одними фактами, добытыми чрезъ самонаблюденіе,—ошибочна; что такъ какъ жизнь души выражается во внѣшнемъ творчествѣ, вообще во всей внѣшней дѣятельности человѣка, и объективными слѣдами его психической жизни наполнено все, что его окружаетъ, то изъ сравненія этихъ слѣдовъ съ фактами и явленіями природы, возникающими безъ участія человѣка, легко можно открыть характеристическія особенности и самые законы психической жизни. Итакъ, слова и рѣчь, сочетаніе звуковъ, художественныя произведенія, наука, обычаи и вѣрованія, матеріальныя созданія, гражданскіе и политическіе уставы, памятники исторической жизни, словомъ, все служитъ матеріаломъ для психологическихъ изслѣдованій; надо только умѣть имъ пользоваться, именно слѣдуетъ обратить все вниманіе на обработку данныхъ, потому что въ ней-то и содержится объективный слѣдъ психической дѣятельности. Та же мысль, только иными словами и въ другомъ примѣненіи, выражена и на стр. 24-й. Проф. Сѣченовъ вывелъ изъ этихъ словъ, будто бы, по моему мнѣнію, „ключъ къ разумѣнію психическихъ процессовъ“ лежитъ въ „широкомъ *историческомъ* изученіи всѣхъ произведеній человѣческаго духа съ психологической точки зрѣнія“. Чтобъ выяснить „до какихъ крайнихъ предѣловъ объясненія психическихъ фактовъ можно дойти вообще путемъ *историческаго* изученія различныхъ проявленій психической дѣятельности“, проф. Сѣченовъ представляетъ подробный анализъ вѣрованій и дѣятельности людей самыхъ отдаленныхъ эпохъ, въ различные фазисы ихъ развитія, и старается доказать, что ихъ понятія и продукты ихъ дѣятельности свидѣтельствуютъ о тѣхъ же основныхъ психическихъ задаткахъ, какіе имѣетъ и современный человѣкъ. Затѣмъ, изъ разбора, съ психологической стороны, нѣсколькихъ научныхъ открытій въ области естествознанія, составляющихъ эпоху по своей важности, критикъ выводитъ, что элементы научныхъ истинъ всегда готовы, и только извѣстная ихъ группировка даетъ въ результатѣ болѣе или менѣе важное научное открытіе.

Бо́льшаго недоразумѣнія, какое произошло въ этомъ пунктѣ между проф. Сѣченовымъ и мною, и вообразить себѣ нельзя.

Я говорю: вотъ слѣды творческой дѣятельности человѣка посреди природы, и вотъ природа, до которой рука человѣка не прикасалась. Сравните ихъ между собою и вы получите, и помимо самонаблюденія, указанія на его психическую дѣятельность, на разные психическіе процессы, въ немъ происходящіе, на законы его психической природы.

Проф. Сѣченовъ возражаетъ: природа человѣка искони вѣковъ была одна и та же. Никакое особенное психическое начало не заявляетъ себя чрезъ всю его исторію до нашихъ дней. Если онъ теперь не то, что былъ прежде, то это благодаря успѣхамъ науки и знанія.

Съ заключеніями критика мнѣ согласиться тѣмъ легче, что я ихъ нигдѣ и никогда не оспаривалъ. Но мнѣ бы хотѣлось слышать отъ него, чѣмъ обусловливается то, что животныя, подобно человѣку, имѣютъ сновидѣнія, но не составили себѣ представленія о загробной жизни; а дикарь по нимъ, какъ объясняетъ Тэйлоръ, составилъ? Отъ чего зависитъ, что дикарь изобрѣлъ оружіе и придалъ ему извѣстную форму, изобрѣлъ орудія для домашней работы, выучился дѣлать глиняную посуду, выучился добывать искусственно огонь, — а животныя и до сихъ поръ ничего этого не изобрѣли и ничему этому не выучились?

Наконецъ, мой методъ изслѣдованія проф. Сѣченовъ считаетъ чисто умозрительнымъ и горько сѣтуетъ на людей, „которые пускаются, безъ провѣрочныхъ средствъ, съ однимъ запасомъ критическаго остроумія, въ изслѣдованіе такой темной области, какъ психическая". Ходъ мысли проф. Сѣченова объ этомъ предметѣ вотъ какой: историческое изученіе памятниковъ человѣческой дѣятельности не даетъ ключа къ психическимъ явленіямъ; стало быть, приходится обратиться къ изученію обыденной психической жизни; но вѣковой опытъ показалъ, что съ одной умозрительной индукціей ничего нельзя сдѣлать изъ сырого психическаго матеріала обыденной жизни. Въ научномъ изученіи важно употребленіе такихъ пріемовъ изслѣдованія, которые давали бы возможность не только анализировать явленіе, но и провѣрить результатъ. Въ области сложныхъ явленій, куда не проникъ математическій анализъ (единственно-безошибочный, безъ провѣрки), наиболѣе вѣрнымъ аналитическимъ и вмѣстѣ провѣрочнымъ орудіемъ является опытъ. Въ область явленій, недопускающихъ опыта, умозрѣніе полновластно и потому достовѣрность выводовъ сомнительна. Въ новѣйшее время къ нему призванъ на помощь статистическій методъ, но его трудно приложить къ изученію психическихъ явленій на отдѣльномъ человѣкѣ. Теперь только, на нашей памяти, создались тѣ отрасли знанія, которыя „однѣ даютъ твердыя точки опоры для первоначальнаго аналитическаго приступа къ психическимъ явленіямъ". Эти отрасли знанія, какъ видно изъ послѣдующей статьи проф. Сѣченова, суть естественныя науки и преимущественно физіологія. Критикъ готовъ бы былъ примириться и съ умозрѣніемъ, еслибъ оно „довольствовалось выводами, непосредственно вытекающими изъ сравненія конкретныхъ фактовъ". Но „вѣрное древнимъ философскимъ традиціямъ, оно бьетъ въ корни дѣла, въ

общія начала". О математикѣ критикъ говоритъ, что въ ней „истины, притомъ абсолютныя", могутъ быть достигаемы путемъ одного математическаго умозрѣнія, безъ повѣрки. Это онъ объясняетъ тѣмъ, что между всѣми родами умозрѣній математическое есть самое вынужденное. Отыскивая новую истину, математикъ не только выходитъ изъ аксіомъ или истинъ, но и въ теченіи всего развитія вопроса каждый свой шагъ опираетъ на истину.

Здѣсь между проф. Сѣченовымъ и мною не недоразумѣніе, а различіе мнѣній, и весьма серьёзное. Аргументація его выходитъ изъ предположенія, что міръ психическихъ явленій не только обусловливается данными, доступными внѣшнимъ чувствамъ, не только находится отъ нихъ въ зависимости, но что онъ есть лишь дальнѣйшее ихъ развитіе, болѣе сложное явленіе того же, что̀, въ фактахъ, доступныхъ органамъ внѣшнихъ чувствъ, представляется простымъ, неразвитымъ, несложнымъ. Только при такой предпосылкѣ становится понятнымъ, какимъ образомъ такой могучій поборникъ положительнаго знанія, какъ проф. Сѣченовъ, могъ упустить изъ виду, что множество психическихъ фактовъ совершенно недоступны внѣшнимъ чувствамъ и извѣстны намъ только при помощи психическаго зрѣнія, т.-е. сознанія. Эту тему я подробно развиваю въ „Задачахъ Психологіи" и до сихъ поръ не встрѣтилъ еще серьёзнаго опроверженія, тогда какъ около этого пункта и долженъ бы, какъ кажется, сосредоточиться весь споръ о психологическихъ предметахъ. Въ этомъ пунктѣ и ключъ къ разрѣшенію вопроса о психической самодѣятельности или волѣ. Мнѣ представляется дѣло въ такомъ видѣ. Вы говорите, что стоите на почвѣ положительнаго знанія и не допускаете ни началъ, ни умозрительныхъ дедукцій изъ нихъ. Прекрасно. Останемся же на почвѣ положительнаго знанія и будемъ изслѣдовать одни факты. Но обращаясь къ фактамъ, мы съ перваго же шага наталкиваемся на различіе фактовъ, доступныхъ внѣшнимъ чувствамъ и недоступныхъ имъ. Вода и сознаніе, липа и радость, молнія и сомнѣніе, домъ и мысль. Первые—результатъ непосредственныхъ внѣшнихъ впечатлѣній, которыя могутъ быть провѣрены при помощи повторенія непосредственныхъ внѣшнихъ впечатлѣній того же факта. Для послѣднихъ такого рода провѣрки не существуетъ и не можетъ существовать. Они—результатъ тоже непосредственныхъ, но не внѣшнихъ, а психическихъ впечатлѣній. Для нихъ есть провѣрка двоякаго рода: или при помощи повторенія непосредственныхъ психическихъ впечатлѣній тѣхъ же психическихъ фактовъ, или болѣе длиннымъ, окольнымъ и сложнымъ путемъ, именно: мы обращаемся къ слѣдамъ психическихъ фактовъ во внѣшнемъ мірѣ, подмѣчаемъ, въ какихъ изъ нихъ какой психическій фактъ постоянно выражается, и уже изъ

сравненія слѣдовъ выводимъ заключеніе. Передъ лицомъ положительнаго знанія и внѣшнія, и психическія впечатлѣнія суть факты, матеріалъ для изслѣдованія, какимъ бы путемъ они ни достигали сознанія, какимъ бы образомъ ни совершалась ихъ повѣрка. Я утверждаю, что, стоя на почвѣ положительнаго изслѣдованія, не сдѣлавшись философомъ и при томъ философомъ стараго закала, нельзя приступить къ научной разработкѣ психическихъ явленій, неподлежащихъ непосредственно внѣшнимъ чувствамъ, съ предвзятой мыслью, будто всѣ эти факты и явленія суть лишь послѣдствія, дальнѣйшее развитіе, болѣе сложная комбинація явленій, доступныхъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Обращая противъ проф. Сѣченова оружіе, которымъ онъ думаетъ поразить меня, я скажу ему: удержите это предположеніе; пусть оно даже будетъ путеводной звѣздой въ вашихъ психологическихъ изысканіяхъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что оно откроетъ вамъ и наукѣ новый обширнѣйшій кругозоръ, поведетъ къ массѣ глубокихъ и знаменательныхъ открытій, во многихъ случаяхъ, очень вѣроятно, даже вполнѣ оправдается; но какъ же возможно принимать впередъ недоказанное за доказанное и на этомъ строить что-нибудь! Вѣдь это значитъ приниматься за вещь не съ начала, а съ конца. Мораль всего этого разсужденія такова: проф. Сѣченовъ выходитъ въ своей философской системѣ, которую считаетъ результатомъ положительныхъ изслѣдованій, изъ гипотезы, ничѣмъ недоказанной, то-есть слѣдуетъ тому же самому пути, который, главнѣйшимъ образомъ, погубилъ философію.

Въ томъ-то и заключается вся сила и все могущество положительнаго знанія, что оно пользуется всѣми орудіями, всѣми методами, выработанными философіей, но не подчиняясь имъ, а напротивъ, низводя ихъ до степени покорныхъ и послушныхъ средствъ, употребляемыхъ ею въ дѣло, смотря по надобности. Положительное изслѣдованіе прибѣгаетъ и къ гипотезѣ и къ аналогіи, къ индукціи и къ дедукціи, но не забывая ни на одну минуту, что онѣ только служатъ для освѣщенія фактовъ съ той стороны, съ какой они еще не были разсмотрѣны, что имъ только дается новый матеріалъ и новая точка зрѣнія для сравнительнаго изученія фактовъ. Положительное знаніе отнесется равнó критически и къ результатамъ, оказавшимся вслѣдствіе аналогическаго или индуктивнаго изслѣдованія, и къ выводамъ, слѣдующимъ изъ освѣщенія фактовъ гипотезой или дедукціей, хотя бы и очень правдоподобными. Оно снова и не разъ провѣритъ эти результаты и выводы другими аналогіями, гипотезами, индуктивно и дедуктивно, и только убѣдившись, что заключеніе выдерживаетъ перекрестный огонь провѣрки по всѣмъ мыслимымъ направленіямъ и со всѣхъ мыслимыхъ сторонъ, занесетъ его въ науку,

какъ ея прочное и несомнѣнное пріобрѣтеніе. Философія, напротивъ, всегда была безсознательной или полусознательной рабыней предвзятыхъ предположеній и потому приводила къ результатамъ, не выдерживающимъ критики.

Съ точки зрѣнія положительнаго знанія, и факты, полученные сознаніемъ чрезъ органы внѣшнихъ чувствъ, и факты, вошедшіе въ сознаніе чрезъ непосредственное психическое впечатлѣніе, совершенно равноправны. Тѣ и другіе должны быть изслѣдованы и провѣрены при помощи всѣхъ средствъ, которыми располагаетъ наука. За положительное знаніе, а не за философскія измышленія могутъ быть признаны только тѣ выводы, которые основаны на такомъ изслѣдованіи и такой провѣркѣ.

Проф. Сѣченовъ совершенно справедливо напоминаетъ въ одномъ мѣстѣ, что сравнивать между собою можно только однородныя величины. Стало быть, психическія впечатлѣнія можно сравнивать только съ психическими, реальныя только съ реальными. А если это такъ, то спрашивается, что, кромѣ умозрѣнія, остается намъ при изслѣдованіи фактовъ, недоступныхъ внѣшнимъ чувствамъ? Такіе факты, по природѣ своей, не могутъ быть проанализированы и провѣрены иначе, какъ при помощи однородныхъ съ ними явленій, слѣдовательно, только умозрительно.

Мнѣ скажутъ, что явленія доступныя и недоступныя внѣшнимъ чувствамъ очень часто находятся между собою въ тѣсной связи. Всѣ представленія и понятія о внѣшнихъ явленіяхъ, не подлежа внѣшнимъ чувствамъ, находятся въ очевидной и несомнѣнной связи съ соотвѣтствующими имъ внѣшними впечатлѣніями, а въ снахъ и галлюцинаціяхъ психическіе факты получаютъ вполнѣ характеръ внѣшнихъ впечатлѣній, до того, что ихъ нельзя различить другъ отъ друга. Но за то мы и провѣряемъ сны и галлюцинаціи реальными впечатлѣніями, и изъ такой провѣрки узнаемъ, что сны и призраки— психическія, а не реальныя впечатлѣнія. Что же касается понятій и представленій, то при самомъ тщательномъ изслѣдованіи мы не въ состояніи ничего открыть, кромѣ ихъ соотвѣтствія и постояннаго правильнаго соотношенія съ извѣстными реальными впечатлѣніями. Я не могу допустить, чтобъ проф. Сѣченовъ возражалъ противъ умозрѣнія въ объясненномъ смыслѣ. Ему очень хорошо извѣстно, что ни разстоянія неподвижныхъ звѣздъ отъ земли, ни объемъ и вѣсъ небесныхъ тѣлъ, ни выводы относительно составныхъ элементовъ свѣтящейся поверхности солнца и древнѣйшей исторіи земной коры, ни факты, на которыхъ основаны теоріи свѣта, различіе цвѣтовъ, теоріи атомовъ и молекулярныхъ движеній,—что всего этого нельзя провѣрить опытомъ, что все это—умозрѣніе. Почему же умозрительное изслѣдованіе явленій, не подлежащихъ вовсе внѣшнимъ чувствамъ,

было бы менѣе достовѣрно въ своихъ результатахъ, чѣмъ такое же умозрительное изслѣдованіе внѣшнихъ явленій, которыя намъ недоступны только по недостаточности и несовершенству нашихъ внѣшнихъ органовъ?

Проф. Сѣченовъ дѣлаетъ изъ строгаго своего приговора умозрѣнію исключеніе только въ пользу умозрѣнія математическаго. Оно одно, по его мнѣнію, способно открывать даже абсолютныя истины безошибочно и безъ провѣрки. Но критикъ ошибается. Математика имѣетъ дѣло съ истинами далеко не абсолютными, а такими же относительными и условными, какъ и всякая другая наука. Истины эти вращаются въ кругѣ пространственныхъ и количественныхъ отношеній, изъ него не выходятъ, какъ выводы другихъ наукъ, ограничены предметами своего изслѣдованія. Какія же это абсолютныя истины! Математика такая же положительная наука, какъ и всѣ другія, только матеріалъ ея проще и до того выработанъ, что отвлеченности, надъ которыми она оперируетъ, вполнѣ замѣняютъ реальные факты, къ которымъ онѣ относятся. Только благодаря этому математическіе выводы и безъ повѣрки выходятъ безошибочными. Вглядитесь пристально въ математическія аргументаціи, выраженныя въ чертежахъ и формулахъ: это тѣ же самые логическіе пріемы, какіе употребляются и въ другихъ положительныхъ наукахъ; разница только въ матеріалѣ, къ которымъ эти пріемы тамъ и здѣсь примѣняются. Умозрѣніе, значитъ, входитъ всюду, во всѣ отрасли знанія, какъ неизбѣжное его условіе. А міръ художественнаго творчества: развѣ тѣ же общіе логическіе пріемы не скрываются и въ нихъ подъ образами и звуками, какъ въ математикѣ подъ формулами и чертежами? Проф. Сѣченовъ имѣетъ въ виду не это умозрѣніе. Какое же ему такъ не нравится? То, которое идетъ неправильно, опираясь на шаткія или ложныя данныя? Но вѣдь это справедливо въ приложеніи ко всѣмъ наукамъ безъ исключенія; стало быть, и говорить объ этомъ спеціально по поводу психологическихъ изысканій не стóитъ. Остается предположить, что критику не нравится умозрѣніе въ примѣненіи къ фактамъ, недоступнымъ внѣшнимъ чувствамъ, потому ли, что онъ не считаетъ ихъ фактами, или потому, какъ можно заключить изъ его словъ, что ихъ нельзя провѣрить фактами, подлежащими внѣшнимъ чувствамъ. Какое изъ этихъ предположеній ни принять, въ обоихъ случаяхъ проф. Сѣченова нельзя не упрекнуть въ томъ, что онъ, въ отношеніи къ психологическимъ вопросамъ, стоитъ не на почвѣ положительнаго знанія, а относится къ нимъ по-философски, и справедливыя его возраженія противъ философовъ-идеалистовъ въ той же силѣ и степени должны быть обращены противъ его пріемовъ въ области психологіи. Какъ философы-идеалисты обращались съ фактами, доступными внѣшнимъ чувствамъ, точь-въ-точь

также обращается и онъ съ фактами, доступными одному психическому зрѣнію. Въ тѣхъ и другихъ пріемахъ нѣтъ ни малѣйшей разницы. Проф. Сѣченовъ, поборникъ положительнаго знанія въ области естественныхъ наукъ, есть философъ стараго закала въ области психологіи. Методъ точнаго, положительнаго знанія, въ примѣненіи къ этой отрасли, остается ему совершенно неизвѣстенъ.

Впрочемъ, критикъ, хотя и несовсѣмъ послѣдовательно, допускаетъ однако умозрительные выводы, непосредственно вытекающіе изъ сравненія конкретныхъ фактовъ. Подъ конкретными фактами, судя по общей связи мыслей, здѣсь разумѣются факты психическіе. Значитъ, косвенно допускается, что психическіе факты суть все-таки факты, хотя никакой другой повѣрки ихъ, кромѣ умозрительной, нѣтъ и быть не можетъ. Но почему умозрѣніе бьетъ въ корни дѣла, въ общія начала—вотъ чего проф. Сѣченовъ не можетъ ему простить. Выше я старался доказать, что самъ критикъ дѣлаетъ совершенно то же самое, т.-е. идетъ отъ предпосылки, ничѣмъ не доказанной, и на ней строитъ всю свою полемику противъ моего взгляда на психологію. Проф. Сѣченовъ самъ признаетъ, что употребленіе индуктивнаго или дедуктивнаго метода въ дѣлѣ положительнаго изученія не особенно важно, а важно, чтобъ результатъ могъ быть провѣренъ. Но провѣрить психическіе факты внѣшними впечатлѣніями нельзя: тѣ и другіе факты не однородны. Провѣрка умозрительныхъ фактовъ можетъ совершаться только посредствомъ другихъ, умозрительныхъ же фактовъ. Если такая провѣрка подтвердитъ выводъ, то дедукція, по крайней мѣрѣ, безвредна. Развѣ мы не встрѣчаемся на каждомъ шагу съ такими дедукціями въ такъ-называемыхъ положительныхъ, точныхъ наукахъ? Дедукція, какъ способъ новой провѣрки, есть превосходное подспорье въ рукахъ изслѣдователя. Положительное знаніе ставитъ ему при этомъ только два слѣдующія условія: во-1-хъ, чтобъ онъ не принималъ на вѣру общаго вывода, отъ котораго идетъ дедукція, а смотрѣлъ бы на него только, какъ на гипотезу, которая должна быть доказана, и, во-2-хъ, чтобъ отвлеченная формула, въ которой выразился выводъ, не была имъ принята за реальность—словомъ, чтобъ онъ не впалъ въ ту же ошибку, которая когда-то населила науку субстанціями, силами и множествомъ подобныхъ метафизическихъ олицетвореній.

Отступилъ ли я въ „Задачахъ Психологіи" отъ метода положительнаго изслѣдованія и его непремѣнныхъ условій? Вотъ чего проф. Сѣченовъ не доказалъ - и что, однако, слѣдовало бы ему доказать, полемизируя противъ моихъ взглядовъ. Что факты изслѣдованія—умозрительнаго свойства и провѣркѣ внѣшними впечатлѣніями не подлежатъ—объ этомъ уже было говорено. Критикъ самъ мирится съ умозрительными выводами, непосредственно вытекающими изъ

сравненія конкретныхъ психическихъ фактовъ. Наконецъ, онъ считаетъ и дедукцію невредной, если факты провѣрены. Но что же другое я дѣлалъ въ своей книжкѣ, хотѣлъ бы я спросить? Я взялъ психическіе факты, анализировалъ ихъ, за недостаткомъ другихъ повѣрочныхъ средствъ, при помощи психическихъ же фактовъ, и дѣлалъ умозрительные выводы, непосредственно вытекающіе изъ сравненія конкретныхъ фактовъ. Ни больше, ни меньше! Въ какой степени удачно или неудачно я примѣнилъ методъ положительнаго изслѣдованія къ психическимъ даннымъ,—это другой вопросъ, о которомъ мнѣ самому трудно судить. Но что я примѣнялъ именно этотъ методъ, а не какой другой—это, послѣ всего сказаннаго, едва ли можетъ быть оспорено. Если мои выводы существенно разнятся съ выводами проф. Сѣченова, это еще не доказываетъ, что именно я, а не онъ, примѣнялъ другой методъ.

Разберу, въ заключеніе, критику моихъ общихъ выводовъ, которою проф. Сѣченовъ заканчиваетъ свою статью. Разборъ этотъ всего яснѣе покажетъ, въ чемъ и почему мы съ нимъ расходимся и кто изъ насъ стоитъ на почвѣ положительныхъ изысканій въ области психологіи.

Проф. Сѣченовъ ссылается на мои выводы, какъ на лучшее доказательство ошибочной постановки мною психологическаго вопроса. Изъ этихъ выводовъ онъ разсматриваетъ только значеніе для психологіи галлюцинацій и сновъ, свободу мысли и актъ раздвоенія души. Объ аргументаціи его противъ свободы мысли я говорилъ выше. Остается провѣрить то, что у него сказано по поводу галлюцинацій, сновъ и раздвоенія души.

Галлюцинаціи, по моему мнѣнію, доказываютъ существованіе особаго психическаго центра, какъ источника явленій особаго порядка, такъ какъ въ галлюцинаціяхъ какъ-бы выносятся изъ души во внѣшнюю дѣйствительность дѣйствія и вліянія на нее матеріальнаго міра, иногда въ переработанномъ видѣ. Проф. Сѣченовъ особенно напираетъ на то, что галлюцинаціи всегда производятся болѣзненнымъ состояніемъ мозга, и говоритъ; „обстоятельство, что человѣкъ выноситъ возбужденіе зрительныхъ центровъ наружу, не представляетъ не только ничего страннаго, а, наоборотъ — норму, потому что и при обыкновенномъ видѣніи происходитъ то же самое“. Изъ этого выводится, что галлюцинаціи не доказываютъ того, что я думаю. Но какъ же не доказываютъ? Если ненормальныя состоянія мышленій у человѣка сумасшедшаго, пьянаго или безумствующаго вслѣдствіе страсти, даютъ превосходный матеріалъ для изученія нормальнаго процесса мышленія, то почему же галлюцинаціи, происходящія тоже при ненормальномъ состояніи мозга, не могли бы служить такимъ же доказательствомъ

способности души воспроизводить внутреннія свои видѣнія съ живостью и яркостью реальнаго ощущенія? Проф. Сѣченовъ возражаетъ, что и при обыкновенномъ видѣніи происходитъ то же самое. Да, но съ слѣдующей громадной разницей: обыкновенное видѣніе начинается дѣйствіемъ на глазъ внѣшняго явленія и оканчивается вынесеніемъ во внѣшній міръ полученныхъ впечатлѣній; галлюцинація же начинается прямо воспроизведеніемъ внѣшнихъ впечатлѣній, безъ возбужденія ихъ соотвѣтствующими внѣшними впечатлѣніями и оканчивается точно такъ же, какъ обыкновенное видѣніе. На эту-то разницу я и указываю, какъ на одинъ изъ признаковъ самостоятельности и самодѣятельности душевнаго организма.

Мой взглядъ на способность души раздвояться, оставаясь единой, и всѣ выводы, вытекающіе изъ этого взгляда, проф. Сѣченовъ разбираетъ въ двухъ словахъ, только съ логической стороны, и называетъ ихъ абсурдами.

„Говоря о невозможности объяснить психическое раздвоеніе примѣрами изъ матеріальнаго міра, г. Кавелинъ цитируетъ такія отвлеченія, которыя всѣми людьми на свѣтѣ считаются *аксіомами*, т.-е., истинами, не требующими доказательствъ (часть не можетъ быть равна цѣлому, цѣлое не можетъ не уменьшиться по выдѣленіи части). Эти истины обязательны не только для математика, но и *для всякаго логическаго мышленія.* Поэтому, всѣ случаи уклоненія отъ этихъ истинъ признаются людьми *тайнами*, т.-е. предметами, которые умъ человѣческій постичь не можетъ“.

Проф. Сѣченовъ, очевидно, ошибается. Математическія аксіомы вовсе не логическія аксіомы, и обязательны только при изслѣдованіи количественныхъ и пространственныхъ отношеній, а никакъ не при всякомъ логическомъ мышленіи. Поэтому уклоненіе факта, неподлежащаго условіямъ количества и пространства, отъ математическихъ истинъ вовсе не дѣлаетъ его тайной, непостижимой для ума.

„По его (т.-е. моимъ) словамъ, въ основѣ вывода лежатъ *простые* факты. Стало быть, фактъ, заключающій въ себѣ данныя вывода, простъ, а выводъ непостижимъ для человѣческаго ума. Другой абсурдъ“.

Это со стороны критика не болѣе, какъ игра словъ. Называя фактъ раздвоенія души простымъ, я вовсе не думалъ утверждать, что онъ не есть сложный, а хотѣлъ только выразить, что онъ всѣмъ общедоступенъ и извѣстенъ, что онъ бросается въ глаза по своей, такъ сказать, обыденности.

„Всѣ физики, химики, ботаники и зоологи всѣхъ странъ признаютъ, что органическіе и неорганическіе предметы, растенія и животныя, управляются въ сущности одинаковыми законами. Стало быть, *между ними не существуетъ такихъ страшныхъ различій, какъ*

между раздвояющимся и все-таки цѣльнымъ психическимъ и любымъ физическимъ организмомъ. Аналогія приведена, слѣдовательно, неправильная, да притомъ приведеніе ея нелогично: ужъ если разъ сказано, что примѣрами изъ матеріальнаго міра объяснить раздвоеніе нельзя, то какъ же можно примирить умъ съ этимъ раздвоеніемъ, ссылаясь именно на факты матеріальнаго міра".

Я не ссылаюсь на факты матеріальнаго міра, чтобъ объяснить ими раздвоеніе психическаго организма, а привожу эти факты только для того, чтобъ какъ можно нагляднѣе оттѣнить глубокое различіе основного психическаго факта отъ фактовъ не-психическихъ. Въ этомъ, я полагаю, нѣтъ ничего нелогическаго. Что касается до истины, что органическіе и неорганическіе предметы управляются *въ сущности* одними законами, то она, очевидно, относится только къ матеріальнымъ составнымъ частямъ растеній и животныхъ. Способъ комбинацій этихъ матеріальныхъ частей и законы такихъ комбинацій составляютъ для естествовѣдѣнія такую же тайну, какъ и міръ психическихъ явленій.

Вотъ всѣ возраженія проф. Сѣченова. Они могутъ быть характеризованы въ слѣдующихъ немногихъ словахъ. Критикъ не потрудился внимательно прочесть „Задачи Психологіи". По нѣкоторымъ отрывочнымъ мѣстамъ и выраженіямъ онъ заключилъ, что я—послѣдователь нѣмецкихъ идеалистическихъ философскихъ ученій, и потому возражаетъ противъ многихъ тезисовъ философскаго идеализма, въ полной увѣренности, что опровергаетъ меня. Къ недоразумѣніямъ такого рода сводится большая часть полемики проф. Сѣченова. Но, затѣмъ, есть нѣсколько психологическихъ вопросовъ, на которые мы дѣйствительно смотримъ совершенно различно. Къ разрѣшенію этихъ вопросовъ проф. Сѣченовъ приступаетъ съ предвзятой, ничѣмъ еще недоказанной мыслью, что психическія явленія управляются тѣми же самыми законами, какими управляются явленія, доступныя внѣшнимъ чувствамъ. Ставъ на такую точку зрѣнія, критикъ, при анализѣ психическихъ явленій, отступаетъ отъ методы и пріемовъ положительнаго изслѣдованія, которыхъ придерживается въ своихъ физіологическихъ изысканіяхъ, и обращается въ послѣдователя старыхъ философскихъ школъ, противъ которыхъ полемизируетъ. Еслибъ проф. Сѣченовъ захотѣлъ, отбросивъ всякія гипотезы, анализировать психическія явленія по правиламъ положительнаго, точнаго метода, то я увѣренъ, что наше разномысліе и по тѣмъ пунктамъ, въ которыхъ мы теперь не сходимся, окончилось бы полнымъ соглашеніемъ.

Отъ „Возраженій" проф. Сѣченова перехожу теперь къ его статьѣ: „Кому и какъ разработывать психологію"?

К. Кавелинъ.

НЕКРОЛОГЪ.

М. А. Максимовичъ.

Его литературное и общественное значеніе.

10 ноября 1873 г. умеръ на родинѣ своей, въ небольшомъ имѣніи Михайлова-Гора, около дер. Прохоровки, Полтавской губ., Золотоношскаго уѣзда, Михаилъ Александровичъ Максимовичъ. Не касаясь фактовъ внѣшней исторіи жизни покойнаго и не приводя перечня его трудовъ по разнымъ спеціальностямъ, мы напомнимъ только важнѣйшіе случаи изъ этой жизни и скажемъ нѣсколько словъ объ общественномъ значеніи трудовъ М. А. Максимовича [1])

Максимовичъ родился въ 1804 г., 3 сентября, въ небогатой семьѣ дворянъ Полтавской губерніи. Въ 1812 г. онъ поступилъ въ новгородъ-сѣверскую гимназію, а въ 1819 г. въ московскій университетъ по *словесному* отдѣленію, съ котораго черезъ два года перешелъ на физико-математическій факультетъ. Будучи студентомъ, Максимовичъ напечаталъ въ 1821 г. переводъ статьи Мирбеля: „Къ чему служатъ листья на растеніяхъ?" въ журналѣ моск. проф. Двигубскаго „Новый магазинъ естественной исторіи, физики, химіи и свѣдѣній экономическихъ",—въ которомъ потомъ помѣстилъ до 1827 г. нѣсколько оригинальныхъ трудовъ, преимущественно по ботаникѣ. Въ 1827 г. Максимовичъ защищалъ магистерскую диссертацію „О системахъ растительнаго царства", и въ 1829 г., послѣ напечатанія нѣсколькихъ сочиненій по естествознанію, сдѣланъ былъ адъюнктомъ въ московскомъ университетѣ, а въ 1833 г. ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ ботаники. Въ свое время труды Максимовича по естествознанію встрѣчались чрезвычайно сочувственно критикою спеціальною, а изложеніе ихъ дѣлало изъ него желаннаго сотрудника литературныхъ журналовъ. Между прочимъ, русская естественно-научная терминологія обязана Максимовичу такими словами, какъ *особь*, *подвѣнечникъ* (torus), *пологъ* (perigonium) и т. д.

Въ 1834 г. ботаникъ Максимовичъ былъ назначенъ въ Кіевъ,—куда тянули его симпатіи и состояніе здоровья,—въ новооткрываемый университетъ не на каѳедру ботаники, какъ того желалъ Мак-

---

[1]) Фактическую біографію и перечень трудовъ покойнаго можно найти въ статьѣ г. С. Пономарева, написанной къ 50-лѣтнему юбилею литературной дѣятельности Максимовича и помѣщенной въ Ж. М. Н. Пр. за 1872 г.

симовичъ, а на каѳедру русской словесности. Предметъ былъ, впрочемъ, не совсѣмъ новъ для Максимовича. Въ 1827 г. онъ издалъ сборникъ „Малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ“ съ предисловіемъ, словаремъ и объяснительными примѣчаніями; въ 1829 г. писалъ статьи объ исторической вѣрности поэмы Пушкина „Полтава“; въ 1833 г., напечаталъ критическій разборъ Вельтманова перевода: „Слово о Полку Игореви“; въ 1830—1834 издалъ нѣсколько книгъ альманаха „Денница“, а въ 1834 г. издалъ второй, болѣе обширный сборникъ малороссійскихъ пѣсенъ съ историко-филологическими примѣчаніями.

Съ 1834 по 1841 г. Максимовичъ былъ профессоромъ въ Кіевѣ, а до конца 1835 г. ректоромъ университета. Въ 1841 г. онъ вышелъ въ отставку, по разстроенному здоровью, и только временно съ 1843 по 1845 г. по найму преподавалъ въ университетѣ. Съ тѣхъ поръ Максимовичъ жилъ большею частію въ деревнѣ, изрѣдка появляясь на зиму въ Москву, и въ послѣднее время въ Кіевъ. Со времени переселенія въ Кіевъ, Максимовичъ отъ естествознанія перешелъ совершенно къ трудамъ историко-филологическимъ и до смерти напечаталъ нѣсколько сотенъ сочиненій и статей, изъ которыхъ особенно замѣчательны по исторіи русской литературы: Пѣснь о Полку Игоря (статья 1836, и переводъ съ примѣчаніями въ 1837); Исторія древней русской словесности (1839); Книжная старина южнорусская (1849—50). По русскому языку: Критико-историческое изслѣдованіе о русскомъ языкѣ (1838); Русская рѣчь въ сравненіи съ западно-славянскою (1845); Начатки русской филологіи (1847); Филологическія письма къ М. П. Погодину о старобытности малорусскаго языка (1856, 1857, 1863). По исторіи и древностямъ русскимъ: Откуда идетъ Русская земля (1837); О мнимомъ запустѣніи Украйны въ нашествіе Батыево (1857); Объ участіи и значеніи Кіева въ общей жизни Россіи (1837); Объяснительные параграфы о Кіевѣ (1868); О первыхъ временахъ кіево-богоявленскаго братства (1865); О памятникахъ луцкаго крестовоздвиженскаго братства (1841); О десяти городахъ и нѣкоторыхъ селахъ древней Руси (1854); Обозрѣніе городовыхъ полковъ и сотенъ на Украйнѣ до смерти Б. Хмельницкаго (1856); Бубновская сотня (1848); О гетманѣ Петрѣ Сагайдачномъ (1843, 1850); Письма о Богд. Хмельницкомъ къ Н. И. Костомарову; Письма о князьяхъ Острожскихъ (1866); Украинскія стрѣлы (1868) и т. д. По этнографіи: Дни и мѣсяцы украинскаго селянина (1856) и т. д. и т. д. Изъ педагогическихъ трудовъ Максимовича выдаются: Книга Наума о великомъ божіемъ мірѣ (1833); Букварь (1859 и слѣд.); Сказанія о стародавнихъ людяхъ кіевской земли (1865); а изъ стихотворныхъ: малорусскій переводъ псалмовъ (1859—1867) и „Слово о Полку Игореви“ (1859).

Спеціалисты въ свое время оцѣнивали высоко работы Максимовича. Касательно работъ филологическихъ довольно вспомнить, что одинъ изъ признаковъ русской рѣчи среди славянскихъ навсегда сохранилъ имя, данное ему Максимовичемъ—*полногласіе*, что Максимовичъ былъ одинъ изъ первыхъ, опредѣлившихъ признаки не только крупныхъ, но и мелкихъ дѣленій русской рѣчи,—нарѣчій, не только южнорусскихъ, но и великорусскихъ. Даль признавалъ, что „почти все, что М. А. Максимовичъ говоритъ о распредѣленіи нарѣчій, вѣрно; онъ владѣетъ завидною способностью схватывать по немногимъ даннымъ отличительные признаки нарѣчій и подводить ихъ подъ грамматическія правила". Н. И. Костомаровъ говоритъ о критико-историческихъ работахъ Максимовича: „Я не иначе, какъ съ благодарностью, отнесся къ замѣчаніяхъ М. А. М.". С. М. Соловьевъ въ слѣдующихъ словахъ оцѣнивалъ труды Максимовича для разъясненія исторіи кіевской и галицкой Руси и его заботы насадить литературную дѣятельность въ Кіевѣ: „передъ нами только двѣ книжки (сборника „Кіевлянинъ" 1840, 1841), но уже сколько относящагося къ бытію Кіева и всей южной Руси изслѣдовано и приведено въ надлежащую извѣстность,—и все это совершено усиліями только одного ученаго". Г. Соловьевъ желалъ, чтобъ за Кіевляниномъ явились Смолянинъ, Тверитянинъ, Черниговецъ, Рязанецъ—но „за матерью городовъ русскихъ остается честь и слава благого начинанія". Одинъ изъ нашихъ переводчиковъ, г. Гербель, говоритъ: „изъ стихотворныхъ переложеній Слова (о полку Игореви) лучшіе принадлежатъ Де-ла-Рю, Мею и въ особенности Максимовичу, чей малороссійскій переводъ Слова поражаетъ читателя, какъ замѣчательною близостію къ подлиннику, такъ и поэтическою простотою языка и звучностью стиха".

Но заслуги Максимовича не только передъ тѣснымъ кружкомъ спеціалистовъ и любителей. Его дѣятельность оставила по себѣ болѣе глубокій слѣдъ въ исторіи развитія русскаго общества.

Литературная дѣятельность Максимовича началась въ эпоху романтизма. Между прочими послѣдствіями своими романтизмъ имѣлъ и то, что образованное общество обратило вниманіе на старинныя, а потомъ, въ частности на народныя преданія и поэзію, и постепенно втянулось въ изученіе народнаго быта вообще; подъ вліяніемъ этого изученія само литературное романтическое направленіе перешло въ реалистическое, и литература стала изображать жизнь массъ народныхъ,—а это повело за собою послѣдствія громадной важности для развитія какъ литературы, такъ и общества.

Романтическое направленіе могло скорѣе возникнуть или хоть легче привиться и дать вышеупомянутыя послѣдствія въ странахъ и

краяхъ, гдѣ больше всего къ концу XVIII в. сохранилось слѣдовъ старинной, менѣе регламентированной тогдашнимъ полицейскимъ государствомъ жизни народной. Такою страною въ западной Европѣ оказалась Шотландія, которой преданія въ видѣ знаменитаго (Псевдо) Оссіана Макферсона произвели такой фуроръ въ свое время. За Макферсономъ послѣдовалъ Вальтеръ-Скоттъ съ изданіемъ народныхъ шотландскихъ балладъ (1802—1803), съ собственными сочиненіями въ духѣ ихъ и съ романами изъ шотландской и потомъ европейской старины вообще. Не трудно доказать, что В.-Скоттъ породилъ и Диккенса и Теккерея, и что то впечатлѣніе, какое произвели Макферсонъ, Перси (Reliques of ancient english poetry 1765) В.-Скоттъ и Чемберсъ (1829) обработкою и изданіемъ британской и преимущественно шотландской народной поэзіи и старинныхъ преданій, породило и на материкѣ Европы интересъ къ изслѣдованію народной словесности и старины со всѣми научными, литературными и общественными послѣдствіями такого интереса.

Здѣсь, на материкѣ Европы, въ этомъ отношеніи славянскія земли идутъ не за другими, какъ это почти всегда бываетъ, а самостоятельно и даже во многомъ впереди другихъ. Происходитъ это, какъ мы думаемъ, отъ преимущественно сельскаго и крестьянскаго состава славянскихъ народовъ. Между славянскими землями первенство по вниманію къ народной словесности принадлежитъ Сербіи и Россіи, а въ ней въ особенности Малороссіи, несомнѣнно, потому что Сербія и Малороссія представляли въ концѣ XVIII в. не мало чертъ, сходныхъ съ Шотландіей: въ Сербіи героическій вѣкъ еще продолжался, въ Малороссіи только что кончился. Сборникъ народныхъ сербскихъ пѣсенъ Караджича (1817, 1818, 1823) произвелъ огромное впечатлѣніе и въ Германіи, и упредилъ на нѣсколько лѣтъ нѣмецкія изданія подобной же важности.

Въ Россіи сборники народныхъ пѣсенъ Чулкова (1770), Новикова (1780) и Калайдовичево изданіе рукописи Кирши Данилова (1818) стоятъ сначала изолированно, хотя и являются одними изъ первыхъ сборниковъ народной словесности въ Европѣ. Систематическая же работа надъ народной словесностью началась нѣсколько позже и притомъ, почти до 60-хъ годовъ, преимущественно сосредоточивалась на малорусской словесности, какъ видно изъ слѣдующаго перечисленія сборниковъ поэзіи юга и сѣвера Россіи: а) Князя Цертелева — Опытъ собранія старинныхъ малорусскихъ пѣсенъ, 1819; Максимовича три сборника: 1827, 1834, 1849 (цензурованъ въ 1845); Срезневскаго — Запорожская старина 1833—38; П. Лукашевича—Малорусскія и Червонорусскія думы и пѣсни, 1836; Метлинскаго—Народныя южнорусскія пѣсни, 1854; Кулиша—Записки о южной Руси 1855—1856; Ко-

стомарова—въ Малорусскомъ сборникѣ Мордовцева—1859 и т. д. Сюда же надо причислить и галицкіе сборники: Вацлава изъ Олеска 1833; М. Шашкевича (въ Русалкѣ Днѣстровой 1837); Жеготы Паули 1840, и сборники разныхъ лицъ, напечатанные г. Головацкимъ въ Москов. чтеніяхъ послѣ 1863 г.); Сахарова — Сказанія русскаго народа—1838; П. Кирѣевскаго—Пѣсни, 1849 и 1860 и слѣд.; Рыбникова—Пѣсни 1861 и слѣд.; Безсонова—Калѣки перехожіе, 1861 и слѣд. Якушкина, Варенцова, Шеина, Гильфердинга 1873 г. т. д. Слѣдуетъ замѣтить еще, что объемистые сборники Кирѣевскаго и Рыбникова изданы на счетъ Моск. общества любителей словесности, безъ помощи коего, если не ошибаемся, не обошлось и изданіе г. Безсонова; малорусскіе же сборники изданы по большей части въ провинціи и исключительно частными усиліями, кромѣ сб. г. Головацкаго и теперь печатаемаго Императорскимъ Географическимъ Обществомъ, и обширнаго собранія г. Чубинскаго [1]).

М. А. Максимовичъ, какъ видимъ, занимаетъ мѣсто въ ряду самыхъ раннихъ, самыхъ усердныхъ и самыхъ безкорыстныхъ изслѣдователей народной поэзіи и въ Россіи и въ Европѣ. Что М. А. приступилъ къ своимъ этнографическимъ работамъ съ полнымъ сознаніемъ всей широкой важности такихъ работъ, это свидѣтельствуютъ слѣдующія слова изъ предисловія его къ сборнику пѣсенъ 1827:

„Наступило, кажется, то время, когда познаютъ истинную цѣну народности; начинаетъ уже сбываться желаніе—да создастся поэзія истинно Русская! Лучшіе наши поэты уже не въ основу и образецъ своихъ твореній поставляютъ произведенія иноплеменныя, но только

---

1) Вотъ для опредѣленія относительной самостоятельности изданія памятниковъ народной словесности въ Россіи и заграницей нѣсколько хронологическихъ данныхъ о времени выхода первыхъ важнѣйшихъ сборниковъ народной словесности въ Европѣ: въ Германіи—послѣ знаменитаго сочиненія Вильг. Гримма: Die deutsche Heldensage (1829) появились сборники: Вольфа—1830, Эрлаха—1834-37, Фирменика (Germaniens Völkerstimmen, богатый матеріалъ собственно для нарѣчій, 1843, Уланда 1844 и т. д.. Во Франціи народная поэзія обращаетъ на себя впервые серьёзное вниманіе на кельтской окраинѣ ея въ изданіяхъ Вик. Де-ла Виллымарке послѣ 1839 г. (Chants p. de la Bretagne); другіе сборники—Шанфлери (1860), Arbaud (провансальск.) въ 1862, Пюймегра въ 1865 и т. д. Въ Италіи, гдѣ теперь ревность къ изученію народной поэзіи и діалектовъ едва-ли не сильнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, — что свидѣтельствуютъ такія изданія, какъ Pitre—Biblioteca delle tradizioni popolari siciliane (IV voll. 1871—73), Comparetti ed Ancona-Canti e racconti del popolo italiano (III voll. 1870—72) и т. д. Асколи—Dialettologia italiana и т. д., такія учрежденія какъ Societa Dialettologica Italiana во Флоренціи, серьёзныя работы надъ словесностью начались только послѣ изданія Tommaseo—Canti populari Toscani, Corsi, Illirici, Greci—въ 1841 г. Въ западно-славянскихъ земляхъ, первые серьёзные сборники народной поэзіи, кромѣ упомянутаго выше сборника В. Караджича, были: сб. чешскихъ и др. славянскихъ пѣсенъ Челяковскаго (1822—27), сербскихъ Милютиновича (1837), польскихъ Войцицкаго (1836).

средствомъ къ полнѣйшему развитію самобытной поэзіи, которая зачалась на родимой почвѣ, долго была заглушаема пересадками иностранными и только изрѣдка сквозь нихъ пробивалась.

„Въ семъ отношеніи большое вниманіе заслуживаютъ памятники, въ коихъ полнѣе выражалась бы народность: это суть пѣсни, гдѣ звучитъ душа, движимая чувствомъ, и сказки, гдѣ отсвѣчивается фантазія народная.“

Мы имѣемъ доказательства, что сборнику М. А. удалось произвести желаемое имъ вліяніе. М. А. разсказывалъ намъ, что въ одно изъ посѣщеній своихъ Пушкина онъ засталъ поэта за своимъ сборникомъ: — „А я обираю ваши пѣсни“, — сказалъ Пушкинъ. Онъ писалъ въ это время „Полтаву“, вышедшую въ 1829 г. „Полтава“— одно изъ первыхъ у насъ поэтическихъ произведеній съ чертами народности въ сюжетѣ и характерахъ. Марія Кочубеевна, при всей своей относительной (по теперешнимъ понятіямъ) блѣдности изображенія — одно изъ первыхъ живыхъ русскихъ женскихъ лицъ въ нашей литературѣ; нельзя не видѣть, что черты ея у Пушкина навѣяны женскими украинскими пѣснями, столь полными нѣжности и страсти. Вниманіе, какое оказывалъ Пушкинъ къ пѣснямъ, издаваемымъ М. А., засвидѣтельствовано показаніемъ г. Погодина и письмомъ Гоголя, который говоритъ о сборникѣ М. А. 1834 г.: „Я похвастаюсь имъ передъ Пушкинымъ“.

Мы подошли къ другой знаменитости, которая играла столь крупную роль для народнаго и общественнаго самосознанія Россіи, и съ коею М. А. Максимовичъ находился еще болѣе въ тѣсной связи, чѣмъ съ Пушкинымъ. Мы должны остановиться на Гоголѣ еще и потому, что первоначальная дѣятельность его, начавшись, видимо, безъ всякой внѣшней связи съ дѣятельностью М. А. М., представляетъ большую аналогію съ послѣднею, — хотя, конечно, дальше Гоголь и Максимовичъ пошли каждый дорогою своей натуры. Отъ Гоголя мы имѣемъ множество напечатанныхъ писемъ, по которымъ можно судить о его внутреннемъ настроеніи, которое въ первые годы его дѣятельности,—мы можемъ съ достовѣрностью предположить,—было совершенно аналогично съ настроеніемъ М. А. Максимовича, и можетъ послужить къ уясненію того значенія, какое имѣли для литературнаго и общественнаго развитія Россіи украинскія народныя пѣсни и преданія, которыми одни изъ первыхъ стали заниматься Максимовичъ и Гоголь. Въ 1829 г. Гоголь является изъ хутора Полтавской губерніи въ Петербургъ,—и вотъ какъ говоритъ онъ въ первомъ письмѣ къ матери (30-го апрѣля) о впечатлѣніи, произведенномъ на него — миргородско-нѣжинскаго панича—сѣверной Пальмирой: „Въ Петербургѣ тишина необыкновенная; никакой духъ не блеститъ въ народѣ; все служащіе, да должностные, всѣ

толкуютъ о своихъ департаментахъ да коллегіяхъ, все погрязло въ трудахъ, въ которыхъ безплодно издерживается ихъ жизнь... Петербургъ вовсе не похожъ на прочія столицы европейскія или Москву. Каждая столица вообще характеризуется своимъ народомъ, набрасывающимъ на нее печать національности, — на Петербургѣ нѣтъ никакого характера.“ Подъ такими впечатлѣніями Гоголь вспоминаетъ о народѣ въ полтавскихъ хуторахъ, о коемъ онъ, какъ видно по всему, не очень-то много думалъ прежде, — и съ этого письма начинаетъ рядъ просьбъ къ матери, сестрамъ, знакомымъ, сообщать ему народныя пѣсни, преданія, сказки, описывать старинные предметы, — „какъ это все дѣлается у самыхъ закоренѣлыхъ, самыхъ древнихъ, самыхъ наименѣе перемѣнившихся малороссіянъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Гоголь проситъ прислать ему малорусскія пьесы отца, говоря: „здѣсь всѣхъ такъ занимаетъ все малороссійское, что я постараюсь попробовать поставить ихъ на театрѣ“. Извѣстно, что результатомъ пробудившагося этнографическаго интереса у Гоголя были повѣсти, которыя онъ сталъ печатать въ журналахъ, а потомъ и первая часть „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“ (1830 г.) Теперь, когда малорусскія народныя сказки отчасти изданы г. Рудченкомъ (I—II-й вып. 1869—1870), можно наглядно видѣть, какъ обильно Гоголь черпалъ изъ народныхъ преданій и разсказовъ. „Вечера на хуторѣ“ произвели огромное впечатлѣніе. По словамъ г. Пыпина, это былъ первый опытъ изображенія живой народной жизни въ Россіи, такъ что г. Пыпинъ даетъ ему мѣсто не только въ чисто-литературной исторіи, но въ исторіи изученія русской народности. „Вечера на хуторѣ“ произвели впечатлѣніе прежде всего на вождя тогдашней литературы—Пушкина. Вотъ что писалъ онъ: „Сейчасъ прочелъ *Вечера близъ Диканьки*. Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами, какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился... Ради Бога, возьмите сторону (автора), если журналисты, по своему обыкновенію, нападутъ на *неприличіе* его выраженій, на дурной тонъ и проч. Пора, пора намъ осмѣять les précieuses ridicules нашей словесности, людей, толкующихъ вѣчно о прекрасныхъ читательницахъ, которыхъ у нихъ не бывало, о высшемъ обществѣ, куда ихъ не просятъ; и все это слогомъ камердинера профессора Третьяковскаго.

Со времени „Вечеровъ“ начинается близкая дружба между двумя геніальнѣйшими поэтами русскими, дружба столь плодотворная для Гоголя (по его собственному сознанію), но не безплодная и для Пушкина. Объ обратномъ вліяніи Гоголя на Пушкина и даже на старѣй-

шаго и консервативнаго Жуковскаго даетъ основаніе заключать слѣдующее мѣсто изъ письма Гоголя къ Данилевскому, отъ 2-го ноября 1831 г.: „Все лѣто я провелъ въ Павловскѣ и въ Царскомъ Селѣ. Почти каждый вечеръ собирались мы, Жуковскій, Пушкинъ и я. О, если бы ты зналъ, сколько прелестныхъ вещей вышло изъ-подъ пера этихъ мужей! У Пушкина повѣсть октавами писанная: Кухарка (домикъ въ Коломнѣ), въ которой вся Коломна и петербургская природа живая. Кромѣ того, сказки, русскія народныя сказки, не то, что Русланъ и Людмила, но совершенно русскія. У Жуковскаго тоже русскія народныя сказки — чудное дѣло! Жуковскаго узнать нельзя. Кажется, появился новый обширный поэтъ и уже чисто-русскій, ничего германскаго и прежняго“ (Сказки Жуковскаго стали печататься съ 1831 г., Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ въ 1833 г.).

Два полтавца, одинъ, въ Москвѣ, на каѳедрѣ ботаники, другой— въ Петербургѣ, въ разныхъ должностяхъ, имѣющіе общихъ знакомыхъ, горячо преданные одному дѣлу, этнографіи родного края, Максимовичъ и Гоголь должны были войти въ сношенія и,—скоро письма ихъ получаютъ интимный характеръ. Къ тому же, оба они стали рваться въ Кіевъ, гдѣ оба надѣялись получить каѳедры въ новомъ университетѣ. „Мнѣ надоѣлъ Петербургъ“, пишетъ Гоголь Максимовичу въ январѣ 1834 г., „какъ только въ Кіевъ — лѣнь къ чорту. Да превратится онъ въ Русскія Аѳины“. Готовясь къ каѳедрѣ исторіи словесности русской и языка, которую и занялъ онъ въ Кіевѣ, Максимовичъ приготовлялъ къ изданію свой сборникъ украинскихъ пѣсенъ 1834 г. Гоголь тѣмъ временемъ работалъ надъ исторіей Малороссіи, а въ сборникѣ Максимовича принималъ такое участіе, какъ будто это было его изданіе. Вотъ что онъ говоритъ о пѣсняхъ украинскихъ въ письмѣ къ Максимовичу, отъ 9-го ноября 1833 г.:

„Теперь я принялся за исторію нашей... Украйны. Ничто такъ не успокоиваетъ, какъ исторія. Мои мысли начинаютъ литься тише и стройнѣй. Мнѣ кажется, что я напишу ее, что я скажу много того, чего до меня не говорили.

„Я порадовался, услышавъ отъ васъ о богатомъ присовокупленіи пѣсенъ изъ собранія Ходаковскаго. Какъ бы я желалъ теперь быть съ вами и пересмотрѣть ихъ вмѣстѣ, при трепетной свѣчѣ, между стѣнами, убитыми книгами и книжною пылью, съ жадностью жида, считающаго червонцы! Моя радость, жизнь моя, пѣсни! Какъ я васъ люблю! Что всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, предъ этими звонкими, живыми лѣтописями!.. Я самъ теперь получилъ много новыхъ, и какія есть между ними! прелесть!.. Я вамъ ихъ спишу... не такъ скоро, потому что ихъ очень много. Да, я васъ прошу, сдѣлайте милость, дайте списать всѣ находящіяся у васъ

пѣсни, выключая печатныхъ и сообщенныхъ вамъ мною. Сдѣлайте милость, пришлите этотъ экземпляръ мнѣ. Я не могу жить безъ пѣсенъ. Вы не понимаете, какая это мука. Я знаю, что есть столько пѣсенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не знаю. Это все равно, если бы кто передъ женщиной сказалъ, что онъ знаетъ секретъ, и не объявилъ бы ей. Велите переписать четкому, красивому писцу въ тетрадь in quarto на мой счетъ. Я не имѣю терпѣнія дождаться печатнаго, притомъ я тогда буду знать, какія присылать вамъ пѣсни, чтобы у васъ не было двухъ сходныхъ дублетовъ. Вы не можете представить, какъ мнѣ помогаютъ въ исторіи пѣсни. Даже не историческія, даже и... онѣ всѣ даютъ по новой чертѣ въ мою исторію, все разоблачаютъ яснѣе и яснѣе... прошедшую жизнь и... прошедшихъ людей. Велите сдѣлать это (переписать пѣсни) скорѣе".

Страстной любовью къ поэтическимъ красотамъ украинскихъ пѣсенъ и высокимъ уваженіемъ къ ихъ историческому значенію проникнута статья Гоголя по поводу сборниковъ Максимовича, Срезневскаго и Вацлава изъ Олеска въ Журн. Мин. Нар. Пр. за 1834 г. Въ томъ же году, въ томъ же январѣ, когда Гоголь писалъ Максимовичу, что Петербургъ ему надоѣлъ, онъ писалъ г. Погодину: „я теперь весь погруженъ въ исторію Малороссіи... Малороссійская исторія у меня чрезвычайно бѣшена, да иначе, впрочемъ, ей быть нельзя" (11 янв. 1834 г.) И однако-жъ Малороссійской исторіи Гоголь не написалъ! Правда, онъ написалъ въ этотъ періодъ „Тараса Вульбу", и до сихъ поръ единственный, вполнѣ художественный русскій историческій романъ. Но въ тотъ же періодъ, когда Гоголь такъ возился съ малорусскими пѣснями и исторіей, онъ написалъ Женитьбу, Ревизора и т. п. вещи, съ которыхъ начинается новая эпоха русскаго самосознанія. Мы никогда не поймемъ причины появленія такихъ вещей, а слѣдовательно, не поймемъ вѣрно и всей послѣдующей дѣятельности Гоголя,—не поймемъ, что дало силу недоучившемуся провинціалу, чуждому результатовъ передовой европейской мысли, стать возбудителемъ критическаго самосознанія въ русскомъ обществѣ, если не обратимъ вниманія на связь появленія Ревизора и т. п. вещей съ тѣмъ увлеченіемъ, какому предавался Гоголь, занимаясь пѣснями и исторіей Малороссіи, — и не оцѣнимъ того контраста, какой представляютъ симпатическія и грандіозныя образы въ этихъ пѣсняхъ и въ этой исторіи, какъ она представлялась Гоголю, съ тѣми „мелочами и пошлостью, опутавшими нашу жизнь", какія видѣлъ Гоголь около себя въ дѣйствительности. А если такъ,—то вотъ какую службу сослужили украинскія народныя пѣсни нашему отечеству! И не мала доля участія въ этой службѣ и М. А. Максимовича.

Но и этимъ не оканчиваются заслуги для Россіи М. А. Макси-

мовича, — какъ одного изъ дѣятелей по возбужденію въ ней народнаго самосознанія. Онъ является профессоромъ въ Кіевѣ, въ который только что переведенъ былъ университетъ изъ Вильны. Въ Кіевъ М. А. явился, приготовивъ сборникъ украинскихъ пѣсенъ 1834 г. Если мы посмотримъ на эпиграфы этого сборника, на примѣчанія къ нему,—то мы увидимъ, что руководящею идеей въ немъ была идея о близости малорусской народной поэзіи съ памятниками литературы удѣльнаго періода, особенно съ „Словомъ о полку Игоревѣ". Это—мысль, которую потомъ литературно развилъ Бѣлинскій въ статьѣ о русскихъ народныхъ пѣсняхъ, и учено, по слѣдамъ Максимовича, г. Буслаевъ, въ статьѣ „Объ эпическихъ выраженіяхъ украинской народной поэзіи". Эта мысль побудила потомъ Максимовича перевести обломокъ поэзіи старокіевской Руси на языкъ теперешнихъ крестьянъ этой Руси. Всякому, кто знакомъ съ исторіею югозападной Руси и съ ея положеніемъ, — надѣемся, понятно будетъ, безъ дальнихъ словъ, какое огромное практическое государственное значеніе имѣетъ мысль,—что рѣчь, поэзія, чувства *хлопа* въ югозападной Руси — прямые потомки рѣчи, поэзіи, чувствъ *князей* древнекіевской земли. И дѣйствительно, тѣ работы и тѣ интересы, какимъ предавался этнографъ и археологъ Максимовичъ въ Кіевѣ и послѣ, имѣютъ столько же научное, сколько и политическое значеніе.

Въ основаніи археологической коммиссіи для изслѣдованія древностей юго-западнаго края и археографической коммиссіи,—которая явилась при генералъ-губернаторѣ, вмѣсто предполагаемаго Максимовичемъ кіевскаго общества исторіи и древностей,—Максимовичъ являлся, какъ начинатель и какъ дѣятельный сотрудникъ. А извѣстно, что труды этой коммиссіи дали возможность прослѣдить непрерывность народной русской традиціи въ юго-западномъ краѣ подъ разными чуждыми наслоеніями. Не должно думать, что дѣятельность, даже ученая, въ народномъ русскомъ духѣ была такъ легка въ тридцатые-сороковые годы въ Кіевѣ. Казалось бы, университетъ въ Кіевѣ для этой дѣятельности и былъ основанъ. По крайней мѣрѣ гр. Уваровъ говорилъ въ Кіевскомъ университетѣ, что „назначеніе университета—распространять русское образованіе и русскую народность въ ополяченномъ краѣ западной Россіи". Не трудно, казалось бы также, было бы признать безусловно вѣрною мысль Хомякова, который писалъ Максимовичу по поводу выхода первой книги его „Кіевлянина": „пора Кіеву отзываться русскимъ языкомъ и русскою жизнью. Я увѣренъ, что слово и мысль лучше завоевываютъ, чѣмъ сабля и порохъ,—а Кіевъ можетъ дѣйствовать во многихъ отношеніяхъ сильнѣе Питера и Москвы. Онъ городъ пограничный между двумя стихіями, двумя просвѣщеніями." Трудно указать гдѣ-либо окраину государства, въ которой является необходимость заботить-

ся о преодолѣніи центробѣжныхъ стремленій, гдѣ бы эти стремленія были дѣломъ до того ничтожнаго меньшинства и гдѣ бы настроеніе массъ и историческія традиціи были до того противуположны враждебному государственности меньшинству и до того, слѣдовательно, благопріятны цѣлямъ государства, какъ юго-западная Русь. Поэтому дѣятельность лица, которое задалось цѣлью изслѣдовать жизнь и духъ коренной народности въ Юго-западномъ краѣ въ настоящемъ и прошедшемъ, казалось бы, не должна была встрѣчать никакихъ препятствій, особенно лица съ такими далеко не крайними мнѣніями, какъ Максимовичъ. Однако, было не такъ. Чтобъ понять соотвѣтствіе такихъ изслѣдованій и разъясненій, какъ тѣ, какія начиналъ Максимовичъ, съ видами государства, нужно было отрѣшиться отъ тѣхъ взглядовъ на народъ и государство, какія господствовали въ тридцатые-сороковые годы, нужно было сознать, что на тогдашней государственной дѣятельности, даже по вопросу о народности въ политикѣ, лежало путами крѣпостное право массъ. А тотъ народъ, объ исторіи и бытѣ котораго хотѣлъ говорить Максимовичъ, именно къ этому крѣпостному праву относился до того недвусмысленно, что самые умѣренные люди, разъ прикоснувшись къ исторіи и этнографіи этого народа, невольно наталкивались на мысли, которыя двадцать-тридцать лѣтъ назадъ считались чрезвычайно крайними. Любопытно читать теперь въ біографіи Максимовича, напечатанной въ оффиціальномъ журналѣ,—что, напр., „еписк. Иннокентій исправлялъ статьи Максимовича, остерегаясь цензуры, которая была очень строга; такъ стихотвореніе Хомякова „Кіевъ“ не было пропущено цензоромъ; историческія статьи печатались съ великими ущербами; а статья Максимовича „Сказаніе о Коліевщинѣ 1768 года“, на которую онъ разсчитывалъ, какъ на самую интересную для читателей, не только воспрещена была цензоромъ, но даже, по настоянію его, была отослана мѣстнымъ цензурнымъ комитетомъ въ Петербургъ, при особомъ мнѣніи цензора“; или напр., что „выходъ“ Сборника украинскихъ пѣсенъ“ былъ задержанъ тогдашними обстоятельствами“—послѣ того уже, какъ былъ процензурованъ, на цѣлыхъ четыре года отъ 1845 до 1849 г. Характерно и то, что когда Максимовичъ поѣхалъ на вакаціи 1839 г., на свою Михайлову гору, гдѣ ему тотчасъ же бросился, говоря словами его біографа, „печальный упадокъ двухъ сословій тамошняго люда, связанныхъ между собою крѣпостнымъ правомъ 1783 г.“, Максимовичъ написалъ свои мысли Иннокентію,—и „Иннокентій, посылая отвѣтъ свой по почтѣ, опасался разговориться свободно о жгучемъ вопросѣ и отвѣчалъ Максимовичу письмомъ на латинскомъ языкѣ“.

Интересъ къ народности повелъ Максимовича еще къ одному живому дѣлу: къ дѣлу народнаго образованія. Его „Книга Наума о

великомъ божіемъ мірѣ", вышедшая въ 1833 г., есть одинъ изъ первыхъ у насъ опытовъ популярной литературы, заглавіе котораго показываетъ начало идеи о народности въ педагогіи. Дальнѣйшій шагъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи представляютъ первыя изданія Букваря Максимовича. Максимовичъ же является и однимъ изъ первыхъ у насъ переводчиковъ священнаго писанія на народный языкъ своими „Псалмами, переложенными на украинское нарѣчіе", въ „Украйнцѣ" 1859 г., а потомъ въ львовскомъ журналѣ „Галичанинъ" за 1867 г.

Такіе всесторонніе побѣги дали въ Максимовичѣ тѣ этнографическіе интересы, которые заставили его, ботаника, выступить въ 1827 г. съ сборникомъ украинскихъ народныхъ пѣсенъ! Эти побѣги были бы свѣжи и новы въ настоящее время,—тѣмъ болѣе они новы были въ 20—40-е годы, когда сложился и наиболѣе дѣйствовалъ Максимовичъ. Онъ, конечно, до конца сохранилъ на себѣ окраску времени своего воспитанія, но едвали въ комъ-либо изъ оставшихся до послѣдняго времени дѣятелей Жуковско-Пушкинской эпохи было столько живыхъ интересовъ, связывающихъ его съ интересами послѣдующихъ поколѣній, какъ въ М. А. Максимовичѣ.

Нѣкогда Пушкинъ сказалъ о Ломоносовѣ, что онъ самъ былъ первымъ русскимъ университетомъ. Неутомимый труженикъ на каѳедрѣ въ Кіевѣ и потомъ въ хуторѣ, гдѣ жилъ онъ на пенсію въ 762 р., М. А. Максимовичъ былъ для Кіевской Руси цѣлымъ ученымъ историко-филологическимъ учрежденіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ живымъ народнымъ человѣкомъ. Въ странѣ столь обширной, какъ Россія, областная жизнь въ прошломъ и настоящемъ должна представлять не мало разнообразія,—а потому вопросъ объ изученіи областей и представляетъ такую важность для науки, а вопросъ объ установленіи равновѣсія въ степени жизненности областей и центровъ такъ важенъ для общественнаго дѣятеля. М. А. Максимовичъ былъ у насъ однимъ изъ первыхъ дѣятелей для областной науки и жизни. Его значеніе вѣрно опредѣлилъ Иннокентій словами: „Исполать вамъ! Вы стоите за все кіевское, какъ истый кіевлянинъ"! Изучая Кіевскую Русь и ея народъ, истолковывая ее, въ теченіи сорока-пяти лѣтъ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, начиная въ провинціальномъ городѣ литературно-ученую дѣятельность, М. А. Максимовичъ тѣмъ именно и успѣлъ послужить и прямо, и косвенно, наукѣ, литературѣ и обществу всей Россіи, и показалъ, чего можно ждать отъ народныхъ силъ Кіевской Руси, при наступающихъ лучшихъ условіяхъ народной и областной жизни.

Кіевъ. 15-го декабря 1873. М. Драгомановъ.

ИЗВѢСТІЯ.

I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданіе комитета 11-го января 1874 года.

1) Выслано 200 руб. въ пособіе дочери писателя, находящейся временно въ стѣсненномъ положеніи.

2) Выдано 40 руб. писателю на выкупъ его платья.

3) Выдано въ ссуду 300 руб. одному писателю, за поручительствомъ двухъ членовъ комитета въ вѣрности возвращенія этой суммы къ 31-му декабря 1874 г.

4) За силою § 5 устава, отклонены ходатайства трехъ лицъ о пособіи.

5) Выслано 100 руб., изъ пожертвованной А. А. Краевскимъ суммы, на воспитаніе сына писателя.

6) Выдано 25 руб. писателю на уплату долга за квартиру.

7) Изъявлена благодарность Общества Н. А. и В. А. Манассеинымъ за содѣйствіе ихъ комитету.

II. Уставъ Саратовскаго общества вспомоществованія недостаточнымъ людямъ, стремящимся къ высшему образованію.

§ 1. Для доставленія недостаточнымъ жителямъ или уроженцамъ Саратовской губерніи возможности получить высшее образованіе учреждено въ Саратовѣ общество вспомоществованія недостаточнымъ людямъ, стремящимся къ высшему образованію.

§ 2. Общество оказываетъ пособіе учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ высшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, и лицамъ домашняго воспитанія, которыя по своимъ свѣдѣніямъ могутъ быть приняты въ высшія учебныя заведенія.

Примѣчаніе I. Общество оказываетъ пособіе въ видѣ исключенія также и даровитымъ самоучкамъ; въ этомъ случаѣ оно даетъ самоучкамъ средства для полученія какъ средняго, такъ и высшаго образованія.

Примѣчаніе II. Учащимся въ учебныхъ заведеніяхъ пособія могутъ быть назначаемы не иначе, какъ съ согласія непосредственныхъ начальствъ тѣхъ заведеній.

§ 3. Помощь вступающимъ въ высшія учебныя заведенія можетъ состоять въ выдачѣ денегъ на путевыя издержки до мѣста нахожденія заведенія, въ снабженіи платьемъ, въ платѣ за слушаніе лекцій и во временныхъ стипендіяхъ, преимущественно на первомъ курсѣ.

§ 4. Помощь учащимся въ высшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній можетъ состоять въ платѣ за право ученія, въ снабженіи одеждой, учебными пособіями, во временныхъ стипендіяхъ и въ прінсканіи уроковъ или занятій.

§ 5. Денежныя пособія производятся только въ видѣ временныхъ ссудъ, возвращеніе которыхъ, по мѣрѣ возможности, предоставляется нравственному чувству воспользовавшихся пособіемъ, о чемъ объявляется при выдачѣ ссуды.

§ 6. Общество состоитъ въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ.

§ 7. Общество состоитъ изъ членовъ дѣйствительныхъ и почетныхъ обоего пола.

§ 8. Дѣйствительными членами могутъ быть лица обоего пола, за исключеніемъ несовершеннолѣтнихъ и учащихся, обязавшіяся вносить въ кассу общества не менѣе 5 р. ежегодно или сдѣлавшія единовременный взносъ не менѣе ста руб.

Примѣчаніе. Единовременные взносы въ количествѣ ста руб. и болѣе причисляются къ денежному фонду общества.

§ 9. Членъ общества, не представившій къ 1 января слѣдующаго съ него годоваго взноса, считается сложившимъ съ себя званіе члена впредь до новаго взноса.

§ 10. Почетнымъ членомъ общества считается саратовскій губернаторъ; кромѣ того, въ почетные члены обществомъ избираются лица, отъ которыхъ общество можетъ ожидать какихъ-либо важныхъ услугъ.

§ 11. Средства общества заключаются: 1) изъ ежегодныхъ и единовременныхъ взносовъ членовъ общества; 2) изъ всякаго рода денежныхъ и вещественныхъ пожертвованій; 3) изъ сбора въ годовщины основаній университетовъ. Кромѣ сего, общество можетъ устраивать спектакли, концерты, публичныя чтенія, аллегри и проч., соблюдая установленный на сей предметъ закономъ порядокъ.

§ 12. Распоряженіе дѣлами общества лежитъ на общемъ собраніи и на Совѣтѣ общества.

§ 13. Общія собранія составляются изъ дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ, и бываютъ годовыя, очередныя и чрезвычайныя. Первое созывается 12-го января, въ день основанія московскаго университета; вторыя ежемѣсячно, по постановленію Совѣта, третьи также по постановленіямъ Совѣта, или по требованію ревизіонной коммиссіи, или же не менѣе 10 членовъ, для обсужденія особенно важныхъ дѣлъ, не терпящихъ отлагательства.

§ 14. Общія собранія признаются дѣйствительными: годовое и чрезвычайныя, если въ нихъ присутствовало не менѣе 30, ежемѣсячныя—не менѣе 15 членовъ. Въ случаѣ, если какое-либо собраніе не состоится по неприбытію установленнаго числа членовъ, то чрезъ недѣлю назначается новое собраніе, которое считается состоявшимся, какое бы число членовъ ни собралось. Вопросы въ собраніи рѣшаются простымъ большинствомъ; въ случаѣ равенства голосовъ, вопросъ считается непринятымъ. Для постановленій о дополненіи и измѣненіи устава требуется согласіе 2/3 прибывшихъ въ собраніе членовъ.

§ 15. Право предсѣдательства въ очередныхъ общихъ собраніяхъ принадлежитъ предсѣдателю Совѣта, а въ годовомъ и чрезвычайныхъ собраніяхъ избирается особый предсѣдатель.

§ 16. Къ предметамъ занятій общихъ собраній относится: 1) выборъ почетныхъ членовъ, членовъ Совѣта и ревизіонной коммиссіи; 2) разсмотрѣніе годового отчета Совѣта; 3) разсмотрѣніе частныхъ отчетовъ о дѣйствіяхъ Совѣта за время отъ одного до другого собранія; 4) разсмотрѣніе доклада ревизіонной коммиссіи; 5) разсмотрѣніе представленій Совѣта о вспомоществованіяхъ; 6) обсужденіе мѣръ къ увеличенію средствъ общества; 7) составленіе инструкціи для дѣйствій Совѣта; 8) постановленіе о ходатайствахъ объ измѣненіи и дополненіи устава.

Примѣчаніе. Къ предметамъ занятій очередныхъ собраній принадлежатъ только поименованные въ 3, 5 и 6 пунктахъ.

§ 17. Совѣтъ состоитъ изъ пяти членовъ, избираемыхъ на одинъ годъ, изъ дѣйствительныхъ членовъ, проживающихъ въ Саратовѣ.

§ 18. Члены Совѣта изъ своей среды избираютъ: предсѣдателя, казначея и секретаря.

Примѣчаніе. Совѣтъ по случаю отсутствія или болѣзни означенныхъ лицъ опредѣляетъ, кто именно изъ остальныхъ членовъ Совѣта долженъ вступать въ отправленіе ихъ обязанностей.

§ 19. Въ члены Совѣта избираются 10 челов., изъ числа которыхъ 5, по старшинству голосовъ, поступаютъ въ члены, 5 въ кандидаты къ нимъ; избраніе производится — сначала кандидатовъ, по запискамъ, затѣмъ кандидаты, по большинству голосовъ, баллотируются шарами въ члены Совѣта; по выборѣ 10 лицъ баллотировка прекращается.

§ 20. Кандидаты поступаютъ поочереди въ отправленіе обязанностей членовъ Совѣта, въ случаѣ болѣзни, или отсутствія кого-либо изъ членовъ.

§ 21. Засѣданіе Совѣта считается состоявшимся, если въ немъ участвовало не менѣе трехъ членовъ.

Примѣчаніе. Въ засѣданіяхъ Совѣта могутъ участвовать съ правомъ совѣщательнаго голоса члены общества, не принадлежащіе къ составу Совѣта.

§ 22. Засѣданія Совѣта происходятъ по назначенію предсѣдателя по мѣрѣ надобности.

§ 23. Дѣла въ Совѣтѣ рѣшаются по большинству голосовъ; въ случаѣ равенства голосовъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

§ 24. Къ предметамъ занятій Совѣта относится: 1) разсмотрѣніе принятыхъ кѣмъ-либо изъ членовъ совѣта просьбъ о помощи и заявленій о нуждающихся; 2) собраніе всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній о положеніи нуждающихся; 3) составленіе и представленіе общему собранію докладовъ о разрѣшеніи выдачи пособій; 4) исполненіе постановленій общихъ собраній; 5) пріисканіе нуждающимся занятій; 6) выдача, въ крайнихъ случаяхъ, ссудъ изъ особо открытаго общимъ собраніемъ на сей предметъ кредита; 7) изысканіе мѣръ къ увеличенію средствъ общества; 8) назначеніе и устройство спектаклей, концертовъ, чтеній, аллегри и т. п.; 9) наблюденіе за цѣлостью денежныхъ средствъ и имущества общества и введеніе по онымъ счетоводства; 10) составленіе для общихъ собраній годового и частныхъ отчетовъ; 11) представленіе общему собранію соображеній объ измѣненіи и дополненіи устава.

§ 25. Отчеты общества печатаются въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ и другихъ періодическихъ изданіяхъ, по усмотрѣнію Совѣта, и представляются министерству внутреннихъ дѣлъ.

§ 26. Всѣ сношенія общества производятся отъ лица Совѣта за подписью предсѣдателя и секретаря.

§ 27. Всякое измѣненіе и дополненіе настоящаго устава, если встрѣтится въ томъ надобность, можетъ быть допущено не ин. какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ.

§ 28. Если по какимъ-либо обстоятельствамъ общество прек титъ свои дѣйствія, то весь принадлежащій ему капиталъ об щается по опредѣленію наличныхъ членовъ на употребленіе, со вѣтствующее цѣлямъ общества.

М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Пугачевцы. Историческій романъ. Соч. *Евг. Сальяса.* Четыре тома. М. 1874. Стр. 190, 199, 222 и 240. Ц. 5 руб.

Постановка историческихъ событій на сцену романа требуетъ отъ автора, сверхъ таланта, внимательнаго изученія избранной имъ эпохи, ея нравовъ и общественнаго быта. Новый и обширный трудъ гр. Сальяса свидѣтельствуетъ несомнѣнно и о томъ, и о другомъ. Авторъ переноситъ насъ ровно за сто лѣтъ предъ симъ и ставитъ посреди той народной смуты, которая недаромъ привлекала къ себѣ воображеніе Пушкина. Особенно удалось гр. Сальясу все то, что относится къ обрисовкѣ высшаго и средняго провинціальнаго общества, внезапно пораженнаго смутой. Сцены народной жизни всегда представляютъ опасность для авторовъ со стороны собственныхъ ихъ усилій заставить говорить и думать своихъ героевъ какимъ-нибудь особеннымъ образомъ, что̀ кончается иногда созданіемъ искусственной народной рѣчи и манеръ. Но недостатки такого рода искупаются въ романѣ гр. Сальяса крупными достоинствами, благодаря которымъ его добросовѣстный трудъ займетъ выгодное мѣсто въ нашей литературѣ и послужитъ намъ залогомъ будущей плодотворной его дѣятельности.

Международная научная библіотека. Выпускъ 1-й: *Вальтеръ Беджгогъ.* Естествознаніе и политика. Пер. съ англ. п. р. Д. А. Коропчевскаго. Спб. 1874. Стр. 328. Ц. 1 р. 50 к.

Три года тому назадъ было составлено международное издательское общество для совмѣстнаго выпуска ученыхъ работъ Англіи, Франціи и Германіи на трехъ языкахъ. Къ этому предпріятію присоединяется теперь и четвертый языкъ. „Научная Библіотека" должна служить вообще образованнымъ читателямъ, заинтересованнымъ новѣйшими успѣхами естественныхъ и общественныхъ наукъ, и потому общедоступность языка составляетъ главное условіе произведеній, помѣщаемыхъ на ея страницахъ. Трудъ Беджгота, по простотѣ и ясности своего изложенія и по общему характеру своей темы, служитъ какъ-бы предисловіемъ ко всему изданію. Авторъ пытается подвести итоги тому вліянію, какое оказалъ громадный успѣхъ естествознанія и его практическихъ примѣненій, въ формѣ желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ и т. д., на современныя политическія понятія и всю экономію нашей жизни, окруживъ насъ цѣлымъ роемъ новыхъ идей, которыя носятся вокругъ насъ и воздѣйствуютъ на наши нравы и складъ политической жизни. Главнымъ результатомъ современной мысли авторъ указываетъ наше стремленіе восходить во всемъ до первоначальныхъ источниковъ, и съ этой точки зрѣнія онъ излагаетъ свои мысли о примѣненіи началъ естественнаго подбора и наслѣдственности къ политическому обществу. Болѣе подробное изложеніе содержанія книги Беджгота читатели найдутъ у насъ въ апрѣльской книгѣ журнала за прошедшій годъ.

Сборникъ матеріаловъ для изученія Кавказскихъ минеральныхъ водъ. Т. I. Годъ 1873. Изд. *А. М. Байкова.* Спб. 1873. Стр. 412. Ц. 1 р. 50 к.

Въ однихъ Ессентукахъ, близъ Пятигорска, на пространствѣ 300 саженъ помѣщается чуть не вся Германія со всѣмъ ея разнообразіемъ минеральныхъ водъ, а окружности Пятигорска, верстъ на 20 отъ него, можно назвать водянымъ микрокосмомъ. Однимъ словомъ, богатство нашихъ Кавказскихъ водъ равняется одному только нашему же невѣдѣнію ихъ свойствъ, и большинство русскихъ врачей, имѣя передъ собою однѣ ученыя работы по заграничнымъ водамъ, естественно, могутъ указывать своимъ паціентамъ дорогу только на Вержболово. Настоящее изданіе, служа сборникомъ работъ нашихъ ученыхъ, какъ вообще по бальнеологіи, такъ и особенно по изслѣдованію кавказскихъ водъ, познакомитъ, наконецъ, большинство русскихъ врачей съ своими водами, а усиленное ихъ посѣщеніе доставитъ средства частной предпріимчивости завести въ Пятигорскѣ тотъ комфортъ жизни, къ развитію котораго на заграничныхъ водахъ русскіе путешественники оказали не мало содѣйствія. Научное значеніе „Сборника" заставляетъ только желать болѣе внимательнаго изданія текста, который въ первомъ выпускѣ страдаетъ опечатками, — впрочемъ, главнѣйшія изъ нихъ указаны.

Исторія франк-масонства отъ возникновенія его до настоящаго времени. *I. Г. Финделя.* Т. II. Спб. 1874. Стр. 310 и 63. Ц. 5 руб. за два тома.

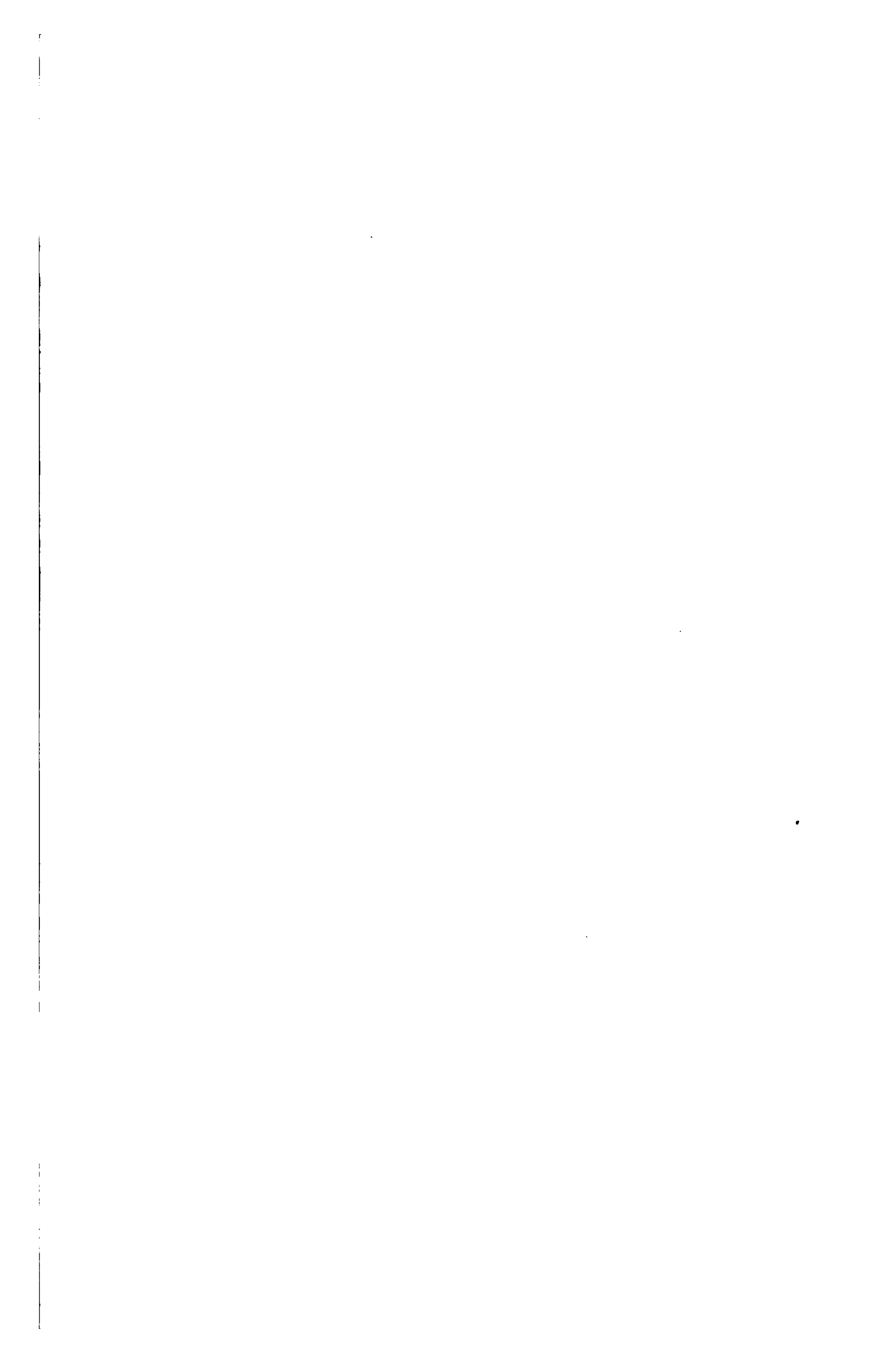
Переводъ извѣстнаго сочиненія Финделя начатъ давно: въ 1872 г. появился первый его томъ. Нынѣ вышедшій, второй томъ обнимаетъ собою два послѣдніе періода отъ 1783 до 1861 г.— когда былъ изданъ оригиналъ. Переводу второго тома предпослано предисловіе отъ издателя съ краткимъ очеркомъ исторіи русскаго масонства и съ практическимъ соображеніемъ, которое вызвано послѣднимъ рескриптомъ на имя министра народнаго просвѣщенія; издатель спрашиваетъ: „достаточно ли само дворянство признаетъ себя усовершенствованнымъ въ дѣлѣ нравственности", и заключаетъ такъ: „довѣряя дворянству въ возлагаемой на него важной миссіи, правительство могло бы также довѣрить ему и *организацію назиданія въ нравственности,* какъ по справедливости можетъ быть названо масонство въ его очищенной современной формѣ". По мнѣнію издателя, „франкмасонство также необходимо для интеллигентныхъ классовъ всякаго современнаго общества, какъ вообще необходима арена для всякой дѣятельности".

Сочиненія Генриха Гейне, въ переводѣ русскихъ писателей, подъ ред. *П. Вейнберга.* Т. XII. Спб. 1874. Стр. 328. Ц. 1 р. 25 к.

Двѣ трети этого тома занимаютъ поэма: „Атта-Троль", переведенная Д. И. Писаревымъ; „Лирическая Интермедія" и поэма „Бимини"— переводъ П. И. Вейнберга. Изъ менѣе крупныхъ укажемъ „Вицли-Пуцли", поэма, переведенная М. Л. Михайловымъ и „Испанскіе Атриды"— переводъ Л. А. Мея.

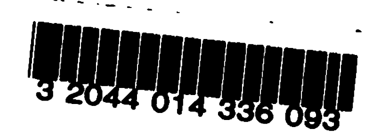
Устройство человѣческаго тѣла. Изд. редакціи „Природы". М. 1874. Ц. 1 руб.

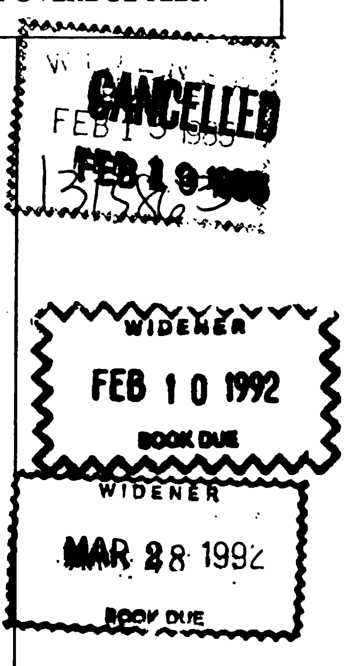
Это собственно атласъ, изъ котораго, при помощи раскладныхъ рисунковъ, получается самое наглядное понятіе о внутреннемъ строеніи человѣческаго тѣла. Особый текстъ объясняетъ подробности. При дешевой цѣнѣ и хорошемъ выполненіи рисунка, это—для ознакомленія съ организмомъ человѣка, превосходное пособіе, которымъ можно интересоваться, и помимо учебныхъ цѣлей.

3 2044 014 336 093

CANCELLED
WIDENER
FEB 10 1992
BOOK DUE
WIDENER
MAR 28 1992
BOOK DUE